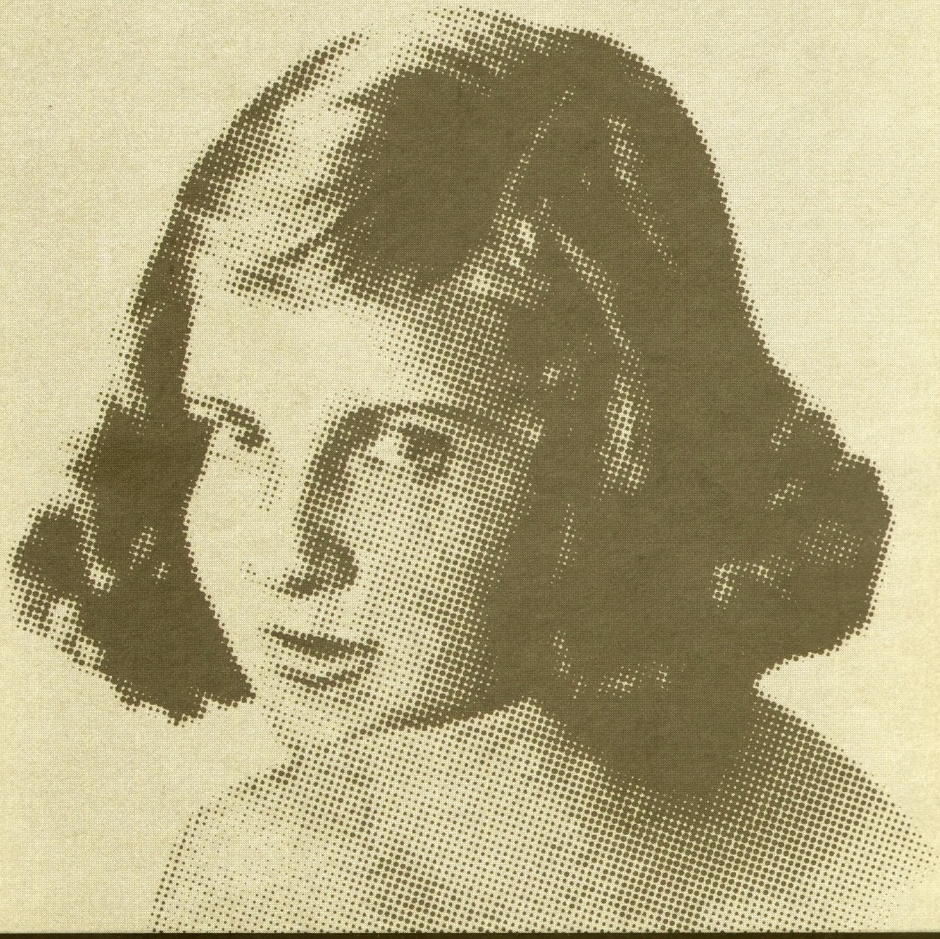


ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Анжела Ламберт

Загубленная жизнь ЕВЫ БРАУН

Издательство «КоЛибри»

Angela Lambert

The lost life of EVA BRAUN

Анжела Ламберт

Загубленная жизнь ЕВЫ БРАУН

перевод с английского
Екатерины
Владимирской

Издательство «КоЛибри»
Москва, 2008

УДК 94(100-87)+929Браун
ББК 63.3(4Гем)6-8
Л21

Серия основана
в 2005 году

This edition published by arrangement with
AP Watt Limited and Synopsis Literary Agency

Ведущий редактор серии
Григорий Дурново

Художественное оформление
и макет серии Лидии Левиной

Ламберт А.
Л21 Загубленная жизнь Евы Браун / Анжела Ламберт ; пер. с англ. Е.Владимирской. — М. : КоЛибри : 2008. — 592 с. — (Жизнеописания).
ISBN 978-5-98720-053-7

Любовница диктатора – всегда интригующий персонаж. Любовница Адольфа Гитлера – персонаж, окруженный зловещей аурой Третьего рейха, Холокоста и Второй мировой войны. Парадоксальным образом Еве Браун приписывали глупость и тщеславие, в то же время возлагая на нее долю ответственности за преступления нацизма. Но это никак не объясняет, почему молодая, здоровая женщина добровольно приняла смерть вместе с поверженным и разбитым фюрером.
Собирая по крупицам разрозненные сведения, тщательно анализируя надежность и достоверность каждого источника, английская журналистка и писательница Анжела Ламберт разрушает образ недалекой и бессловесной игрушки монстра, оставленный нам историей, чтобы показать иную Еву Браун: преданную и любящую женщину, наделенную куда большим мужеством и упрямством, чем полагали ее современники.

УДК 94(100-87)+929Браун
ББК 63.3(4Гем)6-8

ISBN 978-5-98720-053-7

Copyright © 2006 by Angela Lambert
© Е.Владимирская, перевод на русский язык, 2006
© ООО «Издательская Группа Аттикус», 2008
КоЛибри®

Моим дорогим немецким родственникам:
дедушке Вильгельму (Вилли) Шрёдеру
(8 февраля 1877 – 1959)
и двоюродной бабушке Элизабет (Лиди) Нойберт
(1895 – 12 июля 1981),
которые перенесли в Гамбурге все тяготы войны

Введение

Ева Браун не соответствует стереотипам. Ни образцом покладистой немецкой женщины, ни игрушкой порочного тирана ее назвать нельзя. И тем не менее роль любовницы Гитлера предопределяет восприятие Евы Браун как убежденной нацистки и расистки. Проводя исследование для этой книги, я с удивлением обнаружила: ничего подобного. Она была приличной, благовоспитанной девушкой из средних слоев общества, не имела предубеждений против евреев и никогда не вступала в ряды нацистской партии. Ей просто не повезло, она полюбила чудовище. Ради Гитлера Ева поступилась всем, что могло бы наполнить смыслом ее жизнь: браком, материнством, собственным домом, гордостью и одобрением родителей. И все ради того, чтобы следовать безымянной тенью за головокружительным восхождением и падением Гитлера. В апреле 1945-го, когда русская армия проходила по разрушенному Берлину, она вместе с ним покончила с собой в бункере. Она была его любовницей на протяжении четырнадцати лет, и практически никто во внешнем мире не знал ее ни по имени, ни в лицо. Гитлер так успешно прятал ее от взоров общественности, что она жила и умерла неизвестной. Меня заинтриговала ее совершеннейшая заурядность — банальность добродетели, если угодно. А также трудности на пути к разрешению загадки: кем была Ева Браун, разделяет ли она

вину Гитлера и нацистской партии за ужасы Второй мировой войны (прежде всего – истребление миллионов евреев и прочих), которые я называю Черными Событиями.

Случайное совпадение во времени странным образом сближает меня с этой девушкой, угодившей в центр общественного внимания из-за своей связи с Гитлером. Ева Браун появилась на свет 6 февраля 1912 года. Моя мать-немка Эдит Шрёдер родилась месяцем позже, 5 марта 1912 года. Обе происходили из семей среднего класса, имевших трех дочерей и ни одного сына. Обе были средними сестрами. Даже их старших сестер звали одинаково: Ильзе. Младшую сестру Евы Маргарете все называли Гретль, а мою тетю Гертруду знали как Трудль. События, влиявшие на юную Еву, точно так же сказывались на моей матери. В детстве они засыпали под одни и те же колыбельные, учились читать и писать по одним и тем же книгам. Они наверняка изучали одинаковые тексты в школе и носили похожие платья. Эти совпадения очень помогли написанию данной биографии. Немецкие девочки из среднего социального слоя, которым исполнилось двенадцать в 1924 году, семнадцать в 1929-м и двадцать один в 1933-м, неизбежно должны были иметь много общего. Рассказ о Еве оживляется аналогичными примерами из детства и юности моей матери. Ее личные воспоминания, словно увеличительное стекло, сделали ближе и доступнее жизненный путь, который я пыталась восстановить, спустя шестьдесят лет после смерти Евы.

Существует более семисот биографий Адольфа Гитлера, но моя история Евы Браун – вторая на английском языке и первая написанная женщиной. Известных фактов ее жизни едва ли хватило бы на одну главу. К моменту первой встречи с фюрером она была семнадцатилетней выпускницей монастырской школы, привлекательной,

но не красавицей, ограниченной вкусами своей социальной среды и своего возраста, отнюдь не готовой взвалить на себя бремя Истории. Однако тридцать три года между ее рождением и смертью пришлись на эпоху знаменательных и кровопролитных событий. Зрелые годы ее проходили бок о бок с самым отталкивающим, блестящим и могущественным человеком Европы. Никто из узкого круга его друзей и приверженцев не дал себе труда оставить сколько-нибудь подробные воспоминания о Еве. Большинство мужчин не удостаивали ее внимания, а женщины — в основном жены сподвижников Гитлера — насилу терпели ее. Она была настолько незаметной фигурой, что в июне 1944 года британская разведка все еще считала Еву Браун одной из секретарш Гитлера, хотя к тому времени она уже двенадцать лет как была его единственной любовницей.

Я начинала эту книгу, относительно мало зная о Третьем рейхе и событиях Второй мировой войны. Английским школьницам пятидесятых почти ничего не рассказывали о военной истории, помимо того успокаивающего факта, что мы всегда побеждали. В школьной библиотеке можно было найти несколько приукрашенных биографий молодых героев, таких, как пилоты Гай Гибсон и Леонард Чешир, но и только. Расспрашивать мою мать не имело смысла — она отмалчивалась или меняла тему разговора. Поэтому, взявшись за книгу, я обратилась к последним, самым компетентным исследователям той эпохи, Майклу Берли и Иану Кершоу, внимательно и с восхищением изучая и конспектируя их труды. Потом я читала Гитту Серени, ее вдохновенные хроники жизни Альберта Шпеера и Германии того времени. (Это Шпеер сказал: «Для историков будущего Ева Браун станет разочарованием». Как же он заблуждался.) По окончании работы над книгой моя «библиотека Гит-

лера и Евы» занимала несколько полок, но в основном я руководствовалась указаниями трех упомянутых писателей, которым выражаю искреннюю признательность за просвещение новичка.

Американский журналист Нерин Ган написал биографию Евы Браун в шестидесятых годах, когда многие из ее родных и друзей были еще живы. Исследовательские навыки газетного репортера помогли ему отыскать многих людей, состоявших в близких отношениях с Евой, и вызвать их на пространную беседу о ней. Все они к настоящему времени уже умерли, но я позаимствовала у Гана несколько эпизодов. Хотя, судя по возмущению родственников Евы тем, как журналист, по их мнению, «опошлил» ее жизнь, на него вряд ли можно полагаться как на достоверный источник информации. Его книга носит непринужденный, отнюдь не академический характер, в ней мало дат, ни единой сноски и никаких библиографических ссылок, так что ни одного его утверждения нельзя проверить. Даже фотография на обложке оказалась сфальсифицированной. Первая публикация биографии прошла практически незамеченной. Сейчас ее можно найти разве что в букинистических разделах книжных интернет-магазинов.

Скудной кучки официальных документов, проливающих свет на личность Евы, было явно недостаточно. Мне пришлось глубоко копать в поисках свидетельств — как письменных, так и устных — тех, кто хорошо знал Еву. Неожиданным подарком судьбы оказалась встреча с ее почти неизвестной младшей кузиной Гертрауд Вейскер, которой к тому времени было далеко за семьдесят. На нее я вышла благодаря кинорежиссеру Марион Милн, только что закончившей работу над завоевавшим призы документальным фильмом «Адольф и Ева», для которого она интервьюировала фрау Вейскер. 2 апреля 2001 года

я вылетела во Франкфурт, чтобы встретиться с давно забытой кузиной Евы в маленькой деревушке Эппельхайм, расположенной неподалеку от Гейдельберга. Фрау Вейскер была полна энергии, очень гостеприимна и сохранила кристально ясные воспоминания, поскольку более пятидесяти лет держала в тайне свою связь с семьей Браун. В возрасте двадцати лет она провела некоторое время наедине с Евой (если не считать слуг и охранников) в Бергхофе. Мы беседовали в течение нескольких часов. Из этого разговора я вынесла совершенно новое впечатление о молодой женщине, жившей в тени Гитлера. «Всю жизнь меня мучили мысли о том, что моя любимая кузина принесла свою жизнь в жертву палачу миллионов», — сказала фрау Вейскер. Мой интерес к Еве Браун зародился в тот апрельский день. Фрау Вейскер принесла из мансарды семейные альбомы с фотографиями улыбающейся Евы. Изображение стоящего рядом человека было аккуратно вырезано ножницами. В противовес обычной процедуре — как правило, Еву закрашивали на совместных фотографиях с фюрером — ее мать в буквальном смысле выкинула Гитлера из общей картины. Большинство немецких католиков его не жаловали, и семья Браун глубоко стыдилась связи дочери с Адольфом Гитлером.

В силу необходимости Гитлер часто фигурирует в моем повествовании, хотя я очень старалась сопротивляться магнетизму его личности и удерживать его на заднем плане. Ева Браун позволяет нам взглянуть на диктатора глазами любящей женщины. Рассматривая их отношения, начинаешь различать тайный облик Гитлера. Того, кто боялся близости с женщинами и ужасался перспективе отцовства. Сентиментального любителя собак, наслаждавшегося популярными шлягерами не меньше, чем операми Вагнера, смотревшего дрянные фильмы и читавшего рассказы о Диком Западе. Жаждавшего, несмотря на свою чудовищ-

ную сущность, лести и ласки. Любившего тихие вечера в Бергхофе в кругу верных друзей. Ева понимала, что даже диктаторам нужен домашний уют, и поставила себе задачу обеспечивать его Гитлеру. И она по-настоящему, безоглядно любила его.

Еву и ее современников следовало рассматривать в историческом контексте. За ее спиной возникали длинные колонны марширующих и поющих хором солдат, стадионы, где колонны гимнастов сходятся и расходятся, образуя нацистские символы, крестьяне и школьницы, пышущие здоровьем и энтузиазмом, фабричные рабочие, круглосуточно в поте лица производящие самолеты-истребители, танки, зенитные ракеты, униформы, сапоги — сапог вечно не хватало! — во славу фюрера и фатерланда. А в тени за ними — безликая масса, расползающаяся кровавым пятном. Все те, кого сочли недостойными жить и продолжать свой род в Тысячелетнем рейхе: умственно и физически неполноценные, гомосексуалисты, цыгане, католики, поляки, русские и миллионы евреев Европы, которых нормальные здравомыслящие немцы учились ненавидеть и убивать без малейших угрызений совести.

Моя мать всегда отказывалась говорить о судьбе своих еврейских одноклассников, с которыми играла в те дни, когда Гамбург еще был многонациональным либеральным городом. Воспользовавшись редким случаем, когда ей было за восемьдесят и склероз уже начал одолевать ее, я спросила (зная, что это, быть может, мой последний шанс), что же с ними сталось. Мама сказала:

— Они были из богатых семей... так что, когда началась война... они уехали... отдыхать.

— А ты потом еще встречалась с ними?

— Нет. Они так и не вернулись. Они же были евреи, понимаешь, они не могли приехать.

Моя мать любила вспоминать полные невинных радостей дни своего детства и юности. Ее рассказы, которые постоянно были на слуху, пока я росла, в точности совпадают с событиями из жизни Евы. Сейчас я жалею, что не спрашивала больше, не слушала внимательнее.

I

Последние дни невинности

Глава 1

Первая странная и роковая встреча

Улица Шеллингштрассе проходит с запада на восток через самое сердце Мюнхена, параллельно великолепному трио картинных галерей, известных вместе как Пинакотека. Это главная артерия района Швабинг, сочетающего атмосферу лондонских Блумсбери и Сохо, учености и беспечности. Немецкое слово *Schellen* может означать что угодно, от бубнового валета до колокольного звона — образы, характеризующие диссидентский, игривый дух улицы. На самом деле она, скорее всего, была просто названа в честь Фридриха Шеллинга, немецкого философа девятнадцатого века. Сейчас по всей улице тянется вереница баров (подают там чаще пиво, чем вино, это же Мюнхен), букинистических магазинов (лотки с засаленными книжками выставлены прямо на мостовую), кафе (с бесплатными газетами для постоянных клиентов), ресторанов и затрапезных магазинчиков поношенной одежды. Они обслуживают богемную толпу бедных студентов с близлежащих факультетов университета. С семнадцати до двадцати лет Ева Браун проводила на этой улице больше времени, чем где бы то ни было. Но не потому, что училась или развлекалась, а потому, что работала за стойкой «Фото Гофмана», процветающего магазина фотографических принадлежностей и фотоателье, занимавшего первый этаж и подвал дома №50. Сегодня тут нет никакого указателя, никакой таблички, сообщающей случай-

ному прохожему о том, что здесь в октябре 1929 года Ева Браун впервые встретилась лицом к лицу с Адольфом Гитлером.

Владелец ателье Генрих Гофман рано угадал в Гитлере потенциал политического лидера и культовой личности и заблаговременно утвердился в должности его официального фотографа еще в 1922 году, когда оратор-демагог из НСДАП (Национал-социалистической рабочей партии Германии, вскоре сокращенной до нацистской партии) едва ли казался достойным запечатления. В течение последующих двух десятилетий он отснял два с половиной миллиона фотографий фюрера, создавая всеобъемлющую историю человека и Рейха. К тому же он получал комиссионные с каждого проданного снимка, благодаря чему за десять лет сделался миллионером, а за следующие десять лет — мультимиллионером. «Хозяин и паразит» сосуществовали к взаимной выгоде. Они нуждались друг в друге. Гофман знал это и ревностно охранял свое привилегированное положение.

Ева увлекалась фотографией лет с тринадцати — с тех пор, как получила в подарок свой первый фотоаппарат. Через четыре года она перешла от расплывчатых фотографий смеющихся одноклассниц к более претенциозным снимкам позирующей на балконе семьи с грамотным освещением. Она фотографировала себя (ее неизменно излюбленный объект) перед зеркалом в карнавальном костюме или в новом вечернем платье. Ее отец надеялся поощрить этот маленький талант, а Ева была уверена, что учиться фотографии гораздо увлекательнее, чем прозябать секретаршей в каком-нибудь унылом бюро. «Фото Гофмана» удачно располагалось в центре студенческой и артистической жизни. Добраться до него из дома Ева могла, проехав несколько остановок на трамвае, или, если ей удавалось вовремя встать, — за двадцать минут быстрым шагом. Все

это привлекало ее, хотя и не совсем соответствовало ее тайным устремлениям.

Когда Ева Браун пришла устраиваться на работу в ателье к Гофману, ему понравились ее лицо и ее жизнерадостность. На этом шатком основании ее и приняли. Она приступила к работе в начале октября 1929 года в качестве младшей ассистентки и ученицы в ателье и соседней темной комнате. В ее обязанности входило стоять за стойкой, печатать счета, сортировать документы, осваивать процесс съемки и печатать фотографии, выполнять мелкие поручения и время от времени позировать свому работодателю — разумеется, всегда полностью одетой.

Памятный октябрьский вечер 1929 года. Ева работала в ателье всего две-три недели, когда Гитлер прибыл из «Коричневого дома», штаб-квартиры нацистской партии, находившейся чуть выше по Шеллингштрассе, чтобы отобрать фотографии из последней сессии. Он был первым политиком, осознавшим важность создания правильного имиджа, и придирчиво оценивал каждый снимок. Зная о непривлекательности своего носа луковицей и необычно широких ноздрей (усы должны были скрадывать их), он строго контролировал свой образ, решая, каким надлежит его представить немецкому народу, и бракуя всякую фотографию, выставлявшую его в невыгодном свете. С лучших негативов печатались официальные портреты.

Гитлер явился к Гофману под покровом сумерек, незадолго до закрытия. Когда он вошел в ателье, Ева ничуть не смутилась при виде незнакомца, с которым ее начальник был всегда так любезен и предупредителен. Она была воспитанной девушкой, родители и монастырская школа привили ей хорошие манеры. Поэтому она была вежлива с Гитлером, хотя понятия не имела, кто он такой. По-видимому, в тот вечер она рассказала своей сестре Ильзе:

Я залезла на стремянку, чтобы достать папки с верхних полок стеллажа. И тут вошел начальник в сопровождении немолодого мужчины в светлом английском пальто и с большой фетровой шляпой в руках. Они уселись в противоположном конце комнаты. Я поглядывала на них и заметила, что этот тип смотрит на мои ноги. Как раз в тот день я укоротила юбку и немного смущалась, так как не была уверена, что подшила край ровно.

Она спустилась с лесенки, и Гофман подобострастно представил ее: «Наша милая маленькая фрейлейн Ева...» А затем познакомил ее с гостем, которого назвал «господин Вольф». Это был любимый псевдоним Гитлера, составляющая той ауры черного романтизма, которой он так старательно окружал себя.

В служебные обязанности Евы входили проявка, печать и копирование снимков, в том числе и фотографий Гитлера. Она часами стояла под рубиново-красным светом в темной комнате, разглядывая резко пахнущие химикалии, расставляя их вокруг проявочного бачка, наблюдая, как темнеют белые листы фотобумаги, как на них проступает суровое лицо Адольфа Гитлера. Этому твердому неулыбчивому взгляду гипнотической силы предстояло глубоко врезаться в сознание каждого немца. Пока Ева выполняла свою работу, склонившись над бачком и отсчитывая секунды до полного проявления снимка и его бесконечных повторений, черты Гитлера запечатлевались в ее памяти, как водяные знаки на бумаге.

Позже Генрих Гофман описывал Еву, какой она была в то время:

Несмотря на свои девятнадцать лет, она сохраняла в своем облике что-то детское и наивное. Будучи среднего роста, она очень заботилась о своей стройной и изящной фигу-

ре. Голубые глаза на круглом личике, обрамленном темно-пепельными кудрями, – куколка, иначе не скажешь. Безликий тип миловидности с конфетной коробки. <...> Тогда она еще не пристрастилась к губной помаде и лаку для ногтей.

Ее младшая кузина Гертрауд Вейскер, источник глубоко личных впечатлений о Еве Браун, говорила:

Она мечтала о творческой карьере в области фотографии или кино. На двенадцать лет меня старше, она с детства была моим кумиром. Тщеславием не страдала, но хорошо осознавала, какое впечатление производит на окружающих ее «мечтательная красота». Уже в те дни она была изящной и женственной, заботилась о своей внешности. Интересовалась одеждой и модой, обожала спорт, ей нравилось фотографировать. Это был ее мир. <...> Когда они встретились с Гитлером, она была здоровой молодой девушкой, *полной жизни и любопытства. Она была спортивна* – ездила на велосипеде к близлежащим озерам и, как и я, и мои родители, лазила по горам, ночуя в хижинах... Она просто была очень милая девочка.

Следует должным образом представить ее нового работодателя. Он был единственным свидетелем первой встречи Адольфа и Евы, поощрял их взаимоотношения и играл немаловажную роль в дальнейшей жизни обоих.

Одним из первых вступивший в 1920 году в только что основанную НСДАП, или нацистскую партию, Генрих Гофман был на четыре года старше Гитлера. Его отец служил придворным фотографом при принце-регенте Луитпольде и короле Людвиге III. Генрих с детства работал в семейном ателье. В 1908 году он открыл собственное предприятие на Шеллингштрассе, 33, затем переехал в более просторное помещение в доме №50. Во время Первой мировой войны

он состоял при Баварской армии в качестве официального оператора. С Адольфом Гитлером он познакомился в 1919 году, когда тому было тридцать лет, и двое мужчин сразу же прониклись взаимной симпатией. Встреча положила начало дружбе на всю жизнь.

Великодушный и общительный, Генрих Гофман вместе с тем был и честолюбивым, ловким манипулятором, умеющим извлекать выгоду из людей и ситуаций. К началу их взаимоотношений с Гитлером он уже слыл уважаемым и процветающим предпринимателем, в то время как будущий фюрер годами не видел простой домашней обстановки. С 1920 года невзрачный и пока что мало кому известный Адольф стал постоянным гостем в доме Гофмана, где наслаждался щедрым гостеприимством его первой жены, очаровательной Лелли, и играл с его двумя маленькими детьми, Генриеттой (Хенни) и Генрихом (Хайни). Семейный особняк в престижном мюнхенском пригороде Богенхаузен стал для него раем, местом, где он мог расслабиться, отведать вкусного домашнего печенья и поговорить об искусстве и музыке — оба приятеля считали себя экспертами в этих областях. Вскоре Гитлер уже проводил на вилле Гофманов столько времени, что она почти заменяла ему дом.

Даже в те прежние дни Гофман не отличался особой воздержанностью, а после смерти Лелли в 1928 году и вовсе скатился от изысканных удовольствий к вульгарному пьянству. И все же он оставался одним из самых близких сподвижников Гитлера. (Не «друзей» только потому, что вряд ли Гитлер способен был на настоящую дружбу.) Его портреты фюрера продавались десятками тысяч, открытки — миллионами. Гофман умело подчеркивал притягательность облика Гитлера героическими позами и искусственным освещением, превращая своего предводителя в последнего и величайшего из тевтонских рыцарей. Прильнув к объективу, он создавал в своем фотоателье мифического,

долгожданного вождя, судьбою предназначенного вести Германию к сияющему тысячелетнему будущему.

В 1929 году, когда Гитлер впервые столкнулся с простодушной Евой Браун, он уже был хорошо известен в Мюнхене как оратор и вдохновитель НСДАП. Его лицо должно было быть знакомо Еве по фотографиям Гофмана, газетам и плакатам, однако она его не узнала. Ева, хотя и выросла в городе, где зародилась и набирала мощь нацистская партия, мало интересовалась политикой, и ее познания в этой области были чрезвычайно скудны. Ее семья питала неприязнь и недоверие к нацистам, а те, в свою очередь, презирали христианство за иудейские корни. Если имя Гитлера и упоминалось у Евы дома, то ее отец Фритц Браун наверняка отказывался его обсуждать. В момент первой встречи Ева и представить себе не могла (да и кто угодно на ее месте не смог бы), какие зверства в дальнейшем учинит Гитлер. Даже если бы читала «Майн Кампф», чего она совершенно точно не делала. Проповеди в ее монастыре упоминали Сатану и кошмарные образы геенны огненной, предрекающие газовые камеры Освенцима. Однако в 1929 году никто еще не подозревал о надвигающихся ужасах, кроме нескольких близких соратников Гитлера, которые не ограничивались бытовым антисемитизмом, но стремились к полному уничтожению евреев. Сейчас, в свете всего, что мы знаем о Второй мировой войне, о трагическом десятилетии между 1935 и 1945 годами, невозможно смотреть на Гитлера иначе, чем сквозь призму истории. Но в то время он производил совсем иное впечатление. Являясь харизматической фигурой в глазах общества, он был не менее обаятелен и в личном плане.

Тем, кто считает его воплощением мирового зла, это может показаться богохульством, но на самом деле фюрер Германии отнюдь не был зловещим и отвратительным. И уж тем более не соответствовал образу нелепого ма-

ленького человечка с прилизанной челкой на лбу и усами щеткой, созданному Чарли Чаплином в «Великом диктаторе». Совсем наоборот. Гитлер был очень привлекательным мужчиной, особенно для молодых впечатлительных дам, которых ему нравилось очаровывать. Все единодушно утверждали, что взгляд его голубых, как незабудки, глаз обладал гипнотической силой. Как все влиятельные люди, особенно политики, Гитлер создавал вокруг себя «силовое поле», которому невозможно было противостоять. При первой встрече он должен был произвести неотразимое впечатление на доверчивую юную барышню, только что покинувшую монастырские стены. Гитта Серени, чьи книги бичуют кровожадный фашистский режим, сказала мне: «По поводу его внешности. Я однажды видела его – в Берлине, в 1940 году. И была очень удивлена тем, как хорошо он выглядит. Он вовсе не был безобразен. Напротив – прилично одет, крайне чистоплотен. От него исходил свежий запах мыла, хотя он и страдал от дурного запаха изо рта, с которым боролся, постоянно чистя зубы». Она изрекла неприятную истину:

> Власть очень притягательна, знаете ли. Это мощнейший сексуальный стимул. И Гитлер, бесспорно, обладал неотразимым шармом. Он был намного, намного проницательнее, чем люди привыкли думать о нем. Он был человеком исключительного ума – и монстром. Ему нравилось находиться в женском обществе, он обожал вести светские беседы, целовать ручки и тому подобное. И он в высшей степени любезно вел себя с окружающими.

Таким вот мужчиной, а вовсе не чудовищем, предстал перед Евой так называемый «господин Вольф».

И все же остается загадкой, чем сумел так приворожить к себе семнадцатилетнюю мечтательницу мужчина

на много лет ее старше. Само собой, неискушенной девице льстит любое проявление мужского интереса, но здесь мы имеем дело с чем-то большим. Можно с пафосом утверждать, что он был предназначен Еве судьбой – так же, как и Германии. Их отношения тем и интересны, что обращение Гитлера с этой женщиной отображает в миниатюре тот способ (обольщение – покорение – разрушение), которым он совратил и довел до беды немецкий народ.

Роскошный дом Гофмана находился на улице Шнорр-штрассе, в пяти минутах ходьбы от ателье и в удобной близости от штаб-квартиры партии. Именно там Гитлер познакомился с единомышленниками Эрнстом Рёмом и Бернхардом Штемпфле, сыгравшими ключевую роль в формировании его политической философии. За пивом и сигарами (за исключением Гитлера, не выносившего табака и крепких напитков) они восторженно и многословно рисовали картины великого будущего национал-социалистов, в которое тогда еще верили всего несколько тысяч неофитов. Созданием этого нацистского «салона» Гофман способствовал формированию идеологии расизма.

В остальное время его дом был просто семейным очагом, где фюрер, с юных лет практически бездомный, мог расслабиться и отдохнуть. Альберт Шпеер позже вспоминал:

> После обеда в ресторане *Osteria Bavaria* он уезжал в гости к своему фотографу, в Богенхаузен. В хорошую погоду кофе подавали в маленьком саду Гофмана. Окруженный другими садами и виллами, сад занимал не больше 2000 квадратных футов. Гитлер вечно отказывался от пирога, но в конце концов, осыпая комплиментами фрау Гофман, позволял положить себе кусочек на тарелку. Если солнце припекало, фюрер и рейхсканцлер, бывало, даже снимал пальто и растягивался на траве в одной рубашке. У Гофманов он чувствовал себя как дома.

Гитлер называл их дочку Хенни, которая была ровно на год моложе Евы, *mein Sonnenschein* (мой солнечный лучик) и был так привязан к ней, что отец какое-то время надеялся на предложение руки и сердца. Но эти амбиции заходили слишком далеко. Гитлер не искал связи, не говоря уже о браке, ни с малышкой Хенни, ни тем более с какой-нибудь «альфа-волчицей», чей ум не уступал красоте. Он не был готов к супружеской жизни, ни сейчас, ни после, по причинам, о которых не подозревал даже Гофман.

Когда на сцене появилась Ева Браун, друзья и помощники Гитлера отнеслись к ней пренебрежительно, как к легкомысленной пустышке. Они предпочли бы видеть рядом с фюрером женщину утонченную, элегантную, изысканную и не догадывались, что именно из-за отсутствия этих качеств Ева так подходила ему. При всем при том Гитлер мог бы никогда и не выбрать ее, если бы она упорно не преследовала его в течение последующих двух лет. Ей немало помогали интриги Гофмана, который старался как можно чаще привлекать к ней внимание Гитлера. Герберт Дёринг, знавший обоих мужчин с двадцатых годов, вспоминал:

> Моя жена и сестра Гитлера после войны не переставали повторять, что при нормальном стечении обстоятельств Гитлер и Ева Браун нипочем бы не сошлись. Но Гофман так искусно, словно на серебряном блюдечке, преподносил ее, так настойчиво предлагал, что Гитлер попался на приманку.

Либидо Гитлера, судя по его длительным периодам воздержания, скорее всего, никогда не было особенно сильным. Но если он и чувствовал сексуальное влечение, то неизменно к девушкам вдвое моложе: шестнадцатилетняя не казалась ему ребенком, а двадцатилетняя была чуть ли не слишком стара. Дочь Генриха Гофмана Генриетта помнила, как столкнулась с ним в ночной рубашке, когда ей было

всего двенадцать лет (это, судя по всему, произошло где-то в 1924 году, когда Гитлер был частым гостем в доме Гофмана), и он попросил разрешения поцеловать ее. Она в ужасе воскликнула: «Нет!» — и он не стал настаивать. Осенью 1926 года, когда ему было тридцать семь, у него случился коротенький роман с шестнадцатилетней Марией (Мими) Райтер, с которой он познакомился в Берхтесгадене. Они зашли не дальше поцелуев на лесной поляне. Это было мимолетное приключение, Гитлер не искал продолжения. Мария же восприняла все настолько серьезно, что, не дождавшись предложения, попыталась наложить на себя руки. Кроме Марии, по словам Анны Винтер, ставшей позже экономкой Гитлера в Мюнхене, до сорока лет у него была всего одна подружка — очаровательная девушка-подросток по имени Ада Кляйн, которая, понимая, что Гитлер на ней никогда не женится, благоразумно вышла замуж за другого. Как и его отец, Адольф предпочитал девственниц, податливых и безобидных, но в отличие от него скорее потому, что сам очень долго оставался девственником. Сексуально искушенная женщина представляла бы слишком большую угрозу. За исключением, возможно, умудренной опытом Винифред Вагнер, фюрер ни разу не рискнул вступить в связь с ровесницей. И даже Винифред была на восемь лет его моложе, хотя из-за массивной фигуры и строгой прически выглядела старше своего возраста.

Генрих Гофман описывал — задним числом, без сомнения, — первое впечатление, произведенное Евой Браун на Гитлера, не упоминая о своей роли сводника: «Милая. Милая и очаровательная. Блондинка. При следующей встрече Гитлер подарил ей билеты в театр. Наконец, пригласил в гости в свою мюнхенскую квартиру. Кто-то должен был присутствовать в качестве дуэньи. В то время он проявлял редкостную щепетильность в подобных делах». Позже он записал в своих мемуарах:

> Гитлер знал всех моих служащих. У меня же он впервые встретил Еву Браун, с которой порой болтал о всяких пустяках. Иногда он выглядывал из своей раковины и отпускал ей какой-нибудь незначительный комплимент из тех, что любил делать женщинам. Ни я сам, ни кто-либо из моих подчиненных не замечал, чтобы он оказывал ей какое-то особое внимание. Но Ева воспринимала ситуацию иначе: она рассказала всем своим друзьям, что Гитлер безумно влюблен в нее и что она <...> выйдет за него замуж.

Вопреки фотографиям, снятым в пивных и ночных клубах, на которых Ева обнимается с рослыми улыбающимися юнцами, романтическое клише, похоже, оправдало себя: в лице Адольфа Гитлера Ева Браун встретила свою судьбу.

Ее кузина Гертрауд вспоминала: «Если вы посмотрите старые фильмы про девочек из отрядов гитлерюгенда, то заметите, что в моде были косички. Они символизировали естественность и невинность. Нам внушали, что немецкая женщина не курит, не пьет и не красится. Но Ева никогда не соответствовала этому стереотипу». Как и нацистские предписания, Фритц Браун не одобрял макияжа. Но это всего лишь вынуждало Еву наносить губную помаду и румяна и брызгаться духами, являясь на вечерние мероприятия — в кино, оперу, клуб или на вечеринку, — и умываться в дамской комнате перед уходом домой. Гитлер мог сколько угодно пропагандировать облик чистенькой доярки, но его самого такие женщины привлекали редко. Ева ловко уклонялась от строгих правил отца. Она обожала косметику и пользовалась ею всю жизнь, не считаясь со взглядами ни Фритца Брауна, ни Гитлера. Попытки того и другого сломить ее упрямство никогда не увенчивались полным успехом.

Моя мать Эдит Шрёдер, которую все всегда звали Дита, была такой же здоровой, жизнерадостной, спортивной девушкой. Ее представления о развлечениях включали катание во взятой напрокат лодке по гамбургскому озеру Альстер в компании молодого человека, долгие загородные прогулки, плавание летом и веселье на городском катке зимой. В отношении к своей внешности она была полной противоположностью Еве. Косметика ее никогда не интересовала, что и к лучшему, поскольку ее отец такого бы не потерпел. С ее отроческих фотографий смотрит типичная Ингрид Бергман, хотя черты ее грубее, выражение лица проще, и она не обладает трогательной красотой актрисы. Единственной косметикой, которой она пользовалась (будучи гораздо старше), была темно-красная помада, намазанная забавными пунктирными прикосновениями, как многоточие... Мягкой пуховкой она наносила розовую пудру на нос и щеки, забивая поры крошечными крупинками.

Кузина Евы Гертрауд убеждена, что «одной из причин того, что она вступила в связь с Гитлером, не достигнув и двадцати лет, было желание сбежать от отца и семьи». Девушки, страдающие от чрезмерной строгости отца, часто тянутся к авторитарным мужчинам, только чтобы в конце концов обнаружить, что попали из огня да в полымя. Жесткий отцовский контроль подсознательно подготовил Еву к взаимоотношениям с Гитлером. В семнадцать она уже не один год как сопротивлялась давлению авторитетов — отца и религии. И она не могла выбрать возлюбленного с более навязчивой манией контроля, чем у Адольфа Гитлера.

Глава 2

Семья Евы

Ночью 6 февраля 1912 года, когда родилась Ева Браун, в Мюнхене шел дождь – холодная зимняя изморось. Пока повивальная бабка помогала Фанни (Франциске) преодолеть муки долгих родов, ее муж Фритц нетерпеливо ожидал в соседней комнате. У него уже была трехлетняя дочка, и он очень надеялся на сына. Его теща Йозефа Кронбургер, сидевшая рядом, уверяла, что родится мальчик, хотя на самом деле в ее семье всегда преобладали девочки; она сама имела пять дочерей. Родители решили, если ребенок, пробивающий себе дорогу в мир, будет мужского пола, назвать его Рудольфом в честь кронпринца Габсбургского, который покончил с собой вместе с любовницей в Майерлинге. Сразу приходит в голову: зловещий выбор. Зачем называть малыша в честь разочарованного принца, окончившего жизнь самоубийством? Однако в 2 часа 22 минуты утра в руки повитухе выскользнула здоровая девочка. Она весила пять с половиной кило, и родители назвали ее Ева (она первая в своем роду носила это имя) Анна (в честь одной из ее тетушек Кронбургер) Паула (в честь другой). Ева Анна Паула Браун: добротное, солидное, банальное имя. Судя по ее первой фотографии, она была на редкость уродливым младенцем.

Брауны поженились в июле 1908 года: двадцатидевятилетний Фритц на шесть лет старше своей невесты. Оба были усердные труженики – немецкое прилагательное

fleissig ассоциируется с индустриальным обществом, честностью и респектабельностью. Мать Евы Франциска, урожденная Кронбургер и всю жизнь известная как Фанни, происходила из чрезвычайно набожной католической семьи. (Одна из ее сестер, Анни, впоследствии стала монахиней в Айхштетте.) Они были так глубоко преданы Римской католической церкви, что Фанни и помыслить не могла об отказе от своей веры. Фритц, воспитанный в лоне благочестивой, но более терпимой лютеранской церкви, охотно позволил жене растить детей в духе римского католичества, но сам не стал менять вероисповедание. Как любой немецкий муж того времени, он, разумеется, намеревался единолично управлять семьей, однако в вопросах религии уступал супруге. Именно католицизму Фанни, поощряемому ее матерью и четырьмя сестрами, а не лютеранской непреклонности Фритца суждено было сказаться на жизненном пути их детей. Еву Анну Паулу Браун нескольких недель от роду крестили в Римской католической церкви. Тетя Паула стала ее крестной матерью.

Родители Евы выросли в Германии, стоящей на пороге Первой мировой войны, с богатой самобытной культурой и разбитой на классы социальной структурой, где господствовали аристократия, военные и духовенство. Ева родилась в солидном, благочинном обществе, настолько отличном от того, что пришло ему на смену двадцать лет спустя, что с трудом верится в существование такого образа жизни чуть меньше века назад. В 1912 году только что объединенная Германия была империей под скипетром кайзера Вильгельма II, чье правительство проводило стремительное перевооружение, усиливало флот и вынуждало своего соперника, Британию, следовать этому примеру. В стране господствовал суровый, иерархический, бескомпромиссный уклад. Старые основы – вера в Бога и главенство аристократии – были потрясены кровавыми подви-

гами анархистов на рубеже веков и расшатаны первыми предвестниками революции в России. Но терпимость к меньшинствам пока еще оставалась нормой, евреев не выставляли на публичное поругание и не преследовали, и провинция Бавария была стабильной, процветающей и культурной — не хуже любого другого места в Германии для начала жизненного пути.

Фритц Браун происходил из соседней Швабии, провинции, лежащей на северо-западе от Баварии. Швабы славились как умельцы и рачительные хозяева. Этими качествами Фритц обладал в полной мере. В юности он был бережлив и воздержан, остро ощущал свой гражданский долг и склонялся к идеализированию прошлого, которое всегда казалось временем более простым и понятным. Ему легче жилось в рамках иерархии, где каждый знал свое место. Его состоятельные родители владели мебельным заводом в Штутгарте и надеялись, что сын пойдет по их стопам. Брат-близнец Фритца в молодости эмигрировал в Южную Америку, сестра Иоганна жила в Штутгарте и не имела детей. Фритц, очевидно, был своеволен с ранних лет. Он мечтал стать архитектором, а не продавать мебель. Понимая, что это за пределами его возможностей (Гитлер питал те же амбиции и тоже оказался не в состоянии их реализовать), он выбрал взамен карьеру учителя. Надо полагать, это решение испортило его отношения с родителями, поскольку, получив диплом, он ушел из дома и начал работать учителем в Вюртемберге, а затем переехал в Мюнхен, чтобы преподавать в *Fachhochschule*, техническом училище. Через несколько лет он познакомился с Фанни Кронбургер, стал ухаживать за ней и женился.

Их три дочери родились в 1909 (Ильзе), 1912 (Ева) и 1915 (Гретль) годах. Девочки редко встречались с бабкой и дедом со стороны отца. Штутгарт — большой город в 137 милях к северо-западу от Мюнхена, а родители

Фанни жили в сельской местности среди буйной зелени, холмов и долин — что гораздо ближе, а также гораздо увлекательнее и полезнее для здоровья детей, чем городские условия. Возможно, из-за того, что Байльнгрис, где проживали родители Фанни, был доступнее, или потому, что привязанность женщины к матери крепнет, когда у нее самой появляются дети, или же просто потому, что Фритц не поддерживал тесных отношений с родителями, которые в любом случае не могли позволить себе оставить дело ради долгого летнего отпуска, — какова бы ни была причина, семья Браун проводила каждое лето с бабушкой и дедушкой Кронбургер.

Когда Ева появилась на свет, ее старшей сестре Ильзе было почти три года. Третьей и последней родилась Маргарете, которую все звали Гретль. Фритц Браун перестал надеяться на сына. Две младшие дочери были очень близки, почти как двойняшки. Ильзе, пусть старше и умнее, очень обижалась, что эта неразлучная хихикающая парочка обходит ее стороной. Тем не менее в эпоху, когда многие дети еще должны были обращаться к родителям официально: *Herr Vater* и *Frau Mutter* — как делала сама Фанни, — семья Браун могла считаться любящей и теплой. Молодые родители проводили много времени со своими детьми. Ласковая Фанни смягчала суровость Фритца, и это было очень кстати, поскольку Ева отличалась прямо-таки ослиным упрямством. Бородатый семейный анекдот повествует о том, как Фанни, доведенная до отчаяния неуступчивостью дочери в каком-то будничном споре, окунула ее в ванну с холодной водой. Это не помогло. Ничто не могло сдвинуть Еву с однажды выбранной позиции.

Фанни была идеальной матерью — жизнерадостной и веселой, любящей развлечения, легкой в общении, уравновешенной. Она пополняла семейный бюджет шитьем или, позже, сдачей в аренду комнат и изо всех сил старалась

сохранять дом в чистоте и сытости, а также по возможности поддерживать в семье мир. От отца она унаследовала интерес к искусству и разделяла его любовь к изяществу и комфорту. Эти черты передались и дочерям. Их кузина Гертрауд помнит, как девочки смеялись вместе с ней над шутками. «Она была веселой и счастливой матерью». Фанни училась на портниху, и семейные фотоальбомы полны снимков дочерей, красующихся в сшитых ею платьях. Фритц приобрел красивого полосатого кота, получившего кличку *Schnurrlei der Kater* (Кот-Мурлыка), и на нескольких ранних фотографиях Ева крепко обнимает его. *Слишком* крепко.

Дед Евы со стороны матери Франц-Пауль Кронбургер, несмотря на небольшой рост и хрупкое сложение, был заметной фигурой в жизни всех членов семьи. Он родился в 1858 году в семье мясника первым из девятнадцати детей (восемь из них умерли в детстве). Все его братья овладели различными профессиями. Сам Франц-Пауль стал ветеринарным врачом, добился звания «доктор ветеринарии Кронбургер» и привилегии добавлять к нему почетное «Имперский и Королевский Ветеринарии Советник». Каждый год в честь дня рождения кайзера он надевал положенные ему по статусу придворные регалии, нелепый парадный головной убор *Picklhaube* (напоминающий каску) и шпагу. Франц-Пауль удачно женился. Его жена Йозефа, семью годами старше, происходила из уважаемой семьи часовщиков. Ее брат Алоис Винбауэр числился среди ювелиров австрийского императора Франца Иосифа в эпоху, когда связи при дворе обеспечивали весомый авторитет. К моменту свадьбы Йозефе Винбауэр уже исполнилось тридцать лет — по тем временам почти старая дева. Должно быть, она была благодарна Францу-Паулю за то, что он взял ее в жены, но не имела причин чувствовать себя в чем-либо ниже супруга.

«Господин доктор ветеринарии Кронбургер» был бы, наверное, не прочь основать собственную династию из пяти, а то и шести крепких, здоровых сыновей. Один пошел бы по его стопам в ветеринарном деле, другие, унаследовавшие ум и трудолюбие, могли бы стать врачами, юристами или фармацевтами. Склонный к ручному, а не интеллектуальному труду учился бы на часовщика, а младший в угоду матери принял бы церковный сан. Но его планы расстроило рождение пяти дочерей подряд в течение девяти лет: Йозефы (по прозвищу Пепи), Франциски (Фанни), Анни, Паулы и Берты. (Шестым и последним ребенком стал долгожданный мальчик Франц, но он внезапно умер — неизвестно, от чего — в возрасте полутора лет.) Францу-Паулю ничего не оставалось, кроме как управлять семьей из шести женщин. Но он не притеснял ни девочек, ни жену. Йозефа — добрая женщина с сильным характером и набожная католичка — была прекрасной домохозяйкой и организатором. Всего пара деревенских девушек помогала ей по дому, когда вся семья наезжала гостить в Байльнгрис — а это случалось по меньшей мере дважды в год. Младшие кузены Евы, Гертрауд и сын тети Берты Вилли, а также ее дядя Алоис (единственный сын брата Йозефы, 1896 года рождения, на шестнадцать лет старше Евы) и все их родители проводили здесь каждую Пасху, Рождество и летние каникулы. В большом старом доме Кронбургеров было восемь или десять спален, а в ветеринарной клинике на первом этаже вечно толпились люди и животные со всевозможными травмами и болезнями, что привлекало Еву, учитывая ее любовь к живности и к суете. Во дворике за кухней кудахтали куры, сопротивляющихся кроликов разрешалось вытаскивать из клетки и гладить, а протекающая неподалеку речка манила купаться и удить рыбу.

Алоис с нежностью вспоминает свою тетю Йозефу:

> Она была выточена из самого мягкого дерева... обходительная, ласковая и глубоко религиозная женщина, вечно в тревоге за своих дочерей. Ее ровный характер сглаживал крутой нрав супруга, поддерживая мир и гармонию в семье. Она играла роль посредника между авторитарным отцом семейства и девочками, каждая из которых обладала твердой волей. У нее было доброе сердце, чувство юмора, способное сгладить любой конфликт, и инстинктивное понимание того, что действительно имеет значение в жизни. Благодаря этим качествам ей удалось создать теплую семейную атмосферу и гостеприимный дом, всегда открытый для близких.

В возрасте далеко за шестьдесят и даже за семьдесят бабушка Кронбургер продолжала главенствовать над четырьмя семьями, незамужними дочерьми и мужем, требующим больше всего внимания. Все обожали ее за доброту и гостеприимство. Умерла она в 1927 году, оставив в наследство дочерям свой щедрый характер, а двум из них (включая Фанни) и одной внучке (Ильзе) — еще и ястребиный профиль.

Франц-Пауль играл активную и жизненно важную роль в воспитании своих дочерей, хотя всегда сохранял определенную дистанцию, привив девочкам манеру уважительно обращаться к родителям на «вы», вместо фамильярного «ты». Он всей душой верил в необходимость образования и обучил всех пятерых латыни и греческому языку. Обычные школы для девочек не включали этих предметов в программу, тем более в таком местечке, как Байльнгрис, маленьком баварском городке, где Франц-Пауль с женой жили и растили детей в большом доме по адресу Хауптштрассе, 1. В то время женщины редко получали классическое образование. «Мой дедушка Кронбургер придерживался очень

прогрессивных взглядов на образование женщин, — говорит Гертрауд Вейскер, — и настаивал, чтобы все его дочери приобретали навыки, которые позволят им освоить профессию и при необходимости самим содержать себя».

Франц-Пауль был высшим авторитетом в глазах своих дочерей, а может быть, и внучек — старомодный деспот, преданно служащий как императору, так и своим деревенским пациентам. Как бы ни изменялась политическая обстановка за время его жизни — а прожил он до 1933 года, когда Гитлер стал канцлером, — он продолжал верить в упорядоченное общество, основанное на строгой иерархии, где каждому отведены свои права и обязанности. И никогда не сомневался в своей принадлежности к высшим кругам. Так или иначе, Байльнгрис благоговел перед ним. Его побаивались из-за взрывного темперамента и неоценимого значения в жизни крестьян, его уважали за опыт и компетентность в лечении животных. Не важно, что к старости «господин доктор ветеринарии» становился все высокомернее и эксцентричнее — он часто разгуливал в ярких старомодных костюмах и отрастил длинную рыжую бороду. Это ничуть не умалило всеобщего почтения.

На воскресные прогулки Франц-Пауль Кронбургер надевал широкий зеленый непромокаемый плащ, традиционную баварскую шляпу и величественное выражение лица. Он стал первым на несколько миль в округе владельцем автомобиля (одной из первых моделей «майбаха»), чем невероятно гордился, хотя благоразумно держал про запас ландо и конную упряжку. Племянник его жены Алоис вспоминал неуклюжую, похожую на огурец машину, «огромный ящик с двумя фарами и пронзительным гудком», в которую могла спокойно поместиться вся семья во время загородных прогулок или профессиональных визитов в окружающие деревни. Он оставил очаровательное описание этих семейных выездов:

Все, кто находился в машине, рисковали собственной шеей, и ни одна прогулка не проходила гладко. Взбираясь на гору, фыркающий и пыхтящий монстр частенько отказывался ехать дальше, так что мы, пассажиры, вместо того, чтобы наслаждаться красотами долины Альтмюля, вынуждены были вылезать и толкать его. <...> Ни одно путешествие не начиналось без суматохи и редко какое не заканчивалось аварией. Эти блестящие экспедиции обыкновенно оборачивались плачевным возвращением домой, причем наш великолепный транспорт тащила на буксире пара быков, а гордость его владельца тонула в бесконечном потоке проклятий в адрес «дерьмобиля».

Несмотря на всю свою раздражительность, Франц-Пауль имел доброе сердце. Он брал Алоиса с собой на рыбалку (его вторая страсть после машины). Вместе двое мужчин — Алоис чуть старше двадцати и его дядя за шестьдесят — удили жирную форель в речке, принадлежащей местному монастырю Планкштеттен. За эту любезность ветеринар бесплатно лечил 120 монастырских свиней. «Дядя Франц учил меня рыбачить, пусть не слишком терпеливо, зато упорно. Этим он сделал мне чудесный подарок — ни от чего в жизни я не испытывал столько удовольствия». Учитывая, что собственного сына у него не было, дяде это, наверное, тоже было приятно. Помимо их речки с форелью, он еще ходил на Альтмюль, четырехкилометровым отрезком которого владел единолично. А там, говорят, лучшая рыбалка во всей Баварии.

Первой любовью Алоиса была сестра Фанни Берта, его старшая (на четыре года) кузина. «Она стала предметом моей первой детской страсти; она деликатно поощряла меня, и мое сердце начинало бешено биться еще на вокзале в Гайзельхёринге, откуда я уезжал на летние каникулы». Много лет спустя Алоис признался, что передавал Фанни

любовные записки от местного аптекаря, ее поклонника и возлюбленного, пока ее отец наслаждался послеобеденным сном. В награду мальчик получал пакетик леденцов. Нужно было соблюдать тайну, так как Франц-Пауль счел бы подобного ухажера недостойным своей дочери.

Фритц Браун, суровый и разочарованный в своих мечтах и стремлениях, возможно, подсознательно подражал тестю. Он тоже старался навязать железные правила своим якобы непокорным женщинам. Его должность преподавателя ремесел и технических дисциплин была вполне респектабельна, но в юности он метил куда выше. Теперь же вынужден был преподавать, чтобы содержать семью. Их отношения с Фанни постепенно стали напоминать отношения ее родителей, так же как и их противоположные взгляды на воспитание дочерей. По выходным он оставлял семью, отправляясь на рыбалку в одиночестве или в компании тестя. Он состоял в группе добровольцев под названием «Горный патруль», которая выходила в горы на поиски заблудившихся или погребенных лавиной альпинистов. Этим занятиям он посвящал все свободное время, что еще больше отдаляло его от жены.

Сегодня бывший дом Кронбургеров не узнать. Раньше он стоял на окраине города, но с тех пор Байльнгрис вырос, и старый дом оказался в центре. Теперь в нем разместился магазин *Ströbl*, предлагающий покупателю высококлассные бытовые товары – дизайнерские кухонные принадлежности, посуду, вазы – из тех, что дарят на свадьбы или к окончанию университета. Его окружают маленькие магазинчики (в одном, например, продаются лотерейные билеты) и уличные вывески, затеняющие его величественные, строгие формы. На заднем плане виднеются два шпиля – зеленый и золотой – городской церкви шестнадцатого века. Область, разумеется, римско-католическая: девяносто процентов населения Байльнгриса приверженцы этого ве-

роисповедания. Нынешний Папа Римский, Бенедикт XVI, родился в соседнем городе Маркт-ам-Инн и служил в сане архиепископа Мюнхенского в маленьком городке Руполь-динг, тоже расположенном поблизости. В этой части Германии глубоко укоренилось самое что ни на есть консервативное католичество. По этой и многим другим причинам Ева и сегодня чувствовала бы себя здесь дома. Судя по всему, окружающая сельская местность мало изменилась. Широкая, утопающая в зелени долина Альтмюля остается сельскохозяйственной Утопией. На склонах холмов раскинулись поля (на многих растет хмель — его длинные стебли поднимают кверху треугольные подпорки из жердей) и густые леса, мимо которых теперь с севера на юг проходят автомагистрали между Нюрнбергом и Мюнхеном.

Байльнгрис не относится к тем образцово живописным местечкам, куда стекаются туристы. Однако он стоит здесь с пятнадцатого века, имеет девять кварталов, древние башни, много старых деревянно-кирпичных домов и красивых барочных зданий. Повсюду статуи Девы Марии, позолоченные таблички с названиями гостиниц и горшки с цветами. Трудно представить более подходящее место для отдыха, и Ева хранила память о Байльнгрисе всю жизнь, не в последнюю очередь и потому, что ее дед считался одним из самых выдающихся его горожан.

В июне 1914 года, когда Еве было два с половиной, наследник австро-венгерского трона эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена погибли от руки сербского националиста. Искра взорвала пороховой погреб Балкан, и не успело кончиться лето, как разразилась война. Это был, по выражению одного современного историка, «марш дураков» — долгий, бессмысленный и кровавый.

Находящихся в нескольких сотнях миль от Мюнхена Еву и ее сестер война практически не затронула. К концу войны запасы провианта истощились, и в архиве семей-

ных шуток осталась реплика Евы, заявившей, что масло на куске хлеба заметно только по тому, как он блестит на солнце. Но бои не орошали кровью немецкой земли, воздушные атаки оставались делом будущего, гордый и прекрасный город Мюнхен не понес ущерба, и жизнь детей Браун с их матерью протекала по-прежнему, разве что глава семьи отсутствовал.

Глава 3

Ева, Гёте, Шуберт и Бэмби

Сознание каждого немецкого ребенка заполнено музыкой и песнями, легендами и сказками, карнавалом из мишуры и эпоса, чудовищами и феями, волками и пасхальными кроликами. Леденящий кровь ужас и приторная слащавость сливались воедино. Впервые малыши сталкиваются с этим в детской, слушая навязчивые мелодии и стихи, лейтмотивом которых часто является насилие. Темный лес, окутанный туманом, населенный волками, гномами, ведьмами и нечистой силой, только и ждущими, как похитить ребенка, ведет в потаенные глубины немецкой души и потому заслуживает особого внимания. Многие песни и истории слагались задолго до объединения, когда Германия еще была раздроблена на десятки независимых княжеств. Связующим звеном между ними и признаком национального характера было величие немецкой музыки и поэзии, а также садистская жестокость историй, которые няньки рассказывали детям, еще не научившимся читать.

Детские песни — колыбельные, присказки, прибаутки — самая устойчивая из устных традиций. Повторяющиеся вновь и вновь в возрасте, когда все пять чувств обострены до предела и каждое ощущение в новинку, они запечатлеваются в подсознании навсегда. И в следующем поколении воскресают такими же, какими были впервые услышаны в те дни, когда ребенок не умел еще ни гово-

рить, ни петь. Самыми ранними воспоминаниями Фанни Браун и ее дочерей были старые-старые песни Шуберта и Брамса на стихи Гёте, Гейне и Шиллера. Одна из наиболее знаменитых колыбельных *Schlafe, mein Prinzchen, schlaf ein...* приписывается Моцарту, но на самом деле, возможно, уходит корнями в куда более раннюю эпоху. Происхождение ее, как и всех устных преданий, точно неизвестно, но каждая немецкая мать напевала эту колыбельную, качая люльку с младенцем, заглушая его страх одиночества: «Спи, моя радость, усни...» И глазки малыша потихоньку закрывались. Вне всяких сомнений, Йозефа Кронбургер убаюкивала так своих дочерей, а они — своих, а значит, и Еву. Моя мать своим волнующим контральто пела мне ту же колыбельную, что ее мать пела ей. Даже сейчас, когда из колонок моего компьютера доносится ее писклявая электронная версия, я ощущаю ту самую послушную сонливость. Еще одна столь же нежная мелодия — «Колыбельная песня» Брамса. И это только две из сотен, многие из которых ныне забыты.

Ребенок становился старше и активнее, а вместе с ним и песенки:

Хоп, хоп, хоп –
На лошадку и в галоп!
Через палки, через камни –
Не сломал бы шею всадник!

Каждый немецкий малыш скакал под эту песенку на жестких коленях отца, загипнотизированный очертаниями его рта и крупными зубами. Ритм сначала был мерным, затем все ускорялся до стремительного галопа, пока, вне себя от ужаса или восторга, маленькая Ева или крошечная Гретль не начинала визжать или хохотать. *Fuchs, du hast die Gans gestohlen* — вот еще деревенская песенка.

Ты, лиса, гуся стянула,
А ну верни, плутовка,
Не то фермер выйдет в поле
Со своей винтовкой!

Крестьянин с ружьем в руках оживал. Детские песенки приходили из породившего их мира. Ритм галопа отсылает к тому времени, когда все путешествовали верхом. В 1912 году это еще было недавнее прошлое. Дед Евы оказывал ветеринарные услуги соседним фермам, где у всех, кроме самых бедных, имелись лошади, а хозяйки разводили кур и гусей. Меньше поколения отделяло Еву от сельской жизни. Сегодня эти песни мало соотносятся с реальностью, но Фанни пела своим детям о жизни, знакомой ей с детства.

Переплетение слов и мелодий вызывает больше ассоциаций, если укоренилось в подсознании. Время от времени я ловлю себя на том, что пою про себя, под нос или — если в стельку напьюсь — во все горло, стихотворение Гейне «Лорелея» о коварной волшебнице Рейна. Эти песни несут эмоциональный заряд, не связанный с их безыскусным текстом. В минуты грусти моя мама декламировала «Маргариту за прялкой» или напевала «Дикую розу» Гёте. Она начинается так: «Мальчик розу увидал...»[1] Мальчик восхищается розой и грозится сорвать ее. Роза предупреждает: если сорвешь меня, я тебя уколю. Мальчик не послушался, сорвал цветок и укололся. Незамысловатая песенка в минорном ключе не так проста, как можно предположить по ее словам и бодрым интонациям. Взрослому человеку понятно, что она — об утрате невинности, в буквальном смысле о дефлорации.

Когда молодая Дита Хелпс (она сменила фамилию в 1936 году, в возрасте двадцати четырех лет выйдя замуж

1 Перевод Д.Усова. *(Здесь и далее кроме оговоренных случаев, прим. перев.)*

за моего отца, Джона Хелпса) мучилась ностальгией, одна в неприветливой Англии, где из-за ее немецкого акцента в ней видели врага, она утешала себя, напевая «Лесного царя» — положенное на музыку Шуберта стихотворение Гёте о больном мальчике на руках у отца, который скачет на коне быстрее ветра, но не может обогнать Смерть. Стихи навевали печаль, но неразрывно связывали ее с матерью и сестрами, оставшимися в Гамбурге. Их бомбили, обстреливали и обрекали на голодную смерть войска страны, подданной которой теперь официально являлась Дита. Последний раз она виделась с матерью в Гамбурге в 1939 году, но погостить смогла всего три дня из-за неизбежно надвигающейся войны. (Осознавала ли она это? А мой отец? Как же наивны должны были быть они оба.) Моя мать была далеко не глупа, но, как и Ева, на удивление плохо разбиралась в политике. Когда разразилась война, она едва ли понимала, на чьей она стороне, и хотела только одного — чтобы ее близкие не пострадали.

Мама не была интеллектуалкой, но всю жизнь ее поддерживали выученные в детстве стихи. Она помнила их наизусть и могла от начала до конца продекламировать звучные строки «Фульского короля» Гёте или «Ныряльщика» Шиллера.

Если бы немецкие дети как следует понимали слова, то могли бы задаться вопросом: отчего их колыбельные так часто повествуют о боли и жестокости, о беспощадности рока? Почему прелестная рейнская дева и дочери лесного царя заманивают людей в холодную пучину или загробный мир? Как и в сказках, где жестокое насилие скрыто за пестрыми словесами, в реальности внешние проявления тоже вводили в заблуждение. Сентиментальность и брутальность — две крайности одного порыва: жажды власти и контроля над ближним, приобретенных либо путем

обманчиво-сладкоголосых уговоров, либо патологически садистскими силовыми методами. Эти невинные стихотворения воплощают основополагающие черты немецкого характера, с раннего возраста прививая способность спокойно принимать страдание и смерть как естественные составляющие человеческого бытия наравне с птичками и маленькими принцами.

Супруги Браун, как и все немецкие родители, несомненно, читали своим дочерям сказки братьев Гримм, хотя это чуть ли не самые страшные истории на свете, уводящие в мир темных лесов, сырых пещер и холодных каменных замков, где переплетены боль и ужас, сила и слабость, власть и беспомощность. Для Евы эти декорации вовсе не были готической фантазией. Половина ее жизни прошла в лесах и холодных замках, а окончилась она в сырой пещере. Сказка «Гензель и Гретель» рассказывает о двух детях, которых мачеха выгнала, потому что не могла прокормить: классическая тема отверженности, голода и нищеты. Подобные сказки уходят корнями как в древнюю европейскую культуру, так и в историю Германии. Они сочинялись в безжалостном мире, где охота на ведьм была обычным делом и сожжение на костре — публичным зрелищем. В мире, где выживал только сильнейший.

Сборник из двухсот сказок («Сказки братьев Гримм») стал одной из известнейших и важнейших книг на немецком языке. Видимо, она затрагивала какие-то потаенные струны. Собранные и опубликованные в начале девятнадцатого века, эти истории отражали жизненный опыт многих поколений крестьян, на долю которых постоянно выпадали тяготы и страдания. Если предположить, что национальный характер определяется путем анализа тем и архетипов фольклора и сказок, то братья Якоб и Вильгельм Гримм предрекали немецким детям мрачные перспективы. Волчьи стаи мародерствовали в европейских

деревнях до самого начала двадцатого века. Само слово «волк» вызывало страх, который нисколько не был преувеличен или глуп. Дикий волк наводил ужас как в фольклоре, так и во многих лесах Европы. Выбранный Гитлером псевдоним «Вольф» (волк) можно трактовать в самом что ни на есть фрейдистском духе. Называя себя «господин Вольф», он, возможно, проникал в глубины подсознания гораздо глубже, чем намеревался. Пожелай он воплотить в имени свое видение Германии, «господин Адлер» (орел) был бы более уместен, но Гитлер собирался помыкать своими последователями, а вовсе не позволять им свободно парить.

В этих сказках на ночь маленькие мальчики и девочки подвергаются суровым испытаниям, а когда (и если) возвращаются, то родители чуть ли не разочарованы тем, что они выжили. Подробности их злоключений смакуются с садистским удовольствием. Маленькая Красная Шапочка в своем ярком чепчике — приманка для всякого встречного хищника — по поручению матери отправляется через темный лес, чтобы принести бабушке обед. Притаившийся за соснами волк думает: «Какое нежное юное создание! Какая чудная пухленькая закуска!» Не самая удачная реплика, чтобы нежные пухленькие детишки погрузились в глубокий безмятежный сон. В сказке «Гензель и Гретель» изображена злобная старуха-людоедка; в «Вальпургиевой ночи» описывается ночь, когда ведьмы летят на метлах сквозь тьму как предвестницы прихода Дьявола (эпизод, воссозданный в «Фаусте» Гёте). Эти атавистические кошмары оставляли след в сознании немецких детей и будоражили их воображение всю жизнь. И возможно, готовили их к жестоким поступкам.

Первым отложившимся в памяти подарком моего немецкого дедушки был сборник «Сказки Андерсена» на немецком языке. Книжка с отваливающейся обложкой и пожелтев-

шими зачитанными страницами до сих пор стоит у меня на полке. Оглядываясь назад, я понимаю, что дед решил подарить мне более милосердные датские истории Ганса Христиана Андерсена вместо их мрачного немецкого эквивалента (хотя это, скорее всего, произошло по чистой случайности). Нельзя, конечно, назвать сказки Андерсена веселыми или оптимистичными — «Русалочка» исполнена чистейшего садизма, — но они затрагивают излюбленные детьми темы: романтические приключения и магические задания, превращения и разоблачение, борьбу невинности со злом. В то время как сказки братьев Гримм изображают настоящие кошмары и жестокость по отношению к беззащитным детям. На форзаце книги дедушка написал карандашом: «Любимой внученьке, Рождество 1949». Краткость и выразительность надписи до сих пор трогают меня до слез. По-моему, родители никогда не называли меня «любимой». Я знаю, что дедушка очень любил меня, мы признали друг в друге родственные души с первой же встречи в Гамбурге в 1947 году, за несколько дней до моего седьмого дня рождения. *Opa*[1] не был похож ни на кого из семьи. Чуждый условностям, остроумный, любитель книг, он всего в жизни добился сам, был очень начитан и обладал ярко выраженной индивидуальностью. Я мечтала вырасти такой, как *Opa*, и он тоже на это надеялся.

Другие книги, которые родители Евы читали вслух, пока девочки не умели читать сами, имели такой же не то дразнящий, не то запугивающий характер. Чудовищный *Struwwelpeter* («Лохматый Петер») с подзаголовком «Веселые истории и забавные картинки» в своем роде уникален. Это сборник смешных (для немцев, по крайней мере) стихотворений, принадлежащих перу писателя Генриха Гофма-

1 Дедушка (*нем.*).

на. Никакой связи с фотографом Гитлера — он работал во Франкфурте «врачом в приюте для душевнобольных», кем-то вроде современного психотерапевта. Свою книжку он написал в декабре 1844 года в качестве рождественского подарка маленькому сынишке, будучи уверен, что «сочиненная экспромтом смешная история успокоит маленького антагониста (здесь имеется в виду ребенок, а не душевнобольной), осушит его слезы и позволит врачевателю выполнить свой долг. <...> Книгу переплели, положили под елку, и она оказала на мальчика точно такое действие, как я и ожидал».

Struwwelpeter в нескладных виршах описывает несколько жутких наказаний, ждущих детишек за их обычные детские провинности. Девочка, играющая со спичками, сгорает дотла, мальчику огромные ножницы отрезают палец, чтобы не сосал, а мальчик, который не любит суп, умирает от голода. Нет необходимости проводить параллели с будущим. Книга удовлетворяет естественный интерес ребенка ко всему гротескному, необычному, страшному и безумному, а заодно стимулирует его собственные фантазии о садизме и разрушении. Как бы там ни было, в каждой немецкой семье ее зачитывали до дыр. Сестры Браун, как и моя мать, и их, должны были прийти к выводу, что растут в чуждом милосердию мире.

И Ева и Гитлер любили книжку в стихах с картинками «Макс и Мориц» про двух маленьких безобразников, написанную южногерманским художником, карикатуристом и поэтом по имени Вильгельм Буш. На первый взгляд его истории кажутся этакими благочинными крючками, на которые можно вешать нравоучения, но это лишь уловка, чтобы сделать их приемлемыми для родителей. На самом деле перед нами похвалы двум противным мальчишкам, способным играючи наносить увечья. Девочки Браун приходили в восторг от стихов Вильгельма Буша, не говоря уже о картинках, где толстая крестьянка в фартуке и деревянных

башмаках в бессильной ярости созерцает своих драгоценных кур, ощипанных и подвешенных за клювы на бельевой веревке, или где старик в ночном колпаке обнаруживает, что его пышные пуховые перины набиты навозными жуками. Ева, надо полагать, хохотала. Мы с мамой тоже. Замешательство высокомерных взрослых *действительно* смешно.

Став постарше, Ева и ее сестры прочли «Хайди» Иоганны Спири, приторную историю о девочке-сиротке, живущей с дедушкой в горной швейцарской деревушке, очень похожей на те, что девочки Браун видели в Баварских Альпах. И еще «Бэмби» Феликса Зальтена, австрийского писателя еврейских кровей. Это книга об олененке, который с самого рождения познает безжалостность природы и человека. Как раз такого рода сентиментальные истории нравились Еве. «Бэмби» — гимн закону джунглей и выживанию сильного, но в нем можно усмотреть и политическую аллегорию притеснения евреев в Европе. По крайней мере, так считали нацисты. Поэтому в 1936 году книга была запрещена.

В отрочестве Ева пристрастилась к рассказам популярного немецкого автора Карла Мая о приключениях на Диком Западе. (Мальчишкой Гитлер тоже обожал эти истории.) Как ни странно, она также была поклонницей Оскара Уайльда. С ее растущей склонностью к мелодраме и флирту, она, вероятно, воображала себя Саломеей, очаровывающей злодея Ирода. Декадентские декорации «Саломеи» и лежащая в ее основе тема обретения власти через наслаждение, роскошь и жестокость словно предвещали судьбу самой Евы. Как бывает со всеми впечатлительными детьми, в потаенном уголке души она хранила яркие выразительные слова услышанных песен и прочитанных книг. Всю дальнейшую жизнь они питали ее воображение и во многом определяли восприятие окружающих людей — в первую очередь господина Вольфа.

Глава 4

Скучные уроки и веселые игры

Когда Первая мировая война окончилась, все клялись, что это была последняя война на свете. Больше войны не будет. Никогда. Для Франциски с детьми, в отличие от многих других немецких семей, она прошла сравнительно безболезненно. Фритц снова находился дома, без телесных повреждений, правда, с глубокими психологическими травмами, которые вскоре нарушили гармонию в семье Браун. Он был призван в баварскую армию как офицер запаса, а вернулся лейтенантом. Его жена и дочки провели военные годы в безопасности, не испытывая чрезмерных лишений. А вот на долю Фритца выпали страх, холод и разбитые мечты. Он был измучен зрелищем бессмысленной кровопролитной бойни. Его скверное состояние духа отражало настроение всей Германии, потерпевшей крушение своих военных амбиций, унижение империи. Но ему повезло уйти с фландрийского фронта более или менее целым. В 1919 году он пришел домой, надеясь провести остаток жизни в мире и семейном уюте. И, в каком-то смысле, мир он обрел. Дорогостоящий, шаткий мир, навязанный карательным Версальским договором обиженному, недовольному народу.

Война унесла два с половиной миллиона жизней и оставила за собой четыре миллиона раненых, потрясла и деморализовала Германию. Старые устои рухнули, и в ноябре 1918 года кайзер Вильгельм II, последний из династии Го-

генцоллернов, отрекся от престола. Германия была объявлена республикой, но упадок продолжался. Война породила целое поколение старых дев, которые, оставив надежду стать женами и матерями, подались на работу. Многие безработные мужчины крайне враждебно относились к таким женщинам, считая, что те занимают их рабочие места. Их мир изменился, новые порядки задевали их мужскую гордость. В такой гнетущей обстановке общество трещало по швам, не говоря уже о семьях.

Выбиваясь из сил, чтобы обеспечить жену и детей, Фритц Браун становился все более непредсказуемым и замкнутым. Фанни, вероятно, была слишком занята девочками и не имела времени вытаскивать его из депрессии или дать ему возможность поделиться пережитым. А он возмущался нежеланием жены сосредоточить на нем все свое внимание и уважать перенесенные им испытания. Лицо его, как видно по семейным фотоальбомам, приобрело новое, еще более суровое выражение – прищуренные глаза, искривленная линия рта. К сорока годам (в 1919 г.) он потерял почти все волосы и стал упрямым, своенравным деспотом, уверенным, что три его дочери донельзя избалованы снисходительной матерью. Мечта о прочном браке, почтительных детках и домашнем уюте не сбылась. Семья, очевидно, прекрасно справлялась без него и даже не слишком радовалась его возвращению. Фритц не осознавал, что он, как и многие, кто принимал участие в боях, изменился сам. В ноябре 1918-го Ильзе было девять, а Гретль едва научилась ходить, но, даже будучи совсем крохами, девочки уже сопротивлялись его власти. Ева изменилась больше всех. Она привыкла, что люди не остаются равнодушными к ее хорошенькому личику и обаянию, и старалась угодить отцу, но ничто не могло развеять его беспросветное уныние. Поборник суровой дисциплины, он пытался укротить ее непринужденную самоуверенность. Переполненная шумная

квартира на Изабеллаштрассе в присутствии главы семьи становилась тихим и угрюмым местом.

В последующие годы Фритц вернулся на прежнюю должность преподавателя ремесел и технических дисциплин. Что особенно важно, он стал убежденным патриотом Баварии и постоянно грезил имперским прошлым. Встревоженный действиями нелегального Верхнеземельного вольного корпуса (*Freikorps Oberland*) — «теневой армии», стремящейся подорвать основы Версальского договора, — он вступил в Баварский союз за короля и отечество, отдалился от семьи и проводил большую часть свободного времени, запершись в своей комнате с газетой, трубкой, пивом и кошкой. Там он пребывал в мрачном безмолвии, в то время как по другую сторону двери жизнерадостно хлопотали его жена и дочери.

В 1919 году молодой дядя Евы Алоис Винбауэр поступил в Мюнхенский университет. Добросердечная, но ограниченная в средствах Фанни Браун предложила ему снимать у них комнату, а заодно и ужинать вместе с семьей. Почти шестьдесят лет спустя Алоис с восторгом вспоминал ее жареную картошку с хрустящей корочкой. Он описывал Еву, которой тогда было около семи лет, как необыкновенно хорошенькую девочку, послушную, веселую и ласковую. Уже в то время она производила впечатление умного и одаренного ребенка, на лету схватывала все новое. С учебой, по мнению дяди Алоиса, у нее не было никаких проблем. Она успешно справлялась с любыми трудностями, однако быстро теряла терпение, если задание ей не нравилось. Хотя Ильзе была сообразительнее и прилежнее, личное обаяние давало Еве несправедливое преимущество. Она уже начала жить чувствами и эмоциями, пренебрегая рациональным миром знаний и логики. С высоты прожитых лет Алоис отмечает, что «эта склонность предопределила ее трагическую судьбу».

Специалисты по детской психологии, как правило, считают среднего ребенка в семье счастливым. Противостояние Евы родителям позволяет предположить, что она чувствовала себя более уверенно, чем ее замкнутая старшая сестра Ильзе (кузина впоследствии вспоминала ее решительной, отстраненной интеллектуалкой) или привязчивая маленькая Гретль. Ева всегда была хвастунишкой, актрисой, лидером и зачинщицей шалостей. В школе она, похоже, быстро усвоила секрет популярности — быть милой, забавной и капризной — и дома тоже верховодила сестрами. Несмотря на ссоры, родители ее, очевидно, обожали. И Алоис, и Гертрауд, родственники со стороны Кронбургеров, чувствовали, что Ева была любимицей матери. Обе питали страсть к моде и красивой одежде, и Фанни мечтала, что в один прекрасный день Ева откроет собственное ателье в Берлине. Отец рано заметил незаурядные способности Евы ко всем видам спорта и часто брал ее с собой кататься на лыжах, оставляя Ильзе и Гретль дома.

И тем не менее Герта Остермайр, одноклассница, дружившая с Евой до конца ее жизни, считала, что той приходилось порой тяжко дома. Но, несмотря на неровные, трудные отношения с отцом, ее детство выглядит вполне счастливым. Создается впечатление крепкой, активной семьи, где Фритц руководил, а Фанни вела хозяйство и шила, одновременно выполняя роль дипломата, образца для подражания и третейского судьи. Девочки хохотали, дулись, дурачились, меняли пристрастия, примеряли наряды, а Ева еще и изводила окружающих вспышками раздражительности. Никто в семье Браун не был скучен. Нет никаких оснований полагать, что кто-то из трех девочек когда-либо страдал от насилия или недостатка внимания. Что, разумеется, еще не значит, что Ева была счастлива.

Всего в ста милях от них, в Вене, Фрейд подвергал психоанализу женщин, подавляемых мужчинами в семье. Но Фритц Браун считал Фрейда учеником дьявола и презрительно отмахнулся бы от утверждения, что модели поведения и контроль, навязываемые маленьким детям, сказываются на всей их дальнейшей жизни. С точки зрения психоанализа вполне возможно, что обращение Фритца Брауна со своей волевой средней дочерью предопределило ее зацикленность на авторитарных мужчинах, чьего одобрения она во что бы то ни стало пыталась добиться. Ребенок испытывает к родителям и любовь и ненависть, что-то одно — никогда.

Фритц Браун — *Vati*[1] или, когда он был в ссоре с дочерьми, *Papa* — оставался патриархом девятнадцатого века, требующим безоговорочного повиновения. И похоже, у него в душе постоянно клокотал гнев, что свойственно многим сторонникам жесткой дисциплины. Бунтарский дух Евы, не умеющей быть столь послушной, как ему бы того хотелось, невероятно раздражал его. Дерзкая и непокорная, в превосходной физической форме, она была одновременно и средоточием его надежд, и объектом осуждения. В семейном кругу, состоящем почти из одних женщин, Ева невольно взяла на себя роль желанного сына. Ее мать порой говаривала: «Фритц хотел, чтобы наш второй ребенок родился мальчишкой. Вот и пожалуйте, он его получил!» Разногласий было много, но никаких свидетельств того, что Фритц Браун когда-либо поднимал руку на своих девочек. Ильзе Браун впоследствии вспоминала:

> Мы все росли в атмосфере католического благочестия и должны были слушаться беспрекословно. Спорить мы могли сколько угодно, но все всегда заканчивалось словами

1 Уменьшительное от *Vater* — отец (*нем.*).

отца: «Пока вы сидите за моим столом, будете делать, как я велю. Потом можете поступать, как *вам* вздумается».

Девочки Браун не ведали скуки. В те дни, когда еще не было телевидения, члены семьи были ближе друг другу и больше зависели друг от друга в плане развлечений. Темными зимними вечерами они собирались за столом и играли в игры. Не в карты, по крайней мере пока что (впоследствии Ева научилась отлично играть в бридж), а в настольные игры вроде лудо, известного в Германии под очаровательным названием *Mensch, ärgere dich nicht!*, что переводится примерно как «Не горячись, приятель!». Это игра для четырех участников, каждый из которых должен, бросая кости, обвести вокруг поля фишку определенного цвета и раньше других успеть попасть «домой». (При этом надо избегать, чтобы тебя не отослали обратно на исходную позицию.) Как все хорошие игры, она поощряет игроков устраивать пакости соперникам, и атмосфера вокруг поля накаляется. Моя мама в детстве играла в лудо со своими сестрами, и я тоже — по возможности каждый вечер. Современные дети в одиночестве сидят за компьютерными играми, даже не подозревая, что они теряют. *Mensch, ärgere dich nicht!* — это замечательный способ снять накопившееся напряжение между членами семьи. Без сомнения, Ева дергалась, топала ногами, надувала губки — и выигрывала, при необходимости жульничая, пока не попадалась.

Будучи предоставлены сами себе, девочки вырезали силуэты нарисованных на плотном картоне бумажных кукол, чьи бесполые тела были целомудренно прикрыты маечками и панталончиками. Маленькие прямоугольники, выступающие по краям одежды, загибались у них за спиной, так что куклы могли носить и придворные костюмы восемнадцатого века (иногда вырезаемые из книг), и модные платья. Еще им можно было загнуть вперед стопы ног,

чтобы поставить, только вот они то и дело падали своими тщеславными личиками вниз. Девочки очень любили такие игрушки, они оставались популярны вплоть до семидесятых годов. Еще незатейливее были «облатки» — напечатанные на глянцевой бумаге феи, ангелы, щенки, котята, цветы, — которые дети вырезали и наклеивали в альбомы или на письма. Кроме того, были книжки-раскраски и раздвижные деревянные коробки с цветными карандашами производства *Staedtler* и *Faber-Castell*. Разноцветные карандаши, разложенные по оттенкам, — дюжина, две дюжины, до семидесяти двух штук. Ева со своими сестрами и Дита со своими встряхивали калейдоскопы и любовались постоянно сменяющимися затейливыми узорами. Для детей помладше выпускались наборы деревянных кубиков с фрагментами из сказок на каждой грани. Если правильно сложить кубики, получалась сцена, например, из «Красной Шапочки». А если аккуратно перевернуть всю картину, то на другой стороне чудесным образом оказывались Гензель и Гретель. Но при переворачивании какой-нибудь кубик обязательно выпадал, и все остальные рассыпались в руках.

Когда дети становились постарше, наступала очередь невероятно сложных картинок-головоломок. Из пятисот кусочков можно было собрать морские пейзажи (сплошь волны да небо), географические карты, чтобы запоминать потихоньку границы, главные города и реки Европы, или сцены знаменитых исторических событий. Самой любимой игрушкой девочек Браун был большой кукольный дом, который Фритц сделал своими руками. Он месяцами держал в секрете свою работу, вытачивая полы, стены и мебель. Фритц был искусным плотником, но его кропотливый труд над столь мелкими деталями красноречивей слов говорил об отцовской любви. Фанни заполнила крошечные комнатки самодельными коврами и занавесками,

подушками и покрывалами, кукольными кастрюльками, сковородками и посудой. Никогда не рано начинать учиться ценить красоту и порядок в доме.

В детстве девочки носили платья и фартуки с оборками, широкие мягкие обручи на аккуратно причесанных головках, длинные белые гольфы или чулки и начищенные до блеска туфельки на застежках. (У меня есть мамина карточка, где она одета почти точно так же, как Ева на семейной фотографии Браунов.) Одежда была скорее красивой, чем практичной, о брюках для девочек никто и не помышлял. До пятнадцати лет девочки выглядели как куклы в натуральную величину, что подчеркивало их роль папиной отрады и маминых помощниц. Фанни стремилась наделить дочерей познаниями в истории моды и привить им интерес к нарядам. Для молодой женщины важнее всего были внешний вид, изящество и хорошие манеры. Ева с ранних лет обожала наряжаться в экзотические костюмы. В семейном альбоме есть фотографии шестилетней Евы с затейливым капустным листом в волосах вместо заколки, десятилетней Евы в костюме феи, пятнадцатилетней Евы, вымазавшей лицо сажей, чтобы выглядеть как Эл Джолсон. Не говоря уже о Еве с котенком, Еве с белочкой, Еве верхом на большой пестрой корове, Еве на лыжах и на коньках – всегда смеющейся и позирующей для камеры.

В первые десятилетия двадцатого века единственной вещью в жизни детей, более или менее напоминающей кино, были стереоскопические слайды. Они представляли собой ряд почти идентичных картинок, напечатанных на целлулоидной пленке и обрамленных в картонные прямоугольники. Слайды вставлялись в просмотровое устройство, гораздо более неуклюжее, чем проекторы вчерашнего дня, и вдвое шире. Если поднести это устройство, известное как стереоскоп, к глазам и правильно настроить, то картинка, как по волшебству, оживает в трехмерном

пространстве. Возможно, эти стереоскопические образы положили начало пристрастию Евы к фотографии, которому она оставалась верна всю жизнь. Те же трехмерные проекторы использовались для показа эротики: игривой, дразнящей и, по современным стандартам, совершенно невинной. Вряд ли девочки Браун видели настоящие кинофильмы (показываемые Эдисоном с 1891 г. и братьями Люмьер с 1895 г.), разве что на ярмарках, где народ мог за умеренную плату посмотреть душераздирающие черно-белые мелодрамы с написанными от руки белыми субтитрами. Как бы примитивны такие картины ни казались сегодня, это было невероятно захватывающе: настоящие люди, двигающиеся и жестикулирующие на плоском экране.

Рождество в памяти каждого окружено особым ореолом. Моя мать оставила не более полудюжины страниц собственных воспоминаний, но среди них был параграф о рождественских праздниках ее детства. Вот он, в точно таком виде, как она написала его, когда ей было уже далеко за пятьдесят. Прожив тридцать лет в Англии с мужем-англичанином, она так полностью и не овладела английской речью, как устной, так и письменной, и продолжала обращаться с запятыми с немецкой расточительностью.

> Самыми яркими событиями моего детства были наши дни рождения и празднование Рождества. Мамочка всегда покупала чудесные подарки, и утром в мой день рождения ставила разные чудесные цветы туда, где я сидела. Для Рождества у нас был специальный серебряный колокольчик, наш *Weihnachtsglocke*, и в сочельник, *Heiligabend*, мы обязательно получали подарки. Пока мама готовила *Weihnachtszimmer* (рождественскую комнату), отец и мои сестры нетерпеливо ждали, когда же прозвонит колокольчик, и в ожидании мы пели песни, чудесные рождественские гимны, и вдруг — хрустальный звон колокольчика, и мы со

всех ног бросались в гостиную, где нас ждала *Tannenbaum* (*рождественская елка*), *красиво украшенная десятками* настоящих свечей. *Weihnachtstisch* (рождественский стол) ломился от подарков, и все мы радовались, проникались духом Рождества.

(Слова «Рождество»/«рождественский» в этом небольшом тексте встречаются семь раз. Самого слова было достаточно, чтобы вызвать у матери теплые сентиментальные воспоминания о любящей семье.)

Кульминацией всего года для детей была рождественская ярмарка, проходившая в каждом немецком городе в течение четырех недель поста перед Рождеством. В центре главной площади стояла смолистая сосна, увешанная тонкими серебряными лентами дождика, переливающимися от малейшего дуновения ветерка. Прилавки украшались сосновыми ветками, еловыми шишками, остролистом с красными ягодками и омелой. Между ними извивались гирлянды разноцветных фонариков, горевших благодаря свистящим газовым баллонам. Острый запах жареного лука и шипящих на огне колбасок, пряный аромат толстых имбирных коврижек *Lebkuchen*, сладких глазированных яблок, горячего пунша, глинтвейна и кофе. Висящие в ряд пряники в форме звезд или елочек, политые цветной сахарной глазурью. Звонкое пение рождественских гимнов (настоящие певцы, а не гремящие из динамиков аудиозаписи). Оркестр, дующий что есть мочи в блестящие медные трубы. Святой Николай в плаще и отороченном мехом колпаке, приносящий подарки только *хорошим* детям — *они-то знали, что не всегда вели себя хорошо, но знал ли он?* Все пять чувств обострялись до предела, и многие детишки начинали рыдать, не выдерживая нервного перевозбуждения. Моей маме особенно запомнилось вы-

ступление уродцев в одной из палаток на рождественской ярмарке в Гамбурге. Представление проходило сразу по окончании Первой мировой войны, и похоже, что некоторые из выставленных напоказ калек («человек без ног» или даже «человек без лица») получили свои странные увечья в бою и, демонстрируя их любопытной толпе, пытались пополнить ничтожные армейские пенсии. Они служили очередным доказательством патологического интереса немцев ко всему исковерканному, гротескному, бесчеловечному. Связь с программой эвтаназии, введенной Гитлером двумя десятилетиями позже, едва уловима, но эта смесь влечения и отвращения ко всякого рода увечьям помогает понять, почему «приличные» немецкие обыватели так легко согласились с необходимостью эвтаназии для людей, «непригодных к жизни». Это был первый шаг на пути, ведущем в конечном итоге к созданию нацистских лагерей смерти.

Эпидемия гриппа, охватившая Европу в 1919 году, унесла не меньше жизней, чем Черная смерть шесть столетий назад, разбивая семьи и внося свой вклад в общее ощущение необъяснимой катастрофы. И пришла инфляция. К 1918 году немецкая марка уже упала до четверти своей довоенной стоимости, обращая в пыль сбережения граждан. Многие погрязли в нищете, многие покончили с собой. Стремительно развивающийся черный рынок, где процветали только мошенники и спекулянты, подрывал прежние моральные устои. Состоятельные честные люди, привыкшие к эффективному управлению и неподкупности официальных лиц, теряли веру в правительство. Возник так называемый «мораторий на нравственность» в личном кодексе каждого, поскольку необходимость и здравый смысл подсказывали: в целях выживания позволено использовать любые средства, пусть даже самые предосудительные. Тем временем инфляция продолжалась, и к

1923 году установилась бартерная экономика, на которой крупно наживались фарцовщики. Одним из наиболее радикальных последствий этого экономического хаоса стало обостренное восприятие евреев как коварных финансовых манипуляторов и паразитов. Пострадавшие от гиперинфляции готовы были приветствовать антисемитизм.

Племянница Фанни Гертрауд помнит свое изумление, когда, приехав в гости к Браунам (впрочем, это, видимо, было много лет спустя), она обнаружила, что Фритц не принимает участия в семейных обедах и ужинах за общим столом, а ест отдельно от всех в своем кабинете, служащем одновременно и спальней. Приходя домой, он удалялся в эту комнату и сидел там безвылазно: играл с кошкой, настраивал радиоприемник или составлял план занятий, проверял домашние работы или читал. Гертрауд полагает, что «они [то есть Фритц и Фанни] не понимали друг друга. И, насколько я помню, всегда спали в разных комнатах. Они не были близки в браке. Но в те дни семейная жизнь была окружена бесчисленными табу, и подобные вещи не обсуждались. Их держали в тайне». Напряжение то и дело выплескивалось в безобразные скандалы, которые дети в тесной квартире на Изабеллаштрассе не могли пропустить мимо ушей. Как часто бывает, Фанни выбрала мужчину, чей характер во многих отношениях походил на характер ее отца. Жесткий и деспотичный, эгоистичный и лишенный чувства юмора, он ожидал от жены полного подчинения во всем (то же самое можно сказать о многих немецких мужьях того времени). Впоследствии их дочь Ева точь-в-точь повторила выбор матери.

Второго февраля 1919 года (за четыре дня до седьмого дня рождения Евы) поразительное, практически немыслимое событие потрясло семью Браун. Фритц и Фанни формально разошлись. Он, суровый протестант и глава семьи,

и она, благочестивая католичка, отказались от своих ревностно соблюдаемых принципов, чтобы пойти разными дорогами. Неизвестно, что именно послужило причиной расставания, хотя очевидно, что темпераменты супругов не совпадали. Последующие поступки Фритца (говорят, когда ему уже было под восемьдесят, у него была любовница в Берлине) позволяют предположить, что, несмотря на свои напыщенные манеры и строгие моральные принципы, навязываемые дочерям, он был не самым верным из мужей. Если *действительно* всплыл какой-нибудь его роман или, быть может, французская *мамзель*, оставленная во Фландрии, Фанни вряд ли могла с этим смириться. Она была далеко не пуританка — любила хорошую еду, красивую одежду, веселые компании. Но гордость не позволила бы ей стерпеть супружескую измену. Фритц постепенно отдалился от остальных членов семьи; но сделал он это по собственной воле или его заставили? Если даже он сам так хотел, задается вопросом Гертрауд, было ли это достаточным основанием для того, чтобы его жена забрала трех дочек и ушла?

Пока что Фритц продолжал жить в мюнхенской квартире, а Фанни увезла дочерей (на тот момент десяти, семи и четырех лет) к своим родителям в Байльнгрис, чтобы попробовать как-то устроиться. Правда, мать Фанни, набожная Йозефа, крайне не одобряла раздельного проживания супругов. Вечером она слушала, как девочки читают молитву перед сном, а днем пыталась образумить дочь, приводя, вероятно, в пример эпизоды из собственной семейной жизни.

Между тем было принято решение отдать Еву в местную дневную католическую школу — несомненно, ту же самую, что посещали ее мать и тетки. Она осталась с бабушкой и дедом, а Фанни с Ильзе и Гретль вернулась в Мюнхен и снова поселилась дома. Новая школа Евы была «народной

школой» — вроде нашей начальной. Если верить г-ну Максу Кюнцелю, архивариусу Байльнгриса, Ева проучилась там несколько месяцев, не больше. Школьные документы того периода сохранились в городском архиве, но в них нет упоминания о Еве Браун. Как ни странно, ее имя не фигурирует и в списке учащихся. Однако бывший мэр Байльнгриса, ныне покойный Макс Вальтирер, а также покойный хозяин пивоваренного завода Франц Шаттенхофер и Мария Краусс из Байльнгриса (в 2004 году, в возрасте девяноста двух лет, она была еще жива) помнят, как учились в школе с Евой в 1920–1921 годах. Мария Краусс свидетельствует: «Ева была дружелюбной девочкой, мы с сестрой любили играть с ней. Она была *городская*, со стрижкой под пажа и в белых носочках, но быстро подружилась с нами, деревенскими». «Эти дружеские связи не прерывались до самой смерти фрау Гитлер», — подтверждает Вольфганг Бранд, врач из Байльнгриса, чья семья на протяжении нескольких десятилетий общалась с семьями Браун и Кронбургер.

Судя по фотографиям того времени, школа сильно смахивала на традиционный сиротский приют, хотя, по всей видимости, в нее принимали и детей из благополучных семей. На официальной школьной фотографии примерно от 1920 года, сохранившейся в фотоархиве городской библиотеки Мюнхена, изображена группа учеников под присмотром монахини. Среди них есть и Ева. На другом снимке из личных альбомов Евы с подписью «В монастырской школе. Байльнгрис» выстроились в ряд несчастные сиротки. Сорока годами раньше похожие фотографии запечатлели взъерошенных уличных детей на грани голодной смерти, которых приводили к доктору Барнардо в Лондоне в 1880-х годах. На этих побитых, отчаявшихся маленьких девочках лежит та же печать невыразимого страдания. Еве было плохо в школе, и она явно не знала безмятежного счастья в доме родителей матери. Летние каникулы — одно

дело, а принудительная разлука с родителями, друзьями и семейным бытом в семь лет – совсем другое.

«После Первой мировой войны в Мюнхене, где жила семья Браун, настали неспокойные времена, – объясняет Макс Кюнцель. – Может быть, поэтому они отослали Еву к бабке с дедом и записали в «народную школу». Его предположение подтверждает Вольфганг Бранд, который помнит, что Фанни приходилось сдавать внаем комнаты, чтобы семья не увязла в долгах. Куда девался Фритц, неизвестно: учитывая недостаток средств, он вполне мог спать на полу в своем кабинете.

Ева и моя мать росли в схожих респектабельных буржуазных семьях, хотя и в противоположных концах Германии – Ева на юге, в Баварии, а мама на самом севере, в Гамбурге. Забавное совпадение: в 1924 году, когда маме было двенадцать, ее родители тоже расстались, но, в отличие от супругов Браун, так никогда и не сошлись вновь. Рано пережитый распад семейного союза, прежде казавшегося девочкам нерушимым, в значительной степени объясняет, почему и Ева, и моя мать считали брак высшим благом. Становится ясно, почему Ева больше всего на свете жаждала стать законной супругой и воспринимала нежелание Гитлера жениться на ней как личное поражение. И почему моя мать оставалась замужем за отцом, типичным немногословным и замкнутым англичанином, которого в восемь лет отправили в публичную школу-интернат. За первые пятнадцать лет брака она получила от него желанное ощущение стабильности, но он не способен был удовлетворить ее острую потребность в развлечениях, похвалах и бурных эмоциях.

В Германии двадцатых годов разводы случались крайне редко, несмотря на расцвет декадентства в ночных клубах Берлина между двумя войнами. Но упадничество распространялось на очень ограниченные круги. Незыблемость

брака, широко проповедуемая церковью и государством, считалась настолько естественной, а его преждевременный разрыв – таким позором, что моя мать всю жизнь стыдилась развода родителей. Мне было за пятьдесят, и я уже почти тридцать лет как развелась, когда она рассказала мне об этом. И для нее это было ужасное, унизительное признание. Впервые я поняла, почему она так жестоко делала различия между своими родителями, боготворя отважную, чувствительную мать и зачастую пренебрегая отцом. Она так никогда и не простила ему, что он покинул ее, когда она была наиболее впечатлительна и беззащитна. Если параллель верна, то Ева тоже так и не простила своего отца.

О том, как сказались такие потрясения на трех девочках, можно только гадать. Но тот факт, что это вообще произошло, да еще в то время, когда развод и раздельное проживание супругов категорически осуждались в обществе, говорит о том, что что-то очень и очень не заладилось между мужем и женой. На протяжении восьмидесяти лет инцидент был глубоко погребен, пока Гертрауд, изучая историю семьи, не наткнулась на документы в мюнхенском архиве – к несказанному своему изумлению. Она ни разу в жизни не слышала ни о чем подобном. Что на самом деле кроется за этой запутанной цепочкой событий, остается загадкой, но в 1922 году супруги Браун снова стали жить вместе в апартаментах на Изабеллаштрассе. Они официально воссоединились (возможно, даже заново заключили гражданский брак) 16 ноября 1922 года. После этого Фритц и Фанни Браун оставались мужем и женой в течение сорока лет и, видимо, жили в относительном согласии.

Зимой в Мюнхене, когда температура опускалась ниже нуля, семья Браун каталась на коньках на городских катках, выписывая круги в ярком свете фонарей. Ева была отличной фигуристкой – на фотографиях она

уверенно скользит на одной ноге, высоко подняв другую. Фанни Браун в отрочестве была чемпионкой по лыжам, и семья иногда ездила кататься в Баварские Альпы. По выходным, когда девочки достаточно подросли, они все вместе ходили на оперетты или в кино. Отсюда страсть Евы к китчу в искусстве — романтической музыке, сентиментальным и приключенческим фильмам. У них дома стояло пианино, и Ева брала уроки музыки. Наверное, они ей нравились, иначе не продлились бы долго. У Фанни был красивый певческий голос. Сестрички Браун, как и девочки Шрёдер (моя мама и ее сестры), принадлежали чуть ли не к последнему поколению людей, собиравшихся вокруг инструмента, чтобы попеть для собственного удовольствия. Сегодня нас по пятам преследует электронный звук. Нам даже представить себе трудно, насколько часто и много люди пели в прежние времена, сами того не замечая. Работая и гуляя, в компании друзей и детей, женщины пели так же естественно, как говорили. Заводной граммофон оказывал значительное культурное влияние, и благодаря огромному количеству пластинок (78 оборотов в минуту) и музыкальных изданий все знали наизусть тексты популярных шлягеров и даже арий, особенно опереточных.

Еву и мою мать Диту учили читать молитвы, уважать и слушаться своих родителей, учителей, да и любого взрослого человека. В двадцатых годах правила в семье устанавливали взрослые, исходя при этом из соображений собственного комфорта. Если родители не могли позволить себе прислугу, то девочки должны были помогать на кухне и в прочих повседневных хозяйственных делах. Мальчиков это, разумеется, не касалось — с детьми разных полов обращались очень по-разному. Сыновей воспитывали мужественными, смелыми, немногословными, прилежными учениками и галантными кавалерами. «Мужественным» считалось

не проявлять эмоций, и если материнские объятия время от времени допускались, то отца молодые люди никогда не целовали. Они ограничивались рукопожатием или, если состояли на военной службе, отдавали честь. Девочки же должны были быть ласковыми, глуповатыми и легковозбудимыми, бояться мышей, пауков, насекомых. Тщеславие поощрялось: многие родители придерживались мнения, что женщине полезнее быть красивой, чем умной.

Целомудрие между полами соблюдалось строжайшим образом. Гигиена почиталась превыше всего, но, хотя вся семья пользовалась одной ванной комнатой, дети никогда не видели родителей без одежды, а мальчики и девочки не мылись вместе. Культ здорового духа в сильном и невинном теле достиг апогея. Мальчикам и девочкам внушалась необходимость активных занятий физкультурой дома и в школе, желательно на открытом воздухе, еще лучше в холоде. Люди спали с открытыми окнами даже в морозные ночи. Моя мать еще помнит, как каждое утро должна была выскакивать из постели, широко разводить руки и наполнять легкие свежим воздухом. «*Tief atmen*! — командовал ее отец. — Дыши глубоко!» «*Tief atmen, zwölf mal... eins, zwei, drei... langsam, Schätzchen... vier, fünf, sechs...*»[1]. Тридцать лет спустя она заставляла меня делать то же самое — так глубоко укоренилась привычка.

В 1925 году, когда Еве было тринадцать и семья воссоединилась, Брауны переехали в более просторную квартиру неподалеку от прежней, в районе Швабинг-Вест. Она располагалась на четвертом этаже многоквартирного дома в нескольких кварталах от торгового центра Мюнхена. В двадцатые годы адрес «Гогенцоллернштрассе, 93/III» считался весьма престижным, пусть и с некоторым оттенком богемности. На рубеже веков, особенно в период ар-деко,

1 «Дыши глубоко, двенадцать раз... раз, два, три... не торопись, солнышко... четыре, пять, шесть...» (*нем.*).

Швабинг славился поколением беспечной авангардной молодежи — художников, поэтов, джазовых музыкантов, безудержно предающихся свободному искусству, стихоплетству, танцам и любви. Район, прежде застроенный изысканными зданиями в стиле модерн, сровняли с землей бомбы союзников, и теперь его по большей части заполонили скучные современные постройки. Однако квартира семьи Браун уцелела. Нанесенные бомбами повреждения военного времени были устранены, и апартаменты снова составляют часть ухоженного, симпатичного дома. Их окна выходят на Гогенцоллернплатц, приятный скверик с деревьями и детскими качелями. На первом этаже теперь находится аптека *Spitzweg-Apotheke* (во времена Евы там была пекарня).

В 1924 году, после четырех лет обучения в «народной школе», двенадцатилетнюю Еву Браун отправили в женский католический лицей в Мюнхене на улице Тенгштрассе, совсем недалеко от дома. Это казалось необычно в то время — только одна девочка из двадцати пяти посещала среднюю школу, где преподавались науки, а не ведение домашнего хозяйства. И только девять процентов из них ходили в лицей, открывающий дорогу к высшему образованию. Решение родителей отражало как либеральное воспитание матери (все девочки готовились к освоению профессии), так и склонность преподавателя Фритца ценить выгоды хорошего образования. Новая школа подходила Еве. Здесь, в отличие от мрачной монастырской школы в Байльнгрисе, она находилась в центре внимания. В лицее царила веселая атмосфера свободомыслия, учителя придерживались широких взглядов и были высокого мнения о Еве. Живая, общительная, любопытная и сообразительная, она определенно обладала качествами лидера и была способной, успевающей ученицей.

Но она не умела или не желала сосредоточиться. «Любое безобразие в классной комнате было ее рук делом, — вспоминала ее учительница фрейлейн фон Гейденабер. — Ева была ужасная шалунья, но вместе с тем умница. Она легко улавливала самую суть предмета и проявляла признаки независимого мышления». Ева Браун могла бы прекрасно справляться со всеми заданиями и получать хорошие оценки, если бы несколько серьезнее относилась к учебе. Но увы. Ей казалось, что популярность гораздо важнее.

Вскоре она начала искать внимания не только девочек, но и мальчиков. К пятнадцати годам Ева была полненькой, с толстыми ногами, но уже понимала, что главное — заманчивые обещания. Она вовсю флиртовала, копируя жесты любимых киноактрис, их остроумные реплики, их искусительную смесь бравады и лукавства. В сочетании с живостью и жизнерадостностью Евы юноши находили все это чрезвычайно привлекательным. На снимках в ранних фотоальбомах она строит глазки чисто выбритым, стройным, смеющимся молодым людям, но эти проявления подростковой дерзости совершенно невинны. Она проверяла свое воздействие на мальчиков, только и всего. Несколько моментальных снимков запечатлели Еву на мотоцикле старшего брата ее лучшей подруги Герты Остермайр вместе с другой одноклассницей. Все трое наклонились вперед, как гонщики, и хихикают в объектив. На одной фотографии Ева кокетливо сложила руки на коленях и соблазнительно улыбается через обнаженное плечико. Она была, если воспользоваться ласковым немецким словечком для девочки-подростка, типичная *Backfisch*[1].

1 Печеная рыба (*нем.*). В переносном значении — юная барышня, милая, веселая, легкомысленная и сентиментальная, в увлечениях и пристрастиях ничем не отличающаяся от миллионов своих сверстниц.

К середине двадцатых годов Фритца Брауна уже начали беспокоить брачные перспективы старших дочек. Его главной заботой было сохранить их девственность (первейшая обязанность отца по отношению к будущим зятьям). Невозможно переоценить значение, придаваемое немецкими родителями того времени целомудрию дочерей. Его требовали религиозные и общественные нормы, в особенности от католичек. Незамужняя девушка, лишившаяся невинности, была живым упреком отцу и позором для всей семьи. Уберечь Ильзе не составляло труда: она развивалась медленно и робела в присутствии молодых людей. А вот с Евой родителям приходилось несладко. Ее отроческие годы протекали в противостоянии отцу, в борьбе за право быть собой. Ему, кажется, никогда не приходило в голову, что она была не просто ветреной школьницей, ищущей одних развлечений. За маской эгоцентризма, за актрисой, жаждущей внимания и аплодисментов, скрывался кто-то менее тривиальный и более интересный. По настоянию матери Ева ходила в церковь, посещала мессы и уроки катехизиса. Неудивительно, что она прошла через период доведенного до крайности религиозного рвения. По словам ее дяди Алоиса: «Ее ревностное благочестие не раз ставило ее отца в неловкое положение. Иногда во время совместной прогулки они встречали одного из ее учителей богословия, и Ева приветствовала его словами «Хвала Господу», а Фритц, пусть и не особо шокированный, неодобрительно качал головой». Впоследствии ее религиозный пыл поутих, а походы в церковь сделались редки и нерегулярны, но она никогда не забывала о том, что жизнь ставит перед человеком моральные дилеммы, о том, насколько важен выбор своего пути.

Как утверждает Генриетта Гофман, Фритц Браун строил далеко идущие планы в отношении дочерей и был исполнен решимости заставить их усердно трудиться и до-

стигать успехов в школе. Скорее чтобы стать достойными образованного мужа, чем для заложения основ собственной карьеры. Ева могла бы быть первой ученицей в классе, как ее добросовестная сестра Ильзе, но отказывалась прилагать усилия. К огорчению отца, ее оценки в лицее не улучшались. Учителя продолжали хвалить ее способности и сетовать на ее лень. География и история, грамматика и математика, будущее Германии, ее политика, вожди, лозунги, инфляция – все это не интересовало Еву. Несмотря на небрежное отношение к учебе, она окончила школу с несколькими похвальными грамотами, свидетельствующими о наличии у нее интеллектуальных задатков. Кузина Гертрауд сообщила, что ни одна из сестер Браун не получила аттестата о среднем образовании, что странно, принимая во внимание уважение их родителей к академическим достижениям. Это означало, что все они покинули школу без перспективы университетского образования и должны были сразу идти работать.

В 1928 году Ева полагала, что пришла пора зарабатывать на жизнь, поскольку ей уже шестнадцать с половиной и учеба в школе завершена. Однако родители решили, что сперва следует укротить ее нрав, улучшить манеры и привить такт, если она хочет когда-нибудь найти приличную работу, не говоря уже о приличном муже. Годик-другой в пансионе благородных девиц при каком-нибудь монастыре пошел бы ей на пользу. Подобные заведения обучали своих воспитанниц правилам этикета, в том числе и приличным манерам за столом. (Впоследствии Ева определяла социальный статус своих гостей по тому, насколько ловко они могли удалить хребет форели, чтобы остались два кусочка рыбы без костей.) Но главное, Фанни надеялась, что пансион придаст Еве культурного лоска и углубит ее религиозные чувства. Еве предстояло покинуть дом, сменить круг общения, расстаться со своими друзьями, шумными

веселыми вечеринками, где ее знали и любили, чтобы провести два года взаперти с монашками. Она негодовала, плакала, закрывалась в своей комнате, но родители оставались непреклонны.

Возможно, за ее сценами таилось чувство отверженности. В течение тех лет, что семейство жило без отца, ее единственную отослали из Мюнхена в Байльнгрис. Тогда ей было всего семь или восемь, но девочки в этом возрасте вполне способны размышлять и делать выводы.

К 1928 году Ильзе было почти двадцать лет. Эту пай-девочку никогда не бранили. Тринадцатилетняя ласковая Гретль оставалась всеобщей любимицей. Недовольство Фритца Брауна в основном выплескивалось на Еву, и ей доставалось за все семейные неурядицы, бушующие за фасадом внешнего благополучия. Не из-за того ли она искала восхищения окружающих, что чувствовала себя нежеланной дома? Ева всегда противилась воле отца сильнее остальных сестер, но зачастую он критиковал ее несправедливо. Она была хорошей девочкой католического воспитания, старалась, пусть и без должной усидчивости, хорошо учиться в школе. В глазах Евы это выглядело так: она не делает ничего плохого, разве что сплетничает и хихикает с подружками да заигрывает с неуклюжими мальчишками. А они снова собираются отправить ее в ссылку!

Выбранный родителями монастырь Английских Сестер находился в маленьком городке Зимбах в 120 километрах к северо-востоку от Мюнхена, прямо на границе с Австрией. Неясно, где Фритц Браун взял деньги на оплату дорогого пансиона, но, может быть, ему помог «господин доктор ветеринарии» Кронбургер. Только одна фотография той поры осталась в альбоме Евы. Группа флегматичных девочек с несчастным видом, без улыбки смотрит в объектив. Туго заплетенные косички, уродливая униформа. Жертвы твердой решимости сестер подавить любое

проявление сексуальности и жизнерадостности. Еда в монастыре была жирной, нездоровой – Ева поправилась на пять килограммов, из-за чего ее хорошенькое личико округлилось, тело и ноги потолстели. Одна из монахинь вспоминала много лет спустя, что у Евы не было близких друзей в пансионе – что немыслимо, когда речь идет о таком общительном человеке. Недовольной, одинокой, скучающей, ей нечем было развлечься, даже если представлялся случай выбраться из монастыря.

Зимбах – маленький провинциальный город, значимый лишь потому, что расположен на реке Инн, на самой границе. Напротив него в Австрии лежит городок Браунау-ам-Инн, где родился Гитлер. Монастырь стоял на немецкой стороне. Мост, начинавшийся всего в полумиле от места «заточения» Евы, пересекал границу и реку и выходил на австрийскую сторону, прямо на главную улицу Браунау. Зимбах может похвастаться несколькими зданиями баварского барокко – но Ева среди них выросла. И пышным убранством католических церквей – но на жаждущую веселья девушку они могли только наводить уныние.

Оба города были консервативны и чопорны, они отражали систему ценностей Алоиса Гитлера, представительного таможенного чиновника, пользовавшегося престижем своей должности, чтобы помыкать подчиненными, семьей и, что особенно важно, сыном – двадцать пять лет назад.

В монастыре сейчас располагается дом престарелых, где по сей день хозяйничают Английские Сестры. Теперь они пекутся о беспокойных душах больных стариков, направляя их к благочестивой кончине. Изнутри элегантные здания начала девятнадцатого века были полностью переоборудованы в соответствии с современными стандартами, но в них сохранилась гнетущая атмосфера закрытого авторитарного заведения. Низкие, узкие двери по сторонам

низких, узких коридоров ведут в низкие, тесные комнаты. Взад-вперед скользят монахини в белых апостольниках и черных одеяниях. Никто не помнит Еву — ее наставницам сейчас уже перевалило бы за сто. К тому же монастырские записи, в том числе и школьные, утеряны или уничтожены. Нынешняя мать настоятельница подтвердила, что Ева была воспитанницей пансиона, добавив: «К нам до сих пор многие приходят с расспросами». Но больше ничего не поведала. Фрейлейн Браун явно остается щекотливой темой для Сестер.

Уныние, которое я ощутила во время своего визита в августе 2004 года, вполне возможно, сохранилось еще с тех времен, когда здесь училась Ева. Ненавидя монастырь и улыбающихся непреклонных монахинь, она мучилась и изводилась под гнетом строгого режима, угрожала убить или покалечить кого-нибудь, если ее вынудят находиться здесь и дальше, клялась сбежать в Вену. Наперекор воле родителей она категорически отказалась оставаться еще на год. И добилась-таки своего. Всего через девять месяцев Ева покинула монастырь. Не в 1930 году, как хотели ее родители, а в июле 1929-го, на год раньше. Второй раз она не смогла получить аттестат, уходя со «справкой о среднем образовании». Не потому, что была глупа, вовсе нет. Просто, как и прежде, она относилась к учебе несерьезно. Последний отчет из монастыря звучал уничижительно: «Ваша дочь умна и честолюбива... но не заинтересована в успеваемости и считает наши правила неоправданно строгими». За неодобрительными словами мелькает образ непоседливой девочки-подростка, бунтующей против «строгих правил», с нетерпением ждущей вступления во взрослую жизнь. Но заметьте, в лицее ее считали «способной к независимому мышлению» и «честолюбивой». Сестра Мария-Магдалена ответила одному журналисту: «Ева была честолюбива и умна, обладала красивым голосом. Она блестяще

играла в любительских спектаклях. И регулярно посещала церковные службы». (Можно подумать, у нее был выбор!) Впрочем, кое-что важное в монастыре действительно сделали. Там проводился ежегодный гинекологический осмотр всех учениц, из результатов которого следует, что в семнадцать с половиной лет Ева совершенно точно была девственницей.

Двухчасовой поезд в Мюнхен отправился с вокзала города Зимбах. Это одно из немногих мест, которое в наши дни выглядит точно так же, как и когда по нему проходила Ева. Его размеры поражают: для такого крошечного городка вокзал просто огромен. Слева от рельсов находятся запасные пути, которыми сейчас редко пользуются. Вдоль них на двести метров тянется ряд гаражей из красного кирпича. Их зарешеченные окна обращены туда, где некогда подъезжающие товарные составы разгружались для таможенного досмотра. С правой стороны возвышается здание вокзала, построенное в семидесятых годах девятнадцатого века. За внушительными полукруглыми дверями расположено около дюжины пыльных полузаброшенных помещений с высокими потолками. Размеры и былую красоту этих комнат подчеркивают облезлые двери и ржавые оконные рамы, напоминающие о временах, когда все путешествовали поездом. На железнодорожных путях даже сохранились деревянные шпалы. Стоящий на платформе видит точно то же, что видела Ева, ожидая поезда в Мюнхен: одноэтажные постройки слева, убегающие вдаль рельсы. С чемоданчиком под боком, оставив позади школу, монастырь и монахинь, Ева Браун наконец-то была свободна.

Глава 5

Детство Гитлера

Покинув монастырь в июле 1929 года, Ева быстро сбросила личину школьницы. Когда она вернулась домой, ей было семнадцать с половиной лет. Круглолицая пухленькая девушка не поражала красотой, зато не по годам серьезно заботилась о внешнем виде, осознавая свою сексуальную привлекательность. Ее представления о досуге заключались в болтовне, новинках популярной музыки, последних фильмах. Она никогда не упускала возможности блеснуть на вечеринках в кафе, пивных двориках и клубах Мюнхена. Ее дразнящий флирт не знал пределов, ее растущий интерес к противоположному полу ни для кого не был секретом, хотя она уже привыкла к обществу мальчиков. Преподавательская работа Фритца Брауна предоставляла Еве массу возможностей — он брал ее с собой в пешие и лыжные походы со своими учениками, пока гитлерюгенд не взял под контроль все развлекательные мероприятия для подростков. На групповых снимках с таких прогулок Ева всегда сидит в центре в вальяжной позе, смеясь, положив руку на плечо одному молодому человеку или на колено другому, наслаждаясь всеобщим вниманием. Если бы ее отец заподозрил что-то неподобающее, то, конечно, запретил бы ей участие в этих чисто мужских походах. Но очевидно, из монастыря ему сообщили, что причин для беспокойства нет. Его дочь все еще оставалась *virgo intacta*[1].

1 Девственница (*лат.*).

Пожелай Ева сосредоточиться, она могла бы начать подготовку к карьере. Но ей хотелось насладиться первыми месяцами юношеской свободы. Ей решительно надоело учиться, пусть родители этого и не одобряли. Непосредственной и порывистой девушке не терпелось ускользнуть из-под надзора отца, осуждавшего чуть ли не каждый ее шаг. Двадцатилетняя Ильзе все еще жила под его кровом, хотя, работая в приемной еврейского врача, получала приличные деньги и вполне могла бы позволить себе снять квартиру или комнату. Но Фритц Браун, как большинство отцов того времени, требовал, чтобы до замужества дочери жили с ним. Он считал себя вправе следить за тем, чтобы его дочери были «хорошими девочками», то есть послушными и верными мужу, хозяйственными, добродетельными и набожными. Тихая и серьезная Ильзе могла принимать это безропотно, но свободолюбивой, порывистой Еве такие ограничения не на шутку досаждали. Она хотела стать актрисой театра или кино либо, если это невозможно, чемпионкой по фигурному катанию, в общем – кем угодно, только бы служить объектом всеобщего восхищения. Ее отец придерживался иных взглядов. Он заставил ее пойти на курсы стенографии и машинописи и отправил работать в приемную врача. Ева ненавидела и то и другое. Наткнувшись на объявление о вакансии ученика-ассистента в фотоателье Гофмана, она на него ответила (а скорее, это сделал ее отец). В ее резюме было указано, что она получила среднее образование, прошла краткий коммерческий курс, с недавнего времени работает секретарем, но больше заинтересована в фотографии, к которой у нее врожденные способности. Она вполне могла бы быть подходящим кандидатом на место. Так и оказалось – Гофман принял ее.

Ева была еще почти ребенком, когда впервые встретила Гитлера, но он предпочитал юных, наивных и по-

кладистых женщин, и разница в возрасте в двадцать три года, возможно, казалась ему идеальной. Она соответствовала его потребности в отношениях, где он волен диктовать свои условия. Он имел обыкновение говорить: «Нет ничего лучше, чем воспитывать юное создание. Девушка восемнадцати–двадцати лет податлива, как кусок воска. Мужчина должен иметь возможность... наложить на нее свой отпечаток. Женщины, между прочим, только того и ждут». Учитывая, что речь идет о Германии конца двадцатых, он мог быть даже прав. Ева — безыскусная, живая, старающаяся угодить — была идеальным «воском» в руках Гитлера. Трудно сказать, что думала Ева об их разнице в возрасте. Разумеется, поскольку Гитлер был всего на десять лет моложе ее отца, она воспринимала его как «мужчину в годах», хотя и не питала к нему дочерних чувств. Несмотря ни на что, Ева влюбилась в него с первого взгляда. Через пятнадцать лет она напишет ему: «С нашей первой встречи я поклялась следовать за тобой повсюду, даже в мир иной. Я живу только ради твоей любви». Ее непреодолимое влечение к нему не имело ничего общего с его славой политика: Ева, которая знала все слова каждой популярной песенки, все па каждого модного танца, которая могла часами сплетничать о любой звезде современного кино, не имела ни малейшего представления о политике. Политика была мужским делом.

Что же еще нашел в Еве Гитлер, помимо податливости, свойственной всем ее ровесницам? Она была своя. Происходила из тех же мест, что и он. Ее баварские манеры и мюнхенский акцент должны были сразу привлечь его. Недалекой она не была, но и не блистала умом; хорошенькая, но не красавица; живая, но не истеричная. Она не представляла для него угрозы, только стремилась угодить. Никто из его ближайшего окружения не мог понять, чем именно она сумела заинтересовать его. Но влечение Гит-

лера к Еве выглядит совершенно логично, если принимать во внимание его ранние годы и в первую очередь отношения с родителями. Он никогда не раскрывал унизительных подробностей даже самым старым и преданным коллегам по партии, наоборот, изо всех сил старался скрыть их. «Майн Кампф» выставляет его детство в приукрашенном и по большей части фальшивом свете. Истории, которые он любил повторять друзьям, предназначались только для совершенствования его образа избранного судьбой вождя. С правдой они имели мало общего. Если юный Адольф и вызывает некоторое сострадание, то это сострадание к побитому ребенку.

Адольф Гитлер родился в 1889 году, до того, как Фрейд стал выдвигать свои революционные идеи и взгляды на воспитание детей, в особенности – теорию эдипова комплекса. Детей едва ли признавали самостоятельными разумными существами, в них видели маленьких дикарей, которых следует укрощать. За малейшую провинность мальчишкам полагалась порка. Наставление «пожалеешь розги – испортишь ребенка» звучало чрезвычайно разумно для большинства родителей. Адольф рос в то время, когда побои для мальчиков считались нормой, даже оправданной необходимостью. Мужчина был хозяином в своем доме. Семейный уклад, основанный на превосходстве сильного над слабым, повторялся в миллионах семей, в отношениях между миллионами отцов и сыновей. Это иерархическое применение силы предопределило методы, которыми в будущем Гитлер станет осуществлять свою власть. Сделавшись фюрером, он получит в распоряжение мощнейшее оружие разрушения в лице рабски покорных ему сподвижников. Насилие и презрение часто вырастают из унижения, какового в юности он хлебнул предостаточно. Американский детский психолог Элис Миллер подчеркивает:

Систематическая жестокость педагогических рекомендаций немецким родителям столетие назад напрямую связана с систематической жестокостью палачей Гитлера сорок лет спустя. Многочисленные и пользующиеся широкой популярностью трактаты советовали приучать младенца к послушанию с первого дня жизни, заставляя его сдерживать плач. Даниель Готлиб Шребер [Бенджамин Спок или Пенелопа Лич той эпохи[1]] был убежден, что малышей надо шлепать, чтобы они перестали плакать. Безжалостное приучение к повиновению в самом раннем детстве препятствовало развитию таких человеческих качеств, как милосердие и сочувствие чужим страданиям.

Оставив в стороне садистские советы педиатров — что же за гены наполняли стоячий водоем, откуда явился на свет такой извращенный феномен, как Адольф Гитлер?

В июне 1837 года в отдаленном, задавленном нищетой уголке Австрии между Дунаем и границей Богемии, если точнее — в деревне Штронес, служанка по имени Мария Шикльгрубер в возрасте сорока двух лет дала жизнь внебрачному сыну. Как ни странно, он был ее первым ребенком. По просьбе матери его нарекли именем Алоис. Незаконнорожденный мальчик — сын, как гласит свидетельство о рождении, «неизвестного мужчины» — сорок пять лет спустя породил Адольфа Гитлера. Деревенские сплетники приписывали отцовство странствующему мельнику, которого звали Иоганн Георг Хидлер. Через пять лет, то есть в сорок семь, Мария вышла замуж за Хидлера, но тот так и не потрудился официально признать сына (если

1 Бенджамин Спок (1903–1998) — знаменитый американский педиатр и педагог, автор популярной во всем мире книги «Ребенок и уход за ним». Пенелопа Лич (р. 1937) — психолог и педиатр, ее книги о воспитании детей пользуются не меньшим успехом.

предположить, что Алоис действительно был его сыном). Затем она оставила свое единственное дитя на попечение младшего брата мужа Иоганна Непомука Хидлера, который иногда произносил свою фамилию как «Хюттлер». Кто на самом деле зачал Алоиса, неясно по сей день, но незаконнорожденные были обычным явлением, и он носил фамилию Шикльгрубер почти до сорока лет. Все слухи о еврейской крови можно с уверенностью назвать беспочвенными, и, скорее всего, кто-то из двух братьев — Иоганн Георг или Иоганн Непомук — был настоящим отцом Алоиса Шикльгрубера.

Отец Гитлера вырос бабником и был из тех, кого соседские сплетницы называют «похотливый старый козел». Мелкий чиновник, строгий и педантичный на работе, он пользовался уважением внутри общины, но дома вел себя как неуравновешенный тиран и обыкновенный, склонный к рукоприкладству пьяница. Он избивал жену и сына без всяких причин, просто потому, что от души накачался пивом. Справедливости ради надо сказать, что он, должно быть, обладал честолюбием и целеустремленностью, раз ему удалось продвинуться по службе в австрийском министерстве финансов так далеко, как только позволяло его низкое происхождение. Он стал сотрудником таможни и заслуженно гордился своей должностью, однако карьерный рост явно не охладил его жадности до женщин — чем моложе, тем лучше. Первая жена Алоиса была на четырнадцать лет старше его. Ее звали Анна Глассль. Не исключено, что он женился на ней ради денег, как часто делали нуждающиеся молодые люди. Она умерла десять лет спустя, так и не обзаведясь потомством (когда они поженились, ей было пятьдесят, так что детей и не могло быть). Кроме того, у него была молоденькая любовница (на двадцать четыре года моложе) Франциска Матцельсбергер — Фанни — и сын от нее,

которому он при крещении дал свое имя, Алоис. После смерти первой жены в 1883 году он был вынужден жениться на Франциске, уже носившей их второго ребенка, девочку по имени Ангела. Тогда же он решил признать официально своего маленького сына Алоиса. Одного бастарда в семье вполне хватало. Он не собирался передавать клеймо по наследству.

Будучи заметным человеком в общине, Алоис, в очередной раз став вдовцом, должен был восстанавливать доброе имя очередной соблазненной девушки. С шестнадцати лет Клара Пёльцль была горничной, поварихой и, разумеется, любовницей Алоиса. (Похоже, это что-то вроде семейной традиции Гитлеров – брать в услужение молодых родственниц и соблазнять их.) Как только Фанни умерла (в 1885 году), Клара тут же стала третьей женой Алоиса. Она была на двадцать три года моложе мужа. Они поженились в январе 1885 года. Клара уже была беременна. Как и ее супруг, она родилась в крошечной деревне Шпитталь в Вальдфиртеле, бедном уголке Австрии, где жители по большей части вели натуральное хозяйство. В то время мало кто имел представление о евгенике, несмотря на то, что Библия запрещала браки между родственниками. Трудно проследить все корни, ветви и веточки фамильного древа, но важно, что в браке родителей Адольфа Гитлера переплелись генетические заросли Шпитталя, откуда оба вели свой род. И многие отпрыски этой общины страдали психической или физической неполноценностью. Мать Клары до замужества звалась Иоганна Хидлер, так что ее отцом должен был быть один из тех самых двух Иоганнов, возможно, тот же, который якобы дал жизнь Алоису. Клара была слишком близкой родственницей своего мужа – троюродной сестрой и дочерью его сводной сестры, то есть вдобавок его племянницей. Она наивно обращалась к супругу «дядя Алоис». Деревню мало волновала кровосмесительная ро-

дословная четы Шикльгрубер, но сорок лет спустя она стала источником навязчивой тревоги для их знаменитого на весь мир сына и серьезно повлияла на будущее Евы Браун.

В течение последующих четырех лет Клара родила мужу двух сыновей, Густава и Отто, и дочку Иду. Все они умерли в детстве. 20 апреля 1889 года в маленьком австрийском городке Браунау-ам-Инн, через реку от баварского Зимбаха, родился третий сын, и ему дали имя Адольф. За три года до того его отец сменил фамилию с Шикльгрубер на Гитлер. Это означало, что фамилия новорожденного была Гитлер, а не Шикльгрубер, к счастью для него[1]. И это было единственное, в чем ему повезло. В остальном же жизнь будущего фюрера началась в весьма плачевных условиях. Скверная генетическая наследственность усугублялась бедностью, невежеством и грубостью. Рядом не было никого — ни учителя, ни священника, ни деда, — кто мог бы заметить, что Адольф Гитлер растет необычайно сообразительным и впечатлительным мальчиком, и вмешаться, чтобы защитить его.

Единственное исключение составляла его мать. Кларе Гитлер было двадцать девять лет, когда ее сын Адольф появился на свет. Она уже успела родить своему плодовитому пятидесятидвухлетнему мужу одного за другим троих детей, одновременно исполняя обязанности мачехи Алоиса и Ангелы, его старших сына и дочери от второго брака. Она была хорошей женой, трудолюбивой, честной и преданной самодовольному таможенному служащему, который годился ей в отцы. Клара прекрасно понимала, что он женился на ней, чтобы соблюсти приличия, официально признав ее нерожденного ребенка. Брак с обеспеченным чиновником мог считаться неслыханной удачей для простой служанки. Взамен долг требовал от нее заботиться

1 «Хайль Шикльгрубер!» – как бы это звучало? (*Прим. автора.*)

о двух осиротевших детях так же, как о своих двух выживших – Адольфе и его младшем брате Эдмунде. И разумеется, разделять ложе с Алоисом. В 1896 году Клара родила ему последнего, шестого ребенка – дочь Паулу. Паула была умственно отсталой, и, став взрослым, ее брат Адольф старался держаться от нее подальше.

В свете современных представлений о романтической любви трудно поверить, что Клара когда-либо любила своего драчливого мужа. В бедных сельских общинах сто двадцать лет тому назад любовь имела совсем иные коннотации, в ней не видели ничего романтического. Любовь означала долг, стоицизм, постоянный тяжелый труд, набожность и, прежде всего, статус замужней женщины, за который жена платила беспрекословным подчинением своему хозяину и господину. Такое положение вещей сохранялось очень долго. Моя немка-мать, которая вышла замуж почти через пятьдесят лет, в течение первого десятилетия брака обращалась к отцу «господин и хозяин». И не совсем в шутку. В глубине души она и правда так считала.

Жены повиновались не только своим мужьям, но и Богу. Клара была благочестивой прихожанкой Римской католической церкви, регулярно посещала мессы и поощряла Адольфа, когда он подвизался алтарником в церкви Браунау, где его крестили. В разделе «Майн Кампф», посвященном детству, от писал: «В Ламбахе у меня была отличная возможность вдоволь упиваться торжественной роскошью и ослепительным блеском церковных праздников». Воцерковление проникло глубже, чем он осмеливался признать. Через месяц после пятнадцатого дня рождения (необычно поздно для католика) Адольф Гитлер прошел обряд конфирмации в Линце. Он не отрекался от веры до конца жизни, что, впрочем, не помешало ему преследовать и уничтожать миллионы своих единоверцев.

Молодые женщины должны были соблюдать неписаные, но священные правила, установленные старшими. В конце девятнадцатого века примитивная крестьянская община видела в женщине только средство продолжения рода, не более ценное, чем хорошая дойная корова или плодовитая свиноматка. Супруг, священник, хмурые деревенские матроны — все беззастенчиво пользовались властью над ними. Но для Клары главным угнетателем был ее муж Алоис. Она жила в постоянном страхе побоев, хотя сносила их, не жалуясь, как того требовал обычай. Ее чуткий и наблюдательный сынишка видел, как безобразно обращается с ней муж, но ничем не мог помочь. Когда Адольф подрос, ему тоже стало доставаться от отца. По словам сводной сестры Ангелы, которая жила вместе с ними, «он каждый день получал знатную порку», что только усугубляло его страх и ненависть к отцу. Позже он рассказывал одной из своих секретарш: «Прочитав однажды у Карла Мая [автора его любимых приключенческих рассказов], что настоящий мужчина никогда не показывает, как ему больно, я твердо решил не издать ни звука в следующий раз, когда он будет меня бить. И когда настал момент, я стал считать удары. Мама думала, я сошел с ума, когда я гордо сообщил ей, что отец ударил меня тридцать два раза». Зато мать вкладывала всю свою любовь, все свои надежды в единственного сына, дожившего до отроческих лет.

Между матерью и сыном сложились очень близкие отношения. К 1894 году, когда Адольфу было пять лет, Клара уже потеряла двух маленьких сыновей, и потому, возможно, чересчур переживала за оставшегося. Адольф, унаследовавший ее невероятно проницательные голубые глаза, считал, что и характером пошел в нее. Правда, это как-то не увязывается с его описанием матери как «смиренной, застенчивой, тихой... измученной печалями и заботами»

женщины. Между ними возникла тесная связь, своего рода *folie à deux*[1], и Клара навсегда осталась для него образцом идеальной жены и матери, что повлекло за собой тяжелые последствия для целого поколения немецких жен и матерей. Убежденный, что единственное предназначение женщины заключается в воспитании детей и безупречном ведении незамысловатого хозяйства, юный Гитлер — как и большинство его современников — усвоил весьма узкие взгляды на взаимоотношения полов.

Алоису исполнился шестьдесят один год, до отставки оставалось совсем недолго. В ноябре 1898 года он перевез семью в деревушку Леондинг неподалеку от Линца, сонного провинциального городка с населением не больше шестидесяти тысяч. На тот момент Адольфу было девять лет, но всю оставшуюся жизнь он считал Линц своим родным городом. В том же году ему пришлось оставить управляемую бенедиктинцами начальную школу при монастыре Ламбаха, где учеба давалась ему легко, и перейти в более строгую *Realschule* (среднюю школу, ориентированную больше на ремесла, чем на классические предметы) в Линце. Там ему не нравилось. Он плохо себя вел, учителя его не любили, и оценки ухудшались. Как и отношения с отцом.

У маленького Адольфа вызывало отвращение хамское поведение Алоиса и его чрезмерное потребление пищи и алкоголя, хотя для большинства баварцев сие означало не более чем общительный характер и здоровый аппетит. Его собственные вкусы были крайне непритязательны. Кажется, с детства и до конца дней его единственной слабостью были пирожные с жирным кремом. Став впоследствии вегетарианцем, он редко пил спиртное и никогда не курил; никогда не плавал и не танцевал. И уж конечно, никогда не принимал участия в «чисто мужских» вульгарных

1 Помешательство на двоих (*фр.*).

пирушках и попойках, как его отец. Надо полагать, семья облегченно вздохнула, когда Алоис внезапно скончался от сердечного приступа на местном постоялом дворе в 1903 году, в возрасте шестидесяти пяти лет. Адольфу на тот момент было четырнадцать, а его единственной выжившей родной сестре, недоразвитой Пауле, — семь. В сентябре того же года его сводная сестра Ангела вышла замуж за Лео Раубаля (тоже таможенного чиновника) и покинула дом. Оставшиеся члены семьи — Клара с двумя детьми и ее сестра Иоганна Пёльцль, злобная горбунья, унаследовавшая небольшое состояние, — настроились на спокойную жизнь, обеспеченную щедрой государственной пенсией Алоиса.

В июне 1905 года Клара продала дом в Леондинге и, при финансовой помощи Иоганны, переехала в небольшую квартирку в центре Линца. Еще некоторое время Адольф продолжал учиться, но не более усердно, чем раньше. Он был очень умный мальчик — с этим соглашались все учителя, — но высокомерный и апатичный. Он ленился приложить усилия или сосредоточиться, считая, что и так все знает. Не то чтобы его отвлекали всплески подростковой сексуальности. Его бывший одноклассник утверждает: «Исключено. Адольф никогда не интересовался девочками». Он проучился год в средней школе (из бенедиктинской его, по-видимому, выгнали) и в шестнадцать лет, в сентябре 1905 года, завершил образование с неудовлетворительными оценками и без диплома. И невозмутимо принялся транжирить отцовское наследство — сколько удавалось выпросить у матери, потому что свою долю он получить не мог до двадцати четырех лет, то есть до 1913 года. Его расточительство, вероятно, являлось как актом злобной мести, так и первой из многочисленных попыток скрыть свое мелкобуржуазное происхождение. Тощий подросток разгуливал по улицам Линца в от-

деланном шелком пальто и черных лайковых перчатках, помахивая тросточкой с набалдашником из слоновой кости. Не трудясь и не зарабатывая денег, он каждый вечер ходил в оперу, одевался как парижский франт и всячески потворствовал своей новообретенной страсти к Вагнеру. Он выглядел, должно быть, нелепо, но был исполнен решимости испытать себя в облике художника и эстета вне классовой принадлежности.

Вскоре провинциальный Линц сделался для него слишком тесен. Он поехал в Вену, принялся посещать ее театры и картинные галереи, набрасывать эскизы, читать взапой. Он был чудак, одиночка, жил в воображаемом мире. Сумрачный и застенчивый юноша с мертвенно-бледным лицом и лоснящимися черными волосами шарахался от женщин. Еще в детстве Гитлер не любил девочек и избегал их, а в юности проститутки наводили на него почти патологический ужас. Став старше, он возвел хитроумные барьеры против физической близости с какой бы то ни было женщиной. Отчасти это могло объясняться тем, что он имел одно неопустившееся яичко, и хотя это не влияет на потенцию, стеснялся раздеваться перед женщиной, не будучи как минимум уверен, что она его не высмеет. Воздержание, кроме того, отражало его убеждение, что секс является примитивным инстинктом, необходимым только для зачатия потомства, в противном случае — это постыдный плотский грех, с которым надлежит бороться по мере сил.

В январе 1907 года Адольф узнал, что у его матери Клары рак груди и она ложится на операцию. Он вернулся из Вены домой. Но, не сразу осознав, что она действительно смертельно больна, снова покинул Линц в сентябре, чтобы сдать вступительные экзамены в венскую Академию изобразительных искусств. На которых провалился, так как не имел способностей к рисованию. Ди-

ректор по доброте душевной посоветовал ему подумать об изучении архитектуры, хотя места предложить не мог. Гитлер тут же вообразил, будто ему суждено стать великим архитектором — и лелеял эту мечту всю оставшуюся жизнь. Он был настолько погружен в себя, что, только когда его мать перестала вставать с постели, понял, как близок ее конец. Адольф помчался обратно в Линц и в последние недели нежно заботился о матери. Доктор Блох, лечивший ее еврейский врач, говорил, что «никогда еще не видел такой глубокой сыновней привязанности и такого искреннего горя». Адольфу было восемнадцать. С того дня и до самой смерти он носил фотографию матери в нагрудном кармане.

Четвертого июня 1908 года, спустя шесть месяцев после смерти мачехи, сводная сестра Адольфа Ангела Раубаль родила второго ребенка, дочку, которую назвала Ангела Мария. Через два года, в 1910-м, ее муж Лео умер, оставив двадцатисемилетнюю вдову с тремя детьми и умственно отсталой сестрой Гитлера Паулой в придачу. На содержание семьи из пяти человек у фрау Раубаль было только ее вдовье пособие да маленькое наследство от отца, и ее дети проводили свои ранние годы в нищете. Адольф, прожигавший жизнь в Вене, не предлагал помощи и отказывался разделять ответственность за Паулу.

В 1908 году девятнадцатилетний Гитлер был сиротой без специальности, без работы, без связей — парией в буржуазном обществе. Его снедали злость и уныние, его руки и карманы были пусты, зато ум полон непомерных амбиций и грандиозных идей. Он был уверен в своем таланте, а может быть, даже и гении, который позволит ему стать художником или архитектором. Через несколько лет, сильно приукрасив этот венский период, он напишет своему духовному наставнику Дитриху Эккарту: «Я изучал историю искусства, цивилизаций и архитектуры, насколько

позволяли мои средства, а также интересовался вопросами политики. Хотя я родом из абсолютно космополитической семьи, школа суровой реальности меньше чем за год превратила меня в антисемита». Абсолютно космополитическая семья?.. Эккарт был оголтелым антисемитом, и Адольф, видимо, таким образом заискивал перед новым влиятельным другом, поскольку в Вене он, похоже, как раз общался с евреями. Его фанатичный расизм развивался постепенно, не один год, зато в самой отвратительной, бесчеловечной форме. Годы, проведенные в Вене, только заложили основу, заронили в его душу семена патологической ненависти к людям, культуре, влиянию и богатству которых он втайне завидовал, — евреям.

Единственным близким другом Гитлера в те дни был Август (Густль) Кубицек, тоже из Линца. Кубицек вспоминал много лет спустя: «Книги составляли весь его мир... Он читал взапой и благодаря своей уникальной памяти набрал гораздо больший багаж знаний, чем обычно бывает у двадцатилетних. Но никогда не обсуждал прочитанного». Молодые люди одно время жили вместе, и Кубицек заявил: «...в отличие от многих подростков [Гитлер] не ублажал себя постоянной мастурбацией... Он придерживался тех суровых правил, которые установил как для себя, так и для будущего государства». Их мюнхенский домовладелец Йозеф Попп умудрялся присматривать за своими жильцами, хотя Адольф Гитлер и пользовался отдельным входом. Он говорил, что Гитлер ни разу не привел девушку к себе в комнату и не водил знакомств с женщинами, с которыми мог бы вступить в интимные отношения. Немецкий историк Вернер Мазер беседовал с бывшим домовладельцем в 1966 году и сообщил потом: «Ни господин Попп, ни его супруга не могли вспомнить, чтобы Гитлер когда-либо появлялся в обществе женщины или упоминал о какой-нибудь своей подружке».

В течение следующих четырех лет Адольф опускался, пока не достиг самого дна венского общества, поселившись в запущенном общежитии для рабочих почти без друзей и без гроша в кармане. Но продолжал общаться с Кубицеком, который остался единственным достоверным источником информации о венском периоде Гитлера. Армия могла бы стать выходом: по крайней мере, у него появилось бы регулярное питание и занятие. По закону он должен был поступить на военную службу в 1909 году, но три года увиливал от призыва. В мае 1913-го ему исполнилось двадцать четыре года, и он получил доступ к долгожданному отцовскому наследству в размере 820 крон. Преследуемый властями, он бежал из Вены в Мюнхен, но в январе 1914 года австрийская полиция настигла его. Гитлер был взят под стражу, но признан негодным к боевым действиям по медицинским показаниям. Однако в августе 1914 года, как только была объявлена война, он пошел добровольцем в баварскую армию, и его приняли в 16-й баварский резервный пехотный полк в чине капрала. Служа посыльным на Западном фронте, Адольф не получил повышения, зато сумел отличиться и был награжден Железными крестами I и II степени. Его полк принимал участие в битве при Ипре, после которой остались в живых только шестьсот человек из трех тысяч. Он покинул армию в 1918 году, закаленный и ожесточенный войной и зрелищами массовой бойни, еще более замкнутый и нетерпимый, чем прежде.

Разница в возрасте между Гитлером и Евой особенно ощутима оттого, что в 1918 году он был ветераном войны, а она — шестилетней малышкой, играющей со своими куклами, котенком и сестричкой Гретль. Война практически не коснулась ее. Семье Браун повезло — никто из их близких не погиб в боях.

Моя мама, которой в ту пору тоже было шесть лет, запомнила, как ее тетя (моя двоюродная бабушка, моя дорогая тетушка Лиди) прилагала все усилия, чтобы найти двух своих братьев, объявленных «пропавшими без вести, предположительно погибшими». Мать Лиди посылала ее, в начале двадцатых молодую девушку, на центральный вокзал Гамбурга каждый раз, когда приходил очередной поезд, везущий домой солдат с фронта. Ей приходилось стоять у ограждения, высоко подняв фотографии пропавших, и тщетно кричать: «Кто-нибудь видел моих братьев? Пожалуйста, посмотрите, может быть, вы их узнаете? Прошу прощения, милостивая сударыня, всего минутку... ну пожалуйста!» Кругом изможденные солдаты обнимали своих жен, матерей и сестер, никто не обращал на нее внимания. И каждый раз Лиди возвращалась со своей голгофы, чтобы сообщить рыдающей матери: никто не узнал двух молодых людей. Они так и не вернулись, их тел тоже не нашли. Еще два брата — Юлий и Август — погибли на войне, но родные не могли посетить их могилы. Двадцать лет назад среди унылых равнин Северной Франции я искала своих двоюродных дедушек на немецких военных кладбищах, зачастую расположенных через дорогу от британских. Над каждой британской могилой стоял каменный крест с высеченной надписью «Солдат, известный одному Богу». Немецкие двойные кресты были из железа. Я ходила от одного к другому в поисках фамилии НОЙБЕРТ, но могил было слишком много, я так их и не нашла. Четверо молодых людей бесследно исчезли в огне, дыму и грязи Великой войны.

Унизительные последствия Первой мировой войны, когда победители навязали Германии непомерные репарации и выхолостили страну, сократив численность ее армии до ничтожной доли довоенной мощи, вдохновили Гитлера

на идею создания новой непобедимой Германии. Они же питали решимость Фритца Брауна крепко держаться за то, что осталось от старой, исполненной достоинства, упорядоченной Германии, в которой он вырос и в которую беззаветно верил.

II

От Адольфа до фюрера.
От школьницы до любовницы

Глава 6

Ева становится фрейлейн Браун, Гитлер становится фюрером

С конца девятнадцатого века немногое изменилось в отношениях между полами, несмотря на анархистов, богему и войну, в которой женщины показали, что способны к тяжелому труду на заводах, в конторах и в полевых госпиталях, где они ухаживали за ранеными. Это скорее утвердило мужчин в их взглядах, чем склонило к признанию равенства. Мужчины предпочитали подавлять женщин, направлять и контролировать их. И почти все жены принимали это самовластие как само собой разумеющееся: *батюшка* устанавливал правила, *матушка* его поддерживала. Разве можно винить их за желание воспитать жизнеспособных, законопослушных молодых людей с развитым чувством гражданского долга — готовых неустанно трудиться, высоконравственных, повинующихся правилам иерархии и командам? Хорошая дочь поступала, как велят ей родители, в особенности отец.

Покорность жены мужу была жизненно важна для уязвленного самолюбия целого поколения мужчин, искалеченных и униженных поражением своей страны в Первой мировой войне. Им требовалось проявить себя на гражданском поприще, в частной жизни, и поскольку семья зачастую была единственным местом, где они имели какую-то власть, многие из них становились настоящими тиранами. Эти собственнические инстинкты были навяза-

ны не только войной, а затем и нацистской партией; они также отражали менталитет предыдущих поколений. Тяготы и нестабильность послевоенной жизни породили поколение молодых конформистов, созревших для нацистской диктатуры. В результате в двадцатых годах возникла малочисленная и изолированная группировка немецких феминисток, BDF (*Bund Deutscher Frauenvereine* — «Союз объединений немецких женщин»), но в нее входили в основном женщины, которых война лишила шанса вступить в брак, так что их влияние было ничтожно. Большинство феминисток выступали против нацистской партии, но сильно недооценили угрозу, хотя нацисты клеймили женское движение как признак упадка. Феминистки вскоре потеряли всякую силу. В мае 1918 года BDF распалась сама по себе, а к 1936-му партия запретила подобные объединения.

Чтобы описать роль женщины в нацистской системе и обстановку, в которой Ева достигла зрелости, придется забежать вперед, нарушая хронологию ее биографии. Тот факт, что Ева Браун и моя мать Дита Шрёдер родились в 1912 году, означал, что в юности нацистская идеологическая обработка обошла их стороной, хотя целиком избежать ее не мог никто. С конца двадцатых по начало тридцатых влияние партии стремительно возрастало, особенно среди студентов и молодежи. Одна из моих дочерей както прямо спросила маму, была ли она членом нацистской молодежной организации, и услышала в ответ, что мой дедушка запретил дочери туда записываться. Впрочем, к 1932 году, когда была создана Лига немецких девушек (BDM), она уже достигла верхнего возрастного предела. Так что и Ева и Дита, которые в двадцать лет уже считались взрослыми, не успели вступить в Лигу.

На заре нацизма членство в патриотической организации было всего лишь желательным, но в 1933 году, после

того как партия пришла к власти, оно стало обязательным для всех, кому больше десяти и меньше двадцати лет. Из девочек, родившихся несколькими годами позже Евы, Лига с раннего отрочества вылепляла нацистскую модель идеальной женщины — здоровой, трудолюбивой, покорной и, самое главное, плодовитой. Эти юные создания заплетали волосы в две косички, иногда закрученные вокруг ушей в так называемые «улитки». Выглядели они как большие наушники — не слишком лестная прическа для расцветающих школьниц. Они излучали невинность, а отнюдь не сексуальность, энергию, но не ум, цветущее здоровье, но не интеллект. Деятельность Лиги была во многом сродни скаутской и имела целью привить работоспособность, смекалку и готовность к самопожертвованию — отличительные качества Новой Немецкой Женщины. Членов Лиги учили, что их предназначение — выйти замуж, служить супругу и рожать детей для фатерланда. И ничего более. Достигнув восемнадцатилетия, они могли перейти в организацию для девушек постарше, название которой переводится как «Вера и Красота». Как вспоминала одна женщина шестьдесят лет спустя, к тому времени им уже успевали внушить, что: «Мы самые лучшие, самые умные и самые красивые люди мира, а евреи — ровно наоборот». Другая настаивала: «Мы ни о чем не знали... ни о чем! Мы считали то, в чем нас убеждали, *правдой*». Но еще одна женщина сухо ответила: «Мы знали».

Неуклонно набирая силу, партия начала контролировать каждую свободную минуту молодежи, посягая даже на родительскую власть. Она брала на себя все больше полномочий в воспитании у подростков чувства долга перед отечеством. Состоящие в молодежной организации школьники регулярно занимались спортом, физкультурой, синхронной гимнастикой, а также вместе ездили в турпоходы на выходные и на каникулы. Кто отказывался

принимать участие, попадал под подозрение — аутсайдер? индивидуалист? — так что в конце концов почти все без исключения присоединялись. Была доля правды в популярной в то время шутке: члены семьи, где отец состоит в SA (штурмовики, «коричневые рубашки»), мать в NSF (Национал-социалистическая женская организация), сын в гитлерюгенде, а дочь в BDM, встречаются только на нюрнбергских партийных съездах. К середине тридцатых половина молодежи страны состояла в управляемых партией организациях, превращающих следующее поколение немцев в единый отлаженный инструмент, готовый выполнять волю Гитлера. нацистская пропаганда незаметно и в высшей степени эффективно обрабатывала молодые умы, юноши и девушки учились «расовой сознательности». (Нечего и говорить, что евреи и дети других презираемых меньшинств не допускались ни в одну организацию.) В таких обстоятельствах взрослели Ева и Дита. Это не оправдывает их безразличия к судьбе евреев, но может в какой-то мере объяснить его.

Отлично продуманная структура гитлерюгенда обеспечивала воспитание «настоящих» мужчин-нацистов и — согласно долгосрочному плану Гитлера и руководителя молодежного движения Бальдура фон Шираха — готовила мальчишек к кровавой бане, которую устроили им союзники и Советская армия. В 1938 году все мальчики от четырнадцати до восемнадцати лет обязаны были состоять в гитлерюгенде. Организация набирала бойцов для военизированных формирований Национал-социалистической партии, среди которых на особом положении находились «охранные отряды» (СС). Несколько корпусов гитлерюгенда занимались обучением будущих офицеров вермахта (немецкой армии). Члены организации носили полувоенную униформу, подчинялись строгой иерархии и проходили строевую подготовку. Ребят учили слепой агрессии. «Вы

избраны, – говорил им Гитлер, – паладинами Великой Германии». Мало кто догадывался, насколько буквально он выражался. К концу 1936 года численность организации достигла пяти с половиной миллионов: тренированные, дисциплинированные молодые люди готовы были сражаться и умирать – и убивать – за Гитлера.

Каждый год все подразделения съезжались на огромные парады, на которых с криками *Sieg Heil!* и патриотическими песнями маршировали тысячные отряды, разжигая почти истерическое поклонение Гитлеру и фон Шираху. «Он [Гитлер] был нашим идолом. Полубогом. Я с радостью отдал бы за него жизнь», – сказал один старик, воскрешая в памяти те бурные дни. Их песни кажутся сегодня абсурдными, но тогда они звучали смертельно серьезно:

> Мы счастливая гитлеровская молодежь,
> Мы не нуждаемся в церковных добродетелях,
> *Ибо наш* фюрер Адольф Гитлер – с нами.

«Эти песни... – признается писатель и карикатурист Томи Унгерер, взрослевший в годы национал-социализма, – эти песни действуют как наркотик. <...> Если вас воспитали нацисты, их песни продолжают звучать в мозгу двадцать, тридцать лет спустя». Он добавил, что, невзирая на все, что было, песни, которые он выучил мальчишкой, по сей день помогают ему бороться с унынием, пусть их слова и банальны и нелепы.

А вот Ева и моя мать Дита пели, должно быть, популярные песенки, шлягеры с лирическими текстами о настоящей любви и вероломстве. Мама больше всего любила *Schau mich bitte nicht so an* – «Не смотри на меня так, прошу» – на мотив *La vie en rose* («Жизнь в розовом цвете»). Обе обожали кино и были поклонницами кинозвезд. Имена тех, кем

восхищалась Ева, я часто слышала и от матери: знаменитый «печальный клоун» Грок; певицы Зара Леандер (шведка по рождению, принявшая немецкое гражданство), Сари Барабас и другие, кого уже не припомню; Лотте Ленья (ее скрипучий голос идеально подходил для песен на стихи Бертольта Брехта) и ее муж композитор Курт Вайль. И конечно же Марлен Дитрих, чье потрясающее исполнение сделало «Лили Марлен» культовой песней Второй мировой войны как для немцев, так и для британцев, — божественная Дитрих, которая, когда не изображала светскую даму, в элегантном смокинге и брюках могла выглядеть сексуальнее любого мужчины. Эти звезды сформировали представления Евы о привлекательности и обаянии, моя мать же отдавала предпочтение более «естественным» красавицам вроде Ингрид Бергман и Магды Шнайдер. Зара Леандер говорила: «Девяносто процентов моих песен — о любви. Потому что девяносто процентов людей считают, что любовь важнее политики...» Это высказывание отражает неизменные убеждения Евы. Как ни странно, Ева любила и творчество Курта Вайля, особенно «Солдатскую песню» про пушки: «От Гибралтара /До Пешавара/ Пушки — подушки нам»[1].

Во многих отношениях Ева Браун и Дита Шрёдер походили на всех молодых женщин своего времени: полные и энергии и уныния; бунтующие против старшего поколения, ограничивающего их свободу выбора, и все же привязанные к нему. Да, привязанные, потому что, несмотря на случающиеся порой ссоры и обиды, девушки жили в *уютном семейном кругу*. Спортивные мероприятия по выходным и совместные каникулы доставляли им удовольствие. Но гораздо важнее для них было общение с друзьями: походы в кино, обсуждение звезд экрана, киножурналов, актрис

1 Слова Б.Брехта. Трехгрошовая опера. Перевод С.Апта.

и певцов. Поклонение определенной знаменитости называлось *Schwärmerei* – детская влюбленность, о которой наши школьницы говорят «втюрилась» или «втрескалась». Ева была помешана на плакатах и открытках с Джоном Гилбертом, партнером Греты Гарбо в немых фильмах, недосягаемым идолом, чье бескровное лицо казалось высеченным из слоновой кости. Светская жизнь немецких девушек тридцатых годов не слишком отличалась от развлечений активных молодых женщин в современных «девчачьих» сериалах, разве что потребление алкоголя ограничивалось двумя стаканами пива, о наркотиках никто не знал, и очень немногие спали с любимыми мужчинами. Девственность была приманкой, замужество – целью, которой подружки помогали друг другу достичь, не скупясь на советы.

Не сказать, чтобы Брауны запрещали дочерям веселиться. Мюнхен славился своими вечеринками, и ни одна возможность не бывала упущена. *Oktoberfest* (ежегодный фестиваль пива), Рождество, Новый год и начало Великого поста отмечались всеобщими пышными празднествами. Все наряжались в карнавальные костюмы или вечерние туалеты, кафе и пивные ходуном ходили от смеха, тостов, звуков аккордеона или джазового оркестра, танцев. Ева только разыгрывала дерзкое легкомыслие: она искала развлечений, но не эротических приключений. То же самое относилось и к молодым людям – девочки дарили им радость, а не секс. Как бы вызывающе ни вела себя Ева, она всегда оставалась *хорошей девочкой*, которая с удовольствием убеждалась в своей привлекательности, но так просто не рассталась бы с невинностью.

Когда после войны Адольф Гитлер вернулся в Мюнхен, ему было тридцать лет. В этом возрасте мужчина уже должен был продемонстрировать свои достижения за первое десятилетие зрелости. Но к нему в тот период относились

пренебрежительно, как к неудачнику, которому не суждено подняться с самых нижних ступеней общества. В лучшем случае ему светила должность незначительного клерка или мелкого чиновника, каким был его отец. Затем он бы женился, завел парочку запуганных детишек и кое-как доковылял до никем не замеченной смерти. Если не считать военных лет, он вряд ли заработал хоть один честный пфенниг, перебивался за счет благотворительности. То есть попрошайничал у родственниц, пока их ресурсы не истощились, затем интерес к ним был утерян. Он казался ничтожеством без будущего. Его «резюме» не сулило ничего хорошего: неудавшийся художник, мечтающий стать архитектором без какой бы то ни было подготовки, и награжденный (Железные кресты I и II степени), но не состоящий на службе, а теперь и вовсе демобилизованный солдат. Безработный и бездельничающий Гитлер нуждался в отдушине, которая позволила бы ему выплеснуть свой все сильнее разгорающийся антисемитизм. К тому же он жаждал вновь испытать ощущение принадлежности к группе единомышленников, как в армии. В сентябре 1919 года он начал посещать собрания маленькой националистской группировки, недавно основанной Немецкой рабочей партии, или ДАП. (Которая потом превратилась в НСДАП, Национал-социалистическую рабочую партию Германии, впоследствии известную под менее громоздким названием *Nazi.*) Вскоре Гитлер подал заявление о вступлении в партию, и ему был присвоен членский номер 555. Впрочем, количество членов было гораздо менее впечатляющим, чем можно заключить из этой цифры. Для пущей солидности нумерация начиналась с 501. Новый национал-социалист был бездомен, одинок, высокомерен, празден, имел многочисленные пробелы в образовании и ни за что не признался бы в своем невежестве. Но, помимо перечисленных недостатков, он обладал еще и непомерным часто-

любием. Против всех ожиданий, он сделал правильный выбор. Возможно, тогда он и сам еще того не подозревал, но эта бездарность имела гениальные способности к ораторскому искусству.

Свою первую речь он произнес в июле 1919 года перед бывшими военнопленными. Впоследствии один очевидец назвал его «прирожденным народным оратором, умеющим заразить слушателей своим всеобъемлющим фанатизмом». 16 октября 1929 года он выступил перед 111 товарищами по партии на первом публичном собрании НСДАП. Позже Гитлер напишет: «Я мог говорить! В тесном помещении ощущалось предельное напряжение слушателей... Я нашел свое призвание». Это пришло как ослепительное озарение: в его власти было заставить людей внимать, вызвать гнев, вдохнуть решимость, внушить страстную убежденность. Они вскакивали с мест — руки взлетали над головами, гремели аплодисменты, взволнованные лица блестели от пота и слез. Они готовы были следовать за ним повсюду и делать все, что он прикажет. На следующее собрание в середине ноября явилось более семисот человек, и в полицейском отчете был отмечен его незаурядный ораторский талант. Тридцатилетний Гитлер наконец понял, что его предназначение — политика.

Он уже был закоренелым антисемитом, убежденным, что евреи, якобы желающие обескровить Германию, вовлечены в экономический заговор, имеющий целью мировое господство. Такое апокалиптическое и параноидальное кредо в значительной мере обеспечивало ему успех среди бедных рабочих и безработных, больше всех страдавших от галопирующей инфляции, и Гитлер прекрасно сознавал это. Он выдумал для нацистов девиз «Германия, проснись!», за которым часто следовало *Jude verrecke!* (дословно: «Сдохни, еврей!»). В его понимании история представляла собой бесконечную борьбу двух враждующих сил — Ев-

рея и героического, богоподобного Арийца. Хотя вслух об этом пока не говорилось, данный конфликт вызывал в его воспаленном мозгу мысль о необходимости, как он сам написал в сентябре 1919 года, «полного устранения евреев». Идеи эти молниеносно распространялись не только среди черни, но и среди людей, которые считали себя — и, возможно, во многих отношениях *являлись* — «порядочными немецкими обывателями». В июле 1921 года, в возрасте тридцати двух лет, Гитлер по собственной инициативе стал лидером переименованной НСДАП, насчитывавшей уже тысячу членов. После этого Гитлера все чаще стали называть *Führer* в подражание его итальянскому двойнику, присвоившему себе титул *Il Duce*.

Он начал оттачивать свое ораторское мастерство на все более многочисленных собраниях. Как выразился историк М.Берли: «Перед аудиторией Гитлер из безвольно болтающегося флага преображался в гордо реющее знамя, призывающее к оружию». Его излюбленной темой было сравнение бескорыстного идеализированного арийского героя с самодовольным и коварным евреем. Из мешанины либретто вагнеровских опер, тевтонских мифов, общегерманской политики, идеалистического социализма и псевдонаучных теорий о генетическом превосходстве нордической родословной Гитлер извлекал ледниковый период, железный век, мечи, щиты, воинов, светловолосых голубоглазых женщин, которых герои брали в супруги; гордый, несгибаемый народ, погребенный в памяти поколений, ожидающий возвращения вождя. Он осознал важность слов и имен, вызывающих ассоциации с героическим прошлым, и сделал своим символом волка — отсюда псевдоним «господин Вольф». (Его ставка в спорной восточной части Польши рядом с российской границей называлась «Волчьим логовом», а его штаб в холмах Таунуса — «Орлиным гнездом».) Свастика и орел — две древнейшие эмблемы —

символизировали нацистскую партию и Третий рейх. Корни символа свастики уходят глубоко в историю индоевропейской культуры. Орел, как и волк, предполагает силу, могущество и свободу. С самого начала нацисты широко использовали возможности иконографии, поместив черную свастику в белом круге в центр красного флага и применяя ту же черно-бело-красную гамму на своих плакатах. Гитлер инстинктивно угадал, что для того, чтобы заставить людей проникнуться националистическими идеями, он должен взывать к историческому прошлому Германии и, обращая его в миф, обещать не менее славное будущее.

Фортуна начала благоволить к Гитлеру не только из-за внезапно прорезавшегося красноречия. С возрастом его внешность улучшилась. Изнуренное лицо стало взрослее, жестче: широкий лоб, квадратная челюсть, решительный взгляд. Он выработал крепкое мужское рукопожатие и извлекал выгоду из своих гипнотических голубых глаз. У него вошло в привычку пристально смотреть в глаза собеседнику, словно пронзая его насквозь, — магический трюк ловкого манипулятора или шарлатана, — пока тот первым не отводил взгляд, словно признавая поражение. Эта тактика применялась только к мужчинам. С женщинами он всегда оставался безукоризненно любезен.

К 1923 году фюрер развернул перед публикой блестящие и возвышенные идеалистические перспективы, привлекавшие уже не только отставных солдат. Ряды его сторонников значительно пополнялись за счет уличного сброда. За время, проведенное среди отбросов общества, Гитлер успел понять, до какой степени примитивные стереотипы влияют на не блещущих умом слушателей, которые вынуждены в бессильной ярости смотреть, как их жалкие заработки или армейские пособия пожирает инфляция. Он сулил грядущий подъем всем разочарованным и обездоленным — в Германии, которая смоет с себя позор

поражения в Первой мировой войне и исправит свое отчаянное экономическое положение. Политика проводилась на доступном аудитории уровне. нацистской партии удалось прочно объединить чернь под началом непревзойденного демагога. За пять лет (1919–1924) прежнее ничтожество превратилось в безотказный двигатель силы зла.

Это были годы неслыханной инфляции. К концу 1922 года цены выросли в десять, а то и в сто раз по сравнению с довоенным уровнем. Но пока соответственно повышались гонорары и жалованья, ничего страшного не происходило. На следующий год инфляция перешагнула все мыслимые пределы. Мелочь исчезла – какой от нее прок, если кружка пива стоит миллион рейхсмарок (эквивалент 25 центов)? Проиллюстрируем масштабы инфляции несколькими примерами из статистики. В августе 1922 года буханка хлеба стоила 8,20 рейхсмарки. К октябрю цена ее составляла уже 12,25 марки, а к декабрю того же года – 125. В июне 1923-го она поднялась до 1600 марок, к августу – до 35 000. От 8,20 до 35 тысяч рейхсмарок за один год! Остальные продукты питания дорожали такими же темпами, иногда еще стремительнее. Литр молока, стоивший 14,60 марки в августе 1922 года, продавался через год за 47 тысяч. В Мюнхене, как и везде, цены становились разорительными. Семья Браун, как и все, испытывала недостаток пищи, но их меню пополнялось яйцами и свежими овощами с огорода Йозефы Кронбургер. Моему дедушке, старавшемуся обеспечить семью в Гамбурге, пришлось гораздо труднее. Он показывал мне миллионную купюру со штампом ZEHN MILLION (десять миллионов) – и все равно ничего не стоившую. Чтобы купить полукилограммовую буханку черного хлеба, говорил он, нужно было нагрузить банкнотами тачку, а к тому моменту, когда ты уходил из магазина, цены успевали вырасти еще. В августе 1923 года один доллар США равнялся миллиону имперских

марок. К сентябрю миллион марок уже ничего не стоил, минимальной суммой с покупательной способностью стал миллиард. «Никто толком не знал, как это происходило. Изумленно протирая глаза, мы наблюдали за ростом цен, как за каким-то небывалым природным явлением... И внезапно, оглянувшись вокруг, мы обнаружили, что это явление разрушило ткань нашей повседневной жизни». В октябре 1923-го инфляция достигла апогея: миллиард марок за доллар. Безумие! Стоит ли тогда вообще печатать купюры? Бумажные деньги не имели более ни ценности, ни надежности, и Имперский банк перестал их выпускать. Люди либо прибегали к бартеру, либо жестоко голодали. Многие умирали от истощения прямо на скамейках парков и на улицах. С таким экономическим и социальным положением выпало разбираться Гитлеру.

Годом раньше, в конце 1922-го, Гитлер встретил человека, который мог представить его в высшем обществе, чьего одобрения жаждал он сам и искала партия. Человек этот имел связи, был знатного происхождения, утончен и, самое главное, *богат.* Его имя — Эрнст Ганфштенгль, но все знали его под прозвищем Путци. Новый покровитель Гитлера не отличался заурядностью, кто бы мог подумать, что новорожденная нацистская партия встретит поддержку с его стороны. Гигант ростом больше двух метров, с челюстью как лопата и буйной жесткой шевелюрой. Его отец, пианист, ценитель и перекупщик произведений искусства, открыл агентство в Соединенных Штатах и сколотил неплохое состояние. Его мать-американка происходила из довольно известной в Бостоне семьи Седжвик, так что ее сын вырос в этом городе и с 1905 по 1909 год учился в Гарварде. В 1921 году он приехал в Германию, чтобы продолжить там семейный бизнес. Путци впервые услышал речь Гитлера в ноябре 1933 года, в мюнхенской пивной *Kindl Kel-*

ler. Тридцатипятилетний Ганфштенгль, на два года старше Гитлера, был потрясен до глубины души его выступлением. Целых пять страниц его мемуаров посвящены впечатлению, произведенному дотоле неизвестным молодым оратором на космополита Ганфштенгля. Поначалу ему показалось, что Гитлер выглядит как официант в привокзальном буфете, однако стоило тому начать говорить, мнение его изменилось.

> Он владел голосом и слогом, как никто другой, умел произвести эффект... Жестикуляция его была бесконечно разнообразна и выразительна... Он нападал на евреев, коммунистов и социалистов. Говорил, что эти враги рода человеческого в один прекрасный день будут *beseitigt*, дословно — «отодвинуты в сторону», хотя на самом деле имеется в виду «устранены» или «уничтожены». Гам и болтовня [в аудитории] смолкли, люди впитывали каждое его слово. [Под конец] они разразились бешеными криками восторга, аплодисментами, стали колотить по столам. Это было поистине виртуозное выступление. Гитлер впечатлил меня безмерно.

Когда слушатели разошлись, Ганфштенгль подошел к трибуне.

> «Господин Гитлер... должен сказать, вы меня поразили. Я очень хотел бы поговорить с вами».
>
> «Отчего же, конечно», — вежливо ответил Гитлер. Он производил впечатление приятного человека, скромного и дружелюбного. Так что мы обменялись рукопожатиями, и я пошел домой.

Благодаря этому знакомству Гитлер получил доступ в круги реальной власти в Мюнхене — влиятельные верх-

ние слои среднего класса. В то время как его (и зарождающейся НСДАП) интеллектуальным наставником был поэт, философ и политический мыслитель Дитрих Эккарт, светским покровителем стал новый почитатель и друг Ганфштенгль. Во время допроса в 1937 году Путци заявил Норману Беркетту, что имел такое влияние на лидера набирающей силу НСДАП, что, как он позже сообщил британскому суду, «Гитлер был податлив, словно глина в моих руках». (Гитлер никогда не был глиной ни в чьих руках. Но видимо, умно льстил Путци, позволяя ему так думать.) Путци не переставал восхищаться способностью фюрера распалять слушателей — и его самого.

> Его реакция на аудиторию походила на сексуальное возбуждение. Он раздувался, словно петушиный гребень или бородка индюка, и только в таком состоянии становился величественным и неотразимым. <...> Последние восемь-десять минут речи были подобны словесному оргазму. Он расслаблялся только в атмосфере, близкой его духовному миру, в эротических крещендо вагнеровской музыки. <...> Он в значительной степени обладал даром всех великих демагогов сводить сложные вопросы к пламенным афоризмам.

Общественный статус и «хорошая кровь» очень много значили для Германии двадцатых и тридцатых годов. Дворянство почитали высшим сословием и относились к его представителям с трепетным подобострастием. Высший средний класс превосходил просто средний класс, который, в свою очередь, превосходил низший средний класс. И все они стояли выше рабочих, задействованных как в индустриальной, так и в сельскохозяйственной сфере. Рабочий класс принимал это превосходство как должное. Исключение составляли евреи. На них смотрели сверху

вниз все сословия немецкого общества, от высших до низших.

Гитлеру чрезвычайно трудно было преодолеть наследие своей злополучной семьи. Не один скелет хранился у него в шкафу: пьянство, браки между родственниками и, вполне возможно, инцест. Иоганна Пельцль, его тетка по матери, была горбатая и «убогая», не исключено, что она страдала шизофренией. Его двоюродный брат Эдвард тоже имел горб. Одного из родных братьев описывали как идиота, но поскольку мальчик умер в раннем детстве, неясно, кто ставил подобный диагноз и на каких основаниях. Многие родственники Гитлера умерли и не могли раскрыть своих секретов, за исключением его младшей сестры Паулы. О ней люди, должно быть, недвусмысленно крутя пальцем у виска, говорили: «Не все в порядке с головой». Впрочем, Паула никогда не мозолила глаза общественности. Гитлер всю жизнь держал ее подальше от любопытных взглядов и заставил сменить фамилию на свой любимый псевдоним «Вольф» — будто бы отменил родственную связь, но не полностью. С нескольких сохранившихся ее фотографий смотрит низенькая некрасивая женщина с квадратным лицом. Нос как у брата, в остальном сходства мало. Волосы черные, как у него, но густые и волнистые. Она выглядит довольно простодушной — наверное, такой и была, так как однажды после войны сказала журналисту, что каждый раз, проходя мимо церкви, заходит и молится о своем брате. Только наличие сводной сестры Ангелы Раубаль, трое детей которой были абсолютно здоровы, свидетельствовало о том, что у Гитлера все же есть родственники. По крайней мере, *эта* ветвь риска не представляла.

С другой стороны, предки Евы по линии Кронбургеров, хоть и происходили из сельской местности, но имели связи с Веной и пользовались расположением императора.

У них никогда не было причин подвергать сомнению свое общественное положение или стыдиться его. Ее бабушка и дедушка Браун были уважаемыми членами своей общины в Штутгарте. Они жили в солидном доме с красивой мебелью, их дети имели профессии и достигли в них успеха. И здесь никакой нужды в ложной скромности.

Новый покровитель Гитлера Путци Ганфштенгль и его ослепительная жена Хелена представили своего интригующего, но неуклюжего протеже высшему обществу Мюнхена. Благодаря им он познакомился с людьми, чья моральная и финансовая поддержка в дальнейшем обеспечила нацистской партии уличных бойцов столь необходимых ей влиятельных сподвижников, высокий престиж и приток средств. Но сначала следовало поработать над его манерами и одеждой, придать подобающий светский лоск. Надо было замаскировать это новое воплощение Элизы Дулиттл так, чтобы он не выглядел белой вороной в приличном обществе.

Очень важен для Гитлера оказался открытый ему Ганфштенглем доступ в гостиные двух состоятельных мюнхенских дам, Эльзы Брукман и Хелены Бехштейн. Очарованная гостем фрау Брукман вскоре взяла на себя задачу сделать его *salonfähig* – светским. Она научила его целовать даме ручку, скромно и изящно заходить, здороваться и прощаться, удалять кости из форели, есть артишоки и омаров. Она умерила его вкрадчивые манеры и заискивающую почтительность по отношению к вышестоящим. Обе дамы, без ума от своей новой находки, наперебой старались заменить его дешевый синий саржевый костюм английскими пиджаками, ладно скроенными смокингами и лакированными ботинками. Гитлер без зазрения совести принимал в дар элегантные обновки. Они достигли таких успехов, превращая своего гадкого утенка в лебедя, что одна старая дама вспоминала: «Он умел поцеловать руку

пятью разными способами, и точно знал, когда какой уместен».

Некоторые из его новых почитателей пробовали сводничать, знакомя преображенного Гитлера с подходящими молодыми женщинами. Фрау Бехштейн даже хотела женить его на своей дочери Лотте, но, когда речь заходила о сердечных делах, а тем более об интимных отношениях, Гитлер оставался безучастен. Путци окрестил его «бесполым героем», добавляя: «С тех пор как мы познакомились [конец 1922 г.], он, по-моему, ни разу не имел нормальной связи с женщиной. Быть может, он вообще не способен был испытывать должные ощущения от физической близости». Живое эротическое воображение Путци в данном случае ввело его в заблуждение.

Гитлер не желал иметь ничего общего с невестами на выданье, поскольку, как многие, кто пытается вырваться за пределы своего класса, боялся стать уязвимым. Но существовала и другая, более веская причина. Он никогда не забывал о том, что его гены хранят тайну, противоречащую самой основе нацистской расовой идеологии. В детстве Адольф не осознавал значения неполноценности своих братьев и сестер, но как только понял, чем это грозит, запятнанная кровосмешением родословная стала его тайным кошмаром. Всю жизнь он уклонялся от вступления в брак. Риск породить ущербных детей был слишком велик.

Гитлер с удовольствием эксплуатировал своих благодетелей, пусть и не готов был жениться на их дочерях. Они и их друзья пополняли фонды НСДАП, убеждали людей своего круга вступить в ряды партии, расширяя ее классовый состав. Благодаря им его апокалиптические прогнозы выглядели гораздо достовернее. Большинство новообращенных состояли в церковных комитетах, деловых, светских и спортивных клубах, связывая неотесанную и неопытную партию с солидными горожанами, привносящими

в нее дух респектабельности. В течение двух-трех лет нацистская партия принимала в свои ряды землевладельцев, школьных учителей, специалистов различных профессий — консерваторов, присоединявшихся к нацистам, чтобы уберечь от опасности свой образ жизни, семью, традиции и духовные ценности. В то же время у Гитлера хватало ума не забывать и о старых последователях. Он продолжал встречаться с ними за чаем с пирогами в своих любимых кафе — *Heck* и *Weichand* — и будоражить их воображение в шумных мюнхенских пивных. Герман Геринг пренебрежительно называл их «хлебателями пива и тягловыми животными с ограниченным провинциальным кругозором», и часто так оно и было, но они явились оттуда же, откуда пришел Гитлер, и он чувствовал себя с ними гораздо свободнее, чем в надушенных гостиных фрау Брукман и фрау Бехштейн.

Поставлял партии интеллектуально развитых сторонников и Бернхард Штемпфле, профессор Мюнхенского университета, с которым Гитлера познакомил Генрих Гофман. Штемпфле издавал газету — расистскую брошюру, не более того — под названием *Miesbacher Anzeiger* («Мисбахский вестник»), и его студенты горячо поддерживали нацистов. Их неистовое поклонение укрепляло в Гитлере веру в свое мессианское предназначение.

Мечты юности начали наконец осуществляться, и Гитлер принялся выращивать из своей партии политического гиганта. Возмущенная властями чернь была у его ног, и хотя среднее буржуазное сословие взирало на их хулиганские выходки с презрением, Гитлер знал, что руководитель партии должен терпеть — а подчас и втайне поощрять — уличные демонстрации, чтобы рабочий класс мог получить свою порцию адреналина. Им *необходимо* было время от времени публично выплескивать расистскую злобу, устраивая беспорядки на улицах. Им было

намного проще избивать евреев и политических противников, чем заниматься серьезными делами: привлекать новых сторонников и собирать средства. Молодежные нацистские организации сочетали дисциплину с разбоем. Партия закрывала на это глаза, но Гитлеру следовало беречь свой имидж. К 1923 году власти забеспокоились. Воинственность нацистов, стремительный рост их движения, бесцеремонное обращение с оппонентами и грозовая атмосфера публичных митингов — все это было неприглядной изнанкой облагороженного облика Гитлера.

К концу 1923 года фюрер и его приспешники пришли к убеждению, что Веймарская республика вот-вот рухнет. Пришла пора воспользоваться общественным недовольством: НСДАП должна действовать, открыто и решительно. Ослепленные энтузиазмом, они не стали детально разрабатывать тактику, двинулись слишком быстро и неверно выбрали момент. Чрезмерно претенциозный и преждевременный путч (попытка свержения баварского правительства 7–8 ноября 1923 года) длился несколько часов, задействовал три тысячи человек и сопровождался многочисленными уличными драками. Прежде чем он был подавлен, нацистские штурмовики успели отыскать немало евреев, арестовать их и избить до полусмерти. Первые жертвы Черных Событий уже страдали на глазах жителей Мюнхена.

Впервые политика затронула Еву и ее семью. Пивной путч проходил неподалеку от того места, где они жили. Безобразные сцены насилия разыгрывались как раз на Резиденцштрассе, возле площади Одеон, всего в нескольких улицах от скромной квартиры Браунов на Изабеллаштрассе. Вечером 9 ноября семья — как многие добропорядочные мюнхенцы — столпилась у окна, наблюдая, как внизу на улице люди в панике бегут от выстрелов, положивших конец злополучному мятежу. Все это только усилило не-

приязнь, питаемую высокопринципиальным главой семьи Браун к нацистской партии, ее лидеру и его неотесанным последователям. Несомненно, события обсуждались за ужином из холодных блюд — несколько драгоценных ломтиков мяса, колбасы и сыра, присланных из Байльнгриса (в Мюнхене подобная роскошь стала недоступной), которые ели с ржаным хлебом. Еве было всего одиннадцать лет, и она наверняка была в ярости от того, что ей не дали насладиться зрелищем. Оружие! Стрельба! Прямо как перестрелка в ковбойских рассказах Карла Мая.

Ноябрьский Пивной путч 1923 года стоил жизни четырнадцати нацистам (впоследствии их объявили мучениками за дело партии), четырем полицейским и незадачливому случайному прохожему, официанту. Мятежники постарались рассеяться как можно быстрее. Гитлер пострадал, правда не слишком героически — он упал и вывихнул плечо, убегая с площади Одеон, где конфликт достиг апогея. Ближайшие сподвижники спешно переправили его в безопасное место. Вместе с Путци и его женой он укрылся в их доме в Уффинге на озере Штаффельзее, в тридцати пяти милях от Мюнхена.

Полиция отыскала Гитлера, прятавшегося в мансарде у Ганфштенгля, и в феврале 1924 года он предстал перед судом по обвинению в государственной измене. Генрих Гофман записал процесс на камеру, которую прятал под пальто. Гитлер был признан виновным в заговоре с целью разжечь восстание против баварского правительства и приговорен к пяти годам заключения в тюрьме города Ландсберга, вместе с сорока другими членами нацистской партии. Потом срок сократили до девяти месяцев. В тюрьме его содержали на особых условиях, с дополнительными посещениями и отдельным питанием. В глазах все более фанатичных последователей пребывание за решеткой только усиливало его притягательность.

Овдовевшая сводная сестра Гитлера Ангела Раубаль, с которой они несколько лет не виделись, 17 июня 1924 года приехала навестить его в тюрьме со своими тремя детьми, проделав долгий путь из Вены. Это был добрый жест примирения. Она, должно быть, воображала его подавленным, одиноким и оголодавшим. На самом же деле ее сводный брат чувствовал себя довольно комфортно в просторной светлой комнате. Адольф Гитлер, по всей видимости, испытывал к ней некоторую привязанность, поскольку иногда давал о себе знать после смерти ее мужа в 1910 году, хотя вряд ли они встречались после того, как он уехал из Вены в Мюнхен.

Фрау Раубаль умудрилась найти работу поварихи (кроме как готовить, она ничего не умела) на кухне при общежитии для еврейских студентов в Вене, а значит, ей пришлось научиться готовить кошерную пищу. Наконец-то семья Раубаль получила постоянный источник дохода. Работа разлучала ее с детьми на целый день, но поскольку старшему, Лео, было двенадцать, старшей дочери Гели — одиннадцать, а ее тихой сестренке Эльфриде — девять, они вполне могли сами присмотреть друг за другом после школы. Паула сидела дома, но толку от их глуповатой добродушной тетушки было немного. Отроческие годы детей Раубаль пришлись на время распада Веймарской республики (1919–1933 гг.) и выдались нелегкими, но поскольку их мать работала на кухне, они никогда не испытывали недостатка в еде. На объедках кошерных блюд Лео окреп, а у Гели заметно выросла грудь.

Гитлер провел в заключении девять месяцев, так что у него было вдоволь времени на размышления. Как случалось со многими политическими агитаторами, тюремная камера открыла ему новые перспективы, и позже он описывал свое вынужденное отшельничество как «мой университет за счет государства». Здесь впервые его идеи

настоялись, перебродили и превратились в отличную закваску для нацизма. Он много читал и диктовал первую главу «Майн Кампф» – ядовитой смеси расизма, мифологии, одержимости и политической философии – своему преданному соратнику Рудольфу Гессу и шоферу Эмилю Морису, товарищу по заключению. Когда по истечении срока Гитлер покидал тюрьму Ландсберг, Гофман приехал запечатлеть знаменательное событие. Одним из условий досрочного освобождения Гитлера был запрет произносить речи в большинстве немецких земель, так что, получив свободу, он сосредоточился на усилении контроля за нацистской партией и ее военизированными отрядами. Пока он находился в заточении, других претендентов на лидерство в партии так и не появилось. Фюрер обрел «уверенность в себе и непоколебимые убеждения». Бесспорному вождю партии, чьи речи вдохновляла отточенная в тюрьме идеология, пришло время предстать в образе благородного, дальновидного патриота, указывающего дальнейший путь Германии, оставив позади образ крутого предводителя толпы фанатичных головорезов.

К концу двадцатых число официально зарегистрированных сторонников нацистской партии выросло с каких-то жалких двух тысяч (в 1920 г.) до внушительных ста восьмидесяти. Этих ревностных приверженцев держали не здравый смысл, не дисциплина, даже не убеждения, а поразительная способность партийных ораторов использовать подсознательное воздействие эмоций. Их секретным оружием стала необоримая власть иррационального. НСДАП была близка людям улицы, она умела угадывать и воплощать в жизнь их невысказанные стремления, личные и гражданские. На огромных демонстрациях члены партии подвергались гипнозу, испытывая на себе черную магию гитлеровской риторики. Взгляните на них в фильмах Лени Рифеншталь или на пропагандистских плакатах:

как они, исполненные здорового немецкого ликования, рвутся через толпу поближе к Гитлеру, машут, улыбаются, смеются, рыдают, тянут руки вверх.

Девять месяцев в тюрьме прошли без особых лишений, но повторять опыт Гитлеру не хотелось. Разумнее всего было бы залечь на дно, пока буйство нацистских бандитов не достигнет такого масштаба, что ослабленное немецкое правительство уже не в состоянии будет с ними справиться. Все, что ему сейчас нужно, — убежище. Он выбрал Баварию.

Глава 7

Бавария – немецкая идиллия

Бавария была для Евы родным домом. Всем существом девушка откликалась на суровую красоту гор и сосен, зимних и летних пейзажей, холодных как лед озер и ярко-зеленых лугов, в то время как дух ее укрепляли распятия возле каждой тропинки, в каждой лавке и на каждой кухне. Религиозное благочестие составляло неотъемлемую часть повседневной жизни обитателей этого южного уголка Германии. Баварцы здороваются и прощаются друг с другом словами *Grüss Gott!* — «Привечай тебя Бог». (Надо полагать, пришлось немало потрудиться, чтобы заменить приветствие на *«Зиг хайль!»*.) Два года с семи до девяти лет — время, когда детский мозг наиболее впечатлителен, — Ева прожила с бабушкой и дедушкой в Байльнгрисе, пока родители разбирались со своим браком, и в ее детстве семья проводила там все каникулы. Позже, будучи молодой женщиной, она часто носила местный традиционный костюм «дирндль» — платье в цветочек, с фартуком, которое надевалось поверх накрахмаленной белой блузки с глубоким вырезом. Именно в такое одеяние матерый шовинист обрядил бы идеальную жену: фартук символизирует готовность к стряпне или возне с детьми, платье в цветочек — женское тщеславие, белая блузка — чистоплотность и навыки прачки, а декольте — постоянную доступность. Женщина в таком платье казалась по-детски невинной и покорной, чего как раз и требовал Гитлер. Учитывая присущее Еве чувство стиля,

можно предположить, что она носила подобные наряды против своей воли, но, по всей видимости, это не так. По словам кузины Гертрауд, они ей нравились.

Хотя Ева и выросла в Мюнхене, в ее альбомах почти нет городских фотографий семьи Браун. Большинство снимков сделано на фоне гор, и запечатлены на них пикники у дороги, лыжные прогулки, выезды к озерам и водопадам, на цветущие луга. Ева позирует перед объективом: загорает полулежа, удит форель, сидит верхом на корове, демонстрирует свои спортивные навыки на лыжах, коньках или в пеших походах. С молоком матери она впитала мелодичный баварский диалект, которому придают теплоту бесчисленные уменьшительные и ласкательные суффиксы. Атмосфера кукольных деревень с пастушьими домиками и поленницами, пасущимися козами и звоном колокольчиков на шеях коров была ей хорошо знакома, ободряла и успокаивала. То была родина — *Heimat.* Это слово вызывает трепет в душе каждого немца. Здесь, окунаясь в воспоминания детства, Ева чувствовала себя счастливой.

Гитлер по рождению не был ни баварцем, ни даже немцем. Он отказался от австрийского гражданства в августе 1925 года, и потом — что удивительно для человека, стремившегося править Германией и возрождать ее былую мощь, — долго обходился вовсе без гражданства. Официально он стал немцем только в феврале 1932 года, чтобы его могли избрать канцлером. Но он тоже уютно себя чувствовал в Баварии, и общая привязанность к южным краям накрепко объединяла их с Евой. Тот факт, что ее монастырь находился не больше чем в километре от Браунау, города, где он родился и где его отец служил таможенным чиновником, имеет огромное значение. Детство Гитлера не было счастливым, и воспоминания вызывали в нем смешанные чувства, но ему нравились жители Баварии — их голоса, манеры, нравы. С ними он находил общий язык

гораздо легче, чем с другими немцами. Подсознательно он должен был уловить в Еве нечто такое, что неизменно притягивало его.

Поэтому неудивительно, что в бурные годы образования нацистской партии, когда Гитлер нуждался в тихом пристанище, он обратил взор на Баварию. Он нашел кров в горной деревушке из пятидесяти домов под названием Оберзальцберг, высоко над живописным городком Берхтесгаден — модным курортом для состоятельных мюнхенцев. Бавария располагает, почти вынуждает к общению с природой. Бродить по лесным тропинкам, вдыхая тугой, чистый воздух, было, как и физические упражнения, полезно не только для здоровья немцев, но и для их национального самосознания. Соприкосновение с природой стало равным соприкосновению с прошлым. Активный образ жизни превратился в моральный императив, лентяйство почиталось вырожденческим, расточительным отношением к крепкому телу. Люди ходили быстрым, целеустремленным шагом, размахивая в такт руками, глубоко дыша. Волочить ноги, сгорбившись и опустив голову, было *не по-немецки*, это сочли бы признаком неуважения к себе.

Мы уже забыли, как много людям приходилось ходить — в основном, чтобы добраться из пункта А в пункт Б, от дома до школы, церкви, мясной лавки или пекарни, — прежде чем автомобили получили повсеместное распространение. И еще они гуляли ради собственного удовольствия. Сегодняшняя молодежь отдает явное предпочтение городским спортзалам, но семьдесят лет назад закрытые спортивные заведения предназначались по большей части для боксеров, а остальные занимались физкультурой на открытом воздухе или уезжали на целый день кататься на велосипедах, их тела закалялись под дождем и ветром. Но

больше всего они ходили пешком: весело, компаниями, распевая песни на ходу.

Гитлер хоть и любил красоваться в образе крепкого лесоруба, был не слишком выносливым ходоком. Он предпочитал более пассивное времяпрепровождение: беседы, чтение, посещение оперы. Одним из немногих людей, которых он готов был слушать, являлся Дитрих Эккарт, чьей антисемитской философией он так восхищался. Гитлер стал его преданным последователем. Впервые они вместе ездили в Берхтесгаден зимой 1922 года, и Гитлера ничуть не смущало, что к тому времени Эккарт уже был алкоголиком. (Многие друзья Гитлера беспробудно пили, и он, как это ни странно для трезвенника, кажется, ничего не имел против.)

Эккарт в какой-то степени заменил ему отца. Наставник и учитель видел в фанатике Гитлере человека, которому суждено претворить в жизнь его крайне расистские и националистические идеи. В Оберзальцберге двое мужчин, вместе с Рудольфом Гессом, вели долгие беседы по ночам, обсуждая, как сформулировать и облагородить политическую платформу нацистской идеологии, чтобы сделать ее привлекательной и заманчивой для широкой публики. Даже после смерти Эккарта в декабре 1923 года фюрера продолжало тянуть в альпийский уголок, куда он часто удалялся, дабы насладиться красотами гор, снять стресс и привести в порядок мысли. Он арендовал маленькое шале, в котором писал вторую часть «Майн Кампф». В нацистской мифологии домик получил прозвище *Kampfhäusl* — баварское уменьшительное, которое можно перевести как «Домик борьбы» или «Боевая хижина». Пейзажи и традиции баварского приюта сыграли немалую роль в формировании взглядов Гитлера на предназначение Германии, какими они изложены в «Майн Кампф». Это, а также близость Браунау и Линца, где он частично провел отроческие годы, послужило основной причиной того,

что Гитлер выбрал Оберзальцберг теплицей для своего политического созревания и местом отдохновения. Здесь, в окружении единомышленников, он чувствовал себя надежно защищенным.

Бавария имеет много общего с Австрией, Швейцарией и северными провинциями Италии, расположенными в Альпах и Доломитах. Здесь ценятся соблюдение закона и порядка, сознание гражданского долга, чистота, энергичность, традиции и регулярное посещение церкви. Баварцы являлись олицетворением *порядочных* людей. Эта упорядоченная провинция на юго-востоке Германии гармонировала с холодной, авторитарной натурой Гитлера и в то же время разжигала в нем любовь к эпическому жанру. Его восхищало все величественное – история, искусство, опера, здания, риторика. Казалось, Бавария питает и поддерживает его восприятие самого себя в качестве фюрера, который должен верховодить всем этим – а заодно и всей Германией – как вождь-сверхчеловек, *Übermensch,* предсказанный философом Ницше.

Баварская мифология и фольклор вдохновляли Гитлера не меньше. Семь вершин горного хребта, окружающего озеро Кёнигзее под Оберзальцбергом, в народе называли Королем, Королевой и их пятью дочерьми. Они напоминали о древних легендах про ведьм, демонов и святых, в которые почти что верил сам Гитлер, не говоря уже о простодушных крестьянах. Столетиями скалы, утесы и лощины красной нитью проходили через немецкое искусство. Эти первозданные пейзажи, простые и грозные в своем величии, запечатлены в немецком подсознании. Горные вершины и сосны составляют фон вымученных, почти садистских алтарных росписей Маттиаса Грюневальда, созданных в пятнадцатом веке, и возвращаются в фантастических полотнах Альбрехта Альтдорфера (он тоже был баварцем), в гравюрах Альбрехта Дюрера (родом

из Нюрнберга), в пейзажах и портретах Лукаса Кранаха, который также работал в Баварии. Работы этих художников, с их пристальным вниманием к страданию и христианскому смирению, отражают некую особенную баварскую чувствительность. В девятнадцатом веке Каспар Давид Фридрих писал те же горные пейзажи в романтическом стиле, на его картинах вместо святых и воинов изображены погруженные в раздумье одинокие фигуры на фоне предрассветного неба или золотых закатов. Те же изрезанные скалы создают декорации ко многим операм Вагнера, в которых герои древнегерманского эпоса с железными именами — Зигмунд, Брунгильда, Вотан и Фрика — вступают в борьбу добра со злом, света с тьмой. В литературе то же самое: «Фауст» Гёте населен похожими на стаи летучих мышей сонмами ведьм, демонами и сверхъестественными существами, повинующимися Мефистофелю, падшему ангелу, сетующему на изгнание с небес, которому ученый Фауст продает душу в обмен на тайну бытия.

Горы и будто игрушечные деревеньки Баварии затрагивали что-то суеверное и детское в душе Гитлера, ту сторону его существа, которую он после преждевременной кончины матери скорее подавил в себе, чем перерос. Он был сентиментален по отношению к детям и собакам, и в то же время его завораживала жестокость. Ребенком Адольф наверняка слышал истории об охотах на ведьм (настоящих, исторических событиях), воскрешающие в коллективной памяти эпоху позднего Средневековья, когда в этой южной немецкой провинции преследовали, пытали, объявляли виновными и вешали гораздо больше ведьм, чем в других землях. Изображение ведьм злобными отвратными старухами, так же как и карикатуры на евреев и калек, где они нарисованы носатыми, угрюмыми, кривляющимися и уродливыми, питало подсознательное убеждение народа, что всякий, кто не соответствует идеализированному арийскому образу, за-

служивает остракизма со стороны чистокровных немцев. Светлые волосы нравились расистам, особенно национал-социалистам, хотя это всего лишь генетическая особенность, развивающаяся в климатических зонах, где мало солнца. Еврейский писатель и журналист из Вены Йозеф Рот, проницательный наблюдатель, писал в статье для берлинской газеты в 1924 году: «Их видишь на железнодорожных станциях, цветущих девушек с волосами цвета пшеницы, рожденных, чтобы стать матерями, но превратившихся в политических фурий». Светлые волосы были отличительным признаком арийцев, и, вероятно, есть *действительно* нечто особенно чистое и приятное в белокурой молодой женщине. нацистская пропаганда поощряла весь немецкий народ придерживаться этого мнения.

Таковы были пейзажи и стереотипы, вдохнувшие в Гитлера его видение Германии и давшие ему силу заразить целую нацию своим неистовым антисемитизмом. На этом этапе еще никто не подозревал, как далеко зайдет Гитлер, чтобы воплотить его в жизнь.

Летом 1948 года мои родители со мной и моей младшей сестрой направились по автомобильной трассе на нашем «фольксвагене» (у нас была одна из ранних моделей «народной машины», 1946 года выпуска, уже с разделенным задним стеклом) на каникулы в Гармиш-Партенкирхен, деревню на нижнем склоне горы Цугшпитце. Она находилась очень далеко от курорта Норденей на Северном море, где моя мать в юности провела немало выходных, плавая в жгуче-холодных морских волнах, шурша песчаным тростником на краю пляжа и распевая песни у костра, когда летние сумерки уступали место ночи. В двадцатые и тридцатые годы на пике популярности были *Wanderlieder*[1]— песни, под энергичный

1 Песни странников (*нем.*).

ритм которых шагали в ногу все от мала до велика. Мама тщетно пыталась приобщить нас к этому развлечению. Она много рассказывала о *Wandervögel*[1], донацистской молодежной организации, члены которой не слишком интересовались политикой, зато вовсю наслаждались пешими прогулками и пением. Бедная Дита тосковала по тем беззаботным и безоблачным временам, которые в ее памяти не несли никакого оттенка нацистской идеологии. Это просто были самые счастливые дни ее молодости. Она пыталась снова поймать ощущение от этих прогулок, преодолевая сопротивление своей ленивой семейки, но мы с отцом терпеть не могли ходить пешком, а моя сестренка была слишком мала и быстро выбивалась из сил. В Гармиш-Партенкирхене нам всем приходилось совершать долгие оздоровительные прогулки вверх по горному склону, который, как назло, становился все круче и круче, через сосновый лес, отбрасывающий свои пятнистые тени на нашу тропинку. Я задыхалась, ноги болели от этой мучительной ходьбы, челка неуклюже падала на запотевшие очки, но, оглядываясь назад, я понимаю, что это было очень похоже на счастье.

Из деревни Оберзальцберг открывается вид на речную долину, и с вершин над своим домиком в ясную погоду Гитлер мог видеть всю дорогу до Зальцбурга, 30 километров на север. До Нюрнберга, где скоро должны были пройти многотысячные триумфальные демонстрации партии, всего несколько часов пути на автомобиле, а до города Байройт, где вагнеровские оперы ставились согласно видению их творца, можно доехать за полдня. Гитлер увлекся Вагнером давно, еще в молодые годы в Линце, и с тех пор при каждой возможности потакал своей страсти, которая только усилилась, когда английская

1 «Перелетные птицы» (*нем.*).

Ева Браун — отнюдь не симпатичный младенец — на руках у матери Франциски (Фанни) Браун. Февраль, 1912. (NARA)

На этом снимке Еве около года, значит, ее сестре Ильзе должно быть четыре. Подпись сделана почерком Евы: *Ich und Ilse* («Я и Ильзе»). Кота она упомянуть забыла. (NARA)

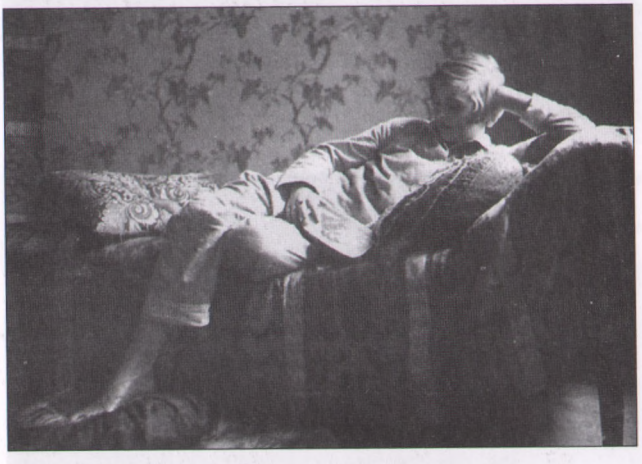
Ева в возрасте пяти или шести лет на пляже с капустным листом в волосах. Уже учится позировать перед объективом. (NARA)

Ева (четвертая справа в переднем ряду) с озорной улыбкой. Среди этих несчастных детей она чуть ли не единственная выглядит веселой. Фотография подписана *In der Klosterschule an Beilngries* («В монастырской школе Байльнгриса»), так что сделана она, вероятно, в 1919 году, когда родители семилетней Евы расстались. (Публикуется с любезного разрешения Карла Вестермайера, Байльнгрис)

Бабушка Евы по материнской линии Йозефа Кронбургер, урожденная Винбауэр, кормит кур у себя на заднем дворе (1925 г.). Ее дочь Антония (Анни), стоя поодаль, наблюдает за ней. (NARA)

Эта фотография Евы с эльзасской овчаркой не датирована, однако похоже, что Еве здесь лет 12—13, то есть снимок сделан в середине 1920-х годов после примирения ее родителей. (NARA)

Юная Ева сидит на полу в квартире на Гогенцоллернштрассе, 93, кокетливо показывая нового котенка — и свои ножки. (NARA)

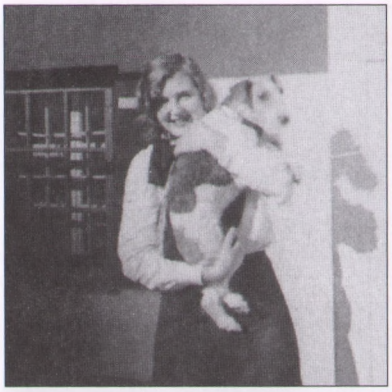


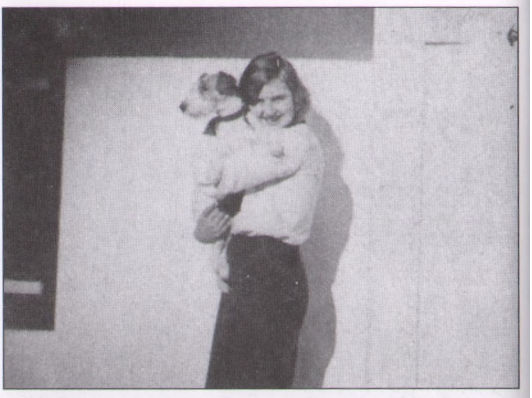
Ева дома на кровати в живописной позе — возможно, читает книгу. (NARA)

Ева подписала эту фотографию *Im Geschäft, 1930* («В магазине», 1930). Если датировка верна, то снимок сделан вскоре после их с Гитлером знакомства, и по нему видно, что Ева уже в 18 лет умела выглядеть соблазнительной.

Фото Гофмана: Ева в кабинете на Амалиенштрассе в Мюнхене. Дата отсутствует. Стрижка Еву не красит — неудачная попытка следовать моде. (NARA)

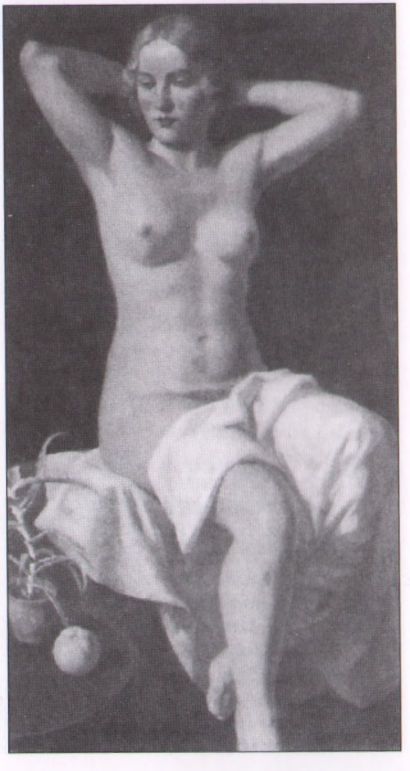
Ателье Генриха Гофмана, в которое он переехал с Шеллингштрассе вскоре после того, как Ева поступила к нему на работу. Назначенный официальным фотографом еще в 1922 году, Гофман создавал притягательный образ фюрера: на выполненных им портретах незаметен нездоровый цвет лица и сглажены грубоватые черты Гитлера. На витрине выставлено несколько портретов. Право на публикацию этих фотографий принесло Гофману целое состояние.





Эти чрезвычайно важные фотографии из альбома Евы подписаны ее почерком: *Berchtesgaden, 1931.* Они являются доказательством того, что Ева впервые побывала в гостях у Гитлера в Оберзальцберге еще в 1931 году. Его обожаемая племянница Гели умерла 18 сентября, следовательно визит Евы состоялся всего через несколько месяцев, если не недель, после ее самоубийства. Судя по снегу, это мог быть ноябрь или декабрь. Мужчина со склоненной головой в светлом плаще и фетровой шляпе — вероятно, сам Гитлер. Ниже изображен Бергхоф — тогда еще называвшийся Хаус Вахенфельд — до того, как его начали перестраивать. (NARA)

Гитлер часто дарил этот удачный портрет гостям вместе с надписанными экземплярами «Майн Кампф». В левом нижнем углу подпись Гофмана. Подобные реликвии Третьего рейха пользуются большим спросом у коллекционеров и перепродаются за колоссальные суммы. Эта продана за 12,5 тысяч евро в 2004 году. (*Hermann Historica*)



Изящное ню кисти Иво Залигера (1941 г.) — цветущая, но вместе с тем целомудренная женщина. Это излюбленный стиль Гитлера в живописи. Он считал что «арийскому реализму» суждено превзойти — в том числе и в цене — шедевры Возрождения. В 2004 году данный экземпляр был продан за 5 тысяч евро. (*Hermann Historica*)

Портрет племянницы Гитлера Гели Раубаль, сделанный Гофманом в сентябре 1929 года. С 1927-го она жила с Гитлером, будучи предметом его кровосмесительной страсти, однако эту фотографию Гели подарила своему тайному любовнику Эмилю Морису, шоферу фюрера. Последний вынудил их расстаться на два года. Подпись почерком Гели гласит: *Meinem lieben Emil, zur Erinnerungen, von deiner Geli* («Моему дорогому Эмилю на память от твоей Гели») (*Hermann Historica*)

Ева и ее кокетливая младшая сестра так похожи, что на фотографиях их иногда почти невозможно различить, но у Гретль глаза больше и темнее, а лицо в форме сердечка. Здесь она изображена в обнимку с красивым молодым человеком. (NARA)

невестка композитора Винифред Вагнер пригласила его в гости. Винифред была горячей сторонницей нацистской партии, она относилась к Гитлеру с восхищением, которого он так жаждал, и создавала иллюзию близости к прославленной семье — хотя ее муж Зигфрид считал его «мошенником и выскочкой».

К 1927 году Гитлер переутомился и выбился из сил. Книга «Майн Кампф» расходилась миллионными тиражами, и он был достаточно богат, чтобы арендовать жилище, более соответствующее его положению вождя нацистской партии. Он нашел подходящий домик в Оберзальцберге, побольше, чем *Kampfhäusl*, но все равно весьма скромный, и 15 октября 1928 года подписал договор об аренде на сумму четыреста фунтов в месяц в современных деньгах. Домик, изначально называвшийся Хаус Вахенфельд, стал тем желудем, из которого вырос могучий Бергхоф. Меньше чем за десять лет он превратился во второй правительственный центр Германии и место отдыха для всей верхушки нацистской партии. Шале с широкой террасой, с которой открывалась захватывающая панорама, отлично подходило Гитлеру по размерам, обеспечивало уединение, безопасность, свежий воздух и уютную обстановку. Альберт Шпеер, вскоре ставший любимым архитектором и ценнейшим сподвижником Гитлера, приезжал туда с первых дней. Он вспоминал с едва заметной аристократической усмешкой:

> У симпатичного деревянного домика Гитлера была широкая нависающая крыша и скромный интерьер: столовая, маленькая гостиная и три спальни. Мебель была стилизована под обстановку старых деревенских домов Германии и создавала в помещении атмосферу мещанского уюта. Медная клетка с канарейкой, кактус и каучуконос усиливали это впечатление. На салфеточках и подушках виднелись свастики, вышитые почитательницами.

Хаус Вахенфельд описан (кто бы мог подумать!) в статье английского журнала *Homes and Gardens*, в ноябрьском выпуске 1938 г. – два года спустя после оккупации Гитлером Рейнланда, через шесть месяцев после присоединения Австрии и всего за неделю до *Kristallnacht*, печально известной «Ночи разбитых витрин». Статья под заголовком «Горный домик Гитлера» предлагает вниманию увлекательную экскурсию по шале на трех страницах, представленную в слащавой манере современных журналов, описывающих визит в красивый дом какой-нибудь мелкой знаменитости. Автор под псевдонимом Игнатиус Фэйр (его настоящее имя – Уильям Джордж Фитцджеральд) рассказывает своим читателям:

> Уже двенадцать лет, как Гитлер определил место своего единственного и неповторимого дома. Цветовая гамма внутри этого светлого, просторного шале составлена в нежных желто-зеленых тонах. Фюрер – сам себе декоратор, дизайнер, а также и архитектор... [Гитлер] любит, чтобы у него дома стояли букеты живых цветов. Он получает удовольствие от общества иностранных знаменитостей, в особенности живописцев, музыкантов и певцов. Он развлекает гостей забавными рассказами...

Статья иллюстрирована несколькими фотографиями, снятыми Генрихом Гофманом за несколько лет до того. *Homes and Gardens* получил их от пресс-секретаря нацистской партии. Но откуда взялась фраза «развлекает забавными рассказами»?

Жилье Гитлер себе нашел. Оставалось найти кого-то, кто стал бы о нем заботиться. Он написал своей сводной сестре Ангеле Раубаль, и хотя последние пятнадцать лет они практически не общались, предложил ей место поварихи и экономки в своем доме, добавив, что ее дети тоже могут

приехать. На первый взгляд решение казалось разумным. Он мог не сомневаться в сдержанности и здравомыслии родственницы. Не исключено, что он даже испытывал некоторое чувство вины за то, что пренебрегал ею и ее детьми все эти годы, и хотел как-то компенсировать свое невнимание, хотя фрау Раубаль никогда не ждала помощи от безалаберного сводного брата. Принимая ее на работу в Хаус Вахенфельд, он, должно быть, надеялся таким образом облегчить ей жизнь и обеспечить себе домашний уют. Две проблемы решены. Приглашение могло быть, кроме того, как-то связано с тем, что фрау Раубаль отлично пекла сладкие пироги, которые он помнил с детства. Генриетта, дочь его официального фотографа Генриха Гофмана, писала: «Она была добрая, сострадательная женщина и мастерски готовила австрийские деликатесы. Она умела делать воздушное слоеное тесто, сливовые пироги с корицей, пористый маковый штрудель и ароматные ванильные пирожные – все эти невозможно вкусные вещи, которые ее брат так любил».

Приглашение было принято. Фрау Раубаль оставила свою работу в Вене и переехала в Оберзальцберг в марте 1927 года, привезя с собой только младшую дочь Эльфриду. После их приезда Гитлер впервые за много лет почувствовал, что у него есть дом. Сводная сестра заботилась о его насущных потребностях, а тихая, неназойливая Эльфрида приносила и уносила посуду, вытирала за ним стол и открывала дверь гостям – он едва замечал ее бессловесное присутствие. Старшая девочка, его племянница Ангела Мария, которую с детства все звали Гели, чтобы не путать с матерью, осталась в Вене, собираясь приехать после выпускных школьных экзаменов. Однажды она была на экскурсии в Мюнхене, в 1925 году, вместе с группой своих шестнадцатилетних одноклассниц в сопровождении учительницы. В тот раз она заранее написала дяде, прося разрешения

навестить его, но он ответил, что не может уделить ей время, и поручил одному из своих помощников сводить ее на прогулку и показать достопримечательности города. Это вполне мог быть Эмиль Морис, шофер Гитлера, сыгравший в скором времени роковую роль в ее жизни.

Гели была девушка с сильным характером, порывистая и гордая, безразличная к мнениям одноклассников и учителей. Она была либо очень умна, либо очень усердна – во всяком случае, ей удалось сдать школьные экзамены и получить первый аттестат зрелости за всю историю семьи. В июле 1927 года дядя собственной персоной отправился на вокзал Берхтесгадена встречать ее с поезда. Если она вообще помнила его, то как тощего взъерошенного юнца, без умолку болтающего о политике. Он же, вероятно, высматривал в толпе робкую школьницу с косичками. Надо полагать, обоих ждал изрядный сюрприз.

Глава 8

Гели – Гитлер – Ева

За два дополнительных года учебы, необходимых, чтобы сдать экзамены на аттестат, Гели из девочки-подростка превратилась в самоуверенную молодую женщину с роскошными формами. Она и ее дядя имели двух общих опасно близких родственников (злонравный Алоис был отцом Гитлера и дедом Гели, и, разумеется, мать Гели Ангела приходилась Гитлеру сводной сестрой), однако, судя по фотографиям, они совсем не походили друг на друга. Он был бледный, она – смуглая; у него светло-голубые глаза, у нее – темно-карие; у него тонкие прямые волосы, у нее – густые и волнистые. И характеры у них не совпадали. Она – живая, дерзкая, любительница развлечений, ее интерес к противоположному полу говорил о здоровом либидо. Гитлер – замкнутый и властный аскет. Но в глубине души и дядя и племянница были крайне эмоциональны, обидчивы, подвержены приступам гнева и депрессии, переменам настроения. Оба не знали этого – и многого другого – друг о друге. Их взаимоотношения изначально строились на неверных предпосылках. Она рассчитывала, что он даст ей средства и положение в обществе, а затем отпустит жить собственной жизнью, в то время как Гитлер с момента встречи с племянницей в июле 1927 года планировал вылепить из нее образец молодой женщины, идеальную Мисс Дойчланд.

С Гели он мог играть роль ментора и покровителя, наставника и доверенного лица. Гитлер решил, что его пле-

мянница одарена и должна учиться дальше. Собственные пробелы в образовании — пусть в основном и по своей вине — раздражали его до сих пор. Он готов был взять на себя расходы за ее дальнейшее обучение (как ни странно для человека, убежденного, что единственное предназначение женщины — быть женой и матерью). Гели подумывала о том, чтобы стать врачом, и в октябре, поступив на медицинский факультет Мюнхенского университета, переехала в пансион *Klein*. Медицина интересовала ее недолго. Затем она решила сделаться певицей, и дядя оплачивал ее уроки пения. Он заезжал за ней пораньше и сидел под дверью кабинета, где проходили занятия, слушая, как она разучивает арии. Но вскоре Гели бросила и эту затею. Проведя почти двадцать лет в нищете, после трудного взросления без отца (он умер, когда ей было два года) и вообще без мужского попечения, она не расположена была повиноваться мужчине и не желала достигать профессиональных навыков годами изнурительного труда. Ей хотелось веселиться. Освободившись от строгих школьных правил, она с нетерпением ждала возможности испробовать свои чары на представителях сильного пола.

В девятнадцать лет Гели Раубаль обладала незаурядным шармом. Она никогда не была красавицей в классическом понимании слова, но, говорят, мужчины порой останавливались на улице и смотрели ей вслед, не в силах отвести глаз, зачарованные ее цветущим телом. Другие же видели в ней невзрачную коренастую дурнушку с толстыми ногами. Эта двойственность хорошо видна по фотографиям. На портретах, сделанных в ателье Гофмана, ее пухлые щеки и квадратная челюсть явно выдают в ней степенную домохозяйку, какой она вполне могла бы стать. На других, особенно моментальных, снимках, сделанных без предупреждения, она лучится жизнерадостностью и сексуальностью. Вот фотография, снятая в Хаус Вахенфельде:

на Гели студенческая кепка, залихватски сдвинутая набекрень, твидовый пиджак не по размеру и брюки — и это за четыре десятилетия до выхода фильма «Энни Холл». В вальяжной позе, засунув руки в карманы и небрежно зажав в зубах сигарету (Гитлер терпеть не мог курящих женщин), она с хулиганской ухмылкой бросает вызов буржуазным предрассудкам. Мужчине не так просто было сломить дух Гели. Возможно, она сознательно или подсознательно подражала двусмысленной сексуальности Марлен Дитрих, абсолютно женственной и в то же время дразняще мужественной, играющей образом андрогина. Есть снимки, где Гели поправляет купальный костюм, выставляя напоказ обнаженные полные бедра, задирает юбку гораздо выше колен, будто бы чтобы похвастаться ручной галкой, усевшейся ей на ногу; сидит вразвалку на пикниках, дурачится, показывая белые зубы, открыто смеясь в объектив. Гели презирала светский лоск. Оригинальная до эксцентричности, она походила на Салли Боулз: сочетание ехидства и магнетизма. Если бы она хоть немного умела петь, то могла бы стать блестящей актрисой кабаре.

Все замечали, какое впечатление Гели производит на Гитлера. Его благожелательное покровительство вскоре уступило место неистовой собственнической страсти, и они оказались втянуты в отношения, переполнявшие обоих бурными эмоциями. Словно зловеще вторя его матери Кларе, которая обращалась к мужу *Onkel Alois* (дядя Алоис), Гели, поддразнивая, называла Гитлера *Onk Alf*, дядюшкой Альфом. Она тоже происходила из нездорового клана Гитлеров, сложившегося в маленькой сельской общине с тесно переплетенными корнями. В который раз инцест подкрадывался к семье Гитлера.

«Дядюшка Альф» быстро сбросил личину навязчивого, но заботливого опекуна и стал навязчивым, ревнивым любовником. Вскоре Гели начала сопровождать его на свет-

ские мероприятия в роли официальной спутницы – исключительная привилегия, которой удостаивалась редкая женщина. Бальдур фон Ширах, входящий в ближайшее окружение Гитлера, записал свое первое впечатление от Гели:

> И тут к нам неожиданно входит Гитлер. Я редко видел его таким счастливым. Когда он представлял нам свою племянницу, фрейлейн Раубаль, в его голосе слышалась такая смесь гордости и нежности, что все только диву давались. Девушка рядом с Гитлером была среднего роста, хорошо развита, с темными вьющимися волосами и живыми карими глазами. Когда они вошли в комнату и она заметила, как все удивлены их появлением, лицо ее зарделось румянцем смущения. Я тоже долго не сводил с нее взгляда, не потому, что она была настолько хороша, просто поразительно было видеть Гитлера на многолюдной вечеринке в сопровождении молодой девушки.

Старый друг Гитлера Путци Ганфштенгль описывал Гели как «пустоголовую маленькую дрянь, у которой ни мозгов, ни характера». Но Путци славился злым языком, и в дальнейшем он практически то же самое скажет о Еве. На его оценку нельзя полагаться. Сравните его презрительный отзыв с льстивым восхищением Гофмана: «...прелестная и уверенная в себе молодая женщина, которая очаровывала всех своей естественностью и беззаботностью. Гели Раубаль была обворожительна... Ей удавалось одним своим присутствием привести всех и каждого в самое прекрасное настроение, мы все без исключения очень привязались к ней».

Гитлер имел массу причин увлечься своей племянницей, несмотря на то, что она была полной противоположностью женщинам, которым он обыкновенно отдавал

предпочтение. Глядя на нее, он вспоминал свои молодые годы в Линце и Вене, когда и сам стремился стать такой вот экстравагантной магнетической личностью. Упрямая самоуверенность девушки составляла значительную долю ее обаяния, но вместе с тем представляла угрозу для дяди. Через несколько недель Гитлер уже не довольствовался ее проживанием в Оберзальцберге, где они могли видеться в основном по выходным, и желал, чтобы она постоянно находилась подле него в Мюнхене. Он помешался на вопросе ее целомудрия и оттого сделался требователен до абсурда. По словам Гофмана, он оправдывал свои собственнические замашки, утверждая, что его племянница нуждается в наставлениях:

> Знаете, Гофман, я так обеспокоен будущим Гели, что чувствую потребность присматривать за ней. Я люблю Гели и мог бы на ней жениться, но вам известна моя позиция. Я намерен оставаться холостым. А потому удерживаю за собой право оказывать известное влияние на ее дружеские связи, пока она не встретит подходящего мужчину. Я не могу допустить, чтобы она попала в недостойные руки.

Если эта запись достоверна, то Гитлер обманывал самого себя. Путци Ганфштенгль однажды заметил, как он смотрел на Гели «телячьими глазами», когда думал, что их никто не видит. «Как-то раз мы видели ее с Гитлером в Резиденц-театре... во время антракта они стояли у балкона, и Гитлер пялился на нее, не зная, что за ними наблюдают, но, завидев меня, поспешил натянуть свою обычную наполеоновскую маску».

Даже если Адольф Гитлер и не думал жениться на Гели, его друзья замечали эротическое напряжение между ними. Они не могли знать, что есть роковое препятствие на пути к их союзу — то, что тогда называлось «дурной кровью», —

следствие кровосмесительных браков в деревеньке Штронес, где родился его отец. В душе Гитлера, пропагандировавшего эвтаназию во имя создания расы совершенных человеческих существ, всю жизнь таился страх, что его гены несут клеймо умственной и физической ущербности. В данном случае велика была вероятность, что это касается и Гели, удваивая риск. О браке не могло быть и речи, о детях тем более.

И все же Гитлер впервые в жизни был влюблен — ошеломляюще, неподобающе, страстно влюблен. Чувства Гели угадать сложнее. Она гордилась своей властью над ним, но сопротивлялась его попыткам ограничить ее свободу. Гитлер столкнулся с личностью, которую не в состоянии был подчинить себе — ни приказами, ни подарками, ни даже засовами на дверях. Вопреки собственной воле он был заворожен «маленькой дикаркой», и ее сопротивление приводило его в ярость. Ей хотелось чувствовать себя свободной, веселиться, флиртовать и танцевать, ходить в кино, пить и курить, встретить красивого, сильного молодого человека и выйти за него замуж. Но он лишал ее всего этого. Она должна была сопровождать его повсюду: на ужины в *Osteria Bavaria*, в оперу, на загородные пикники. По выходным, если он не был занят делами партии и не произносил публичных речей, они обычно отправлялись в Оберзальцберг, хотя присутствие ее матери исключало любого рода интимные отношения, так как в то время Хаус Вахенфельд еще был маленьким домиком. Могла ли Ангела Раубаль оставаться в неведении относительно страсти Гитлера к ее дочери, или же она намеренно закрывала на это глаза в надежде, что в один прекрасный день Гели станет первой леди Германии?

Пятого августа 1928 года, через год после приезда в Хаус Вахенфельд, Гели переехала в комнаты по соседству с мюнхенской резиденцией Гитлера по адресу Тирш-

штрассе, 43, в нескольких шагах от реки Изар в районе Изартор, подальше от богемных искушений Швабинга с его задымленными кафе, полными голодных, вечно спорящих студентов. Это означало, что дядя сможет присматривать за ней. Но он никогда не забывал, что окружающие в то же время наблюдают *за ним*. Гитлер был душой нацистской партии, ее создателем, выразителем ее идеологии. Мужчины относились к нему с почтением, женщины — с обожанием. Он не мог рисковать скандалом, особенно в связи со своей племянницей. Вопреки самым разнообразным слухам, которые за последние восемь лет связывали его со многими блестящими, утонченными или знаменитыми женщинами, он почти наверняка все еще оставался девственником. Растущая популярность и известность Гитлера вынуждали его быть осторожным на публике. Сплетен и так ходило предостаточно, а политические противники уже злословили по поводу постоянного присутствия Гели. За столом она всегда сидела рядом с ним, и ей одной позволялось прерывать его. Она могла перебить его монолог нетерпеливым замечанием, шуткой или забавной историей, и Гитлер снисходительно слушал, довольный, что она развлекает компанию — и в первую очередь его самого. Он не отличался чувством юмора (хотя некоторые говорят, что он был хорошим пародистом), но любил, когда его смешили. Неприличные шутки Гели шокировали его, и все же ей разрешалось преступать его правила, гласящие: женщины никогда не должны привлекать к себе внимание в мужской компании и вести себя вульгарно. Гели бессовестно нарушала оба.

Несмотря на снисходительность, которую он проявлял к ней в кругу своих ближайших соратников, Гели начала тяготиться дядюшкиной опекой. К 1929 году фюреру все больше приходилось заниматься политикой. Он разъезжал по всей Германии, воспламеняя народ своими

речами, а Гели оставалась одна. Каким бы он ни был знаменитым и щедрым, с ним было скучно. Он решительно не переносил джаз, синкопированную музыку, танцы – вообще не любил ничего современного. И вместе с тем не позволял ей проводить время с ее друзьями, которые всем этим наслаждались. Генрих Гофман описывал, как однажды Гели выпрашивала разрешение пойти на одно из крупных общественных мероприятий Мюнхена – бал по случаю Масленицы. Сначала Гитлер отказал, утверждая, что его долг – оберегать ее. Но в какой-то момент все же уступил, при условии, что ее будут сопровождать двое его друзей (Гофман и Макс Аман, оба вдвое ее старше), что он сам выберет ей платье и что она уйдет в одиннадцать вечера, то есть когда на любом приличном балу самое интересное только начинается. Гели провела вечер, скучая и стесняясь уродливого вечернего платья, полностью закрывающего ее роскошную грудь. Домой она заявилась до полуночи, кипя гневом. Гофман впоследствии высказался: «Это дитя природы просто не могло мириться с тем, что он следит за каждым ее шагом и что ей нельзя ни с кем разговаривать без его ведома».

Дочь Гофмана Генриетта, которой в то время было семнадцать, иногда присутствовала на застольях в *Osteria Bavaria*. Она внимательно наблюдала за связями Гитлера, и на ее свидетельство можно положиться. Хенни вспоминала: «Меньше всего Гели нуждалась в присмотре. Она была готова к новым приключениям, жаждала новых впечатлений». Ее отец пришел к тому же выводу: «Суровый надзор за каждым ее шагом, запрет на общение с мужчинами и нормальные развлечения без ведома Гитлера были невыносимы для характера свободного, как сама природа». Несчастной Гели, скованной по рукам и ногам, так хотелось выйти из дому без сопровождающих или отправиться поездом в Вену на встречу с бывшими одноклассниками

(а также на другие, более рискованные, свидания). В то же время Гели не торопилась отказываться от роли любимицы Гитлера, хорошо осознавая, что он служит предметом всеобщего поклонения. Она наслаждалась властью над этим могущественным человеком и пользовалась ею, насколько осмеливалась. Он то обращался с ней трепетно, то приходил в бешенство, но время шло, и риск, которому она подвергала его публичный имидж, начал переходить границы допустимого.

Гитлер подавлял в себе половое влечение так долго — даже избегал мастурбации в юности, если верить его приятелю Кубицеку, — что, должно быть, беспокоился о своей мужской состоятельности. Обладает ли он вообще потенцией? Обладал ли когда-либо? Гели была вдвое моложе его и не имела сексуального опыта, когда он только привез ее в Оберзальцберг, но ее природные инстинкты, не обремененные угрызениями совести, брали свое. Два года ожидания — это долго, слишком долго, и промедление пошло во вред их отношениям. Когда все наконец свершилось (если свершилось вообще, в чем нет никакой уверенности, хотя такой поворот событий представляется более чем вероятным), ей было около двадцати одного, а ему сорок. К тому времени он уже больше двадцати лет — всю свою взрослую жизнь — ждал возможности познать женщину. Гитлер был прав, полагая, что в его отсутствие племянница начнет кокетничать с привлекательными мужчинами. Не в силах более противиться своим потребностям, Гели стала отдаваться другим, и его столь долго сдерживаемое желание переросло в невроз и патологическую ревность.

Трудно себе представить, чтобы после двух лет, в течение которых они виделись практически ежедневно, Гитлер и Гели все еще не были любовниками. Но если их отношения привели к физической близости, то им необ-

ходимо было уединение. Быть может, именно это подвигло Гитлера на поиски более вместительного и безопасного дома, чем его тесная квартира в Изарторе. В декабре 1929 года (через несколько недель после знакомства с Евой Браун) он стал владельцем девятикомнатных апартаментов на Принцрегентенплатц, 16, в центре Мюнхена, в квартале, где жили обеспеченные представители среднего класса. Купленная и меблированная на средства партии квартира занимала весь третий этаж здания и была намного более современной и просторной, чем все прежние жилища Гитлера. Он нанял супружескую пару по фамилии Винтер вести хозяйство, в то время как фрау Раубаль, мать Гели, оставалась домоправительницей в Оберзальцберге.

> Квартира ничем не отличалась от дома любого солидного, состоятельного горожанина. Там были и плетеная мебель, и цветные занавески, и зеркало в полный рост в гардеробной, и светильники на стенах. Повсюду мягкие ковры. Кроме того, кабинет и библиотека для Гитлера. Две совмещенные комнаты образовывали большую гостиную... Гитлер любил просторные помещения. [Траудль Юнге]

Гитлер культивировал миф о собственной бережливости и, хотя вкусы его были действительно непритязательны, предоставил своему управляющему финансами Мартину Борману полную свободу действий. Тот при случае купил для Гитлера весь дом на Принцрегентенштрассе, а также распоряжался постоянно растущими гонорарами от продаж «Майн Кампф». Борман обеспечивал благосостояние фюрера.

Через два месяца Гели поселилась в квартире, заняв спальню и ванную комнату в конце коридора. Это был опрометчивый шаг, о котором рано или поздно стало бы известно общественности, но Гитлер, видимо, считал,

что это единственный способ не спускать глаз с девушки. Теперь он мог наблюдать, куда она ходит, с кем встречается и в котором часу возвращается домой под бдительным надзором телохранителей, которые на самом деле шпионили за ней.

Остается только гадать, когда именно дядя и племянница впервые спали вместе и как это произошло. Секреты интимной жизни окружающих редко бывают доступны, а вокруг облеченных властью людей вечно ходят пересуды. Якобы извращенные сексуальные предпочтения Гитлера служили предметом захватывающих, но недоказуемых сплетен. Однако не существует ни одного неопровержимого доказательства, что слухи соответствовали истине.

Путци Ганфштенгль с уверенностью всезнайки писал в своих мемуарах:

> Наблюдая за Гитлером и разговаривая с его близкими, я пришел к твердому убеждению, что он был импотентом, из тех, что мастурбируют, подавляя свое либидо... Он ненавидел отца — тупого, ограниченного, мелкого провинциального таможенного инспектора — и обожал мать. Без одежды от него не было никакого толку... Полагаю, его можно назвать бесполым героем [не приведено ни доказательств, ни цитат]. Импотент с поразительной нервной энергией, Гитлер должен был как-то снимать свое напряжение... Его повышенная возбудимость носила чисто теоретический характер, практический — никогда. Он попеременно проявлял склонность то к садизму, то к мазохизму [опять голословное утверждение] и в полутьме своей сексуальной жизни не находил физического облегчения... В свое время ему приписывали связи с разными женщинами, и *история с его племянницей Гели Раубаль была, на мой взгляд, апофеозом чего-то очень скверного* [курсив мой. — А.Л.].

Ганфштенгль приписывает Гитлеру всяческие извращения, объясняя его страсть к Гели тем, что она с готовностью подчинялась его нездоровым желаниям, и лукаво добавляя: «Ко мне эти сведения попали через третьи руки. Нельзя же ждать от молодой женщины, чтобы она говорила вслух о подобных вещах». Имени упомянутого третьего лица он не назвал.

Анализ интимной жизни Гитлера, как правило, страдает преувеличениями. Попав в опалу, Путци тут же начал с чрезмерным презрением отзываться о мотивах и характере своего бывшего протеже, но с 1923 года он в течение десяти лет проводил с Гитлером больше времени, чем кто бы то ни было, за исключением Гофмана, и его мнение нужно учитывать, хотя каждое слово его мемуаров дышит неприязнью к Гели. Единственный раз Путци дает волю злости в ехидном комментарии к случаю, когда он увидел Гитлера, идущего рядом с Гели с хлыстом в руках: «Еще и хлысты, подумал я и почувствовал искреннюю жалость к девушке». На самом деле Гитлер часто носил хлыст, чтобы производить впечатление на женщин и призывать к порядку своих собак: Вольфа, Принца, Беллу или Блонди.

Американский психиатр доктор Уолтер Ч. Ленджер, получивший в 1943 году от разведслужбы США задание составить психологический портрет Гитлера, пришел к заключению, что тот, вероятно, был сексуальным мазохистом, но точно не импотентом и не гомосексуалистом. Однако Ленджер работал с неполным набором сведений, и некоторые данные, как потом выяснилось, были фальшивыми.

Существует бесконечное множество спекуляций на тему эротических пристрастий Гитлера, особенно в отношении его племянницы, включающих безапелляционные заявления, замаскированные под психологический анализ.

Каждый историк рисует образ Гитлера по-своему. «Доказательства» в большинстве случаев шатки и неубедительны, они не столько говорят о предмете исследования, сколько об авторе. Отто Штрассер, среднего ранга функционер из левого крыла нацистской партии, намекал на половую жизнь предосудительного характера, но его свидетельство носит оттенок мести. В июне 1934 года Гитлер потребовал казни его старшего брата Грегора во время «Ночи длинных ножей» (чистки, затронувшей всех, кто подозревался в недостаточной лояльности к фюреру). С тех пор Отто постоянно искал случая очернить его имя. Более близкие к Гитлеру люди — его денщик, домработница, убиравшая спальни, и Альберт Шпеер, доверенное лицо и Гитлера и Евы, — опровергали эти в высшей степени красноречивые доводы и утверждали, что в сексуальном отношении Гитлер был совершенно нормален.

Принуждал ли Гитлер Гели к чему-то, что вызывало у нее отвращение? Действительно ли он избегал полового акта из боязни инцеста и достигал удовлетворения иными способами? Действительно ли он, как предполагали впоследствии психоаналитики, был одержим анальным сексом и находил удовольствие в копрофилии? Или же «дядюшка Альф» с племянницей вели такого рода половую жизнь, которая в наши дни подробно описывается в рубриках советов любого журнала для подростков (оральный и, возможно, анальный секс), но в тридцатые годы считалась извращенной, а то и вовсе противозаконной? Захватывающие дух гипотезы помогли продать море книг, но правда до сих пор неизвестна и останется тайной навсегда.

Поначалу, в течение нескольких месяцев после октября 1929 года, когда Ева Браун впервые встретила Гитлера, соперничества между ней и Гели Раубаль не существовало. Ева приглянулась ему — ее молодость, ее хорошенькое

личико, ее откровенная *Schwärmerei* (влюбленность), — но она была всего лишь крошечной звездочкой, вращающейся на самой периферии его орбиты, вместе с другими такими же. Гитлер любил по окончании оперы или балета пойти за кулисы и оглушить артистов своей «компетентной» оценкой. (Он и правда много знал об операх Вагнера, но обо всем остальном имел весьма поверхностное представление и судил предвзято.) В те дни, когда Гели еще не завладела им безраздельно, он имел обыкновение пригласить одну-двух певиц из хора на ужин, а затем и прихватить одну с собой на квартиру, но его шофер, терпеливо ожидающий на улице, всегда отвозил девушку домой через час с небольшим. Самые красочные откровения девиц повествуют об умеренном количестве невинных ласк, остальные — о поглаживании рук. Позже, когда он совершенно потерял голову от своей племянницы, своей «принцессы» (так он называл Гели), эти маленькие приключения прекратились. К 1929 году Гитлер имел все основания полагать, что власть плывет к нему прямо в руки. Число последователей нацистского движения достигло миллиона. Партия уже подчинялась ему; скоро это могла быть вся Германия. Он не собирался рисковать даже ради племянницы, которую боготворил, не говоря уже о хорошенькой хористке или влюбленной девочке из магазина. Скандал или беременность на данном этапе могли обернуться катастрофой, и Гитлер с величайшей осторожностью избегал и того и другого.

И тем не менее Ева постепенно начала выделяться из стайки незначительных старлеток. Ее основными достоинствами в глазах Гитлера были веселый характер и нескрываемая любовь к нему. Будучи забавной, непоследовательной и наивной, Ева обладала даром освещать все вокруг, заражая присутствующих своей радостью, тогда как Гели, на два года старше и намного требовательнее,

становилась все более мрачной и раздражительной. В то же время Ева не боялась пробиваться вперед, пускаясь на хитрости ради нескольких мгновений наедине с Гитлером. Вскоре она начала говорить друзьям, что заставит его влюбиться в себя. «Гитлер говорит, что он закоренелый холостяк, но и у него есть своя ахиллесова пята, — хвасталась она. — Вот увидите, он на мне женится». Ее кузина Гертрауд отмечает: «Она уже тогда отличалась железной волей, и, скрытая под внешней неуклюжестью, ее решимость обольстить Гитлера была *непреклонной*. Если в самом начале она и не знала про Гели, то Гофман все равно скоро сказал бы ей». Ева не стеснялась добиваться Гитлера в открытую, не подозревая, насколько такие проявления преданности располагают его к ней. Она откровенно боготворила своего героя — какое облегчение после мелодрам Гели: сцен, приступов гнева, криков и обид. Партия могла поклоняться ему, но он жаждал беззаветной женской любви, которой не получал от Гели, чье сердце — Гитлер этого пока не знал — принадлежало другому.

Что Гитлер соблазнил Еву, будучи влюблен в Гели, кажется маловероятным, хотя не исключено. У него не было ни времени, ни потребности вступать в другую интимную связь: отношения с племянницей и так отнимали массу энергии. Он регулярно виделся с «маленькой фрейлейн Браун», поскольку днем она по-прежнему работала в ателье Гофмана, общаясь с занудными клиентами и выполняя их обычные требования или же проявляя снимки в темной комнате внизу, а к ужину возвращалась домой. Она утешала себя мыслями о том, что, приходя в ателье, Гитлер обязательно разговаривает с ней, приносит ей маленькие подарки и даже иногда берет с собой в оперу. Наконец и ее циничному боссу пришлось признать, что Гитлер, похоже, *несколько* заинтересовался ею. «Он так себя ведет со всеми

моими служащими», — похвалялся Гофман перед Евой. Но она знала, что это неправда. Ее кузина Гертрауд впоследствии предполагала:

> Его привлекало жизнерадостное, простодушное юное создание, еще не достигшее совершеннолетия (по закону оно наступало в двадцать один год). Такому, как он, должно быть, нравилось прятать ее, и когда она могла поставить его в неловкое положение, он попросту избегал ее. Окруженный самыми красивыми женщинами из мира кино и высшего общества, Гитлер вряд ли придавал ей особое значение.

Гертрауд было тогда лет семь-восемь, и она едва ли могла получить эти сведения из первых рук, хотя много позже стала одной из наперсниц Евы. На тот момент ближайшие приспешники Гитлера не обращали внимания на Еву, и для широкой публики она — как и Гели — оставалась неизвестной.

Насколько необычны были эти две молодые женщины, пробившиеся в окружение Гитлера, где их терпели его болтливые самодовольные друзья? Пожалуй, самое удивительное, что обе росли благовоспитанными девочками, которым предстояло направиться по проторенной обществом дорожке к алтарю и колыбели. Ведь в то время в компании мужчин среднего возраста могли находиться разве что распутные девицы из театров и ночных клубов, актрисы и официантки, известные легким поведением и доступностью. Скандал не слишком повредил бы их и без того сомнительной репутации. Мюнхен не был похож на Берлин или Гамбург, описанные Георгом Гроссом и Кристофером Ишервудом, с их декадентской ночной жизнью, где даже «хорошие девочки» могли пристраститься к алкоголю и наркотикам и гонять на автомобилях с молодыми

сорвиголовами. Одноклассницы, с которыми Ева выросла и должна была бы проводить большую часть свободного времени, испытали бы некоторый шок от ее неподобающего поведения, каковым считалось появление на публике в сопровождении немолодого мужчины. Узнай об этом ее родители, они пришли бы в ужас. Но тогда они еще ни о чем не догадывались, а когда узнали, пути назад уже не было.

Глядя на Гитлера и Гели, Ева не могла не ревновать — любовь и ревность идут рука об руку, особенно в душе семнадцатилетней девушки. Ее мать Фанни рассказывала на допросе после войны: «Думаю, она была знакома с Гели, поскольку то и дело говорила о ней. Но я никогда не видела их вместе и не знаю, часто ли они встречались». Гели, родившаяся в 1908 году, была на четыре года старше Евы и на том жизненном этапе, когда такая разница в возрасте действительно имеет значение. Гели казалась взрослой и слишком искушенной для своих лет, но, самое главное, Гитлер любил ее: это было очевидно. И тем не менее Ева, должно быть, приободрилась, когда ей позволили присутствовать на вечерах в опере, даже если это значило, что ей, как и всем остальным, приходилось часами сидеть и слушать Вагнера, а потом, пока фюрер превозносил тевтонскую доблесть Зигфрида, делать вид, что ей интересно. В 1930 году, через несколько месяцев после знакомства, она получила еще одну привилегию. Гитлер пригласил ее присоединиться к нему за ужином в *Osteria Bavaria*. Ресторан находился на Шеллингштрассе, 62 — метрах в пятидесяти от студии Гофмана.

Фюрер был человеком привычки. Решив однажды, что место ему нравится, он становился его завсегдатаем на десятилетия. Он любил и *Heck*, и *Neumaier*, а также *Carlton Teeraum*, но больше всего — *Osteria Bavaria* за обильную пищу

и уютную атмосферу. После дня, проведенного в «Коричневом доме», штаб-квартире НСДАП на Шеллингштрассе, где он намечал дальнейшие тактические ходы, или за проверкой партийной пропагандистской газеты *Völkischer Beobachter*, издательство которой находилось еще ста метрами дальше, посетить ресторан было и удобно и приятно. Гитлер признавался: «Я не могу больше выносить одиночество. Более всего мне по душе ужин с прелестной женщиной. Чем оставаться одному дома, я лучше пойду поужинать в *Osteria*».

В конце двадцатых и на протяжении тридцатых годов фюрер, находясь в Мюнхене, по нескольку раз в неделю посещал этот на вид ничем не примечательный ресторан. Владел им баварец по имени Эрнст Дойтельмозер. *Osteria Bavaria* была основана в 1890 году и всегда пользовалась популярностью в артистических кругах Мюнхена. Широкий дверной проем, ведущий в просторное помещение справа от входа, задергивался занавеской для пущего уединения, так что Гитлер мог кутить со своей компанией вдали от посторонних глаз, чтобы не мешали не в меру пылкие поклонники. Зато его проникновенные монологи на излюбленные темы – архитектура, искусство, судьба Германии – были отлично слышны остальным посетителям. Как трезвенник и вегетарианец, Гитлер очень ценил кухню ресторана, особенно блюдо из пористого сыра, запеченного в духовке. Кроме того, *Osteria* славилась сладкими пирогами и пирожными. Еве предстояло провести здесь много долгих вечеров, стараясь не выглядеть скучающей, пока Гитлер разглагольствовал перед товарищами по партии в обычном составе: Гофман, Гиммлер, фон Ширах, Борман и Гесс. Если присутствовали хотя бы две-три хорошенькие молодые женщины, из уважения к ним о политике не говорили. Государственные дела никогда не обсуждались в женском обществе.

После войны неизбежные ассоциации ресторана с Гитлером заставили заведение сменить название и характер. *Osteria Bavaria* стала собственностью супружеской пары из Северной Италии по фамилии Сальватори. Называется она теперь *Osteria Italiana*, но кухня ее не слишком изменилась, только несколько блюд из макарон дополнили меню. Она продержалась уже больше ста лет, гораздо дольше Тысячелетнего рейха, и продолжает привлекать самую разношерстную публику, включая неонацистов и любопытных туристов со всего мира.

Я обедала там в августе 2003 года, и Osteria казалась почти такой же, как семьдесят лет назад. В ней темно, уютно, с низких потолков свисают лампы в желтых пергаментных абажурах на чугунных обручах. Обшитые панелями стены украшены узорами в баварском стиле, а над дверью, ведущей в бывшую святая святых Гитлера, прибит герб. Вдоль стен стоят скамьи, над ними развешаны сельские пейзажи с крестьянами в национальных костюмах. Я выбрала столик в углу возле входа, возможно, тот самый, за который усаживалась Юнити Митфорд в надежде поймать взгляд Гитлера. Снаружи беззаботно сновали разбитные студенты Швабинга, предпочитавшие кафе под названием Schall und Rauch («Шум и дым», а точнее даже, «Гам и чад»). После обеда я направилась вверх по Шеллингштрассе и остановилась перед домом №50, где раньше располагалось ателье Гофмана, а теперь – магазин дешевых азиатских тканей и мебели, из тех, что по вкусу и по карману студентам. Над соседней дверью в стоматологическую клинику вырезан в камне один из символов Третьего рейха: орел с распластанными крыльями. Свастика, указывавшая прежде на вход, начисто соскоблена. Орел сохранился потому, наверное, что с годами стал едва виден. Мюнхен тщательно уничтожал следы, оставленные

нацистами с 1920-го по 1945 г., но вопреки всем попыткам вычеркнуть те позорные годы, едва заметные отпечатки настойчиво заявляют о себе.

Гитлер часами просиживал со своей компанией в излюбленных *Lokalen* (кабаках), где все, кроме него, пили и ели до отвала. В частности, кутила Генрих Гофман уже тогда чрезмерно увлекался алкоголем, а Геринг уже страдал обжорством. После смерти первой жены Лелли в 1928 году Гофман еще прочнее утвердился в роли «пьяницы и затейника, придворного шута в свите Гитлера». Гитлер оправдывал его пьянство тем, что кончина Лелли стала для него тяжелым ударом. Существовало неписаное правило, что все эти неформальные посиделки проходят в частном порядке и протокол на них не ведется. Гитлер и Гофман любили разыгрывать из себя знатоков живописи и часами рассуждали о достоинствах своих любимых немецких художников — тех, что рисовали развеселых монахов, вздымающих кружки с пенящимся пивом, или довольных жизнью молодых жен, занимающихся немудреными хозяйственными делами. Другие картины, особенно нравившиеся Гитлеру, граничили с порнографией — мужественные образы мускулистых, крепких юношей, олицетворяющих благородный труд во имя фатерланда. Они зачастую поразительно напоминают живопись социалистического реализма, изображающую рабочих и крестьян, орудующих серпом и молотом. Фюрер, чьи суждения в ходе ужина становились все категоричнее, уверял, что «немецкие реалисты» превосходят Рембрандта и в один прекрасный день их полотна будут продаваться дороже. Вступив в должность канцлера, он потребует, чтобы все муниципальные картинные галереи Германии выставляли эти бессмертные образцы пролетарского искусства.

Гофман знал о живописи кое-что, Ганфштенгль — многое, Гитлер же был полным профаном (Путци как-то за гла-

за высмеивал его за то, что он перепутал «Святого Матфея» Караваджо с Микеланджело) и, как многие псевдознатоки искусства, от природы имел дурной вкус. Он пренебрежительно окрестил новаторское течение модерн творчеством дегенератов и шарлатанов, запрещая все, кроме одобренных им работ, в которых эстетической ценности было не больше, чем в пропагандистских плакатах для гитлерюгенда. Точно так же он презирал современные драматургию, балет и музыку, считая их упадническими. Это что касается претензий на искусствоведческие познания.

Генрих Гофман недооценивал «маленькую фрейлейн Браун» и всю жизнь обращался с ней как с молоденькой подчиненной. Он как-то не осознавал, насколько значимо ее присутствие в ближайшем окружении Гитлера.

> Для него [то есть Гитлера] она была просто милой крошкой, в обществе которой, несмотря на ее ветреность и легкомыслие — а может, как раз из-за этих качеств, — он находил так необходимые ему отдых и успокоение. Нередко, собираясь зайти к нам, он говорил: «Попроси, чтоб эта твоя маленькая Ева Браун тоже пришла — она меня забавляет». А порой просил меня: «Я, пожалуй, заскочу на полчасика повидать малышку Еву, ты уж позвони ей, будь любезен, спроси ее согласия». И очень часто мы все вместе участвовали в его любимой затее — ехали на пикник в какое-нибудь красивое место, каких полно в пригородах Мюнхена... Он заваливал ее подарками, но это все были цветы, шоколадки, недорогие безделушки и прочие банальные проявления обычной галантности, на которые он был большой мастер.

Но Ева была не настолько «ветрена и легкомысленна», как полагал Гофман. Она преследовала Гитлера осторожно и настойчиво, запоминая, чем можно ему угодить,

и перекраивая себя под его идеал женщины. Она знала, что на это потребуется время, но ей всего восемнадцать — время у нее было. Гели не могла не заметить, как решительно Ева настроена занять место в жизни Гитлера. Возможно, она даже чувствовала некоторую угрозу. Один из ее телохранителей, Вильгельм Штокер, сообщал: «Гели беспокоилась, не появилась ли в жизни Гитлера другая женщина. Она несколько раз обмолвилась в разговоре со мной, что дядя теперь уделяет ей гораздо меньше внимания, чем раньше».

Гели между тем сама уже какое-то время изменяла ему. Она познакомилась с Эмилем Морисом, шофером и телохранителем Гитлера. Случилось это еще в 1926 году на партийном приеме в Веймаре, когда она была восемнадцатилетней школьницей, а он, в свои двадцать девять, уже состоял при штабе фюрера. Переехав в Мюнхен в 1927-м, она виделась с ним чуть ли не ежедневно, так как он повсюду сопровождал Гитлера и вывозил фюрера с племянницей на экскурсии в близлежащие деревни. Такая близость вскоре привела к серьезному роману, и влюбленные тайно обручились. Узнав об этом, Гитлер впал в такую безудержную ярость, что Морис испугался, как бы фюрер его не пристрелил. Гитлер убедил Гели проверить силу своих чувств, отложив брак на два года. Гели сопротивлялась изо всех сил, но даже она не могла повлиять на Гитлера, если уж он принял решение. В письме Морису, написанном 24 декабря 1928 года, она говорит:

> Дядя Адольф настаивает, чтобы мы ждали два года. Ты только подумай, Эмиль, целых два года лишь изредка урывать поцелуй, и все время дядя Адольф будет наблюдать за нами. Все, что я могу, — поклясться тебе в любви и неизменно хранить верность. Моя любовь к тебе не имеет границ. Дядя Адольф требует, чтобы я возвращалась к занятиям.

Она знала, что не сможет выждать два года. Вопреки своему обещанию, Гитлер стал принуждать ее к расторжению помолвки, и Гели, видимо, сдалась. На Рождество 1929 года она подарила нареченному свой портрет, сделанный Гофманом в студии. Эта фотография особенно удачна. Свет падает сзади, образуя нимб над ее головой, на плечи накинуто белое меховое боа, на губах играет загадочная улыбка. Но обороте она написала: «Моему дорогому Эмилю на память от твоей Гели». Между ними все было кончено.

Эмиль Морис получил должность начальника гитлеровской охраны на публичных митингах и проводил большую часть времени вдали от Мюнхена. Обязанности шофера перешли к Юлиусу Шреку (который умер в 1936 году), а затем к Эриху Кемпке. Несмотря на роман Мориса с Гели, Гитлер так и не выгнал его со службы, и тот платил фюреру беззаветной преданностью. На его совести лежит убийство профессора Мюнхенского университета Бернхарда Штемпфле, который ранее оказывал влияние на интеллектуальное развитие Гитлера. Кара настигла Штемпфле якобы за то, что он слишком открыто распространялся о взаимоотношениях Гитлера с племянницей.

Гели становилась все безрассуднее в поисках других связей, предлагая себя — если верить слухам — симпатичным студентам, с которыми знакомилась в городских кафе. Интересно было бы узнать поподробнее о любовниках Гели, постоянных или случайных, но она знала, что за ней следят и что, изменяя Гитлеру, она подвергает опасности не только свою жизнь. Достаточно веская причина, чтобы быть скрытной. Тем не менее поведение Гели сделало ее объектом сплетен. Вильгельм Штокер рассказывал репортеру:

> Не раз, когда Гитлер уезжал на несколько дней на политические съезды или по партийным делам в Берлин или еще куда-нибудь, Гели проводила время с другими мужчинами.

Мне самому девушка нравилась, поэтому я никому не говорил, что она делала и куда ходила в те свободные ночи. Гитлер пришел бы в бешенство, узнай он, что она встречалась с такими типами, как скрипач из Аугсбурга или инструктор по лыжному спорту из Инсбрука... Она была из тех девушек, которым надо постоянно уделять внимание. И она определенно хотела оставаться любимицей Гитлера.

Гитлер подозревал о происходящем, и его ревность не то чтобы становилась параноидальной (поскольку была совершенно оправданна), но причиняла ему немало мучений, а ей — горьких обид.

Домик Гитлера над Берхтесгаденом оставался в безраздельной власти Гели, хотя бы потому, что ее мать вела в нем хозяйство. Еве путь туда был заказан. Она тихонько мстила, подсовывая записки в карман Гитлеру с расчетом, что Гели может найти их. Она находила. Вторая жена Эриха Кемпки рассказывала на допросе в 1948 году: «Гели знала, что что-то происходит между Гитлером и Евой, и это приводило ее в отчаяние, тем более что он всегда говорил ей, что должен жить только ради своего народа».

Генриетта Гофман, знавшая и Еву и Гели, как-то заметила: «Гели — опера, Ева — оперетта». Она не имела в виду музыкальные вкусы, так как все три девушки предпочитали популярные песенки и комическую оперу любому великому баритону. Хенни подразумевала, что Гели была трагической героиней, а Ева — всего лишь хорошенькой болтушкой из венской оперетты Франца Легара. Но действительно ли Гели жила ярче и насыщеннее, чем Ева, острее переживая радость и боль?

Отношения девушек с Гитлером были во многом сходны. Будь на его месте кто-то другой, эта банальная мелодрама переходного возраста — влюбленность в зрелого мужчи-

ну — вскоре забылась бы. Обе познакомились с ним очень юными, едва окончив школу, почти или вовсе не имея опыта романтических связей. Обе стали спать с ним после долгого периода ожидания — возможно, больше двух лет. И Ева и Гели, несмотря на все нежелание последней идти традиционным путем, приучены были верить в любовь и брак. Ход событий известен с детства: Золушка сбегает от грязного камина... едет во дворец на бал... теряет туфельку... принц ищет маленькую ножку, к которой туфелька подойдет, и — о, чудо! — миг взаимного узнавания. Только вот Гитлер был не прекрасный принц, а Синяя Борода.

Обе девочки пошли против своей семьи ради продолжения романа. И самой страшной бедой их жизни стало то, что они связались с Гитлером, не обладая достаточной проницательностью или эмоциональной зрелостью, чтобы осознать, что им не найдется места в его необъятном мире и что он никогда на них не женится. Ослепленные первой любовью подростки, они просто-напросто отказывались верить, что Германия всегда будет для него на первом месте, что роль вождя не оставляет времени для супруги, не говоря уже о детях. Им следовало бы поостеречься. Гитлер любил повторять:

> Для меня брак стал бы катастрофой. Когда муж не способен уделять жене столько времени, сколько, по ее мнению, ей причитается по праву, обязательно возникают разногласия. Ее запросы можно понять. Женщина, любящая своего мужа, живет только ради него... Мужчина же — раб своих мыслей. Он подчиняется чувству долга... Жена не просто жалуется на отсутствие мужа. Ее возмущает, что он занят. Скверная сторона брака в том, что он предполагает обязанности. *Вот поэтому-то лучше иметь любовницу. Не так обременительно, и каждый жест воспринимается как подарок* [курсив мой — А.Л.].

В качестве компенсации он проявлял щедрость к обеим девушкам. Гели могла требовать многого, но Ева была бескорыстна. Долгие годы она не принимала от него денег, даже на такси до дома, что производило на Гитлера неизгладимое впечатление. Он часто рассказывал об этом друзьям, доказывая, что она не заинтересована в его богатстве и могуществе.

Обе молодые женщины были умнее, чем о них думали окружающие, только одна предпочитала скрывать это, а другая — выставлять напоказ. Ева не была «гусыней», как называли ее некоторые прихвостни Гитлера, или «тупой коровой» — *eine blöde Kuh*. Да и Гели, пусть и не имела склонности к умственному труду, была, уж конечно, далеко не дура. Они знали, что Гитлер не выносит умных женщин, особенно таких, которые пытаются с ним спорить. Он предпочитал пустоголовых хохотушек, умеющих отвлечь его от сложных дел. По его словам: «Ум для женщины не имеет значения. Моя мать, например, произвела бы жалкое впечатление в обществе наших утонченных дам. Она жила исключительно ради мужа и детей. Они составляли ее маленькую вселенную. Но она подарила Германии сына».

Каждая из них по-своему была «женщиной, созданной для мужчины». Ева со своей ладной фигурой и стройными ногами была красивее в общепринятом смысле слова, зато Гели, несомненно, сексуальнее. Юлиус Шауб, двадцать лет прослуживший при Гитлере адъютантом, описывал последнюю так: «Кареглазая брюнетка, ростом 5 футов 6 дюймов, хорошо сложенная, цветущая, обладающая животным магнетизмом, приятным голосом, открытым характером, всегда готовая пошутить... Она отличалась необычайным самообладанием». «Хорошо сложенная»... «цветущая»... «животный магнетизм»... «открытая»... намек ясен: Гели, в отличие от Евы, не удовлетворялась одним мужчиной, сегодня ее назвали бы «искательницей приключений».

В продолжение романа она противостояла Гитлеру, самостоятельно выбирая себе любовников, чего Ева никогда не делала. Еву часто сбрасывали со счетов как «хорошенькую дурочку», но никто не подвергал сомнению ее верность.

Но возможно, в конечном итоге главная разница между Евой и Гели заключалась в том, что Гитлер страстно любил Гели. Она никогда не сомневалась в преклонении «дядюшки Альфа», в то время как Ева только в самый поздний период их отношений поняла, насколько дорога ему. Обе пережили из-за него острый эмоциональный кризис и неоднократно пытались покончить с собой, не видя иного способа добиться его внимания и заботы. Обеих Гитлер близко не подпускал к своей политической жизни, хотя, ко всеобщему изумлению, позволял фотографировать себя с Гели на публике. Еву такой привилегии он удостаивал крайне редко, да и то с неохотой. На основании скудных свидетельств можно заключить, что девушки относились друг к другу с неприязнью, но если это действительно так, то только из-за соперничества. При других обстоятельствах они, вероятно, отлично бы поладили.

Если у них было столько общего, можно ли называть одну оперой, а другую опереттой? Хенни, наверное, думала об их характерах. Да, Гели на вид была энергичнее — с ее-то безудержной тягой к радостям жизни, сильной волей и нежеланием кому-либо подчиняться. По сравнению с ней Ева выглядит типичной беспомощной маленькой женщиной. И все же, как мы увидим, в ней таились эмоциональные глубины, каких никто не подозревал, и, несмотря на внешнее легкомыслие, она переживала периоды тяжелой депрессии, которые скрывала от всех, и особенно от Гитлера. Она была не только умнее, но и сильнее, чем казалась. Не такая простая задача — привлечь к себе его взор и обойти многочисленных поклонниц, борющихся за его внимание.

Любовь к Гели стала, после любви к матери, самым глубоким чувством, что Гитлер испытывал в своей жизни. И это были единственные отношения, которые он не мог контролировать. Поначалу ей, вероятно, вскружило голову его могущество, но со временем она перестала получать удовольствие от его общества. Напротив, он сделался ей невыносимо обременителен. На нее давила его любовь, хотя вряд ли больше, чем угнетала Еву его *не*любовь. Навязчивая или безответная страсть: что труднее выдержать? Попытка Гели утвердить свою независимость от человека, который вскоре будет угрожать половине Европы, была битвой, заранее обреченной на провал. Она вела феминистскую борьбу в те времена, когда о самодостаточных женщинах никто и слыхом не слыхивал. Размах этой борьбы и упорство, с которым она добивалась победы, придают ей облик более серьезного персонажа, лучше подходящего для большой оперы. Зато Еву пройденные испытания сделали смелым, сильным и щедрым человеком. В конце концов, одно то, что они были спутницами Гитлера — не важно, в течение четырех лет или тринадцати, — дает обеим молодым женщинам право называться трагическими героинями.

Спустя четыре года после приезда к матери в Оберзальцберг по предложению Гитлера, Гели смирилась с тем, что дядя никогда на ней не женится, никогда не даст ей детей, никогда не сделает ее первой леди Германии. Она поняла, что, оставаясь с ним, приносит в жертву свою юность, отрекаясь от возможности влюбиться, выйти замуж за простого, никому не известного молодого человека и — почему бы и нет? — обрести счастье.

Вероятно, к лету 1931 года она завела нового любовника, по сведениям из разных источников — то ли еврейского скрипача из Вены, то ли еврейского художника из Линца, то ли просто какого-то симпатичного парня. По-

говаривали даже, что она забеременела. Кто был этот любовник и существовал ли он вообще, остается только гадать. В сентябре Гитлер разрешил ей поехать на несколько дней в Вену, пока он проводит предвыборную кампанию для муниципалитета Гамбурга. За несколько часов до его отъезда разразился бурный скандал. Горничной, мывшей посуду на кухне, показалось, что она слышала слова: «Застрелюсь, ей-богу...» Выходя из квартиры, чтобы сесть в машину, Гитлер во всеуслышание кричал племяннице: «В последний раз говорю, нет!» На столе у Гели нашли недописанное письмо, обрывающееся на полуслове: «Когда я приеду в Вену – надеюсь, очень скоро, – мы отправимся на машине в Земмеринг [загородный курорт] и...» – и все. Оно воспринимается как послание любовнику, но вполне могло быть адресовано одной из бывших школьных подружек. Анна Винтер, домработница в квартире на Принцрегентенплатц, позже заявила, что утром того дня Гели нашла в кармане у Гитлера записку и в гневе порвала ее. Записка, вытащенная из мусорной корзины и сложенная по кусочкам, гласила: «Еще раз спасибо Вам за любезное приглашение в театр. Это был незабываемый вечер. Безгранично благодарна Вам за Вашу доброту. Считаю часы до момента, когда мне дарована будет радость новой встречи. Ваша Ева». Это слова влюбленной до потери сознания девочки, но вряд ли они являлись достаточным основанием для крупной ссоры между Гели и Гитлером. И тем не менее 18 сентября 1931 года *что-то* довело ее до отчаяния.

Некоторые утверждают, что ее убил Гиммлер за то, что она шантажировала Гитлера. Однако представляется в высшей степени невероятным, чтобы фюрер велел казнить девушку, которую боготворил. Более правдоподобно звучит версия, что она застрелилась из пистолета Гитлера, «вальтера» 6.35, который он держал в незапертом ящике стола. Ее тело нашли только на следующее утро. Пуля про-

шла рядом с сердцем, и Гели истекла кровью. Ей было двадцать три года и четыре месяца.

Хенни Гофман, единственный, пожалуй, человек, рассказывавший об обеих связях Гитлера с состраданием и в то же время беспристрастно, отметила позже по поводу Гели: «Он посадил ее в клетку, ограничил ее жизнь таким тесным пространством, что она просто не видела другого выхода. В конце концов она возненавидела своего дядю, она правда хотела убить его. Но сделать этого не могла. Поэтому убила себя, чтобы причинить ему такую боль, которая потрясет его до глубины души. Она знала: ничто не сможет ранить его сильнее». И последнее: «После смерти Гели в нашей жизни многое изменилось. Пикники прекратились. Никто не говорил о Гели, будто ее никогда не существовало. Ее комната была заперта, одежда так и висела в гардеробе». Спальня оставалась неприкосновенной святыней до конца дней Гитлера.

Действительно ли это было самоубийство? Убил ее дядя или же разрушенная жизнь Гели окончилась добровольным актом отречения? Факты до сих пор противоречивы и неубедительны, и в особенности потому, что баварское Министерство юстиции отказалось проводить вскрытие. Таким образом исключалось официальное вскрытие тела судмедэкспертами, которое могло бы подавить слухи, роящиеся, словно мухи вокруг трупа. Тело Гели спешно увезли в Вену для погребения: она и правда попала туда «очень скоро», только не тем путем, каким собиралась. Вокруг происшествия разразился крупный скандал, газеты неистовствовали, особенно социалистическая *Münchener Post* и желтая пресса, — так что Гитлеру пришлось даже опубликовать заявление, в котором он отрицал свою причастность к смерти Гели. Эти новости, несомненно, должны были достигнуть ушей моей матери в Гамбурге. Двадцатилетняя Дита обожала сплетни и живо интересовалась ске-

летами в шкафах знаменитостей, так что наверняка гадала о том, что на самом деле скрывается за опровержениями. Возможно ли, что фюрер убил собственную племянницу?

В последующие дни и недели Гитлер казался совершенно опустошенным. Генрих Гофман, видевший его на следующий день, сказал: «Он выглядел сломленным». И даже Путци Ганфштенгль, презиравший Гели, признавал, что Гитлер «подавлен скорбью». Герберт Дёринг, позже занявший место управляющего в Бергхофе, вспоминал рассказ Анны Винтер: «Гитлер буквально обезумел. Он по-настоящему собирался умереть, совершить самоубийство. Он заперся в Хаус Вахенфельде, в комнате Гели, отказывался от еды, хотел убить себя: у него на столе лежал заряженный пистолет. <...> Моя жена, — продолжал Дёринг, — пыталась заставить его поесть, приносила легкую пищу, и спустя восемь дней он убрал пистолет и пощадил свою жизнь». Фюрер погрузился в пучину скорби, от которой его уже через несколько дней оторвали. Гигантская политическая махина двигалась вперед, и он стоял у руля. Однако нанесенный историей Гели удар, чувство беспомощности и всеобъемлющей страстной любви, открыли для него мир эмоций, в которые он не рискнул бы окунуться еще раз. В тот год его рождественские открытки обрамляла траурная кайма. Он сказал Винифред Вагнер: «Это было такое печальное время. Мне придется смириться с бездонным одиночеством».

Глава 9

Умирая от любви к Гитлеру

На момент смерти Гели в сентябре 1931 года Еве было почти двадцать. Всеобщая любимица, полная энергии, она погружалась в беспросветное уныние. Ее возмущало, что родители обращаются с ней как с подростком. Она зарабатывала себе на жизнь и достигла возраста, когда, вместо того чтобы возвращаться каждый вечер домой к ужину, можно было повеселиться с друзьями в кафе, ночных клубах или кинотеатрах. Хотя если она загуливалась допоздна, то ночевать ей приходилось у Герты Остермайр (к счастью, родители Герты были богаты и имели большой дом), а то и на кушетке в студии Гофмана. Ева жила полной жизнью, но, несмотря на внешнюю ветреность, она продолжала сходить с ума по Гитлеру. Она была прекрасно осведомлена о его отношениях с племянницей — о них знала добрая половина Мюнхена, — но не отступалась от поставленной задачи, подсовывая ему нежные записки в карман пальто во время его частых визитов к Гофману.

Гитлер искренне оплакивал погибшую племянницу, но верность ее памяти хранил недолго. Настойчивость и очевидная преданность Евы льстили ему. Он отвечал приглашениями в *Troubadour* — любимое кафе, но посещаемое реже, чем *Osteria*, — а затем в оперу. Всего несколько недель спустя — в декабре 1931-го, судя по торжествующим подписям в фотоальбоме Евы — он взял ее с собой в Хаус Вахенфельд. При жизни Гели такой чести она не удостаи-

валась. Не исключая, что больше ей попасть туда не доведется, Ева потихоньку отсняла множество фотографий, в том числе одну, где Гитлер, в надвинутой на глаза шляпе и с поднятым воротником своего бежевого плаща, выглядит как частный детектив. На другом снимке – вид на дом с запорошенной снегом лужайки.

Вероятно, тогда или вскоре Ева и лишилась с ним девственности, хотя нет никаких доказательств того, что они спали вместе, а тем более сведений, где и когда. Генриетта Гофман была убеждена, что это произошло спустя всего несколько недель после смерти Гели. Если так, то их первая ночь любви пришлась на конец 1931 года или начало 1932-го. Ева физически созрела, она могла побаиваться, но уж никак не сопротивляться. Надо полагать, в сексуальном отношении они подошли друг другу, иначе связь на том бы и окончилась. Правда, никаких подтверждений этому ни с ее, ни с его стороны не сохранилось: ни письма, ни любовной записки. Поначалу Гитлера, должно быть, тронула готовность Евы отдать ему свою невинность, или же смена партнерши подстегнула его. Так или иначе, на этом этапе их отношений он достиг пика половой активности. Юная плоть кружит голову, особенно пожилым мужчинам. Будь Ева опытнее, она бы тут же заметила, что его либидо, в лучшем случае, от природы снижено. Если она и могла кому-то довериться, то только своей сестре Гретль, они всегда были очень близки. Но шестнадцатилетняя Гретль не доросла еще до интимных откровений. А лучшая подруга Евы Герта Остермайр еще не вышла замуж, так что вряд ли была более просвещенной в этом отношении.

Если Гитлер привык к регулярному сексу с Гели, то наверняка испытывал благодарность к Еве за утешение, и еще больше – за ее безусловную осмотрительность. Прислуга в мюнхенских апартаментах на Принцрегентенплатц была надежна и лояльна, хотя, по словам Генриетты,

Гитлер обычно дарил Анне Винтер билеты в театр, чтобы избавиться от ее присутствия, когда планировал провести вечер наедине с Евой. Потом Ева уезжала домой. Со временем девушку стали отвозить на личном «мерседесе» Гитлера и высаживать через улицу от дома на случай, если отец будет поглядывать в окошко, поджидая ее.

После знакомства с ней Путци Ганфштенгль снисходительно отметил:

> В моей гостевой книге есть запись за первое января 1933 года, сделанная в нашем доме на Пинценауэрштрассе. Там стоят имена около полудюжины друзей Гитлера, его самого — и Евы Браун. Все они пришли на кофе после представления «Мейстерзингеров»[1] в Придворном театре... Ева — миловидная блондинка, из тех, что выглядят слегка беспомощными, нуждающимися в защите. Хорошо сложенная, голубоглазая, робкая и застенчивая. Несколько месяцев назад я видел ее за прилавком в ателье Гофмана. Она держалась мило и дружелюбно, старалась угодить. В тот вечер все решили, что ее привела с собой какая-то девушка, чтобы оживить вечеринку. Никому и в голову не пришло, что она находится здесь на особых правах.

Никто в окружении Гитлера не догадывался, что Ева была чем-то большим, чем преходящее увлечение, отвлекающее от траура по Гели. Герман Геринг в то время (в начале тридцатых) прилагал немало усилий, знакомя Гитлера с подходящими молодыми женщинами. В их числе была жизнерадостная блондинка Гретль Слезак, дочь оперного певца Лео Слезака. «Ей, вероятно, было лет двадцать семь или двадцать восемь, но она вела себя как истинная *инженю*, задавая очаровательно идиотские вопросы». Гитлер как будто заинтересовался, провожал ее домой, но когда

1 Имеется в виду опера Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры».

Путци спросил девушку, что между ними происходит, она «только пожала плечами». Возможно, она была *слишком* глупа или же он по-настоящему увлекся Евой.

В личных воспоминаниях о семье Браун дядя Евы Алоис рассказывал о раннем периоде отношений Евы с Гитлером. Он мог узнать о романе от своей двоюродной сестры Фанни либо верно истолковать намеки Гретль или кого-то из подружек Евы.

> Все изменилось в сентябре 1931 года, когда Ангелу Раубаль [Гели] нашли мертвой в девятикомнатной квартире Гитлера. <...> Очевидно, смерть племянницы нанесла Гитлеру тяжелый удар. Он пугал окружающих всплесками самобичевания и долгое время избегал контактов с общественностью и со своими друзьями. <...> К 1932 году визиты Гитлера к Гофману настолько участились, что всем уже стало ясно — он ухаживает за Евой. Но необходимо было соблюдать приличия, так что когда он возил Еву на прогулки за город, их всегда сопровождали две секретарши. И тем не менее все его окружение и семья Гофмана были в курсе, только родители Евы — Фритц и Фанни — оставались в неведении. Ева приложила все усилия, чтобы скрыть от них свой роман. Она же знала, что ее отец вовсе не нацист, а, напротив, баварский патриот и роялист.

В частности, свидетельством их растущей близости является ряд фотографий, сделанных в период с ноября 1931-го по весну 1932 года. Гитлер даже разрешил снимать себя с Евой во время официальной поездки во дворец Херренхимзее — один из редких моментов за все четырнадцать лет, когда он открыто фотографировался с ней на публике. Даже в кругу ближайших доверенных друзей он всегда следил за тем, чтобы между ними стояло несколько человек — не дай бог, зародятся подозрения. На тысячах

снимков Гофмана и километрах пленки домашнего кино Евы она прикасается к нему разве что при встрече. Он же не улыбается ей, а отстраняется, настороженно скрестив руки на груди, сохраняя внушительную дистанцию. Дёринг вспоминал эту его неловкость: «Он думал о массе других дел, это видно по фотографиям, если вглядеться в его лицо. Гитлер не выглядит счастливым, не смотрит на нее с любовью. Совсем наоборот: упрямо отводит взгляд, уставившись вдаль, будто в трансе».

В узком кругу друзей Гитлера рождались бесконечные гипотезы. Многие старались создать впечатление, что им одним известна истинная подоплека интимных отношений Гитлера и Евы. Генрих Гофман писал в мемуарах о Гитлере:

> Ева переехала в его дом, он проводил с ней все свободное время, но, насколько мне известно, этим и ограничивался. Разумеется, прежде чем наступил конец, Ева в какой-то момент стала его любовницей, но когда именно, ни я не могу сказать, ни кто-либо другой. В его обращении с ней невозможно было уловить ни малейшего изменения, которое позволило бы предположить, что их отношения стали более близкими.

Руководствуясь здравым смыслом, можно предположить, что в течение первых десяти лет их связь основывалась на сексе. Когда молодая женщина начинает регулярно принимать пожилого мужчину и получать от него подарки, это, как правило, означает, что она стала его любовницей. Если у него нет иной «постоянной спутницы», а у нее, несмотря на расцвет очарования, нет другого признанного ухажера или кавалера, это, как правило, означает, что она его любовница. Если впоследствии ей отводится спальня рядом с его собственной, и она начинает щеголять в элегантных дорогих нарядах, и его друзья ее принимают (хотя

не обязательно одобряют), и прислуга считает ее хозяйкой дома, то это, как правило, означает, что она *действительно* его любовница. Можно сколько угодно строить гипотезы и приводить мнения, что Гитлер, дескать, был импотентом, мазохистом или гомосексуалистом, а Ева умерла девственницей, но если обратное выглядит гораздо более вероятным, то, вероятно, обратное верно.

Ева начала понимать, что добиться желанной роли супруги Гитлера не так-то просто, учитывая его эмоциональную нестабильность и одержимость секретностью. О развитии их отношений известно было только прислуге и нескольким близким друзьям. Анна Винтер вспоминала, что Гитлер был очень нежен с Евой, когда они оставались наедине, и очень беспокоился о ее здоровье: «Он вечно читал ей нотации по поводу курения, твердил о вредном воздействии никотина, но Ева все равно много курила». (За спиной Гитлера, конечно, зато так часто, как только могла, да и сестричка Гретль следовала ее примеру.) А вот Альберт Шпеер отмечал: «Он прятал ее от всех, кроме самых близких друзей <...> отказывал ей в каком бы то ни было социальном статусе и постоянно унижал ее. Смотреть было больно». О браке, как Гитлер часто заявлял ей и другим в ее присутствии, не могло быть и речи. За нерассуждающей любовью он всегда мог обратиться к своим овчаркам Принцу и Блонди.

Дядя Алоис оставил меткий анализ характера Гитлера, помогающий объяснить его нежелание признать Еву открыто:

> *Политические дела подолгу* задерживали Гитлера в Берлине, а Ева тем временем оставалась в мюнхенской студии Гофмана. Корни Фритца и Фанни уходили глубоко в старые традиции семейной жизни, почти не оставлявшие места радостям юности. Гитлер на удивление часто приез-

жал в Мюнхен <...> на тайные свидания с Евой, но, будучи фюрером, не мог пойти на больший риск, чем эти встречи урывками. Гитлер во всех отношениях представлял собой образец безупречного обывателя [*Spiessbürger*]. <...> Если бы фюрер решил связать свою жизнь с женщиной и посвятить часть времени личному счастью, народ, конечно, не возражал бы. Но сам бы он счел это предательством и в свете своего общественного положения и национальной славы не допускал даже мысли о браке. Разумеется, для Евы эти соображения немногого стоили. Прозрев наконец, она не захотела стать другом и конфидентом Гитлера-канцлера — она жаждала быть возлюбленной Гитлера-мужчины. Но с Гитлером такое невозможно. Он был на тридцать три года старше Евы, и это создавало преграду — не для душевной привязанности, а для настоящей семейной жизни. Кроме того, Гитлер верил, что призван судьбой — *провидением*, как он говорил, — вести за собой род человеческий.

До самого конца 1932 года (к тому времени роман длился уже целый год) родители Евы оставались в неведении. По выходным она иногда ездила с Гитлером на загородные экскурсии в окрестности Мюнхена, а порой и в Хаус Вахенфельд. Все это следовало скрывать от ее отца. Тем временем она продолжала работать в ателье Гофмана, получая скудное жалованье скромной ассистентки, и чаще всего проводила вечера дома с семьей.

Но в свое время родители неминуемо должны были заподозрить неладное. Ее беззаботно-веселая мать Фанни, осознав, что то, что казалось преходящим увлечением, на самом деле очень серьезно, пренебрежительно обронила: «Она бросит его, как только встретит мужчину помоложе». Она старалась умерить гнев мужа, но Фритц презирал Гитлера, его расистские лозунги и фанатичных поклонников. Откровенное совращение дочери смер-

тельно оскорбило его. В глазах Фрица Брауна, всей душой преданного традициям лютеранской этики, нацизм потрясал самые основы моральных ценностей. Для него не имело никакого значения, что на его дочь пал выбор самого могущественного человека Германии. Отец заставлял Еву испытывать мучительное чувство вины, изо всех сил противясь ее связи. Не исключено, что в значительной степени его гнев был вызван уязвленным самолюбием и оскорбленными отцовскими чувствами. Дочери оставались его *собственностью*, пока не выйдут замуж и не станут собственностью мужей. А до тех пор на нем лежала обязанность оберегать их целомудрие. И вот он лишен возможности вручить Еву будущему мужу нетронутой. Лучшим выходом для Гитлера – раз уж он соблазнил ее – было бы исправить положение, взяв ее в жены. Но Гитлер ясно дал понять, что у нее нет никакой надежды выйти за него замуж. Одна секретарша записала ненароком вырвавшееся у Гитлера замечание, которое о многом говорит: «Я как-то раз спросила его, почему он до сих пор холост. Его ответ смутил меня: «Я не смог бы стать хорошим отцом и считаю безответственным создавать семью, если невозможно уделять достаточно времени собственной жене. В любом случае я не хочу детей. Я замечал, что отпрыскам гениев часто приходится нелегко в жизни». Не мог же он назвать Еве истинную причину, темный секрет своей дурной наследственности. Что ж, не сдавался Фритц Браун, раз так и браку не бывать, то она должна расстаться с ним.

Гертрауд Вейскер нечего рассказать об этом периоде, поскольку ей тогда было лет девять-десять. Так что наиболее достоверные сведения о том, как семья смотрела на роман Евы (основанные, несомненно, на немалом количестве бурных дискуссий), мы получаем опять же из уст Алоиса Винбауэра:

Мечты Гитлера сосредоточены были не на молодой девушке в Мюнхене, а на поставленной себе задаче и собственной славе. Конечно, он не хотел приносить Еву в жертву этой мечте, он нуждался в ней как в доказательстве своей человеческой природы, но <...> ни в коем случае не допускал смешения двух жизненных сфер: частной и политической. Ева не имела никакого отношения к его политической жизни; связь с ней должна была оставаться его личным оазисом. Такая позиция не могла не привести к разногласиям. Не то чтобы Ева имела какие-то политические амбиции — политика ничуть не интересовала ее, великие события эпохи были для нее не более чем гулом на заднем плане и затрагивали ее лишь постольку, поскольку задевали мир ее эмоций. Она чувствовала, что связана с этим мужчиной судьбой, пусть даже он случайно оказался фюрером и рейхсканцлером. Но он управлял страной из Берлина, а она скучала и тосковала в Мюнхене. Его телефонных звонков, то почти ежедневных, то всего раз в неделю, ей было отнюдь не достаточно. Девушка, питавшая столько возвышенных иллюзий о любви Гитлера, находилась на грани тяжелого срыва. Она все еще работала секретаршей в студии Гофмана и жила с родителями, вынужденная скрывать правду о своей связи с Гитлером и в одиночку бороться со своими сомнениями и желаниями. Ева начала встречаться с Гитлером, пребывая во власти романтических грез, но теперь погружалась в глубокий кризис.

Мало кто подозревал, насколько глубоко страдала Ева Браун, молодая женщина из хорошей семьи, щедро наделенная красотой и энергией, окруженная многочисленными друзьями. Если ее родители (озабоченные утратой их дочерью невинности и собственным унижением) и замечали это, то не выказывали ничего, кроме равнодушия. Алоис Винбауэр помнит, как они говорили, что в 1933 году Ева

стала «рассеянной, нелюдимой и раздражительный в первый год Гитлера на посту канцлера». Она не могла довериться младшей сестре Гретль, уже восемнадцатилетней девушке, но все еще безвольной, не способной самостоятельно определиться ни по одному вопросу. Ева не решалась обременять это хрупкое, нуждающееся в поддержке существо признанием в своем отчаянии. Можно было бы сказать Ильзе, обладавшей сильным характером, но отношения между сестрами никогда не были особенно близки и порой доходили даже до откровенной враждебности. Ильзе не стала бы утешать. Постепенно ежевечерний поток обвинений подтачивал любовь Евы к родителям. Исполненная решимости не уступать возлюбленного, разрываясь между двумя предметами привязанности и обязательств, мучаясь неразрешимой дилеммой, она угодила прямиком на линию огня, негласно открытого двумя мужчинами, повелевавшими ее жизнью. Каждый из них был по-своему безгранично могуществен. Напряжение становилось невыносимым. Она все больше и больше убеждалась, что выход только один.

Суицид, последний жест отчаяния, со всех сторон подкрадывался к Гитлеру, толкая его близких на добровольный уход из жизни. Сам он несколько раз находился на грани самоубийства: во время Пивного путча в 1923 году, после смерти Гели в 1931 году и после кризиса со Штрассером в 1932 году. Генриетта, дочь Гофмана, уже вышла замуж за лидера гитлерюгенда Бальдура фон Шираха и, следовательно, стала проводить меньше времени с Евой. Хенни говорила: «По-моему, некоторые люди притягивают к себе смерть, и Гитлер определенно был одним из них». Слишком многих, тянувшихся к нему, притягивало и самоубийство. Поразительно, как много близких ему женщин пытались наложить на себя руки — и некоторым это удавалось. Как мы уже знаем, первой была Мими Райтер в 1926 году.

Затем Гели, в 1931-м. 1 октября 1937 года актриса и морфинистка Рената Мюллер, хваставшая рядом интимных свиданий с Гитлером, увидела из окна, как подъехала машина, из которой вышли четыре офицера СС. Она запаниковала, прыгнула вниз и разбилась насмерть. По другой версии, фрейлейн Мюллер выбросили из окна сотрудники гестапо за любовную связь с евреем. Причина смерти так и не была доподлинно установлена, но очень похоже, что она сама свела счеты с жизнью. Юнити Митфорд, безусловно, рассчитывала умереть 3 сентября 1939 года, в день, когда Британия объявила войну Германии, хотя пуле, которую она выпустила себе в висок, понадобилось восемь лет, чтобы прикончить ее. Белокурая Инге Лей, прекрасная и несчастная супруга доктора Роберта Лея, лидера Германского трудового фронта, погибла 10 декабря 1942 года, выбросившись из окна берлинского отеля, предположительно после того, как написала Гитлеру письмо, глубоко задевшее его. (Говорили, что она погубила себя в отчаянии от того, что война проиграна, только вот в 1942 году о поражении еще никто не думал.) Приведенный список самоубийц далеко не полон: он не учитывает множество — возможно, сотни или тысячи — евреев, большевиков, гомосексуалистов, католиков, цыган и прочих, кто предпочел смерть ожиданию грохота шагов на лестнице и тяжелых ударов в дверь.

Но непрерывную угрозу жизни Гитлера представляло скорее убийство, чем самоубийство. Немецкая политика двадцатых и тридцатых годов носила откровенно насильственный характер. Соперничающие группировки завязывали уличные бои, нередко убивая своих оппонентов. Только с 1919 по 1922 год 376 политических убийств было совершено людьми, которых война приучила к насилию. С самых первых дней в качестве вождя нацистской партии Гитлер осознавал риск и необходимость обеспечить свою

личную безопасность. Его паранойя, «профессиональная болезнь» диктаторов, часто бывала оправдана. Телохранители СС образовывали практически непробиваемый щит, и все же с 1921 по 1945 год имели место как минимум сорок шесть крупных заговоров и покушений на его жизнь — чуть ли не по два в год. Десять из них пришлись на один только 1933-й, когда Гитлер стал канцлером и его амбиции раскрылись во всей полноте. Он сам говорил: «Никакой охране не справиться с убийцей, который из идеалистических соображений готов безоглядно рисковать жизнью, чтобы совершить желанную расправу. Я вполне понимаю, почему девяносто процентов исторических покушений увенчались успехом».

Не исключено, что именно пример Гели подсказал Еве, что самоубийство — единственный способ заставить Гитлера воспринимать ее всерьез. Парадоксальным образом сработать он мог, только если она выживет, однако намерение должно быть подлинным. «Крик о помощи» на него бы не подействовал. В течение октября 1932 года фюрер был занят по горло, произнося речи по всей Германии. 6 ноября предстояли всеобщие выборы, и шансы НСДАП выглядели не слишком обнадеживающе. Гитлер отдавал все силы предвыборной кампании, чтобы заручиться поддержкой народа и набрать голоса для партии. Два месяца он почти не появлялся в Мюнхене. Четыре решающие недели он взывал к толпе в шестидесяти разных городах, перемещаясь на новеньком «Юнкерсе-52», предоставленном ему компанией «Люфтганза» благодаря интригам Геринга, который служил пилотом во время Первой мировой войны. Только 1 ноября Гитлер произнес вдохновенные речи в четырех местах, а на следующий день уже должен был выступать в Берлине.

Но в ночь на 1 ноября 1932 года, накануне Дня всех святых, Ева Браун попыталась покончить с собой. Остальные

члены семьи проводили вечер вне дома, а она осталась, возможно надеясь без помех поговорить с Гитлером по телефону. Он не звонил. Она ждала до полуночи и в час, когда дьявол является на шабаш ведьм, взяла пистолет отца времен Первой мировой войны из ящика ночного столика и выстрелила себе в шею. Пуля попала рядом с яремной веной, и Ева истекала кровью. Ильзе, вернувшаяся домой пораньше, нашла ее в самый последний момент. Позвали доктора, на молчание которого можно было рассчитывать, и он отвез Еву в больницу, где срочное хирургическое вмешательство предотвратило смертельный исход. Гитлер принял эту неуклюжую попытку самоубийства за чистую монету: слишком уж рискованно стрелять себе в шею, просто чтобы кого-то напугать. Он прервал свою кампанию и бросился к ней в больницу с огромным букетом цветов. К его невероятному облегчению, Ева выжила. Совершенный всего через два года после самоубийства Гели, ее отчаянный поступок пробудил в нем чувство вины, что бывало редко. Он действительно пренебрегал ею, второпях уделяя несколько часов, за которыми следовали бесконечные вечера, когда она напрасно ждала его звонка. Или назначал свидания у Гофмана, на которые не приходил, не позаботившись даже предупредить ее. Осознание всего этого, как и, несомненно, боязнь скандала, заставили его отныне посещать ее чаще, относиться к ней внимательнее и нежнее.

Алоис Винбауэр считал, что после чуть не произошедшего несчастья Гитлер не просто пошел на уступки, а начал по-настоящему любить Еву. В своей «Истории семьи» он пишет: «...[в то время как] простодушная и доверчивая Ева Браун видела в Адольфе Гитлере, возможно, не только романтического героя своих грез, но и мужчину, предназначенного ей судьбою». Дальше он продолжает: «Поворотный момент пришелся на начало 1933 года: Гитлер от-

крыто объявил о своих нежных чувствах. Новый канцлер Германии, провозгласивший себя вождем нации, 6 февраля (в ее день рождения) признался дочери преподавателя мюнхенского технического училища, что она является избранницей его сердца. Ева была тронута и поражена этим признанием». Звучит не слишком правдоподобно. Учитывая сумасшедший график Гитлера, трудно представить себе, когда только что назначенный канцлер успел съездить из Берлина в Мюнхен, чтобы признаться Еве в любви. Хотя урвать время для интервью с *Daily Mail* ему удалось. Но дядя Алоис не говорит, что они именно встречались. Гитлер вполне мог позвонить ей — в конце концов, это был день ее совершеннолетия. Он сам или кто-то по его поручению послал ей в подарок вместе с традиционным гигантским букетом гарнитур из турмалинов (светло-зеленых полудрагоценных камней): ожерелье, кольцо и серьги. Украшения подходили к бледной коже Евы и смотрелись на ней, должно быть, элегантно, но не слишком экстравагантно. В 1932 году ее день рождения был проигнорирован. В 1933-м все изменилось.

Похоже, что всего через год после смерти Гели Гитлер уже нашел ей преемницу. Ева стала признанной и частой гостьей в Оберзальцберге. Без сомнения, из уважения к фрау Раубаль (вряд ли та возликовала от того, что ее дочери так быстро отыскалась замена) ей не отвели комнат в большом доме рядом с Гитлером. Она вынуждена была тесниться бок о бок с секретаршами в соседнем Платтерхофе. Надо полагать, любовью они занимались второпях и втайне от всех, что, возможно, только подстегивало возбуждение.

Объяснения, которые дает поступкам Гитлера Алоис, могли помочь родителям Евы принять неизбежное. Вероятно, они говорили себе: «Он действительно любит нашу дочь, но пока не в состоянии жениться на ней. Мы долж-

ны быть реалистами и полагаться на житейскую мудрость, раз уж сопротивление бесполезно». Цветистое заявление, что Ева «стала избранницей его сердца», подтверждается записью в ее дневнике три года спустя, в мае 1935-го: «Он [Гитлер] так часто говорил мне, что безумно влюблен в меня». Признаваться юной девице в нежных чувствах — излюбленная уловка соблазнителей, однако за этим должно было стоять нечто большее, иначе зачем выделять *ее*, когда столько молодых красавиц добивались его внимания? Увлечение Гитлера Евой было весьма однобоким, он никогда не поставил бы ее на первое место в своей жизни, но, будучи привязан к ней физически, вполне мог выражать это в словах любви. Мужчины так делают.

Каковы бы ни были причины *ее* любви к нему, они не имели ничего общего с корыстью. Со временем она научилась выпрашивать красивые платья и туфли, но никогда не требовала — и не получала — дорогих украшений. На фотографиях она почти всегда носит одни и те же скромные часики и браслет. «Гитлер не делал дорогих подарков Еве. Он до конца жизни оставался заурядным обывателем и считал цветы и недорогие безделушки совершенно достаточными знаками дружбы. Бриллиантовые ожерелья и диадемы, фигурировавшие в послевоенных историях о Еве, являются — как и многое другое — выдумками дешевых, вульгарных журналистов», — отрезал Алоис. Для Евы имело значение только то, что она вырвалась из хоровода старлеток и заняла место единственной любовницы Гитлера. За последние два года она привязала его к себе, пуская в ход искусные уловки: доставляя ему удовольствие, смеша его, принося ему сплетни и голоса молодежи с улиц и из многочисленных кафе Мюнхена. Она была человеком, к которому он обращался, нуждаясь в утешении и отдыхе. Привыкнув к ней, он не имел ни времени, ни желания искать кого-то еще. По словам адъютанта Фритца Видемана,

одного из самых первых сторонников нацистской партии, фюрер однажды заметил, что быть холостяком удобно, добавив мимоходом: «А что до любви, так у меня есть девушка в Мюнхене». Но Ева лелеяла совсем иные планы. Четыре года прошло с их первой встречи, и она надеялась, что стоит на верном пути к замужеству.

В январе 1933 года Гитлер получил должность рейхсканцлера и с нею власть над страной. В своем дневнике Томас Манн отметил, что стал свидетелем невиданной до сих пор революции, «не основанной ни на каких идеях, против идей, против всего благородного, лучшего, порядочного, против правды и справедливости». Тем не менее назначение Гитлера многие восторженно приветствовали, и не только нацисты. Манфред фон Шрёдер, интеллигентный и образованный частный банкир из Гамбурга, сказал — и в его голосе все еще слышались радость и гордость, испытанные семь десятилетий тому назад: «В 1933-м нам казалось, будто мы стоим на пороге новой чудесной эпохи. Будто все начинается с чистого листа».

Теперь, когда фюрер обосновался в Берлине, его официальные обязанности все множились, а планы на будущее нацистской партии стремительно созревали, Ева вынуждена была стать несуществующей женщиной, чье имя никогда не произносилось. Гитлер не желал допустить ни единого упоминания о ней. В современном мире все выставляется напоказ, ничего невозможно скрыть, любые интимные и финансовые дела становятся достоянием общественности. Такого рода отношения обязательно всплыли бы на поверхность. Но в целомудренные тридцатые немецкие женщины без труда верили, что их фюрер соблюдает обет воздержания и всего себя отдает отечеству. «Я женат на Германии», — любил он повторять. «Он ждет меня», — думали они. Это позволяло им тешить себя эротическими (или трогательно семейными) фантазиями. Десятки ты-

сяч писали ему, подчас с самыми непристойными подробностями. Еще тысячи часами простаивали возле его дома в Оберзальцберге. Женщины из толпы, бывало, кричали: «Мой фюрер, я хочу от вас ребенка!» — и впадали в истерику, пробиваясь вперед, чтобы обнять и поцеловать его, так что телохранителям приходилось оттаскивать их прочь. Учитывая такое преклонение и его уверенность, что после смерти Гели он ни одной женщине не позволит вскружить себе голову, «пленение» Гитлера Евой — хотя и далеко не полное — выглядит заметным достижением, говорящим о ее гордости, силе воли и искусном обращении с Гитлером, который и сам был умелым манипулятором.

Манфред фон Шрёдер мог воспринимать это как начало новой эры, но многих немцев внезапный приход Гитлера к власти поверг в изумление. Основной его причиной было бедственное экономическое положение, вызванное Великой депрессией, последовавшей за крушением американской фондовой биржи в 1929 году. К концу 1932 года нацистская партия насчитывала почти полтора миллиона членов, однако шесть миллионов немцев тем временем сидели без работы. Недовольство нарастало исподволь. Наступил критический момент — страна должна была повернуть или направо, или налево. На выборах 1932 года нацистская партия потеряла тридцать четыре места в рейхстаге и два миллиона голосов избирателей. Коммунисты же набирали силу: число голосовавших за них выросло до шести миллионов. Новый год открылся шквалом паническ их заседаний в попытках найти выход из взрывоопасной ситуации. Гитлеру предложили пост вице-канцлера. Он отказался. Предложили снова, на этот раз вместе с коалиционным правительством. Он снова отказался. Последовал обмен гневными письмами. Гитлер призывал правительство уйти в отставку. Ему отказали. 30 января 1933 года

премьер-министр сложил полномочия, и стареющий президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером. После торжественного объявления длинная процессия с факелами в экстазе прошла через Берлин. Огромная ликующая толпа приветствовала Гитлера, стоящего у окна рейхсканцелярии.

День назначения нового канцлера положил начало неумолимому маршу в направлении расового террора. В феврале 1933 года свобода слова, собраний, печати и другие основные гражданские права были отменены. На всеобщих выборах в марте нацисты получили 52 процента голосов, что означало 340 мест в рейхстаге из 547. Всего через несколько дней после обретения власти Гитлер объявил однодневный бойкот всем еврейским магазинам — надо полагать, прощупывал почву немецкого антисемитизма, ожидая либо протестов, либо всеобщего согласия. Бойкот состоялся 1 апреля 1933 года и был поддержан, как писал Геббельс в своем дневнике, «с образцовой дисциплиной. <...> Неоценимая моральная победа для Германии: мы показали всему миру, что можем отдать приказ целой нации и он будет выполнен беспрекословно». Правду говорил Геббельс. Никто не мог не знать о бойкоте — по всей Германии перестали торговать целые улицы, — и все же большинство людей ничего не предпринимало. Гитлер продвигался быстро и беспощадно, навязывая свою волю немецкому народу и подавляя малейшее поползновение к мятежу. Официальной оппозиции не существовало, поскольку рейхстаг теперь собирался редко, и все дебаты прекратились. Фюрер был единственным, кому предоставлялось слово. В июле 1933 года, когда нацисты стали единственной легальной партией, оппозиция была объявлена вне закона. Соблюдение законов сменилось беспредельным полицейским террором. нацистская элита презирала сострадание и любовь к ближнему как проявления слабости.

Эсэсовцы поощряли и распаляли фанатичный расизм, выламывая крепкие двери, защищавшие прежде людей в их домах. Дети шпионили за родителями, родители — за соседями, покупатели — за продавцами. Никто больше не мог чувствовать себя в безопасности. В марте 1933 года, через семь недель после того, как Гитлер стал канцлером, в Дахау, неподалеку от Мюнхена, открылся первый концентрационный лагерь.

В марте 2005 года я поехала в Дахау. День выдался немилосердно холодный, но тем не менее около двадцати англоязычных туристов собрались на пятичасовую экскурсию в сопровождении гида. Когда мы вышли из автобуса, разговоры затихли и воцарилась торжественная тишина, словно перед входом в святилище. Снег превратил одноэтажные лагерные строения, вычищенные для посетителей, в тихую импрессионистскую деревушку. Необъятной казалась территория лагеря, организованного вокруг центрального газона размером с два футбольных поля. Здесь зимой и летом заключенные в тонких пижамах и войлочных тапочках чуть свет выстраивались на перекличку. В течение часа им надлежало сохранять предписанное положение: ноги вместе, руки вдоль туловища, смотреть вперед, не переглядываться. День еще не успевал начаться, как они уже промерзали до костей. Мы, пришедшие вспомнить, оплакать, поразмыслить, были закутаны в пальто, шарфы, шерстяные шапки, зимние сапоги, и все равно мерзли.

Как первый лагерь, Дахау являлся прототипом всех последующих в отношении как планировки, так и беспощадных правил дисциплины. Кое-кому из первых охранников поначалу, наверное, трудно было обращаться с заключенными как с «недочеловеками», но вскоре они наловчились. Местному населению (лагерь расположен в нескольких ки-

лометрах от Мюнхена на окраине деревни Дахау, бывшей артистической общины) объяснили, что лагерь предназначен для «политических диссидентов» — нарушителей порядка, политических оппонентов и врагов нового рейха. После этого мало кто проявлял беспокойство. А Ева? Знай она, что такое концлагерь, выдержала бы ее любовь к Гитлеру? Правда просто не поддавалась осмыслению. Жители Дахау закрывали глаза и затыкали уши в течение десяти лет, но не могли и дальше отрицать существование кошмара, когда зловоние тысяч незахороненных разлагающихся тел начало щекотать им ноздри. И все же, очевидно, никто не протестовал.

В апреле 1933 года нацисты объявили бойкот еврейским предприятиям. Модницы жаловались, что с исчезновением еврейских модельеров немецкая одежда лишилась утонченности. По иронии судьбы жены главных помощников Гитлера, Марта Геббельс и Эмми Геринг, ни на что не обращали внимания и продолжали одеваться у еврейских портных и торговцев готовым платьем до конца тридцатых годов, пока официальные указы, предписывающие полную «ариизацию», не отняли у них эту возможность.

Евреи были уволены со всех государственных должностей, включая преподавательские. Список лиц, «нежелательных» в расовом отношении, становился все длиннее. В июле 1933 года новый закон потребовал принудительной стерилизации калек, цыган, чернокожих граждан Германии и представителей смешанной расы («мулатов», как их называли). На случай, если кому-то не очень понравятся эти меры — а таких было много, — пропагандистская махина во все горло прославляла Гитлера и Национал-социалистическую партию за выполнение обещания подарить новую надежду, новые рабочие места и новую гордость Германии. В сентябре 1933 года семьсот безработных мужчин с франкфуртской биржи труда получили извеще-

ние, что им предстоит присоединиться к сотням тысяч рабочих, занятых в строительстве новых автомобильных дорог. Их привезли на стройку, где Гитлер символическим товарищеским жестом собственноручно вырыл первые два кубометра грунта. Площадку, где он копал, пока пот не покатился у него со лба, пришлось оградить решеткой, чтобы рабочие не таскали оттуда горстями землю в качестве драгоценной реликвии.

В июле следующего года, 1934-го, опираясь на ранее принятый «Декрет о защите народа и государства», партия приняла так называемый «закон фюрера». Согласно оному Гитлер единолично воплощал волю нации, и его желание ставилось превыше всего. Спустя месяц, после смерти Гинденбурга, Гитлер был провозглашен «фюрером германского рейха», которому все офицеры должны были принести присягу верности как главе государства и верховному главнокомандующему национальной армии. Через восемь месяцев после чуть не обернувшегося провалом получения поста канцлера человек, которого Гинденбург и его министры рассчитывали держать под контролем, стал диктатором однопартийной системы. Дебаты, консенсус и здравый смысл сменились поклонением, подогреваемым масштабными съездами, где Гитлера и его помощников приветствовало безупречно отрежиссированное народное ликование. СС и гестапо повиновались воле Гитлера, а не букве закона. И его воля скоро приобрела четкие очертания. В октябре 1934 года по всей Германии были арестованы гомосексуалисты. В следующем марте — введена воинская повинность. В апреле под арест отправились тысячи Свидетелей Иеговы и увидели свет еще несколько антисемитских законов о гражданстве евреев. Для тех, кто сумел распознать эти знамения за завесой нацистской пропаганды, Черные События уже маячили на горизонте, отбрасывая зловещую тень на залитые солнцем автострады и богатые урожаи.

Пока Ева не утвердилась в роли *maîtresse en titre*[1], годы (1932–1935) протекали в неопределенности, но, судя по фотографиям, она никогда не позволяла себе афишировать свое внутреннее напряжение. Она развлекалась, принимая очаровательные позы на террасе в Хаус Вахенфельде, кружась в танцах, словно не знала никаких забот. Маска выглядела так убедительно, что Еву считали поверхностной и фривольной, хотя сохранившиеся страницы ее дневника дышат болью и отчаянием. Мало кто знал, что она была подвержена приступам черной меланхолии, подчас принимающим форму тяжелой депрессии. Эта черта объединяла их с Гитлером. Неровный темперамент Шикльгруберов проявлялся во вспышках ярости или слезливой сентиментальности, которые его секретарши описывали как «почти шизофренические». Его настроение колебалось от предельной любезности и уважения к ним до всплесков неконтролируемого бешенства, свидетелями которых становились его подчиненные-мужчины. Но в то время, как Гитлер мог давать себе волю, Ева не имела права утратить внешнюю веселость из-за скверного расположения духа — он не потерпел бы уныния на ее лице. Ее обязанности, как у всякой любовницы, заключались в том, чтобы привносить радость в его жизнь, помогать ему расслабиться после тяжелого дня. Она находилась рядом, чтобы любить и ласкать его, и была готова доказать это в любой момент.

Государственные дела продолжали держать Гитлера в разлуке с Евой. Пока он грелся в лучах всеобщего обожания, она прозябала в роли безымянной девочки за прилавком под пятой сурового отца. Гитлер запретил ей говорить о нем с кем бы то ни было, и это вынуждало ее изливать на страницах дневника личные горести, становящиеся невыносимыми. 28 мая 1935 года она написала ему письмо, умо-

1 Признанная любовница (*фр.*).

ляя – о чем? О посещении, знаке привязанности, собаке, наконец, чтобы хоть кто-то был ей верен и предан? Она не посмела бы написать то, что хотела сказать на самом деле: прими же решение – люби меня или оставь в покое! Позже, под конец длинного, мучительного дня, Ева находилась на грани нервного срыва, а записи в ее дневнике стали еще сумбурнее, чем прежде. «Я только что отослала ему письмо, которое все решит. Вопрос: придаст ли он этому хоть какое-то значение? Посмотрим. Если он не ответит до вечера, я приму 25 пилюль и тихо засну, чтобы проснуться в ином мире». Она ждала реакции, томясь неизвестностью и бессилием. «Боже, я боюсь, он не ответит сегодня. Если б хоть кто-нибудь помог мне – как же все это ужасно давит». Ее родных не было дома, видимо, они где-то развлекались. Одна в квартире (она, должно быть, нарочно так подстроила, что показывает, как мало родители знали о ее душевном состоянии), Ева подвела итог своим размышлениям: «Возможно, мое письмо ему передали в неподходящий момент. Возможно, мне не стоило писать. Я все-таки решила принять 35, это будет верная смерть. Если бы он хоть велел кому-нибудь позвонить мне». Ответ все не приходил. Было уже поздно, и Ева знала, что, находясь в Мюнхене, Гитлер любит проводить вечера со своими друзьями. Она прождала весь день в состоянии нарастающей тревоги и горечи, и ее отчаяние достигло предела. В конце концов, убедившись, что ждет напрасно, она проглотила двадцать таблеток ванодорма, сильного успокоительного. Ей казалось, этого будет достаточно, чтобы убить ее.

После вышеописанного случая, который мог бы оказаться фатальным, не найди Ильзе сестру снова, на сей раз в коме, Гитлер сказал: «Мне следует больше о ней заботиться» (*Ich muss mich mehr über sie kümmern*). Вторая попытка самоубийства заставила его придать их отношениям определенности, но Ева прибегла к опасной тактике. Ведь

повторно он мог и не поверить, что все это по-настоящему, или же она могла не выжить.

Через несколько дней Генрих Гофман — чьи мемуары неизменно полны самолюбования — устроил им встречу у себя дома. Потрясенный до глубины души, Гитлер смотрел, как бледная, изнуренная Ева спускается к нему по лестнице. Что ему было нужно меньше всего, так это еще один скандал, вроде того, что разразился после смерти Гели. Тогда дело удалось замять и скрыть детали от газет — хотя Гитлер не смог целиком искоренить нелицеприятные слухи, — но то было еще в 1931-м, за два года до его вступления в должность канцлера. Теперь же он — вождь Германии, и попытка самоубийства еще одной молодой женщины вызвала бы чрезвычайно щекотливые вопросы. В самом лучшем случае неизбежно разрушила бы его образ целомудренного фюрера. Это стало поворотным моментом в его отношениях с Евой. Он спрашивал Анну Винтер: «Что же мне делать? Я не могу допустить скандала». Если Ева рисковала жизнью ради того, чтобы привлечь внимание Гитлера, то ей это удалось.

К тому времени (конец 1935 г.) Гитлер был знаком с Евой ровно шесть лет. Она устраивала его в постели и, что еще важнее, вела себя осмотрительно. Он привык и искренне привязался к ней, хотя скрывал свои чувства от всех — возможно, даже от самого себя. Ему нравилась ее младшая сестра Гретль (которая всегда приезжала в Бергхоф с Евой). Члены семьи Браун были респектабельными — *anständig*, вот ключевое слово — приличными людьми. Фюрер обожал чувствовать себя дамским угодником, соблазнителем, мужественным, эффектным и неотразимым, пусть и не пользовался возможностями, которые ему открывались. (Альберт Шпеер заметил: «С хорошенькими женщинами он, как ни странно, шел на физический контакт. Постоянно брал их под руку или придерживал за

локоток».) На роль фаворитки не было явных претенденток, хотя слухи роились вокруг куда более подходящих кандидатур: Лени Рифеншталь, ослепительной актрисы и режиссера, и Юнити Митфорд, арийской великанши, недавно допущенной в окружение Гитлера и не скрывавшей страстной любви к нему. Одной Еве хватило проницательности понять, что Гитлер не гонится за красивыми, умными — словом, шикарными женщинами, хотя и любит провести вечер в их обществе. Больше всего он ценил *Gemütlichkeit*: уют, привычную и приветливую домашнюю атмосферу, окутывающую его, как только он переступит порог. И именно *Gemütlichkeit* обеспечивала ему Ева. «Женщина должна быть хорошеньким, ласковым и наивным созданием — нежной, милой и недалекой». Ева обладала всеми этими чертами, только вот была гораздо менее недалекой, чем казалась.

Не прошло и трех месяцев, как Ева вместе с сестрой Гретль — им уже исполнилось двадцать три и двадцать соответственно — в августе 1935 года покинули отчий дом и переехали, по предложению Гитлера (и за его счет), во временно арендованную квартиру на улице Виденмайер-штрассе, 42, неподалеку от Английского сада. Окна выходили на реку Изар. Генрих Гофман, выполняя распоряжение фюрера, все организовал и оплатил. Они так никогда и не вернулись к родителям. Разрыв, должно быть, оказался болезненным для Фанни и унизительным для Фритца, поскольку дочери не подчинились его власти и вышли из-под контроля. Он не отличался деликатностью и никогда не проявлял нежности и чуткости по отношению к Еве. Вместо того, чтобы осуждать ее любовь к Гитлеру, ему следовало бы спросить себя, почему ей вскружил голову тот, кого он считал исчадием ада. Самолюбие не позволяло ему признать, что его любимой дочерью завладел более авторитарный и несгибаемый мужчина, доказав, что из них двоих Фритц слабее.

И все же он был не совсем бессилен. Не исключено, что Гитлер изменил точку зрения отчасти из-за письма отца Евы, хотя дошло ли оно до Гитлера на самом деле, точно неизвестно. Генриетта фон Ширах, хотя и не осталась близкой подругой Евы после замужества, рассказывает, как Фритц Браун пытался вступиться за дочь перед Гитлером. И ее рассказ, как ни странно, звучит довольно убедительно:

> Господин Браун знал, что по пути из Мюнхена в Оберзальцберг Гитлер остановится в одной гостинице [*Lambacher Hof*], и задумал перехватить его там, чтобы объяснить, что безопасность, доброе имя и будущее его дочери окажутся под угрозой, если она будет и дальше жить с фюрером в Бергхофе. Потом Гитлер описывал этот разговор как «самый неприятный в его жизни». Но в итоге все обошлось благополучно. Гитлер купил Еве маленький домик на Вассербургерштрассе и назначил подобающее ежемесячное содержание. Однако без обиняков заявил господину Брауну, что о браке не может быть и речи. Так, парадоксальным образом, Ева стала признанной любовницей Гитлера. Ей больше не нужно было ломать голову над тем, как скрыть свою связь от семьи, но само собой подразумевалось, что у нее не будет детей. Гитлер не желал, чтобы кто-то предъявлял на него права, особенно супружеские.

Правдивость этой истории одновременно и подтверждается, и ставится под вопрос различными документами из коллекции Мусманно. Коллекция содержит ряд интервью с выжившими членами гитлеровского окружения, записанных Майклом Мусманно. Фритц Браун под присягой отрицал подобный инцидент. Он говорил, что ни за что бы не унизился до обсуждения этой темы. Он, мол, поостерегся бы выказывать подобную дерзость перед все-

могущим Гитлером. Фанни тоже заявила Мусманно (не для протокола), что это «смешно». Тем не менее Фритц Браун действительно *писал* Гитлеру, и Нерин Ган приводит это письмо целиком. Алоис Винбауэр ручается за достоверность его сведений. Смесь почтения, формальности и отцовской заботы очень трогательна, и неловкое отпирательство Фритца Брауна еще не опровергает подлинности письма.

Мюнхен
7 сентября 1935 г.

Ваше Превосходительство!

Я нахожусь в крайне неловком положении, поскольку вынужден обеспокоить Вас проблемой приватного характера, иначе говоря, объяснить Вам свое беспокойство отца семейства. Вы, фюрер немецкого народа, заняты иными и, разумеется, гораздо более значительными заботами. И все же, поскольку семья является наименьшей, но жизненно важной ячейкой общества, обеспечивающей развитие честного и упорядоченного государства, я полагаю свой шаг в известной мере оправданным, а посему осмеливаюсь просить Вас о помощи.

Семья наша в настоящий момент распалась, так как мои дочери Ева и Гретль переехали в квартиру, которую Вы предоставили в их распоряжение. Я, глава семьи, был поставлен перед свершившимся фактом. Я всегда строго укорял Еву, когда она после рабочего дня возвращалась домой намного позже положенного. Я считаю, что молодой женщине, усердно трудящейся восемь часов в день, необходим отдых в кругу семьи, чтобы оставаться в добром здравии. Я понимаю, что таким образом защищаю точку зрения, которая, увы, кажется сегодня старомодной. Тем не менее надзор родителей за детьми и обязанность детей

жить дома до вступления в брак являются непреложным правилом. Так гласит мой кодекс чести. Помимо прочего, я безмерно скучаю по своей дочери.

Следовательно, я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы, Ваше Превосходительство, удостоили меня пониманием и поддержкой. Я заключаю настоящее письмо, умоляя Вас не поощрять этой жажды свободы в моей дочери Еве, несмотря на то обстоятельство, что ей уже больше двадцати одного года. Прошу Вас, убедите ее вернуться в лоно семьи.

С безграничным уважением,

Ваш Фритц Браун

Алоис Винбауэр комментирует: «Это письмо очень многое говорит об отношениях Фритца Брауна с дочерью. Он предстает перед нами как традиционный патриарх и человек твердых принципов, раздираемый тревогой за вышедшее из повиновения дитя и глубоко оскорбленный бесцеремонностью, с какой девушку оторвали от семьи и ее устоев, оставив его, отца, в полном бессилии».

Судя по всему, господин Браун не решился доверить письмо почте, и попросил Гофмана лично передать его Гитлеру. Гофман же, не желая убивать курицу, несущую золотые яйца, передал письмо Еве, которая, как утверждает Нерин Ган, «порвала его на тысячу клочков». Фанни Браун якобы сказала ему, что и сама писала подобное послание, но ответа не получила.

Какова бы ни была судьба родительских писем, Гитлер пришел к убеждению, что, признав Еву неофициальной фавориткой, он решит массу проблем. Ему необходимо было, чтобы кто-то холил и лелеял его, не обременяя, однако, брачными узами. За прошедшие шесть лет Ева показала себя верной и преданной, не будучи умопомрачительно красивой, она радовала глаз, имела живой и веселый харак-

тер, не ослепляя светским лоском, и — что самое главное — была абсолютно равнодушна к политике. Она и впредь не станет задавать щекотливых вопросов или вмешиваться, когда он строит грандиозные планы на будущее со своим молодым архитектором Альбертом Шпеером. Она с радостью оставит управление Бергхофом в руках его «наладчика», рейхслейтера Мартина Бормана. Если Ева и начнет проявлять излишнюю расточительность, потакая своей страсти к одежде, туфлям и прочим женским глупостям, то Борман все уладит. Он распорядится, чтобы Борман выделил ей ежемесячное содержание и оплачивал ее счета.

Гитлер покорился неизбежному и — настояв на полном засекречивании ее имени, ее личности и ее существования — возвел фрейлейн Браун в ранг своей признанной подруги и любовницы. То есть признанной его ближайшими друзьями и сподвижниками. С тем же успехом он мог бросить ее на растерзание волкам.

Глава 10

Дневник отчаявшейся женщины

На тысячах фотографий и многочасовых пленках домашнего кино Ева предстает такой, какой она хотела казаться окружающим: счастливой девочкой, веселой, озорной и беззаботной. Очень мало людей знали о ее «теневой стороне», и она прилагала все усилия, чтобы скрыть существование таковой. Правду она доверяла только своему дневнику. В отличие от фотографий и любительских фильмов он был строго конфиденциален. Не предназначенный ни для друзей, ни тем более для потомства, он писался Евой *только для Евы*. Здесь она могла сбросить маску веселья и быть откровенной.

Дневник Евы Браун полностью противоречит нелестному образу, который оставила нам история. Его второпях набросанные строки взрываются страстью: мыслями, грезами и страхами женщины, ничуть не похожей на легковесную пустышку, описанную мужчинами-историками. На его страницах раскрывается измученная душа, изнывающая от пренебрежения возлюбленного, доведенная почти до безумия стремлением быть с ним рядом. В решающий момент ее жизни, когда она телом и душой отдалась Гитлеру, он дал ей взамен так мало, что она стала задаваться вопросом, стоит ли жить дальше. Ей никогда не приходило в голову оставить его, но за четыре месяца, отраженные в дневнике, она постепенно пришла к убеждению, что единственный для нее выход — убить себя. Когда в конце

мая 1935 года она во второй раз попыталась покончить с собой, Ильзе – как мы уже знаем – позвала врача, который отвез Еву в больницу, где ей спасли жизнь. После того, заметив дневник на ночном столике, Ильзе спрятала его и, возможно, потом уничтожила, сохранив лишь последние двадцать две страницы, охватывающие период с 6 февраля, одинокого двадцать третьего дня рождения Евы, по 28 мая 1935 года, когда она решилась на самоубийство. Зачем Ильзе оставила эти страницы – чтобы скрыть от родителей истинную причину в случае, если Ева умрет, или же для шантажа в будущем (что маловероятно), или в качестве доказательства, если начнется дознание, – неизвестно, но впоследствии она вернула их сестре.

В первую очередь – зачем было Еве вести дневник? Большинство людей этого не делают, а из тех, кто делает, большинство – молодые девушки в состоянии душевного смятения. Гитта Серени, биограф Альберта Шпеера и ведущий авторитет в вопросах истории Третьего рейха, дает простой ответ: «Она была как раз из тех девушек, что ведут дневники». Она была в том возрасте, когда молодым женщинам нужно как-то выражать свои тайные мысли, особенно если им не с кем поделиться – а Гитлер настоял на полнейшей секретности. Поговорить с родителями, узнавшими наконец о романе в 1934 году, она не могла. Для них тема стала запретной. У Евы были подруги, но сегодня нам трудно себе представить, насколько скрытными в отношении личной жизни были люди в тридцатых годах. Они не обсуждали ни свою половую жизнь, ни свои эмоциональные проблемы. «Люди больше уважали друг друга в те дни, – объясняет кузина Гертрауд, – как бы близки они ни были». Тайна любовной связи с самым великим и могущественным человеком Германии тяжелым бременем легла на плечи Евы. У нее было достаточно причин, чтобы вести дневник.

Его неполные две тысячи слов (я читала их и по-немецки, и в английском переводе) раскрывают такую Еву, какой ее никто не знал. Но перевод, даже хороший (а в случае дневников они, как правило, плохие), отличается от оригинала примерно как открытка с репродукцией от настоящей картины, и даже самое лучшее факсимиле не дает ощущения прямого контакта автора с читателем. Чтобы понять настоящую Еву, а не ее многочисленные роли, предназначенные для родителей, друзей и, прежде всего, для Гитлера, я должна была изучить дневник со скрупулезностью судебного эксперта. Это означало — получить доступ к оригиналу. В отличие от фотографий и фильмов, которые остаются все теми же, независимо от того, сколько раз их копировали с негативов, дневник является уникальным, рукотворным предметом. Мне не терпелось увидеть эту загадочную реликвию, вдохнуть запах страниц, изучить нюансы почерка. Мне нужно было подержать — пусть и в перчатках — листы, на которых она писала ровно семьдесят лет назад, ища подсказки в тексте, чтобы убедиться в подлинности дневника.

В марте 2005 года я второй раз поехала в Вашингтон, специально, чтобы подержать в руках дневник Евы Браун. Он находится под неусыпным надзором служащих NARA, гражданского и военного архива Америки. За зданием, известным как Архив II в Колледж-Парке, Мэриленд, располагаются огромные катакомбы хранилища: два миллиона кубических футов заставлены полками.

Здесь, в недрах этой бетонной крепости, в потрепанном коричневом конверте лежит дневник. Увидеть его могут только самые настойчивые исследователи и только с особого разрешения двух старших архивариусов. Он доступен только тем, кто знает, где искать и кого спрашивать. В 2004 году я провела неделю в Колледж-Парке, выискивая материалы о Еве Браун, и никто не удосужился сообщить

мне, что NARA *хранит ее дневник в том же самом здании.* Упорные исследователи с солидным запасом терпения *имеют шанс* получить доступ. Это оказалось нелегко.

В проводники мне достался Джон Тейлор, восьмидесятичетырехлетний архивариус, прослуживший в NARA шестьдесят лет и знающий секреты архивов как свои пять пальцев. Сеть их лабиринта на поддается никакой логике, в отличие, скажем, от той же родной и любимой системы Дьюи. *Эта* система для новичка – китайская грамота. Но мистер Тейлор понимает, как она устроена: классификации, подзаголовки, номера ящиков. Без него мне пришлось бы прокручивать километры пленки микрофильмов, чтобы списать нужный код. А потом заполнить розовый бланк запроса чуть ли не с пятью разными наборами идентификационных номеров. После бланк нужно отнести в другое помещение, представить целой когорте привратников (время выхода/время входа/имя, фамилия/дата) и расписаться за него. После этого процесс извлечения желанного документа вдруг становится головокружительно быстрым и эффективным. *Только не с дневником Евы Браун.* Тут полный надежд искатель вынужден продираться к своей Спящей красавице сквозь непроходимую чащу бюрократии и служб безопасности.

Я приехала в NARA в 9.30 утра, в снежный мартовский понедельник 2005 года. Но несмотря на то, что я заранее предупредила о цели своего приезда, только в пятницу, накануне вылета обратно в Лондон (билет обмену не подлежит!), мистер Тейлор поманил меня, заговорщически шепча: «Следуйте за мной!» С пронумерованным и закодированным суперсекретным бейджиком на шее (дата, подпись, время входа, отмеченное до секунды) я прошла за ним через двери, открывающиеся только при помощи специального электронного пропуска, в пустой кабинет, где мне в присутствии еще одного старшего архивариуса

вручили невзрачный коричневый конверт и пару белых хлопчатобумажных перчаток. Под недремлющим оком хранителей я натянула перчатки и уселась читать дневник Евы.

В конверте лежала книга размером около девяти квадратных дюймов, обтянутая грязной, потемневшей от времени кремовой кожей, со сломанным замочком. Ключ давно потерялся. Двадцать два листа плотной желтоватой нелинованной бумаги грубо вырваны и небрежно вставлены назад. Остальные страницы пусты. Я открыла начало и оказалась лицом к лицу с последним препятствием. Дневник написан не обычным округлым почерком Евы, а старогерманским готическим шрифтом, бывшим в ходу со времен Средневековья. Ничего общего с ее подписями в фотоальбомах. Расшифровать его трудно, а поначалу и вовсе невозможно. Буквы выведены твердой и проворной рукой, явно принадлежащей образованному и интеллигентному человеку. Но шрифт отличается от обычного немецкого письма не меньше, чем кириллица.

К счастью, я научилась разбирать готический шрифт еще в детстве. В конце сороковых годов, когда мы жили в Германии, я иногда оставалась у своих двоюродных бабушек, *Tante* Лиди и *Tante* Анни, в их тесной квартирке в Гамбурге. Они позволяли мне копаться в их старых письмах, многие из которых были написаны на такой вот старомодный манер, и с детской восприимчивостью к языкам и знакам я быстро расколола этот орешек. Книги были напечатаны похожим шрифтом, и если я хотела прочитать остатки тетушкиного собрания детских сказок, то должна была изучить и его. Увлеченная чтением, я просиживала, скрючившись в уголке, до самого ужина. Затем мы собирались втроем за круглым столом под тусклой лампочкой, еще больше затемненной абажуром с бахромой, и ели тяжелое,

но восхитительное жаркое, состоявшее только из рыхлой разваренной картошки в подливке. Лиди и Анни были бедны, как большинство немцев после войны. Перед сном *Tante* Лиди рассказывала мне сказки своим спокойным, низким, бархатным голосом. Он все еще звучит у меня в ушах — пожалуй, самый красивый голос, какой я когда-либо в жизни слышала.

Ева вела дневник в 1935 году, и не исключено, что потом тоже, но сохранились только эти отрывки. Она не писала методично день за днем, в установленном порядке — такое было не в духе Евы. Похоже, она использовала его как предохранительный клапан, когда холодность и непредсказуемость Гитлера переполняли чашу ее терпения. Несмотря на скудность записей, дневник вполне отражает ее душевное состояние, дает представление о воздействии, которое оказывал на нее Гитлер: как он постепенно подрывал ее бьющую ключом самоуверенность и психическое здоровье. Она никогда не знала, когда увидит его снова, и эта неизвестность постоянно держала ее в подвешенном состоянии.

Первая же запись, датированная «11.II.35», убедила меня в том, что дневник — не подделка. (И вызвала болезненное воспоминание о моей матери. Она выписывала числа в точности так же, как Ева. Должно быть, они учились по одним и тем же книжкам.) Это, вне всяких сомнений, единственный на свете рассказ самой Евы Браун о ее внутреннем мире. Дневник охватывает 113 дней и состоит из дюжины нерегулярных записей. Они сделаны карандашом, так что толщина штриха и размер букв подсказывают, в каком настроении была Ева на тот момент. Чем она беспокойнее, тем больше буквы. Четкий мелкий почерк говорит о спокойствии. Чем хуже Еве, тем труднее читать. Когда она не в силах больше сдерживаться, рука ее летает

по бумаге с бешеной скоростью, и карандаш затупляется от нажима. И все же ее непринужденный слог доказывает, что она была более чем способна выразить свои мысли. Она мало что вычеркивала и не прибегала к подчеркиваниям и восклицательным знакам для пущего эффекта. Ева знала, что хочет сказать, ее мысли и без того переливались через край, выплескиваясь на страницу.

К началу 1935-го Адольф Гитлер уже два года занимал должность канцлера. Он был вынужден проводить много времени в Берлине, разбираясь с государственными делами, встречаясь с иностранными дипломатами, то заискивающими, то враждебными, и держа в узде своих подобных ротвейлерам министров, вечно жаждущих милости и поощрения. Возвращаясь на выходные в Мюнхен, он чаще проводил время со старыми товарищами, чем с Евой. Порой она не видела его неделями, даже весточки не получала. Краткое свидание время от времени возвращало ей радость и оптимизм. Затем снова тишина.

Ева была любовницей фюрера уже как минимум три года. Иногда они оставались наедине, надо полагать, в его квартире, поскольку посещать ее в родительском доме было бы для него слишком рискованно: «Вчера он неожиданно приехал, и мы провели чудесный вечер» (18 февраля). Она употребляет прилагательное *entzückend* — замечательный, чудесный — без оттенка страсти. Возможно, именно это она и предлагала: чудесные вечера веселого, невинного, игривого секса. Ева, изображающая Луизу О'Мерфи для своего Людовика XV. Если так, то роль, должно быть, давалась ей нелегко, хотя она и называет эти часы необыкновенно прекрасными — *wunderbare schöne Stunde* (4 марта).

Серия фотографий, датированных Евой шестнадцатым марта 1935 года, показывает ее на вечеринке с участием Гитлера в Цугшпитце, популярном горном курорте

неподалеку от Берхтесгадена. Но в тот день, шестнадцатого числа, Гитлер находился в Берлине, осматривая свои войска после официального объявления о возобновлении воинской повинности. Ева славилась небрежностью в надписывании фотографий, так что дата, должно быть, неверная – это, вероятнее всего, происходило в 1934 году, когда Гитлер был в Мюнхене. Если бы речь шла о 1935-м, то Ева обязательно упомянула бы о событии в своем дневнике.

Порой при встрече Гитлер обращался с ней холодно или вовсе не замечал. Первого апреля 1935 года она написала: «Вчера он пригласил нас [нас – это ее и Гретль] на ужин в *Vier Jahreszeiten* [гостиница «Времена года»]. Я просидела рядом с ним три часа, и мы ни словом не обменялись. На прощание он, как раньше, вручил мне конверт с деньгами. Насколько любезнее с его стороны было бы вложить туда записку с приветствием или ласковым словом. Мне было бы так приятно». Присутствовавший при этом Альберт Шпеер заметил, что она густо покраснела. Позже Ева призналась ему, что в конверте лежали деньги и что такое случается не впервые. (Тот факт, что Гитлер давал ей деньги, значим сам по себе. Это доказывает, что он чувствовал себя обязанным оказывать ей поддержку.) Шпеер очень рассердился на Гитлера за бестактность: «Мне было чудовищно неловко за него». Три года прожив любовницей фюрера, Ева видела, что само ее существование вычеркнуто, ее имя никогда не произносится, ее лицо никому не известно, ее любовь унижена его откровенным пренебрежением. Шпеер высказался: «Он прятал ее от всех, кроме самых близких друзей, но даже здесь отказывал ей в каком бы то ни было социальном статусе и *постоянно унижал ее* [курсив мой. – А.Л.]». Отношения, которые предлагал ей Гитлер, представляли собой полную противоположность всему, о чем она мечтала. «Погода такая чудесная, а я, любовница [в оригинале Ева употребляет слово *Geliebte*, означающее воз-

любленную, но часто носящее выраженный сексуальный оттенок] самого великого человека в Германии и во всем мире, сижу здесь и смотрю на солнце сквозь оконное стекло. Как он может быть таким бессердечным, пренебрегая мною и любезничая с чужими?» (10 мая). Запись оканчивается так: «Какая жалость, что сейчас весна».

Женщина, способная написать такое, никак не может быть «глупой гусыней» или «тупой коровой». Нет, она четко мыслит, глубоко чувствует и умеет выразить свои переживания. Голос в дневнике принадлежит отнюдь не хнычущей маленькой продавщице без мозгов и образования, описанной клеветниками. В свой день рождения она насмешливо замечает: «Мое рабочее место похоже на цветочную лавку и пахнет, как кладбищенская часовня» (6 февраля). Менее чуткая женщина гордилась бы великолепными букетами, которые ей прислали. Ева же понимала, что, доставленные фрау Шауб (женой адъютанта Гитлера, бывшей, видимо, в курсе дела), они значат не больше, чем распоряжение, мимоходом брошенное подчиненному. Сквозь охапки цветов она видела пустоту.

Что говорит дневник о ее характере? Во-первых, она была щедра как со своей семьей, так и с Гитлером. На свой день рождения она планировала поехать с матерью и сестрами в горы Гарца, к северу от Мюнхена. «Я могла бы чудесно провести время, ведь так приятно делить удовольствие с другими. Но ничего не вышло» (6 февраля). Возможно, она отменила поездку в надежде, что Гитлер преподнесет ей сюрприз на день рождения. Если так, то ее ждало разочарование. Во-вторых, ее материальные запросы были скромны, что несвойственно любовницам богатых и могущественных людей. Когда Гитлер наконец объявился через пять дней с пустыми руками, она написала: «Он только что приходил навестить меня, но ни собаки, ни трельяжа не

подарил. Да он и не спрашивал, что бы мне хотелось получить в подарок. Так что я сама себе купила кое-какие украшения. Ожерелье, сережки и подходящее к ним колечко за 50 марок. Очень хорошенькие, надеюсь, ему понравится». И добавила с неожиданным ехидством: «А если нет, то пусть, наконец, сам мне что-нибудь выберет» (11 февраля). Женщину, чьи самые смелые мечты сводятся к собаке или трельяжу и которая покупает себе в утешение горсточку дешевых побрякушек, никак нельзя назвать корыстной. Не гналась она также ни за властью, ни за положением. Ева никогда не рвалась стать первой леди Германии — ей нужен был мужчина, а не фюрер. В-третьих, несмотря ни на что, она оставалась оптимисткой. Она редко проникалась жалостью к себе, стараясь во всем находить светлую сторону и не поддаваться своим мрачным настроениям. Безусловно, она была верна: ни разу в дневнике не упоминается имя другого мужчины, ни единого намека на «состоявшегося» ухажера. И ни разу она не рассматривала возможность нормальной жизни с обычным мужчиной, который бы женился на ней и дал ей детей. Последнее и самое главное — Ева отличалась сдержанностью. Дневник она, скорее всего, держала под замком и как следует прятала, но все равно никогда не называла в нем имени Гитлера. Он неизменно фигурирует в ее записях как *Er* («Он»), и только однажды она упоминает о его высоком положении.

Ева Браун страдала от ревности, этого бича любящих сердец. Она была слишком молода, чтобы осознавать, что перепады настроения Гитлера держат ее в состоянии постоянной неуверенности. Банальная, но очевидная правда — что Гитлер действительно поглощен государственными делами и слишком занят, чтобы проводить с ней время — не приходила ей в голову, хотя она и старалась найти ему оправдание: «В конце концов, это же ясно: ему не до меня, когда у него столько политических дел» (16 марта). Или:

«Конечно, у него все время мысли заняты политикой, но надо же ему немножко отдохнуть» (28 мая). Подобно всем женщинам, не уверенным в своем возлюбленном, она бесконечно переживала, как бы он не поддался чарам той или иной из толпящихся вокруг него обольстительниц, почти каждая из которых была бы счастлива стать его любовницей. Некоторые записи дышат болезненной ревностью, но на следующий день Ева находит силы посмеяться над собой: «Это просто мое безумное воображение разыгралось» (16 марта). Но когда в его поле зрения появлялась женщина, которую Ева считала серьезной соперницей, ревность становилась невыносимой. «*Ich zerbreche mit Wahnsinn*», — написала она 4 марта 1935 года. «Я схожу с ума».

Еве, должно быть, пришлось несладко, если до нее дошли слухи о приватном обеде, который спустя шесть недель Гитлер давал в честь сэра Освальда Мосли и его эффектной свояченицы Юнити Митфорд. Присутствовала и Винифред Вагнер, давняя и фанатично преданная поклонница Гитлера. Последнего чрезвычайно впечатляло, что Юнити англичанка и принадлежит к высшим слоям общества, хотя и не настолько высшим, как он полагал. Юнити Валькирия Митфорд носила титул *Honourable*[1], поскольку ее отец лорд Ридсдейл был всего лишь бароном. Самым «высшим» в ней был необычайно высокий рост — шесть футов. Их отношения строились на взаимном восхищении, основанном на заблуждении, и никогда не переходили во что-то большее, но Ева об этом не знала. Она отлично понимала, что такой могущественный и притягательный лидер, как Гитлер, всегда окружен хищницами — разве она сама к ним не относилась? Он ничего не предпринимал, чтобы успокоить ее, в то время как Гофманы, упорно продолжающие видеть в ней фрейлейн Браун, маленькую помощницу из студии,

1 Почтенная (*англ.*).

разжигали ее сомнения. Десятого мая Ева записала: «Как любезно и бестактно сообщила фрау Гофман, он теперь нашел мне замену. Ее зовут Валькирия, и выглядит она соответствующе, особенно ее ноги. Он любит подобный размах, но если она действительно такова, то очень скоро похудеет, мучаясь из-за него». Хотя Ева вела дневник для себя, ей удавалось писать о своей ревности и досаде с юмором. «Особенно ее ноги» — оправданная шпилька из уст молодой женщины, которая с помощью исключительной самодисциплины сумела сделать свои коренастые ножки элегантными и стройными. Ее главной заботой было счастье Гитлера: «Если сведения фрау Гофман верны, по-моему, это ужасно, что он ничего не сказал мне [предполагается, что между ними установились отношения, дававшие ей право ожидать верности или хотя бы откровенности]. В конце концов, он должен бы знать, что я никогда не стану чинить никаких препятствий на его пути, если он вдруг поймет, что его сердце принадлежит другой». Ее щедрость резко контрастирует с боязнью его равнодушия: «Его не волнует, что со мной происходит». Десятого мая она писала: «Может быть, он с другой женщиной, не с этой Валькирией... Но других женщин так много». Еве, осаждаемой слухами и злобными сплетнями, трудно было поверить, что она единственная женщина, с которой он спит и которую почти что любит, а Гитлер не особенно старался ее утешить. Он сам пал жертвой острой ревности во время романа с Гели, он знал, какая это пытка. Всего нескольких слов хватило бы, чтобы успокоить душу Евы. Он так и не произнес их.

Ей нечасто случалось оказываться с ним наедине. Иногда они ездили вместе на пикники за город, но это бывало редко, и их всегда кто-то сопровождал. В течение всего апреля 1935 года обстоятельства не позволяли им проводить время вдвоем. В квартире Гитлера шел ремонт, а сам

он тем временем проживал в гостинице, так что им приходилось встречаться у Гофмана, за углом *Osteria*, в обществе Генриха и его новой жены Эрны. Так продолжалось три месяца, и двадцатитрехлетняя Ева пришла в отчаяние, несмотря на упорные попытки найти положительные стороны в ситуации. Мысли ее метались на грани жизни и смерти, но она изо всех сил старалась сохранять присутствие духа: «Важно не терять надежду» (6 февраля). Она напоминала себе: «В прошлом все обернулось к лучшему, и на этот раз так будет» (16 марта). Она находила ему оправдания, убеждая себя, что, по большому счету, все в порядке. «Мне пора бы уже научиться быть терпеливой». Погружаясь в пучину страданий, она все равно прилагала немыслимые усилия, чтобы держаться за свои чувство юмора и врожденный оптимизм. Данная запись начинается исступленно, а заканчивается вполне спокойно — Ева взяла себя в руки, равно как и свой почерк.

Спустя шесть недель запасы оптимизма почти истощились. «Я в беде, в ужасной беде. Я постоянно повторяю про себя, как Куэ[1]: «Мне все лучше и лучше», — но никакого толку» (29 апреля). Ева увязла в долгах — она не говорит, сколько и кому должна, но сумма оказалась столь велика, что пришлось продать несколько платьев и даже свою драгоценную камеру. Но ей и в голову не пришло попросить Гитлера выручить ее. Она была привязана к фотоателье необходимостью зарабатывать на жизнь, какой бы монотонной ни казалась работа. К середине 1935 года уже шесть лет, как она работала на Гофмана — слишком долго. И жила дома, ссорясь с отцом, вынужденная тайно вести дневник и прятать его ото всех.

Уныние одолевало ее: «Я подожду только до третьего июня, когда исполнится три месяца с нашей послед-

1 Эмиль Куэ (1857–1926) — французский психотерапевт, проповедовавший целительную силу позитивного мышления.

ней встречи» (10 мая). Поскольку они виделись 31 марта на ужине в *Vier Jahreszeiten*, Ева, видимо, называет словом «встреча» (в оригинале *Rendezvous*) интимные свидания. Из некоторых записей можно заключить — только косвенно, она ни за что бы не осмелилась доверить бумаге откровенные подробности, — что они вели половую жизнь, но эйфория каждый раз быстро улетучивалась. Она трезво размышляет: «Я нужна ему только для известных целей, иначе невозможно [мне проводить с ним время]» (11 марта). «Известные цели» должны подразумевать «половой акт», иная интерпретация просто невозможна. Время от времени Гитлер, должно быть, говорил, что любит ее: «Я безгранично счастлива, что он так любит меня, и я молюсь, чтобы так было всегда. Если он и разлюбит меня, то не по моей вине» (10 марта). Более приземленно: «Он так часто говорил мне, что безумно влюблен в меня, но что с этого толку, когда я три месяца не слышала от него доброго слова?» (28 мая). Обратите внимание на ее выражения «он так любит меня», «безумно влюблен». Возможно, наедине, расслабленный и удовлетворенный сексом, Гитлер говорил Еве слова любви, но на людях обращался с ней равнодушно или, хуже того, презрительно. Рассуждая здраво, она определяет его чувства к себе как привязанность: «*Er hat mich gern*».

Двадцать третьего мая Гитлер лег на операцию по удалению полипа с голосовых связок. После такой операции пациенту еще неделю разрешается говорить только изредка и шепотом. Этим вполне можно объяснить, почему на той неделе Гитлер не звонил Еве, но она вряд ли была в курсе, поскольку в дневнике ни словом не упоминает об операции. К концу мая она совершенно обессилела, истомленная месяцами эмоциональной неопределенности. Как любая женщина, одержимая мужчиной, она едва могла существовать, когда они были порознь. Боялась выйти

лишний раз на улицу, чтобы не пропустить его звонка. Торчала в его излюбленных заведениях в надежде, что он там появится. Большинство вечеров проводила дома в ожидании. Она никогда не могла планировать день заранее или предвкушать условленное *Rendezvous*. Помимо скучной работы в ее жизни практически ничего и не было. «Только бы не сойти с ума, оттого что он приходит ко мне так редко». Отчаяние становилось похожим на тяжелую мигрень. Если так будет продолжаться, ей лучше умереть — она не видела другого выхода. Она уже несколько недель размышляла над этим. «Мне нужно только одно. Я хотела бы тяжело заболеть и ничего больше не слышать о нем хотя бы неделю. Ну почему со мной ничего не случается? Почему я должна проходить через все это? Лучше бы мне никогда не встречать его! Я так несчастна. Вот выйду, куплю еще снотворного порошка и погружусь в полудрему, тогда можно будет не думать об этом столько» (11 марта).

Ева старалась успокоить себя, держаться за действительность, но внутри нее росло убеждение, что самоубийство — единственно верный шаг. Быть может, она вспомнила Гели, которая, выстрелив в себя, умерла от потери крови, и впервые поняла, отчего ее соперница решилась на столь крайние меры. Пытаясь покончить с собой во второй раз, Ева ждала смерти и хотела умереть. «В любом случае неизвестность страшнее, чем внезапный конец всему» (28 мая). Записи внезапно обрываются на середине страницы. Никаких слов упрека и мелодраматических прощаний ни возлюбленному, ни семье. Под последним предложением — пятно. Может быть, это ее слезы, а может, и небрежность какого-то читателя.

Двадцать таблеток ванодорма, которые она проглотила, имели более мягкий седативный эффект и составляли меньшую дозу, чем те тридцать пять таблеток веронала, что она изначально намеревалась принять. Наверное,

в последний момент ее охватили колебания. Но все равно у нее не было никакой уверенности, что она снова проснется. Если бы сестра не нашла ее в глубоком обмороке, то она, возможно, и не выжила бы. Дневник Евы, повесть надежды и отчаяния, вне всякого сомнения, доказывает, что ее попытка самоубийства — нечто большее, чем крик о помощи. Она с самого начала знала, что не сможет жить без него.

В глазах католической церкви Ева продала душу за любовь Гитлера. И она готова была выполнить свою часть сделки. Падение в преисподнюю — для нее это был не вымысел, а реальность. Она писала 11 марта 1935 года: «И почему только дьявол не заберет меня к себе? У него, верно, куда лучше, чем здесь».

Глава 11

Фотоальбомы и домашнее кино

Пожалуй, немного людей в водовороте истории оставили после себя так мало первоисточников, как любовница Гитлера. Помимо мучительно краткого дневника Евы, не сохранилось почти никаких сведений «из первых рук», которые пролили бы свет на ее характер или раскрыли бы ее тайные чувства по отношению к семье, друзьям, возлюбленному и его обращению с ней. Она не слишком любила писать письма, а те, что написаны ею, по большей части утеряны или погребены в недоступных частных коллекциях. Уцелело всего несколько ее писем к Гитлеру, его писем к ней — еще меньше, хотя во время частых разлук они переписывались регулярно, почти ежедневно. В апреле 1945 года Ева просила Гретль спрятать «конверт, адресованный фюреру и хранящийся в сейфе бункера», добавляя: «Пожалуйста, не читай их! Пожалуйста, запечатай письма фюрера и черновики моих ответов... в водонепроницаемый контейнер и, если сможешь, закопай. Прошу, не уничтожай их». (Характерно, что, отдавая распоряжения Гретль, Ева отдельно упоминает о черновиках своих писем Гитлеру. Редкая женщина в конце долгих отношений все еще считала бы необходимым переписывать любовные письма набело. Даже на бумаге она старалась быть «хорошей девочкой».)

Отсутствие первоисточников частично является причиной того, что не написано академической биографии

Евы Браун. Историк, восстанавливающий ее жизнь, был бы вынужден целиком полагаться на посторонний вспомогательный материал, не будь Ева с раннего отрочества страстным фотографом. Ее внутренний мир воссоздается по отснятым ею фотографиям, а не по оставшимся от нее словам. К счастью, снимки исчисляются тысячами.

Ева Браун испытывала острую потребность в восхищении окружающих, которую с детства подпитывали неодобрение и холодность отца. Позже, когда Гитлер заставил ее сделаться невидимкой, она, казалось, нуждалась в фотографиях, чтобы доказать себе, что события действительно происходят; едва ли не чтобы доказать собственное существование. Она обожала хвастаться качествами, которые выработала в себе, чтобы стать достойной спутницей фюрера. От природы ей было свойственно выставлять себя напоказ, она принадлежала к тем, кто мечтает наслаждаться любовью и овациями миллионов на поприще кинозвезды или общественного деятеля. Если в этом ей было отказано, то она хотела быть женщиной подле мужчины, который этого достиг.

В здании II Национального управления архивов и документации США в Колледж-Парке, Мэриленд, хранятся тридцать три личных фотоальбома Евы, содержащие более двух тысяч фотографий, запечатлевших ее жизнь с младенчества до 1944 года (за год до ее смерти). Озорные снимки внезапно заканчиваются в апреле 1944 года после пятьдесят пятого дня рождения фюрера (традиционный стол, заваленный подарками традиционной заискивающей толпы лизоблюдов). Четыре альбома под номерами 18–21 принадлежали подруге всей жизни Евы, Герте (после замужества в ноябре 1936 г. она стала носить фамилию Шнайдер), и в конце 1979 года фрау Шнайдер потребовала их возвращения. С альбомов сняли копии и, после нескольких попыток уклониться от ответа, отослали их владелице.

Впервые альбомы были обнаружены в мае 1945 года, когда советские солдаты ворвались в бункер после́ взятия Берлина. По всей видимости, они хранились в шкафу для документов в маленьком кабинете Гитлера под рейхсканцелярией. (Союзники шутили, что русские оккупанты, грабя штабы нацистов, вытряхивали сверхсекретные документы на пол и забирали мебель, оставляя бумаги американцам. Через четыре месяца после смерти Гитлера его рабочий дневник был найден на столе в бункере.)

Леди Уильямс, в то время младший офицер Джилл Гамбьер-Пэрри, личный помощник бригадира разведки при Генеральном штабе Эйзенхауэра, была одной из первых британских женщин-военнослужащих, вошедших в Берлин после войны, в сентябре 1945 года:

> Когда я попала в Берлин осенью сорок пятого, это был такой *странный* мир. Когда закончилось распределение квартир, мне не досталось места, и несколько дней я спала на диване, пока меня не отправили на виллу в итальянском стиле (дом №6 по улице Грига). Она была в прекрасном состоянии и изящно обставлена, греческий посол держал там свою любовницу. На возвышении стояла громадная двухместная кровать, а в подвале валялся скелет. Русские пользовались репутацией насильников, поэтому немцы прятали своих дочерей под кроватями, в шкафах, подвалах и еще бог знает где. Я видела, как женщины собирают камни на оставшихся после бомбежек руинах и передают их по цепочке. Не помню, чтобы мне попадались на глаза немецкие мужчины.
>
> Как-то в воскресенье один полковник — его звали Хью Боггис-Рольф — позвал меня: «Пойдем, Джилл, взглянем на канцелярию».
>
> Мы отыскали вход в бункер, и комната Евы Браун была в глубине с правой стороны. Я нашла ее пилку для ногтей,

взяла себе и пользовалась ей, пока ее не украли из нашего номера в нью-йоркском отеле. В аптечке Гитлера стоял пузырек с витаминами.

Она показывает маленький стеклянный пузырек, потемневший от времени, в котором находится миллилитров двести черной жидкости.

Помимо этого, там почти ничего уже не осталось. В кабинете Гитлера я увидела копии его политического завещания и личное завещание, собственноручно им подписанное, с приложенными копиями. Я взяла несколько его бланков и еще одну карточку, где было напечатано «Берлин, Рождество 1942» и стояла подпись Гитлера. Больше ничего особо интересного. Ощущала я себя чрезвычайно странно – такое, знаете, *окоченение.* Будто находишься в крепости.

Еще Джилл Уильямс помнит, как присутствовала на встрече четырехсторонней комиссии в Берлине, где председательствовали все страны-оккупанты по очереди.

Однажды, когда настала очередь русских председательствовать, они вошли, сияя, как школьники, с высоченной стопкой книг. Это оказались фотоальбомы Евы Браун. Мы весь вечер просидели, передавая их по кругу и рассматривая Еву Браун: «Это я в праздничном платье, я на конфирмации, я любуюсь панорамой Берхтесгадена, я в Кельштайнхаусе» и так далее...

Воспоминания леди Уильямс об этих фотографиях очень живы и точны, учитывая, что она видела их пятьдесят лет назад. Я спросила, слышала ли она о Еве Браун прежде, до того, как оказалась в бункере Гитлера. «О да, мы знали о ней даже раньше, чем она поехала в Берлин, воз-

можно, просто сплетни доходили. Но когда люди обсуждали ее, это как-то не запоминалось, если вы понимаете, что я имею в виду. Никаких доказательств не было, одни слухи. Никто в те дни не употреблял слово «любовница»; мы говорили «подруга».

В ноябре 1945 года американцы нашли фотоальбомы в доме Евы на Вассербургерштрассе — те, что сейчас хранятся в Национальном управлении архивов и документации. (Это могли быть дубликаты берлинских, сделанные Евой, так как она иногда дарила копии альбомов друзьям.) Они были внесены в инвентарный список вместе с остальным личным имуществом, не тронутым мародерами. Альбомы и несколько пленок домашнего кино отправились в Соединенные Штаты в качестве военных трофеев. Они доступны — не оригиналы, но полномасштабные копии — любому обладателю пропуска NARA для нучно-исследовательской работы. (Его можно получить за десять минут, причем бесплатно.) Сжимая в руке сей документ, я получила приказ сдать все, что связывает меня с внешним миром, — сумочку, карандаш (серебряный выдвижной карандаш моей матери, точно такой же был у Евы), блокноты, пиджак, — прежде чем отдать пропуск на проверку вооруженному офицеру службы безопасности. Когда он удостоверился, что я с пустыми руками не смогу ограбить или взорвать национальное достояние, турникет щелкнул, повернулся и пропустил меня. Подъем на лифте на пятый этаж в Исследовательский кабинет, очередная проверка пропуска, выдача белых хлопчатобумажных перчаток, в которых надлежит работать с драгоценным материалом, — и можно провести остаток дня в коконе сосредоточенности, в поисках, просмотре, чтении и составлении комментариев к каждой странице и каждому снимку из тяжелых черных фотоальбомов, стоящих на полке в одном углу.

В марте 2004 года я провела неделю за изучением самых интимных сведений о Еве, ее окружении и их жизни

в Оберзальцберге. Опираясь на бесчисленные моментальные снимки, фотографии и метры пленки, я получила возможность не только установить ритм и последовательность ее повседневных занятий, но и понять, чего она хотела от жизни. Альбомы и фильмы несут в себе массу информации, тем более ценной, что она передается неосознанно. Благодаря им удается восстановить облик благоустроенной отравленной теплицы, где Ева проводила дни и ночи в вечном ожидании Гитлера. Без него терраса и величественные приемные залы, в которых шаги отдавались эхом, лишались *raison d'être*[1], и пустота жизни Евы становилась очевидной. Без него она чувствовала себя ничем и была ничем. Когда он находился рядом, она становилась красивой, энергичной и жизнерадостной. Она относилась к тому типу женщин, что часто предпочитают мужчин гораздо старше себя. Их единственное предназначение — угождать; они используют обаяние и наигранную инфантильность, чтобы пробудить в мужчине инстинкт защитника. В домашних кинофильмах Евы ее шутливая, нарочитая беспомощность отчетливо видна и выглядит гораздо менее естественно, чем на фотографиях. Там мы видим ее такой, какой она хотела казаться, демонстрирующей свой тщательно отрежиссированный образ. Скука и уныние исподволь мутили воду, и ей стоило немалого труда скрыть правду от всех, в том числе и от себя, призывая с каждой фотографии: смотрите, как нам весело!

Ева не умела сосредоточиться настолько, чтобы погрузиться в чтение серьезных книг (она никогда не читала ничего, кроме журналов и дешевых любовных романов) или хотя бы навести порядок в своих фотографиях. Но в какой-то момент между 1937 и 1941 годами — возможно, во время

1 Смысла бытия (*фр.*).

долгого отсутствия Гитлера или в дождливый день, когда не выйдешь за порог — Ева с Гретль решили разобрать кучу накопившихся снимков. Они вытащили коробки и пухлые конверты с перемешанными фотографиями и уселись за столом в гостиной Евы. Для альбомов девушки выбирали фотографии наугад, ни одна из сестер не стала бы методично сортировать их. О каком уж хронологическом порядке, а тем более точных и вразумительных подписях может идти речь? Моментальные снимки младенческих и школьных дней помещены вразнобой и часто соседствуют со студийными портретами, сделанными двадцать лет спустя. Ева, очевидно, осталась довольна результатом, так как выбрала сотню лучших фотографий, сняла с них копии и вставила в пять обтянутых кожей альбомов с вытисненными инициалами ЕБ, которые подарила на Рождество 1941 года нескольким ближайшим друзьям.

По тому, как вставлены фотографии, можно многое узнать о характере Евы, особенно о ее неспособности сосредоточиться и действовать упорядоченно. Раз уж ей так нравилось вести хронику своей жизни, почему она делала это спустя рукава? Многие фотографии продублированы и встречаются в разных альбомах, некоторые вырваны (не обязательно Евой, оригиналы альбомов прошли через множество рук, далеко не всегда аккуратных). Расположены снимки так небрежно, будто ей было недосуг сперва их рассортировать или вставить в определенном порядке. В итоге они представляют собой неоконченную мозаику, сложить которую исследователю не так-то просто.

Большинство к тому же не подписаны, и в NARA не потрудились это исправить, так что датировать их приходится, основываясь на различных деталях, таких, как стрижка Евы, длина и цвет волос и т. д. Что касается подписанных фотографий, десять процентов подписей напечатаны на двух разных машинках, крупный шрифт одной похож на

используемый в официальных или военных документах. Остальные сделаны от руки тремя или четырьмя людьми (возможно, ее мать или педантичная подруга Герта настаивали на добавлении какой-то информации), но большинство — витиеватым женственным почерком Евы. Еще усложняет дело то, что многие подписи сделаны белым карандашом, чтобы на черном картоне, к которому прикреплены фотографии, их удобнее было читать. Но карандаш осыпался, оставив бледный расплывчатый отпечаток, с трудом поддающийся расшифровке. Несколько надписей черными чернилами (Фанни?) на удивление разборчивы. Раз или два появляется сильная, размашистая мужская рука. (Мог ли это быть Фритц? Уж точно не склеротичный почерк Гитлера.) Сложнее всего те, что написаны старогерманским готическим шрифтом, его без специальных навыков не разобрать. Это, должно быть, сама Ева: почерк тот же, что в дневнике.

Я долго ломала голову над словом, начертанным архаическими символами и выглядевшим как *Bnilurginb*. Оно обрело смысл, когда я пару месяцев спустя провела несколько дней в обществе Гертрауд, кузины Евы. Отправляясь к ней в августе 2004 года, я захватила с собой несколько фотокопий из NARA, чтобы показать той, кому знакомы многие места и лица из детства Евы. Фрау Вейскер легко прочитала подпись готическим шрифтом под фотографией массивного трехэтажного дома в альбоме №31: «Дедушкин дом в Байльнгрисе» (*Grossvaters Haus in Beilngries*, 1925). «Я помню этот дом, — сказала она. — Мы часто оставались там во время семейных сборищ, когда я была маленькая». На той же странице находился очаровательный снимок старой дамы, кормящей кур, тоже подписанный сложным угловатым шрифтом: «1925 г.: Бабушка кормит кур» (*Grossmutter beim Hühner füttern*). Это была Йозефа Кронбургер, мать Фанни. Тот же аристократический римский профиль.

Фрау Вейскер никогда раньше не видела этой фотографии. (Ей было два года в ту пору.) «Моя бабушка!» — воскликнула она, проникая взглядом сквозь три поколения. Ей восемьдесят один год, она прожила дольше, чем ее давно покойная *Ома*. Семидесятичетырехлетняя женщина на фотографии являла собой классическое воплощение старости, как мы ее себе представляем: дородная, седая, одетая во все черное. Гертрауд, ее внучка, выглядела на десятки лет моложе. За спиной Йозефы стояла одна из ее пяти дочерей, но которая? «*Tante Anni*», — твердо произнесла Гертрауд. Постепенно шрифт стал помогать мне распознавать и датировать фотографии, а фотографии иногда давали подсказки к шрифту. Дело продвигалось медленно. Неудивительно, что в NARA даже не пытались как следует каталогизировать альбомы и снабдить подробными комментариями.

Ранний интерес к фотографии в Еве пробудило тщеславие. Едва научившись ходить, она уже обожала объектив. Ни одно празднование Масленицы или Нового года не обходилось без Евы Браун, позирующей в очередном новом наряде, запечатленной на черно-белой пленке для грядущих поколений. На иных снимках к ней прижимается маленькая сестренка Гретль в миниатюрных копиях платьев Евы. Ева тискает домашних любимцев семьи: котят, кроликов, птичек. Фотографии не показывают ее занятой серьезным делом вроде уроков или чтения, кроме одной, где она позирует с раскрытой на коленях книгой, демонстрируя свои ноги. Ее сущность светится сквозь эти образы. Тщеславная, сентиментальная, эгоцентричная и поверхностная — типичная маленькая девочка.

В подростковом возрасте Ева получила собственный фотоаппарат — вероятно, простенькую модель *Agfa*. Теперь ей не нужно было кого-то просить, она могла фотографироваться сама. Она научилась позировать перед зеркалом,

поставив затвор объектива на автоматический режим. За годы отрочества (1925–1931) она снимала себя, свою семью, своих толкающихся и хихикающих одноклассниц. Ева никому не уступала места в центре групповых фотографий, снятых во время турпоходов по выходным с отцом и его учениками и на пикниках с родителями и сестрами. Эти ранние моментальные снимки дают ясное представление об очень несхожих характерах трех дочерей Браун. Ильзе редко улыбается. Даже в детстве вид у нее важный, озабоченный и слегка неодобрительный. Ева флиртует с объективом, Гретль следует за ней восхищенной тенью. Какое бы скрытое напряжение между ними ни существовало, на фотографиях семья выглядит крепкой и любящей, и роль каждого в ней четко определена. Фритц со своей яйцеобразной лысиной производит впечатление сурового отца, которому больше подошла бы тройка мальчишек, Фанни – гордой родительницы, успокаивающей его и дочерей ласковой материнской улыбкой.

Ателье Гофмана, где Ева продолжала работать, не только занималось проявкой пленок и изготовлением портретов на заказ, но и продавало фотокамеры и прочее оборудование. Так что она была знакома с ассортиментом и как служащая, вероятно, получала скидку на все, что покупала для себя. Она быстро оставила позади простейшие модели, позволяющие делать только маленькие фотографии 5×4 см на пленке типа 120, и перешла сначала на более крупные и сложные с квадратными девятисантиметровыми кадрами, а затем и на совсем большие аппараты, позволявшие делать прямоугольные снимки размером 14×10,5 см. Позже, когда покупки уже оплачивал Гитлер, Гофман лично давал рекомендации и обеспечивал Еву оборудованием высшего качества. Она всегда использовала самую лучшую пленку, новейшие разработки *Agfa*, предназначенные для профессионалов, поэтому ее фотографии не выцвели и не

пострадали от времени, как произошло бы с более дешевым материалом. В середине тридцатых Гитлер подарил ей великолепный двухобъективный «Роллейфлекс», который через несколько лет стал пользоваться спросом во всем мире благодаря своим расширенным функциям и превосходному качеству снимков. Он весил почти два фунта — еще больше в тяжелом кожаном футляре — и был снабжен затвором со скоростью 1/500 и объективом Цейсс-Тессар. Его выпускала брауншвейгская компания *Franke&Heidecke.* Каждая пленка 120 в формате B2 рассчитана на двенадцать маленьких квадратных кадров (5,5×5,5 см), которые после увеличения давали безупречно чистые, четкие фотографии. Благодаря этому «Роллейфлексу», самому современному из всех ее аппаратов, Ева превратилась из обыкновенного любителя в опытного фотографа. Расплывчатые снимки сменились постановочными кадрами с сильными, оригинальными образами и художественным использованием света и тени. Когда в Еве просыпались творческие амбиции, она фотографировала наиболее значимые для нее сцены: запорошенные снегом сосновые леса на горных склонах, мерцающие воды Кёнигзее, отражающийся в воде берег, маленьких дочек Герты, радостно бегающих по цветочному лугу. При желании она могла бы сделать карьеру профессионального фотографа.

Ева не всегда снимала сама. Если ей нужен был студийный портрет, к ее услугам были лучшие специалисты — и не только Гофман. К концу тридцатых она устала от его хамского поведения и покровительственных манер (он продолжал обращаться с ней как с молоденькой ассистенткой) и отправилась на поиски других, более компетентных фотографов, способных создать ей новый лестный облик. Наибольший успех имел Вальтер Френтц, ведущий оператор фильмов Лени Рифеншталь и в то же время, что необычно, фотограф-портретист. Он точно знал, что ей

нужно, и сделал ряд нежных, излучающих сияние портретов. Ему очень нравилась Ева. Похоже, он знал о ее сложных отношениях с Гитлером и вытекающих из них проблемах, заставлявших ее искать утешения в иллюзорном мире кино. Она изучала модные журналы и прилагала немало усилий, рафинируя свой имидж, делая прическу и макияж перед каждой фотосессией и позируя в сногсшибательных платьях. (Особенно любимое ею вечернее платье до пола из клиньев белого рубчатого атласа подчеркивало ее стройную фигуру и плоский живот.) Поводом для этих сессий часто являлась необходимость сделать фюреру подарок на день рождения. Он имел аскетические вкусы и ни в чем не нуждался. Что можно подарить такому человеку? Символически Ева снова и снова дарила себя, часто в белом — с прозрачным намеком.

В Бергхофе она то и дело пыталась поймать Гитлера в удачном ракурсе, но он остерегался фотографироваться в неформальной обстановке. Он предпочитал устоявшийся образ, который мог контролировать: в театральной позе, с выгодным освещением. Альфонс Шульц, работавший телефонистом в Бергхофе с середины тридцатых, замечал, что он редко и с большой неохотой глядел в объектив Евы. Траудль Юнге, принятая на службу в 1942 году (в возрасте двадцати двух лет — последняя и самая молодая секретарша Гитлера), вспоминала в своих мемуарах:

> Она часто выходила с фотоаппаратом или кинокамерой и пыталась уговорить Гитлера позировать ей. Она была единственным человеком, кому разрешалось фотографировать его, но получить спонтанные, естественные кадры стоило немалого труда. Он хотел, чтобы его снимали ненавязчиво, как будто он об этом не знает, но когда светило солнце, он надвигал шляпу на глаза и нипочем не соглашался снять ее, потому что яркий свет его ослеплял. Или наде-

вал солнечные очки. Но Ева вкладывала столько терпения и мастерства в свою страсть к фотографии, что ей часто удавались хорошие снимки, вопреки его сопротивлению... лучше даже, чем у ее прежнего начальника и учителя Генриха Гофмана.

Иной раз на фотографиях, снятых другими людьми, Ева, смеясь, упрашивает его, и порой он ненадолго поддается. Но все равно только несколько фотографий изображают их вдвоем. Они воспроизводились в бессчетном количестве, создавая ложное впечатление их открытой близости на публике. На самом же деле от соблюдаемой им дистанции и его поведения с ней веяло подчас оскорбительной холодностью. На террасе Бергхофа — которая была и ее территорией тоже — он проявляет преувеличенную почтительность к Еве, одетой в полудетский костюмчик «дирндль». Ее руки сложены за спиной, как у послушной маленькой девочки, щиколотки нервно скрещены. По их позам никто бы не догадался, что они любовники. Первые шесть лет их отношений она жила под пятой Гитлера — бесконечно податливая семнадцатилетняя барышня. Если на какой фотографии они и оказывались вместе, то на ней ставился штамп НЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ — запрет, который ни одна немецкая газета не осмелилась бы нарушить. Ева не только не была знаменитостью — ее имени просто не существовало. За пределами Бергхофа ее практически никто не узнавал. Продавцам и посетителям магазинов в Берхтесгадене или в Мюнхене она казалась просто еще одной хорошенькой девушкой, разве что одетой лучше других. Ее работодатель и ее любовник совместными усилиями позаботились о том, чтобы сделать ее безликой, скрыть ее существование от внешнего мира.

Но с тех пор, как Еве исполнилось двадцать, не проходило и недели, чтобы она не сфотографировалась. Малей-

шее увеличение ее плоского живота было бы тут же замечено и подхвачено сплетнями. Я рассматривала ее через увеличительное стекло, особенно те снимки, где она в купальнике, с начала тридцатых по 1942 год, когда она регулярно спала с Гитлером, и не обнаружила никаких признаков беременности. Отсутствие каких-либо изменений в ее фигуре не является доказательством, но позволяет с достаточной степенью уверенности сбросить со счетов фантастические истории о ребенке, появляющемся через много лет после войны.

Постепенно вырисовываются *dramatis personae*[1], оживлявшие монотонную рутину ее жизни. Гретль, конечно (она очень похожа на Еву, и часто подписи под их фотографиями перепутаны, но у Гретль были темные волосы — она никогда их не осветляла — и более круглые глаза), их мать Фанни (острый подбородок, собранные в высокую прическу волосы, орлиный нос) и отец Фритц: странно видеть его в Бергхофе, он ведь категорически не одобрял связь Гитлера с его дочерью. Полный молодой человек с круглым лицом и блестящими от бриолина темными волосами — сын Гофмана Хайни. Он появляется на многих фотографиях, а один его портрет даже надписан «*Gretl, von Dein...* [неразборчиво] *13.8 Grüss und Küss, Heini*» («Гретль, от твоего... Люблю, целую, Хайни»). Быть может, мимолетный роман? Гретль, очень хорошенькая, с отличной фигурой, была немного простовата, но ужасная кокетка. Хайни наверняка был не единственным ее поклонником. Весной 1943 года она и Мартин Борман, похоже, испытывали взаимное влечение, но неизвестно, вышло ли у них что-нибудь. Маловероятно. Ева встала бы насмерть, чтобы не допустить этого, а Борман мог опасаться реакции Гитлера. Но Анна Плайм, горничная Евы, отчетливо помнит, как они, подвыпив,

1 Действующие лица (*лат.*).

танцевали на вечеринке, сплетясь в объятиях. Надо отметить, что Евы там не было.

Часто видна на фотографиях коренастая фигура Мартина Бормана. Бдительным стражем он маячит на заднем плане всякий раз, когда Гитлер находится в резиденции. Высокий, аристократичный Альберт Шпеер редко приезжал в гости, и в альбоме Евы очень мало его снимков, хотя позже он стал одним из немногих людей в Бергхофе, кому она симпатизировала и доверяла. Шпеер со своей семьей занимал сравнительно скромный дом на окраине Оберзальцберга, однако, испытывая неприязнь к заискивающей перед Гитлером толпе, брезгливо держался в стороне от подхалимов и нахлебников. На фотографиях с Гитлером он никогда не ухмыляется, не пригибается, не извивается подобострастно. По их жестам и выражению лиц видно, что они общаются на равных...

Один раз в самом углу можно разглядеть Йозефа Геббельса, косолапого, тощего, похожего на ящерицу человечка, — министра пропаганды и неуемного распутника. Его жена Магда редко позирует, разве что в роли образцовой немецкой матери со своим выводком безупречно одетых белокурых детишек — девочки с туго заплетенными косичками, мальчики аккуратно причесаны, — играющих под присмотром нянь в униформе. Примерно каждая шестая фотография Евы снята на веранде. Кроме того, она начала делать цветные снимки: подстилки и подушки шезлонгов в синюю полоску живописно контрастируют с красными зонтами, защищавшими компанию от летнего солнца. На заднем плане всегда накрыты столы — чай, кофе, пирожные. Стройные светловолосые адъютанты вручают срочные бумаги, депеши, телеграммы, зовут кого-то к телефону, бесшумно скользя туда и обратно, лицедеи в изощренной социальной комедии, постоянно напоминающие о близости верховной власти.

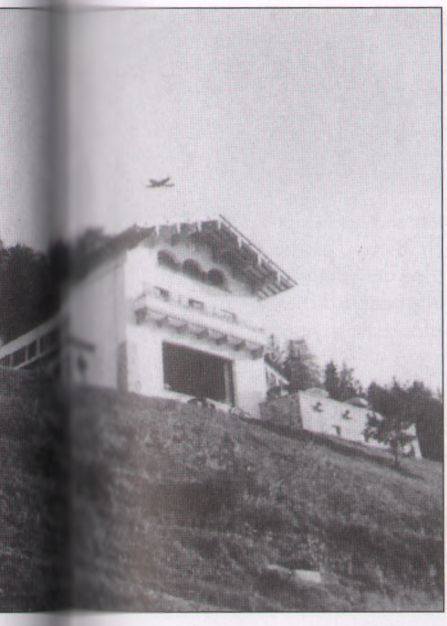
Подписи Евы в альбомах всегда сопровождаются восклицательным знаком, а иногда и ехидным или забавным замечанием. Возле портрета, который ей нравился, она написала: «*So lass mich halt!*» («Вот такой бы и остаться!»). Редкий снимок, где она обменивается рукопожатиями с Гитлером, она прокомментировала: «*...die kenn ich nämlich sehr gut!*», вкладывая в его уста слова «вообще-то я хорошо с ней знаком». Весьма красноречивая серия обнаружилась в альбоме №6. Несколько кадров, сделанных из окна ее спальни, показывают группу мужчин в униформе во время официального визита обаятельного молодого министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано в августе 1939 года. Рядом напечатано: «*Da oben gibt es verbotenes zu sehen – mich!*» («Наверх смотреть запрещено – здесь я!»). Через несколько снимков она добавляет: «*Order Fenster zu! Und was man daraus machen!*» («Приказ: окно закрыть! И вести себя прилично!»). Гитлер, должно быть, заметил, чем она занята, и послал кого-то сказать ей, чтобы закрыла окно и прекратила фотографировать. Из таких косвенных и осторожных комментариев напрашивается вывод о природе их отношений. От нее требовалось угождать Гитлеру («Она постоянно ждала его приказов», – вспоминает Гертрауд), а он держал ее в повиновении и зависимости, то тираня, то балуя. В иерархии привязанностей, которые действительно имели для него значение, она стояла намного ниже покойной Гели, ниже Шпеера и даже ниже его собаки Блонди. И она это знала.

С годами Ева изменилась. Чувствуется, что она больше не радуется жизни, а скучает, тоскует и испытывает неловкость в обществе желчных обитателей «Горы», как они окрестили свой анклав. Время проходило впустую. Беззаботное существование превратилось в тяжелый гнет. Запертая в «позолоченной клетке», Ева все более исступленно работала над своей внешностью. Только так она могла

Ева выезжает на велосипеде из ворот домика в тихом мюнхенском пригороде, подаренного ей Гитлером в конце 1935 года. Здесь он мог спокойно навещать ее. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Не прошло и года, как ей отвели также апартаменты рядом с комнатами Гитлера в преображенном и переименованном Бергхофе. В этом уголке ее спальни находился изящный туалетный столик, на котором лежали косметические принадлежности, стояли три зеркала разных размеров и портрет Гитлера. (NARA)

Эти снимки были сделаны Евой и подписаны «1936 — новый Бергхоф». На первой фотографии запечатлены работы по расширению и переустройству Хаус Вахенфельда — скромного шале, ставшего загородным домом Гитлера и вторым правительственным центром Германии. На просторной террасе проходила большая часть светской жизни фюрера и его ближайших сподвижников. (NARA)



Угол гостиной Евы Браун. На почетном месте висел ее любимый портрет Гитлера работы Теодора Боненбергера. (NARA)

В противоположном конце комнаты стоял ее письменный стол, над ним — еще один портрет Гитлера. Ева постоянно писала письма, но, к сожалению, лишь очень немногие из них сохранились до наших дней. Заманчивый диван, широкий и мягкий, на котором Ева и Гитлер отдыхали. За ним на полке — телефон (его номер нигде не значился) и несколько книг. (NARA)

Гитлер и его любимая овчарка Блонди опираются на деревянные перила, окружающие Чайный домик, любуясь восхитительной панорамой. (NARA)

Гитлер приветствует Еву натянутым формальным поклоном; она слегка приседает перед ним в реверансе. В течение первых десяти лет совместной жизни на людях они вели себя друг с другом безукоризненно официально. (NARA)

Здесь очень выразительны позы и жесты. Оба выглядят смущенными и напряженными. Гитлер стоит, скрестив руки на груди, будто готовый отпрянуть. Ева всем своим видом выражает почтительность и явно стесняется, как ребенок перед взрослым. Кажется, что они подчеркивают разделяющее их расстояние. Она одета в баварский национальный наряд «дирндль», который особенно ему нравился. (NARA)

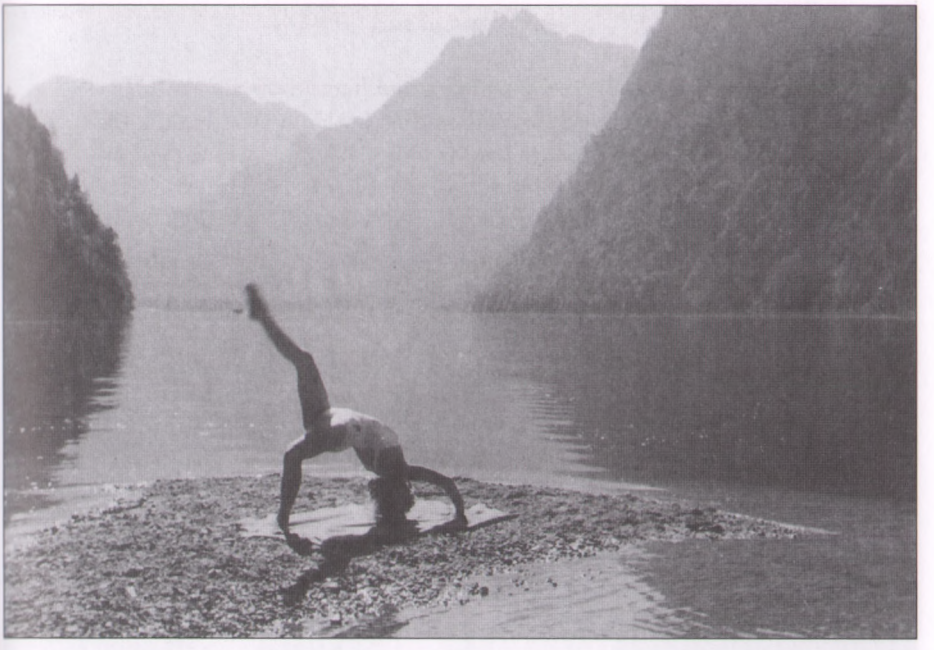
Ева и ее мать Франциска (Фанни). Портрет, должно быть, сделан после 1938 года, когда родители Евы уже смирились со связью дочери с Гитлером, хотя в их глазах связь эта все равно оставалась греховной. (NARA)

Ева и Гитлер пьют чай на баварском курорте Гармиш-Партенкирхен, предположительно в 1930-х годах. Судя по чьим-то рукам, виднеющимся слева, они были не одни — весьма необычно, что они сидят рядом и со столь непринужденным видом. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Когда Гитлера не было рядом, Ева скучала. Она постоянно искала возможности взбодриться, развлечься и похвастаться своей великолепной фигурой. Вот она дурачится в купальном костюме. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Ева загорает, теперь уже в другом купальнике. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

На сей раз Ева на террасе Бергхофа. На фотографиях, подобных этой, — а их бессчетное количество — по ее плоскому животу отчетливо видно, что Ева никогда не была беременна. (NARA)



Чтобы не терять форму и заполнить долгие часы разлуки с Гитлером, Ева занималась гимнастикой, пока не довела свое тело до абсолютного совершенства. (NARA)

Ева тренируется на своем любимом маленьком пляже на Кёнигзее неподалеку от Берхтесгадена. Те же сцены запечатлены и на кинопленке. (NARA)

Веселье и смех становятся принужденными и неестественными. Глаза и рот слишком широко раскрыты, чтобы служить выражением подлинных чувств. К тому времени — концу 1930-х — терраса и горы уже приелись. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

пытаться доказать, что достойна Гитлера. Она редко показывалась в одном и том же платье дважды, постоянно экспериментировала с прической и цветом волос. Она выглядит собранной и утонченной, но на нескольких снимках, заставших ее врасплох, лицо у нее грустное. Бесконечными тренировками она довела свое тело до совершенства, сделав его стройным, сильным и изящным. В эпоху, превозносившую здоровье и атлетизм, у Гитлера должно было быть только самое лучшее. Уже давно будучи отличной пловчихой, грациозной ныряльщицей и быстрой, уверенной лыжницей, она занималась гимнастикой часами, пока не достигла почти олимпийских стандартов. На пленке это видно лучше, чем на застывших в неподвижности фотографиях. Пока Гитлер пропадал в Берлине, Ева, используя любые попадающиеся под руку предметы — изгородь, ветви деревьев, — совершенствовала свое тело и подавляла либидо.

В июне 1936 года мои родители поженились. Их свадьба состоялась в Англии, а не в Германии, но никто из семьи Шрёдер не приехал на церемонию — может, потому, что только ее отец говорил по-английски, а может, потому, что их не пригласили. Последнее отнюдь не исключено. Английские родственники отца с самого начала не одобряли мою мать, поскольку она была немка. Они, должно быть, отличались редкостной нетерпимостью, раз попрекали его молодой невестой, без памяти влюбленной в него, — как и он в нее. Но предрассудки распространялись не на одних немцев, не ограничивались они и евреями. Когда разразилась война, наивность моей матери и ее политическое невежество — в этом она не уступала Еве, а то и превосходила ее — в сочетании с плохим знанием английского языка повлекли за собой пять горьких лет в положении жертвы предрассудков, одиночества и разлуки. Ее главным утешением было

то, что она выполнила свой долг немецкой женщины. Она вышла замуж и скоро собиралась стать матерью.

В 1937 году или, возможно, на свой день рождения в 1938 году — к этому времени она фотографировала Гитлера и Бергхоф уже семь лет — Ева получила шестнадцатимиллиметровую кинокамеру, снимающую на цветную пленку. Наверное, Гитлер подарил. Никто другой не мог себе позволить, да и не осмелился бы преподнести такой роскошный подарок. Она начала пользоваться ею немедленно и с большим энтузиазмом, достигнув вскоре заметных успехов как в съемке, так и в монтаже фильмов, — этим навыкам она у Гофмана не училась. Восемь получасовых пленок с ее любительским кино хранятся в обширной фильмотеке NARA, и есть еще дубликаты в Федеральном архиве Германии. Они рассказывают ту же историю, что и фотографии; иногда даже *точно* ту же самую, поскольку Ева часто делала ряд снимков, а потом возвращалась на то же место с кинокамерой. Комментарии NARA к пленке №6 демонстрируют монотонность сцен: «Ева и остальные отдыхают на террасе, входит Гитлер, обменивается рукопожатиями с дамами, мужчины отдают честь. Женщины сидят на террасе. Группа отправляется на прогулку. Сельские пейзажи. Дети рвут цветы». Подобные незамысловатые эпизоды повторяются снова и снова. Позже их будут показывать в домашнем кинотеатре Бергхофа: кинозвезда Ева перед аудиторией друзей и врагов.

Многие из ее фильмов сделаны в начале сороковых годов, когда она как следует овладела камерой и набралась амбиций. Когда не пыталась быть капризной и артистичной, она снимала дурачащихся людей. В разгаре съемки Ева вдруг выскакивает на экран, прижимается к подружкам, обнимает их, расталкивает хохочущих людей, чтобы плюхнуться посередине, насытиться их близостью, потом

вскакивает и убегает. Ее жесты и выражение лица утрированы, рот и глаза округляются в огромные «О» удивления, она наигранно кокетничает, дразнясь и надувая губки в шутливой обиде. Со временем участникам становилось все труднее делать вид, что им весело. Вот Ева вытирается после купания, к ней приближается молодой человек, набрасывается и пытается отнять полотенце. Она визжит и сопротивляется, но вся эта возня и толкотня выглядит на удивление невинно. Они играют, как дети, как Чаплин, суетливо и неуклюже. На вечеринках они пьют слишком много шампанского и ходят в дурацких шляпах; мужчины показывают простенькие фокусы, и женщины ахают в притворном изумлении. В этих фильмах люди не живут, а изображают жизнь. Как на развороте журнала о знаменитостях.

Что-то есть тревожное в этой маниакальной привычке снимать каждое незначительное событие, но если Еве было отказано в публичной славе, она намеревалась наверстать упущенное в частном порядке. Отрезанная от всего, к чему была привязана, она прилагала все усилия, чтобы обрести твердую почву под ногами. Несчастная жертва ревности, социального остракизма и отказа Гитлера открыто признать ее, она пыталась восстановить баланс, создавая красочную иллюзию своей жизни. Пропасть между видимостью и реальностью становилась все шире.

III

Фаворитка

Глава 12

Ева уходит из дома

Признав Еву своей официальной фавориткой в 1935 году после ее второй попытки самоубийства, Гитлер решил отныне обращаться с ней бережно и обеспечить всем необходимым. Многие пожилые мужчины обзаводились молоденькими любовницами, часто с ведома друзей (но не жен!), и общество судило их не по моральному облику, а по тому, насколько они щедры к девушкам. «Гитлер придавал огромное значение соблюдению приличий в Мюнхене», — сухо комментирует дядя Алоис. Через семь месяцев, снова используя Гофмана в качестве посредника, Гитлер купил в фешенебельном пригороде Богенхаузен скромный домик под номером 12 на Вассербургерштрассе для двух фрейлейн Браун, Евы и Гретль. 30 марта 1936 года документы были оформлены на имя Евы. Много лет спустя их кузина Гертрауд размышляла:

> Гитлер не пропустил мимо ушей крик о помощи, то ли оттого, что совесть у него была нечиста, то ли он и правда привязался к Еве. Он поспешил обеспечить ее собственным жилищем, подальше от родителей и от опутывающих ее семейных уз. Это означало, что он может лучше контролировать ее даже в свое отсутствие. А для компании и утешения он разрешил ее младшей сестре тоже поселиться в новом доме.

Дом представлял собой типичную загородную виллу, незатейливо оштукатуренную коробку, как и все дома

в Богенхаузене. Но он находился недалеко от квартиры Гитлера и ничем не выделялся, гарантируя анонимность. Горничная прилагалась — он мог позволить себе баловать свою новую любовницу. Площадь домика составляла всего 80 квадратных метров, зато он был красиво обставлен, в нем даже висели несколько весьма приличных картин, конфискованных у музеев. Ева имела в своем распоряжении фарфоровый обеденный сервиз с голубыми цветочками на восемь персон и современно оборудованную кухню, все за счет Гитлера. Из прихожей дверь открывалась в гостиную, из которой, в свою очередь, одна дверь вела в сад, а другая — в крошечную кухню и еще меньшую комнатку для прислуги. Справа от входа располагалась еще одна гостиная, где висело несколько портретов Гитлера с ласковыми подписями для Евы и Гретль, и столовая. Наверху каждая девушка занимала по отдельной спальне, а ванная комната у них была одна на двоих. Спальня Евы переливалась оттенками синего, двухместная кровать обита бледно-голубым сатином в полосочку и застелена дорогим бельем с вышитыми инициалами ЕВ. На стене возле кровати висел телефон с прямыми линиями, помеченными «Берлин» и «Вахенфельд» (первоначальное название домика Гитлера в Оберзальцберге).

Разумеется, она получила просторный гардероб и мягкие коробки, обшитые стеганым атласом, для чулок и белья. Длинный туалетный столик с зеркалом был уставлен ее любимой косметикой от Элизабет Арден и хрустальными флаконами дорогих французских духов. (Гитлер мог не одобрять искусственности в среднестатистической немецкой женщине, но потакал слабости своей любовницы к шикарной косметике.) Интересно, что на верхней полке гардероба Ева держала мешочек с банными принадлежностями. Видимо, она полагалась на простой, хотя и не очень надежный способ контрацепции: мыться после секса те-

плой водой с уксусом. В ванной стояла аптечка с обычным набором лекарств от простуды и ангины, запасом снотворных пилюль и средствами от «женских проблем». Менструации у Евы проходили тяжело и болезненно, и она вечно искала эффективные болеутоляющие. В подвале, пока его по настоянию Гитлера не превратили в бомбоубежище, хранились ящики с превосходным вином разных сортов.

Комнаты были небольшие, но Еве домик нравился. Она называла его «мой милый маленький *Браунхаус*». Главное его достоинство, с точки зрения Гитлера, составляла высокая глухая стена, окружающая сад в 800 квадратных метров. Стена гарантировала Еве (а при необходимости и ему) полное уединение. Он подарил ей сторожевую собаку, бультерьера по кличке Бласко. Но Бласко был злобный и непредсказуемый, никто его особенно не любил, и прожил он недолго. За ним настала очередь двух скотчтерьеров. Сначала черный Негус, которого Гитлер подарил Еве, вероятно, в конце 1935 года. Она потом купила ему подружку, сучку Штази. Собаки привязались к хозяйке и следовали за ней преданной тенью. Ева любила их не меньше, чем Гитлер свою эльзасскую овчарку Блонди. Она воспитывала и ласкала их, выводила гулять и находила утешение в их неизменном присутствии у ее ног. Она звала их своими «малышами», найдя в них столь необходимую отдушину для эмоций, хотя было бы чрезмерным упрощением думать, что они заменили ей детей. Позже они стали актерами в изощренных играх, в которые она играла с Гитлером. В качестве подарка на новоселье Гитлер презентовал ей элегантный черный «мерседес», с номерным знаком IIA-525000 и шофером господином Юнгом в придачу. Самая радостная новость: Ева получила возможность не ходить каждый день на скучную работу в фотоателье Гофмана, где она трудилась с октября 1929 года. Гофман объяснял: «Из практических соображений она так и оставалась моей слу-

жащей, но когда Гитлер находился в Оберзальцберге, я давал ей отпуск для поездки в Бергхоф. Когда ввели обязательную трудовую повинность для женщин, она числилась на моем предприятии». Ева время от времени появлялась в студии вплоть до 1945 года. Борман выдавал ей карманные деньги в размере якобы получаемой ею зарплаты: 450 имперских марок в месяц.

Их соседи в фешенебельном пригороде скоро вычислили, кто эти две молодые женщины, хотя Ева никогда не пыталась с ними знакомиться, а Гитлер, панически боявшийся огласки, посещал домик не иначе как приняв чрезвычайные меры безопасности. Когда он бывал в Мюнхене и хотел повидаться с ней, то приезжал — часто без предупреждения, — выскакивал из машины и быстро проходил по тропинке к входной двери. Отряд телохранителей ждал за углом. Ева угощала его чаем, после чего они, наверное, занимались любовью. Он никогда не оставался на ночь.

Как бы ни был щедр Гитлер, купив любовнице собственный дом, перенапряжение и заботы не позволяли ему наведываться к ней чаще двух-трех раз в месяц, а в выходные в Бергхофе он тоже больше работал, чем отдыхал. Настали переломные годы, когда он тайно руководил осторожным, но неуклонным воплощением тайных замыслов партии. В грядущем сентябре на нюрнбергском съезде предстояло обнародовать Нюрнбергские законы: призыв нацистов к «расовой чистоте», предназначенный вывести с лица Германии генетические и расовые «пятна». Впервые со времен феодализма человечество вновь делилось на два сорта. Чистая арийская родословная ставилась превыше всего. (Гитлер тщательнейшим образом проверил генеалогическое древо Евы на предмет еврейских предков.)

Когда Гитлеру необходимо было отдохнуть от государственных дел, он удалялся в горный Оберзальцберг, вдохновлявший его мечту о священном германском на-

роде. В 1932 году он решил не арендовать более Хаус Вахенфельд, как предыдущие четыре года, но выкупить его полностью. Мартин Борман и Рудольф Гесс, совместно управлявшие личными финансами Гитлера, вынудили хозяйку Маргарете Винтер, а заодно и семью Шюстер, владевшую гостиницей *Gasthof zum Türken*, против воли продать свою собственность. Сделки состоялись где-то между сентябрем и ноябрем 1932 года после долгих и весьма настойчивых уговоров. Более шестидесяти лет спустя фрау Шюстер со слезами на глазах вспоминала, как ее мать рыдала при отъезде. За шале Гитлер заплатил скромную сумму в 48 000 золотых марок (в веймарской валюте) — не из своего кармана, хотя гонорары с продаж «Майн Кампф» сделали его богатым человеком. Как всегда, он переложил все связанные с покупкой хлопоты на Бормана.

Борман, как и Генрих Гофман, играл немаловажную роль в жизни Евы, особенно когда она переехала жить в Бергхоф. Подобно большинству приближенных Гитлера, она терпеть его не могла за коварные манипуляции, упорное стремление монополизировать фюрера и железный контроль над резиденцией в Оберзальцберге, которой он управлял с эффективностью часового механизма. Между ними возникло тайное соперничество — по крайней мере, оно держалось в тайне от фюрера, — но Ева всегда знала, что в крайнем случае Гитлер встанет на сторону своего «самого верного партийного товарища», которому он безгранично доверял. Она никогда не шла на риск открытого конфликта.

Мартин Борман был непростым человеком простого происхождения. Его отец, отставной старшина Прусского армейского полка (отсюда, возможно, одержимость сына дисциплиной и порядком), стал впоследствии почтовым служащим. Юный Борман бросил школу и нанялся на сельскохозяйственные работы. Как и многим сподвижникам

Гитлера, Первая мировая война (он служил каноником в полку полевой артиллерии) дала ему шанс подняться над своими провинциальными корнями. В 1925 году он вступил в НСДАП и к 1928 году уже был ее финансовым управляющим, распоряжавшимся значительной частью фондов. В тот год Борман и познакомился с Гитлером, так что он не входил в число тех «старых верных» товарищей, которые состояли в партии с самого начала. Он стал депутатом от национал-социалистов в рейхстаге, а в июле 1933 года — главой кабинета заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса (одного из самых первых последователей Гитлера). Превосходные организационные и бюрократические способности Бормана склонили Гитлера к решению возложить на него непомерную ответственность за финансы партии и свое личное состояние, а также поручить ему покупку Бергхофа и управление резиденцией. Путци Ганфштенгль привел очень точную метафору, говоря, что он «слизывал желания с губ хозяина и пролаивал их в форме приказа».

Борман, помимо прочего, выдавал деньги Еве, и хотя по приказу Гитлера ей было назначено щедрое содержание, она всегда помнила, что оно достается ей не напрямую от любовника, а косвенно — через ненавистного соперника. Борман неустанно третировал ее, заставляя ощущать свою зависимость, поскольку он оплачивает все ее счета. Должно быть, она испытывала чудовищное унижение от того, что приходится обращаться с просьбой *к Борману* всякий раз, когда нужны деньги на парикмахера или маникюршу.

Никто в ближайшем окружении Гитлера и не заметил толком, как Борман поднялся до контроля над средствами верховных вождей партии. Вид у него был неказистый: приземистый, толстый, некрасивый. Из-за грубых манер и некультурности его сильно недооценивали Геринг, который воображал себя знатоком искусства и вел королевский образ жизни, и ему подобные. Немногословный и подо-

бострастный в присутствии своего начальника, властный и высокомерный за его спиной, Борман втерся в доверие к Гитлеру настолько, что встал впереди всей его упряжки. На публике заискивал перед соперниками, разыгрывая добродушие и миролюбие, а сам исподволь плел интриги, чтобы подорвать их положение. Когда они наконец осознали масштабы его власти, его уже было не вытеснить. Он стал правой рукой фюрера и контролировал доступ к нему. Репутация новичков зависела от него. Грозный противник, он возмущался ролью Евы в Бергхофе и вечно строил козни, чтобы от нее избавиться. Неудивительно, что они ненавидели друг друга — но молча. Гитлер не потерпел бы открытой вражды.

Заполучив Хаус Вахенфельд, Гитлер решил, что его надо расширить и переоборудовать, сделав более подходящим для приема важных персон и высокопоставленных иностранных гостей. Дому предстояло стать гораздо больше, чем местом загородного отдыха: центром правительственных и военных операций. Это решение повлекло за собой лавину покупок среди его сподвижников. Каждый рвался превзойти остальных в величине дома и живописности владений. Конкурс без труда выиграл Геринг, сколотивший огромное состояние на награбленной недвижимости и предметах искусства. Жилище Гитлера было намного скромнее, о чем он прекрасно знал и даже подшучивал над Герингом. Когда гость хвалил Бергхоф, он говорил: «Мой Бергхоф, конечно, не сравнится с Каринхалль [главная резиденция Геринга в Шорфхайде, к северу от Берлина. На самом деле Бергхофу было далеко и до его громадного помпезного дома в Оберзальцберге]. Там он мог бы служить разве что домиком для садовника». Как и Сталин, Гитлер предпочитал простые, даже аскетичные помещения, когда речь шла о его собственном доме. Он позволял своим ставленникам купаться в роскоши, но сам относился к ней равнодушно.

Преобразованием Оберзальцберга занимался Борман, не упускавший возможности расширить сферу своего влияния и угодить фюреру. С 1935 по 1940 год он провел пятьдесят две спецоперации по конфискации домов, ферм, земель и лесов, бесцеремонно вытесняя владельцев. Всего он приобрел 600 акров леса и 200 акров пахотной земли. За пять лет больше четырехсот человек — в основном крестьяне, жившие там веками, — были изгнаны из своих домов, чтобы нацисты могли устроиться поудобнее. Тем, кто отказывался продавать, угрожали переселением в близлежащий Дахау, и порой их действительно туда отправляли. Не обремененный совестью Борман брал, что хотел, обращая старую земледельческую деревню в цитадель. Участки и здания Оберзальцберга обошлись нацистской партии примерно в шесть миллионов рейхсмарок или чуть больше. Чтобы обеспечить фюреру как можно лучшую панораму, вырубались деревья, сносились дома. В 1936 году Борман со своей семьей поселился в одном из лучших шале, предугадывая скорое превращение Оберзальцберга во второй оперативный штаб Гитлера и желая быть под рукой у вождя, когда это произойдет. Через десять лет после того, как Гитлер впервые арендовал Хаус Вахенфельд (в 1928 году), маленькая деревушка была полностью аннексирована и предоставлена в его личное распоряжение. Доказательством наивности Гитлера в денежных делах и его полного доверия к своему ближайшему подручному служит тот факт, что он почти наверняка так никогда и не обнаружил, что все, кроме самого Бергхофа, было куплено на имя Мартина Бормана, так что к 1939 году Борман единолично владел всей деревней.

Окруженный охраной и высокими заборами, притаившийся среди сосновых аллей, под которыми лежал Берхтесгаден, а дальше на запад — ледяное озеро Кёнигзее, Оберзальцберг стал военным лагерем и оплотом национал-

социализма. Здесь были и казармы, и гауптвахта СС, и помещения для сотрудников службы безопасности, и спортивный зал с боксерским рингом, и полигон для стрельбы, а также больница для тяжело раненных офицеров вермахта, радиостанция, три телефонных узла и почта, не говоря уже о Чайном домике, детском саде, школе и театре. Даже еду обитателям поставляла образцовая ферма (бывшая усадьба), в парниках которой круглый год выращивались фрукты и овощи. Все служило на благо фюреру, черному пауку в центре паутины офицеров, адъютантов, солдат, охранников, секретарей («прикрытие» Евы вынуждало ее притворяться одной из них), поваров, экономок, горничных и гостей. Теперь Оберзальцберг действительно являлся вторым оперативным штабом Гитлера после Берлина. Помимо обычного размещения, под квартиры для СС была оборудована еще и гостиница *Gasthof zum Türken*. В течение следующих восьми лет будущее Германии и ее сорокапятимиллионного населения, а также судьба половины Европы определялись в этом новом монументальном городе Гитлера на фоне изломов альпийских скал. Гитлер как-то сказал одному гостю: «Здесь вызревают мои думы».

Ева надеялась на уединенное гнездышко для двоих и не испытывала ни малейшего желания жить среди занудных и назойливых политиков, а тем более в центре военного штаба. Ей гораздо милее был старенький уютный Хаус Вахенфельд, но когда Гитлер закончил ремонт, домик вырос чуть ли не втрое и сделался практически неузнаваем. Гитлер сам себя назначил архитектором проекта, по завершении коего Шпеер хладнокровно заметил (в отсутствие фюрера): «Получилось не хорошо, но, правда, и не плохо». Возможно, фюрер намеревался сохранить уютную атмосферу первоначального баварского шале, но внесенные изменения похоронили эту идею. В итоге стоимость полностью перестроенного Бергхофа составила 175 660

рейхсмарок, что равняется семистам тысячам английских фунтов в современных деньгах.

Помимо нового крыла и подземного гаража на восточной стороне, в главном доме было устроено огромное приемное помещение, известное как Большой зал. Оно выглядело как зал нибелунгов с мебелью гостиницы для коммерсантов. Широкие мягкие диваны и гигантские кресла, обитые узорчатым плюшем, громоздились в тяжеловесной неподвижности. Из самого большого окна, когда-либо сделанного из цельного куска стекла, открывался вид на Унтерсберг, Берхтесгаден внизу в долине и, в солнечные дни, на Зальцбург. Мраморный камин, персидские ковры и гобелены придавали залу помпезный вид. Помещение сочетало в себе противоречащие друг другу эстетические устремления и личные вкусы Гитлера. За невзрачным, но ценным гобеленом скрывался экран, который выдвигался нажатием кнопки, превращая зал в домашний кинотеатр. Здесь Гитлер смотрел свои любимые фильмы: «Кинг Конг», «Белоснежка и семь гномов» (кстати, обожал насвистывать «Нам не страшен серый волк» из «Трех поросят»), «Дела и дни бенгальского улана» и, как ни странно, «Метрополис». Особую слабость он испытывал к фильмам с Марлен Дитрих — видимо, ему нравилось смотреть на ее ноги. Иногда, по словам Герберта Дёринга, который позже стал управляющим Бергхофа, за вечер показывали два фильма.

Стол в обеденном зале был рассчитан на шестнадцать человек. Гостиная утратила атмосферу уюта и стала «...большой, величественной и монументальной, как все, что строил Гитлер, но холодной. Комната была слишком велика, а люди — слишком малы, чтобы ее заполнить». Хотя Гитлер строил из себя великого знатока музыки, в Большом зале никогда не проводились камерные концерты. Он предпочитал слушать подборку своих любимых пластинок:

отрывки из опер Вагнера, одну-две темы из Седьмой симфонии Брукнера, несколько сочинений Моцарта. В жанре оперетты он выбирал арии из «Веселой вдовы» и «Летучей мыши», а в более серьезном — любимые отрывки из пламенных «Богемы», «Мадам Баттерфляй» Пуччини, «Аиды» Верди и «Вольного стрелка» Вебера.

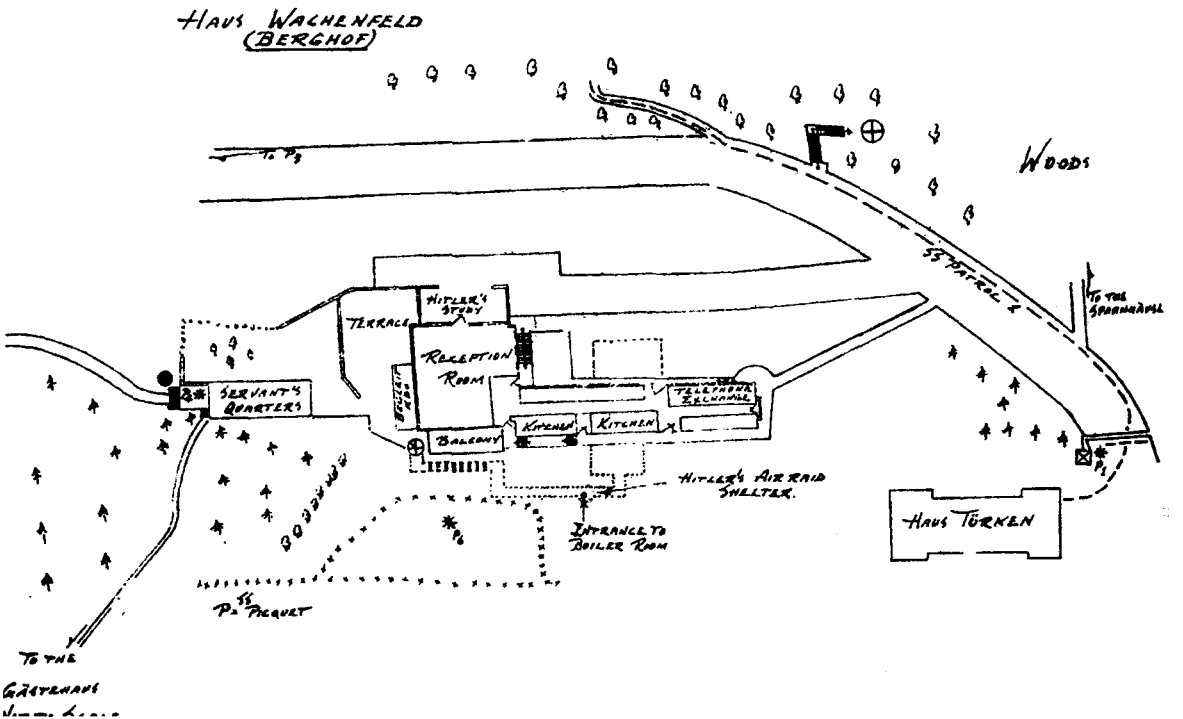
Теперь Гитлер имел в своем распоряжении тридцать комнат (десять из них — спальни), выходящих в широкие коридоры, уставленные полками с книгами — обтянутые кожей издания классиков, которые редко кто открывал, — и просторный, внушительный рабочий кабинет с необъятным письменным столом. Комнаты освещались безобразными канделябрами и были увешаны безобразными картинами, каковые вернее всего можно определить как школу «нацистского реализма». В отличие от Геринга, который «конфисковывал» — то есть крал — понравившиеся полотна, Гитлер приобретал свои произведения искусства относительно честным путем. Начиная с 1941 года многие он покупал у Марии Альмас-Дитрих, торговавшей произведениями искусства. Она была на четверть еврейкой, но этого Гитлер, конечно, не знал.

К середине 1936 года обслуживающий персонал Бергхофа признал Еву, хотя она не принимала участия в торжественных и официальных мероприятиях. Гитлер поощрял ее приглашать в гости друзей — больше никому в Оберзальцберге такое не позволялось, — и холодные помпезные залы наполнялись молодыми людьми, привносившими легкость и веселье в его жизнь. А еще Ева решила, что ему самое время заняться физической культурой. Фюрер начинал уже выглядеть как флегматичный пожилой господин, даже брюшко отрастил. Это не годилось для спасителя Германии, ее полновластного хозяина, защитника и первого государственного лица. Его надо было заставлять ходить на прогулки. Гитлер ни разу не взбирался ни на одну

приличную гору, зато любил обозревать величественные пейзажи. Хотя нацистский режим превозносил здоровый и активный образ жизни, фюрер был невероятно ленив. Только на пропагандистских фотографиях Гофмана он принимал мужественные позы на фоне поленницы, иногда даже в спортивных кожаных штанах и баварском крестьянском костюме. На самом же деле никто никогда не видел, чтобы он рубил дрова.

С 1933 года нацистская партия под руководством злого гения Йозефа Геббельса неуклонно превращала своего вождя и его идеологию в апокалиптический культ, требующий непоколебимой преданности от последователей, — своего рода государственную «контррелигию», дающую исчерпывающие объяснения прошлого, настоящего и будущего. Они рисовали в облаках картины возрожденного Отечества, которое ведут за собой герои и вдохновляют мученики (головорезы, погибшие во время Пивного путча 1923 года, и молодые бандиты вроде Хорста Весселя, убитого в 1930 году), обеспечивая верным адептам партии иконографию и кумиров, олицетворяющих их мечты. От тех, кто угрожал их единству, избавлялись. 30 июня 1934 года нацисты под личным руководством Гитлера провели путч Рёма с целью предотвращения переворота, который планировали начальник штаба СА Эрнст Рём и его радикальные соратники. Были казнены несколько лидеров СА, включая самого Рёма — давнишнего последователя партии, одного из четверых мужчин, называвших Гитлера по имени и на «ты». Гитлер собственноручно арестовал его и сорвал ордена. Заговорщиков расстреляли первого июля 1934 года.

Под прикрытием доктрин, превозносящих «расовую чистоту», нацисты искажали язык, с помощью блестящих метафор оправдывали отправку «недочеловеков», «загрязняющих» арийскую расу, в лагеря, психиатрические



Карта Бергхофа, составленная англичанами на основании разведданных при подготовке «Операции Фокслиз» в 1944 году.

клиники, больницы, на принудительные работы, а то и в места похуже. Они создавали ритуалы, в которых могли участвовать все «чистокровные» немцы, — факельные шествия и массовые прославления возрожденного *сверхчеловека* в лице самого Гитлера. За кулисами нацистские министерства и старательные чиновники корпели над выполнением его обещаний. Черные События неотвратимо надвигались, набирая зловещие обороты по мере того, как вершились все новые зверства, почти не вызывая публичного протеста, словно очередное насилие было всего лишь гротескным эпизодом из фильма Чарли Чаплина или Бастера Китона: тощие, неуклюжие фигурки евреев, спотыкающихся друг о друга, в панике бегущих от великолепных эсэсовцев в черных сапогах. Ха-ха-ха, смотрите, как они улепетывают! Эта извращенная идеология распространялась из Берлина, но корни ее уходили в землю Баварии.

Я знала, что в ходе сбора материалов для книги о Еве Браун мне придется посетить места, где происходили описанные в ней события, чтобы попытаться понять, что влекло Гитлера в Берхтесгаден и почему он из всех мест выбрал *это* для оттачивания своих замыслов. Я ездила туда дважды, первый раз — в конце лета 2003 года. Наступление каждого дня возвещал бледный прохладный рассвет. Я сидела за столиком перед своим шале за завтраком, состоящим из темного ржаного хлеба, яйца от местной курицы и чашечки кофе (любовь к крепкому до неприличия кофе передалась мне по наследству от мамы), читая или делая пометки в блокноте, прежде чем спуститься по крутой горной тропинке вниз в Берхтесгаден. Маленький средневековый городок кишел туристами. Вместе с ними я бродила по улицам, наблюдала, подслушивала, покупала открытки, отмечала следы нацистских надписей и символики, едва различимые под несколькими слоями побелки. Никаких

упоминаний о самом знаменитом жителе города: никаких табличек, напоминающих посетителям, что вокзал был построен по проекту Альберта Шпеера или что на месте маленькой пиццерии близ речки Ахе некогда располагался первый контрольно-пропускной пункт по дороге, ведущей вверх к Бергхофу. Сегодня Берхтесгаден представляет собой чистенький тематический парк лучших свойств немецкого характера. Все работают усердно и с удовольствием, дети слушаются родителей, жены слушаются мужей, а мужья слушаются представителей власти. Даже подростки вежливы, и поезда отходят вовремя. Со времен Гитлера город впал в коллективную амнезию, и его предосудительное прошлое уже почти стерто.

Единственным исключением является недавно открытый в Оберзальцберге исторический информационный центр, расположенный почти над военным бункером Гитлера. Я поехала к подножию горы на автобусе, чтобы посетить его. В длинном зале, разделенном на три отсека, выставлены реликвии и фотографии Третьего рейха. Я слушала в наушниках речи Гитлера. Меня удивило, насколько спокойно звучал его голос, тихий и неторопливый, пока постепенно не достигал экстатического крещендо, оргазменного завершения, заставляя докладчика и аудиторию биться в припадке ненависти. В том же отсеке есть стенд с фотографиями из газет, опубликованными после освобождения узников концентрационных лагерей в мае 1945 года. На них видны изнуренные, скелетообразные тела, одни живые, другие мертвые; какие где — не различить. Черные События в черно-белом изображении. Люди молча разглядывали их, а потом переходили на следующий уровень посмотреть видеозапись, где старики, бывшие жители некогда крошечной деревушки Оберзальцберг, рассказывали, как их дома и фермы были конфискованы и снесены, а на их месте вырастали роскош-

ные загородные виллы для Гитлера и его окружения. Один старичок, давший интервью в 1989 году, смахивая слезы при воспоминании о выселении семьи, говорит: «Моя мать родилась там, как и я, и все мои братья и сестры: двенадцать или тринадцать нас было, не помню». «Конечно, жизнь на «Горе» изменилась, — рассказывает Роза Ирлинг, которая была еще ребенком, когда впервые приехал Гитлер. — Во времена нашего детства здесь было очень тихо. А потом, после 1933 года, все превратилось в сплошную необъятную стройку... Внезапно толпы людей хлынули на гору, пытаясь подобраться как можно ближе к дому Гитлера, ожидая, пока он наконец не выйдет. И тогда они разражались криками, аплодисментами, рыдали, истерически хохотали, даже падали на колени».

Автобус движется дальше, проезжает тихое, поросшее травами место, где стоял Бергхоф. Экскурсовод молчит. Ничего не осталось. На высоком уступе, с которого открывается вид на горы и ровные поля, среди могучих деревьев прячется заросшая поляна. Битый кирпич и булыжники очерчивают фундамент здания. По ней бродили несколько человек с путеводителями и фотоаппаратами. Они не выглядели апологетами Гитлера; они приехали с семьями, объясняли что-то детям и уходили от щекотливых вопросов, указывая на еле видное сквозь густые сосны место, где стоял Чайный домик Гитлера, потрясающий вид из которого теперь загораживают кроны деревьев. Перед уходом некоторые сыпали в сумки или карманы брюк горсть розовато-красных кирпичных осколков размером со спичечный коробок, чтобы выставить их дома вместе фотографиями из отпуска, приклеив ярлычок «Кусок кирпича из гитлеровского Бергхофа». Наделены ли эти осколки некой мистической силой — подобно мощам праведников или щепке от Святого Креста, — как если бы им передалась часть ауры Гитлера? Или же их берут из тех же побуждений,

что и обломки Берлинской стены, чтобы доказать, что «я там был»? Именно так люди, которые не были отпетыми злодеями-расистами, создали нацистскую партию. Кирпичик здесь, кирпичик там — вот и фундамент заложен.

Наконец автобус добрался до горы Кельштайн высотой 1834 метра, на вершине которой стоит псевдосредневековое здание под названием «Кельштайнхаус». Американцы впоследствии окрестили его «Орлиным гнездом». Кельштайнхаус был построен по приказу Бормана и преподнесен фюреру на пятидесятилетие как подарок от его народа. Он был оплачен из налогов населения и стоил 30 миллионов рейхсмарок. Вид оттуда и впрямь бесподобен.

По вечерам я возвращалась в свой маленький альпийский домик, открывала бутылку прохладного вина и вслушивалась в долгие, медленные сумерки: стрекот цикад, визги детей, играющих перед сном на близлежащей ферме, и раздраженное блеяние овец. Я наслаждалась живописным пейзажем — тем самым, что видели Ева, Гитлер и их гости с террасы Бергхофа. В доме после ужина (копченое мясо и колбаса, опять с ржаным хлебом) я читала «Марш Радецкого» Йозефа Рота и «Берлин» Энтони Бивора, две книги, словно берущие в скобки историю Третьего рейха.

Глава 13

Любовница

Отношения Гитлера с Евой постепенно налаживались. Вероятно, ему нужен был секс; может быть, и любовь тоже; но выбрал он ее в основном за то, что она была идеалом женщины, к которой хочется возвращаться домой. Само собой, Ева не принимала участия в его политической жизни в Берлине. Все, что она знала об этих делах, — они неделями держат его вдали от Бергхофа. Фюрер нуждался в любящей, нетребовательной молодой женщине, ждущей его дома, и Ева соответствовала его представлениям. Деликатно, ненавязчиво она сделалась необходима ему, и, похоже, Гитлер обнаружил в своей душе растущую искреннюю привязанность к ней. Вопреки холодности, пренебрежению и презрению «крупных хищников» Оберзальцберга, Ева Браун втайне утешалась тем, что ей удалось противостоять им и доказать свою правоту. Она поклялась завоевать Гитлера и сумела это сделать. Девять лет ей предстояло провести женщиной-невидимкой за спиной фюрера.

Чтобы осмыслить кажущуюся парадоксальность их длившейся четырнадцать лет связи, важно понять — чего не могли соратники Гитлера, — что он искал не «альфа-самку», а кого-то, кто устроит ему простой быт, столь милый его сердцу, и поможет расслабиться. Вскоре толпе обитателей Оберзальцберга пришлось признать, с некоторым облегчением, что Ева действительно успокаивает Гитлера. Ее присутствие в Бергхофе создавало непринуж-

денную атмосферу, ведь когда Гитлер был умиротворен, остальные тоже могли вздохнуть свободно. Она предоставляла убежище от напряжения и давления его публичной роли, от эмоциональных марафонов его речей. Теперь Гитлер *являлся однопартийным диктатором*, от него зависели жизнь и смерть миллионов людей, но какая-то часть его души жаждала целительного бальзама нежности к нему самому, а не почестей, оказываемых его положению. Когда его мюнхенская экономка Анна Винтер, которая недолюбливала Еву и, как многие другие, недооценивала ее ум, спросила Гитлера, как он, такой серьезный человек, выносит ее болтовню, он ответил: «Ева отвлекает меня от дел, о которых мне не хочется думать. С ней я отдыхаю». Да и не был он так серьезен, как считали окружающие. Он любил китч, ему нравилось смотреть последние немецкие и американские фильмы, словно подросток держа ее за руку. Ева тоже обожала все это — кинофильмы и оперетты, мюзиклы, сплетни и звезд экрана. Она мечтала поехать в Голливуд. «Когда шеф [Гитлер] выиграет войну, — говорила она друзьям, — он обещал, что я буду играть саму себя в фильме о нашей жизни». Гитлер поощрял эти невинные прихоти. Настоящей наградой Еве, по мнению кузины Гертрауд, стало то, что «она была дорога и необходима ему — она что-то *значила*, не как девочка для развлечений, а как личность». Она дарила ему ту составляющую бытия, которой так часто не хватает великим людям: не власть, не почет, не славу или богатство, а *радость*.

А что же его ближайшие друзья, кого он знал с самой зари партийных дней и чьим суждениям доверял, и — что не менее, а то и более важно — их ехидные, честолюбивые жены думали о Еве Браун? Ей было двадцать три года — в таком возрасте девушка еще не обременена заботами и ответственностью. Но она обладала прекрасными манерами, хорошо выглядела, изо всех сил старалась проявлять

дружелюбие и умела держать себя в обществе. Однако ее старания проходили незамеченными. С ней обращались холодно, свысока. Мало кто давал себе труд скрывать, что считает ее дурой: мужчины, возможно, из-за того, что получили от ворот поворот, женщины — из зависти. Большинство высокопоставленных жен терпеть ее не могли, даже мягкая, застенчивая Маргрет Шпеер, хотя впоследствии Маргрет изменила свое мнение. Она, вероятно, ревновала из-за дружбы — *немыслимо*, чтобы это был роман, — Евы с Альбертом, ее красивым и обаятельным молодым мужем.

Альберт Шпеер был назначен главным архитектором Гитлера в 1934 году, в возрасте двадцати девяти лет. Архитектура является мощным, воздействующим на подсознание средством выражения национальной политики и идеологии, и несостоявшийся архитектор Гитлер понимал это лучше других. Кроме того, он знал, что монументы, стоящие за именем и памятью человека, могут продержаться века, даже тысячелетия, и сам мечтал о такого рода бессмертии. «Его видение мира, который он хотел создать, чтобы увековечить себя, и его идеология были цельными и всеобъемлющими, подобными мировоззрению фараонов». Он выбрал молодого, безвестного Шпеера, чтобы тот строил для него гигантские, армированные бетоном здания, облицованные мрамором и гранитом. Гитлер проводил долгие часы, склонившись над архитектурными проектами и строя грандиозные планы с новым протеже, в ком видел свое *alter ego*, человека, которым сам хотел бы быть. Шпеер воплощал замыслы Гитлера в тысячах кубометров бездушных монолитов «архитектуры фюрера», ведущего направления в искусстве Третьего рейха. Эти монстры раскрывали одержимую, несгибаемую сущность его покровителя куда лучше, чем он сам полагал.

Шпеер был одним из очень немногих хоть сколько-то порядочных людей в окружении Гитлера (хотя и не таким порядочным, каким пытался представить себя впоследствии). Он всегда вставал на сторону Евы, описывая ее как «очень юную, очень робкую и очень скромную». И объяснял подробнее:

> Она во всех отношениях была женщиной, созданной для мужчины. Это подтверждало отношение к ней секретарш и даже моей жены. Они воспринимали Еву, мягко говоря, без энтузиазма. Лично мне и еще нескольким близким к Гитлеру людям она очень нравилась. Забавно, ведь она не кокетничала, понимаете, дело совсем не в этом. Легкомыслие ей было очень даже свойственно, но она все делала с таким чувством, с такой подлинной способностью радоваться жизни. Она ничего не имела против евреев, антисемитизм был ей чужд. Она была простая девушка, а простые люди часто лучше других. <...> Она была, конечно, очень женственна, удивительно нетребовательна, потихоньку помогала многим людям (об этом даже не знал никто!) и бесконечно заботилась о Гитлере. Такая девушка — отдых для души. И в ее любви к Гитлеру не могло быть никаких сомнений.

Шпеер считал, что «на нее возводили столько клеветы... она была очень славная девочка». Отдых для души... робкая... скромная... застенчивая... рада угодить... нетребовательная... Как-то не похоже на вульгарную, корыстную девицу, готовую предложить интимные услуги в обмен на деньги, власть или положение. Гитта Серени, безжалостная к прихлебателям Гитлера, пришла к заключению:

> Она [Ева Браун] была милая и веселая. Она сохраняла жизнерадостность для него, и именно потому эта простая де-

вушка стала так дорога ему. Гитлеру необходим был кто-то, с кем не нужно *думать*. Она привносила в его жизнь ту составляющую, которая еще была доступна ему в тридцатых, но не после 1941-го. И это, должно быть, имело для него неоценимое значение.

Ева Браун обладала многими достоинствами. Она отличалась лояльностью, и не только по отношению к Гитлеру. Друзья ее ранней юности остались друзьями на всю жизнь. Она переписывалась с одноклассницами, с которыми дружила с семи-восьми лет, и любила навещать их, чтобы поболтать о старых добрых временах. Она никогда не пользовалась своим положением, чтобы помыкать домашней прислугой, и общалась с ней на равных. Анна Плайм подчеркивала, что Ева «не умела быть надменной, и я никогда не слышала от нее не то что оскорбления, но даже упрека. Она ничуть не походила на обычных работодателей, которые не забывают постоянно указывать слугам их место». А Траудль Юнге поделилась впечатлением от их первой встречи: «Меня поразила ее естественность и непринужденность».

Ева старалась как можно дольше сохранять какую-то долю независимости. Она продолжала работать у Гофмана, когда не была в Бергхофе. Это давало ей ощущение, что часть своих средств она зарабатывает честным трудом. Гитлер называл ее гордой, вспоминая, сколько времени прошло, прежде чем она согласилась принимать от него деньги. На досуге он любил поболтать с секретаршами о минувших днях, и Траудль Юнге запомнила, как отзывался ее начальник о своей *подружке*:

> Прежде всего, она была гордой. Поначалу она работала у Гофмана, и ей действительно приходилось экономить деньги. Но прошел не один год, пока она позволила мне

оплатить ей хотя бы такси до дома. А сколько ночей она провела на скамье в офисе, чтобы всегда быть на месте, если я позвоню, так как их домашний телефон не принимал междугородные звонки. Всего пару лет назад мне удалось уговорить ее позволить купить ей тот маленький домик в Богенхаузене.

Дело не в миловидности; в первую очередь Гитлера привлекали душевные качества Евы. Он знал, что может доверять ей.

Ганс Карл фон Хассельбах, один их хирургов Гитлера в период с 1934 по 1944 год, высказался так:

Ясно как день, что Ева Браун любила его всей душой. Она купалась в роскоши, и все же ее надежды так никогда и не осуществились полностью. *Она не производила впечатления счастливой женщины* [курсив мой. — А.Л.]. Не знаю, хотела ли она детей; в любом случае иметь их ей было не суждено. Поскольку Гитлер не собирался жениться на Еве, а незаконные дети нанесли бы ущерб его величию в глазах немецкого народа, он был вынужден отказаться от продолжения рода. Гитлер совершенно точно не изменял Еве, и сомнений в его верности никогда не возникало. Ева, вероятно, не имела никакого влияния на политические дела и всегда избегала политических дискуссий. Гитлер был невысокого мнения об интеллектуальных способностях женщин и ни за что не позволил бы женщине влиять на свои решения.

На всем протяжении их отношений Ева категорически отказывалась извлекать выгоду из своей близости к Гитлеру. Не у всякого тирана фаворитка проявляет подобную добродетель. Она никогда не пыталась повлиять на него, не требовала ни от кого услуг в обмен на обещание замолвить за них словечко.

На Гитлере ее освежающее присутствие сказывалось благотворно, но Еве в новой обстановке приходилась нелегко. Она оказалась отрезана от всего, что поддерживало ее в течение двадцати четырех лет жизни. Места и люди, служившие ей точкой опоры: многочисленные тети, двоюродные братья и сестры, дедушка в Байльнгрисе, католическая вера, квартира на Гогенцоллернштрассе, где она прожила больше десяти лет, – все это в Бергхофе не имело никакого значения. Она осталась без прошлого, без имени, без личности. Да, с ней в Бергхофе жила сестра, но Гретль была слабым человеком. Это Ева поддерживала ее, а не наоборот. Позже ее родители поддадутся на уговоры, переступят через свою щепетильность и навестят дочерей, но пока что отец был неумолим. За это одинокое время Ева несколько раз посещала Байльнгрис, хотя бабушка с дедушкой уже умерли. Однажды она приехала в городок на реке Альтмюль на «мерседесе» Гитлера в сопровождении двух телохранителей-эсэсовцев. Она регулярно навещала могилы бабушки и дедушки, а когда не могла поехать сама, то посылала цветы. Наблюдательные католики Байльнгриса замечали, что фамильный склеп Кронбургеров всегда украшен свежими венками. Возможно, это обстоятельство убедило их не замечать «мерседес».

Фрейлейн Браун, по всей видимости, получила что хотела, но вряд ли это соответствовало ее ожиданиям. Ведь ее окружали подобострастные слуги, красивые адъютанты фюрера, его надутые ставленники, прихлебатели и жены высокопоставленных нацистов, не скрывающие своей неприязни. Стало быть, мало союзников в лагере Гитлера. Доверять она могла только своим старым мюнхенским друзьям, которых знала с детства и приглашала в гости на несколько дней, а то и недель, когда те могли оторваться от суеты семейной жизни. Герта Шнайдер, подруга и наперсница всей ее жизни, проводила на «Горе» так много

времени, что позднее ей и двум ее маленьким дочерям отвели небольшие апартаменты.

Генриетта фон Ширах делилась наблюдениями: «Ева вела себя в Бергхофе очень тихо. Она не принимала участия в разговорах, не задавала вопросов, кроме как о том, какой фильм они будут смотреть вечером. Она ничего не просила, поэтому покупка подарков всегда была головной болью для Гитлера, пока он не поручил это Борману. Борман выбирал недорогие украшения из полудрагоценных камней и невзрачные картины». С Бормана станется. В Оберзальцберге вечно толпились гости, но если намечались важные официальные визиты, Ева должна была уезжать или весь день сидеть в своей комнате. «Он не потерпел бы, чтобы ее, *эту женщину*, заметили». Остракизм досаждал Еве, и она стала «раздражительной, капризной, язвительной; она начала жаловаться». Фрау Миттльштрассе, экономка Бергхофа в более поздние годы, куда уравновешеннее в суждениях:

> Ева была милая, приятная мюнхенская девушка, но она соблюдала дистанцию. Те, кто принял и полюбил ее, могли прекрасно с ней ладить. Я старалась помочь ей во всем: когда она покупала платья, шляпы. Но не туфли, нет. Туфли она заказывала итальянские, во Флоренции у Феррагамо.

Удивительно, пожалуй, что обувь Евы, как и Гитлера, чинил местный сапожник господин Козиан — католик, а следовательно, один из тех, с кем Борман запретил всем на «Горе» иметь дело. Ева игнорировала запрет.

В мемуарах, написанных через десятилетия, после того, как она поступила на службу в Бергхоф в 1941 году, Анна Плайм размышляла о жизни Евы на «Горе»:

> И что только она там делала целыми днями? У меня сложилось впечатление, что когда Гитлер отсутствовал, она часто

говорила с ним по телефону. И все же только сестра и друзья хоть как-то скрашивали ее существование, поскольку вообще-то ей больше и вовсе нечем было себя занять. Она не была Гитлеру женой, так что он не мог показывать ее людям; наверное, тяжело ей приходилось, когда он находился в Бергхофе, а ее отсылали с глаз долой. Но по-моему, она так боготворила Гитлера, что готова была пожертвовать всем ради него, даже отказаться от положения его супруги. Как бы там ни было, превозносила она его до небес и при каждом удобном случае восторгалась его прекрасными голубыми глазами. (Меня они тоже завораживали.) Сейчас я уверена: она никогда не сомневалась, что Гитлер рано или поздно женится на ней. Это правда, что Ева Браун жила запертой в золотой клетке... определенно. С одной стороны, она почти не имела возможности покидать Бергхоф, правда, с другой стороны, там она получала все, чего ни пожелает, в избытке. Абсолютно все.

На первый взгляд жизнь в положении любовницы Гитлера не казалась такой уж тяжелой. Какое-то время она опьяняла. Оберзальцберг был окружен озерами, лесами, горными тропинками — отличное место для спортивных упражнений, в которых Ева преуспевала и находила море удовольствия. Она могла часами загорать, гулять с собаками, собирать полевые цветы. Приятные способы провести время, но недостаточные, чтобы полностью занимать ее. Стосковавшись по компании своих друзей, она могла вернуться в Мюнхен посплетничать или поглазеть с подружками на витрины магазинов. Только здесь она позволяла себе расслабиться, устраивать вечеринки в своем маленьком домике, ходить в кино или театр, слушать новые пластинки и танцевать под них, изучать гороскопы — свои, друзей и кинозвезд, примерять наряды и макияж. Ева теперь могла купить все, что захочет, и со временем начала хотеть многого.

В сентябре 1936 года нежелательная огласка угрожала положить конец доверчивому неведению немцев касательно частной жизни их фюрера. Французская желтая газета *Paris Soir* разразилась статьей про Адольфа и Еву под заголовком «Женщина Гитлера». Пройдясь по его отношениям с Гели, сестрами Митфорд и Лени Рифеншталь, автор заключил: «В настоящий момент фавориткой, несомненно, является Ева Браун, дочь мюнхенского учителя. Гитлер отказался от всех остальных женщин ради нее». Ее дядя Алоис описывает свою реакцию на эту статью:

> Я чуть не упал со стула! Наша маленькая Ева! Невозможно! Это не может быть правдой! Прелестное дитя, которой я помогал решать задачи по математике, для которой я написал столько сочинений, чтобы спасти ее от очередного порицания из школы за неприготовленные уроки; которая, глубоко проникнувшись набожностью своей бабушки, каждый вечер усердно читала молитвы перед сном? Я со всех ног бросился к телефону — звонить кузине Фанни. (Мой отец приходился братом ее матери, Йозефе Кронбургер.) Фанни ужасно возмутилась, когда я сказал ей, что только что прочел *Paris Soir* и что я потрясен и очень рад, что она скоро станет тещей фюрера. «Что за вздор!» — оборвала она; ей и так уже немало досадила эта история. И уж конечно, она не собирается ничего обсуждать по телефону. Если мне так уж интересно, пожалуйста, я могу приехать в Мюнхен и поговорить с ней там.

Так он и сделал. Фритц и Фанни жили все в той же квартире, куда он приходил голодным студентом, — все та же ничем не примечательная чета обывателей из среднего класса. «Ничто не изменилось в их благочинной мещанской жизни». Дальше Винбауэр подробно излагает рассказ Фанни о романе его племянницы Евы с его фюрером. Ког-

да Ева во всем призналась, она сначала пришла в ужас, но, будучи неисправимой оптимисткой, со временем свыклась с этой мыслью. Возможно, Фанни надеялась, что Гитлер все-таки когда-нибудь женится на ее дочери. История ее не слишком расстроила, скорее, раз уж на то пошло, позабавила. Фритц же считал, что его оскорбили, унизили, выставили несостоятельным отцом. Он пришел в ярость. Как бы ни сказалась статья в *Paris Soir* на семье Браун, на общественное мнение в Германии она не повлияла. Как только стало известно о ее публикации во Франции, власти изъяли весь тираж газеты из киосков и замяли дело.

Земля разверзлась под ногами Фритца в 1934 году (к тому времени Ева и Гитлер уже два года как были любовниками), когда он узнал — неизвестно от кого, возможно, его самого наконец осенило — о «порочной связи» дочери. Ему было все равно, что ее избрал своей подругой сам канцлер, которого боготворит Германия. По его разумению, он не сумел исполнить отцовский долг, и Ева превратилась в «падшую женщину». Алоис продолжает:

> Он излил мне душу, но не дома, а в пивной *Hofbräuhaus*. Там, в тихом уголке на втором этаже, Фритц признался, что он давно заподозрил неладное и то и дело пытался уговорить Еву прекратить эту «идиотскую» дружбу. Он рассказал мне, как бесят его лицемерные замечания друзей и знакомых и как этот бесстыжий «тип» разрушает его семейную жизнь. Кроме того, он поведал мне о письме, которое написал Гитлеру в сентябре прошлого года, с просьбой «держаться подальше» от Евы.

Похоже, больше всего разозлило его то, что Гитлер не соизволил ответить. Вместо этого Фритца вызвали в мюнхенскую ратушу и посоветовали вступить в партию. Он послушно принес заявление на Элизабетплатц, где распола-

галось местное отделение нацистской партии, но получил отказ на основании его политической неблагонадежности. Только год спустя его сочли достойным вступления. Зато ему присвоили один из начальных партийных номеров, как будто он уже много лет является членом партии. Его взгляды не изменились, но теперь он имел право носить партийную униформу с высоким воротом, нацистским орлом и дубовыми листьями. Практического значения все это не имело, но позволило ему получить признание в Бергхофе и не попасть под огонь набирающих силу предрассудков в Германии 1936 года. Господин Браун затолкал свою щепетильность и свой баварский патриотизм подальше и поступил, как ему было велено.

К 1937 году Ева, поселившаяся в самом центре нацистского анклава, пеклась о частной жизни Гитлера и занималась его личными гостями, в число которых странным образом входили как *его* давние политические союзники, так и *ее* бывшие школьные подруги, – последние, как правило, ужасно робели перед хозяином. Но все равно она постепенно представляла ему все новых и новых людей своего круга, молодых матерей с очаровательными маленькими детьми. Они заметно оживляли атмосферу чопорного формализма, создаваемую невероятно плодовитыми нацистскими матронами и их амбициозными мужьями. Вряд ли это давалось легко молодой женщине, не имеющей светского опыта и мало знающей о чинах и этикете. Ей приходилось раздавать указания людям вдвое старше себя, которые не слишком одобряли ее, а уважали и того меньше. Но благодаря своей природной доброте и стараниям никого не выделять и не обижать Ева умудрялась налаживать отношения между двумя группами обитателей Бергхофа.

С 1937 по 1940 год именно Ева раскручивала эту утомительную социальную карусель. До того как она обосновалась в резиденции, роль хозяйки выполняла Магда

Геббельс, которая преклонялась перед Гитлером и вышла замуж за волокиту Йозефа в 1931 году отчасти ради того, чтобы быть поближе к фюреру. Она по-прежнему царила на торжественных и полуофициальных приемах, когда Еву отсылали к себе в комнаты. Легкость не входила в число достоинств Магды Геббельс. Она была умной и красивой женщиной, преданной идеалам нацизма, но совершенно не умела развлекать Гитлера и веселить компанию. Только Ева могла игриво упрекнуть его, если он слишком долго разглагольствовал на вечеринках. Когда все уже начинали клевать носом от его речей, она говорила: «Право же, Адольф, довольно разговоров — давайте смотреть фильм!» или «Пора нам расходиться спать!». Пара незаметно удалялась — Гитлер, а за ним Ева поднимались по широкой лестнице в свои смежные комнаты. Гостям оставалось только гадать, что происходило дальше.

В начале романа он вел себя с ней, как с любой другой женщиной — безупречно вежливо. Приличия строго соблюдались, и они никогда не проявляли чувств на публике. Еве надлежало вести себя как обыкновенной секретарше. Истинная природа их отношений оставалась загадкой, порождавшей лавину гипотез. При слугах он обращался к ней «фрейлейн Браун». В кругу самых близких и испытанных друзей он иногда называл ее *Tschapperl*, что приблизительно переводится как «дурочка» или, в лучшем случае, «теленок». Но это, возможно, звучало не так уничижительно, как кажется. В Австрии — включая деревню Шпитталь, где родилась его мать Клара Пельцль, — слово имеет ласкательный оттенок, не обиднее, чем если бы он называл Еву «цыпленочек мой». Сподвижники Гитлера и их жены прекрасно понимали, что имя Евы ни при каких обстоятельствах нельзя упоминать в обществе, так как ее *не существует*. Между собой жены нацистов назвали ее ЕБ или *die blöde Kuh* — «тупой коровой», правда, только когда

фюрер не мог их слышать. Негласное правило на «Горе» предусматривало, что большую часть времени все должны вести себя так, словно Евы здесь просто нет. Выходит, она оказалась в положении признанной хозяйки дома, с одной стороны, и непризнанной любовницы — с другой.

Если друзья Гитлера считали положение Евы двусмысленным, то слугам четко дали понять, что фрейлейн Браун возглавляет хозяйство и отдает им распоряжения на день. К началу 1936 года она утвердилась в своей роли, и Гитлер велел слугам называть ее *Chefin* («начальница») или *gnädiges Fräulein* («милостивая сударыня»). Неформально, между собой, обслуга называла ее «сама Ева» или ЕБ. Персоналу было приказано ни в коем случае не упоминать ее имени при посторонних или в письмах домой. (К Гитлеру все без исключения, даже самые высокопоставленные нацисты, обращались официально на «вы». Много лет прошло, прежде чем Ева перешла с ним на «ты». В третьем лице он для всех, от Геринга до последнего слуги, был *der Führer*, а не господин Гитлер или, боже упаси, Адольф.)

Семьи нацистов, толпящиеся на «Горе», обслуживал многочисленный персонал, состоящий из горничных, прачек, поваров и поварят, официантов, нянь, посыльных, телефонистов, шоферов, охранников — не меньше, чем в викторианском поместье. В Оберзальцберге понятия «верх» и «низ» имели реальное значение. В Бергхофе и прилежащих шале не было дверей, обитых зеленым сукном, с колокольчиками для каждой комнаты, отмеченной на панели в общем зале прислуги, но иерархия соблюдалась строжайшим образом. Ежедневно множество людей обеспечивалось самой разной пищей, начиная со свежего коровьего молока для новорожденного (хотя кормление грудью считалось предпочтительным) и заканчивая изысканными винами для шикарных банкетов в честь государственных деятелей, особ королевской крови и прочих важ-

ных гостей. Кухни, где готовились эти блюда, имели самый современный дизайн и оборудование: огромные белые холодильники, сияющие раковины из нержавеющей стали, полки с аккуратно расставленной посудой (белой, под цвет стен) и полы, из соображений гигиены покрытые плиткой, которые постоянно скребли и отдраивали. У Гитлера была отдельная кухня, снабжавшая его вегетарианскими блюдами, и два диетолога, составлявшие разнообразные меню, чтобы стимулировать его аппетит. Батальоны нянь в одинаковых платьях и фартуках присматривали за отпрысками нацистских семей, следя, чтобы все дети были тихими, послушными и безукоризненно одетыми, так как в любой момент из-за угла мог появиться фюрер, которому пришла охота погладить белокурую головку или усадить чистенького малыша к себе на колени. Тогда няня отходила в сторону, а мать становилась подле Гитлера для непременной фотографии, которую потом выставляли в рамке как драгоценную реликвию для грядущих поколений. Ева руководила прекрасно отлаженным хозяйством: нелегкая задача для женщины чуть за двадцать — ровесницы большинства поварят и горничных и вдвое моложе фрау Раубаль, неподражаемой экономки Гитлера.

Она-то и была единственным оставшимся препятствием. Мать Гели, все еще в должности домоправительницы, постоянно напоминала о своей — и Гитлера — бесценной утрате. В течение года после приезда Евы в Бергхоф между пятидесятилетней сводной сестрой Гитлера и его молодой любовницей велась незаметная борьба за власть. Кульминация наступила в 1936 году, когда фрау Раубаль получила расчет без предупреждения, отчасти за слишком откровенное неодобрение преемницы Гели. Герберт Дёринг, тоже служивший в Бергхофе, вспоминал: «Фрау Раубаль очень невзлюбила Еву. Они жили как кошка с собакой. Она сурово отчитала брата за предоставление Еве Браун одного из почетных мест

на партийной конференции [в 1936 г.], и он так рассердился, что немедленно выгнал сестру из Оберзальцберга. Ей было приказано собрать вещи и уехать на следующий же день». Очевидно, Дёрингу самому не нравилась мать Гели (он называет ее «грубой и неотесанной»), и его не слишком огорчило ее увольнение. Забавно, но очень скоро фрау Раубаль познакомилась с преподавателем старших классов школы, профессором по фамилии Хаммич, вышла за него замуж и уехала с ним в Дрезден, после чего они со сводным братом виделись очень редко. Возможно, Адольф испытывал угрызения совести из-за того, что после девяти лет усердного труда в Бергхофе променял ее на Еву. Во всяком случае, он упомянул ее в своем завещании, оставив ей и сестре Пауле ежемесячное содержание в 1000 рейхсмарок.

Новую экономку Эльзу нашли в Мюнхене, где она работала в *Osteria Bavaria*. У них с Евой сложились ровные деловые отношения, хотя Ева была намного моложе. Потом Эльза ушла, а Дёринга, который уже состоял при обслуживающем персонале, повысили в должности. Он, в свою очередь, ушел в 1943 году, и его место заняла супружеская пара, Вильгельм и Маргарете Миттльштрассе. Они и вели хозяйство в Бергхофе до самого конца. Фрау Миттльштрассе любила Еву и восхищалась ею: «По утрам после завтрака я приходила к ней в комнату, захватив ручку и бумагу, и мы вместе составляли распорядок дня: что она запланировала и каковы будут мои обязанности. Она была милая, приятная мюнхенская девушка, но соблюдала дистанцию. Не набрасывалась на людей». Такт и чуткость Евы по отношению к домашним слугам были дипломатическим ходом, учитывая, что она заняла столь высокое положение в слишком юном возрасте, и они понятия не имели, надолго ли. У четы Миттльштрассе родился сын Клаус, а еще через несколько лет – дочка, пополнившие команду маленьких обитателей Бергхофа, которые ползали, топали и прыгали по террасе,

останавливаясь, чтобы уцепиться за руку Евы или колено Гитлера. Фюрер искренне любил детей и с удовольствием наблюдал, как следующее поколение впитывает важнейшие немецкие качества — послушание, дисциплинированность, порядок, — учится почитать старших и любить отечество. Ведь они будут управлять страной, когда он состарится, продвигая его идеалы, претворяя в жизнь его мечты о более сильной и чистой Европе. Эти крошечные шпееры, геринги, геббельсы и миттльштрассе олицетворяли будущее.

Несмотря на все свои старания, Ева оставалась постыдным секретом Гитлера. Ее имя, единственное в Бергхофе, никогда не вносилось в список внутренних телефонных номеров, а ее комната в целях сохранения анонимности значилась как «большая комната для гостей». Новичкам, спрашивавшим о ней, говорили, что «она из личного состава, секретарь». Это было удобно Гитлеру и, разумеется, срабатывало — внешний мир абсолютно ничего не знал о Еве. Но для нее, наверное, звучало унизительным напоминанием, что она нужна только для домашних дел и плотских утех, в остальном же — персона нон грата. В их неравном союзе только один человек что-то значил: Адольф Гитлер. Ева была его имуществом, его содержанкой. Как и Гели, она не имела свободы действий. Он не скупился и любил дарить ей подарки, но не всегда те, что ей нравились. На Рождество 1936 года Ева получила от него книгу о египетских захоронениях, отражавшую его мрачную и непрестанную одержимость смертью, — ничего себе подарочек для цветущей двадцатипятилетней девушки!

Хенни фон Ширах, с детства частая гостья в Оберзальцберге, говорила:

> Роль невидимой любовницы угнетала Еву. В последние годы она часто хандрила и болела, потому что Гитлер почти перестал замечать ее. <...> Она могла бы заняться само-

образованием там, в Бергхофе, – у нее были все мыслимые условия и возможности, – но вместо того просто сидела и смотрела, как жизнь проходит стороной. Она не могла предложить Гитлеру ничего интересного – такого, что пробило бы брешь в его отчужденности. Ее жизнь, лишенная усилий и борьбы, походила на игру, и все же она не была счастлива. Внешне она выглядела безупречно: меняла наряды, делала прически. А Гитлер, видимо, больше ничего от нее и не хотел.

Ева проявляла неповиновение по мелочам: курила по секрету от него, пользовалась губной помадой и лаком для ногтей (Гитлер находил то и другое весьма предосудительным). Но это были чисто символические жесты – ей не хватало мятежного духа Гели. Похоже, она изо всех сил старалась вылепить из себя его идеал женщины, подавляя свою непосредственность и энергию. Она любила танцевать, но, как вспоминал Герберт Дёринг:

Гитлер притеснял Еву во всем. Особенно это чувствовалось, когда она танцевала. Она превращалась в совершенно другого человека – просто глазам не верилось. Она была отличной танцоркой. Стоило поставить пластинку с красивой быстрой музыкой, и Ева тут же преображалась. Она танцевала очень своеобразно, изящно. Ее любимым танцем было танго. Чем чувственнее танец, тем больше она отдавалась ему... Я имею в виду, она действительно «ловила настроение». Гитлер лишь изредка подшучивал над этим.

После отъезда фрау Раубаль Еве больше не приходилось спать в Платтерхофе. Она переселилась в святая святых Бергхофа. Ей отвели три комнаты рядом с апартаментами Гитлера, выходившие в главный коридор второго этажа. Напротив находилась комната ее персональной горнич-

ной. Ее положение в Бергхофе и в его жизни наконец-то было признано. Об этом не говорили вслух, но ближайшее окружение не терялось более в догадках по поводу ее роли. Из ее комнат дверь вела в гардеробную, изолированную от коридора, а оттуда – в личную ванную Гитлера.

Помещения Евы были светлы и изысканны – рай для нее и ее подруг, а подчас и для Гитлера тоже. Она купалась в роскоши: собственная гостиная, туалетная комната, спальня и ванная. Интерьер оформлен в замысловатом, но женственном стиле, с белыми стенами и белой мебелью, изготовленной Сайри Моэм в Лондоне по последней моде. Не придумать более разительного контраста с тесной квартирой ее родителей с неуклюжей провинциальной мебелью и узорами на обоях. В гостиной – вид из окна на все тот же горный пейзаж – стояли два удобных кресла и диван, обтянутый бледным ситцем в синий цветочек. В отличие от громоздкой обстановки прочих комнат, они были сделаны по нормальным человеческим меркам. По бокам дивана стояли два белых журнальных столика с настольными лампами. Сзади на полке примостился незарегистрированный телефон. Над ним висела картина, изображающая обнаженную натурщицу. Говорят, Ева сама для нее позировала. Два больших окна с тюлевыми занавесками и длинными бирюзовыми шторами. На столиках стопки журналов о моде и кино, а в углу дивана куча мягких игрушек, которые Ева называла *meine Menagerie* («мой зверинец»). На почетном месте висела фотография задумчивого возлюбленного, особенно нравившаяся Еве, – идеализированный портрет работы Теодора Боненбергера. В другом конце стоял небольшой письменный стол, за которым Ева часами писала письма или раскладывала фотографии. Она держала пару снегирей в клетке и иногда отпускала их полетать по комнате.

Почти всю спальню занимала вместительная двуспальная кровать, покрытая толстым пуховым одеялом.

Гретель Миттльштрассе уверяла, что Гитлер время от времени разделял ее с Евой. Ее муж Вилли подтверждал это. Туалетный столик с тремя зеркалами (большим, маленьким и увеличивающим отражение) покоился на двух тумбах. На нем располагались: набор инкрустированных серебром расчесок, хрустальная пудреница с пуховкой, четыре стеклянных флакона духов и еще одна фотография Гитлера в рамке. В отдельной гардеробной комнате накапливалась ее постоянно пополняющаяся коллекция одежды, шляп, сумочек и флорентийских туфель ручной работы; а в ящиках – вышитое шелковое белье (каждый предмет украшен ее монограммой, буквами Е и В, сплетенными в четырехлистник или, если добавить чуть-чуть воображения, бабочку). Ева и впрямь тратила много денег на одежду, но тщеславие было почти единственным ее утешением, необходимым к тому же, чтобы придать ей уверенности среди снисходительной толпы, глядящей на нее свысока как на низшую по общественому и семейному положению. Она нашла в Берлине новую портниху, фрейлейн Хайзе, которая придумывала наряды специально для нее. Гитлер платил – счета от портнихи были наименьшей из его проблем.

С годами она накупила сотни платьев, включая несколько потрясающих вечерних туалетов, а также шикарные пальто и жакеты (иногда меховые), юбки и блузки. Одежда стала ее основным увлечением, помогавшим скоротать долгие часы безделья: ведь все надо было выбрать, заказать, подогнать по фигуре. Как любая женщина, внимательно следящая за модой и изучающая по журналам жизнь кинозвезд, она замечала новые тенденции и быстро усваивала их, иногда покупая прямо от кутюрье, но чаще давая задание портнихе переделать их модели под нее. Ее наряды можно читать, как дневник откровений, проливающих свет на ее характер и новый образ жизни.

Несколько костюмов стали любимыми надолго, в них Ева то и дело мелькает на фотографиях, и они больше других заслуживают внимания. Было, например, одно пальто в военном стиле – двубортное, с восемью медными пуговицами, – которое ей особенно нравилось, возможно, потому, что напоминало форменные шинели Гитлера. Она носила его годами. (Его можно увидеть на ее фотографии под руку с Альбертом Шпеером.) Прохладным весенним или осенним днем она выходила на террасу в изящном маленьком твидовом пиджаке, юбке и коротком свитере. Точно такой костюм могла бы выбрать английская леди на загородном отдыхе, что должно было радовать глаз Гитлера, восхищавшегося (до 1939 года) всем английским. Ева одевалась для себя, но всегда учитывала его мнение. Ее наряды были элегантны, но скромны, подчеркивали ее красивые руки и ноги, но никогда не имели глубокого декольте. Этого Гитлер бы не одобрил. Его вкусы отличались крайним консерватизмом. Чтобы потешить его, она часто носила традиционный баварский костюм «дирндль» и белую блузку с рюшечками, не говоря уже о прилагающихся высоких полосатых гетрах и ботинках на шнуровке, а порой и маленькой шляпке с перьями, – вылитая благонравная баварская хозяюшка. Еще ему нравились скромные ткани в полоску, в крапинку или в цветочек и рукава, заканчивающиеся белыми крахмальными манжетами, – почти как униформа. Больше всего он радовался, когда она надевала несколько его любимых платьев одно за другим, и жаловался, что никогда не знает, какая женщина к нему выйдет. Когда платье изживало себя (то есть было надето два-три раза), она отдавала его сестре или подруге, а если те отказывались, то служанкам.

Ева переодевалась по нескольку раз в день, чтобы всегда выглядеть подобающе, но также и чтобы убить время и дать волю фантазии – своей, а иногда и Гитлера.

Если внимательно приглядеться к ее гардеробу, можно заметить, сколько у нее *белого* – не только рубашки, шорты и купальные костюмы, но и безукоризненно накрахмаленные блузки и облегающие, переливающиеся вечерние наряды. Сознательно или нет, она стремилась к подвенечному платью.

Ева с детства любила прихорашиваться, но в прошлом скудное жалованье не позволяло ей быть расточительной. Теперь же она впервые могла побаловать себя (Гитлер, должно быть, проинструктировал Бормана не стеснять ее в средствах) и тратила огромные суммы, покупая только лучшее. Ее одежда никогда не смотрелась вульгарно. Например, у нее было коричневое платье с длинными рукавами из очень тяжелой парчи, ниспадающей до щиколоток, закрепленное одной-единственной перламутровой пуговицей на талии. Чрезвычайно скромное, оно в то же время выглядело поразительно сексуально. Ее изысканное белье не было открытым или откровенно вызывающим, но тонкий шелк и кружева манили прикоснуться.

И наконец, ей принадлежала ванная, как в кино, с белыми кафельными стенами, самыми современными фарфоровыми принадлежностями, хромированными кранами и огромным зеркалом. Это хорошо видно в одном из ее домашних фильмов, где птичка, похожая на галку, садится на кран и пьет текущую воду. Горничные поддерживали идеальный порядок во всех комнатах и через день ставили в вазы свежие цветы. Не сравнить, конечно, по вкусу и изысканности с апартаментами мадам де Помпадур в Версале, напоминающими шкатулку с драгоценностями, но Ева – не Помпадур. Молодой девушке, всего год назад жившей с родителями, эти свежие, полные света комнаты казались головокружительно роскошными.

Среди подавляюще грандиозных помещений Бергхофа только спальня Гитлера была проста до аскетизма. Он всег-

да жил скромно, по-спартански. Узкий кабинет вел в его спальню с одноместной походной кроватью и маленьким ночным столиком. Анна Плайм очень удивилась, найдя стопку книг Карла Мая, автора вестернов, столь любимого Евой. В 1933 году Гитлер, к восторгу своему, обнаружил, что Карл Людеке, давний поклонник и финансовый покровитель нацистов, разделяет его любовь к этим «ковбойским и индейским» историям. Он сказал Людеке, что до сих пор читает их и находит захватывающими. Другой настольной книгой был не официальный отчет, газета или составленная Карлайлом биография кайзера Фридриха II или Наполеона (его два любимых образца для подражания), а «Макс и Мориц», тот самый сборник комических историй Вильгельма Буша, которым в детстве зачитывались Ева и ее сестры. (Не может быть совпадением, что Буш также рисовал для газет политические карикатуры на евреев, изображая их с длинными носами, всклокоченными черными бородами и вороватым выражением лица.) По соседству с его спальней находился столь же маленький личный кабинет. Портреты его родителей — надо полагать, сделанные посмертно — висели над письменным столом, на котором лежали записная книжка, стопки бумаг и коробка шоколадных конфет. Больше ничего, кроме столика с телефоном и небольшой этажерки с книгами. Гитлер был не просто опрятен, а, как выразилась горничная Анна Плайм, «*педантично* опрятен» и требовал безукоризненного порядка в своих комнатах.

Комнаты Евы, примыкавшие к комнатам Гитлера и являвшиеся запретной зоной для всех, кроме Гретль и их ближайших друзей, подтверждали, что Ева Браун — официальная любовница Гитлера и хозяйка Бергхофа. Ее статус еще больше утвердился, когда она начала выезжать с шофером на своем собственном черном «мерседесе-родстере» с открытым верхом и номерным знаком IIA-19130 20E. Эту ма-

шину, уже вторую, она, по всей видимости, получила в подарок от Гитлера, хотя Борман, вероятно, вытребовал ее от компании «Даймлер-Бенц» бесплатно, в качестве преподношения фюреру. Это был самый значительный и публичный из его подарков. Все говорило о том, что Гитлер доволен своей молодой любовницей и не намерен бросать ее.

Еву, конечно, захватывали восхождение в фавор и новая беспечная жизнь, но на самом деле ей хотелось только общества Гитлера, его внимания, одобрения и любви. Он привык к ней, привязался, но *любил* ли? В приватной обстановке они обращались друг к другу на «ты», она звала его Адольф, изредка — Ади. Никто никогда не слышал из ее уст более интимного проявления нежности. Впоследствии он стал называть ее *Kindl* («дитя»), а иногда *Patscherl* или *Schnacksi* (уменьшительно-ласкательные обращения к маленьким детям). Но всем этим словечкам далеко до «принцессы», нежного прозвища Гели.

Тем не менее к 1937 году Еве удалось сделаться незаменимой. «Гитлер нуждался в ней, *еще как* нуждался», — говорил Альберт Шпеер. Если бы она тогда об этом знала или если бы Гитлер способен был это признать, ее жизнь была бы куда счастливее.

Глава 14

1936 год – Германия на экране: Олимпийские игры

Спорт играл немаловажную роль в жизни Евы. Вот уж что у нее всю жизнь действительно хорошо получалось. Подростком она заняла первое место на лыжных соревнованиях. Развивай она целенаправленно свои способности к зимним видам спорта или гимнастике, достигла бы если не олимпийского стандарта, то, по меньшей мере, высокого профессионального уровня. Однако необходимость всецело отдавать себя в распоряжение Гитлера, когда он приезжал в Бергхоф, исключала многочасовые упражнения. Да и в любом случае сомнительно, что ей хватило бы дисциплины и выдержки упорно тренироваться каждый день. Развешанные повсюду плакаты с изображениями идеальной нацистской женщины – сильной, гибкой и стройной, достойной подруги и здоровой матери – влияли на нее, как и на миллионы молодых немецких женщин. Цель пропаганды обязательной физической культуры была проста: свести на нет восприятие себя как личности и заменить его чувством принадлежности к немецкому народу, достойному своей арийской расы.

Созданные Лени Рифеншталь восхитительные образы атлетов с рельефной мускулатурой и блестящей кожей перекликаются с фотографиями Евы в купальном костюме, снятыми сестрой или подругами, когда она занималась гимнастикой на своем пляже на берегу Кёнигзее, над живописным уголком у водопада Рёдлер (настолько уеди-

ненное место, что она могла плавать обнаженной в ледяных волнах озера). Учитывая полное равнодушие Гитлера к физической культуре, а также его паническую боязнь раздеваться на людях, можно с уверенностью сказать, что он никогда не присоединялся к Еве в этих походах и не ездил с ней на пикники, как с Гели, когда та была жива, а он еще не завершил свое восхождение. Но и тогда он не купался, даже не раздевался до пояса. В лучшем случае сидел в рубашке с короткими рукавами и шортах или кожаных штанах с подтяжками, украшенными альпийским эдельвейсом, символом Баварии. За прошедшие с тех пор годы он стал рейхсканцлером, получил верховную власть. Его молодость миновала, и это было видно по его бледной, обвисшей коже, мешкам под глазами и дряблому телу.

В 1936 году Ева выглядела великолепно, особенно обнаженной или в купальном костюме. В одном эпизоде, запечатленном как на кинопленке, так и в серии фотографий, она выполняет упражнения с ловкостью и гибкостью, удивительными для женщины, вышедшей из отроческого возраста. Ее тело, ее сильные, изящные руки и ноги излучали гармонию. Герберт Дёринг отметил: «Фигура у Евы была хорошая, просто отличная. Она была от природы стройной, не очень высокой... — И сварливо добавил: — Ведь у нее было полно времени, чтобы следить за собой, не так ли? И деньги она имела, и красивую одежду». Пухленькая коренастая девочка, вышедшая из монастыря с таким видом, будто только что прожевала последнее из его калорийных кремовых пирожных, превратила себя в достойную спутницу для Гитлера. Но ей, стройной, сильной и энергичной, было отказано в естественном предназначении — материнстве.

Не существует неоспоримых доказательств, что она хотела детей (хотя *от него* не могла не хотеть) или глубоко сожалела о невозможности их иметь. Этой жертвы требовал

Гитлер, и она согласилась, но ее нежность ко всему маленькому и беспомощному позволяет предположить, что она была бы рада ребенку. От ее лучшей подруги Герты Шнайдер, с которой, как с замужней женщиной, Ева делилась своими гинекологическими проблемами, биограф Нерин Ган узнал, что Ева никогда не беременела; у нее даже задержек менструации не было. Огромное количество ее фотографий с двумя маленькими дочерьми Герты, Бригиттой (Гиттой) и Урсулой (Уши), часто давало повод к предположениям, что Ева и есть их мать, и отсюда рождались бесчисленные ложные слухи. Она любила играть с малышами, ласково наклоняясь к ним, чтобы показать, как хорошо она с ними ладит. В марте 1969 года Ильзе Браун заверила Вернера Мазера, первого немецкого историка, написавшего биографию Гитлера: «Моя сестра точно никогда не ждала ребенка. Если бы такое случилось, она ни при каких обстоятельствах не прервала бы беременность. Это противоречило бы всем ее жизненным устоям...» (имеется в виду католическое воспитание Евы). Возможно, помимо спринцевания, она использовала и противозачаточные свечи, и хотя это тоже всего лишь предположение, ведет оно к тому же заключению: Ева не зачинала. Гитлер, призывавший миллионы немецких женщин к деторождению, сам не был готов стать отцом и не потерпел бы ребенка. Он считал свой имидж неприступного одиночки, жертвующего личным счастьем, главным секретом своей притягательности для женщин. Независимо от возраста и внешнего вида (в год Олимпийских игр ему было сорок семь), он имел харизматическое обаяние современной поп-звезды и оказывал такое же воздействие на поклонниц.

В 1931 году, задолго до того, как Гитлер стал канцлером, Международный олимпийский комитет выбрал Берлин ареной Одиннадцатых Олимпийских игр. Этим жестом

предполагалось приветствовать возвращение Германии в мировое сообщество после позорного поражения в Первой мировой войне. Потом НСДАП пришла к власти, и Международный комитет не мог не знать о растущем антисемитизме нацистского режима. Несколько стран выразили слабый протест, но Комитет не готов был вмешаться, а тем более рекомендовать своим членам подвергнуть Германию остракизму. Гитлер под давлением мирового сообщества пошел на уступки и разрешил нескольким еврейским спортсменам принять участие в соревнованиях, так что подготовка к Играм продвигалась по плану.

Для фюрера проведение Олимпийских игр стало как нельзя более своевременным подарком судьбы, из которого он намеревался извлечь максимум выгоды. Это был шанс во всем блеске показать не только немецкую молодежь и немецкий спорт, но и саму новую Германию, и идеалы арийского превосходства. Олимпийские игры должны были представить миру безупречную картину порядка и гармонии, затушевав уродливую действительность с ее предрассудками и гонениями. Единицы среди сотен тысяч гостей Берлина были осведомлены о том, что на время соревнований власти сняли антисемитские таблички на улицах, а цыганские народы синти и рома выселили в лагерь возле мусорной свалки в берлинском пригороде Марцаль, где многие из них заболели. Злобную антисемитскую газету *Der Stürmer* временно убрали из газетных киосков, хотя она продолжала издаваться.

Алоис Винбауэр оставил описание того триумфального года:

> 1936 год дал национал-социализму возможность поставить свой спектакль. Представители различных наций и народностей со всего мира стекались в Берлин на Олимпийские игры, и новый рейх прилагал все усилия, чтобы предстать

перед ними в выгодном свете. Членам партии было приказано вести себя образцово, гестапо и СС притихли, а пресса получила известную долю свободы. Фраза Геринга «Я буду решать, кто здесь еврей» временно стала интерпретироваться иначе. Короче говоря, Гитлер и Геббельс провели основательную весеннюю чистку. Сияние немецкой культуры все равно скоро затмит бесчинства штурмовиков [СА], и мир убедится, что Третий рейх твердо намерен стать уважаемым членом международного сообщества.

Он рассказывал, конечно, уже после событий. В ретроспективе всегда легко распознать суть или обозреть прошлое. Алоис, когда-то голодный студент, клянчивший еду у кузины Фанни, теперь был сорокалетним журналистом, главным редактором газеты *Neue Mannheimer Zeitung*. Этот пост он занимал с 1933 года до конца войны.

Немногие граждане и еще меньше иностранцев имели полное представление о том, что происходит за кулисами продезинфицированной Германии, которую показывали гостям. И все же полезно рассмотреть известные нам сегодня, по прошествии десятилетий, факты. Начиная с 1933 года узаконенный грабеж собственности евреев — домов и магазинов — становился все более бесцеремонным. «Простые домохозяйки внезапно выходили на улицу в меховых шубках, угощали гостей кофе, оказывались обладательницами драгоценных украшений и старинной мебели», — вспоминает Гертруда Зейдельман, библиотекарь из Гамбурга. Это было «одно из самых крупных отчуждений собственности в современной истории, массовый грабеж, в который вовлекались все новые слои населения». Нападения на евреев на улицах становились обычным делом. Ответственные за порядок члены СС были, как правило,

безмозглыми громилами или просто ущербными, презренными «маленькими людьми», движимыми расовой ненавистью или стремлением самоутвердиться через насилие. Антисемитизм прикрывался одержимостью тевтонской мифологией, которая одобряла концентрационные лагеря и использовалась для легализации массового истребления евреев и других неарийских народов. За такими эвфемизмами, как «дезинфекция», «чистка» и «наведение порядка», крылись бесчисленные акты садизма, оправдываемые клинической необходимостью. Как только антисемитизм укоренился в большинстве немцев и, по определению, во всех нацистах, партия решила проверить, насколько успешно проведена идеологическая обработка.

Первого января 1936 года был издан незначительный на первый взгляд закон, запрещающий евреям принимать на работу женщин моложе тридцати пяти лет. На этом этапе «хорошие» немцы еще хоть как-то могли убедить себя, что он отражает новые взгляды на материнство и семью. Миллионы других приписывали это печально известной предрасположенности евреев к изнасилованию молодых белокурых женщин. Такой же миф распространялся в рабовладельческую эпоху о чернокожих в Южной Америке и в тридцатых все еще служил предлогом для линчевания и казни невиновных. В то же время Гитлер резко критиковал Лигу Наций за выражение недовольства все более жестоким обращением с евреями в Германии. По мнению Гитлера и его соратников, они всего лишь применяли на практике общепризнанное учение — евгенику.

Впервые Гитлер намекнул на свои евгенические убеждения в речи на нюрнбергском съезде в 1929 году: «В результате нашего современного сентиментального гуманизма мы пытаемся поддерживать слабых за счет здоровых». Его доводы опирались на авторитет знаменитых предшественников. Евгеника появилась не в Германии, а среди постдар-

винистских научных течений в Англии. Термин предложил в викторианскую эпоху высокоученый Фрэнсис Гальтон, считавший, что применение принципов евгеники приведет к постепенному усовершенствованию человеческого рода, подобно тому как в конюшнях выводят скакунов. Эти идеи завоевали невероятную популярность в Европе, но глубже всего теория Гальтона укоренилась в Америке, у нации, состоящей из этнического коктейля, где людей с серьезными физическими и умственными отклонениями, а также просто со странным поведением сажали в тюрьму или подвергали лоботомии. Многих чернокожих женщин (часто жертв изнасилования) стерилизовали, чтобы их гены, запятнанные «аморальностью» и якобы распространяющиеся вследствие половой неразборчивости, не заражали здоровую кровь нации. Когда Гитлер был ребенком, идеи «расовой чистки» или «расовой гигиены» пользовались поддержкой и уважением среди немецких академиков и врачей. В Англии они тоже не утратили актуальности. Горячим сторонником евгеники был Джордж Бернард Шоу, с поразительной точностью предсказавший в 1910 году: «Программа евгенической политики приведет в итоге к широкому распространению камер смерти».

В Германии насильственную стерилизацию стали постепенно вводить с 1934 года. Ее применяли к некоторым изгоям общества, страдающим заболеваниями, которые считались наследственными: слабоумием, умственными расстройствами, шизофренией, физическими уродствами, эпилепсией, слепотой, глухотой и запойным алкоголизмом. Мало кто заметил, что эвтаназия стала набирать обороты, или выразил протест, кроме любящих своих увечных чад родителей. Те сопротивлялись изо всех сил, но тщетно. Как только власти уверились в молчаливом согласии общественности, программа шагнула вперед, легализовав умерщвление инвалидов, находящихся в стацио-

нарах. Но гости со всего мира, съехавшиеся в Германию на Олимпийские игры, ничего об этом не знали.

Олимпийские игры 1936 года больше всего запомнились благодаря четырем золотым медалям, которые завоевал чернокожий американский спортсмен Джесс Оуэнс, скромный и приятный молодой человек двадцати трех лет. К тому же он был не единственным — восемнадцать чернокожих американцев (шестнадцать мужчин и две женщины) принимали участие в соревнованиях и выиграли в общей сложности четырнадцать золотых медалей. Гитлер не предполагал, что на Олимпиаде может отличиться *негр*, а не один из белых немецких спортсменов, на кого возлагалось столько надежд. Он отказался поздравить Оуэнса и пожать ему руку, так что ему пришлось лишить рукопожатия и всех остальных победителей, включая немцев. Последних он, несомненно, поздравил в частном порядке. В своих собственных глазах немцы «выиграли» Олимпийские игры, но только сбросив со счетов медали, полученные «недочеловеками», то есть черными американцами. Оуэнс нес свою победу со сдержанным достоинством. И он, и Юлиси Пикок, и Ральф Меткалф чувствовали, что их медали являются наглядным опровержением расистских теорий национал-социализма.

Состязания блестяще запечатлены в фильме Лени Рифеншталь «Олимпия». Больше сорока операторов отсняли четыреста километров пленки. Рифеншталь и ее команде пришлось провести в монтажной восемнадцать месяцев. Она была назначена официальным хроникером, благодаря своему предыдущему документальному фильму «Триумф воли» о конгрессе нацистской партии в Нюрнберге в 1934 году. Рифеншталь заявляла, что к ней обратились из Международного олимпийского комитета, координирующего Игры, и попросили снять «Олимпию», хотя правила

запрещали использование материала, превозносящего отдельную расу или нацию. На самом деле это Гитлер предложил, чтобы она снимала соревнования, и распорядился профинансировать, по сути, четырехчасовую рекламу господствующей расы. Правда, Рифеншталь так и не признала этого до конца своей долгой жизни. Тем не менее «Олимпия», краеугольный камень пропаганды Третьего рейха, остается невероятно впечатляющим и волнующим произведением искусства.

Сегодня нелегко увидеть «Триумф воли» из-за его опасно убедительной силы, но несколько лет назад фильм показывали в Великобритании поздно ночью на канале BBC2. Я включила телевизор – меня очень интересовали обстоятельства, в которых протекала молодость моей матери. Магическое воздействие фильма поразило меня до глубины души. Он затрагивал все глубинные чувства, взывая к духовному (богоподобное явление фюрера в великолепном «Юнкерсе-52», прорывающемся сквозь облака в снопах света над Нюрнбергом), эмоциональному (толпы в экстазе, запрудившие улицы, чтобы приветствовать своего вождя), чувственному (загорелые, мускулистые руки крестьян, салютующих граблями и лопатами вместо винтовок) и буквально истерическому (кричащие молодые женщины, подающиеся к фюреру в порыве страсти тела, прикованные к его лицу сияющие глаза, жаркие приветствия дарителю счастья, долга и материнства). Я пришла в ужас от собственного душевного смятения. Фильм закончился после полуночи, и я долго сидела в темноте, думая: «Боже мой, а что, если он был прав?»

На следующее утро я пришла в себя, но это временное отречение от всего, во что я верю, помогло мне понять маму и ее неизменную приверженность здоровому образу жизни и упорному труду, хотя она всегда отрицала, что

видела фильм. Может, и правда не видела. Как и Ева, она предпочитала легкие, романтические картины. Но в 1935 году двадцатитрехлетняя Дита Шрёдер жила в Германии, видела и делала то же, что и ее друзья и современники. Она вполне могла посмотреть «Триумф воли» и ощутить на себе его воздействие. Неразрешимая загадка мучит меня по сей день.

Гитлер не слишком интересовался спортом, но понимал его притягательность для масс. Ничто не волнует так, как юные тела, торжествующие в своем расцвете. «Олимпия», как и сами Игры, прославляла триумф арийской силы, мощи и физического совершенства. Режиссер назвала свой фильм «гимном красоте и соревновательному духу». Так оно и было, несмотря на лежащую в его основе пропаганду. Видеоряд способен всколыхнуть глубины человеческого существа — чего стоит пылающий факел, передаваемый от спортсмена к спортсмену от горной Олимпии, где проводились Игры в античной Греции, до самого стадиона в Берлине (с 1936 года это стало ритуалом). Неизгладимое впечатление производят знамена, транспаранты, свастики, факелы, фанфары и парадное шествие под музыку Рихарда Штрауса. Когда трехтысячный хор грянул песню «Хорст Вессель», ни один немец не сдержал слез.

Одиннадцатые Олимпийские игры открывались Зимними играми, проходившими в Гармиш-Партенкирхене с 6 по 16 февраля 1936 года. Ева следила за ними с особенным интересом. Основное действо развернулось через пять месяцев в Берлине на глазах у высокопоставленных лиц, журналистов и любителей спорта, собравшихся со всего мира. Ева неприметно сидела несколькими рядами выше Гитлера. Церемония открытия проходила 1 августа. На обширной арене тысячи немецких спортсменов двигались слаженно, как единое целое, образуя олимпийский символ из пяти

соединенных колец. В ошеломляющем финале иглы света пронзили ночное небо — «собор света» Шпеера, — когда погас олимпийский огонь. Даже убежденный антифашист Роберт Байрон вынужден был похвалить представление:

> Восхитительное зрелище: тридцать четыре поля алых флагов, а между ними тридцать три сияющих прожектора, устремивших лучи прямо в небо и пересекающихся в одной точке в завораживающем танце. На арене находилось сто тысяч человек. Затем на нее хлынул поток из двадцати пяти тысяч флагов, в который с обеих сторон вливались по четырнадцать тысяч маленьких флажков, трепещущих на ветру и переливающихся алым и золотым. Большая трибуна была украшена факелами, и все флаги между ее колоннами были озарены их светом.

Внушительная композиция, затрагивающая струны патриотизма и поклонения героям. Йозеф Геббельс, с 1933 года министр народного просвещения и пропаганды, знал, что успешная пропаганда должна взывать к сердцу, а не к разуму. «У немецкого спорта только одна задача: закалить характер немецкого народа, вселить в него боевой дух и непоколебимое чувство товарищества, необходимые в борьбе за существование». Отрежиссированный спектакль, спортивные рекорды и щедрое гостеприимство превратили Олимпийские игры в хвалебную песнь Германии, которую нацисты желали прославить через своих спортсменов: олицетворение физической красоты, дисциплины и согласованности.

Состязания продолжались шестнадцать дней, и в течение этого времени партийные лидеры пытались превзойти друг друга, закатывая самые невероятные пиры для особо важных гостей. «Чипс» Ченнон — не из тех, кого легко поразить богатством, — записал в своем дневнике после одного из банкетов Геринга:

«Ничего подобного не было со времен Людовика Четырнадцатого», – заметил кто-то.

«А то и со времен Нерона», – парировал я, хотя на самом деле это больше походило на пиры Клавдия, только без зверств.

Только без зверств. Ченнон, несмотря на все свое светское щегольство, был доверчивым простофилей. Запись продолжается: «Геринг принял нас, улыбаясь, весь обвешанный орденами и знаками отличия, рука об руку с женой... В Геринге есть что-то определенно языческое, отзвук арены, хотя говорят, что он может быть очень жестким и безжалостным, как и все нацисты, когда обстоятельства того требуют. Но внешне он казался воплощением детского тщеславия и любви к зрелищам». Вопреки дурным предчувствиям, Чипс и многие другие английские гости набивали желудки за столом у Геринга – и у Геббельса, и у Риббентропа.

По окончании Олимпийских игр американский журналист Уильям Шайрер – один из немногих, узревших страшное будущее сквозь дымовую завесу помпезной церемонии, – написал: «Боюсь, что нацисты преуспели в своей пропаганде. Во-первых, они организовали Игры с невиданной доселе роскошью, и это польстило спортсменам. Во-вторых, они проявили себя с самой лучшей стороны перед именитыми гостями, особенно перед крупными предпринимателями». Иностранные зрители увезли с собой впечатление миролюбивой, процветающей и дружелюбной нации. Олимпийские игры значительно умерили прежние опасения многих в отношении нацистской Германии.

На следующий год Гитлер заказал Альберту Шпееру проект нового, еще более колоссального стадиона в Нюрнберге на четыреста тысяч мест, уверенный, что Олимпийские игры отныне всегда будут проводиться в Германии.

Огромные пространства архитектуры Шпеера с широкими лестничными пролетами, увенчанными возвышением с красными, черными и белыми свастиками, возводили фюрера на пьедестал. Недосягаемая, демоническая фигура, он обращался к немецкому народу: «Вы должны следовать этой всеобъемлющей потребности подчиняться!» Отказ выполнять волю Гитлера приравнивался к отречению от Германии, от высокой чести принадлежать к немецкой нации, к арийской расе. Очень немногим хватало независимости и смелости не поддаться этой иллюзии, противостоять гипнотической силе его речей и прислушаться к внутреннему голосу совести и разума.

Когда 16 августа Игры завершились, Ева не имела возможности разделить с возлюбленным ликование по поводу успеха Германии или поздравить с тем, что немецкие спортсмены завоевали больше всех золотых медалей (если не считать чернокожих американцев). Гитлер оттачивал последние детали четырехлетнего плана преобразования немецкой экономики. Маленькая фрейлейн Браун, как всегда безымянная, проскользнула в одну из служебных машин, возвращавшихся в Мюнхен или Бергхоф, и уехала вместе с остальной свитой. Если бы кто-то вдруг поинтересовался, кто эта хорошенькая девушка, ему бы ответили, что она секретарша.

IV

Лучшие годы: праздный Бергхоф

Глава 15

Женщины на «Горе»

Под покровом внешних приличий атмосфера Бергхофа была пропитана эротическим напряжением. Учитывая обилие незамужних машинисток, телефонисток, поварих и горничных, ставленники Гитлера со своими здоровыми инстинктами получали виртуальное «право первой брачной ночи» и пользовались им вовсю. «В Бергхофе постоянно кипели страсти. Там протекали многочисленные любовные романы – по крайней мере, просто романы; насчет *любовных* не знаю, – но все дышало чувственностью. Гитлер не был чувственным человеком, хотя, насколько я понимаю, с Евой Браун он имел совершенно нормальные отношения» [Гитта Серени, из интервью для фильма «Адольф и Ева»]. Геринг был похотливым развратником, бравшим любую женщину, какую пожелает, и мало кто осмеливался отказать ему. Почти все мужчины заводили любовниц, иногда с ведома жен. Герда Борман, мать десятерых детей, терпела откровенные связи мужа с его секретаршей и с актрисой Магдой Беренс. Чета Геббельс имела относительно маленький дом на «Горе» и редко туда приезжала, предпочитая свои роскошные владения на полуострове Шванензее возле озера Ваннзее. Отчасти, возможно, потому, что Йозеф Геббельс со своей богатой личной жизнью старался держаться подальше от взыскательного взора Гитлера. Отвечая за пропагандистские фильмы, он непрерывно наслаждался «постельным кастингом». Кандидатки в актри-

сы, ищущие его расположения, знали, что придется с ним спать. Любовницы сменяли одна другую в бурном водовороте адюльтера. Когда актриса Лида Баарова заняла постоянное место, его жена Магда изводилась от ревности (хотя сама крутила в то время роман с Карлом Хенке, личным секретарем Геббельса). Прекрасная Баарова чуть не разрушила брак Геббельсов, но в конце концов Гитлер выгнал ее, дав двадцать четыре часа на сборы, и приказал Йозефу и Магде сойтись вновь и наладить отношения. нацистские лидеры, особенно имеющие по нескольку детей, не обременяли себя семейной этикой, которую проповедовала партия.

Не всякий мужчина на «Горе» пользовался своим высоким положением, чтобы наслаждаться чередой внебрачных афер. Альберт Шпеер не позволял себе подобного. Несмотря на то, что женщин к нему тянуло словно магнитом и что жену свою он встретил в возрасте шестнадцати лет, он оставался верен Маргрет до конца жизни. Также и доктор Брандт, один из личных врачей Гитлера (его рекомендовала Ева, справедливо подозревавшая в шарлатанстве доктора Морелля, втершегося в доверие к вождю). Николаус фон Белов, любимый адъютант фюрера, женатый на красавице Марии фон Белов, — тоже нет. Их гордые молодые жены не простили бы супружеской измены. По всей видимости, эти три брака, по крайней мере, были «настоящими», и супруги действительно хранили друг другу верность, невзирая на удушливую атмосферу, в которой они жили. Мария фон Белов говорила:

> Жизнь наша, конечно, протекала довольно обособленно. Мы полностью зависели друг от друга, в социальном и эмоциональном отношении. <...> Видите ли, находясь в Бергхофе, мы не воспринимали его как гостиницу. Мы всегда были общиной. Повар Гитлера готовил для нас, его горнич-

ные заботились о нашей одежде, о починках — и, как бывает во многих семьях, живя там, мы нигде не могли уединиться, кроме как в собственной спальне.

Жены приближенных Гитлера находились почти в такой же ловушке, как и Ева, но у них, по крайней мере, были мужья и дети, дающие душевное равновесие и ощущение, пусть и ложное, что за гитлеровской пантомимой у них продолжается нормальная жизнь. Только немногих, вроде Маргрет Шпеер, угнетало отсутствие интеллектуальной свободы, не говоря уже о культурном содержании, в их пресной разговорной диете: «Беседы велись только о людях, обычные сплетни, да о пьесах, фильмах и концертах — мы часто обсуждали артистов. Ну, еще можно было поговорить о детях».

Обновление Бергхофа завершилось в 1936 году. На фотографиях Гофмана он выглядел уютным загородным домом фюрера, но на самом деле являлся центром огромного комплекса. Бергхоф был сердцем Оберзальцберга, но постепенно вокруг вырастали частные дома, принадлежавшие высшим должностным лицам партии. Одни старые традиционные фермы расширялись и перестраивались в роскошные шале для них и их семей, в то время как другие сносились, уступая место помещениям для сотен охранников, чиновников, сельскохозяйственных рабочих и прочего обслуживающего персонала. Дом Геринга, до отказа забитый награбленными произведениями искусства, был шикарнее самого Бергхофа, как и Каринхалль, названный в честь его первой жены, и еще больший дом в пригороде Берлина. Геринг жил в Оберзальцберге со своей второй женой Эммой и невероятно избалованной дочерью Эддой, для которой слуги привязывали яблоки к ветвям деревьев в разгаре зимы. Только Геббельс, забравший себе шале, принадлежавшее раньше семье Бехштейн,

и не слишком часто посещавший его, а также Шпеер, чей дом стоял на самом краю комплекса, имели относительно скромные жилища. Обо всех этих привилегированных соратниках, их семьях и домах заботились десятки слуг, готовивших, убиравших, стиравших, приглядывавших за детьми, оставляя женам прорву времени на болтовню и сплетни за чашечкой кофе.

Женщины делились на три весьма несхожие группы. Первую составляли жены партийной элиты, обычно молодые и красивые на момент замужества, но со временем расплывшиеся от изобилия хорошей еды и слишком частых родов. Они входили в ограниченное число обитателей Оберзальцберга, прекрасно знавших о роли Евы, но Гитлер запрещал ей навещать их, а им — приглашать ее. Среди них главенствовали Магда Геббельс (мать семерых детей), язвительная, высокомерная Эмма Геринг и Герда Борман (мать десятерых). Герда, дочь нацистского судьи, в молодости высокая и привлекательная, опустилась практически до уровня племенной кобылы. Нервная и издерганная, она не любила жизнь на «Горе», отчасти потому, что Борман безобразно с ней обращался. Шпеер описывал ее как «скромную и несколько забитую домохозяйку». Тем не менее она была такой фанатичной нацисткой, что писала мужу по поводу его любовницы Магды Беренс: «Следи, чтобы один год рожала она, другой год — я, так чтобы у тебя всегда была пригодная к делу жена». Герберт Дёринг вспоминал: «Она существовала только ради деторождения. Ничто не могло вызвать у нее улыбку. Он иногда ужасно бранил ее. Я узнавал об этом от няни, сетовавшей на злобный нрав Бормана». Справляться с постоянными беременностями и так было нелегко. Жена Генриха Гиммлера Маргарет, несчастное создание, заработала военный невроз, пока служила сестрой на фронте, и старалась избегать свет-

ского общения. Жене доктора Морелля Ханни и второй жене Генриха Гофмана Эрне тоже не разрешалось принимать у себя любовницу фюрера. И Ильзе, супруги Рудольфа Гесса, это касалось, хотя к 1936 году она успела подружиться с Евой. Ильзе, судя по ее воспоминаниям, в какой-то мере сочувствовала двусмысленному положению девушки: «С 1933 года она была его любовницей, но ей, наверное, ужасно тяжело приходилось оттого, что он ее так прячет. Я вам скажу, на кого она походила: на Гели. Как раз во вкусе фюрера». Фрау Гесс попала в опалу в мае 1941 года, когда ее муж отправился с самовольной миротворческой миссией в Шотландию, и ее тут же выселили из их дома на «Горе». Оставшаяся пятерка — Магда, Герда, Эмми, Ханни и Эрна — глядели на Еву сверху вниз, полагая, что стоят выше ее на социальной лестнице. Для них она оставалась маленькой мюнхенской пустышкой, и их возмущало, что Гитлер избрал ее своей любовницей. Магда Геббельс и жена Геринга Эмми соревновались за первенство в негласной иерархии и не упускали случая очернить Еву. Малейшие признаки превосходства приобретали огромное значение, как расположение кресел герцогинь в Версале. Садовник приносил свежие цветы дамам на «Горе», и фрау Геринг испытывала необыкновенное удовлетворение от того, что ее цветы меняли каждый день, а у Евы — только через день.

Напряжение и соперничество между членами сей заносчивой группы хорошо видны при внимательном рассмотрении фотографий в альбомах Евы. Фрау Гиммлер и фрау Геринг появляются на них редко. Становится жаль Еву, пытавшуюся лавировать среди этих рифов: кто свой — кто чужой, кому можно доверять — кому нельзя? Как при любом дворе, вращающемся вокруг абсолютного монарха, каждый зависел от благосклонности Гитлера, и люди не смели выражать вслух свои истинные мысли.

Вторая группа на «Горе» состояла из сестрички Гретль (она почти не расставалась с Евой, будучи кем-то вроде камеристки и наперсницы) и друзей обоего пола, которых Ева приглашала из Мюнхена на выходные составить ей компанию или развлечь Гитлера. Особенно часто это случалось в начале, когда она, окруженная завистью и честолюбием, нуждалась в их моральной поддержке. Она представила Герту Остермайр (незамужнюю в то время) Гитлеру еще в 1933 году, и та ему понравилась: она была как раз из таких благопристойных, привлекательных мюнхенских девушек, к которым его тянуло. Выйдя замуж за Эрвина Шнайдера в 1936 году, Герта с детьми во время долгих отлучек супруга по делам военной службы проводила немало времени в Бергхофе. Семье Шнайдер даже отвели потом отдельные апартаменты в одном из близлежащих домов, вообще-то предназначенных для почетных гостей. Герта оказывала на Еву благотворное влияние; чуткость и мудрость этой спокойной, здравомыслящей женщины в значительной степени компенсировали иллюзорность жизни в Бергхофе. Она не следовала моде, никогда не меняла прическу и не пользовалась косметикой, зато ее привязанность к давней школьной подружке и поддержка были непоколебимы.

Еще одна подруга, Марион Шёнман, завоевала восхищение Гитлера своим умом и связями в мире искусства. Уроженка Вены, она имела отношение к Венскому оперному театру. Гитлер даже, в виде исключения, готов был выслушивать ее суждения о музыке, а не только выкладывать свои собственные. Марион вышла замуж за господина Тейссена 7 августа 1937 года, и Ева с огромным удовольствием взялась организовывать их свадьбу, а затем большой пышный прием в Бергхофе – вечерние туалеты обязательны. Ева сидит в переднем ряду групповой фотографии и выглядит не то чтобы печальной, но, несомненно, задумчивой.

Эта вторая группа общалась с немногими женами из Бергхофа, которым нравилась Ева: Анни Брандт, прелестной юной Марией фон Белов и, позже, Маргрет Шпеер. (Они были лучшими из компании, и тот факт, что они стали ее друзьями, позволяет высоко оценить Еву.) Моложе и миловиднее высокомерных матрон, они были лишь чуть старше Евы. Последней к ним присоединилась кокетливая белокурая фрейлейн Зильберхорн, телефонистка в доме для гостей, часто сопровождавшая Еву на прогулки по окрестностям Бергхофа и ставшая потом очередной любовницей Бормана. Женщины нуждались в союзницах при коварном дворе Гитлера, и эти четверо, а также Гретль, поддерживали и защищали Еву. Без них злословие и остракизм прочих жен были бы невыносимы. Две группы — жены нацистов и подруги Евы — сосуществовали в условиях негласного соперничества и взаимной неприязни, и лишь единицы ладили и с теми и с другими; пожалуй, только Анни Брандт и Мария фон Белов, неотразимые в своем обаянии и дружелюбии.

В качестве буфера между ними выступала третья группа, состоящая из четырех личных секретарш Гитлера и его особой поварихи-диетолога Констанце Манциарли. Секретари, далеко не все молодые и хорошенькие, выбирались не только за свои профессиональные качества, но и за то, что Гитлеру нравилось их общество. Одна из них — Герда Кристиан (урожденная Дарановски, отсюда ее прозвище Дара) — выглядела просто сногсшибательно, *ein tolles Weib*[1], предмет вожделения любого мужчины. Ева тоже к ней ревновала. На год моложе Евы, она поступила на службу к Гитлеру в 1939 году. Фрау Кемпка, вторая жена шофера Гитлера Эриха, терпеть ее не могла. На допросе после войны она сказала: «Горячая была девица. Спала со

1 Шикарная женщина (*нем.*).

всеми, кто хорошо ей платил». Траудль Юнге описывала ее более доброжелательно: «Она выглядела очаровательно со своими темно-каштановыми кудрями, полная юного задора, воплощение самой жизни. Ее блеск был неотразим, ее смех звучал как серебряный колокольчик. Независимо от того, замечал ли Гитлер ее женские прелести, она отлично справлялась с обязанностями секретаря. Я редко видела, чтобы кто-то так быстро и аккуратно печатал». Криста Шрёдер, старший секретарь, работавшая на Гитлера с 1933 года, не любила Еву и намекала Гитлеру, что та его недостойна, но он не обращал внимания на ее колкие, язвительные замечания. Правда, как-то раз, нахваливая добродетели другой женщины, она заключила: «Будем откровенны, мой фюрер, Ева совсем вам не подходит!» — на что Гитлер отрезал: «Меня она вполне устраивает».

Фрау Шрёдер, умная женщина с характером, не боялась своего грозного начальника. Однажды она осмелилась упрекнуть Гитлера за то, что он возражал против курения молодых солдат. За этот *faux pas*[1] с ней не разговаривали несколько недель.

Альберт и Маргрет Шпеер старались избегать затягивающего водоворота гитлеровского окружения. Они являлись во многих отношениях необычной парой, например, были добры к Еве, игнорируя запрет на общение с ней. Шпеер шел своим путем и делал что хотел, но на редкость застенчивая Маргрет больше занималась воспитанием детей, чем все остальные жены на «Горе», поручавшие заботу о своих чадах кормилицам и няням. Замкнутой молодой матери весьма строгих нравов нелегко было признать любовницу Гитлера. По старомодным понятиям, Ева не заслуживала уважения. Но вопреки своим предубежденям, Маргрет все же подружилась с ней, хотя считала, что ино-

1 Неверный шаг (*фр.*).

гда Ева важничает: «С нами, женщинами, знаете ли, она вполне осознавала свое положение. На пикниках она старательно изображала хозяйку. Если Анни Брандт предлагала прогуляться, но Ева Браун хотела купаться, то мы шли купаться, и точка». На что Шпеер, несомненно, отвечал: «Но ведь она и есть хозяйка, не так ли?»

Гитлер очень тепло относился к его жене, которую называл «моя прекрасная фрау Шпеер». Узнав, что Альберт и Маргрет бездетны, он пришел в ужас. Шпеер описывал его реакцию:

> Он [Гитлер] спросил: «Как давно вы женаты?»
>
> Я ответил: «Шесть лет, мой фюрер».
>
> Тогда он спросил, сколько у нас детей, и я сказал, что нисколько. [Шпееру тогда не хотелось говорить, что Маргрет находится на пятом месяце беременности.]
>
> «Шесть лет женаты, и нет детей, — удивился он. — Почему же?»
>
> Все, о чем я мог думать в тот момент, — что мне хочется провалиться под пол... Впрочем, после этого у нас родилось пять детей чуть ли не друг за другом.
>
> Звучит так, будто они завели детей ради Гитлера, заметила я [Гитта Серени]. Шпеер пожал плечами:
>
> «Можно и так сказать. Пожалуй...»

Первая дочка Шпееров Хильда родилась в июле 1934 года; шестой и последний сын Эрнст — в сентябре 1943 года. Гитлер считал себя вправе распоряжаться личной жизнью окружающих и не однажды подталкивал молодых женщин к поспешным и преждевременным свадьбам, предпочтительно с кем-нибудь из своих красивых, преданных адъютантов. Он хотел, чтобы его юные арийские герои обзавелись детьми, пока не погибли. Как показывает история Шпеера, он ничуть не стеснялся вмешиваться в супру-

жеские дела — и даже гордая, независимая чета Шпеер подчинилась его воле.

Шпеер редко приезжал в Бергхоф после 1934 года, то есть после своего назначения в двадцать девять лет личным архитектором Гитлера. С тех пор он большую часть времени проводил в Берлине, претворяя грандиозные замыслы Гитлера в архитектурные проекты, которые по одобрении фюрера (они проводили вдвоем долгие часы, самозабвенно изучая чертежи) воплощались в колоссальные здания, предназначенные простоять не меньше, чем сооружения древних греков или римлян. Между Гитлером и Шпеером, несмотря на шестнадцать лет разницы в возрасте, завязалась крепкая дружбы, походившая больше на любовь, только, разумеется, без сексуальной составляющей. Альберт Шпеер признался своему биографу, что Карл Хеттлаге, работавший с ним над берлинским проектом и хорошо его знавший, сказал ему летом 1938 года: «Вы — несчастная любовь Гитлера». Шпеер добавил: «И знаете, что я тогда почувствовал? Радость. Счастье».

Альберт Шпеер производил глубокое впечатление на всякого, кто с ним встречался. Он казался совсем не таким, как большинство ползающих на брюхе ротвейлеров и лизоблюдов, окружавших Гитлера. Шпеер добился расположения без видимых усилий. Он был чуть ли не единственным человеком, не льстившим и не лгавшим фюреру. Карл Хеттлаге описывал его так: «Вот он, очень молодой, невероятно могущественный человек, но ничто не выдавало в нем осознания своей власти. На вас смотрел некто *предельно обходительный, спокойный, дружелюбный,* остроумный и скромный». Лени Рифеншталь, чрезвычайно падкая на красивых мужчин, называла его: «Другой. Он выделялся; он был тихим, даже немного застенчивым, но так проявлялась не робость, а сдержаность. Он был чист. Немыслимо, чтобы он мог поступить нечестно». Она по-

лагала его «самым важным — и, безусловно, самым интересным — человеком в Германии после Гитлера». Но Хью Тревор-Ропер оказался не столь доверчив. Он пришел к выводу, что именно *потому* что Шпеер казался таким порядочным, он и являлся одним из самых опасных людей в свите Гитлера, создавая иллюзию легитимности вокруг этой дьявольской шайки.

Еве сразу же понравился Альберт Шпеер, но какое-то время она держалась в стороне, не только потому, что ей не полагалось общаться с высокопоставленными нацистами, такими, как чета Шпеер, но, возможно, и потому, что ей казалось несколько бестактным, будучи любовницей Гитлера, дружить с его молодым архитектором, раз двое мужчин состояли в столь близких отношениях. На самом деле Гитлер, похоже, не возражал. Возможно, оттого что его самого неудержимо тянуло к Шпееру, он легко мог понять это влечение. Кроме того, он достаточно хорошо знал Шпеера и был уверен, что ни о чем неподобающем и речи быть не может. Впоследствии Гитлер даже поощрял ее ездить со Шпеерами на лыжные курорты, и со временем Альберт стал ее ближайшим — и единственным — другом мужского пола на «Горе». Видимо, Ева проявляла должную деликатность, так что взаимоотношения трех участников этого эмоционального треугольника оставались теплыми и платоническими.

> Шпеер был величайшим исключением среди приспешников Гитлера, и можно бы предположить, что ему было скучно с кем-то вроде Евы Браун. Однако его привлекало в ней не просто что-то легкое, а что-то доброе. Ева Браун, как ни странно это прозвучит, была, по всей видимости, хорошим человеком. Любопытно, что можно отозваться так об особе, столь близкой к Гитлеру. Очень любопытно. Это в очередной раз доказывает, что черного и белого не существует. [Гитта Серени]

Ева не только общалась со старыми и новыми друзьями, но и постепенно восстанавливала отношения с родителями. К тому времени, как она года два прожила вдали от дома, разрыв начал стягиваться. Фанни очень горевала из-за разлуки с двумя младшими дочерями, особенно когда Ильзе вышла замуж и уехала жить в Берлин. Она старалась приучить Фритца к мысли, что если ситуацию нельзя изменить, то почему бы ее и не принять. Уже на Троицу 1935 года (если только Ева не перепутала даты, подписывая фотографии, что ей очень даже свойственно) Фанни навестила свою блудную дочь в Оберзальцберге. После этого ни аполитичность Браунов, ни их неодобрение поведения дочери не помешали им принимать ее приглашения погостить в Бергхофе, где Гитлер принимал их чуть ли не с распростертыми объятиями и демонстрировал подчеркнутое уважение, даже почтительность. Он сочувствовал негодованию Фритца — любой порядочный немецкий отец ощущал бы то же самое — и, пусть не собирался жениться на Еве, но явно старался дать ее родителям понять, что она в хороших руках: забавная иллюстрация его мелкобуржуазной морали, полностью противоречащей его чудовищной политической этике. Скоро вся семья стала проводить отпуска за границей за счет Гитлера. Тогда еще — последние дни — простая немецкая семья, даже семья Браун, могла исхитриться не вступать в нацистскую партию и не понести за это наказания. Ева никогда не состояла в партии, как и остальные женщины Браун. Фанни твердо заявила Нерину Гану: «Нам и не нужно было: мы же *семья*». Фритц — прежде убежденный противник нацистов и их идеологии — в конце концов стал членом партии в мае 1937 года, несомненно, не без давления со стороны подручных Гитлера.

Весной 1936 года Ева и Гретль с матерью в качестве дуэньи отправились в поездку по Италии, первую из многих,

в сопровождении группы друзей, в том числе сына Гофмана Хайни, с которым у Гретль на какое-то время завязался легкий роман. Серия моментальных снимков освещает самые яркие моменты их путешествия. Они фотографировались на пляже возле озера Гарда, перед собором в Милане, снова на море в Виареджо, потом во Флоренции, Болонье и Венеции (площадь Сан-Марко с голубями — как же без голубей!). Им, вероятно, и в голову не приходило, что их визит санкционирован Министерством иностранных дел Италии и что за ними ненавязчиво приглядывают. А если бы и знали, что им с того? Семья Браун состояла из неутомимых туристов. В четвертом альбоме Евы есть несколько фотографий, где они все вместе отдыхают в Германии два года спустя, в 1938 году. Они ехали вереницей, Ева — в черном «мерседесе» с номерным знаком ПА-51596, полученным от Гитлера, выпрямившись на переднем сиденье рядом с водителем. (Она и сама научилась водить, но Гитлер боялся, что она будет гнать и разобьется, так что в длительные поездки просил ее брать шофера.)

Летом 1938 года, заложив фундамент нового завода «Фольксваген», Гитлер достал Еве один из первых прототипов «народного автомобиля» (аналог «Модели Т» Генри Форда), позволившего рядовым немцам путешествовать по новым дорогам, уже прорезавшим сельские долины. Машина стала очередным его подарком Еве, хотя вряд ли он платил за нее сам — скорее всего, Борман снова провернул сделку от его имени. У матрон Бергхофа не могло остаться сомнений, что, как бы *они* к ней ни относились, Гитлер был Евой доволен и щедро вознаграждал ее.

Глава 16

Три, три, соперницы...

Ева Браун никогда не была первой леди Германии и никогда не хотела ею стать. Она совсем не интересовалась политикой, и высокое положение Гитлера заботило ее только тем, что его служебные дела часто их разлучали. Когда ему нужна была спутница для торжественных церемоний, место подле него занимала Магда Геббельс. Она, как никто, подходила на эту роль.

Фрау Геббельс белой вороной выделялась среди жен нацистов. Она была образованна и утонченна, имела связи в обществе, обладала острым умом и тем не менее страстно разделяла нацистские убеждения и преклонялась перед Гитлером. Современники превозносили ее холодную, северную красоту, хотя точеные черты лица и строгая прическа придают ей жесткий и высокомерный вид на фотографиях.

Ее элегантные и дорогие платья отличались крайней простотой. Она больше напоминала мраморную статую, чем живую женщину, а тем более мать нескольких детей. Но за ледяным фасадом скрывалась страстная и сложная натура. Чтобы лучше понять, насколько ее история могла подорвать историю Евы, мы ненадолго оставим нашу героиню и вернемся на тридцать пять лет назад.

Эта потрясающая женщина, урожденная Мария-Магдалена Ричел, родилась в 1901 году в семье инженера. Ее родители развелись, когда ей было четыре года. Вскоре

ее мать вышла замуж за богатого еврейского предпринимателя по имени Макс Фридлендер и забрала маленькую дочку с собой в Брюссель, где девочке дали фамилию нового мужа матери. Семья придерживалась еврейских религиозных традиций, хотя добрый и любящий отчим позволил Магде, которая до сих пор воспитывалась в лоне католической церкви, получать образование в монастырской школе ордена Святой Урсулы. В июле 1914 года, встревоженные политическим убийством в Сараеве, тринадцатилетняя Магда и ее мать вернулись в Берлин. Красота юной Магды не осталась незамеченной, так как в возрасте двадцати лет она сделала блестящую партию, выйдя замуж за миллионера-промышленника вдвое старше себя. Его звали Гюнтер Квандт. Они познакомились 18 февраля 1920 года, когда она возвращалась в пансион в Госларе, в Баварии. Квандт увидел ее в поезде и пал жертвой ее чар. Почти год он ухаживал за Магдой, и в январе 1921-го они поженились, а через десять месяцев родился их единственный сын Харальд. В течение следующих нескольких лет фрау Квандт, несмотря на юный возраст, вращалась в высших кругах общества. Все восхищались изысканностью ее апартаментов и роскошными приемами, на которых она блистала в роли хозяйки. Однако брак оказался несчастливым, и в 1929 году она потребовала у мужа развода. Влюбленный в Магду, невзирая на ее частые измены, Гюнтер Квандт позаботился о щедром обеспечении. Помимо изрядной суммы денег, она получила квартиру на Рейхсканцлерплатц, в самом престижном районе Берлина.

Через год Магда услышала речь Геббельса на партийном съезде. Путци Ганфштенгль описывал его как «насмешливого, ревнивого, порочного, дьявольски одаренного гнома» и в убийственно метком сравнении назвал «рыбой-лоцманом акулы Гитлера». Внимающие ему толпы быстро забывали о его тщедушном сложении, ибо Йозеф Геббельс был непре-

взойденным оратором. Одно его выступление в корне изменило жизнь Магды. До сих пор она была доброй католичкой, но тут мгновенно обратилась в новую веру и до самой смерти исповедовала нацизм с почти религиозным пылом. Не обращая внимания на протесты бывшего мужа и многих друзей, она добилась места в генеральном штабе партии, и вскоре ее перевели в отдел Геббельса. Говорят, это случилось после того, как они столкнулись на лестнице. Легко увлекающийся и большой охотник до женщин, он влюбился в нее без памяти, и у них начался роман. Магда знала, что он волокита и что верности от него ждать не приходится, но у нее самой было бурное интимное прошлое. Как загадочно отметил Геббельс в своем дневнике 30 мая 1931 года: «Она всегда жила весьма полной жизнью».

Гордый своей последней победой, в ноябре 1931 года он представил ее фюреру на светском мероприятии в чайной комнате гостиницы, не зная о том, что Гитлер уже утешился после смерти Гели, соблазнив Еву Браун, возможно, как раз в том же месяце. Тридцатилетняя Магда Квандт находилась в расцвете зрелой красоты. Впоследствии ее лицо станет жестче, а уверенность примет оттенок цинизма. Со своими аристократическими манерами и светским лоском, она являлась как раз такой женщиной, какую соратники Гитлера хотели видеть рядом со своим предводителем. Геббельс не испытывал недостатка в любовных связях; если бы фюрер пожелал Магду, он уступил бы ее. И если будущий лидер ищет идеального союза, вот женщина, достойная стать первой леди Рейха. Ни разу после Гели не впадал Гитлер в такое искушение. Но брак с Магдой, вне всяких сомнений, доставил бы немало хлопот, а он был не уверен, что хлопоты ему нужны. И совершенно уверен, что не хочет вступать в брак.

А тем временем в Мюнхене, ничего не зная об этой встрече, в студии Гофмана работала по восемь часов в день

простодушная, влюбленная Ева со свежим личиком, на много лет моложе соперницы. С ней, невинной и податливой, наверное, было хорошо в постели, и, самое главное, она не собиралась осложнять ему жизнь. Девятнадцатилетняя фрейлейн Браун, ласковая и послушная, подходила Гитлеру. Он, если и не влюбился, то уже привязался к ней. Высокомерная фрау Квандт, с другой стороны, потребовала бы обручального кольца и общественного признания. Она не относилась к тем женщинам, кого можно взять в любовницы, а затем бросить, но определенно могла быть ему полезна. Сразу же угадав возможности Магды, он поделился мыслями со своим другом Отто Вагенером: «Эта женщина могла бы играть важную роль в моей жизни, даже если я на ней не женюсь. Во всех моих деяниях она могла бы олицетворять женское начало, дополняющее мое мужское». И многозначительно добавил: «Какая жалость, что она не замужем».

Конечно, он мог опасаться, что Магду не обманет его напыщенный вид и она разглядит неуклюжего провинциала за маской самоуверенного выскочки. Но, как всегда, важнее была другая, глубинная причина: постыдный секрет Гитлера, чей род запятнан кровосмешением и слабоумием. Он один знал, что на самом деле препятствует его браку. У него были все основания не связываться с блестящей дамой света и предпочесть ей простую мюнхенскую девочку. Надеялась ли Магда Квандт, что Гитлер прельстится ею, и если так, то собиралась ли лишить своей благосклонности вероломного распутника Геббельса? Многие сподвижники Гитлера считали, что она влюблена в него и вышла за Геббельса, только чтобы оставаться подле фюрера, но это слишком простое объяснение. Помимо того, что и она и Йозеф имели скрытые мотивы — каждый извлекал выгоду из общественного положения другого, — их брак основывался на взаимной любви и сексуальном влечении. Свадьба состоялась 19 дека-

бря 1931 года. Гитлер присутствовал в качестве свидетеля. С этого момента он все время держался от Магды Геббельс на безопасном расстоянии, наслаждаясь ее обществом как доброго друга и несравненной хозяйки приемов, но помня, что ее одержимость им легко может перерасти в истерию (а о женской истерии он знал предостаточно).

Следующие месяцы Геббельсы вели себя, как помешанные друг на друге новобрачные, что чрезвычайно раздражало их друзей. Путци Ганфштенгль язвительно заметил: «Магда кличет: «Ангел мой!» — и кто же выскакивает из-за угла, как не дьявол собственной персоной, даже козлиные копыта у него имеются».

Роскошные апартаменты в доме №3 на Рейхсканцлерплатц превратились в салон Гитлера, и в скором времени Магда Геббельс взяла на себя обязанности официальной хозяйки его приемов. Ее даже почти что признавали первой леди Германии, хотя по праву звание принадлежало Эмми Геринг, поскольку ее муж стоял в партийной иерархии выше Геббельса. Статная Эмми, бывшая актриса, не обладала светским лоском Магды, однако разделяла ее страсть ко всему величественному. Женщины на «Горе» даже иногда называли ее за глаза «королевой-матерью». Предполагаемое соперничество между двумя женщинами порождало бесчисленные толки среди тех, кто любил посплетничать о Гитлере, но ни Эмми, ни кто-либо другой не пытались всерьез равняться с фрау Геббельс. Белла Фромм, берлинский репортер светской хроники, писала: «Эмми не интриганка, а добрая женщина и прекрасная мать... Ее чудесные светлые волосы заплетены в толстую косу, уложенную венцом вокруг головы, ее большие голубые глаза излучают нежность и покой. Она любит носить просторные платья, которые делают ее еще круглее и пышнее... Полная противоположность Магде Геббельс, тощей, злонравной стерве».

Магда стала бесценным приобретением для фюрера — это была, возможно, единственная женщина, чей ум и суждения он принимал всерьез. С течением лет ее верность и преданность не поколебались ни на йоту, но она то и дело отпускала обидные колкости в адрес его приспешников и особенно их напыщенных жен. Любовницу Гитлера она презирала и открыто унижала. Как-то раз, рассказывает Путци Ганфштенгль:

> Ева приехала на нюрнбергский партийный съезд в очень дорогой шубке. Магда Геббельс, считавшая, что это *ей*, и ни одной другой женщине, Гитлер должен оказывать внимание, имела неосторожность обронить пренебрежительное замечание, которое привело фюрера в ярость. Магде отказали от канцелярии на несколько месяцев. Гитлер вознаграждал ее [Евы Браун] преданность своим покровительством.

Ева провела большую часть лета 1935 года в Бергхофе. К тому времени она уже успела полностью осознать, какую угрозу представляет Магда Геббельс. Она ездила с семьей и Гертой в Баден-Баден и Бад-Шахен, где между «лечебными процедурами» каталась на водных лыжах. Ева никогда не упускала случая заняться спортом, особенно новым.

В Бергхофе Ева благоразумно выказывала почтение Магде, зная, что враждовать с ней опасно. Однако значимым представляется тот факт, что в ее альбомах среди почти двух тысяч снимков, запечатлевших даже ненавистных ей людей — Бормана, например, — нет ни одной фотографии фрау Геббельс. Правда, однажды, согласно одной вполне правдоподобной истории, Ева отплатила ей той же монетой. Ева и фрау Геббельс, бывшая на последнем месяце беременности, находились одни в комнате. Магда сказала: «Фрейлейн Ева, завяжите мне, пожалуйста, шнурки. Я не могу наклониться». Ева позвонила в колокольчик

и промурлыкала вошедшей горничной: «Не будете ли вы так любезны завязать шнурки госпоже?» И вышла из комнаты. Это был один из редких моментов, когда Ева выпускала коготки, и в данном случае вполне справедливо. Похоже, ее вообще раздражали беременные женщины. Фрау Винтер вспоминала, что к 1944 году «Ева сделалась очень своенравна, особенно с теми, кого считала слабохарактерными. Однажды в Бергхоф приехала фрау Борман, едва оправившаяся после родов. Она чувствовала себя неважно, но не могла пойти спать, пока не разойдутся гости. Ева попросила кофе, затем молока. Молоко ей не понравилось, так что пришлось Герде Борман идти за другой чашкой».

Гитлер позволял Еве больше, чем другим. Ей сходили с рук поддразнивания и упреки в его адрес, за которые Магду Геббельс или фрау Геринг отлучили бы от Бергхофа, по крайней мере, на время. Траудль Юнге пересказывает один такой эпизод. Ева показывала Гитлеру свои последние фотографии. Он начал тихонько насвистывать.

«Ты фальшивишь, — сказала она, — надо вот так». И насвистела правильную мелодию.

«Ничего подобного, у меня вышло вернее», — ответил фюрер.

«Спорим, я права», — поддела Ева.

«Ты же знаешь, что я не буду спорить. Все равно ведь платить придется мне», — справедливо заметил Гитлер.

«Ладно, давай послушаем пластинку, услышишь сам», — предложила Ева. Дежурный адъютант поставил хрупкую пластинку на проигрыватель, и оказалось, что Ева права. Она торжествовала.

«Да, ты права, — сдался Гитлер. — Неправ композитор. Будь он так же музыкален, как я, сочинил бы по-моему».

Мы все рассмеялись, но думается мне, что Гитлер вовсе не шутил.

То, что Ева порой дерзила ему, является доказательством не только их близости, но и подспудной борьбы за власть, лежащей в основе многих устоявшихся союзов. Умение поддерживать в нем интерес и постоянно оживлять отношения делает честь ее эмоциональной чуткости. Их интимный мир был куда сложнее, чем можно предположить, хотя Алоис Винбауэр подошел близко к истине, написав в мемуарах о семье Браун: «В отношениях Гитлера и Евы присутствовал ярко выраженный элемент игры – возбуждающей и дерзкой, в которую гордая и проницательная женщина умеет играть с наслаждением». Ева иногда использовала их собак в качестве предлога для этой игры, добавляющей пикантности в совместную жизнь мужчины и женщины, даже если мужчина – Гитлер. Они в шутку соревновались за первенство своих собак. Собаки не ладили между собой, рычали и дрались, так что в комнате могли находиться либо два скотчтерьера Евы, Негус и Штази, либо Блонди, но не все вместе. Терьеры Евы застывали, словно геральдические животные, по обеим сторонам ее кресла, в котором она сидела, поджав под себя ноги, пока Гитлер говорил или спал. «Любящий собак фюрер иногда был вынужден вступаться за свою драгоценную овчарку и смиренно просить: «Можно я приведу Блонди, только на минуточку?» Ева Браун выводила своих собак, и Блонди получала разрешение войти». Блонди была собакой одного хозяина, никогда не подводила Гитлера, и он ее обожал. И все же он позволял двум вредным черным собачонкам Евы сидеть в тепле, пока несчастная, недоумевающая Блонди тосковала на террасе Бергхофа. Подобная уступка с его стороны дорогого стоит. И в очередной раз доказывает недооцененную власть Евы.

Гитлер был фанатично предан своим эльзасским овчаркам. Блонди, его любимица, была породистой собакой, красивой и умной. Обитатели Бергхофа поговаривали,

что он любит ее больше, чем Еву. По крайней мере, на людях он точно проявлял больше нежности к своей собаке, лаская и целуя ее. Он научил Блонди нескольким трюкам и с удовольствием хвастался ее способностями. Порой она вела себя совсем как человек. На нескольких фотографиях Гитлер и Блонди смотрят вдаль через деревянную решетку, и позы их до смешного похожи. Она опирается лапами на прутья, а он наклоняется вперед, чтобы насладиться панорамой. На Рождество 1939 года ему подарили еще одну овчарку, девятимесячного щенка, которого он назвал Вольф. Но хотя Вольф вырос красивым темным псом, ему не удалось вытеснить Блонди из сердца Гитлера, и он редко появляется на фотографиях.

Гитлер требовал от собак рабского повиновения. Если Блонди не спешила выполнять его команду, ее ждало наказание в виде суровой порки. Потом он смягчался и бросался тискать скулящее животное с дурацкой приторной нежностью, приоткрывая ту уязвимую сторону натуры, которую немецкий народ так любил в себе и в нем. Его отношение к собакам раскрывает и жестокость, и слащавую сентиментальность. Сентиментальность, как подчеркнул Майкл Берли, «является самым недооцененным и самым существенным свойством нацистской Германии». Соответствующее немецкое прилагательное *rührselig* переводится как «тот, чью душу легко тронуть». Она совершенно иррациональна, в ней отсутствуют моральная или духовная твердость и какое бы то ни было чувство соразмерности. Всхлипывающий ребенок, отверженное или побитое животное, даже сломанный цветок трогают сентиментальную душу больше, чем судьба людей, подвергнутых мукам голода, пыткам и насилию. Жестокость – ее сиамский близнец. Две эти крайности уживались в Гитлере. Он упорно отказывался замечать страдание, причиняемое его расистской политикой. Он даже не навещал солдат,

раненных на войне, которую он развязал и намеренно затягивал.

В долгосрочном союзе баланс постоянно меняется и развивается. Ева всегда оставалась в подчиненном положении, но в некоторых ситуациях Гитлер, нарушая собственные правила, позволял ей тешить себя иллюзией первенства (как в примере с собаками). В подобную игру играть могут только два безусловно доверяющих друг другу человека, чьи потаенные чувства не могут быть открыто выражены на публике, но требуют какого-то внешнего проявления. Отношения между полами зачастую представляют собой сложную борьбу за превосходство, и в паре любовник/любовница расстановка сил не всегда такова, как кажется. Значительная доля взаимного притяжения заключена в неоднозначности верховенства, во власти молодости и красоты над пожилым мужчиной, в интригующей секретности. Секретность — оружие обоюдоострое. Любовник ожидает от любовницы послушания и верности, оплачивая ее счета, давая деньги на одежду, покупая ей подарки. Но чем она занимается, пока он выполняет свой долг перед обществом, остается мучительной тайной, как Гитлер выяснил, сделавшись покровителем Гели.

На психологическом уровне Ева и Гитлер постоянно занимались неуловимым перетягиванием каната эмоционального — не сексуального — контроля, что повергло бы в изумление чопорных, негодующих нацистских жен, если бы им хватило проницательности это заметить. Гитлер всегда был доминирующим партнером и порой мог выказывать холодное пренебрежение, особенно поначалу, но когда они оставались наедине, Ева добивалась уступок. Внешне она представала образцом покорности и преданности, но тем временем потихоньку училась пользоваться своей властью над ним. Она тоже им манипулировала — немного, совсем чуть-чуть. Быть может,

Гитлер позволял это, приписывая «женским штучкам», а может, и вовсе ни о чем не догадывался. По крайней мере, его окружение, всегда недооценивавшее ее, не догадывалось точно.

Психиатры называют такое поведение «пассивно-агрессивным»: за кажущейся покорностью скрывается бунтарский дух. Эмоциональная связь хозяина и раба или покровителя и содержанки редко представляет собой однозначное подавление слабого сильным. Доминирующий любовник вечно ищет подтверждения, что женщина любит его безоглядно и по собственной воле. Даже диктатор никогда не может быть уверен до конца. В то же время он требует от нее полного подчинения. Этот парадокс — две несовместимые, противоречащие друг другу потребности — запускают механизм борьбы за власть. Постепенно, сам того не замечая, хозяин начинает впадать в зависимость от ее поклонения, пока не заходит в своем давлении слишком далеко. Тогда подчиненная партнерша либо заявляет о своих правах, либо перестает любить его. Чтобы держать ее в повиновении, он должен либо прибегнуть к принуждению, часто доходящему до издевательства (а в таком случае она уже не любит по доброй воле), либо пойти на уступки. Дюйм за дюймом ось власти сдвигается в сторону равенства, хотя окружающим кажется, что все остается по-прежнему.

К двадцати пяти годам Ева стала на редкость привлекательной женщиной. Многие мужчины добивались ее внимания, в том числе красавец Вальтер Хевель, офицер связи, состоявший при Риббентропе, — завидный кавалер, пользовавшийся популярностью у обитательниц Бергхофа. Но Ева хранила верность. Ходило множество самых разнообразных сплетен об интимной жизни Гитлера, но по большей части они бездоказательны. Некоторые историки заявляли, что он был гомосексуален, имея в виду, что

Ева находилась рядом просто для прикрытия. В таком случае зачем бы ему так старательно скрывать ее? Это столь же маловероятно, как и домыслы о его садомазохистских развлечениях с Гели.

Хайнц Линге, верный денщик Гитлера, поведал следующее:

> Гитлер и Ева иногда оставались вдвоем в его кабинете для недолгой беседы перед сном... Ева Браун, одетая обычно в один только домашний пеньюар, выпивала немного вина, а Гитлер – чашку чаю. Однажды вечером я зашел без стука и увидел, что Гитлер с Евой страстно целуются посреди комнаты. Покраснев, я развернулся, вышел и закрыл за собой дверь.

Пусть он и не застал их *in flagrante*[1], но сцена очень уж похожа на прелюдию к ночи любви. Когда фрау Миттльштрассе, экономку фюрера в Бергхофе, спросили, какие отношения связывали Гитлера и Еву, она ответила: «Нормальные. Совершенно нормальные, как положено между мужчиной и женщиной. <...> Я на сто процентов уверена, что они спали вместе». С такой же убежденностью Герберт Дёринг заявлял: «Гитлер был не способен на это. <...> Наверное, не в последнюю очередь поэтому Ева Браун всегда была такая неудовлетворенная». Однако Анна Плайм подняла его на смех:

> Знаю, Дёринг твердит, что между ними не было интимной связи, но Дёринг позже описывал ее как безмозглую пышечку, а тогда называл «милостивой сударыней», как миленький! ...А насчет половых отношений, все, что я могу сказать: Гретель Миттльштрассе опровергает слова Дёринга,

1 На месте преступления (*лат.*).

а ведь это *она* доставала Еве средства для отсрочки менструации, когда Гитлер находился в Бергхофе. Несмотря на их явную близость, я не помню, чтобы они хоть раз держались за руки, не говоря уже о поцелуях... Но вот что я вам скажу: днем Гитлер никогда не уходил спать в свою постель, и в то же время заходить в спальню Евы Браун строго-настрого воспрещалось.

Вопреки отсутствию доказательств, личная горничная Евы не сомневалась, что у них были полноценные отношения. После войны доктор Морелль, лечащий врач Гитлера, заверял группу следователей из Американской следственной комиссии, что «фюрер время от времени имел половой контакт с Евой Браун, хотя спали они в разных постелях». Решающим доводом являются показания фрау Миттльштрассе, честного и надежного свидетеля. На вопрос, спал ли Гитлер с Евой, она ответила: «Сто процентов. Я знаю, потому что когда у нее шли месячные и он неожиданно приезжал, доктор Брандт, наш домашний врач, давал ей что-то для остановки кровотечения. Я забирала препарат из его комнаты. Не знаю, что именно это было: таблетки ли, микстура, или что-то другое, но я вполне уверена в назначении лекарства». Хлопоты Евы по поводу отсрочки менструации и распоряжение Гитлера, чтобы она пользовалась эффективными противозачаточными средствами, указывают на высокую вероятность того, что они занимались любовью всеми обычными способами. Требовать *доказательств* означало бы требовать слишком многого, и здесь не место определять «обычные способы».

Патологическая стеснительность Гитлера и его нежелание появляться на людях даже *полу*раздетым являлись, вероятно, следствием того, что у него было два изъяна в половых органах: неопустившееся или, возможно, от-

сутствующее яичко и гипоспадия, редкое заболевание, при котором отверстие мочеиспускательного канала находится на нижней поверхности полового члена, в мошонке или в промежности, что может привести к недержанию мочи, но не обязательно к импотенции. Хотя он и не позволял своим врачам провести полное обследование, наблюдения по поводу его состояния сохранились в медицинских записях доктора Морелля, который до знакомства с Гитлером специализировался на венерических заболеваниях и, похоже, был экспертом во всем, что касается разного рода мужских проблем. С другой стороны, независимый военный врач, доктор Эрвин Гизинг, который полностью обследовал Гитлера в июне 1944 года и еще раз в октябре, засвидетельствовал, что гениталии у пациента в норме. В любом случае ни отсутствие одного яичка, ни гипоспадия или гипоплазия не препятствуют нормальному половому акту. По всей видимости, Гитлер был вполне *способен* заниматься любовью, вопрос только в том, как часто.

Современный психиатр стал искать бы причины пониженного либидо Гитлера в его детстве: отвращение к необузданной похотливости отца; нездоровая близость с обожающей его, самоотверженной матерю; чувство вины, вызванное у молодого человека, когда-то собиравшегося стать священником, строгим учением католической церкви о блуде и воздержании. Относительное отсутствие интереса к половой жизни после первых нескольких лет, проведенных с Евой, может быть следствием напряженной работы: как правило, занятые по горло мужчины мало занимаются сексом, поскольку слишком устают.

И все же, как видно, они подстроились друг под друга. Дядя Евы Алоис — должно быть, получавший сведения от Фанни или Гретль, так как сам он никогда не ездил в Оберзальцберг — писал:

Было бы неправильно описывать жизнь Евы в Бергхофе как сплошную череду удовольствий. Гитлер уважал ее и высоко ценил ее дружбу не только потому, что нуждался в ее поддержке среди треволнений своей абсурдной и иррациональной политической жизни, но и потому, что по-настоящему полюбил ее. <...> Как ни удивительно, они вечно поддразнивали и подначивали друг друга, но никогда не ссорились всерьез.

Можно изобразить Гитлера человеком, способным на шутки, сентиментальность и страсть в постели (или отсутствие таковой), раскрывая его человечную сторону, но это нисколько не умаляет его чудовищной сущности. Тем не менее, чтобы понять патологию и истоки зла, полезнее выяснить, что говорили о нем люди, знавшие его лично, чем рисовать его воплощением дьявола, Мефистофелем, похищавшим души и сжигавшим тела. Например, Мария фон Белов, жена адъютанта Гитлера, входившая в его ближайшее окружение в Бергхофе, признавала:

Когда все кончилось, люди наперебой торопились представить жизнь в Бергхофе невыносимо скучной, с бесконечными разглагольствованиями Гитлера о всяком вздоре. Конечно, повторения со временем стали приедаться, но, особенно в те первые годы, как же нас это захватывало! Не понимаю, почему столько людей отрицает в нем ту необыкновенную искру. <...> Знаете, это сейчас легко глумиться, осуждать. А тогда — Господи, да мы жили в совершенно ином мире.

Альберт Шпеер в 1945 году писал в оправдывающемся тоне: «Одно несомненно: все, кто работал в тесном контакте с ним, находились в какой-то невероятной, прямо-таки рабской зависимости от него. Как бы могущественны они

ни казались в собственных владениях, рядом с ним всякий становился маленьким и робким». Шпеер никогда не был «маленьким и робким».

Многие женщины говорили о раздвоении личности у фюрера. Существовал один Гитлер, которого они никогда не видели своими глазами – грубиян, способный визжать, орать, брызгать слюной и пугать людей до смерти своими припадками ярости. Но женщины единогласно утверждают, что с ними Гитлер был совершенно другим – вежливым, любезным, уважительным, всегда внимательным к женам и секретаршам в Бергхофе, ко всем своим подчиненным женского пола. Он давал себе труд помнить об их проблемах, заботливо справлялся об их самочувствии, о здоровье их детей и пожилых родителей.

Ева была *maîtresse de la maison*[1] в Оберзальцберге, но это не мешало ей временами испытывать приступы болезненной, беспочвенной ревности. «Ева Браун очень ревновала Гитлера к Юнити Митфорд. Она ко всем его ревновала», – говорила Кукули фон Арент, которую Магда Геббельс ввела в круг общения Гитлера. Юнити узнала о нацистской идеологии от своего зятя, лидера британских фашистов Освальда Мосли, и с тех пор помешалась на фюрере. Она приехала в Мюнхен в 1934 году якобы изучать искусствоведение, но на самом деле чтобы быть поближе к нему. Впервые они встретились 9 февраля 1935 года, через три дня после двадцать третьего дня рождения Евы, в *Osteria Bavaria*, где Юнити проводила целые дни в надежде встретиться и заговорить с ним.

Все в один голос описывают почтенную Юнити Митфорд как сногсшибательную нордическую блондинку, хотя на фотографиях она выглядит тяжеловесной и груз-

1 Хозяйка дома (*фр.*).

ной, возможно, из-за всех тех кремовых пирожных, которыми Гитлер так любил кормить ее, глядя, как она ест. Сестры Митфорд, Юнити и Диана (ставшая госпожой Мосли в октябре 1936 г.), мало внимания обращали на Еву Браун. В их снобистские головки и мысли не приходило, что она может быть важным и постоянным явлением в жизни их героя. Диана позже вспоминала: «Мы с Юнити проявляли пленку у Гофмана, и я заметила туфли Евы Браун — красивые кожаные туфли, каких, я точно знаю, невозможно достать в Мюнхене. Я указала на них Бобо [Юнити]. Она была просто белокурая девочка за прилавком, всегда к вашим услугам». Это правда, но далеко не вся.

В сентябре 1935 года Гитлер, дразня Еву, пригласил Юнити и Диану на День партии в Нюрнберг и посадил их рядом с ней на своей личной трибуне — неуместное и нежеланное знакомство. Может быть, он думал, что они подружатся, но после этого случая они больше не общались. Ева не скрывала неприязни и ревности к Юнити, в то время как высоченная мисс Митфорд свысока игнорировала Еву, даже не подозревая, какой чести та удостаивается.

Диана Мосли смотрела на влюбленность сестры хладнокровно и пренебрежительно. Она была убеждена, что Гитлер никогда не спал с Юнити. «Он наслаждался ее обществом, но не более того», — говорила она. Лени Рифеншталь как-то спросила его про Юнити и получила несколько другой ответ:

> «Она очаровательна, но я ни за что не стал бы вступать в близкие отношения с иностранкой».
>
> Я подумала было, что он шутит, но он заверил меня:
>
> «Мои чувства столь проникнуты патриотизмом, что я способен любить только немецкую девушку».

Неизвестно, говорил ли он об этом и Еве, но если бы сказал, то уберег бы ее от тяжелых переживаний. Она ошибочно принимала Юнити за серьезную соперницу, хотя в действительности Гитлер, пусть и польщенный вниманием Валькирии, даже не помышлял заменить ею Еву.

Отношения между фюрером и его поклонницей носили, скорее всего, оппортунистический характер. Гитлер интересовался Юнити из-за ее связей, но не рискнул бы заигрывать с ней — она была слишком неуравновешенна. Тем не менее он не стеснялся использовать ее в целях пропаганды, надеясь завязать полезные знакомства среди влиятельной английской аристократии правого толка. Немцы, со своей страстью к титулам, называли ее леди Юнити или даже леди Митфорд, но, как упомянуто выше, она была всего лишь дочерью барона. «Будь она мисс Снукс, — заметил ее приходский священник много лет спустя, — Гитлер и головы бы не повернул в ее сторону». Впрочем, если бы Гитлер назывался господином Шикльгрубером, она бы тоже не удостоила его вниманием.

Фюрер считал сестер Митфорд важными и могущественными английскими аристократками и гордился их обращением в нацистскую веру. Каковое, впрочем, имело гораздо меньшее значение, чем он думал. Не было ни малейшего шанса, что эти две взбалмошные девицы както повлияют на себе подобных. Махровый фашизм редко встречался в Англии, его исповедовала лишь горстка недовольных рабочих и разочарованных диссидентов из высшего общества, вроде лорда Лондондерри и его кружка, да несколько сторонников сэра Освальда Мосли, самого отвратительного из всего многочисленного семейства Митфорд. Юнити наивно полагала, что обладает реальным политическим весом, в то время как обе стороны терпели ее по большей части из вежливости. Никто

не воспринимал ее всерьез. Как блестяще выразился ее биограф Дэвид Прайс-Джонс: «Одинокая и оторванная от корней, она *заполняла внутреннюю пустоту нацизмом* [курсив мой. — А.Л.]». Как говорили в то время, она была «слегка не в себе».

Неуравновешенная Юнити любила Гитлера — которого при каждой встрече приветствовала восторженным возгласом «Хайль Гитлер!» — за его политику и магнетизм, а также потому, что ей льстило его почтительное обращение. Гитлеру она нравилась, оттого что он все еще оставался снобом в достаточной степени, чтобы впечатлиться высоким происхождением. Княжна Карменсита Вреде, подруга Юнити, объясняла ее биографу:

> Все строилось на классовых различиях. Юнити и Диана были слишком изысканны, действительно слишком аристократичны для него. Ева Браун находилась на одной социальной ступени с ним. Мы с сестрой знали Еву и ее сестру Гретль. Юнити вечно приставала ко мне: «Да кто такая эта Ева Браун? Что у нее есть особенного, чего нет у меня? Как ей это удается?» Она говорила мне: «Он никогда не берет меня с собой в Оберзальцберг, потому что Ева всегда там». Юнити вся извелась от ревности.

(Это правда, что Юнити редко приглашали в Бергхоф, по молчаливому соглашению считавшийся территорией Евы. Зато она чаще виделась с фюрером в Берлине.)

Подруга Юнити Мэри Сент-Клер-Эрскин часто сопровождала ее в гости к Гитлеру, так как он опасался ситуаций, способных породить сплетни. Мэри рассказывала: «Он был мил и любезен с нами, гостеприимный хозяин дома. Не думаю, что он когда-либо оставался с Бобо [Юнити] наедине, не те у них были отношения. <...> Я никогда не замечала за ним и тени флирта с Бобо.

Для нее это было событие недели. У нее прямо глаза горели». Карменсита Вреде говорила, что Юнити жаловалась: «Я никогда не бываю наедине с Гитлером, а если вдруг такое случается, то только я сяду у его ног, как тут же вламывается Брюкнер [главный адьютант Гитлера] и не уходит. Когда он хочет остаться со мной вдвоем, то отсылает своих адъютантов, но они всегда приходят обратно». Адъютанты нипочем не посмели бы нарушить тет-а-тет, не получив на то прямых указаний от Гитлера. Кукули фон Арент подтверждала платонический характер отношений: «Юнити никогда не была любовницей Гитлера. Полнейшая чушь! Она даже ни разу не оставалась наедине с Гитлером, насколько мне известно... Мы должны были придумывать разные предлоги, чтобы не оставлять их одних: звать его к телефону, просить помочь разобраться с каким-нибудь семейным делом и тому подобное». Наиболее вероятная причина столь нелюбезного поведения могла заключаться в желании избежать щекотливых вопросов, сцен или слез.

И все же, хотя преданность Юнити не компенсировала ее несдержанность, она оставалась в окружении фюрера вплоть до объявления войны в 1939 году. Их общение — как светское, так и личное — проходило чаще в Берлине, чем в Мюнхене, поскольку в городе, куда приезжали дипломаты и представители иностранной прессы, она была полезнее. Но под конец она сделалась обузой. Даже для Гитлера ее фанатичный расизм выглядел слишком уж показным, да и благоразумием она не отличалась.

Шифрованный антисемитский жаргон часто используется с некоторой долей иронии, чтобы смягчить скрытую за ним агрессию и замаскировать лежащие в его основе предрассудки — каковые в нацистской Германии почти единодушно отдавали предпочтение «арийской расе». Аме-

риканцы относят определенный тип людей к категории WASP. Аббревиатура обозначает *White Anglo-Saxon Protestant*[1], и никто, похоже не возражает: он часто встречается в колонке объявлений о знакомстве журнала для либеральных интеллектуалов *The New York Review of Books*, выходящего каждые две недели. Под этим подразумеваются: бледность (натуральный блондин, светлые глаза, светлая кожа), североевропейское происхождение и следование, пусть даже самое нестрогое, протестантской вере. То есть не чернокожий, а также не еврей и не мусульманин — и, кроме того, не бедный. Употребление WASP в качестве собирательного имени существительного отдает не меньшим расизмом, чем понятие «арийской» нации, поскольку значит ровно то же самое, с тем же подтекстом.

Убеждение, что людей можно распределять по шкале расовой «чистоты» — белизны, проще говоря, — заставляет задаться вопросом: учат ли людей опасаться и презирать ближних другой расцветки и расы, или же расизм существует от начала времен — первородный грех, который сознательно направляется в нужное русло, как зависть, воровство или насилие? Редко сталкиваешься с предрассудками против скандинавов, возможно, потому, что их светлые глаза, волосы и кожа воплощают потаенные представления людей о цвете глаз, волос и кожи высшей расы. Не потому ли джентльмены предпочитают блондинок?

Несмотря на то что соперницы часто были выше по происхождению, красивее и, в случае Магды Геббельс, намного умнее ее, Ева за семь лет связи с Гитлером достигла положения его полуофициальной любовницы. Друзья, приезжавшие навестить ее в Оберзальцберг, дивились

1 Белый протестант англосаксонского происхождения (*англ.*).

роскоши ее апартаментов и знакомству с крупными партийными шишками и их вечно беременными женами. Единственное, в чем она не могла никому признаться, — в ее душу уже начала закрадываться скука. «Осторожнее со своими желаниями, они иногда сбываются», — гласит старая поговорка. Еве еще не исполнилось и тридцати, а ее жизнь уже протекала впустую чередой одинаковых дней. Одни и те же люди постоянно сидят развалившись на террасе, постоянно любуются горной грядой, возвышающейся перед ними в своем неизменном и укоризненном величии. Ну что такого занимательного в горах, скажите на милость?

Глава 17

1937–1938: Ева в Бергхофе. «Золотая клетка»

Жизнь Евы сбилась с курса, когда она в семнадцать лет познакомилась с Гитлером. До того у нее не мелькало и тени сомнения, что ее судьба сложится, как у мамы и бабушки: она будет знакомиться с молодыми людьми, кокетничать, танцевать, влюбляться, приводить подходящих ухажеров домой знакомиться с родителями, а затем получать приглашения на встречу с их родными, где непременно нужно демонстрировать безупречные манеры. Таким образом выделится фаворит, самый приятный и достойный из всех. Последует помолвка под общее ликование, торжественная католическая свадьба, а затем, как водится, первенец – еще дети – семья. Такой путь предписывала как церковь, так и «Лига немецких девушек»: долг женщины заключался в том, чтобы сочетаться браком, родить детей, обихаживать и обожать своего мужчину. В 1937 году двадцатипятилетняя Ева одна среди своих подружек не была ни замужем, ни обручена, и все же ей и в голову не приходило связать свою жизнь с другим мужчиной. Предопределенное для таких, как она, будущее все еще маячило на горизонте, но поскольку Гитлер не желал брака и отцовства, естественный ход событий застыл в неподвижности. Не происходило ничего, что могло бы изменить взгляды фюрера или смягчить разочарование Евы: Разве что теперь она жила в Бергхофе, где окна были больше и пейзажи красивее. Горы.

К 1937 году ее величали *Chefin* («начальницей») уже два года, и она становилась все увереннее и закреплялась все тверже. Шофер Гитлера Эрих Кемпка говорил, что с 1932 года ни одна другая женщина не сидела в машине с Гитлером, но все равно он считал Еву «самой несчастной женщиной в Германии». Кузина Гертрауд сравнивала ее жизнь с жизнью домашней собачки, «бегающей кругами на конце длинного-длинного поводка, который рано или поздно затянется у нее на шее...». Ева призналась оператору Лени Рифеншталь Вальтеру Френтцу, что живет в плотно закупоренном Бергхофе как «в золотой клетке» — и не просто в клетке, а в клетке, спрятанной высоко в горах. Временами она, должно быть, чувствовала себя принцессой Рапунцель.

Будь Ева десятью годами старше, она могла бы удалиться в свой будуар, постепенно превращаясь в надушенную, дородную, сварливую пожилую женщину. Но она была еще молода, полна энергии и желания встречаться с новыми людьми — особенно с блистательными гостями Гитлера из мира кино или театра. Отлученная от приемов, которые он давал в Берлине, где прекрасные женщины скользили сквозь светскую толпу с бокалом игристого вина в руках, Ева жаждала сплетен, веселья, комплиментов, шума; новых пластинок, фильмов, смеха... чего угодно, чтобы развлечься, пока *он* занят своими непонятными важными делами. Разделяя с ней постель, Гитлер тем не менее часто вел себя с откровенным безразличием. Подруга Юнити Митфорд Карменсита Вреде вспоминала: «В 1937 году я пришла на День партии с Невиллом Хендерсоном — Гитлер называл его «этот идиот Хендерсон». Гитлер был там. Ева в коротком плаще стояла одна поодаль. Гитлер огляделся и заметил ее. Но ничуть не изменился в лице. Ни одна другая женщина не потерпела бы подобного».

Исключенная из жизни общества, Ева убивала время в вечном ожидании. Да, ее холили и лелеяли, но вряд ли ее

судьбе можно позавидовать. Она была не столь ограниченна, как принято считать, но склонности к интеллектуальным занятиям за ней не водилось. Она была порывистым и эмоциональным созданием, нуждающимся во внимании и поклонении, а не читателем или мыслителем; она не умела находиться наедине с собой. Конечно, рядом всегда была Гретль – вместе они пробовали новые оттенки лака для ногтей и губной помады, менялись платьями, листали журналы о кино и играли с собаками. Неудивительно, что Ева переодевалась по нескольку раз в день: что еще ей оставалось делать в *его* отсутствие, кроме как наряжаться и вертеться перед зеркалом под восхищенные визги Гретль?

Апартаменты Евы отличались от прочих помещений Бергхофа, необъятных и помпезных: только здесь царила приветливая, теплая атмосфера. Она долгие часы проводила в этих очаровательных, чисто женских комнатах, ожидая телефонного звонка Гитлера или прихода господина Цехмейстера, почтальона, с письмом от него. Дождливыми днями, когда нельзя было пойти гулять, она упражнялась в стрельбе в подземном тире, играла в кегли с супругами Дёринг, воспитывала и тискала своих собак, вставляла фотографии в альбомы или слонялась по кухонным помещениям, не столько для надзора, сколько чтобы посплетничать. Когда *он* приезжал, ароматный будуар, наполненный подушками и цветами, становился для него раем нежности и женственности после напряженных дней в окружении отрывисто рявкающих, щелкающих каблуками мужчин – суровых, но подобострастных. Там все от него чего-то хотели, все плели интриги и строили козни, чтобы продвинуться по службе. Ева не хотела ничего, только угодить ему. Постепенно он начал в это верить, начал *доверять* ей.

Она изнывала от того, что Гитлер проводит с ней так мало времени. Он приезжал в Бергхоф примерно раз в три-

четыре недели. Несомненно, его манили ее благотворное присутствие и необходимость отдохнуть от тяжелого гнета своих обязанностей в Берлине. В промежутках между его визитами Ева, запертая высоко на «Горе», скучала по оживленным улицам Мюнхена, где можно прогуливаться, глазея на витрины; по уличным кафе, источающим запах свежего кофе и полным свежих сплетен; по шумным, задымленным барам, где она встречалась с друзьями, чтобы поболтать обо всем на свете. Только не о Гитлере, разумеется. Ничто не мешало ей взять «мерседес» с шофером, поехать в свой маленький домик на Вассербургерштрассе и устроить вечеринку или посмотреть последние новинки кинематографа (время от времени она так и делала), но ее беспокоило, что Гитлер может неожиданно объявиться в Бергхофе и рассердиться, если она его не встретит. (Он не имел привычки сообщать ей о своих планах заранее и часто уезжал, не говоря, куда и насколько собирается, словно намеренно держал ее в мучительном неведении.)

Хотя ей предоставили «отпуск» в студии Гофмана, она все равно иногда там работала, когда находилась в Мюнхене, до и во время войны. Вряд ли она скучала по однообразным дням за прилавком или в темной комнате фотоателье. Чего ей действительно не хватало — так это общения с сотрудницами, рассказов об их повседневной жизни, об ухажерах, мужьях. Еве, находящейся в постоянном напряжении, их будничное существование казалось блаженством. В октябре 1937-го и в 1939 году (к тому времени она уже четыре года как работала только от случая к случаю) она участвовала в ежегодных пикниках для сотрудников. По пути на эти веселые мероприятия человек сорок теснились в повозке с надписью ГЕНРИХ ГОФМАН на боку.

О присутствии Гитлера в Бергхофе оповещали огромная свастика, реющая над резиденцией, и появление его телохранителей в местных пивных. В конце тридцатых

Гитлер принимал много официальных гостей. Они приезжали на вокзал в Берхтесгаден, расположенный неподалеку от реки Ахе. Удивительно большой для такого маленького города, вокзал за семьдесят лет почти не изменился. Там все еще есть специальный перрон для поездов, привозивших фюрера и его гостей. Почетные посетители выходили через тройную арку, и перед ними открывался чудесный вид на городок, угнездившийся на дне долины в окружении горных вершин. Пятитонный бронированный «мерседес» Гитлера и другие машины ожидали их, чтобы доставить наверх в Оберзальцберг. Когда колонна проезжала мимо первого охранного поста на берегу бурлящей реки, часовые приветствовали гостей четким гитлеровским салютом.

Разрешение принимать участие в таких мероприятиях отчасти развеяло бы скуку Евы. Она могла бы оставаться в тени и тихонько наблюдать, никому не мешая. Трудно понять, почему Гитлер не позволял ей этого. Она никогда бы не стала привлекать к себе внимание или посягать на прерогативы Магды Геббельс, официальной хозяйки. Возможно, Гитлер боялся (и, возможно, был прав), что слухи о роли Евы в его жизни докатились до именитых гостей через их послов в Берлине, через доклады служб безопасности или просто через досужие сплетни, и беспокоился, как бы она не поставила его в неловкое положение. Как бы там ни было, «Ева Браун (секретарь)», как она все еще числилась в списках персонала Оберзальцберга, не имела права присутствовать на приемах. Ей приходилось оставаться в своих комнатах, изнывая от досады и скуки, высовываться из окна, чтобы покурить, входить и выходить через заднюю дверь для прислуги, чтобы никто ее не заметил. Герберт Дёринг вспоминает: «Все могли бродить где вздумается, только Ева Браун должна была оставаться в своей комнате, что конечно же раздражало ее. Она тогда становилась сердитой, капризной, язвительной, начинала

жаловаться. Вполне справедливо». Генриетта фон Ширах тоже обращала внимание на перемены настроения Евы. «Роль невидимой любовницы подавляла ее. Она часто хандрила и болела оттого, что Гитлер не замечал ее. От нее не укрылось, что поклонение толпы ему дороже ее ласковых слов и что его истинной возлюбленной всегда остается власть. Она просто сидела и ждала, пока жизнь проходила мимо нее». Ева никогда не принимала участия в общественной и политической жизни Гитлера, и временами государственные дела так изматывали его, что он, как отметила Генриетта, не замечал ее. Но для нее *он и был* жизнью.

В сентябре 1936 года, когда в *Paris Soir* появилось сообщение о связи Евы с фюрером, никто особенно не поверил, и пересуды быстро стихли. В те дни частная жизнь власть имущих считалась их личным делом как в Германии — благодаря железному контролю Геббельса над средствами массовой информации, — так и в Великобритании. Министр пропаганды Гитлера позаботился о том, чтобы все слухи о Еве подвергались осмеянию и пресекались на корню. То же самое — с романом принца Уэлльского и дважды разведенной Уоллис Симпсон. Британская пресса по собственному почину хранила чопорное молчание об этом скандале. (Французские и американские газеты были менее сдержанны. Они трубили вовсю.) После смерти Георга V — 20 января 1936 года — принц взошел на трон под именем Эдуарда VIII. Вскоре после того, как просочились сведения о Гитлере и Еве Браун, лорда Бивербрука, владельца *Express Newspapers*, вызвали в Букингемский дворец. Новый король попросил его — а королевская просьба приравнивалась к приказу — проследить за тем, чтобы газеты не затрагивали тему его взаимоотношений с миссис Симпсон. Лорд повиновался.

Из всех гостей фюрера Ева больше всего хотела встретиться с герцогиней Виндзорской. Она с интересом сле-

дила за развитием любовной истории. Иностранные журналы печатали сюжеты и фотографии: принц Уэлльский отдыхает с миссис Симпсон на юге Франции. Он нахмурен, она лоснится, как сиамская кошка. Она выглядела точь-в-точь будто слизнула сливки — собственно, так и было. Через одиннадцать месяцев после коронации новый король отрекся от престола. В июне 1937 года, как только ее развод был оформлен, бывший король, ныне герцог Виндзорский, стал третьим мужем миссис Симпсон, урожденной Бесси Уоллис Уорфилд из Балтимора.

Пять месяцев спустя супруги прибыли в Германию с «государственным» визитом, продиктованным симпатией Уоллис к нацистам и желанием герцога вернуть трон — на сей раз «при поддержке любимой женщины». Ева жаждала встретиться с новоявленной герцогиней, умирая от любопытства: каким таким хитрым способом ей удалось подтолкнуть короля к алтарю? Вдруг это сработает и с Гитлером? Фюреру же экс-король нужен был для того, чтобы после войны, когда — в чем он ни минуты не сомневался — Германия победит, водворить его на британский трон в качестве марионеточного правителя порабощенного английского народа. Что удачно совпадало с намерением герцога прощупать почву на предмет возможного возвращения. Как все люди, купавшиеся в лести и затем попавшие в опалу, он никак не мог поверить, что перед ним заискивали из-за его положения, а не потому, что *он сам* такой замечательный.

Пребывание Виндзоров в Оберзальцберге увенчалось вечерним чаепитием с Гитлером и Магдой Геббельс в роли хозяйки 23 октября 1937 года. Немцы приняли их восторженно, с герцогиней обращались как с особой королевской крови — каковой ее подчеркнуто не признавали новые король с королевой. Но Ева, единственный, пожалуй, человек, отнесшийся бы к ней серьезно, безвылазно сидела у себя в комнатах наедине со своими обидами. Ви-

зит завершился целованием ручек и четкими, как удар хлыста, салютами, после чего фюрер лично проводил гостей вниз по монументальной лестнице. Ева не увидела их даже мельком.

На публике Гитлер проявлял сердечность и дружелюбие по отношению ко всем своим иностранным гостям — государственным деятелям, послам и мелким европейским монархам. Всех их, от Энтони Идена, британского министра иностранных дел, до Фаиза Мухаммад-хана Зикерии, министра иностранных дел Афганистана, фюрер, как магнит, притягивал в Берлин и Берхтесгаден. Каждый рассчитывал втереться к нему в доверие и защитить свою страну или свой трон. Но за кулисами пряталась совсем иная политическая действительность.

В сентябре 1937 года Еве позволили присутствовать на нюрнбергском съезде (анонимно, само собой разумеется), и там опять была Юнити Митфорд. На фотографии Юнити хмурится, Анни Брандт тактично сидит между ней и улыбающейся Евой, с другой стороны — Эрна Гофман. Четыре красивые женщины вскакивают на ноги вместе со всеми, воодушевленно машут платками — ничего особенного. Никто не выделял их среди организованного массового ликования. *Слушала* ли Ева речи, улавливала ли их значение? Или ее больше волновало присутствие Юнити Митфорд, чем грядущие Черные События, на которые намекал фюрер? Или ни то ни другое: просто подружка на футбольном матче с гордостью любовалась, как ее мужчина забивает гол?

Через две недели после визита Виндзоров, 5 ноября 1937 года, на решающем совещании с министром иностранных дел Константином фон Нейратом и высшим офицерским составом армии Гитлер впервые наметил Хоссбахский протокол: соглашение при необходимости развязать войну, чтобы захватить новые территории для

обеспечения немцев жизненным пространством — *Lebensraum*. Первый удар предполагалось нанести по Австрии и Чехословакии. Планы фюрера неумолимо претворялись в жизнь, пока остальные европейские страны терялись в столь выгодных ему сомнениях. У них практически не оставалось выбора: Гитлера невозможно было ни запугать, ни удержать, ни сломить. Он не допускал даже мысли о компромиссе путем переговоров и не удовольствовался бы меньшим, чем мировое господство. Конечно, *этого* он своим высоким иностранным гостям не озвучивал.

Весной и летом широкая, украшенная флагами терраса Бергхофа становилась средоточием бурной деятельности. Примерно каждая седьмая фотография Евы снята там: ее друзья отдыхают на шезлонгах с подушками, смотрят вдаль с балюстрады, играют с маленькими детьми или собаками Евы. Терраса была ее приемной, панорама гор — ее обоями. Но несмотря на простор и красоты, она продолжала скучать и мучиться от внутренней неудовлетворенности. Гитлер исполнял ее малейшую прихоть, но при условии, что она и дальше будет соблюдать строжайшее инкогнито. Она получала все, чего ни пожелает, пока соглашалась носить плащ-невидимку поверх своих сказочных одежд и совершенного тела. Она сделалась безымянной, неличностью. Ева Браун отдала свою жизнь Гитлеру, и он ее загубил.

Между 1932 и 1940 годами ее непринужденная легкость и веселый смех уступили место искусственным улыбкам перед камерой. Перемена, должно быть, вызывала недоумение окружающих: она заполучила желанное место любовницы фюрера, так с чего же ей быть несчастной? Бергхоф походил на райские кущи, она купалась в роскоши, и все же ее прежняя жизнерадостность угасла. Ради развлечения и выполнения своей основной задачи быть всегда при-

влекательной для Гитлера она принялась создавать себе новый имидж. Фюрер не любил перемен и предпочел бы всегда видеть ее в накрахмаленном наряде «дирндль» и без макияжа. Ева считала иначе. Обезличенная, она могла хотя бы наряжать куклу. В 1935 году она попробовала остричь и завить волосы, перекрасившись в пепельную блондинку. Ей это не пошло, она выглядела дешево, как амбициозная старлетка. Ева извлекла из этого урок и никогда больше не прибегала к столь радикальным мерам. Она продолжала менять длину волос и прическу, иногда возвращаясь к своим натуральным светло-каштановым локонам.

> С конца двадцатых до середины тридцатых годов моя мать носила короткую стрижку — послевоенный стиль английских взбалмошных девиц, — хотя к 1930 году она уже вышла из моды. Пышные волосы Диты отказывались облегать голову аккуратной шапочкой, как у Луизы Брукс (которой она, возможно, и пыталась подражать), и торчали во все стороны. Мама никогда бы не стала красить волосы, отчасти потому, что считала это вульгарным, но в основном потому, что не настолько заботилась о своей внешности, чтобы идти на такие хлопоты. Потом она отрастила их подлиннее и убирала со лба широкой атласной лентой, повязанной вокруг головы. Ева некоторое время ходила точно так же. Фотографии моей матери — слабый отголосок модных тенденций эпохи, доведенных в облике Евы до совершенства. Они обе предпочитали короткие юбки, выставляющие напоказ ножки, и развевающиеся, кокетливые летние платьица. Только у Евы к середине тридцатых их были дюжины, а у мамы — два или три, в них она позировала для семейных фотографий чуть ли не до конца войны.

К 1938 году Ева Браун стала стройнее и изысканнее, появлялась всегда элегантно одетой и с прекрасным ма-

никюром. Молодая Траудль Хумпс (ее девичья фамилия) впервые посетила Бергхоф в марте 1943 года, через несколько месяцев после поступления в секретариат. Роль Евы в жизни Гитлера оказалась для нее полной неожиданностью. «Ганс Юнге объяснил мне, что она любовница/хозяйка Бергхофа, негласно принятая и признаваемая за таковую здешними гостями». Траудль наивно поражалась утонченности Евы:

> Она очень хорошо одевалась и вообще выглядела элегантно. Ее ухоженные волосы были осветлены, а приятное лицо довольно ярко накрашено, но все это с отменным вкусом. Она была невысока ростом, но отлично сложена и умела держать себя. Она прекрасно знала, какая одежда ей идет. Она никогда не разряжалась, знала меру, хотя и носила драгоценные украшения. [Память Траудль сыграла с ней шутку. Ева не носила драгоценностей.]

Ева боялась поправиться и почти ничего не ела, пока Гитлер не начал жаловаться, что от нее остались кожа да кости: «Не могу понять, почему считается, что привлекательная женщина должна быть тощей, как мальчишка. Ведь женщины нравятся нам как раз за то, что у них иные формы. Вот раньше все было по-другому». Худоба и постоянное курение лишили ее кожу здорового юного блеска, а тело — мягких округлостей. Траудль Юнге вспоминала, что, когда она сидела напротив Гитлера, «он посмотрел, как я накладываю себе еду, и сказал: «Вы очень мало едите, дитя мое. Вы и так слишком худенькая!» Она в свою очередь наблюдала за Евой и заметила, как осторожно та ест:

> Ничто не могло убедить ее попробовать диету фюрера, хотя сама она заявляла, что у нее слабый желудок, и ела

очень мало, только легкую, быстро перевариваемую пищу, и почти не притрагивалась к жирным блюдам. Иногда даже принимала желудочные лекарства после еды. Но когда я познакомилась с ней поближе, то пришла к выводу, что эти ограничения она налагала на себя только ради стройной фигуры. Она терпеть не могла толстых женщин и гордилась тем, что сама такая тоненькая и изящная. Но фюрер все равно дразнил ее: «Когда я впервые тебя встретил, ты была очаровательно пухленькая, а теперь стала почти что костлявая. Женщины всегда говорят, что хотят быть красивыми для своего мужчины, а потом делают все, что в их силах, чтобы не соответствовать его вкусам. Прикидываются, что готовы на любые жертвы, чтобы угодить ему, а сами между тем рабски следуют моде... Женщины хотят только одного — чтобы подружки им завидовали!»

Ева возмущенно протестовала, но в то же время признавалась, что ни за что на свете не желала бы быть хоть чуточку полнее.

На самом деле они оба были помешаны на своей диете. Фюрер был привередливым вегетарианцем и питался в основном свежими овощами, картофельным пюре и макаронными изделиями, завершая каждую трапезу компотом и минеральной водой. После смерти Гели в 1931 году он не притрагивался к мясу, птице, рыбе и даже к яйцам. Он заявлял, что невероятно разборчив, в то время как его любимым блюдом было картофельное пюре, политое льняным маслом, с поджаренным сыром сверху. С подросткового возраста он не употреблял алкоголя, разве что изредка выпивал стакан сладкого белого вина, разведенного водой. Он нанимал диетологов, постоянно изобретающих новые яства в попытках подстегнуть его аппетит. Его последняя и самая любимая повариха Констанце Манциарли поступила к нему на службу в 1944 году

в возрасте двадцати четырех лет. Уроженка Инсбрука, она специализировалась на его любимой кухне — венской и баварской — и изо всех сил старалась удовлетворять его прихоти, а также кормить его питательной и разнообразной пищей. Она часами стояла на кухне, с неимоверным усердием сооружая десерты, от которых слюнки текли. Гитлер высоко ценил фрейлейн Манциарли, и тот факт, что она была некрасивой, застенчивой тихоней, ничуть не мешал Еве воображать невесть что, когда повариха обедала наедине с Гитлером, что случалось довольно часто. Гитлер постоянно жаловался на желудочные расстройства, но они были вызваны не пищей, а многочисленными сомнительными лекарствами, которые он принимал в соответствии с предписаниями своего любимого врача.

Доктор Теодор Морелль, личный врач фюрера с 1936 года, являлся, по сути, шарлатаном и прописывал всевозможные мудреные снадобья, в том числе несколько флаконов витаминов ежедневно. Морелль начал завоевывать доверие пациента с того, что вылечил его экзему, хотя ничего не смог поделать с метеоризмом (скоплением газов в кишечнике, ведущим к чрезмерному их выпусканию), вызванным, несомненно, обилием овощей в рационе. Сей недуг он лечил с помощью пилюль «Антигаз» доктора Костера, которые Гитлер принимал после каждой еды годами. То, что приходится глотать столько препаратов и так долго, должно было бы подсказать Гитлеру, что лечение не приносит ему особой пользы. Но он в своих решениях руководствовался скорее инстинктами, чем здравым смыслом, и слепо доверял недобросовестному медику. Только в 1944 году независимый специалист доктор Гизинг, который сам пробовал упомянутые таблетки и изучал их действие, обнаружил, что они не облегчают мучительные спазмы

Гитлера, а, наоборот, служат их причиной, поскольку содержат предельно допустимую дозу стрихнина. Фюрер страдал стрихниновым отравлением! Когда Гизинг изложил свои выводы Гитлеру, тот отказался верить и выгнал его, продолжая возлагать надежды на опасно некомпетентного Морелля. Ева Браун ненавидела его, подозревая в шарлатанстве, и пыталась заменить собственным кандидатом, более надежным доктором Брандтом. Но хотя Брандт вошел в штат медицинского персонала Гитлера в Берлине, он так никогда и не занял место Морелля. Фюрер имел в своем распоряжении более умелых терапевтов и хирургов, но Морелль — этот жирный, распущенный мошенник с жесткими, как щетка, седыми космами — оставался фаворитом, пичкая Гитлера мудреными снадобьями и диетологическими консультациями.

Согласно свидетельству Морелля, Гитлер принимал двадцать восемь различных препаратов — одни ежедневно, другие по мере необходимости, включая клизмы с настоем ромашки, которые, как утверждает Морелль, Гитлер ставил себе сам. (Это всего лишь частично подтверждает слухи о пристрастии Гитлера к анальному сексу и вряд ли позволяет делать какие-либо выводы. Гораздо более вероятным представляется, что он предпочитал ставить клизмы самостоятельно, чтобы не показывать лишний раз свои деформированные гениталии, даже врачу.) Морелль не удосужился связать «бурую мочу», на которую жаловался Гитлер, с возможным наличием камней в мочевом пузыре — на такой диагноз указывали и другие симптомы. Кроме того, он не смог определить по дрожанию левой руки и левой ноги Гитлера зачатки (по всей вероятности) болезни Паркинсона. Его диагнозы строились, как правило, на догадках, и лекарства он прописывал непотребные. Но, раз уцепившись за что-то — человека, место, привычку, — Гитлер стоял на том непоколебимо.

Гитлер оставался в Бергхофе три недели в июне и июле, а также почти весь август 1937 года, чем несказанно порадовал Еву, хотя и проводил большую часть времени не с ней, а погрузившись в дела государства. Шпеер рассказал одному из следователей, допрашивавших его в 1945 году:

> Когда ему [Гитлеру] предстояло принять важное решение, он уезжал в Оберзальцберг. Там его жизнь была скрыта от посторонних глаз. Фрейлейн Браун, которая только год или два назад стала появляться в Берлине, составляла ему компанию; и вообще он старался в такие периоды общаться с людьми, далекими от политики... Прогулки по окрестностям Оберзальцберга, включающие посещения маленьких гостиниц, придавали ему, как он говорил, внутреннего спокойствия и уверенности, необходимых для принятия решений, предназначенных потрясти мир. Подробно обсуждались вопросы искусства, архитектуры, просматривались фильмы. Учитывая его необычную привычку смотреть по два фильма в день, многие приходилось крутить по два-три раза.

О том, что он делал долгими часами, запершись с верхушкой партии и военными, Ева имела примерно столько же представления, сколько малыш, машущий на прощание ручкой папе, уходящему утром на работу. Ежедневное расписание Гитлера в Бергхофе практически никогда не менялось. Тем, кому приходилось придерживаться этого расписания вместе с ним, оно, должно быть, казалось невыносимо однообразным и скучным. По утрам царила тишина, жизнь замирала, пока не проснется Гитлер, что случалось обычно около полудня (один Борман с семи утра трудился в своем кабинете, составляя график фюрера, сортируя и проверяя его бумаги, решая, кого из

посетителей ему следует принять). После пробуждения Гитлера начиналась суета: люди приходили и уходили, непрерывно звонил телефон. Кажется поразительным, что фюреру удавалось составлять колоссальные планы, затрагивающие жизнь (и смерть) миллионов, всего за несколько часов ежедневной работы без помощи современных средств связи, таких, как электронная почта, факс, и многочисленных ассистентов (канцелярию Гитлера обслуживало сравнительно небольшое количество людей). Но причина проста: он был ленив и оттого предоставлял своим соратникам проявлять инициативу до тех пор, пока мог быть уверен, что они выполняют его общие, обычно весьма расплывчатые, требования. Он предпочитал, чтобы его ставленники читали его мысли и действовали в соответствующем духе на собственное усмотрение, после чего руководящим работникам рангом ниже предстояло выполнять уже конкретные приказы. Эта праздность и явилась источником власти Мартина Бормана. Он понял, что Гитлеру хочется, чтобы его поменьше беспокоили, и взял на себя обязанность интерпретировать и фильтровать как желания фюрера, так и посетителей. Никого не допускали к нему без согласия Бормана, и многих ждала неудача, отчего рабочий день Гитлера заметно сокращался. Обед накрывали в два или даже в три часа. Первыми приходили Гитлер с Евой, затем официально приглашались их гости:

> Хайнц Линге объявлял, что стол накрыт, обращаясь к Еве Браун со словами: «Милостивая сударыня, фюрер поведет вас всех на обед». Гитлер, заранее знавший, кого будет сопровождать к столу, подавал даме руку; Ева принимала руку Бормана — этот *порядок* никогда не менялся. Вслед за ними направлялись по широкому коридору и сворачивали за угол в столовую остальные пары. Гитлер занимал место во

главе стола напротив окна. Слева от него садилась Ева Браун, рядом с ней — Борман. Напротив них сидели почетный гость или гость, превосходящий остальных по рангу, и его супруга. Обед обычно продолжался около часа, а затем фюрер выходил на послеобеденную прогулку.

Блюда, особенно для важных гостей (в таких случаях Евы, разумеется, за столом не было), готовились из свежайших продуктов с огорода или образцовой фермы Бергхофа, к столу подавались превосходные немецкие вина. Трапеза заканчивалась в три часа пополудни, иногда даже позже, после чего либо Гитлер и Ева потихоньку удалялись в спальню «вздремнуть после обеда», либо он вел группу друзей и нескольких должностных лиц из своей личной канцелярии по усыпанным гравием тропинкам, вдоль которых ненавязчиво выстраивались охранники Бергхофа, через сосновую рощу, вниз к Чайному домику, на чашечку кофе или, после четырех часов, на вечернее чаепитие. Гитлер называл такую двадцатиминутную прогулку «зарядкой для собак», и, как правило, это был его единственный выход на улицу за целый день.

Чайный домик стоял на скале под названием Моосланеркопф, на краю небольшого каменистого плато — естественного обзорного пункта. В хорошую погоду Гитлер и Блонди сидели на скамейке, обозревая панораму. Если день проходил в узком кругу друзей, Ева могла сидеть или стоять рядом или же фотографировать его в приватной обстановке. Далеко внизу петляла изгибами река Ахе, по берегам которой, словно спичечные коробки, были рассыпаны деревянные домики.

Чайный домик был уродлив снаружи и претенциозен внутри. Мраморные стены большой круглой комнаты украшали золотые инкрустации. Половину одной стены занимали огромные окна. Почти все помещение

загромождал длинный низкий стол. Вокруг него стояло десятка два мягких кресел. Те, что пошире и поглубже, предназначались для фюрера. По левую руку от него устраивалась Ева Браун, с другой стороны – почетные гости, а Чайный домик тем временем наполнялся ароматом свежего кофе. Гитлер пил яблочный или тминный чай и уговаривал своих гостей попробовать только что испеченный яблочный торт и всевозможные маленькие пирожные. Часа два все потягивали кофе, жевали сладости и болтали о пустяках. Мало-помалу Гитлер начинал клевать носом в своем кресле, после чего окружающие продолжали беседу шепотом. Когда он просыпался, притворяясь (как часто делают любители дневного сна), что вовсе не дремал, а думал с закрытыми глазами, бронированный «мерседес» или сделанный для него по специальному заказу черный кабриолет «фольксваген» отвозил его наверх в Бергхоф. Ева предпочитала уходить одна со своими собаками, так как, присоединись она к остальным, ей пришлось бы плестись в самом конце, как простой секретарше или телефонистке, несмотря на то, что она, быть может, всего два часа назад занималась любовью с Гитлером. Как ни удивительно, большинство людей, не принадлежащих к ближайшему окружению, принимали этот фарс за чистую монету, и до конца войны всего несколько лиц из низших эшелонов партии знали, кто она на самом деле.

Ужин, который подавали к полуночи, а то и позже, в зависимости от того, сколько длились вечерние совещания Гитлера, во многом походил на обед. Обычно он состоял из холодного мяса с салатом, жареной картошки с тушеным мясом или яйцами, лапши с томатным соусом и сыра. Возможно, под влиянием диеты Гейлорда Хаузера, невероятно популярной в тридцатых годах, Гитлер любил свежевыжатые соки из овощей и фруктов, круглый год

выращиваемых в теплицах Оберзальцберга. Гитлер ел довольно много, быстро и даже на своей спартанской диете набирал вес. (Как бы скудны ни были его основные блюда, в промежутках между ними он продолжал поглощать кремовые пирожные.) После ужина все обыкновенно смотрели фильмы, заранее выбранные Гитлером и Евой из списка немецких, американских и британских новинок. (Цензуру игнорировали.)

В обязанности Евы входило убеждать фюрера отдохнуть и следить за тем, чтобы он расслаблялся и получал удовольствие от болтовни и смеха своей излюбленной компании. Во время совершенно неформальных вечеров он предпочитал находиться в обществе своих придворных шутов, в особенности Генриха Гофмана и Макса Амана (последний некогда был старшиной его роты, а потом стал его личным банкиром), давних друзей, которым прощались любые вольности.

> «Я очень привязан к Гофману, – как-то сказал Гитлер. – Когда Гофмана нет рядом несколько дней, я скучаю по нему». Один из гостей подобострастно воскликнул: «О мой фюрер, профессор Гофман был бы счастлив это слышать!» На что Гитлер ответил: «Да он прекрасно сам знает. Он вечно меня высмеивает. Настоящий «комик без улыбки», и всегда ухитряется выискать жертву. Эта троица – Гофман, Аман и Геббельс – как сойдется вместе, так хохочет без умолку». [Норман Камерон. «Застольные беседы Гитлера»]

Какой сюрприз – обнаружить Геббельса в числе любимых остряков фюрера.

Гитлер любил пересказывать историю об автомобильной прогулке с Гофманом в двадцатых годах:

Гофман купил новую машину, «форд», и настаивал, чтобы я испытал ее вместе с ним. Я сказал: «Нет, Гофман, ни за что не поеду с вами кататься».

Но он не отставал от меня, так что я наконец сдался, и мы тронулись с Шеллингштрассе. Уже наступил вечер, к тому же шел дождь, а Гофман разгонялся на поворотах, как последний болван, чуть не задевая углы зданий, и не замечал перекрестков.

«Гофман — говорю я, — осторожнее, вы водите как психопат! Это же очень опасно».

«Да нет, мой фюрер, вам просто так кажется, потому что вы не пили. Если бы вы приняли стаканчик-другой красного вина, как я, то ничего бы и не заметили».

Тогда я вышел из машины и никогда больше с ним не ездил.

Гитлер понятия не имел об оргиях «профессора» Гофмана в Вене и Мюнхене и о том, насколько отвратительным его находят все остальные. Ева Браун была единственным человеком, осмеливавшимся критиковать товарища старых добрых дней. Она говорила:

«Поведение Гофмана постыдно, ты должен что-то с этим сделать. Он вечно пьян и закатывает пиры, в то время как люди голодают».

Гитлер защищал старого друга, говоря: «Гофман был отличным парнем в прошлом, когда, еще стройный и гибкий, неутомимо работал со своей допотопной, неуклюжей камерой. Он безгранично предан мне». [Траудль Юнге, «До смертного часа»]

И все же он призвал Гофмана к порядку. Тот угомонился, но ненадолго, и его обжорство, пьянство и оргии скоро возобновились.

Альберт Шпеер тяготился монотонным и предсказуемым распорядком дня, но считал его неизбежным вследствие магнетической харизмы Гитлера.

> Ему нравилось находиться в окружении близких за обедом, на прогулках, во время чаепития, а затем ужина, просмотра фильмов и долгих разговоров у камина — посиделки длились до поздней ночи, до двух часов, а то и дольше. <...> Но хотя эти долгие вечера утомляли и со временем становились все скучнее, мы были молоды, сильны и остро осознавали, какая честь нам выпала — принадлежать к кругу избранных.

Никому не разрешалось удалиться к себе или выйти в другую комнату, чтобы посплетничать в более свободной обстановке, сыграть в карты или потанцевать. Даже вечно беременные жены не имели права уйти спать пораньше. Гитлер считал членов этого кружка своими друзьями, но ни о каких откровенных разговорах и шутках и речи быть не могло. Единственной дозволенной Гитлером формой дискуссии являлся монолог... *его* монолог. Он мог обладать незаурядным талантом оратора, но мышление у него было банальное, и собеседником он был никудышным. В кругу близких его пламя угасало, и он не только не завораживал слушателей, но надоедал им до смерти, особенно постоянным гостям, вынужденным слушать все это по сто раз. Его секретарь Криста Шрёдер рассказывала:

> Я до сих пор удивляюсь, зачем ему было жертвовать ночным отдыхом ради того, чтобы выкладывать свои теории слушателям, большинство из которых предпочли бы поспать. Ева Браун, тоже иногда присутствовавшая, не слишком старалась скрывать, что ей скучно. Она то и дело

бросала неодобрительные взгляды на Гитлера или громко спрашивала, который час. Тогда Гитлер обрывал свой монолог, откланивался, и компания могла расходиться.

В иных случаях у них не оставалось выбора, кроме как слушать, изображая внимательную аудиторию, удостоившуюся чести внимать его разглагольствованиям об искусстве, античной истории и мировых религиях. Вот как он, дословно, рассуждал о гибели античного мира:

> Правящий класс стал богатым и обосновался в городах. И с тех пор горел желанием обеспечить своим наследникам беззаботную жизнь... Могущество каждой семьи зависело в какой-то степени от количества принадлежащих ей рабов. Таким образом, плебс, вынужденный размножаться, разрастался, а патрицианские семьи уменьшались... В результате римская аристократия потонула в массе черни. В основе краха лежал спад рождаемости.

И прочее в том же духе. Из любопытства я послала этот отрывок другу, специалисту по античной истории. Его ответ звучал примерно так: «Рассуждения Гитлера — чушь собачья, зато они отлично демонстрируют, во что хочется верить таким, как он». Хью Тревор-Ропер, изучавший монологи Гитлера в течение двух лет, заключил:

> Многое в них указывает на невежество и легковерность, догматизм, склонность к истерии и тривиальность мышления Гитлера... В то же время они отражают его злой гений. Гитлер никогда не задумывался о Боге, человеческом разуме и общем благе. Ни единым словом он не обмолвился о вопросах духовности. Ему неизвестно было значение слова «гуманность». Он презирал слабость и сострадание, ненавидел силу духа.

Иной раз Гитлер уставал или Еве удавалось заманить его наверх, и как только он уходил (рассказывает одна из секретарш):

> Гостиная наполнялась табачным дымом, и все признаки усталости улетучивались. Устанавливалась веселая, непринужденная атмосфера — она очень бы понравилась Гитлеру, будь он там. Из-за крепкого кофе, который мы пили весь вечер, чтобы не заснуть, мы не могли отправиться в постель сразу же, но постепенно гости и коллеги удалялись, пока наконец Бергхоф не погружался в глубокий сон.

Глава 18

1938–1939: два последних мирных лета

Двадцать девятого апреля 1938 года группа из восьми человек, включая Гретль Браун и мать Евы Фанни, а также двух докторских жен, Анни Брандт и Ханни Морелль, вылетела на одном из личных самолетов Гитлера (у него их было три) на озера Северной Италии. Им предстояло провести очередные итальянские каникулы, прогуливаясь по магазинам, осматривая достопримечательности и загорая на пляжах. Сама Ева покинула Бергхоф на неделю позже, третьего мая, в поезде особого назначения, на котором Гитлер отправлялся в Италию с официальным визитом. Не такая уж уступка с его стороны, как кажется: его сопровождала свита из почти пятисот дипломатов, военных и партийных лидеров, журналистов, среди которых Ева могла оставаться незамеченной. Сначала, третьего мая, поезд прибыл в Рим, где немецкий фюрер должен был вступить в переговоры с итальянским дуче — Муссолини, — чтобы подробно обсудить установление в Европе нацистско-фашистского режима. Помимо того, Гитлер собирался нанести не слишком важный визит вежливости оттесненному на задний план итальянскому королю.

Государственный визит открылся ослепительным банкетом во дворце Квиринал, резиденции Савойской династии. Гитлер обменялся пустыми любезностями с королем Виктором Эммануилом III и августейшей семьей, холодно отвечавшими ему тем же. Гитлер и его непосредственное

окружение (но не Ева) остались в Квиринале на ночь. Ева и ее сопровождающие поселились инкогнито в отеле «Континенталь». Она попала на аудиенцию к Папе Римскому, что ее, как набожную католичку, очень впечатлило и взволновало. Когда Муссолини наконец понял, кто она, то прислал ей в подарок безумно дорогой саквояж крокодиловой кожи, полный всевозможных туалетных принадлежностей и итальянской косметики. Ева, должно быть, очень обрадовалась как самому подарку, так и тому, что он означал — молчаливому признанию ее роли в жизни Гитлера. Они с фюрером ухитрялись время от времени встречаться — ненадолго и незаметно. По плану его маршрута видно, что они посещали одни и те же места — Рим, Флоренцию и Неаполь — в одни и те же дни. Похоже, все принимали ее за безымянную зрительницу, запечатляющую на пленку парады, мощь и блеск. 5 мая в Неаполе какой-то незнакомец угрожал ей ножом, явно не подозревая, с кем имеет дело. Она осталась невредима и отправилась смотреть парад военно-морского флота, а потом, вечером — великолепное представление «Аиды» Верди, правда, не в королевской ложе Гитлера. Итальянцы называли Еву *la bella bionda* — белокурая красавица, — что весьма ей льстило. Фюрер со своей свитой пробыл в Италии недолго. Он выехал из Рима через пять дней, 9 мая, заручившись согласием Муссолини не вмешиваться ни в какие действия против Чехословакии, и к десятому числу вернулся в Бергхоф.

Ева со своими спутницами осталась в Италии. Спотыкаясь на высоких каблуках, она бродила по древним площадям, вымощенным булыжником, забиралась на ступени флорентийского Понте Веккио со своей матерью, обе — в серых шерстяных костюмах и тирольских шляпках с перьями, во всем блеске баварской роскоши. Ева, Имельда Маркос Третьего рейха, заказала еще обуви от своего любимого производителя, хотя имела уже десятки пар.

Сальваторе Феррагамо писал в автобиографии: «Персидская царица Сорайя, Мэй Уэст, Павлова и Ева Браун носили обувь размера 6B» (соответствует английскому размеру 4–4,5 или европейскому 36,5–37, размеры Феррагамо отличаются от размеров других производителей). И далее:

> ...Ева Браун носила только обувь Феррагамо, всех видов и фасонов. У нее были нормальные, хорошие ножки, и ей подходило абсолютно все. Начала она посещать мой салон еще до войны, всегда в сопровождении целого отряда нацистских охранников, грохочущих сапогами и при каждой возможности рявкающих «Хайль Гитлер!». [Последнее, видимо, выдумка, учитывая маниакальное стремление Гитлера сохранить ее анонимность.] В то время я ничего не знал о ее личной жизни, для меня она была просто немецкой актрисой и очередным клиентом. Только много лет спустя я понял подлинную связь между запросом высшего командования Германии на изготовление ее туфель и ее появлением в моем салоне.

Бывалые туристы отправились дальше, в Помпеи, где Ева снимала на пленку развалины, статуи и фрески. Они забирались на Везувий, заглядывали в кратер вулкана, не забывая позировать перед объективом. На Капри они остановились в отеле «Бельведер», в Равенне Ева снова проводила съемки, в Венеции тоже: в этот раз на мосту Вздохов. Ева снимала с неудержимой жадностью: ресторанчики, кофейни, бассейны, скалы и лодки, соломенные шляпы, просящих милостыню детей – все. «Сейчас вы увидите *настоящую* Италию!» – говорил Гитлер, когда гости усаживались смотреть любительские фильмы Евы на экране домашнего кинотеатра в Оберзальцберге. Для Евы эти съемки означали больше, чем просто «А это я на отдыхе». Они симво-

лизировали ее стремление работать когда-нибудь в мире кино... если не актрисой, то, может быть, режиссером. Надежды и иллюзии помогали ей жить.

Когда две недели спустя Ева и ее сопровождающие вернулись в Бергхоф, кто-то заснял, как Гитлер встречает их. Это не могла быть Ева, так как на пленке он бесстрастно пожимает ей руку. Она красуется в новой норковой шубке длиной в три четверти, а Гретль — в роскошном меховом жакете. Когда он ушел в дом, дамы уселись на балюстраду, чтобы похвастаться новыми итальянскими туфельками ручной работы, кокетливо скрестив ножки. Подобных предметов роскоши ни одна из них не могла бы себе позволить сама. Щедрость Гитлера в ком угодно заглушала голос совести.

Он был щедр ко всем своим близким. Его завещание, составленное 2 мая 1938 года, признает первостепенную роль Евы в его жизни. Важно, что она является первым лицом, упомянутым в списке его наследников: «а) Фрейлейн Еве Браун из Мюнхена пожизненное ежемесячное содержание в 1000 марок, то есть 12 000 марок в год». Не сумма (щедрая вполне, но не чрезмерно), а ее место во главе списка говорит за себя. Столько же он оставил своим сестрам Ангеле (которая теперь жила в Дрездене) и Пауле (все еще в Вене), а старшему сводному брату Алоису назначил единовременную выплату в 60 000 марок. Касательно его служащих, интересен выбор лиц, которым он оставил деньги. Его мюнхенская экономка Анна Винтер получала по завещанию 150 марок в месяц пожизненного содержания. Его «старому другу» Юлиусу Шаубу — личному адъютанту на протяжении многих лет — полагалась единовременная выплата в размере 10 000 марок, а также по 500 марок в месяц до конца жизни. Карл Краузе, его денщик, заслужил пожизненную ежемесячную пенсию в 100 марок. Но ни словом не упомянуты закадычные приятели, воображавшие, что они

на особом счету — такие, как Гофман и Аман, — не говоря уже о мошенниках Бормане и Гиммлере. Видимо, он счел, что они сами прекрасно смогут о себе позаботиться. И самое главное: в последнем пункте Гитлер распорядился, чтобы «содержимое комнаты в моей мюнхенской квартире, которую когда-то занимала моя племянница Гели Раубаль, было передано моей сестре Ангеле (ее матери)». Комната хранила душераздирающие воспоминания, и он не мог допустить, чтобы вещи остались без присмотра. Маловероятно, что Ева видела завещание, но если бы она пережила Гитлера, то упоминание о Гели больно задело бы ее, о чем он, конечно, знал. Пусть она была первой в его списке, но последняя мысль Гитлера устремлялась к Гели.

Тем не менее со временем Ева становилась все более необходима ему. На это указывает и его вечное беспокойство о ней: ворчание, что она, мол, должна водить машину помедленнее, кататься на лыжах поосторожнее. Что шло вразрез с ее беспечной натурой и страстью к энергичным упражнениям. «Когда она уезжала кататься на лыжах и не возвращалась до темноты, он страшно переживал», — вспоминает Альберт Шпеер в своих мемуарах. Похоже, Гитлер, сам того не замечая, глубоко привязался к «мюнхенской девочке», с которой был столь пренебрежителен: привык к ней не только в сексуальном, но и в эмоциональном отношении. Это должно было стать полной неожиданностью для человека, стремившегося быть самодостаточным, недосягаемым, богоподобным. Для человека, якобы равнодушного к чарам отдельной женщины, зато купающегося в обожании миллионов.

По прошествии трех лет с приезда Евы порядки в Бергхофе прочно закрепились, и определился круг завсегдатаев. На официальном групповом снимке, сделанном в новогоднюю ночь в преддверии 1939 года, выстроились самые близкие Гитлеру люди, кому он доверял, с кем мог расслабиться.

Они роскошно одеты, но, несмотря на вечерние наряды, а может быть, именно из-за них, улыбки выглядят натянуто, совсем не как у друзей, собравшихся вместе на праздник. Сидящий посередине Гитлер мрачнее всех. Учитывая немецкую озабоченность старшинством и иерархией (даже композиция ежегодных школьных фотографий организована по этому принципу), можно с уверенностью сказать, что *расположение* лиц на данном новогоднем снимке показательно. Итак, первый ряд: Генрих Гофман, Гретль Браун, доктор Тео Морелль, Ильзе Браун, Филлип Булер (глава канцелярии по делам партии), Герда Борман, Гитлер, Ева Браун, Мартин Борман, Анни Брандт. Во втором ряду стоят Криста Шрёдер, Герда Дарановски, Альберт и Маргрет Шпеер, Ханни Морелль и несколько неизвестных. В третьем, заднем ряду: Макс Вюнше, некто похожий на Альберта Бормана, брата более знаменитого Мартина, Якоб Верлин (финансовый директор «Даймлер-Бенц»), фрау Эссер (жена Германа Эссера, старого мюнхенского друга), господин Тейссен, генерал Рудольф Шмундт (адъютант Гитлера в вермахте), Марион Шёнман (подруга Евы и жена Тейссена), доктор Карл Брандт и Кристиан Вебер (крейслейтер, то есть руководитель партийной организации Мюнхена).

Их расположение подсказывает несколько выводов. Например, доктор Морелль находится в первом ряду, а доктор Брандт – в последнем. Это говорит о том, что Гитлер предпочитал своего скользкого шарлатана компетентному и надежному врачу. Из высокопоставленных нацистов самыми близкими Гитлеру являлись, несомненно, Борман и Шпеер. (А где же Геринг? Он, надо думать, пришел в ярость оттого, что его не пригласили на новогодний прием фюрера.) Снимок доказывает, что секретарши действительно были «членами семьи». Здесь присутствуют и прелестная Герда Дарановски, и старший секретарь Гитлера Криста Шрёдер, хотя они наверняка предпочли бы

провести этот вечер дома с родными. Не обделены вниманием и четыре из самых дорогих Еве женщин, причем обе ее сестры – в первом ряду. (В высшей степени странно, что Ильзе приехала в Бергхоф.) Ее родителей не было, возможно, потому, что она провела с ними в Мюнхене предыдущее Рождество – еще одно указание на то, что семейные связи наладились. Марион Шёнман, теперь уже фрау Тейссен, приехала, но Герты Шнайдер нет – видимо, она осталась дома с восьмимесячным малышом. Другая подруга, Софи Шторк, сияет лучезарной улыбкой среди бесстрастных лиц в заднем ряду. И, самое главное, *Ева* занимает почетное место прямо рядом с Гитлером. Принимая во внимание бесконечные подпольные интриги ради высокого положения, это немалое достижение. Ее завоевание «Горы», длившееся чуть больше двух лет, увенчалось успехом.

В 1938 году уверенное продвижение нацистов к господству над Европой стало принимать явно угрожающие масштабы. Планы Гитлера созревали, и в течение пяти месяцев после завоевания Чехословакии велась подготовка к присоединению Австрии. Австрийский лидер Карл фон Шушнигг посетил Гитлера в Берхтесгадене 12 февраля и под влиянием угроз согласился, помимо прочих уступок, на иностранный контроль над своим кабинетом. Это не имело значения... 11 марта Шушнигг все равно вынужден был подать в отставку. 13 марта 1938 года Гитлер провозгласил *Anschluss* (аннексию) Австрии, а 14 марта прибыл в Вену. Несметные толпы приветствовали его восторженным ликованием. Ева тоже поехала любоваться его триумфом. Они провели ночь вместе в отеле «Империаль», пусть не в одной комнате, но ее номер располагался напротив его апартаментов. Роль дуэний при ней выполняли мать и Герта. Каким-то образом ее присутствие удалось скрыть от всех, включая советников Гитлера. Однако тот факт, что

он хотел видеть ее рядом с собой в столь знаменательный момент, говорит о безусловном признании ее статуса.

К середине сентября 1938 года Невилл Чемберлен уже пытался вступить в переговоры с Гитлером. Они встретились в Мюнхене и позировали фотографам в гостиной Гитлера на Принцрегентенплатц. Чемберлен сидел на длинном, обитом красным бархатом диване. Увидев снимки, Ева лукаво сказала приятельнице: «Знал бы Чемберлен историю этого дивана...» Был ли это намек, что она отдала на нем Гитлеру свою невинность?

Государственные мужи провели несколько совещаний, и доверчивый британский премьер-министр успокоился, когда Гитлер заявил, что «чешский инцидент был последним его территориальным притязанием в Европе». Несмотря на недвусмысленное утверждение Гитлера, что он не остановится, пока территория, где проживают судетские немцы, не станет частью великой Германии, Чемберлен явился на последнюю встречу 29 сентября 1938 года и вернулся на родину торжествующим, в полной уверенности, что обеспечил мир. Он цитировал Шекспира: «В зарослях крапивы опасностей мы сорвем цветок – безопасность»[1]. Гитлер подписал знаменитый договор (заметив потихоньку Риббентропу: «Да не обращайте внимания. Этот клочок бумаги скоро потеряет всякое значение»). Газета *The Guardian* сообщала об эпизоде, имевшем место в субботу 1 октября 1938 года на Даунинг-стрит:

> Г-н Чемберлен подошел к окну на втором этаже и с радостной улыбкой обратился к народу.
>
> «Дорогие друзья, – сказал он – тут ему пришлось прервать речь и подождать, пока утихнут крики восторга и его снова станет слышно. – Второй раз за нашу историю из

1 У.Шекспир. Генрих IV (часть первая). Перевод Е.Бируковой.

Гитлер с преувеличенной галантностью целует Еве ручку, она нежно улыбается ему. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Вдали от чопорного Бергхофа Ева от всей души радуется жизни. Снимок подписан ее рукой: *Auf dem Markusplatz* («На площади святого Марка»). Она в Венеции — вероятно, в 1938 или 1939 году, — одета в элегантный баварский костюм, ее осаждают голуби. (NARA)

Ева в сопровождении родных и друзей регулярно ездила в Италию в 1938–1941 годах. На скамеечке в Риме сидят Фанни Браун, Маргрет Шпеер, Анни Брандт, Ева и Марион Шёнман, наряженные по последней баварской моде. Война на тот момент была в самом разгаре, однако эта счастливая пятерка явно не намерена портить себе удовольствие мрачными мыслями. (NARA)

Новый год (1939) — новое развлечение. Ева — в новенькой белой шубке — с одной из своих тетушек отдыхает от катания на лыжах по горным склонам. (NARA)

Ева снова отдыхает в Италии, открыто покуривая сигаретку за столиком в кафе. В Бергхофе ей приходилось курить тайком, поскольку Гитлер этого не одобрял. Вдали от него она могла вести себя, как ей заблагорассудится, но в его присутствии она должна была подстраиваться под его правила и требования. (Фотоагентство *Ullstein Bild*)

Еще один способ получить удовольствие от жизни… Ева (слева), ее мать (в центре) и сестра Гретль шумно празднуют *Fasching* (последний день Масленицы) 1939 года в мюнхенском пивном подвале. (NARA)

Красивые молодые адъютанты Гитлера скрашивали Еве досуг и предоставляли возможность для легкого флирта, но не более того. Они не рискнули бы навлечь на себя гнев Гитлера, а Ева оставалась верной и преданной ему. Даже такой интересный кандидат, как Вальтер Хевель (второй слева), не ввел ее в искушение. (NARA)

Куда скучнее были пространные монологи Гитлера после ужина в большом зале Бергхофа. На этом снимке 1944 года Ева смотрит в камеру из дальнего левого угла, рядом Гитлер беседует с каким-то гостем. (Фотоагентство *Ullstein Bild*)

Родители Евы Фритц и Фанни, соблазнившись роскошью Бергхофа, стали в нем частыми гостями, хотя поначалу бурно противились роману дочери с Гитлером. Ева, несмотря ни на что, не утратила привязанности к своей семье. (NARA)

На этом студийном групповом портрете, сделанном в честь шестидесятилетия Фритца, запечатлены (слева направо) Ильзе, Фритц, Фанни, Гретль и Ева. Их лица в полной мере отражают характеры: Ильзе и Фритц суровы и официальны, Фанни гордо улыбается, мысли Гретль бродят где-то далеко, и только Ева выглядит спокойной и довольной. (NARA)

Редкая фотография, на которой Еву можно видеть в обществе высокопоставленных нацистов. Слева направо: Геббельс — отвратительный, несмотря на элегантный костюм и радостный смех, — Ева, некто неизвестный и Альберт Шпеер, слишком сдержанный, чтобы по просьбе фотографа улыбаться в объектив. (NARA)

Гитлер хотел, чтобы его нацистские сподвижники на «Горе» вели образцовую «арийскую» семейную жизнь, и любил наблюдать за веселой суетой их жен и детей на террасе. Здесь (второй справа) он заглядывает в клетку (для кроликов и черепах), а позади в почтительных позах стоят адъютанты. Ева (справа на переднем плане) пытается сфотографировать фюрера. Как всегда, рядом бегают ее черные скотч терьеры Штази и Негус. (NARA)

Под лучами зимнего солнца Ева дремлет в шезлонге на террасе Бергхофа. Она уже около десяти лет находится подле Гитлера, и черты ее лица отмечены напряжением и усталостью. (NARA)

Ева ласково смотрит на Гитлера, уснувшего после чаепития в Чайном домике. Не раньше пяти часов пополудни, вернувшись в Бергхоф, фюрер снова приступал к работе. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Гитлер и Ева с детишками Борманов и Шпееров, одетыми в лучшие костюмчики для «дядюшки» Гитлера. Маргрет Шпеер (справа) не поместилась в кадр. Снимок, вероятно, сделан на Рождество 1939 года, празднование которого перенесли на несколько дней вперед, чтобы фюрер мог насладиться торжеством, прежде чем отправиться объезжать войска, поднимая их боевой дух. В последующие годы Гитлер уже был слишком занят войной и редко приезжал домой. (NARA)

День рождения Гитлера в 1943 или 1944 году. Как у них было заведено, друзья собирались в полночь выпить за его здоровье. На следующее утро фюрера ждал стол, уставленный цветами, заваленный подарками близких и подношениями от немецкого народа. Гитлер делал вид, что вся эта суматоха его раздражает, однако Ева (крайняя справа, в нарядном платье) знала, что в глубине души он любит, когда его балуют. (NARA)

Германии приходит «почетный мир». Я привез мир целому поколению».

Ничего подобного, хотя мюнхенская конференция, вероятно, отсрочила войну на год. Больше времени на перевооружение, на военную подготовку, на превращение юношей гитлерюгенда в отлично тренированных молодых солдат. Левой, левой, левой, левой!

Замыслы Гитлера созревали в чудовищный плод. К зиме 1938 года он уже был в Праге. На фотографии в альбоме Евы, снятой, видимо, ею самой и подписанной «Фюрер в Праге, зима 1938 г.», он обозревает город из окна. нацистская партия шла вперед... словно неудержимые полчища саранчи накрыли Германию черным саваном. Страна стояла на пороге ужасов Холокоста и Черных Событий.

Рождество 1938 года Еве не удалось провести с Гитлером в Бергхофе: он праздновал с толпой своих верных любимцев, старых партийных работников, в пивной *Löwenbräukeller* в Мюнхене. Впервые Ева принимала родителей и сестер у себя, в маленьком домике на Вассербургерштрассе. Это была своего рода победа. Но хотя она, скорее всего, знала, что Гитлер находится неподалеку, приглашать его на свое первое за долгие годы настоящее семейное Рождество было бы слишком, Фритц Браун бы этого не оценил.

Летом 1939 года Ева сбежала от нарастающей международной напряженности и бесконечных совещаний Гитлера с генералами вермахта в городок Портофино, очаровательный маленький порт на северо-западном побережье Италии близ Генуи. Искрящееся море и мягкий климат чудесным образом контрастировали с гнетущей жизнью на «Горе». Город изобиловал хорошими гостиницами, ресторанами, кафе и плавательными бассейнами. Как всегда,

фотографии запечатлели привычные эпизоды: Фанни, Герта и Гретль дурачатся в гребной шлюпке, ныряют со скал, кидают монетки тощим оборванцам. (Кажется странным, что Герта оставила детей, ведь ее второй дочери Бригитте было всего пять месяцев. Приглашение Евы, очевидно, имело силу приказа.) В середине августа 1939 года, получив официальное приглашение на кинофестиваль, Ева отправилась в Венецию – только чтобы узнать, что должна немедленно вернуться домой. Скорее всего, она не понимала значения грядущих событий, но чувствовала, что надвигается буря, темная и зловещая. Она и представить себе не могла, как скоро эта буря разразится над ее головой и над головами миллионов беззащитных европейцев.

V

Годы войны

Глава 19

1939 – грядет война

В то время Ева не могла еще этого знать, но 1938–1939 годы (и первые месяцы 1940-го) были самые спокойные и счастливые ее годы с Гитлером. Он часто и подолгу бывал в Бергхофе, где даже его наиболее критически настроенные соратники уже безоговорочно приняли Еву в качестве его любовницы. Ее ревность и неуверенность поутихли, она больше не мучилась страхами, что Гитлер уйдет, поддавшись чарам другой женщины. Юнити Митфорд, похоже, потерпела поражение, хотя все еще околачивалась в Берлине с бестолковым и влюбленным видом. Фюрер любил общество красивых актрис и даже порой приглашал ту или иную на чаепитие в рейхсканцелярию, где мог и погладить охотно подставленную ручку, но эти свидания были мимолетными и платоническими. Ева смирилась с неизменным присутствием Магды Геббельс в их жизни, понимая, что самой ей никогда не достичь подобного ледяного величия, светской изысканности и острого ума. Кроме того, она знала, что пусть фюреру иногда и нужна эффектная спутница для официальных мероприятий, но в спальне он ищет отнюдь не интеллектуальных способностей. Наедине с ним она была игривой молодой женщиной с упругим и соблазнительным телом, сознающей свой первостепенный долг – доставлять ему *удовольствие.* Дядя Алоис рассуждал: «Наверное, Гитлер считал Еву маленьким подарком, преподнесенным ему судьбой, небольшим довеском к своей

беспокойной политической жизни». За последние шесть лет она научилась развлекать его и заботиться о нем так, как ему нравится: играть вместе с собаками, беспокоиться о его диете, уговаривать его побольше гулять, следить за тем, чтобы ее мюнхенские друзья постоянно приносили ему новости из шумного, суетливого города, где началось его восхождение. Иногда он ворчал, что не может больше передвигаться, как обычный горожанин: «Если бы вы только знали, как мне хочется пройтись по улицам одному, неузнанным! Мне хочется заходить в магазины и самому выбирать рождественские подарки или посидеть в кафе, посмотреть на людей. Но я не могу». Ева утешала его, говоря, что это оттого, что немецкий народ так беззаветно любит его.

Она никогда не жаловалась Гитлеру на тоску или одиночество. Однажды она поделилась с матерью: «У него столько важных забот, как я могу докучать ему своими мелкими жалобами?» Она изображала легкомысленную дурочку, поскольку это был лучший способ снять его напряжение. Поддразнивать его, давать выход его сентиментальности, смеяться над его шутками и слушать старые истории — уже почти чистый вымысел — о его детстве и юности: как он был одинок и всеми не понят, но зато образован и начитан в те дни, когда шлифовал свои блестящие теории о судьбах мира и значении великих идей. Истинная природа их отношений навеки останется тайной, но в основе, видимо, лежало вот что: только с Евой он мог сойти с пьедестала и позволить себе быть зависимым и привязчивым, как ребенок. Какая разница, что его язвительные друзья звали ее *die blöde Kuh* — тупой коровой? Вокруг фюрера толпилось предостаточно умников, планирующих переустройство мира и будущего. Как раз ее кажущаяся «глупость» и влекла его к ней. Альберт Шпеер понимал, что трудная работа Евы — никто больше не отдавал должное тому, насколько

она трудна, — заключалась в обеспечении отдыха, который иногда необходим и диктаторам. «Она была очень милая девочка, юная, застенчивая и скромная. Мне она сразу понравилась, и впоследствии мы подружились. Ей нужен был друг». Что правда, то правда.

В мои намерения не входит облагораживать образ Гитлера, а тем более искать в нем достойные любви качества и подкупающие черты характера. Если таковые и имелись, то составляли ничтожную часть его существа — но именно эту часть видела Ева. Я не сомневаюсь, что он знал, сколько крови прольется по его слову. Черные События лежали в самой основе его политики и произрастали из его извращенной натуры, из его полупереваренной, полунаучной, полумистической, совершенно дьявольской идеологии. Он являлся зачинщиком всего, что произошло за двенадцать коротких, но невыносимо долгих лет его верховенства, пока он водил за нос немецкий народ, погружая его в пучину морального хаоса. Но простодушные женщины любят убийц, палачей, насильников и негодяев — и религиозных фанатиков, и продажных политиков. А Ева любила Гитлера. В спокойные времена она была бы просто доброй, щедрой, чуткой и верной женщиной. То, что она делила ложе с Гитлером, вовсе не подразумевает, что она была осведомлена о преисподней, поглотившей Европу во имя фюрера и Третьего рейха. Это не хвала и не оправдание ей, а констатация факта. Необходимо также, хотя бы вкратце, изложить суть Черных Событий, чтобы сопоставить немыслимые злодеяния Гитлера с его уютным домашним бытом в Бергхофе.

Антисемитские взгляды Гитлера сформировались еще в начале двадцатых, а может быть, и раньше, во время пребывания в Вене. За ужином в чопорной столовой Бергхофа

он излагал их снова и снова своим кровожадным единомышленникам. (Женщины не допускались на эти беседы, *особенно* Ева, иначе Гитлер не был бы столь откровенен.) «Я чувствую, что выполняю роль Роберта Коха в политике. Он обнаружил бациллы и, таким образом, открыл новые горизонты в медицинской науке. Я обнаружил Еврея – бациллу, вызывающую разложение нашего общества». Йозеф Геббельс придерживался того же мнения: «Процедура [массового уничтожения евреев] довольно варварская, и здесь не место описывать ее подробно. *Мало что останется от евреев.* В целом можно сказать, что 60 процентов из них должны быть ликвидированы, и только 40 процентов – использованы для принудительных работ». Сравнения с болезнями и смертью, червями, крысами и вампирами, распространяемые пропагандистским аппаратом Геббельса, привели к повсеместному восприятию евреев как нечистых паразитов, оскверняющих немецкую расу. На первых порах преследование «расово неполноценных» или просто *других* почти не вызвало общественного протеста, хотя немало людей выражало неодобрение в частном порядке, среди своих – кто-то горячо, кто-то робко. Многие католические священники и несколько протестантских бичевали нацистов в проповедях.

Kristallnacht не была первой карательной операцией, разработанной государством против евреев. На самом деле ею завершился период бурного уличного насилия, сменившийся периодом холодного бюрократического угнетения. 28 июня 1938 года одна молодая еврейка из Берлина записала в своем дневнике:

> Новые картины ужаса и горя запечатлелись в моей памяти. <...> Сначала мы увидели, как известный магазин тканей Грюнефельда окружила воющая толпа штурмовиков СА. Они «прорабатывали» пожилого господина, пытавшегося

пройти внутрь. Выяснилось, что то же самое происходит повсюду, разница была лишь в степени жестокости. Вся Курфюрстендамм была усеяна листовками и карикатурами, слово «еврей» намалевано над каждой дверью. Жуткие изображения обезглавленных, повешенных, истязаемых и покалеченных евреев сопровождались непристойными надписями. Окна разбивались вдребезги, товары из злополучных маленьких магазинчиков валялись на мостовых или плавали в сточных канавах.

И это не организованный погром. Просто в славный июньский денек берлинские антисемиты решили немного размяться. Однако *Kristallnacht* стала первым всенародным мероприятием такого рода, проведенным открыто, публично, на глазах немецких граждан. Оно началось в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, и хотя *Kristallnacht* часто переводится как «Ночь разбитых витрин», что предполагает расколоченные стекла в принадлежащих евреям магазинах и безудержный грабеж, все обстояло в тысячу раз хуже. Стоящие теперь во главе упряжки уличные псы Гитлера, которые давно уже глухо рычали и, угрожающе ощетинившись, скалили зубы, наконец сорвались с цепи.

Уже десять лет, как бандиты и громилы нацистской партии и СС с нетерпением ждали возможности выпустить пар «на законных основаниях». Их прежние выходки в новом свете выглядели не более чем невинной шалостью. Раньше они были мелкими сошками, нижней ступенью в дьявольской иерархии, мечтавшими о крупных, невообразимых до поры злодеяниях. *Kristallnacht* позволила всякому нацисту — великому сатане, подручному демону и ничтожному прихвостню — совершить посильные ему зверства. Приказы Гитлера и его раболепного прислужника Гиммлера мгновенно спускались по командной цепочке, заканчивающейся, как правило,

местным полицейским начальником, который толковал поступившие сверху распоряжения как вздумается и рявкал команды рвущимся с поводка подчиненным. Некоторые получали приказ просто убивать мужчин-евреев, «производя как можно меньше шума», другие — разрушать местные синагоги. Беспредел прокатился по всей Германии. Поданный впоследствии одним из подразделений СС рапорт гласил: «Все отряды и их командиры получили огромное удовольствие от операции. Такие приказы надо бы отдавать почаще». Гав, гав, гав. Погром — будем называть вещи своими именами — длился двое, а местами и трое суток. Тысячи и тысячи евреев подверглись преследованию, их дома и магазины были разорены, имущество разграблено. Энтузиасты запугивали, избивали, бросали в тюрьмы, а подчас и убивали целые семьи. О размахе происходящего можно судить по тому, что в одной только Вене 680 евреев покончили с собой во время «Ночи разбитых витрин».

Многих британцев расправа с евреями привела в ужас. Оливер Литтлтон, будущий лорд Чандос, случайно оказался во Франкфурте 9 ноября 1938 года, в первую ночь *Kristallnacht*, и стал свидетелем сцен, которые «никогда не сотрутся из моей памяти». С того момента он проникся болезненной ненавистью к антисемитизму, вследствие чего помог трем еврейским друзьям тайно покинуть Германию и найти безопасное пристанище в Англии. Но британская элита редко разделяла его новообретенные взгляды. В этом Литтлтон убедился, предложив принять Исайю Берлина в члены своего клуба. Все проголосовали против. Виконт Крэнборн, будущий маркиз Солсбери, упрекал Льюиса Намье[1] за попытки облегчить европейским евреям въезд в Великобританию. Гарольд Макмиллан язвительно вы-

1 Льюис Намье (1888–1960) — британский историк, лоббировал в правительстве Великобритании интересы еврейских беженцев.

смеивал их. Аристократия считала антисемитизм своим естественным правом.

После «Ночи разбитых витрин» ни один житель Германии, включая женщин, не мог оправдаться полным неведением. До того люди еще как-то пытались объяснять растущий антисемитизм Рейха демократической реакцией на широко распространенные предрассудки. Но свастики над входом в магазины евреев и драконовские меры по контролю за их передвижением, не говоря уже о бесчеловечном обращении с ними, были заметны каждому. У Евы — или ее родителей — вполне могли быть еврейские друзья, бежавшие за границу в страхе перед грядущими репрессиями. Даже от нее не укрылось бы, что *что-то* происходит, хотя ей хватало благоразумия не задавать вопросов, и ни она, ни кто-либо другой еще не предвидел, во что выльются эти безобразные сцены. Но молчаливое согласие, а нередко и активное соучастие многих — пусть, надо подчеркнуть, и не всех — «порядочных» немцев в закручивании спирали нетерпимости, остракизма и жестокости уходит корнями в те самые ночи. Мало кто догадывался тогда, что с этого момента конвейер, запущенный для планомерного уничтожения немецких, австрийских, польских и прочих европейских евреев, уже невозможно остановить.

Нацистский геноцид носил характер стихийного бедствия. В итоге он стоил жизни как минимум трети от общего числа евреев Европы. Примерно такой же процент населения пал жертвой чумы в четырнадцатом веке. Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, в Германии было около 561 тысячи жителей иудейского вероисповедания, что составляло 0,76% всего населения, сосредоточенных по большей части в двух городах: Берлине и Франкфурте. В Мюнхене, столице баварской земли, проживало четыре тысячи евреев. В 1933 году сорок тысяч евреев покинули пределы Германии — самый крупный исход до

1938 года. К маю 1939 года в Германии осталось, по статистическим данным, 330 892 еврея, еще не бежавших в Англию или Америку. Почти половина из них — в Берлине и Вене. Однако только осенью 1941 года мелким чиновникам соответствующих инстанций стала окончательно ясна цель государственной политики — уничтожить *всех* евреев в Европе (или хотя бы максимум, сколько получится). Специального на то приказа Гитлер не отдавал — по крайней мере, обнаружить таковой не удалось, — хотя его желание истребить евреев давно было очевидным. Какая бы командная цепочка ни вела от ярого расизма к массовым убийствам, до конца войны не менее двухсот тысяч немецких евреев окончили жизнь в газовых камерах лагерей смерти. А если считать евреев всех европейских стран — то *в тридцать раз* больше. Высшие эшелоны нацистской партии никогда не считали затеянную бойню садизмом. Да, она проводилась систематически, но это другое. Это *эффективность*.

Летом 1939 года Гитлер предложил логическое завершение программы эвтаназии, сообщив Борману и другим, что «считает целесообразным искоренение бесполезных пациентов с тяжелым умственным расстройством, что в результате позволит экономить на больницах, докторах и обслуживающем медицинском персонале». *Искоренение.* Коротко и ясно. Сбереженные средства пойдут на благо здоровым, продуктивным членам общества. «Отбраковка» необходима для очищения священного немецкого народа от разлагающих генетических дефектов. Чтобы вбить сию мысль в головы обывателей, устраивались экскурсии в приюты для калек и душевнобольных (вспомним шоу уродцев на рождественских ярмарках детства Евы). Зрителям позволяли показывать пальцами на сумасшедших и осыпать их насмешками, подобное поведение даже поощрялось. Десятки тысяч любопытных проходили по палатам и лабо-

раториям, слушали псевдонаучные лекции о никчемности и неизлечимости сумасшедших. Это должно было убедить колеблющихся. Видите? Они же, по большому счету, и не люди вовсе. Без них будет лучше.

В тот октябрь Гитлер дал согласие на операцию с невинным кодовым названием Т4. Теперь докторам позволялось «даровать милосердную смерть» неизлечимым пациентам (попросту говоря, убивать их). Около семидесяти тысяч погибли таким образом за последующие два года, но итоговое число было значительно больше. Позже Гитлеру пришлось отменить Т4, но врачи нашли обходные пути, моря пациентов голодом и оставляя без присмотра в грязных постелях, пока те постепенно не угасали. Программа эвтаназии уничтожила четверть миллиона, если не триста тысяч физических и умственных инвалидов. Все происходило без лишнего шума, под руководством одетых в белые халаты докторов в больницах и лабораториях. Проверка, сколько еще убийств общественное мнение безропотно снесет — и потрудится ли вообще обратить на что-либо внимание.

Пятнадцатого марта 1939 года войска Гитлера вступили в Чехословакию. Фюрер провел день в своем личном поезде, следующем из Берлина в Прагу. Он прибыл инкогнито и переночевал в Градкани, родовом замке богемских королей. На следующий день в Праге он выпустил прокламацию, в которой четко слышались все модуляции его голоса: «Тысячи лет... области Богемия и Моравия... составляли часть... жизненного пространства... немецкого народа...» Опять это слово. *Lebensraum*, жизненное пространство: оправдание любому проявлению агрессии. Дальше, в Брно на смотр войск, затем в Вену и обратно в Берлин с ностальгической остановкой на несколько часов в Линце. Наконец зарычал английский бульдог. Чемберлен предупредил,

что Великобритания не потерпит дальнейшего захвата территорий. Гитлер не обратил на это внимания. Он уже всерьез нацелился на Польшу. Запах войны щекотал ему ноздри, образ Адольфа, императора Европы — *Adolf, Kaiser Europas* — кружил голову.

До Евы, с нетерпением ждущей Гитлера в Бергхофе, долетали лишь слабые и далекие отголоски стремительно развивающихся событий. Гитлер запретил ей читать газеты и слушать новости по немецкому радио, так что она располагала скудными источниками информации. Единственное, что ее по-настоящему волновало: успеет ли фюрер вернуться домой к Пасхе? Страстная пятница приходилась на 7 апреля, и все занимались устройством праздника для детей: пасхальные зайцы, желтенькие пушистые цыплята, такие милые, а также традиционные пасхальные яйца, пироги, шоколадные конфеты. Она не хотела, чтобы он пропустил веселье.

Гитлер крайне редко отдыхал где-то, кроме Бергхофа. «Я не могу позволить себе путешествий ради удовольствия, так что мой отпуск составляют те часы, что я провожу с моими гостями у камина». Правда, однажды он ездил с семьей Геббельс на курорт на Северном море. Еще одно исключение он сделал в начале апреля 1939 года, присоединившись на несколько дней к участникам первого круиза на судне KdF, только что сошедшем с верфей. Круизы под лозунгом «Сила через радость» — *Kraft durch Freude* или KdF — предоставлялись бесплатно немецким рабочим с их семьями, чтобы они могли как следует отдохнуть от повседневных трудов и еще больше проникнуться духом нацистской партии. Их сытно и вкусно кормили, им обеспечивали удобное размещение в каютах. На фотографии фюрер с унылым видом сидит у поручня судна рядом с молодой белокурой женщиной по имени Инге Лей, женой Роберта Лея, имя которого носил корабль. Певица и актриса, она

была, как и Магда Геббельс, горячей поклонницей Гитлера как в политическом, так и в личном плане. Фрау Лей сопровождала фюрера в этом плавании, но отношения между ними были чисто платонические. Снимок представляет собой большую редкость, поскольку Гитлер, как правило, не позволял фотографировать себя с замужними женщинами. (Фюрер строго осуждал адюльтер, прежде всего потому, что он разбивает семью, основную ячейку фундамента, на котором покоилась власть нацистов.) Погода стояла холодная, с моря долетали влажные брызги, не хватало привычной рутины. Он прервал отпуск и сошел на берег в Гамбурге. Через пару недель, 20 апреля, он уже был в Берлине на праздновании своего пятидесятилетия и оглушал речами бьющиеся в экстазе толпы.

Компенсируя свои частые отлучки, Гитлер потакал всем прихотям Евы. В феврале 1939 года она провела неделю, катаясь на лыжах в Китцбюэле, подтянутая и элегантная в своем коротком меховом жакете. В начале мая фюрер на десять дней вернулся в Бергхоф, и альбом Евы пополнился новыми фотографиями – чаепития на террасе и праздный отдых в лучах весеннего солнышка. На одной – снятой, вероятно, Гофманом – она одета в баварский костюм, который Гитлер предпочитал всем ее роскошным нарядам, заказанным из Парижа. Он не задавал вопросов о цене, а Борман не рискнул бы перепроверять счета. Расположением Гитлера он дорожил превыше всего, да и денег, в конце концов, у фюрера хватало. «Майн Кампф» расходилась сотнями тысяч экземпляров, и гонорары с продаж поступали солидные. При всей непритязательности личных запросов Гитлер был богат.

Ева начала привыкать к роскоши, но в то же время испытывать на себе ее отрицательное влияние. По крайней мере, так говорила Ильзе: «Порой я просто не узнавала свою сестру. Ева стала высокомерной, деспотичной и не-

чуткой по отношению к нам, ее семье. Общение с великими мира сего делает человека эгоистичным, даже жестоким». В прошлом Ильзе Браун не получала приглашений в Бергхоф, так как работала в приемной еврейского врача, и Гитлер считал, что это компрометирует ее. Наконец, в 1936 году, когда количество пациентов ее работодателя сократилось до предела, она уволилась. Только тогда ее стали принимать в Бергхофе. Ильзе, с которой Ева никогда не находила общего языка, рассказывала после войны, что сестра раздавала свои платья и туфли, надетые ею всего раз или два, с видом снисходительного великодушия. Но отношения между ними всегда были натянутыми, так что страсть Евы к нарядам вполне могла раздражать хладнокровную, рассудительную Ильзе, мнившую себя выше подобной мирской суеты. Если Ева и кичилась своей властью и высоким положением перед родителями и сестрой — из членов семьи так утверждает только Ильзе, — то, возможно, так им аукнулись их прежние холодность и неодобрение в те дни, когда она страдала в одиночестве от любви к Гитлеру. Тогда ей нужны были понимание и поддержка, а ей в них отказывали. Поэтому барские замашки при проявлении щедрости вполне простительны.

Отношения обитателей Бергхофа с родителями Браун (уже почти двадцать лет жившими все в той же квартире на Гогенцоллернплатц) улучшились. Взаимное уважение было в интересах обеих сторон. Гитлер иногда преподносил Браунам небольшие подарки — часы для Фритца, духи для Фанни, — но ничего чересчур претенциозного. Когда они приезжали погостить в Оберзальцберг, он был с ними безукоризненно вежлив. Летом 1939 года Фритц рассказал Алоису Винбауэру показательную историю:

> Их с Фанни пригласили на чай, и Гитлер источал прямо-таки патологическую любезность, изображая гостеприимного

хозяина. Фритц решил воспользоваться случаем, чтобы заступиться за пожилого председателя «Баварского союза за короля и отечество», отставного генерала, вышвырнутого нацистами с их обычной бесцеремонностью. Когда Фритц попросил Гитлера восстановить генерала в должности, тот с каменным лицом ответил, что этим делом занимается не он, а его подчиненные. «И этот человек — наш фюрер!» — с горечью сказал мне Фритц.

Смелый шаг со стороны Фритца, особенно после того, как он вступил в нацистскую партию. Поддержка опальной патриотической организации означала инакомыслие, если не государственную измену. Тем не менее Фритц воспринимал готовность семьи пользоваться гостеприимством фюрера как унизительный знак капитуляции.

Пятидесятый юбилей Фритца пришелся на 17 сентября 1939 года, и по этому случаю он был запечатлен в нацистской униформе с повязкой со свастикой на рукаве в окружении жены и дочерей. Снимок подписан «*Vati 50 Geburtstag*» («Папа, пятидесятилетие»). Несмотря на примирение с дочерью, Фритц выглядит мрачным и раздраженным. Фанни, как обычно, улыбается. Она умела ценить радости жизни. Доброе сердце, неугасающий оптимизм и, прежде всего, нежная любовь к своим девочкам позволяли ей от души радоваться тому, как все обернулось. Ведь между родителями и дочерью восстановился мир, несмотря на то, что Ева продолжала «жить в грехе» с Гитлером. К тому же отпуска за границей за счет фюрера и приемы в Бергхофе с превосходными блюдами и напитками в какой-то момент взяли верх над моральными устоями католической церкви. Фанни, всегда более толерантная, чем ее супруг, научилась смотреть на Еву и Гретль без осуждения. Да и Фритц порой поддавался искушению комфорта и благ, которых он, преподаватель технического училища, сам никогда не мог

бы себе позволить. Ева знала, что это скорее уступка, чем полное согласие с ее положением, но не исключено, что ее мать даже гордилась связью дочери. «В конце концов, не всякая женщина способна заслужить благосклонность фюрера», — сказала однажды Фанни. На «Горе» она чувствовала себя как дома. На десятках фотографий она полеживает на травке или смеется в кругу близких — она счастлива, что ее дочери рядом.

В конце июня 1939 года Ева с матерью и сестрой отправилась в круиз KdF по норвежским фьордам на теплоходе *Milwaukee*. Ева, Фанни и Гретль незаметно смешались с толпой отдыхающих. Преимущество того, что Гитлер отказывал ей в публичном признании: она могла появляться на людях неузнанной.

Борман, вечно ищущий возможности выслужиться перед Гитлером, «подарил» ему на пятидесятилетие в апреле 1939 года от имени нацистской партии (без ведома ее членов) потрясающий дом на самой вершине горы Кельштайн, который американские оккупационные войска потом прозвали «Орлиным гнездом». Построенный из огромных каменных блоков — их приходилось тащить наверх по крутому склону, восемь рабочих погибли при строительстве, — он задумывался как средневековая крепость, где фюрер и его «тевтонские рыцари» могли собираться на совещание в обстановке, подобающей их мифическому ореолу. В ясные дни оттуда открывалась захватывающая панорама: от искрящихся вод Кёнигзее к австрийским рубежам и до самого Зальцбурга. Большие черные птицы, похожие на воронов, кружили над замком, грифы парили в лазурном небе. План Бормана, воплощенный за огромные деньги, в то время как каждый пфенниг уходил на производство вооружения, не имел успеха. Гитлер боялся высоты и ненавидел тесные помещения. Добраться до этого псевдосредневеко-

вого сооружения можно было только через узкий тоннель длиной в 124 метра, ведущий к обитому медью подъемнику, взлетавшему еще на 124 метра вверх через пробитую в скале шахту. Это так его нервировало, что он поднимался туда на совещания всего шесть или восемь раз, чтобы показать дом иностранным сановникам, а также, быть может, поддавшись иной раз на уговоры Евы в безоблачный день пообедать для разнообразия в столь необычной обстановке. Что касается Евы, она как раз любила понежиться на солнышке в шезлонге на длинной застекленной веранде Кельштайна, наслаждаясь величественным зрелищем парящих прямо перед глазами птиц и поросших лесом горных склонов вдали. Она часто пряталась там от монотонности плотно закупоренного Бергхофа.

Официант Сальваторе Паолини, единственный итальянец среди обслуживающего персонала в «Орлином гнезде», вспоминал: «В столовой царила оживленная атмосфера. Гитлер садился во главе стола спиной к стене, чтобы ничто не загораживало ему обзор. Ева Браун тоже обычно приходила на обед, но он никогда не разрешал ей сидеть с ним рядом». (Тут он, вероятно, ошибается, поскольку на неформальных трапезах Ева почти всегда сидела рядом с Гитлером.) Паолини подтверждает, что Гитлер был трезвенником и вегетарианцем. «Он любил колбасу и ветчину, но к мясу никогда не прикасался, предпочитая картошку и зеленые овощи. Его блюда всегда щедро приправлялись специями, так как он потерял чувство вкуса после газовой атаки во время Первой мировой вой-ны». Гитлер «не отличался склонностью к спиртному», по выражению синьора Паолини. «Сомелье откупоривал бутылки, только марочное вино, но он почти ничего не пил. Мы должны были внимательно следить за тем, чтобы на столе стояло несколько кувшинов с водой. Он никогда не жаловался на еду и каждый раз благодарил нас, выходя из-за стола».

В апреле 1939 года Гитлер предложил реквизировать для Юнити Митфорд квартиру в Берлине. После «Ночи разбитых витрин» многие состоятельные евреи бежали из города, так что сотрудники личного кабинета Гитлера предложили ей четыре удобных варианта. Через месяц она сделала свой выбор: квартира №4 в доме №26 по Агнесштрассе, состоявшая из гостиной, спальни и маленькой комнаты для гостей. Карменсита Вреде впервые побывала там в августе и потом рассказывала:

> Над изголовьем ее кровати висели крест-накрест два больших флага со свастиками. На ночном столике стоял портрет Гитлера с раскрашенными глазами и губами. В гостиной у нее был письменный стол, в ящике которого лежал маленький, инкрустированный серебром револьвер. Она размахивала им, заявляя: «Когда меня вынудят покинуть Германию, я покончу с собой».

Нельзя рассматривать квартиру как доказательство интимной связи между Юнити и Гитлером, хотя знай об этом Ева, она поспешила бы сделать именно такой вывод, учитывая обстоятельства покупки ее собственного домика на Вассербургерштрассе три года назад. Нет ни одного неоспоримого подтверждения тому, что Гитлер когда-либо изменял Еве. Даже нацистские сплетники ничего подобного не утверждали. И кандидатура величавой мисс Митфорд была наименее вероятной из всех, но Ева об этом так и не узнала.

Юнити провела выходные 6–7 мая 1939 года в Бергхофе, бок о бок с Евой. Две молодые женщины встретились впервые после нюрнбергского съезда 1936 года. Быть может, Гитлер хотел таким образом продемонстрировать, что положение Евы прочно и нерушимо. В любом случае это был единственный визит Юнити, хотя она продолжа-

ла навязываться ему в Берлине. Но фюрер не мог уделять много внимания ни той ни другой, поскольку его план по захвату Польши продвигался семимильными шагами, и непобедимый немецкий народ вот-вот должен был заполучить вожделенное *жизненное пространство*. Мировой общественности стало окончательно ясно, что он намерен присоединить уязвимых восточных соседей Германии к Третьему рейху. Гончие ада ощерили клыки. 23 июля Махатма Ганди лично написал Гитлеру, умоляя не развязывать еще одну войну в Европе. Слишком поздно. Фюрер был убежден, что ему предстоит выполнить свой священный долг перед историей.

После стычки с польскими таможенниками 7 августа в порту вольного города Данциг[1] Гитлер объявил, что его терпение иссякло, и вызвал в Берхтесгаден Карла Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге. Буркхардта незамедлительно переправили на личном самолете Гитлера, а затем на его личном автомобиле в Оберзальцберг, а затем по крутой горной дороге наверх, в «Орлиное гнездо». Гитлер обставил встречу соответственно, с расчетом напомнить, что он, фюрер, а не Лига Наций повелевает подопечными ей территориями и еще многими другими сверх того. Они обсудили польский вопрос, и Гитлер исхитрился переложить вину на упрямство поляков, их непримиримость и т.д. Пусть Запад доверится ему, и мирный способ разрешения проблемы, безусловно, найдется. Его заявление было надлежащим образом доведено до сведения Великобритании и Франции, которые поспешили надлежащим образом обуздать несчастных поляков.

12–13 августа 1939 года зять Муссолини граф Галеаццо Чиано, министр иностранных дел Италии, провел переговоры с Гитлером и его министром иностранных дел

1 Теперь Гданьск (Польша).

Иоахимом фон Риббентропом (сменившим на посту фон Нейрата в феврале 1938 г.) в Бергхофе. Чиано приехал в Оберзальцберг в надежде убедить Гитлера и Риббентропа, что Италия не готова к войне. Муссолини хотел, чтобы фашистские страны попытались заключить выгодный договор с Западом, но Гитлер оставался непреклонен: беспощадный разгром Польши нельзя откладывать. Чиано доложил: «Ничто уже не поможет. Он решил нанести удар и нанесет». Ева понятия не имела обо всем этом, но изысканного графа всего тридцати шести лет от роду нашла в высшей степени привлекательным. Из плотно занавешенного окна наверху она фотографировала его с Гитлером, который сидел на подоконнике зала совещаний и улыбался, глядя, как она старается поймать в объектив Чиано.

Возможно, именно досада на то, что ее все время прячут, подсказала Еве единственный сохранившийся «феминистский» комментарий. Под изображением молодого человека, решительно шагающего впереди четырех женщин, она написала: «Даже на прогулках беседовать с дамами запрещено!» Летом 1939 года Ева и ее подружки не подозревали о грядущей войне, хотя за их спиной мужчины только о ней и говорили. (Подобная неосведомленность была следствием покровительственного отношения к женщинам.) В душные летние дни июля и августа стояла невыносимая жара, атмосфера в Бергхофе тоже накалилась, и фюрер ходил чернее тучи.

До самых последних дней — чуть ли не часов — Ева Браун не замечала, что вот-вот начнется война, ставшая неизбежной с 19 августа 1939 года, когда Сталин заключил с Германией пакт о ненападении, составленный и подписанный Молотовым и Риббентропом 23 августа. Считая, что главный противник нейтрализован, Гитлер торжествовал. Невзирая на неоднократные обещания Ве-

ликобритании и Франции поддержать Польшу, 31 августа он подписал приказ о наступлении. На заре следующего дня немецкие войска двинулись в путь, не дожидаясь официального объявления войны. Биограф Евы Нерин Ган *интервьюировал Ильзе в пятидесятых*. Вот что он якобы услышал от нее:

> Ева и ее сестра присутствовали в зале берлинской Кролль-оперы утром первого сентября, когда Гитлер объявил рейхстагу и народу о нападении на Польшу.
>
> «Это значит война, Ильзе, — промолвила Ева. — Он уедет... что же будет со мной?»
>
> Когда Гитлер поклялся носить свою серо-зеленую униформу до последнего часа, Ева закрыла лицо руками. Вокруг царило фанатичное возбуждение, и никто, кроме Ильзе, не заметил, что она плачет.
>
> «Если с ним что-то случится, — наконец сказала она сестре, — я тоже умру». <...>
>
> На выходе доктор Брандт обратился к ней: «Не волнуйтесь, фрейлейн Ева, фюрер говорил мне, что недели через три, не позже, снова наступит мир».
>
> Ева улыбнулась, как больной, получивший лошадиную дозу аспирина.

Через два дня, 3 сентября 1939 года, Великобритания и Франция объявили войну Германии. Первая мировая война закончилась двадцать лет назад. И вот началась вторая. Вернер фон Фрич, бывший главнокомандующий немецкой армии, несколькими месяцами раньше заметил: «Этот человек, Гитлер, — судьба Германии. Если его путь ведет в бездну, он утянет за собой нас всех. Ничего не поделаешь». Фаталист, пессимист, реалист — он был прав. Никто ничего поделать не мог. Гитлер нес свое мессианское знамя, сметая все на своем пути.

В день объявления войны Юнити Митфорд, никчемный, незначительный винтик в гигантском колесе европейского конфликта, неловко выстрелила себе в висок. Она прожила еще девять лет в состоянии полного помрачения рассудка. Она лишилась способности говорить и была частично парализована. Гитлер, узнав новость, похоже, больше обеспокоился тем, что теперь будет с ее собакой. Он один раз навестил Юнити в больнице, отдал своим подручным распоряжение устроить ей беспрепятственый переезд в Англию и забыл о ней. Ее жест оказался напрасным, как и все прежние поползновения. Она так никогда и не узнала, как чудовищно мало значила для него.

Глава 20

В ожидании победы Гитлера

Ева знала только, что объявлена война. В остальном она мало представляла себе, чем это обернется и как затронет ее лично: не слишком болезненно, надеялась она. Больше всего ее заботило, чтобы Гитлер остался невредим. 23 ноября 1923 года он поклялся: «Пока я жив, все мысли мои будут только о победе. <...> *Я не переживу поражения моего народа*». Он никогда не говорил о войне с Евой. Для нее все происходило где-то далеко и с неведомыми ей людьми. По словам ее дяди, «война была чем-то совершенно чуждым для нее, и Ева не желала иметь с ней ничего общего». Она не сомневалась, что изолированные от мира обитатели Бергхофа, обеспеченного всевозможными продуктами и первосортным вином, вряд ли пострадают. Куда сильнее ее тревожило, что Гитлер будет еще дольше пропадать по своим делам и часы их встреч сократятся. Все, кто попадал в орбиту Гитлера — друзья, коллеги, гости, — вращались вокруг него, а Ева особенно. Вдали от центра своей вселенной она теряла почву под ногами, соскальзывая в пучину уныния, тоски и боли. Рохус Миш — один из немногих служащих, замечавших это. «Никто, кажется, и представить себе не мог, сколько страданий приносила Еве связь с Гитлером». Она делала то же, что и всегда — глубоко запрятав свои страхи, вела себя как обычно.

Первый удар был никак не связан с войной, которая, впрочем, еще не началась (только не для поляков, разумеется). 8

ноября 1939 года, в годовщину путча 1923-го — свято чтимый праздник нацистов, — на Гитлера было совершено покушение, когда он произносил свою ежегодную речь в честь первых «мучеников» в мюнхенской пивной *Bürgerbaukeller* — месте первых партийных собраний. Фюрер чудом избежал гибели. Он сократил выступление на полчаса, чтобы не опоздать на поезд особого назначения, на котором должен был вернуться в Берлин. (Как будто поезд мог уйти без него!) В 9.20 вечера прямо за возвышением, где он стоял, взорвалась бомба. Семь человек погибли и больше шестидесяти получили ранения, в том числе отец Евы. Услышав об этом, Гитлер воскликнул: «Вот теперь я действительно спокоен! Раз я покинул *Bürgerbaukeller* раньше обычного, значит, мне суждено выполнить мое предназначение!» Ева, ехавшая в другом вагоне поезда, узнала об отце только на следующий день, когда ей позвонила сестра и сообщила, в какой он больнице. На самом деле, хотя Фритц был весь в крови и сильно потрепан, серьезных повреждений у него не обнаружилось. Но это ничуть не умерило тревогу Евы за возлюбленного. Она жила в постоянном страхе, что Гитлера убьют, хотя он рассказал ей о своем особом даре предчувствовать и вовремя предотвращать нападение, в который сам искренне верил. Это вовсе не был комплекс сверхгероя. Он действительно пережил целых сорок шесть покушений, если верить одному историку. Правда, многие из них чуть не увенчались успехом.

Это книга о Еве, а не история Второй мировой войны или Третьего рейха, так что развитие военных действий важно нам лишь постольку, поскольку отражалось на ней. Она ничего не знала о боях, о планах, об операциях под кодовыми названиями «Желтый план» или «Разрез серпом», так как Гитлер намеренно оберегал ее от такого рода информации. Он был твердо убежден, что женщины и политика находятся на разных полюсах. Чем меньше женщина знает, тем лучше. К тому же неведение Евы по-

могало ему переключаться в ее обществе. Сегодня трудно себе представить, как в то время кто-то мог не иметь понятия о происходящем. Газеты, телевидение, радио, Интернет неустанно извергают на нас потоки информации, составляющие неотъемлемый, подчас вызывающий наркотическую зависимость фон повседневной жизни. Однако кузина Гертрауд подтвердила, что от Евы все скрывали, иногда к ее крайней досаде: «Она находилась в полной изоляции в Бергхофе, лишенная радио и газет, а следовательно – возможности узнавать новости. Ее очень угнетало, что она настолько отрезана от мира. Внутри себя она ощущала абсолютную пустоту. Будущее пугало и тревожило ее. Спорт, гимнастика, флирт, наряды служили только для того, чтобы хоть как-то заполнить этот вакуум». Кто-то (может быть, и Гофман, но скорее официальный военный фотограф; Гофман стал уже староват для зоны боевых действий) отснял в пропагандистских целях серию фотографий Гитлера в спартанском полевом штабе, вместе со своими офицерами рассматривающего через лупу карты. Ева вставила эти снимки в свой альбом. Ей нужно было точно представлять себе, где он, как выглядит его рабочий стол, что за люди его окружают. Ей было страшно, одиноко, и, прежде всего, она скучала по нему.

Самое удивительное, что и Гитлер скучал по ней. Они писали друг другу почти каждый день (она была единственным человеком, кому он писал от руки своим скупым почерком, точно отражавшим его скупую натуру). Но всего несколько таких писем сохранились в публичных архивах. Фрау Миттльштрассе, уже занявшая должность экономки в Бергхофе, припоминала:

> В комнате между двумя спальнями стоял сейф, и у меня был от него ключ. Там лежали все их письма. Они хранились в пергаментной коробочке, и от нее ключик у меня тоже

был. Она [то есть Ева] никогда не распространялась о личном, но моему мужу очень уж хотелось выяснить, как Гитлер называет ее, каким прозвищем. Так что однажды я все-таки вытащила одно письмо, только чтобы показалась первая строка, и она гласила: «Моя дорогая *Tschapperl*».

(Приведенный выше рассказ звучит неубедительно по нескольким причинам. Фрау Миттльштрассе, как вся прислуга Гитлера и Евы, не могла не слышать, каким прозвищем он ее называет. Да и зачем бы Гитлеру давать ей ключ от своего личного сейфа?) Фрау Миттльштрассе утверждала, что *Tschapperl* – это ласковое обращение к любимой, распространенное среди баварского рабочего класса, хотя в нем звучат несколько снисходительные нотки. Может, так, а может, и нет. Иной раз он называл ее Эффи или Эви – уменьшительными от ее имени.

Парадоксальным образом война сблизила Гитлера и Еву. Он часто уезжал в Берлин или руководил восточной кампанией из военных штабов: обычно из штаба *Wolfschanze* («Волчье логово») в Раустенберге, в Восточной Пруссии, или *Werwolf* («Оборотень»; Гитлер был весьма последователен в своей символике) под Винницей на Украине, чтобы быть поближе к своему южному фронту. Письма и телефонные звонки в Бергхоф составляли редкие теплые моменты его повседневной жизни. Во время совещаний ему приходилось контролировать свою склонность к истерии, приводящую к приступам мании величия, кипящим и бурлящим, как морской шторм. И все равно, если кто-то перечил ему, он мог впасть в бешенство, приводя очевидцев в ужас. Но другая сторона его натуры – сентиментальность, жажда ласки и утешения – все сильнее требовала своего. Ева, рассказывающая о мелких событиях дня с мягким баварским акцентом, который он так любил, единственная после смерти его матери могла удовлетворить эту

потребность. Ее постоянство и искренняя любовь контрастировали с лестью и раболепием всех остальных. Только в последние годы их отношений он научился видеть и ценить ее мужество. Ее дядя Алоис писал:

> Теперь, когда война ворвалась в их жизнь и держала их в постоянной разлуке, для них наступили трудные времена. Но внутренне они стали ближе друг другу. <...> Они стали товарищами, объединенными общей судьбой, и поняли, что принадлежат друг другу, что бы ни случилось. Духовная связь крепла, и внешние приличия утрачивали значение.

Перед Рождеством 1939 года, прежде чем отправиться в трехдневный объезд войск для поднятия боевого духа, Гитлер провел несколько дней в Бергхофе. Поэтому Рождество праздновали раньше, приурочив торжество к его приезду. Дети Шпееров и Борманов, одетые в лучшие нарядные костюмчики, торжественно наблюдали, как зажигают свечи на елке, а затем по очереди получили подарки от Гитлера. Девочки благодарили его реверансом, мальчики выкрикивали тоненькими голосами «Хайль Гитлер!». Потом фюрер уехал. На прощание Ева подарила ему маленькую рождественскую елку, чтобы она напоминала ему в поезде об уютном домашнем празднике, где его всем так не хватает. Показательный анекдот: денщик Гитлера Хайнц Линге на допросе у советских спецслужб вспоминал, как «упившийся до положения риз Мартин Борман пытался перенести украшенную елочку, подарок Евы Браун, в вагон Гитлера и уронил ее, рассыпав каскад шариков и звезд».

Гитлер вернулся на праздник Сильвестер — канун нового 1940-го года. Почти все лица на официальном общем снимке те же, что в предыдущие и последующие годы: те же секретарши, те же врачи, сестры Браун. Только адъютант флота и несколько офицеров СС присоединились к группе да Гит-

лер выглядит еще мрачнее. Он провел в Бергхофе неделю, а затем вернулся отстаивать свой план нападения на Голландию, Бельгию и Люксембург, которому единодушно противились его генералы и союзник Муссолини. Гитлер с пеной у рта доказывал свою правоту, но все же согласился отложить операцию до начала весны. «Странная война», как ее окрестили в Великобритании, или *Sitzkrieg*, «сидячая война», по выражению немцев, затягивалась. Формально Европа воевала, но по сути застыла в зловещей неподвижности.

В феврале 1940 года Ева ненадолго приехала в Берлин, где ей предоставили удобную комнату в рейхсканцелярии рядом со спальней Гитлера. Но, как и в Бергхофе, она никогда не появлялась на людях. Шпеер вспоминает: «Здесь она вела еще более уединенное существование, чем в Оберзальцберге: прокрадывалась в здание через боковой вход, поднималась по черной лестнице и никогда не спускалась в комнаты на нижнем этаже, даже если в гостях были только знакомые. Она так радовалась, когда я составлял ей компанию в долгие часы ожидания». Гитлер, занятый как никогда, не мог уделять ей должного внимания. Ее приезд в этот город, где располагались правительство и все иностранные посольства, смущал его. В его глазах она принадлежала Оберзальцбергу, и мысли о том, как она хорошо проводит время в утопическом крае его мечты, утешали бы его больше, чем ее неуместное присутствие в столице.

В апреле она провела какое-то время в Мюнхене, где сфотографировала радостное семейство перед входом в ее домик на Вассербургерштрассе. Война еще не разразилась в полную силу, город стоял невредимый, и жизнь продолжалась почти как обычно. Ева пригласила свою семнадцатилетнюю кузину Гертрауд Винклер (впоследствии Вейскер), единственного ребенка своих родителей, живших в Йене, провести месяц пасхальных каникул 1940 года с ней и Гретль.

Чтобы дать ей подобающее классическое образование, отец Гертрауд пристроил свою умную дочку в школу для мальчиков. Там ей надлежало выглядеть и вести себя как мальчишка, насколько это возможно. Она носила нечто вроде корсета, чтобы замедлить рост груди. Неудивительно, что бедная девочка не осознавала толком своего пола, ничего не знала об интимных отношениях и была ужасно стеснительна. Вспоминая о тех каникулах, она писала:

> Жизнь с Евой и Гретль в их маленьком домике №12 на Вассербургерштрассе в пригороде Богенхаузен протекала тихо, мирно – настоящая идиллия. Мои одноклассники еще были слишком малы, чтобы идти добровольцами на фронт. Мой мир находился в гармонии, и я могла от души наслаждаться обществом кузин, которыми всегда восхищалась. Мы, три молодые девушки, интересовались тем же, чем интересуются девчонки во всем мире: кинофильмами, модой, музыкой и танцами. Еве особенно нравилась чечетка, здесь ей не было равных. Мы менялись одеждой – то есть они давали мне свои платья, невзирая на мои протесты, – и я по-настоящему узнала и полюбила обеих, особенно необыкновенно чуткую Еву.

Очевидно, Гертрауд приходила в восторг от новых изящных вещиц и вовсе не считала, что до нее снисходят. Она нуждалась в житейских советах, которые давали ей кузины.

> Как-то мы примеряли одежду, и Ева предложила мне одно платье, но я категорически отказалась.
>
> «Не надо мне ничего нового, – сказала я. – Не хочу даже мерить».

Мое поведение привело их в недоумение, и в конце концов я расплакалась. Они усадили меня на кровать, бросились обнимать и утешать. Все еще в слезах, я сняла платье. На мне был бюстгальтер, больше похожий на орудие пыток, чем на белье для подростка. Корсет делал меня совершенно плоской.

Обе мои кузины пришли в ужас. Они поняли, чего я стыжусь и почему плачу, выкинули это орудие пыток на помойку и тут же потащили меня в австрийский магазин белья «Пальмерс», чтобы приобрести мне все необходимое. Они очень деликатно пытались выяснить, почему я так перетянута там, где, как справедливо заметила Гретль, у меня еще ничего нет, кроме «маленьких бутончиков». Дело в том, что я занималась физкультурой в школе для мальчиков. Не могла же я там бегать, потрясая формами. Когда мама забирала меня через четыре недели, Ева твердо поговорила с ней и настояла, чтобы мне полностью обновили гардероб.

Она научила меня не стесняться своей женственности и находить в ней удовольствие, особенно ввиду моего ярко выраженного и скорее мужского интереса к науке. (По моим представлениям, наука была исключительно мужским занятием.) Я многим ей обязана и очень благодарна. Она поддержала меня в важный момент жизни, интуитивно угадывая потребности своей младшей кузины. Она показала мне совершенно иной мир, такой далекий от мира горластых мальчишек, которым я подражала в школе, — мир ласки и терпимости. За четыре недели она превратила меня в женщину, не стыдящуюся своего пола. Я не увидела и следа того «рассадника порока», который воображал себе мой отец, — ни в Мюнхене, ни четыре года спустя в Бергхофе.

Она стала любовницей Гитлера, чтобы сбежать от семьи. В конце концов, ее родители соблазнились зарубеж-

ными отпусками и приглашениями в Бергхоф и смирились с ее положением. С Гитлером ей становилось все труднее и труднее, но Ева, как правило, умела игнорировать или подавлять собственные переживания.

Семья, основанная Францем-Паулем и Йозефой Кронбургер, была пропитана католическими традициями и мещанскими привычками, многие из которых — как бы странно это ни казалось — Ева привезла с собой в Бергхоф. Они с матерью продолжали мечтать, что в один прекрасный день Гитлер женится на ней и подарит ей ребенка. Когда закончится война. Эту иллюзию питали все без исключения, особенно когда людям приходилось месяцами бороться с возрастающей тревогой: все будет хорошо, *когда закончится война.*

Моя мать лелеяла ту же хрупкую надежду. В 1940–1941 гг. бомбы сеяли смерть и разрушения в Лондоне, и мой отец отправил ее в эвакуацию вместе со мной, их первой дочерью, рожденной в ту неделю, когда Германия напала на Данию и Норвегию. Мне было около года, когда нас послали к пожилой родственнице под Тедворт, к югу от Лондона. Тогда это была утопающая в зелени сельская местность, где моя мать-немка стала объектом насмешек и предвзятого отношения со стороны тетушки, ее чопорных буржуазных соседей и даже ее поварихи. Бедная юная Дита Хелпс, привезенная в чужую страну, оставшаяся без поддержки мужа и своей семьи, не умеющая прилично говорить по-английски, вне себя от тревоги за мать и сестер в Гамбурге, должно быть, ужасно страдала. Ей разрешалось отправлять и получать по одному письму из двадцати пяти слов в месяц, но без фотографий. Таким образом, она вынуждена была выбирать: писать матери (ютящейся в тесной квартирке с моей тетушкой

Трудль, ее младшей и еще не замужней дочерью, и двумя сестрами, моими двоюродными бабушками) или отцу. Как и следовало ожидать, она предпочитала первое. В неведении и изоляции, всеми презираемая и одинокая, она могла общаться только со мной. Мама много плакала. И Ева тоже. В Бергхофе ее окружало множество людей, но она страдала от разлуки с Гитлером. У мамы, разлученной с любимым мужем, по крайней мере, была маленькая дочка в утешение.

Десятого мая 1940 года, девять месяцев спустя после объявления войны, Германия предприняла решительное наступление на Бельгию и Голландию. Долго оттягиваемая настоящая война началась. В тот же день Черчилль получил пост премьер-министра Великобритании. 14 июня немецкие войска вступили в Париж, а ранним утром 23 числа Гитлер отправился на экскурсию по городу, осматривая достопримечательности. Его фотографировали у Триумфальной арки, возле Эйфелевой башни со Шпеером (приехавшим набираться идей для будущей грандиозной архитектуры Третьего рейха) и группой доблестных немецких офицеров. Серьезный и величественный, он стоял перед Домом инвалидов, в котором находится могила Наполеона. Это делалось в основном напоказ. Ему очень хотелось посетить парижскую Оперу, но официально документировалась только одна сторона его жизни — в качестве фюрера, и всегда с учетом пропагандистской выгоды. Гитлер совершил короткую поездку по только что завоеванной Франции, взяв с собой старого друга и бывшего сержанта Макса Амана — балагура, вечно его смешившего, — и сфотографировался перед зданием, где квартировал солдатом в 1916 году.

Около шестидесяти тысяч гражданских лиц, по большей части жителей Лондона, погибли от вражеского

огня, многие – в битве за Британию с 8 августа по 31 октября 1940 года. Сражение началось, когда Гитлер приказал Люфтваффе уничтожить RAF[1] и сломить сопротивление Британии – в частности, Лондона – в качестве подготовки к вторжению. Задачу доверили рейхсмаршалу Герингу, командующему Люфтваффе. У него были превосходные пилоты, но на немецких истребителях с ограниченной дальностью полета, без поддержки тяжелых бомбардировщиков и точных разведданных, им не удалось захватить воздушное пространство. Вторжение так и не состоялось. Люфтваффе потеряла сотни бомбардировщиков вместе с экипажами. С 8 по 18 августа Геринг принес в жертву 697 самолетов, причем 180 из них – за один день, злополучное 15 августа 1940 года. «Это самый роскошный бардак, в котором я когда-либо участвовал, – с веселой небрежностью отметил один молодой пилот RAF в своем рапорте после боя. – Вражеские самолеты выглядели чертовски угрожающе». В корпусе истребителей RAF под командованием сэра Хью Доудинга было много немолодых пилотов, тренированных куда хуже, чем летчики Люфтваффе – некоторые были и вовсе необучены, – и они гибли один за другим. Атака RAF на Берлин 25–26 августа повлекла за собой ответные бомбардировки Лондона в сентябре, сначала дневные, потом ночные. Люди выбирались из-под обломков побитыми, но не сломленными. Через несколько недель неустрашимые лондонцы привыкли к бомбежке, и жизнь продолжалась почти обычным чередом. Оборонительные силы Англии оставались почти целыми и неуязвимыми на вид, в то время как боевой дух и самоуверенность «непобедимой» Люфтваффе были заметно поколеблены. Но в конечном счете после вось-

1 *Royal Air Force*, военно-воздушные силы Британии.

мидесяти четырех дней непрерывных атак лондонские доки, Ист-Энд и часть Букингемского дворца лежали в руинах, не говоря уже о 23 тысячах убитых, 32 тысячах раненых, а также тысячах поврежденных или разрушенных зданий. И это несмотря на защиту «Харрикейнов» и «Спитфайров». В ходе битвы за Британию RAF потеряла 1023 истребителя и как минимум 375 летчиков плюс 358 раненых, иногда безнадежно, часто искалеченных и обезображенных на всю жизнь.

Возмездие RAF было еще впереди. Артур Харрис по прозвищу Бомбардировщик, организатор британского бомбового террора, говорил: «Они посеяли ветер и теперь пожнут ураган». Но это произошло не сразу. В первых британских вылазках из-за плохого оснащения погибла половина экипажей, при том что едва ли одна из пяти сбрасываемых бомб падала где-то в районе цели. Кульминация наступила 10 мая 1942 года, когда тысяча самолетов бомбардировала Кёльн. Харрис утвердился в своем мнении, что Германию можно победить, бомбя города и подрывая дух населения, как Люфтваффе пыталась сделать с Лондоном. В тот год в результате воздушных налетов погибли около 44 тысяч немцев. Ничья, думали, наверное, Геринг и Харрис, согласно кровавой арифметике эпохи.

В первые годы войны Ева, ее мать, сестры и близкие друзья продолжали пользоваться теми благами, что предоставлял им Гитлер. Летом сорок первого она усадила своих спутников в ORENZMARK с личным пилотом и отправилась в привычный летний отпуск на Итальянскую Ривьеру, в Портофино, где все они наслаждались синевой южного неба и прозрачным морем, любовались сосновыми и оливковыми рощами, кипарисами, жасминовыми кустами и бесчисленными клумбами роз и гвоз-

дики. Погоня за удовольствиями составляла важную часть ее жизни, и она настолько мало знала о происходящем, что со спокойной совестью хваталась за каждую возможность побаловать себя. Время развлечений для нее стремительно истекало, но и об этом она не догадывалась. Она ждала, что Гитлер выиграет войну, теперь уже со дня на день.

В июле фюрер вернулся в Берлин, где его приняли всеобщим ликованием, а затем уехал в Бергхоф почти на три недели, совершив только короткую поездку в Байройт на ежегодный фестиваль Вагнера, и назад — к Еве в Оберзальцберг на большую часть августа. Летом 1940 года она, вероятно, в последний раз чувствовала полную уверенность и надежду на лучшее. Гитлер сказал, что война продвигается успешно, его грандиозные планы воплощаются, как он и предвидел. Все будет хорошо. То был последний год, когда он проводил в Бергхофе почти столько же времени, сколько до войны, хотя его постоянно осаждали генералы и их полевые командиры, требуя от него решений, а не его любимых абстрактных разглагольствований и наставлений. Однажды Ева ворвалась на совещание, заявив, что они слишком засиделись, а гости ждут их к столу. Гитлер в гневе выгнал ее из комнаты. Рейнхард Шпитци, помощник Риббентропа, вспоминал:

> Гитлер и Риббентроп расхаживали взад и вперед, туда-сюда, час, два, три часа. И тут вдруг дверь открылась, заглянула маленькая блондинка и сказала нашему фюреру: «Ну Адольф, пожалуйста, пора идти обедать!»
>
> Меня поразило, что какая-то никому не известная пигалица позволяет себе обращаться к нему в таком тоне. Я подошел к главному адъютанту и спросил: «Оберфюрер, кто эта, — я не сказал «дама», — кто эта женщина?» И он отве-

тил: «Послушайте, Шпитци, <...> вы немедленно забудете о том, что здесь видели <...>, потому что наш фюрер имеет право на личную жизнь, а это его любовница».

Позже Шпитци рассудил:

Гитлер хотел быть абсолютно свободным, а она должна была обеспечивать ему домашний уют с пирогами и чаем. Он не нуждался в женщинах из высшего общества, хотя мог бы иметь их сколько угодно. Но он не хотел такую, что станет обсуждать с ним политические вопросы или попытается влиять на него. Ева Браун никогда этого не делала. Ева Браун не вмешивалась в политику.

Для Гитлера октябрь 1940 года стал месяцем совещаний. Непрерывный поток европейских знаменитостей, от государственных деятелей до незначительных принцесс, хлынул в Бергхоф. Он провел десять дней в Оберзальцберге, но большую часть его времени занимали собрания, встречи и торжественные ужины, где царила Магда Геббельс. Последняя наверняка слышала, о чем говорили высокопоставленные гости, сидящие подле Гитлера во главе стола, и, следовательно, знала куда больше других женщин на «Горе». Но она держала свои наблюдения при себе. Во время этих официальных мероприятий Ева, как всегда, должна была прятаться в своей комнате и пользоваться черным ходом, чтобы выскользнуть из дома незамеченной. Ее унижало такое обращение и мучило сознание того, что Гитлер так близко и все же недостижим для нее. В утешение в конце октября он взял ее с собой во Флоренцию на переговоры с Муссолини и Чиано в Палаццо Веккио. Разумеется, ей надлежало хранить строжайшее инкогнито. После кратковременной смены обстановки он вернулся в Берлин, а она в Бергхоф.

Гитлер не приезжал в Оберзальцберг еще месяц, а приехав, остался всего на три дня, чтобы провести очередные переговоры с Чиано и выслушать беспомощные мольбы королей Бориса III Болгарского и Леопольда III Бельгийского. Две недели спустя настала очередь румынской королевы-матери. Обнищавшие монархи полагали, что высокое происхождение позволяет им вмешиваться в его великие замыслы. Их принимали, угощали военными парадами и безукоризненно четкими салютами и провожали, не удостоив ни единой уступки. Их время ушло. Созревал его несравненный план ариизации половины Европы под крыльями орла Третьего рейха.

Гитлер намеревался захватить Великобританию и Россию, при необходимости одним ударом, что бы там ни говорили его малодушные генералы и маршалы авиации. Уже второе Рождество Ева отмечала без него, зато к Новому году фюрер прибыл своевременно, после чего целый месяц провел в Бергхофе. Хорошо начинается сорок первый год, должно быть, думала она.

Тем временем крупнейшая в истории современных войн операция по захвату территорий «Барбаросса» стояла на пути к осуществлению. Ее целью являлся, ни много ни мало, разгром мощной армии Советского Союза. Операция началась в 3 часа ночи 21 июня 1941 года под огневым прикрытием тысяч орудий и пикирующих бомбардировщиков. К середине первого дня силы Люфтваффе уничтожили 890 советских самолетов, большинство из них прямо на земле. За три недели еще 6857 самолетов были выведены из строя, а 550 пропали без вести. В первые дни эйфории все предсказывало легкую победу. 24 июля центр Минска был разрушен до основания. Один из очевидцев писал: «И что же мы увидели, выйдя [из подвалов]! Горящие дома, пепел, руины и трупы повсюду». Подобного рода ужас и отчаяние испытывали миллионы переживших воздушные налеты

жителей Европы. Сея вокруг хаос и смерть, словно пламя, поглотившее Валгаллу в «Гибели богов», немецкая армия при поддержке Люфтваффе победоносно шагала вперед, быстро продвигаясь вдоль Западного фронта Советского Союза. «Сталин за всю свою жизнь не переживал такого потрясения». Потом началась зима, а с ней и снегопады. Снег изменил все.

К сентябрю он уже задерживал поход вермахта, страшая предзнаменованием конца. Суровая русская зима, прозванная солдатами «вечным январем», была могучим союзником Красной Армии, привычной и хорошо подготовленной к морозам, и смертельным врагом немецких войск, плохо оснащенных, в тонких мягких сапогах и легких униформах. Гончие ада приобрели облик волкодавов, бубенчики на санях, проносящихся по обагренным кровью снегам, весело звенели. Военные действия в России плачевно сказывались на немецкой армии, и к началу 1942 года стало очевидно, что операция «Барбаросса» провалилась. Гитлер не мог равняться с военным гением Сталина, и его войскам было не преодолеть самоотверженности советских солдат, готовых атаковать и жертвовать жизнью в борьбе с ненавистным Рейхом.

В октябре 1941 года жалкие остатки еврейского населения Гамбурга – живущие в постоянном страхе, но ухитрившиеся избежать гибели – узнали, что их «переселяют на Восток». Они торопливо собрали все, что могли унести на себе, и приготовились к отъезду. Через несколько дней они уже боязливо теснились на улицах у всех на виду. Им было велено направляться к восточному вокзалу Гамбурга. Никто не знал, куда их отправляют и зачем, никто не мог предугадать, какие испытания им уготованы: разлуки, принудительный труд, голод и смерть. Изгнали их отчасти потому, что после бомбардировок много людей остались бездомными, так что власти сочли «переселение» дешевым

и практичным решением проблемы нехватки жилья. Хотя немцы не прикладывали никаких усилий, чтобы скрыть происходящее, моя мать не имела возможности что-либо узнать. В ежемесячном письме из 25 слов не хватало места на рассказ об исчезновении людей, среди которых могли оказаться ее прежние друзья и соседи. Кроме того, это только расстроило бы Диту.

Страшные события не затрагивали Еву. Если она и слышала что-то, то только слабые отзвуки раскатов грома далекой бури. Там, где она находилась, солнечный свет согревал по-прежнему, даже в отсутствие бога Солнца.

Глава 21

Ева, Гретль и Фегеляйн

К 1942 году либидо быстро стареющего фюрера значительно снизилось. Со временем он неизбежно стал навещать постель Евы гораздо реже, чем ей хотелось бы. В свои пятьдесят четыре года Гитлер все еще оставался сравнительно молод, но чрезмерный пыл и раньше не был ему свойствен, а теперь война требовала от него огромных затрат времени, воли и энергии. К 1943 году, когда ход военных действий обернулся против Германии, они вообще перестали заниматься любовью. Подтверждает это Шпеер, близкий друг Евы, с которым она делилась переживаниями.

> В слезах она прибежала к Альберту Шпееру рассказать, что «фюрер только что сказал мне найти кого-нибудь другого, он больше не может исполнять свои мужские обязанности!». Заявление совершенно недвусмысленное, продолжает Шпеер: «Она ясно дала понять, что Гитлер сообщил ей, что слишком занят, погружен в дела и устал — он не может больше удовлетворять ее как мужчина». [Гитта Серени]

Обратите внимание на слова «больше не» в приведенной цитате. Они однозначно говорят о том, что в прошлом Гитлер все-таки удовлетворял ее «как мужчина». В тридцать один год Ева как раз достигла расцвета половой зрелости. Ее настолько выбила из колеи неспособность Гит-

лера вести половую жизнь, что она даже обратилась за советом к его личному врачу доктору Мореллю, к которому никогда не испытывала ни симпатии, ни доверия. Она, вероятно, знала, что раньше он специализировался на венерических заболеваниях, и полагала его экспертом по части мужской сексуальности. Это показывает, как горячо она желала восстановить потенцию любовника, пусть и не слишком впечатляющую. Морелль позже подтвердил американской следственной комиссии, что Ева просила у него что-нибудь для стимуляции полового влечения Гитлера, и он прописал фюреру инъекции мужских половых гормонов под названием «тестовирон» (более или менее аналог тестостерона), предназначенных восстанавливать угасающую потенцию. Но препарат не возымел никакого действия.

Проявляя великодушие — или равнодушие, — фюрер потихоньку дал Еве позволение найти себе более состоятельного партнера. Гитлер не был ревнив — в прошлом он часто говорил ей, что, если она влюбится в достойного молодого человека, он не будет стоять у нее на пути. Он хотел, чтобы она реализовала себя, устроила свою жизнь, и считал, что она заслуживает больше счастья, чем он способен ей дать. Так что если желание иметь мужа и детей станет слишком настойчивым, она вольна искать этого на стороне. Многие лизоблюды на «Горе» намекали на ее романы и распускали непристойные слухи в попытках очернить ее репутацию и лишить ее положения хозяйки Бергхофа. Но нет ни малейшего доказательства, что сплетни имели под собой основания. По всей видимости, половая жизнь этой энергичной и здоровой молодой женщины закончилась после тридцати лет. Одна только сексуальная неудовлетворенность уже могла бы легко подтолкнуть ее к неверности. Тем более что ее окружало множество мужчин, которые были бы только счастливы угодить ей в этом

отношении. Но когда Шпеера спросили, думала ли Ева Браун когда-нибудь поймать Гитлера на слове, он ответил: «Для нее об этом не могло быть и речи. Она любила его всей душой и всегда хранила ему верность, что, бесспорно, доказала в конце». С другой стороны, тот же Шпеер, как ни странно, признался Дэвиду Паттмэну не для протокола — когда они встречались в ходе съемок документального фильма, — что у нее все же был однажды курортный роман. С кем? Шпеер указал на молодого адъютанта в одном из эпизодов ее любительского фильма. Однако, учитывая склонность Шпеера говорить людям то, что они хотят слышать, к его сведениям нужно относиться осторожно, особенно потому, что они никем более не подтверждены.

Если Оберзальцберг был слишком тесен, чтобы позволить ей опрометчивые шалости, то у нее всегда оставался Мюнхен, где ее окружали друзья (хотя молодые люди исчезали один за другим). Кроме того, на нее мог положить глаз какой-нибудь смазливый итальянец во время ее ежегодных путешествий. Миловидной молодой женщине, желающей обзавестись любовником, далеко ходить не нужно. А уж в военное время бойцами во всем мире движет естественный стимул продолжить свой род и увековечить свои гены. Только вот Ева не искала любовника. Она *могла* «сбегать на сторону», но ничто не говорит о том, что у нее когда-либо был курортный роман. Разве что, лишь с малой долей вероятности, всего один раз, на ранней стадии их с Гитлером отношений. Нерин Ган услышал от Герты Шнайдер, через тридцать лет после описываемых ею событий, о знакомстве Евы в 1935 году с неким юношей, которое могло привести к роману или даже помолвке. Ган заявляет, что проверил сведения, но как и через кого, не уточняет. Но что-то в совпадении места и времени, да еще тот факт, что история исходит из уст надежного и честного свидетеля, придает ей правдоподобность. Вот что рассказала Герта:

Только однажды Ева заинтересовалась другим мужчиной. Это случилось после ее второй попытки самоубийства [в мае 1935 г., в возрасте двадцати трех лет]. Она поехала с матерью и младшей сестрой в Бад-Шахен, очаровательный замок-отель на озере Констанс близ Линдау. Некто Петер Шиллинг, предприниматель, моложе Гитлера, но старше тридцати, начал ухаживать за Евой. Он был сражен ею наповал. Они тут же сделались неразлучны и составляли отличную пару. Ева признавала, что ей нравится Шиллинг, что он просто замечательный, и в иных обстоятельствах она вполне могла бы полюбить его. «Но в моей жизни уже есть мужчина и никогда не будет другого. Слишком поздно». Так что она прекратила встречи и даже отказалась говорить с ним по телефону. Теперь никак не узнать, рассказывала ли она Гитлеру об этом.

Вот уж действительно, никак не узнать. В том числе и того, рассказывала ли она подобное Герте и, прежде всего, случилось ли оно вообще. Трудно представить себе, чтобы Ева, связанная с мужчиной, обладающим незаурядной харизмой и наделенным огромной властью как в Германии, так и на международной арене, удовольствовалась бы жизнью в качестве фрау Шиллинг. Как бывает со спортсменами и наркоманами, она попалась на адреналиновый крючок своих бурных отношений с фюрером. Знала она об этом или нет, но простого обыденного счастья ей теперь было бы недостаточно. К 1935 году он уже подчинил ее себе, а к 1942-му их судьбы переплелись неразрывно.

На жизнь Гитлера покушались все чаще. Несколько раз убийцы были близки к успеху, но все проваливалось благодаря то непредвиденному стечению обстоятельств, то усиленным мерам безопасности, принятым вследствие паранойи диктатора. Но летом 1942 года Клаус Шенк фон Штауффенберг из «кружка Крайзау» (о нем мы поз-

же поговорим подробнее) начал призывать к устранению Гитлера. Фон Штауффенберг впервые увидел Гитлера на инструктаже штаба в июне 1942 года. По его наблюдениям: «Геринг казался загримированным, Шпеер выглядел единственным нормальным человеком среди психопатов. Гитлер сидел, полуприкрыв глаза, с трясущимися руками. Дышать было трудно, такой спертый и зловонный воздух стоял в помещении». Ева, конечно, ни о чем подобном не подозревала, только постоянно беспокоилась, как бы какой-нибудь безумец не попытался убить фюрера.

Семья Браун и их близкие продолжали каждый год ездить за границу, как повелось еще с тридцатых, пользуясь покровительством дуче. Италия оставалась одной из немногих европейских стран, где их приветствовали радушно. В разгар войны, в июле 1942 года, Ева отдыхала с друзьями на Итальянской Ривьере. Это был их пятый визит с 1938 года — и последний. Через несколько дней после их отъезда из Италии Муссолини был свергнут. Теперь им предстояло выбрать новый курорт — быть может, в Греции или в Норвегии? Ни там, ни там не безопасно. Еве и ее друзьям пришлось остаться дома и любоваться закатами над Берхтесгаденом. Хорошие времена закончились, наверное, сокрушалась она.

К ноябрю 1942 года бремя войны, которой фюрер упорно пытался руководить самолично, чуть ли не в одиночку, стало сказываться на нем. У Гитлера начались провалы в памяти (впрочем, его восприятие действительности никогда не отличалось четкостью). Когда война, казалось, шла по его указке, его неукротимая мания величия принимала чудовищные формы. Граф Чиано, рассказывая, как он и Муссолини встречались с Гитлером в апреле 1942 года, писал: «Гитлер говорит, говорит, говорит. На второй день после обеда, когда все уже обсудили, Гитлер говорил без остановки в течение часа и сорока минут». Приступая

к операции «Барбаросса», направленной против Советского Союза, бывшего партнера по пакту о ненападении, Гитлер верил, что: «Нам стоит только толкнуть дверь, и вся прогнившая конструкция развалится». Это показывает, насколько он был подвержен предрассудкам и плохо осведомлен. Операция «Барбаросса» началась, и российскую границу перешли более трех миллионов солдат, а также 3300 танков, столь необходимых для войны с союзниками. Гитлер отказывался слушать советы, а тем более предостережения, и ожидал победы через несколько месяцев. Он не мог совершить более роковой ошибки.

К началу 1943 года он непрерывно метался между своим генеральным штабом в Берлине и «Волчьим логовом» на границе с Восточной Пруссией, реже подаваясь в южную ставку «Оборотень» под Винницей на Украине, где провел месяц в конце весны. В сентябре первые снегопады уже затрудняли продвижение войск вермахта. Германии грозило поражение. К марту 1943 года Гитлер, по словам его биографа:

> ...стал угасающим стариком... Он неподвижно глядел в пространство из-под опухших век, его щеки покрылись пятнами, позвоночник искривился от кифоза и легкого сколиоза. Левая рука и левая нога его подергивались, он шаркал при ходьбе. Гитлер стал чрезмерно возбудим, на критику реагировал приступами ярости и упрямо цеплялся за свои суждения, даже самые абсурдные. Он говорил бесцветным, монотонным голосом, часто повторялся и без конца твердил о своем детстве и первых днях восхождения.

Фюреру предписали трехмесячный отдых. Он прибыл в Бергхоф 22 марта, но, пройдя через праздничные ритуалы Пасхи и своего дня рождения (20 апреля ему исполнилось пятьдесят четыре), 2 мая снова уехал сначала

в Мюнхен, затем в Берлин, затем в «Волчье логово», где его заметно ободрил исполненный ликования рапорт Альберта Шпеера, назначенного министром вооружений, о росте производительности немецких оружейных заводов. 21 мая он снова вернулся домой, но Еве не удалось убедить его провести с ней побольше свободного времени, так как он был по горло занят встречами, официальными визитами, военными совещаниями и жизненно важными, хотя все более бесполезными, тактическими задачами. Война оборачивалась против него. Как никогда суетливый, он говорил, шагал взад-вперед, сидел с генералами ночи напролет над картами, глотал таблетки и не желал успокаиваться. Ева несколько раз поймала его в кадр на террасе (каждый его приезд мог стать последним), но на всех фотографиях он выглядит напряженным и озлобленным. 29 июня он полетел обратно в «Волчье логово». Ненадолго. 18 июля он уже опять был в Оберзальцберге, и Ева провела с ним два дня. Но даже эту коротенькую передышку нарушил визит Муссолини, надеявшегося на поддержку фюрера в Италии, стремительно погружающейся в хаос. Неделю спустя дуче был свергнут и арестован.

Судорожные метания продолжались. 20 июля фюрер вернулся в Восточную Пруссию почти на четыре месяца, просидев там до 8 ноября, а затем удалился на недельный отдых в Бергхоф. К шестнадцатому числу снова объявился в «Волчьем логове», где и остался на Рождество и Новый год — праздники, которые прежде всегда старался встречать с Евой. Иными словами, за период с конца июня 1943-го по 23 февраля 1944 года они провели вместе всего десять дней. Как отметила Гертрауд в воспоминаниях о Еве: «Она страдала от козней и интриг, что плел против нее Борман, да еще вынуждена была смотреть, как доктора со своими лекарствами подрывают здоровье Гитлера, не в силах ничем помочь, потому что не имела никакой власти, даже над ним».

Учитывая эти частые разлуки вкупе с ухудшением здоровья Гитлера, было бы простительно, если бы постоянный приток молодых привлекательных адъютантов (а они были *очень* привлекательны: Гитлер целенаправленно окружал себя высокими, светловолосыми, подтянутыми мужчинами) подтолкнул Еву к измене. На вопрос, как она вела себя с другими мужчинами, Герберт Дёринг ответил: «Уж точно совсем иначе, чем с Гитлером. С ним она казалась замкнутой и неестественной, словно закупоренной. С другими мужчинами она тут же расслаблялась, открывалась. Выглядела нормально, двигалась нормально — красивая, оживленная». Жизнерадостная, обаятельная, ухоженная, Ева Браун неизбежно притягивала мужской взгляд. Ее прятали, когда иностранные делегации посещали Оберзальцберг, но наблюдательный молодой адъютант вполне мог заметить, как она возвращается с прогулки или загорает на террасе, и потихоньку навести о ней справки. Ему бы сказали, что она секретарша. Если вдруг, загоревшись интересом, он послал бы записку с просьбой о свидании, как отреагировала бы Ева? Этого мы не знаем и узнать не можем. Завести любовника, будучи любовницей фюрера, означало бы подвергнуть опасности обоих, так что в любом случае им пришлось бы держать свою связь в строжайшей тайне. Не сохранилось ни рассказов очевидцев о флирте, ни любовных записок, ни сувениров, ни смазанных фотографий, запечатлевших запретные объятия, — *ничего*, подтверждающего гипотезу, что кому-то из своих воздыхателей она рано или поздно уступила. В Бергхофе не случилось главного сплетника или хроникера, который поведал бы нам о потаенном мире амурных проказ. Раболепный анклав не породил ни Нэнси Митфорд, ни Джеймса Лиз-Милна, ни герцога Сен-Симона. Ева имеет право на презумпцию невиновности. Так и хочется сказать: какая жалость.

А вот Гретль, напротив, могла делать, что ей заблагорассудится, без того, чтобы слухи о ее похождениях повторялись по всей «Горе» на следующее утро. Хорошенькая Гретль, с ее застенчивой улыбкой и бархатными глазами, была ужасная кокетка, то и дело заводила романы, пока не познакомилась с обаятельным, но пользующимся дурной репутацией группенфюрером Германом Фегеляйном, генералом СС и офицером связи между Гиммлером и Гитлером. Появление в Бергхофе красавца офицера в марте 1943 года вызвало изрядный переполох в жизни обеих сестер Браун. Очень скоро Фегеляйн пробился в ближайшее окружение фюрера. Траудль Юнге делилась наблюдениями:

> Сначала его видели только в окрестностях Бергхофа, но потом он подружился с Борманом и вскоре сделался предметом всеобщего восхищения. Он представлял собой классический образец неотразимого кавалера. Разумеется, он привык, что женщины так и увиваются за ним. <...> Стоило ему появиться, и вот он уже сидит за столом в Бергхофе. Он чокался со всеми влиятельными людьми, принимал участие в ночных попойках Бормана, и дамы не замедлили пасть к его ногам. Фегеляйн, интересный собеседник и большой затейник, привлек внимание Евы Браун и ее сестры Гретль. В особенности последняя испытала на себе выходки красавчика Германа. Будто бы не зная, что она приходится сестрой Еве Браун, он заявил при ней: «А уж эта — вообще дура!»

Пытался ли он замаскировать свои истинные чувства? Сплетники и враги Евы были тут как тут с намеками, что она и Фегеляйн — любовники. Герберт Дёринг считал это вполне возможным: «Фегеляйн восхищался Евой Браун — о, еще как! — и с удовольствием соблазнил бы ее. Криста Шрёдер говорила, что Ева любит Фегеляйна, но я точно

не знаю. Хотя отлично могу себе представить». Правда, он умалчивает о том, что во время предполагаемого романа уже не работал в Бергхофе, так что его комментарии – с чужих слов. Более того, они исходят от Кристы Шрёдер, не скрывавшей своей неприязни к Еве, что еще больше дискредитирует их. Почти сорок лет спустя, в 1985 году, Криста Шрёдер писала в мемуарах, что Ева призналась в глубоком впечатлении, произведенном на нее Фегеляйном, когда тот впервые приехал в Оберзальцберг, добавив: «Встреть я его несколько лет назад, попросила бы фюрера отпустить меня». Может быть. Но вряд ли. Помимо прочего, с чего бы ей делиться сокровенным с фрейлейн Шрёдер, которая никогда не была ее союзницей? Гитта Серени полагает подобные басни вздором. «Я никогда не видела ни единого доказательства ее так называемого романа с Фегеляйном и склонна считать его мифом. Ева не отличалась легким поведением и не решилась бы на столь аморальный поступок. Я бы исключила предположение, что они спали друг с другом. Это как-то противоречит всей картине. Я думаю, она была женщиной Гитлера, и все тут».

Злопыхательские толки о гипотетической связи основаны на догадках и подозрениях. Они не берут в расчет такие человеческие ценности, как верность и привязанность. Ева любила Гитлера преданно, безоглядно. Измена была бы ужасным предательством, сколько бы Гитлер ни говорил, что не осудит ее. Набожная католичка, она и так уже грешила достаточно, не хватало еще домогаться будущего мужа сестры. Вероятно, самое непреодолимое препятствие как раз и заключалось в том, что это больно ранило бы Гретль. Она всю жизнь прожила в тени Евы. Если бы старшая сестра увела у нее возлюбленного или жениха, в их отношениях навсегда осталась бы трещина. Чтобы пренебречь этими соображениями, Ева должна была быть

страстно влюблена в Фегеляйна, а она не была. С его же точки зрения, соблазнять любовницу фюрера означало бы идти на совершенно безумный риск. Разоблачение — а в теплице Бергхофа *кто-нибудь* да прознал бы — означало бы смещение с должности, изгнание или даже смерть. Фегеляйн, конечно, находил Еву привлекательной, но остерегался допускать большее, чем откровенно чувственный медленный танец.

Верная Гертрауд, разумеется, твердо убеждена, что Ева никогда не заводила любовника:

> Она не интересовалась другими мужчинами, ее мысли занимал один Гитлер. Поговаривали, что у нее был роман с Фегеляйном, но мне она рассказывала о нем с крайним неодобрением. Мне очень жаль, что Гретль достался такой муж: жесткий, гордый, надменный, да еще и дамский угодник. Он хотел жениться на Гретль, чтобы продвинуться по службе.

Ева тоже прекрасно осознавала, что Фегеляйн добивается Гретль не в последнюю очередь потому, что статус «свояка» Гитлера обеспечит ему верное место в самом сердце заколдованного круга. Под личиной сногсшибательного кавалера она разглядела беспринципного карьериста, но поскольку Гретль была от него без ума, возможно, не придавала этому значения. Гертрауд объясняет:

> Она [Ева] была подругой Гитлера с давних пор, но он так и не женился на ней. И тут объявляется этот человек, просящий руки ее сестры. Неясно, действительно ли Фегеляйн хотел жениться на Гретль, или же старался угодить Борману и Гитлеру, в чем его многие подозревали. Гитлер конечно же помог со свадьбой в финансовом и прочих отношениях.

Ева, отбросив сомнения, поддержала опрометчивый выбор сестры.

Сама Гретль, помня о своем возрасте — ей было почти тридцать — и под влиянием страсти Гитлера к сводничеству (Гитлер играл с Евой и Гретль, как с куклами, по словам Гертрауд), вышла за Германа Фегеляйна отчасти в угоду фюреру, отчасти чтобы порадовать мать, с нетерпением ждущую внуков, но более всего — по зову сердца. Ее супруг, генерал, занимал высокое положение в СС и был на редкость привлекательным мужчиной. Многие женщины отдали бы все за его благосклонность. Гретль, должно быть, думала, что сделала завидную партию.

Третьего июня 1944 года Ева устроила сестре пышную свадьбу — взамен своей, невозможной, этого нельзя не почувствовать. Гретль Браун и группенфюрер СС Герман Фегеляйн сочетались браком в здании муниципалитета Зальцбурга. Гражданская церемония, разумеется. Оттуда они поехали обратно в Бергхоф, где новобрачных и их гостей ждал торжественный обед, организованный Гитлером. Гретль выглядела ослепительно в белом шелковом платье с глубоким декольте, закрытом кружевом. Покрой подчеркивал ее изящные формы и в то же время показывал, что она не беременна. Она несла огромный букет белых цветов и восторженно улыбалась мужу — чистокровному, стопроцентному арийцу. На снимках пара всячески демонстрирует взаимную любовь: головка Гретль доверчиво покоится на его плече, Фегеляйн кажется сильным и надежным. На официальной свадебной фотографии Гитлер, в виде исключения одетый в гражданское (он поклялся до конца войны носить униформу, как его солдаты), слегка улыбается, плотно сжав губы. Ева, как ни странно, выбрала довольно нелепое атласное платье, туго обтягивающее грудь, с зауженной талией и расклешенной юбкой, скорее в духе пятидесятых, чем сороковых, отнюдь не в своем обычном

стиле. Вряд ли она сделала это сознательно. Быть может, просто не желала затмевать сестру.

Когда обед и поздравления подошли к концу, вся компания (но без Гитлера, его внимания требовали более важные дела) отправилась на нескольких машинах вверх по головокружительной горной дороге в «Орлиное гнездо» на вершину Кельштайн. Здесь праздник продолжился, шампанское лилось рекой. Геринг под влиянием романтической и эротической атмосферы торжества напился так, что домой его доставили в бессознательном состоянии. Аккордеонист и скрипач играли для новобрачных. Не цыгане, разумеется — они уже почти все погибли в концлагерях, — а смущенные музыканты из оркестра СС. Затем довольные гости снова пили шампанское и танцевали до трех часов ночи.

Через три дня союзные войска высадились в Норвегии.

Траудль Юнге отметила:

> Поразительно, но ему [Фегеляйну] удалось найти друга в лице Евы. Впрочем, может быть, не так уж это и странно, если учесть, каким веселым и обаятельным он умел быть. А Ева, молодая и полная жизни, столько лет вынужденная скрываться и молчать, не могла не порадоваться такому зятю, с которым можно всласть потанцевать, не нарушая приличий, не опасаясь осуждения и сплетен.

Однако замужество Гретль изменило как отношения Евы с сестрой, так и ее душевное состояние. Кузина Гертрауд описала новую расстановку сил между девушками, которые прежде были ближайшими подругами и наперсницами:

> После свадьбы Гретль с господином Фегеляйном у Евы наступил трудный период. Насколько я понимаю, маленькая компаньонка Евы внезапно превратилась в замужнюю даму.

Не важно, любила Гретль мужа или нет: она теперь была замужем, а Ева так и оставалась любовницей. Или, скорее, не столько любовницей, сколько женщиной «всегда к услугам своего мужчины» из преданности и известного чувства ответственности. Брак сестры вызвал у Евы ряд психологических проблем. Их всегда связывали очень близкие отношения, и вот она отдала свою сестру и лучшую подругу в жены человеку, которого не уважала.

Ева осталась одинокой, как никогда. С уходом Гретль — боготворившей и поддерживавшей ее с самых ранних лет, когда они еще жили на Изабеллаштрассе, — Ева ни для кого больше не была на первом месте, и уж точно не для Гитлера. Даже утвердившись в своем положении, она все так же страдала от унизительной анонимности, которую ей продолжали навязывать. Как и Фегеляйн, она надеялась, что законные семейные узы, приблизившие ее к фюреру, повысят ее статус. Теперь она официально считалась *gesellschaftsfähig* — достойной светского общества. «Теперь я свояченица Фегеляйна, — говорила она. — Теперь я наконец хоть *кто-то*». Как это ни грустно, но, почти десять лет проведя в качестве любовницы Гитлера и хозяйки Бергхофа, Ева была о себе столь низкого мнения, что пыталась заявить о своих правах в Оберзальцберге, опираясь на брак сестры с выскочкой, втершимся в окружение фюрера.

Глава 22

Что Ева могла знать?

Сегодня резвое веселье на фотографиях и кинопленках Евы с конца тридцатых до самого разгара войны выглядит жутковато — выходки людей, не то сумасшедших, не то отрезанных от внешнего мира. Она и ее приятели гуляли, устраивали пикники, загорали, дышали чистым горным воздухом, охапками собирали полевые цветы, плавали, хвастались спортивными навыками (ну, по крайней мере, Ева) на берегах ослепительно синего озера Кёнигзее. Миллионы немецких женщин выбивались из сил, чтобы прокормить семью, мастерили прокладки из распоротых джутовых мешков, стирая и перестирывая их, пока запах не становился невыносимым. Что сказали бы они, узнав об этих беспечных забавах? Но по комфортной жизни Евы трудно судить, знала ли она об ужасах, творящихся вокруг. Скорее уж можно предположить, что не знала. Насколько вероятно обратное?

Нетерпимое, авторитарное национал-социалистическое движение было исключительно *мужским* начинанием и остается таковым для горстки разочарованных неонацистов, кичащихся своей символикой и мечтающих о несуществующем времени и месте, где их будут уважать и бояться. В двадцатых и тридцатых годах немецких мужчин привлекла доктрина, поднимающая мужчину над женщиной, бойца над мыслителем, повиновение над рассудком, иерархию над достоинством. Их будоражили всенародные демонстрации, чьи атрибуты — униформы, марши, песни, флаги, фа-

келы, фейерверки и фюрер – затмевали религиозные. Они откликались на гомоэротические образы молодых мужчин – рабочих и солдат – в фильмах и на пропагандистских плакатах. Их завораживали простые побудительные лозунги и фальшивые доспехи национал-социализма. Женщин меньше волновали призывы, их прельщало восхваление добродетели жен и матерей, заботящихся о семье и поддерживающих мужей. Нацизм превозносил их за выполнение своих обязанностей, каковое раньше всеми воспринималось как само собой разумеющееся. Они тянулись к Гитлеру – вдохновенному, целомудренному герою, – к которому чувствовали нечто среднее между благоговением и девичьей влюбленностью. Идеал нацистской женщины олицетворял полную противоположность всему, за что борются феминистки. Она приходила в мир как инструмент репродукции и хранительница домашнего очага, а не как личность с собственными мыслями, талантами, потребностями и правами. Иначе говоря, женщины могли быть национал-социалистами при условии, что не будут думать и задавать вопросов. С точки зрения мужчины, самый простой способ достичь такого результата – не обсуждать при женщине политику. На протяжении военных лет бессвязные проповеди Гитлера за ужином записывались дословно. Однажды вечером в 1943 году он сказал: «Я не выношу женщин, рассуждающих о политике. А уж если их некомпетентные суждения затрагивают военные темы, это становится просто неприлично. <...> Галантность не позволяет нам давать женщинам возможность ставить себя в неловкое положение».

Распределение обязанностей между полами строилось на самоопределении арийской расы. Мужчины и женщины равны только в основной функции – продолжении рода, при необходимости вне брачных уз. Гитлер считал, что лучше незамужняя, но полноценная мать, чем высохшая старая дева. Правда, к Еве это, похоже, не относилось.

Нацисты верили в старинный тевтонский уклад, когда мужчина был воином, а на женщине держалась семья. Мужчины занимали почти все руководящие посты в национал-социалистическом государстве, в то время как женщины исключались из политической жизни.

Но отстранение от политики не отнимало у женщин возможность видеть и реагировать на увиденное, прислушиваться к голосу совести и пытаться сопротивляться тому, чего они не одобряют. Больной вопрос, на который ищет ответ эта книга: были ли Ева Браун, а также моя мать и ее сестры, и *их* мать, и мои дорогие, не от мира сего двоюродные бабушки, и с ними миллионы других несчастных немецких домохозяек, хорошими людьми или плохими, пусть и по ассоциации? Запятнаны ли они моральным разложением, которому национал-социализм подверг их мужей, братьев и сыновей? Можно ли, в частности, обвинить в соучастии Еву, поскольку она бездействовала пред лицом абсолютного зла? Виновна ли она *особенно* из-за ее связи с Гитлером? Вынесение приговора требует объективного анализа того, что она знала или, приложив усилия, *могла бы* узнать. Понимала ли она когда-нибудь, что ее возлюбленный был инициатором и вдохновителем двенадцати лет жестокого насилия, начиная с программы эвтаназии в тридцатых годах? Что он хотел стереть с лица земли евреев Европы и спокойно жертвовал десятками миллионов жизней на войне? Увы, доказательств из первоисточников прискорбно мало, и о правде можно только гадать.

Ричард Эванс, авторитетный специалист по истории Третьего рейха, подчеркивает, насколько опасно опираться на ретроспективную оценку, осуждая тех, кто не мог предвидеть будущее:

> Анализ жизненного опыта отдельных индивидуумов, как ничто другое, демонстрирует чрезвычайную сложность сто-

явшего перед ними выбора и обстоятельств, с которыми им приходилось сталкиваться. Современникам национал-социалистов все было далеко не так очевидно, как нам сейчас, ведь они не обладали даром предвидения. Откуда им было знать в 1930 году, что готовит 1933 год; в 1933 году – что произойдет в 1939, 1942 или 1945 годах? *Если б они знали, то, несомненно, принимали бы иные решения...* [курсив мой. – А.Л.]

Вплоть до 1939 года даже сами евреи считали слухи о лагерях преувеличенными и предпочитали оставаться на месте – роковой оптимизм, роковая инертность, – а не покидать дом и страну ради неведомого будущего.

Со всеми своими непревзойденными ужасами Черные События остаются полем моральной двусмысленности. Упрощенческий взгляд представляет национал-социалистическую эру неподвижной панорамой кошмара, клеймя Гитлера как чудовище, чуждое всему человеческому, а Еву – как бессловесную дурочку. Истина богата оттенками, категорическое разделение на черное и белое никогда не отражает ее в полной мере. Не так просто определить, какая доля вины ложится на тех, кто был связан с зачинщиками – их жен, семьи, любовниц. Жены других высокопоставленных нацистов не понесли наказания. Знали ли женщины на «Горе», что творится в окружающем мире? Если знали, то как много? Одобряли ли они? Принимали ли активное участие? Пренебрегали ли возможностями помочь гонимым и истязуемым? Если возлагать ответственность на всех, кто находился рядом, и признавать их виновными, то на большинство подобных вопросов следует отвечать «да». Даже сейчас, шестьдесят лет спустя, некоторые критики Германии утверждают, что *все* немцы разделяют вину предков за преступления военного времени, притом что нынешние молодые немцы и чаще всего их родители еще не родились, когда Гитлер стоял у власти. Тем не менее многие

жители Германии признаются в потаенном чувстве вины, и почти все не любят говорить о прошлом. Черные События покрыли страну тьмой на куда более долгий срок, чем прочие войны, и их клеймо лежит на нации по сей день.

Легко сказать, что все немецкие женщины виновны в том, что шли в ногу с Третьим рейхом, не протестуя и не восставая. Но между моралью и героизмом — большая разница. Люди обязаны к нравственной добродетели в смысле элементарной порядочности и соблюдения законов, но *не обязаны* быть героями. (Суть героизма как раз в том и состоит, что он *выходит* за рамки обычного гражданского и человеческого долга.) Никто не возлагал на женщин Советского Союза вину за преступления и лагеря сталинского режима, не менее чудовищного. Обе системы поощряли и награждали безнравственных женщин — осведомительниц, сплетниц и клеветниц, — чьи доносы стоили свободы и жизни многим невинным людям. Хуже всех были охранницы лагерей, бессердечные садистки, не уступающие жестокостью мужчинам. (Охранницы в Равенсбрюке, концлагере под Берлином, прежде состояли в Лиге немецких девушек (BDM), где их с отрочества приучали к беспрекословному повиновению.) Но они являлись исключением, и, как недавно показала рядовой Линди Ингланд в Ираке, существуют до сих пор. Жестокость — не половой признак. Молодые немки были запрограммированы BDM. Им вбили в голову нацистскую идеологию в том возрасте, когда они еще не обладали ни знаниями, ни моральными устоями и не могли спорить. Их натаскивали на осуществление целей партии и в награду внушали непоколебимую веру в себя. Подавляющее большинство немецких женщин при гитлеровском режиме *были* порядочны, в нормальных обстоятельствах ни одна из них не проявила бы жестокости, но героинями они не являлись. Однако нельзя забывать о мужестве и стойкости немецких матерей в то страшное

время, когда только для того, чтобы уберечь от голода и холода стариков и детей, требовался настоящий героизм.

В 1947 году, вскоре после окончания войны, Траудль Юнге написала подробный отчет об идеологической обработке, которой она подвергалась в детстве и юности, пытаясь понять собственное пособничество режиму, ужасавшее ее впоследствии. Схожие чувства испытывали многие люди, прежде близкие к Гитлеру. Траудль Юнге утверждает, что, когда писала, не думала о публикации, но через пятьдесят пять лет ее книга «До смертного часа: последняя секретарша Гитлера» увидела свет. Сколько поправок туда внесено с 1947 по 2000 год, только сама фрау Юнге может точно сказать. Книга прославилась как последний правдивый рассказ очевидца об окружении Гитлера и принесла автору мировую известность в последние месяцы ее жизни. Умерла она 10 февраля 2002 года в возрасте восьмидесяти одного года. Нашумевший фильм «Бункер» (*Der Untergang*) о последних неделях в бункере Гитлера частично основан на ее воспоминаниях.

Траудль родилась в Мюнхене в 1920 году. Пятнадцати лет от роду она записалась в Лигу немецких девушек вместе с пятью одноклассницами. Они оттачивали и совершенствовали свои «Зиг хайль!», одновременно оттачивая и совершенствуя свои тела. В школе к трем ее одноклассникам-евреям и ученики и учителя относились как к равным. Иудаизм означал иную расу, иную религию, но никак не клеймо. Потом, после 1936 года, они исчезли, один за другим. Никто не знал, куда они делись, и никто не пытался выяснить. В 1938 году Траудль исполнилось восемнадцать, и она вступила в организацию «Вера и красота» для молодых женщин, переросших BDM. Целью организации являлось воспитание «девушек, безоговорочно верящих в Германию и фюрера и сумеющих вложить эту веру в сердца своих детей».

Чем сильнее завораживали Траудль культура и эстетика эпохи, тем более, по ее словам, отвратительными она на-

ходила грубые аспекты уличной политики, низкой и примитивной, годящейся для масс, но не для людей ее класса. Она смеялась над ходящими в народе шутками о Гитлере и презирала газету *Der Stürmer* за антисемитские карикатуры — это был не ее национал-социализм, *это было не ее дело.* Впрочем, как и большинству ее современниц, ей казалось, что политика мужчин ее никоим образом не касается. Как и Ева, и моя мать Дита, она даже не подозревала, до чего основательно ей промывают мозги. Преследования и исчезновения евреев стали привычными и «со временем даже перестали ее шокировать». Могла ли она — или любая другая женщина на «Горе», включая Еву, — знать о девяноста еврейских сиротах младше шести лет, вывезенных в лес под Киевом в 1941 году и расстрелянных по очереди? О матерях, пытавшихся прикрыть своим телом детей, которых отрывали от них, ломая руки и ноги, и волокли на бойню? Если бы они имели эти сведения — а они их не имели — и винили во всем Гитлера, *что бы они могли сделать?* За решительный протест их изгнали бы из Бергхофа, за продолжительный протест — сослали бы в лагеря. Шумный, публичный протест карался смертью.

Нельзя винить женщин за навязанные им неосведомленность и молчание. Их «преступление» состояло в том, что они вдыхали ядовитые испарения нравственного зла, проявлявшегося нагляднее всего в отчаянном положении евреев, но также и в постепенном исчезновении калек, политических диссидентов, гомосексуалистов и так далее — а ведь у них у всех были друзья, коллеги, соседи. Женщины предпочитали не обращать внимания на дурные знаки, слухи и внезапные исчезновения, подменяя попытки посмотреть в лицо действительности слепой верностью Гитлеру и своим мужчинам. Почему они не интересовались судьбой презираемых меньшинств, загнанных в гетто (вот уж о чем знали *все*)? Что касается сосланных в страшные

польские лагеря, то задавшийся вопросом, куда их отправили, слышал удобный ответ: куда-то... какая разница... с глаз долой, и ладно. Еврейские одноклассники и соседи остались в памяти расплывчатой кляксой. Немецкие домохозяйки знали, что дезинфицировать кишащий паразитами дом очень полезно. Избавленные от публичного и интимного позора, вызываемого блохами, клопами, тараканами и грызунами, дом и семья становились здоровее, *чище*. Этих горячих сторонниц гигиены едва заметно, шаг за шагом, подталкивали к убеждению, что евреев и прочие меньшинства следует воспринимать как тех же паразитов, избавление от которых позволит сделать арийскую расу чище, сильнее. Они не страдали кровожадностью, но судьба несчастных была им глубоко безразлична. При желании они могли бы немало узнать о происходящем, хотя существование лагерей смерти почти на каждого обрушилось жутким откровением после войны.

Но в апатию впали далеко не все. Тысячи немецких женщин шли на невообразимый риск, нелегально укрывая евреев в подвалах и на чердаках (называемых «подводными лодками»). Беглецов защищали — а иной раз и предавали — их арийские друзья и соседи. Это женщины покупали и готовили им пищу, делясь драгоценными запасами семьи, стирали и чинили их одежду, невзирая на ежечасную угрозу доноса. Если тайник обнаруживался, всю семью ссылали в концентрационный лагерь. К 1943 году в Берлине осталось около 27 тысяч евреев. Никому точно не известно, скольким из них помогали такие женщины. Но каждая была героиней.

Сейчас нам может казаться, что фюрер совратил целую нацию, однако партии не удалось подкупить всех немцев без исключения. Восемьдесят миллионов человек говорят многоголосым хором, и он неоднороден. Мнение, что каждый житель Третьего рейха душой и телом принадлежал нацистам и потворствовал, а то и способствовал расист-

ской политике и методам ее внедрения, грешит чрезмерной упрощенностью. Не мог целый народ присоединиться к нацистам, фанатикам и психопатам. Преследование евреев вызвало протест в определенных кругах общества в первую очередь среди отпрысков родовитых семей с вековыми традициями моральных устоев, творческих людей и интеллигенции, некоторых священников (особенно католических) и студенчества. Не говоря уже о безвестных людях всех социальных слоев, ибо нравственность не является привилегией знаменитостей. Многие проявляли незаурядное мужество, по мере своих сил противясь соблазнительному лозунгу «Фюрер, Народ и Отечество». Тем не менее, как отметил Берли: «Единственным источником порядочности была совесть человека <...>, а моральные установки войны задавал Гитлер. Фюрер объявил: «Это война на уничтожение. Полководцы должны принести в жертву свою щепетильность». Нравственность стала синонимом подчинения великому замыслу Гитлера. Десятилетие расистского садизма, просачивавшегося вплоть до самых основ семьи и личной этики, вытеснило независимое сознание. Но порой даже совесть простых солдат не выдерживала нагрузки. В соответствии с планом «Барбаросса» были сформированы четыре рабочие бригады: A, B, C и D. Их основная функция заключалась в том, чтобы убивать и подстрекать к убийствам остальных. Им поручили резню высшего сорта, для которой даже их огрубевшие сердца оказались слишком чувствительны, что доказывают болезни, просьбы о переводе в другой штаб или к другим обязанностям. Иные плакали, напивались, страдали нервными срывами или импотенцией. Один солдат впал в безумие и пристрелил нескольких товарищей. Как правило, им требовалось убедиться в необходимости того, что они делают. Но закаленные солдаты привыкали к кровопролитию, прочие же оставались в меньшинстве.

При Третьем рейхе большинство немцев активно поддерживали Гитлера или, боясь за свои семьи и свою жизнь, никак не сопротивлялись Черным Событиям. Подать голос, рискуя понести страшное наказание, простому горожанину было нелегко, хотя *возможно.* К примеру, Александр Гогенштейн, мелкий чиновник, руководитель районной партийной организации в округе Вартегау[1], в 1941 – 1942 годах вел дневник, раскрывающий стремление немецкого националиста жить по-человечески. Он не хотел притеснять поляков и евреев, чтобы расчистить себе место: «Не требуйте от меня столь грубого нарушения моих представлений о человеческом достоинстве. Если кто-то относится ко мне уважительно, я обязан отвечать ему тем же. Как я могу не повернуть головы, если человек со мной здоровается? Никакая власть не в силах запретить мне соблюдать элементарные правила приличия». Гогенштейн, как мог, старался облегчить положение бесправных евреев в местном гетто, снабжая их картошкой для наполнения пустых желудков и дровами для отопления немилосердно холодных помещений. Он продолжал обсуждать литературу и обмениваться подарками с женой своего дантиста: «Да, она самая что ни на есть чистокровная еврейка. Но у нее золотое сердце. Что значит разница крови, расы и цвета кожи по сравнению с душой!» Многие немцы подобным же образом разрывались между нерассуждающим расизмом и врожденной человеческой порядочностью.

Бесстрашным и открытым противником нацистского режима был граф Гельмут фон Мольтке. 10 сентября 1940 года он написал своей жене Фрейе, матери их троих детей: «Я не перестаю удивляться, насколько же народ потерял ориентиры. Это как игра в жмурки: их раскручивали и раскручивали с повязкой на глазах, пока они не переста-

1 Вартегау – название западной части Польши после ее аннексии Третьим рейхом.

ли понимать, где право, где лево, где зад, где перед». Фон Мольтке являлся одним из основателей тайного «кружка Крайзау» — лидера подпольного сопротивления нацизму. Члены кружка время от времени встречались в его имении Крайзау в Шлезии, обсуждая свои разногласия с Гитлером в вопросах этики и патриотизма и изыскивая способы от него избавиться. Услышав о репрессиях в Сербии и Греции (где в одной только деревне почти две тысячи человек были расстреляны за нападение на трех немецких солдат), в письме от 21 октября 1941 года он спрашивал Фрейю:

> Разве могу я, зная об этом, сидеть за столом в своей теплой квартире и спокойно пить чай? Разве не попадаю я таким образом в *число виновных? Что я скажу, когда меня спросят*: «А что *ты* делал в это время?» С субботы берлинских евреев взяли в оборот. Отовсюду только и слышно, что не более двадцати процентов евреев или военнопленных выживают при перевозке, что в лагерях военнопленные мрут от голода, что бушуют эпидемии брюшного тифа и других болезней, что наши же граждане падают замертво от изнеможения...
>
> Можно ли знать все это и жить как ни в чем не бывало?

Нравственная дилемма графа Гельмута фон Мольтке звучала так: «Раз мне это известно, не становлюсь ли я виновным в попустительстве, поскольку обо всем знаю, но не предпринимаю ничего, чтобы остановить зло?» Такие, как он, составлявшие, правда, весьма редкие исключения, в результате долгих поисков истины начинали считать себя если не виновными, то *сообщниками*. Следовательно, моральный долг велел им сопротивляться, пусть даже ценой собственной жизни — что и сделали граф фон Мольтке, фон Штауффенберг и еще две сотни связанных с ними людей.

В феврале 1942 года Геббельс упоминает, что Гитлер недвусмысленно заявил о своих планах в отношении еврей-

ского народа. Четырнадцатого числа он записал в своем дневнике: «Фюрер в который раз выразил решительное намерение безжалостно очистить Европу от евреев. Здесь не должно быть места щепетильности и сентиментальности. Евреи заслужили свою катастрофу. Нам надлежит ускорить этот процесс, хладнокровно и без церемоний».

Логика смерти набирала обороты. «Безжалостно», «без церемоний» — тюремного заточения, принудительного труда, болезней и мук голода стало уже недостаточно. Предложенные новые меры хранились в строжайшем секрете и осуществлялись фанатиками, а не просто подчиненными, выполняющими приказ. Многие относились к своей задаче с отменным рвением. Один бывший работник Освенцима признавался сорок лет спустя, что истребление евреев до сих пор вызывает у него смешанные чувства:

> Мы всегда помнили о том, что евреи — наши враги внутри Германии. Пропаганда воздействовала таким образом, что мы считали их уничтожение примерно тем же самым, что происходит обычно на войне. Чувство жалости или сострадания было бы неуместно. Дети — не враги, но кровь в их венах — враг. Угроза — в том, что им предстоит вырасти евреями, несущими опасность. Поэтому дети тоже заражены.

Рядовые немецкие граждане по большей части ничего толком не знали о концентрационных лагерях, помимо того, о чем сообщала пропаганда: есть места, где евреи и прочие неарийцы собраны для работ — *каторжных* работ, да, но в то время все работали на войну, как каторжники. Они не подозревали об «Акции 14f13», предписывающей эвтаназию для утративших работоспособность заключенных немецких и австрийских концлагерей. Хотя проповеди католического епископа фон Галена, яростно обличающие эвтаназию и убийства заключенных в лагерях,

доходили до ушей многих католиков и обсуждались самыми смелыми. В декабре 1941 года в центре уничтожения города Хелмно начали действовать первые газовые камеры. Затем, весной 1942 года, аналогичные устройства для массовых убийств были установлены в лагерях Освенцим, Собибор, Бельзек и Треблинка. Лишь ничтожная (возможно, меньше десяти процентов) часть населения знала о замалчиваемых зверствах в поездах с заключенными и лагерях уничтожения, которые не случайно располагались далеко, в Польше. Это не пристрастная оценка сторонника нацистов, цифру приводит граф Гельмут фон Мольтке, в марте 1943 года писавший другу в Стокгольм: «По меньшей мере девять десятых населения не знают, что мы убили сотни тысяч евреев. Они все еще считают, что евреев просто отделили от нас и отправили на Восток, откуда они родом. И что живут они там, может быть, и беднее, зато не подвергаются воздушным налетам». Скептически настроенные десять процентов могли заподозрить, что это далеко не так, но полный доступ к информации имело только очень ограниченное количество лагерных надсмотрщиков, должностных лиц и охранников, ответственных за выполнение жуткой работы.

Еще один порядочный немец по имени Ульрих фон Хассель сопротивлялся поднимающейся волне массовых убийств и поплатился за это жизнью. Консервативный дипломат старой закалки, он служил послом Германии в Риме с ноября 1932 года. Высокий, изысканный, владеющий несколькими языками, фон Хассель также принадлежал к числу основателей «кружка Крайзау». Он и его единомышленники подвергались непомерному риску, создавая оппозицию Гитлеру. Тем более что с 1942 года он знал, что гитлеровская тайная полиция следит за каждым его шагом. Дневники фон Хасселя проникнуты ужасом и стыдом за обращение с евреями и советскими военнопленными,

каковое он называл «сатанинским варварством». «Война на Востоке чудовищна — это возвращение в первобытное состояние». В ноябре 1941 года он написал: «Всякий порядочный человек испытывает отвращение, глядя на бессовестное обращение с евреями...»

Вильгельм Фуртвенглер остается противоречивой фигурой. С ним, директором Берлинской филармонии и одним из лучших дирижеров Германии, если не всего мира, нацисты обходились более или менее прилично. Его концерты часто передавались по радио для поднятия боевого духа армии, но власти ограничивали и контролировали его музыкальный репертуар. К евреям Фуртвенглер относился неоднозначно. С одной стороны, он часто хвалил и продвигал артистов еврейского происхождения, но с другой стороны, поддерживал бойкот еврейских товаров и критически отзывался о засилии, как он считал, евреев в прессе. Его осуждали, помимо прочего, за фотографию, на которой он стоит рядом с улыбающимся Гитлером. Фуртвенглер никогда не вступал в нацистскую партию и дважды пытался убедить Гитлера не ссылать еврейских музыкантов. Гитлер отказал, и карьера Фуртвенглера пострадала в результате этого заступничества. В итоге, поступившись совестью, он заключил взаимовыгодное соглашение с нацистами. Надо полагать, таких, как он, кто жил и работал бок о бок с нацистами, но в глубине души возмущался и пытался сопротивляться по мере своих скромных возможностей, было много.

Протестовали не одни мужчины. 27 февраля 1943 года во время знаменитой берлинской демонстрации на Розенштрассе сотни «чистокровных» немецких матерей семейств, чьих мужей-евреев ожидали депортация и смерть, заполонили улицу перед зданием, где тех держали под арестом. Они оставались там день и ночь, держась за руки, распевая песни и скандируя: «*Отпустите наших мужей!*»

Власти не могли прибегнуть к репрессивным мерам, поскольку, сделав мучениц из немецких жен, они разрушили бы заботливо созданный образ нацистов — защитников материнства. До того режиму удавалось сохранять геноцид против евреев и прочих в тайне, но когда он стал задевать группы населения, не боящиеся восстать против расистской политики, угрожающей смертью их мужьям, секретность начала трещать по швам. Невооруженные, неорганизованные и не связанные ни с какой оппозицией, женщины не уходили целую неделю, требуя возвращения своих мужей так настойчиво и яростно, что в конце концов Геринг вынужден был уступить. 6 марта 1943 года почти две тысячи мужчин получили свободу, даже двадцать пять уже переправленных в Освенцим, и почти все пережили войну. Это был *единственный* массовый публичный протест против нацистского режима за все двенадцать лет существования Третьего рейха.

Гитта Серени, безжалостно критикующая немцев за инертность перед лицом зла, через много лет после войны спросила Маргрет Шпеер, обсуждал ли когда-либо фюрер с женщинами своего круга хоть что-то серьезное, не говоря уже о концлагерях. Ответ звучал так: «Мы действительно жили очень изолированно [от внешнего мира]. Конечно, мы знали, что *что-то* происходит, но представляли себе только тюремные лагеря, для преступников, я имею в виду, если вообще кто-то давал себе труд о них задуматься».

Маргрет была честной женщиной, и по прошествии лет ее терзала собственная пассивность в то время, когда она, несомненно, подозревала, что все далеко не безоблачно. Смысл ее ответа зависит от того, как понимать выражение «*конечно*, мы знали». Значит ли это «мы *знали*, конечно», то есть мы знали все? Или «конечно, мы знали

что-то», в смысле *что-то* до такой степени страшное, что невозможно произнести вслух? Серени попыталась пояснить ответ Маргрет:

> Гитлер гениально подкупал окружающих, но необычайно искусно оберегал своих близких от любых сведений, которые могли бы нарушить гармонию их отношений. Что могли знать немцы в начале тридцатых о судьбе, уготованной евреям? Помимо полемики Гитлера и Геббельса, которую мало кто – включая евреев – принимал всерьез, *почти ничего*. О массовых убийствах еще не помышляли, хотя гонения на евреев неуклонно набирали силу.

Траудль Юнге подтверждает: «Слово «еврей» практически не произносилось. Никто никогда не затрагивал эту тему».

И тем не менее даже на «Горе» некоторым женщинам хватало мужества высказаться. Супруга Геринга – бывшая актриса Эмми Зоннеман, обладающая незаурядно сильным характером, – заступалась перед Гитлером за евреев, видимо, без особого успеха. Но даже если она вмешалась всего один раз, это, по меньшей мере, поразительно. Это означало, что она бросила вызов как Гитлеру, так и своему мужу, проявляя запретное для немецких жен независимое сознание. Но Эмми – особый случай. Гитлер, похоже, закрывал глаза на то, что ее предыдущий муж был евреем, и раз в год она навещала детей от первого брака, живущих в безопасности в Швейцарии.

В 1943 году дочь Генриха Гофмана Генриетта (Хенни), маленький солнечный лучик *(Sonnenschein)*, которую Гитлер обожал, когда она была ребенком, справила тридцатилетие и вышла замуж за Бальдура фон Шираха, бывшего лидера гитлерюгенда, получившего к тому времени пост гауляйтера Вены. Частая гостья в Бергхофе, она как-то

приехала туда на выходные вскоре после своего путешествия по Голландии. Она описала Гитлеру инцидент, которому — не веря глазам своим — стала свидетельницей на главном вокзале Амстердама:

> Я сделала глубокий вдох и начала: «Я хотела бы поговорить с вами об ужасных вещах, увиденных мной; не могу поверить, чтобы вы о них знали». [Отзвук голосов миллионов других немцев, которые, увидев открытое проявление жестокости, со вздохом бормотали: «Если бы только фюрер знал! Он бы обязательно пресек это!»]
>
> [Генриетта продолжила:] «Беззащитных женщин окружили и согнали вместе, чтобы отправить в концентрационный лагерь. Боюсь, они никогда не вернутся».
>
> Воцарилась мучительная тишина. Гитлер побледнел. В отблесках огня из камина его лицо выглядело как маска смерти. Он бросил на меня испуганный, удивленный взгляд и сказал: «Мы на войне».
>
> Потом вскочил и закричал на меня: «Вы сентиментальны, фрау фон Ширах! Вы должны научиться ненавидеть!»

Ева Браун, должно быть, слышала этот разговор — на подобных неформальных ужинах в кругу доверенных друзей она всегда сидела рядом с Гитлером, — но, как и все остальные, промолчала. Траудль Юнге в своей версии эпизода добавляет: «Воцарилась мучительная тишина. Вскоре Гитлер встал, попрощался и ушел к себе наверх. На следующий день фрау фон Ширах вернулась в Вену, и об инциденте больше не упоминали. По всей видимости, она превысила свои полномочия и не выполнила свой долг гостьи, состоявший в развлечении фюрера».

Генриетта и ее муж порой проявляли смелость и прямоту. Как-то раз или, возможно, тогда же — 24 июня 1943 года, если верить адъютанту Гитлера, сравнительно чест-

ному и порядочному Николаусу фон Белову, — Бальдур фон Ширах настаивал, что нужно найти способ поскорее закончить войну. «Гитлера вывел из себя этот разговор с Ширахом, — писал фон Белов, — и он ясно дал понять, что не желает больше иметь с ним дела. И действительно, это была их последняя встреча».

Шпеер, не присутствовавший при ссоре, отметил, что после нее воцарилась гнетущая атмосфера: «Все ходили чернее тучи, потому что каждый из нас очень переживал за Гитлера. На «Горе» существовало правило: не заговаривать о неприятном, оберегая его короткие часы отдыха». Инцидент примечателен как потрясением Генриетты, когда она воочию увидела бедственное положение евреев, так и ее предположением, что Гитлеру ничего об этом не известно. Очевидно, впоследствии он отлучил ее от Бергхофа, так как о дальнейших визитах упоминаний не сохранилось. Гость, нарушающий бережно поддерживаемую иллюзию уютного покоя, становился нежелателен. Преступивших неписаные правила более не приглашали.

Смутные подозрения женщин на «Горе» разжигались такими редкими эпизодами, как протест фон Ширахов, но затем быстро угасали. Ева, не имевшая твердых оснований для своих страхов — если страхи вообще были, — не собиралась отталкивать мужчину, которого любила всю жизнь, из-за каких-то неясных тревог. Она часто жаловалась: «Все-то от меня скрывают. Я понятия не имею, что происходит». Она старалась не придавать значения кошмарам, мучившим ее по ночам, — предзнаменованиям смерти Гитлера, а не картинам массовых убийств. Я спросила ее кузину Гертрауд Вейскер, правда ли, что Ева ни сном ни духом не ведала о преследовании евреев, и она ответила: «Ну, мы не знали о концлагерях. Нет. Но мы знали, что *что-то* не так, поскольку многие

наши друзья, евреи, переезжали в Америку. Да и *Der Stürmer*, экстремистская национал-социалистическая газета, продавалась на каждом углу». Все знали *что-то*, но очень немногие знали, *что именно*. Это не значит, что Ева знала правду или больше правды, чем другие, но, возможно, она *предпочла* не знать. Такую «страусиную политику» католическая церковь, чьи этику и верования — вместо принципов BDM — Ева впитывала с раннего детства, почитала за грех и осуждала.

Гертрауд Вейскер считает, что Еву подло оклеветали, и убеждена в ее врожденной доброте. Вспоминая о последних месяцах жизни Евы, она рассуждает:

> Ева жила в мире фантазий. Когда действительность была недостаточно хороша, Ева отмахивалась от нее. О политике она не знала ровным счетом ничего...
>
> Но она была верна себе и следовала однажды избранным путем. Ей, по большому счету, удалось преодолеть силы, отрезавшие ее от внешнего мира. К концу войны она очутилась лицом к лицу с реальностью и приготовилась умереть с достоинством.

Но что представляла собой *реальность*? Гертрауд настойчиво утверждает, что Ева не была антисемиткой, как и вся ее семья, за исключением Фритца, и никогда не вступала в нацистскую партию.

Тут, как я в итоге выяснила, она права. Как ни трудно в это поверить, Ева *не* являлась членом — а тем более пламенной последовательницей — возглавляемой Гитлером партии. Я подозревала нечто подобное (это бы просто не вязалось с ее характером и желанием Гитлера держать ее подальше от любого рода политических дел), но в феврале 2005 года я нашла доказательство в *Hermann Historica*, авторитетном аукционном доме Мюнхена, специализи-

рующемся на военных реликвиях. Я провела все утро за арендованным столом в окружении древних мечей, заржавевших шлемов, штыков и униформ (по большей части периода Веймарской республики), а также широкого ассортимента предметов времен Третьего рейха, ожидающих своей очереди на продажу, листая каталоги *Hermann Historica* с 1980 по 2004 год. После многочасовых поисков и нескольких чашек крепкого кофе, нацеженного из автомата в углу вестибюля для восстановления ослабевающей сосредоточенности, я наткнулась на свое доказательство. Лот №4549 на аукционе, состоявшемся 10–11 ноября 1989 года, был надписан: *Mit der Verleihung des Parteiabzeichens an Eva Braun, folgte Adolf Hitler seine Gepflogenheit, Persönlichkeiten die seine besondere Wertschätzen besassen, auch dann in dieser Form auszuzeichnen, wenn dies nicht Parteimitglieder waren.* Переводится это примерно так: «Награждая партийным значком Еву Браун, Адольф Гитлер следовал своему обыкновению выделять таким образом лиц, заслуживших его особое расположение, даже если оные лица не являлись членами партии».

Предмет, на первый взгляд непримечательный: круглый золотой медальон в 18 карат с ее инициалами ЕВ и надписью, выгравированной на обратной стороне — когда и кем, определить невозможно. На нем нет даты, но надпись явно означает, что фюрер не возражал, что его любовница не состоит в партии, и подразумевает, что вступать ее никто не принуждал. Живя в мрачной цитадели нацизма, *Ева не была нацисткой.* Медальон ушел с молотка за 3200 немецких марок — немалые деньги в 1989 году — и растворился в чьей-то частной коллекции.

Никого нельзя обвинять в том, что он не боролся за дело, к которому не был причастен или о котором ничего не знал. За неимением доказательств мы никогда точно не выясним степень осведомленности Евы, Траудль

Юнге и прочих женщин Бергхофа. Если Ева ничего не знала о Черных Событиях, то нельзя отнести ее к числу ни виновных, ни даже сообщников. Хотя можно осудить ее за то, что она не замечала все более откровенных гонений и никак не реагировала на них. Допустим, она знала что-то — пусть мало, пусть смутно, — что она могла сделать в знак протеста? Единственным вариантом для нее было оставить Гитлера, но с 1931 года ее жизнь сошлась на нем клином, и уйти не представлялось возможным. Легко говорить, как бы ей *следовало* поступить. Однако у нее — как и у Сони Сатклифф (в Британии), жены Йоркширского Потрошителя, как и у Примроуз Шипмен, жены доктора Гарольда Шипмена, намеренно погубившего десятки пожилых пациентов, — не было выбора.

Близость Евы с фюрером не имеет практически никакого отношения к тому, знала она правду или нет, хотя людям трудно принять это, поэтому ее и бичуют немилосердно последующие поколения. Им не дано понять динамику публичных и частных отношений между мужчиной и женщиной в Третьем рейхе. Гитлер строго запрещал кому бы то ни было говорить с Евой — и с любой другой женщиной на «Горе» — о пытках, голодной смерти и геноциде, обрушившихся на евреев, цыган, гомосексуалистов, свидетелей Иеговы, большевиков, славян, церковных диссидентов, католических священников, поляков. Подробности о кошмарных лагерях принудительного труда и их жертвах хранились в секрете от жен нацистов. Гитлер бросил бы в тюрьму или даже казнил того, кто попытался бы открыть Еве глаза на чудовищную правду. Сам факт, что Ева была его любовницей, подразумевал, что она, прежде всех, должна оставаться в неведении. Как могла бы она утешать его, дарить душевное тепло и беззаветную преданность, зная, что он сделал?

Глава 23

Что Ева могла сделать?

Еще раз: возможно ли, что Ева в буквальном смысле *ничего* не знала о Черных Событиях? Она регулярно наведывалась в Мюнхен почти до самого конца войны. В тридцатые годы от ее внимания никак не могли укрыться антисемитские лозунги, заколоченные магазины, чемоданы на мостовой, а также оголодавшие еврейские дети и старики, публично унижаемые эсэсовцами. Евреи носили желтую звезду Давида на одежде, получали более скудные рационы, чем немцы, не имели права ездить в трамвае и допускались в магазины только в строго определенные часы. Театры, кино и концертные залы были для них закрыты — весьма характерное ущемление. Все это она могла видеть собственными глазами, если бы хотела. Начиная с 1939 года, после «Ночи разбитых витрин», гонения приняли еще более жуткую форму «конфискаций»: у евреев отнимали дома. Больше четырех тысяч мюнхенских евреев — добрых, культурных людей, как правило, интеллигенции или процветающих предпринимателей (при общей численности городского населения в 824 тысячи человек), были изгнаны в еврейские анклавы, так называемые *Judenhäuser* («еврейские дома»). Об этом она тоже вполне могла слышать. Иные зловещие предзнаменования были не так заметны. В начале 1941 года евреев перевезли в переполненное гетто в Мильбертсхофене, в четырех милях от города. Потом начались депортации: сначала в близлежащий Да-

хау, затем в восточные лагеря. Только слепой мог не заметить бедствий, которые обсуждались повсеместно и служили предметом проповедей в католических церквах.

Черные События неумолимо надвигались. Грохотали тяжелые сапоги, вздымая клубы пыли по дорогам. Затянутые в перчатки руки твердо сжимали оружие, целясь без промаха в ожидании команды «Огонь!». И она прозвучала: *Feuer!* Решалась судьба Европы на ближайшее тысячелетие. Решалась судьба евреев.

Герман Геринг заявил: «Грядет великая война рас. Она решит, распоряжаются ли здесь немцы и арийцы, или же евреи правят миром». Посетив гетто в Лодзи (Польша), Геббельс писал: «Это не поддается описанию. Они уже не человеческие существа, они животные. Следовательно, мы выполняем не гуманитарную, а хирургическую задачу». 16 июля 1941 года штурмбаннфюрер СС Хеппнер писал из Познани своему начальнику Адольфу Эйхману, возглавлявшему «еврейский отдел» гестапо, где разрабатывалось окончательное решение еврейского вопроса: «Существует опасность, что мы не сумеем прокормить всех евреев этой зимой. Необходимо серьезно рассмотреть вопрос о том, не будет ли наиболее гуманным решением избавиться от неработоспособных каким-либо целесообразным способом. Это менее болезненно, чем позволить им умирать от голода». И далее: «Звучит несколько фантастически, но, на мой взгляд, вполне осуществимо». «*Какой-либо целесообразный способ*» — дивный образчик уклончивости. Это подстрекание к массовому убийству, но высшее нацистское руководство редко удосуживалось констатировать факты. Как бы там ни было, 12 декабря 1941 года Гитлер с несвойственной ему прямотой заявил, что пришло время подготовиться к решению еврейского вопроса, отбросив жалость и сантименты. Не то чтобы сигнал «подготовиться» недвусмысленно призвал к истреблению европейского еврейства — это был бы «дымящийся пистолет», который тщетно

искали историки, — но заявление звучало на редкость откровенно. Герман Геринг, равнодушный и глухой к страданию, если таковое шло на благо немецкой расе, взял на себя ответственность за концентрационные лагеря. «Очень неприятно убивать, в силу необходимости, столько людей, но это нужно сделать, и мы делаем». Так говорил он со страдальческим видом человека, оказывающего услугу миру. Евреев расстреливали, а тела сбрасывали в общие могилы. Подобное происходило в сотнях мест по всей Восточной Европе.

Самые эффективные методы уничтожения проверялись и научно усовершенствовались. В сентябре 1941 года в Освенциме состоялись первые эксперименты с газом «Циклон-Б». Восемьсот пятьдесят советских военнопленных и двести поляков были умерщвлены эффективно и гигиенично. В декабре 1941-го гончие ада с воем бросились на добычу — центр уничтожения в Хелмно запустил свой смертоносный конвейер. Несколько месяцев спустя, в разгар весеннего цветения, газовые камеры были установлены в Собиборе, Бельзеке и Треблинке. Предусмотрительность Гиммлера окупалась сторицей. К концу 1943 года погибли полтора миллиона евреев, хотя мало кому, кроме его подручного Адольфа Эйхмана, были известны подлинные масштабы бойни. Эйхман (который, как и Гитлер, провел юность в Линце) получил в 1941 году повышение — чин подполковника СС. Ему поручили командование концлагерями. Не обремененный совестью, но гениальный бюрократ, он вел бесконечные записи, с тихой гордостью глядя, как растут числа. Чуть больше миллиона человек погибли в Освенциме, из них девяносто процентов — европейские евреи. К августу 1944 года Эйхман смог доложить вышестоящим, что около четырех миллионов евреев умерли в лагерях, а еще два миллиона расстреляны «мобильными отрядами уничтожения». Достойно щелчка каблуками, мужественного рукопожатия и единодушного «Хайль Гитлер!».

Анна Плайм, верная горничная Евы, утверждала, что ее хозяйка ничего не знала о страшной участи евреев, да и другие женщины Бергхофа тоже. В 2002 году Курт Кух, расспрашивавший ее о жизни в Бергхофе, услышал следующее:

> Что касается евреев, бесчеловечно казненных в Дахау, о них почти никто не знал. Переходящие всякие границы притеснения евреев до войны были очевидны всякому: сегодня никто не посмеет отрицать это. Многих выгоняли из их домов и кварталов. Но я ни малейшего понятия не имела, что произошло с этими людьми в конечном итоге. Думаю, и Еве Браун не рассказывали об их дальнейшей судьбе и о том, что на самом деле творилось в концлагерях. Хотя она, как и все, не могла не знать, что с евреями и со всеми противниками нацистов обращались жестоко. Но фотографии людей, которых, подобно скоту, перевозили в лагеря уничтожения, всплыли только после войны.

Учитывая склонность гитлеровского окружения преуменьшать или вовсе отрицать свои расистские убеждения, это кажется справедливой оценкой степени осведомленности Евы, но о правде можно только гадать. Гертрауд Вейскер не сомневается, что Ева пребывала в неведении обо всем, что касается Черных Событий. Страстно защищая себя и свою кузину, она говорила:

> Мы слыхом не слыхивали про Освенцим. В то время все делалось в такой тайне — неудивительно, что народ ничего не подозревал. Люди, окружавшие Еву, знали куда больше нас, но тогда это было так засекречено, что простые немецкие семьи не могли даже догадываться о подобных вещах. Я знала, что евреи уезжали, но полагала, что в Америку или еще куда-нибудь. Мне и в голову не приходило, что их убивали газом.

Контроль Гитлера над молодежной культурой привел к образованию подпольных движений протеста. В них участвовали в основном студенты мужского пола от шестнадцати до двадцати пяти лет или банды молодых парней, выходцев из рабочего класса, усвоивших бунтарские методы социалистов и коммунистов. За последними охотились нацистские головорезы низкого пошиба, как и за «Пиратами Эдельвейса», нападавшими на отряды гитлерюгенда, патрулировавшие парки и другие общественные места. Стычки иной раз заканчивались перестрелкой (интересно, где диссиденты доставали оружие). Когда «Пираты» ударились в политику, эсэсовцы круто осадили их, некоторых даже казнили. Кое-кого отправили в тюрьмы или в концентрационные лагеря. 25 октября 1944 года Гиммлер распорядился принять крайние меры, и в ноябре того же года тринадцать «пиратов Эдельвейса» были публично повешены в Кёльне, в том числе шесть шестнадцатилетних мальчиков.

Тогда, как и сейчас, молодежь выражала свои взгляды и предпочтения через музыку. Третья категория, состоящая по большей части из представителей среднего класса, протестовала, отвергая разудалые народные песенки, пропагандируемые нацистской партией, в пользу американского джаза, особенно его разновидности, известной как свинг. Лихорадочные ритмы, под которые можно было танцевать быстро, как никогда прежде, завоевали свингу бешеную популярность. Его поклонники называли себя «свингующей молодежью» с насмешливой отсылкой к «гитлеровской молодежи» (гитлерюгенду). «Свингующие» придерживались радикальных взглядов в социальных, политических и экономических вопросах. Отрекаясь от расизма, они бросали вызов основополагающей идеологии Третьего рейха. Их благодушная общительность противостояла военной этике, которую режим, не жалея сил, навязывал

немецкой молодежи. Примерно тогда же, когда Гитлер стал канцлером (1933 г.), джаз стали бичевать как «омерзительный визг, оскорбляющий наш слух». Особое отвращение он вызывал у нацистской верхушки из-за ассоциаций с «низшей» чернокожей африканской расой южных штатов Америки. Джаз презрительно называли «негритянской музыкой», примитивной какофонией. Пропагандистский аппарат Геббельса безуспешно пытался противопоставить свингу «Чарли и его оркестр». Этот биг-бенд крутили по радио, он играл жиденькую разновидность свинга. Ничего из этого не вышло.

Движение «свингующей молодежи» неохотно терпели до февраля 1940 года, когда на Фестиваль свинга, проходивший в Гамбурге, съехалось больше пятисот молодых людей. Ничтожное количество по сравнению с десятками, *сотнями* тысяч зрителей партийных съездов, но вполне достаточное, чтобы встревожить нацистские власти. Гитлеровский агент в своем отчете описывал «бесстыжие пляски», подчеркивая: «Некоторые юноши танцевали друг с другом, каждый с двумя сигаретами во рту». Какая распущенность! Лучше не придумаешь, чтобы досадить нацистам. Дальнейшие сборища были запрещены, но клубы «свингующей молодежи» тут же нахально возродились. 2 января 1942 года Гиммлер велел Рейнхарду Гейдриху отправить главарей свингеров в концентрационные лагеря на два-три года в качестве козлов отпущения, позаботившись о дальнейшем их наказании побоями и принудительным трудом. Чистка не заставила себя ждать: эсэсовцы нагрянули в клубы и отволокли зачинщиков в лагеря.

Трудно поверить, что Ева, страстно любившая танцевать и посещать клубы, ничего об этом не знала, но она не принадлежала к бесноватым, разнузданным девицам. Буйные джазовые ритмы – совсем не то, что приторные

романтические мелодии, столь милые ее сердцу. Хотя в ночных клубах, куда она ходила, джаз, свинг и их приверженцы вполне могли служить предметом разговоров за коктейлями или пивом. Не исключено, что она и не слышала о «свингующей молодежи», остававшейся в значительном меньшинстве, и, возможно, ее друзья старались не обсуждать при ней антинацистские течения. Но *если* слышала, то *могла бы* и знать, что эти группировки заявляют протест антисемитизму, из чего *могла бы* заключить, что существует нечто серьезное, заслуживающее протеста. Три допущения не дают права с уверенностью сказать, что Ева имела сведения о «Пиратах Эдельвейса», «свингующей молодежи» и их либеральных взглядах. Она придерживалась своего неизменного правила: не задавать щекотливых вопросов.

В 1942 году пятнадцать миллионов немцев, включая четверть миллиона мюнхенцев, увидели блестящий фильм «Я обвиняю», пропагандирующий применение эвтаназии к умственно отсталым, инвалидам и неизлечимо больным. Приведенные в нем доводы породили немало споров, и Ева — опять же не должна была, но *могла* — слышать об этом от друзей. В тот же год (1942) несколько непокорных мюнхенских студентов под предводительством Ганса Шолля и его сестры Софи образовали группу протеста под названием «Белая роза», обличающую зверства нацистов. Они раздали три тысячи листовок, в которых говорилось, что три тысячи евреев уже убиты в Польше, и которые стали предметом бесконечных споров. 18 февраля 1943 года брат и сестра Шолль, а также их друг Кристоф Пробст предстали перед судом за распространение в университете листовок, клеймящих позором бесчинства в Сталинграде и бесчеловечность нацистского режима. 22 февраля их признали виновными в государственной измене и гильотинировали. Это утихомирило мюнхенских студентов, и протесты практически прекратились.

Жители Мюнхена крайне мало знали о происходящем на Востоке, так как нацисты прилагали все усилия, чтобы сохранить в тайне Черные События. Тюрьма грозила всякому, кто осмеливался хотя бы обмолвиться о лагерях. Отдельные взрывы юношеского протеста еще не значат, что кто угодно мог обсуждать деятельность мятежных группировок. Ева и ее друзья не были ни студентами, ни философами и не тратили время на интеллектуальные рассуждения. Ева ходила в ночные клубы, чтобы стряхнуть с себя унылое настроение Бергхофа, и бунтари занимали ее меньше всего.

Но кое-кто из близких Евы имел *некоторое* представление о нарастающем кошмаре. Ее отец, поступившийся своей щепетильностью ради комфортных условий Бергхофа, — *он* знал. Стройные молодые адъютанты Гитлера, которые то и дело мелькают в ее фотоальбомах, развалившись на траве в одних плавках, демонстрируя мускулистые торсы, натренированные во имя фюрера и фатерланда, — *они* знали, разумеется. Подслушивала ли Ева ведущиеся шепотом разговоры, улавливала ли намеки? Сплошные догадки. Дочь Шпееров Хильда, выросшая в семейном доме на «Горе», утверждала после войны: «Я вполне уверена, что она [Маргрет, ее мать] оставалась в полном неведении относительно всех этих ужасов. Правда, она безоговорочно поверила тому, что мы узнали потом, хотя никогда не говорит об этом. По-моему, сейчас ее гнетет невыносимое чувство вины за то, что она жила рядом с этим человеком, Гитлером, и имела столько выгод от его расположения». Аннемари Кемпф, в восемнадцать лет ставшая личным секретарем Альберта Шпеера, говорила о своем начальнике: «Думаю, в каком-то смысле ему казалось, что *чего он не знает, того и не существует* [курсив мой. — А.Л.]».

Как-то не верится, что окружавшие Гитлера женщины — прежде всего его секретарши — могли быть до такой степени наивны, что не осознавали происходящего. 11 июля

1943 года Борман выпустил циркуляр, запрещающий любое упоминание о геноциде, а уж тем более о количестве убитых. Слово «казнены» произносить не позволялось; евреи были «эвакуированы». Неосведомленность стала не только возможной, но и обязательной.

Траудль Юнге, давая интервью незадолго до своей смерти, сказала:

> Мы никогда не видели в нем [то есть Гитлере] государственного мужа. Мы не принимали участия в его совещаниях. Нас звали, только когда он хотел продиктовать что-нибудь, и тогда он бывал так же обходителен, как в частной жизни. Наш кабинет, как в рейхсканцелярии, так и в бункерах, находился так далеко от командного штаба, что мы ни разу не видели и даже не слышали тех самых его припадков бешенства, о которых шептались все вокруг. Мы знали его расписание, кого он принимает, но этих посетителей видели крайне редко, разве что тех, кто иногда разделял с ним трапезы, где мы тоже присутствовали.

Совершенно точно, что Ева тоже никогда не сидела на министерских совещаниях: вот *это* было бы и вправду неслыханно. На подобные собрания допускались исключительно мужчины. Зато она составляла ядро личной жизни Гитлера: неужели до нее не доходили хотя бы обрывки информации, если не из его уст, то из разговоров за выпивкой или за ужином? Сегодня просто невозможно себе представить, как это жены людей, совершавших тяжелейшие военные преступления, могли оставаться в полном неведении. Но они не имели доступа к радио, не говоря уже о новостях BBC. У них не было телевизора. Зарубежные газеты были запрещены, а немецкие полны преувеличений и лжи. Каждый обитатель Бергхофа знал, что чету фон Ширах отослали за то, что они усомнились в полити-

ке Гитлера. Впрочем, их изгнание большинство с энтузиазмом поддержало.

Для женщин сведения ограничивались тем, что они видели собственными глазами. А за пределы надежно защищенного Оберзальцберга мало кто из его обитательниц решался высовываться. Они предпочитали нежиться на солнышке на террасе и сплетничать за чашечкой кофе или ворковать над прелестными детишками собеседниц. Каждая поездка в Берхтесгаден становилась целым событием. Нужно было получить разрешение мужа воспользоваться его машиной с шофером, точно рассчитать время и взять с собой вооруженную охрану. Перемены в городе практически не бросались в глаза, разве что магазины, особенно магазины одежды, предлагали меньший ассортимент товаров, да для покупки продуктов требовались пайковые талоны. Кроме того, Борман установил строгие правила относительно того, какие заведения им разрешается посещать — только принадлежащие нацистам, что не всегда означало лучшие. Поскольку фрау Геббельс и Ева, фрау Геринг и фрау Гиммлер заказывали платья у частных портных — особенным их расположением пользовалась фирма Аурахера в Мюнхене, — а их запасы пищи щедро пополнялись продуктами с образцовой фермы Оберзальцберга, подобные трудности не слишком их затрагивали. Бергхоф являлся своего рода закрытой общиной. Люди намеренно отгораживались от неприятных сведений о тех, кому повезло меньше. Гитта Серени сообщает:

> В частности, благодаря Шпееру я выяснила, до какой степени Гитлер оберегал круг людей, с которыми общался почеловечески. Ева Браун и прочие вообще ничего не знали. Его мало беспокоило, насколько осведомлены его генералы — это ему было совершенно безразлично, — но тех, с кем его объединяла эмоциональная привязанность, он решительно не желал просвещать.

Траудль Юнге, которая за последние два года войны провела с Гитлером, возможно, больше времени, чем Ева, описывала преследовавшее ее чувство оторванности от реального мира:

> Гитлер не допускал, чтобы женщин его дома — четырех секретарш, молодых жен адъютантов, таких, как фон Белов, а также жен его приближенных, Шпеера и Брандта, — пугали всякими ужасами. До нас не доходили ни слухи, ни альтернативные точки зрения, в Бергхофе не появлялись ни враги, ни оппозиционеры. Единая установка, единое убеждение: все выражали одно и то же мнение одними и теми же словами. Мне пришлось участвовать в этом до горького конца, и только вернувшись к нормальной жизни, я осознала, что к чему. *В то время меня терзало смутное беспокойство, неуловимое ощущение подавленности и тревоги* [курсив мой. — А.Л.]. Но ежедневные встречи с Гитлером мешали мне разобраться в своих мыслях.

Действительно ли она терзалась беспокойством? К воспоминаниям бывших нацистов о муках совести всегда надо относиться с известной долей скептицизма.

Через сорок лет после окончания войны доктор Теодор Хупфауэр, ярый национал-социалист и правая рука Шпеера, говорил:

> Не хочу иметь ничего общего с теми людьми, которые теперь заявляют, что не были нацистами, что на самом деле они сопротивлялись режиму. Я иногда прямо удивляюсь: кто же в таком случае голосовал за Гитлера и выиграл для него столько сражений? Сейчас выясняется, что чуть ли не вся Германия состояла из антифашистов. <...> То было невероятно волнующее время. Для людей моего возраста открывались неслыханные перспективы, и нам казалось, что нет ничего такого, чего мы не сумеем достичь.

В книге «До смертного часа» Траудль описала свою первую поездку на личном поезде Гитлера из «Волчьего логова» в Берлин после поступления на службу в его штаб в марте 1943 года:

> Это заставило меня задуматься о других поездах, едущих в тот же момент по всей Германии, холодных и темных, везущих людей, которые голодают и не имеют возможности даже удобно сесть. Мне стало неловко. [Здесь она имеет в виду пассажирские поезда, а не те, что везли евреев в лагеря смерти, — о тех она не знала.] Легко вести войну, если не ощущать ее на собственной шкуре. Я смотрела, как сотрудники штаба Гитлера курят и выпивают, спокойные и веселые, довольные жизнью. Я надеялась, что все это делается только для того, чтобы поскорее закончить войну.

Звучит вполне искренне. Видимо, даже молодая женщина, прошедшая основательную обработку нацистской пропагандой, могла задуматься о контрасте между своей обустроенной жизнью и лишениями миллионов соотечественников. Ева была бы не способна на подобную реакцию, для нее она имела бы привкус предательства. Но Траудль эти мысли подтолкнули к рассуждениям об абсурдности своего положения и о парадоксе двусторонней личности Гитлера:

> Нелегко воссоздать или представить себе то гипнотическое воздействие, которое Гитлер оказывал на всякого встречного. Даже его заклятые противники отмечали, что он излучал силу, неодолимо влекущую их к нему, хотя впоследствии их охватывало чувство стыда и вины за это. Такое впечатление часто производят люди, наделенные беспредельной властью, когда пускают в ход свое обаяние.

Именно *обаяние* или, что еще опаснее, *харизма*, а вовсе не эманация зла, — вот что больше всего бросалось в глаза при общении с Гитлером. Я сама никогда не могла понять, что такое он делает со всеми нами, включая генералов. Понимаете, это даже больше, чем харизма. Иногда, когда он уходил куда-нибудь без нас, словно бы дышать становилось труднее. Пропадал какой-то основополагающий элемент: не то электричество, не то кислород, не то ощущение жизни. Оставался... вакуум.

Обратная сторона натуры Гитлера давала о себе знать все чаще, по мере того как ухудшалась военная ситуация. Гудериан, в июле 1944 года назначенный начальником Генерального штаба Сухопутных войск, описывал один из приступов ярости фюрера:

Он потрясал кулаками, его щеки пылали от гнева, тело тряслось мелкой дрожью. Человек, стоявший передо мной, был вне себя от ярости и утратил всякий контроль над собой. После каждой вспышки Гитлер начинал ходил взад-вперед от одного края ковра к другому, потом внезапно останавливался и вываливал на меня очередную порцию обвинений. Он почти визжал, его глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит, вены пульсировали на висках.

Гитлер мог вызывать жалость к себе, проявлять дурной нрав, несдержанность, манию величия, даже безумие, но мало кому из окружающих он казался *злым*. Альберт Шпеер говорил: «Вы просто не можете себе представить, каково жить под диктатурой; вам не понять этой игры с огнем, и, главное, вам не понять страха, на котором все держалось. И уж тем более, полагаю, никто из вас не в состоянии оценить притягательную силу такого человека, как Гитлер». Шпеер, один из самых здра-

вомыслящих и беспристрастных высокопоставленных нацистов, не мог устоять против магнетического поля Гитлера и соблазнительной «игры с огнем», и, отрицая многое другое, это он безусловно признавал. Чего же ждать от Евы, чья жизнь строилась на том, чтобы угодить любимому? В своем вполне достоверном рассказе о последних днях Гитлера Хью Тревор-Ропер пришел к смелому выводу: «Шпеер — настоящий нацистский преступник, ибо он больше, чем кто бы то ни было, олицетворял ту философию фатализма, что обрекла Германию на катастрофу и чуть не привела к крушению мира. В течение десяти лет он находился в самом центре политической власти. Его острый ум угадывал природу и прослеживал чудовищное развитие нацистского правительства и политики. Он видел насквозь и презирал окружающих его людей. Он слышал их возмутительные приказы и понимал их запредельные амбиции. *И ничего не делал* [курсив мой. — А.Л.]».

Секретарь Шпеера Аннемари принадлежала к числу тех немногих, кто признавал, насколько их завораживало присутствие фюрера:

> Впервые это случилось, когда Шпеер завершил строительство новой канцелярии. Только представьте себе — впрочем, представить почти невозможно — огни, цветы повсюду, всеобщее возбуждение. Хотелось бы мне, оглядываясь назад, осудить все это, но я не могу. <...> Каждый день происходило что-то судьбоносное, и происходило оно благодаря этому человеку. Я пытаюсь объяснить вам не то, что чувствую сейчас, но то, что чувствовала *тогда*. Не могу сказать, что находила его «приятным», — подобные определения неуместны. Это было чистой воды ликование — ликование, которое он дарил всем нам.

Мария фон Белов тоже не делала вид, что с самого начала знала, какое фюрер чудовище, хотя была сломлена горем, узнав после войны, что творилось во имя их всех. В 1988 году, незадолго до своего восьмидесятилетия, она рассказывала Гитте Серени:

> Я никогда не понимала людей, умаляющих одаренность Гитлера, чтобы проще уживаться с сознанием того, что они были околдованы им. В конце концов, он добивался преданности порядочных и умных людей не тем, что раскрывал им свои кровожадные планы и показывал свою нравственную извращенность. Они верили ему, потому что он умел пленять сердца.

Нет ничего эфемернее личного обаяния, и сегодня никому, кроме неонацистов, не верится, что Гитлер пользовался им, чтобы парализовать сознание окружающих. В свете восторженных описаний, оставленных современниками, непросто по прошествии семидесяти лет верно оценить поведение Евы, ее покорность гипнотической власти мужчины, бывшего единственной любовью ее жизни.

Была ли она вообще антисемиткой? Обратное убедительнее всего доказывает ее характер. Учитывая ее открытое сердце и толерантные взгляды родителей, а также ее собственный юношеский бунт против укоренившихся идей, это было бы странно. Тем не менее предполагать, что она *вовсе* не имела подобных предрассудков, столь же абсурдно, как, скажем, ожидать от нее феминистических наклонностей. Хотя в силу возраста Ева не успела попасть в Лигу немецких девушек и подвергнуться идеологической обработке, росла она в двадцатые годы и достигла зрелости в тридцатые, когда пропаганда была куда изощреннее своей целевой аудитории. Известная доля антисемитиз-

ма считалась нормальным явлением... и не только в Германии. Сложно вообразить, насколько всеобъемлющее стремление к арийской чистоте нацисты вселяли в умы и души доверчивого народа. Особенно сегодня, когда нам гораздо лучше известно, на какие ухищрения идут политики, чтобы управлять нашим рассудком. Мы-то выработали иммунитет.

История — в какой мере она вообще заметила Еву — вынесла обвинительный приговор, каковой лишь частично можно опровергнуть на основании интуиции и анализа обстоятельств. Пусть это не является неопровержимым доказательством, но она то и дело проявляла доброту, скромность, простодушие и чуткость к ближним: щедрость к родителям, которые обижали и отталкивали ее, гостеприимство по отношению к друзьям ее кратких, но радостных дней детства и отрочества, поразительное бесстрашие и непоколебимая верность Гитлеру. К концу жизни она показала себя храбрым, стойким и, несомненно, добрым человеком. Добро столь же банально, как зло, и обнаруживается порой в самых неожиданных местах: в душе любовницы Гитлера, например.

Я изо всех сил стараюсь быть объективной. Я изучила ее жизнь вдоль и поперек, старалась, снимая слой за слоем, разгадать, что стояло за ее мнениями, эмоциями и фантазиями. Я прожила с Евой Браун почти три года, и за это время она сделалась в моих глазах не менее реальной, чем мои друзья. И я не могу поверить, что она была расисткой или садисткой. Как упоминалось выше, ни одна из жен высокопоставленных нацистов не понесла наказания после войны, хотя Магда Геббельс, останься она в живых, могла бы как минимум подвергнуться суровому перекрестному допросу. Если прочих женщин из круга друзей Гитлера в свое время сочли невиновными, то почему сей вердикт не распространяется на Еву?

Мое заключение, основанное на изучении обстоятельств и ее характера: Ева не заслуживает проклятий. Она не виновна и даже не замешана в злодеяниях Гитлера; но и не невинна, однако. В терминологии католицизма, она «заслуживает порицания». Еву часто называли пустой, глупой, тщеславной, избалованной, и временами она такой и была, но если оставить в стороне брюзгливое ворчание нацистских шишек, никто никогда не обвинял ее в более существенных проступках. Это не преступление — быть поверхностной и шаловливой, стараться привнести веселье и удовольствие в чопорные жизни, не зная, что они посвящены отвратительным целям. С уверенностью можно заключить только одно: не *зафиксировано* ни одного случая, когда Ева проявила бы предубеждение против евреев или насилие по отношению к кому-либо. Если судить по стандартам ее эпохи, и в том числе моей добродушной матери, она не была антисемиткой.

Члены семьи моей матери — ее сестры Ильзе и Трудль, ее две тетушки Лиди и Анни и ее мать, моя бабушка, — никогда не вступали в нацистскую партию и уж точно ничего не знали о судьбе евреев. *Tante* Ильзе, будучи замужем за врачом, могла о чем-то догадываться, только вот в 1942 году ее мужа прикомандировали к немецкой армии в Советском Союзе, откуда он не мог писать и где, предположительно, погиб. Как почти все немецкие женщины, они не причиняли страданий, но много страдали сами.

У мамы на всю жизнь осталось подсознательное предубеждение против евреев, хотя без грубости или язвительности. Она, как и другие женщины семьи Шрёдер в Гамбурге, не способна была на дерзкий поступок — укрывать еврейскую семью, например. Перемены, нововведения и беспорядки всегда пугали ее. На юге Лондона в пятидесятых, когда нам попадался на пути какой-нибудь новопри-

бывший карибский африканец, она говорила: «Задержи дыхание, милочка, пока он не пройдет». Если я спрашивала почему, она отвечала: «Они отличаются от нас. Они едят другую пищу. Они пахнут по-другому. И (тут она переходила на шепот) они немножко потные».

Такую же невольную неприязнь она испытала бы при виде еврея. Даже после того, как она в июне 1936 года вышла замуж за моего отца и поселилась в Англии, ей не пришло бы в голову потесниться, чтобы приютить еврейскую девочку в своей маленькой лондонской квартирке, хотя соответствующий раздел «Таймс» пестрел объявлениями еврейских родителей из Германии и Австрии, ищущих безопасного пристанища для своих дочерей и подчеркивающих их ум и честность, их готовность вышивать, чинить одежду, преподавать французский или готовить. Мой отец тоже не пошел бы на это, он старался сидеть тихо и не выделяться. Мои родители могли бы сослаться на бедность, ведь в молодости они действительно едва сводили концы с концами. Они не могли позволить себе кормить девочку, а тем более платить ей. Но другие как-то справлялись... немногие.

Всю жизнь моя мать называла евреев «жидами» и предупреждала меня об их жадности и лживости, особенно в денежных делах. Зная ее доброе сердце, я пытаюсь извинить ее, напоминая себе о том, что это были обычные взгляды и привычные выражения ее молодости, — в то время слова «жид» или «черномазый» считались вполне приемлемыми. Язык, полный предрассудков, на современный вкус, никого не смущал. Молодая Эдит Шрёдер не имела личных счетов к евреям, а после войны, когда раскрылась правда о лагерях смерти, Дита Хелпс — английская жена и мать — испытывала сложные чувства.

Подобно Еве, моя мать не задавала вопросов и не желала слышать ответы, даже по поводу одноклассников, с ко-

торыми вместе росла. С другой стороны, мой дедушка, поддерживавший деловые отношения с евреями в силу своей профессии ювелира и торговца бриллиантами, восхищался ими и терпеть не мог Гитлера. Миллионы немцев откликнулись на просьбу фюрера пожертвовать личное золото на военные нужды, на производство вооружения и самолетов. Женщины расставались с обручальными кольцами во имя обороны страны. Но не дедушка. Золото кормило его. Темной ночью он закопал его в саду и по окончании войны откопал — в целости и сохранности. Мне нравилось это вопиющие неповиновение.

Моя мать не желала обсуждать судьбу евреев, и убедить ее поговорить об этом было практически невозможно. Однажды, когда она была в весьма почтенном возрасте и уже становилась рассеянной и забывчивой, я спросила: «Мама, а в твоей семье были евреи?» На лице ее мелькнула тень смятения.

«Что-что, дорогая?»

«Кто-нибудь из членов семьи был евреем?»

«Не-е-ет — их же, кажется, проверяли, понимаешь, на... чистоту. И они прошли». (То есть это она знала.)

Пауза. Затем: «А в твоей семье были?»

«Мамочка, моя семья и есть твоя семья».

«Ах, да. — Пауза. — У меня когда-то были очень хорошие друзья-евреи».

Ходили упорные слухи, что Ева по меньшей мере дважды заступалась за мюнхенских евреев, и Гитлер пощадил их. Поскольку она училась только в католических школах, то речь вряд ли могла идти о прежних одноклассниках; возможно, это были знакомые родителей — какой-нибудь врач, например, доктор Маркс, в приемной которого Ильзе работала много лет до замужества. Мне не удалось отыскать надежный источник, под-

утверждающий такого рода информацию. Тем не менее Гленн Инфилд, не слишком компетентный, мягко говоря, исследователь жизни Евы и ее окружения, заявляет, что бывшая соседка семьи Браун — пожилая еврейка по имени Перл Скляр — говорила о Еве: «Очень добрая девочка. Она проводила много времени со мной, зная, что мне одиноко. Это было до того, как она познакомилась с Гитлером». (В таком случае Еве было лет пятнадцать: не тот возраст, в котором общительные девочки, пользующиеся успехом, тратят долгие часы, навещая одиноких старых дам.) Инфилд добавляет: «Она (Перл Скляр) уверена, что Ева спасла ей жизнь, потому что многие ее еврейские друзья из Мюнхена погибли в концлагерях». Достоверность этой истории, к сожалению, под большим вопросом.

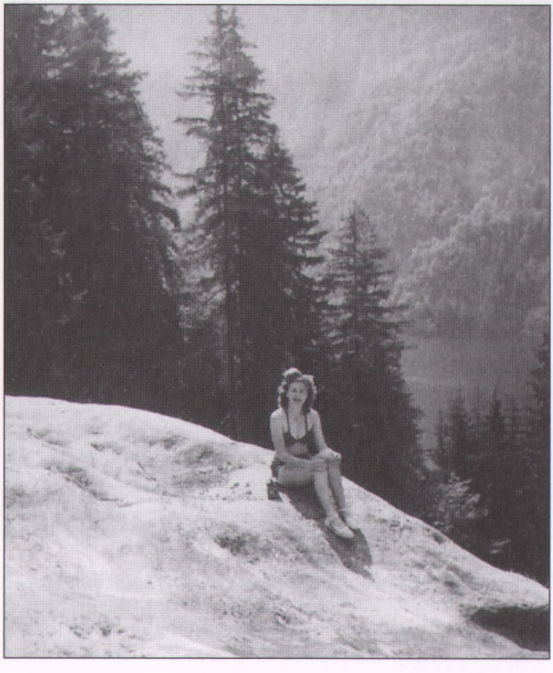
Гитта Серени, предоставляющая только проверенные сведения, склонялась к мнению, что Ева, вероятно, время от времени вступалась за евреев. «Я смутно помню, — говорила она, — что какой-то еврейский не то врач, не то ученый получил протекцию. Как-то раз, по словам Шпеера, ей удалось выпросить для кого-то почетное арийское гражданство, и, конечно, это была протекция, чистой воды протекция». И далее: «Говорю почти против воли, но просто для протокола: она, кроме того, помогала некоторым евреям в Баварии. В ее положении она могла это сделать — и делала. Ничего сверхъестественного, но, знаете ли, даже небольшая помощь тогда была существенна».

Гертрауд внесла свою лепту: «Когда дело касалось несправедливости по отношению к другим людям или нарушения их прав, она [Ева] умела твердо стоять на своем и добиваться желаемого». Но она же поведала историю, выставляющую Еву в дурном свете и показывающую, что она не намеревалась как-либо воздействовать на Гитлера:

Даже после 1940 года, несмотря на страшные события, захлестнувшие Европу, Ева продолжала резвиться на идиллических лугах в окрестностях Оберзальцберга. Подобно большинству немецких женщин, она мало знала об ужасах войны и ничего — о судьбе евреев и тех, кого нацисты заклеймили «недостойными жить». (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

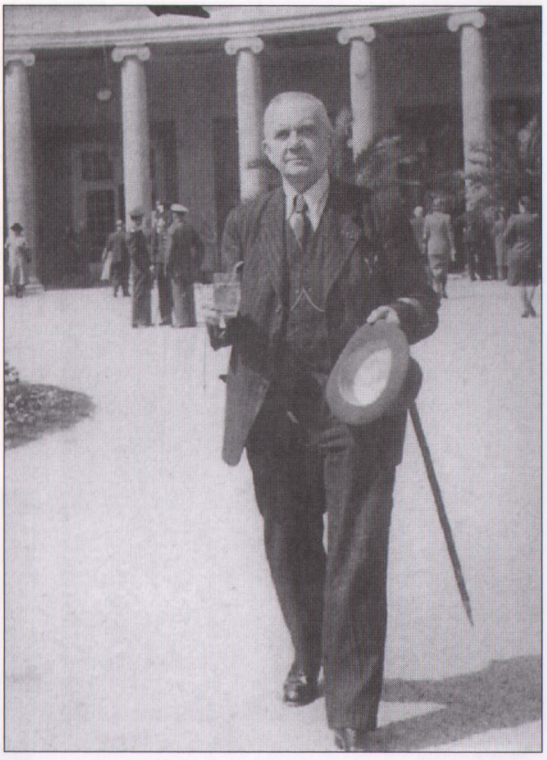
В традиционном баварском костюме Ева живописно расположилась на балюстраде Бергхофа, олицетворяя идеал женщины Гитлера — мягкой, скромной и простодушной. Нет только детей, которых она так хотела. Гитлер, боясь передать потомству свои ущербные гены, упорно отказывался заводить детей. (NARA)

Эта фотография, снятая в личном самолете, получила известность под названием «Красивый Гитлер», так как яркий свет над облаками удачно скрадывает мешки под глазами и морщины. Дату снимка точно установить невозможно. Ева подписала снимок: *Flug München — Berlin* («Рейс Мюнхен — Берлин»). (NARA)



Ева — дитя природы. Судя по ее длинным, свободно лежащим волосам, фотография сделана где-то в начале 1940-х годов. Гитлер был бы рад, если бы она не носила макияжа и не красила ногти, но на этот раз она решила не учитывать его мнение. (NARA)

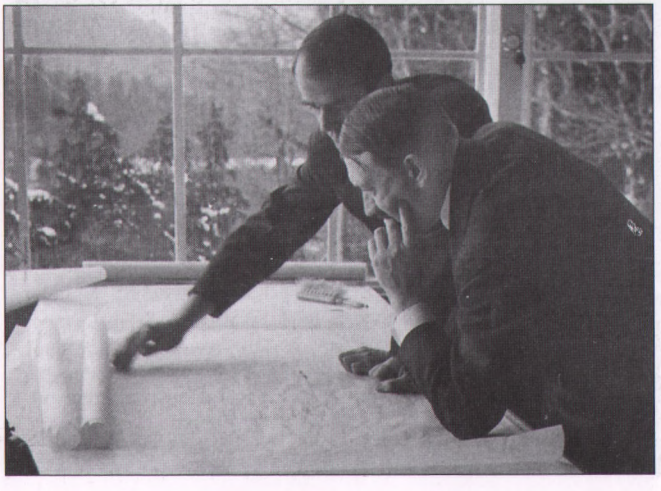
Мой дедушка Вильгельм Шрёдер в возрасте около 70 лет на минеральном курорте Бад-Зальцуфлен. Он, видимо, приезжал к моим родителям, жившим там в конце 1940-х годов. На этом снимке, сделанном, вероятно, уличным фотографом, он стоит перед изысканным зданием клуба, куда имели доступ исключительно британцы, в своем лучшем костюме с элегантной серой шляпой в одной руке и стаканом лимонада — в другой. (Коллекция Анжелы Ламберт)



Элизабет (Лиди) Нойберт, моя горячо любимая двоюродная бабушка. Я сделала этот снимок в 1980 году, когда последний раз навещала ее в Гамбурге. Она жила одна в крошечной квартирке, но оставалась веселой, доброй и никогда не жаловалась. Она никогда не была замужем, прожила нелегкую жизнь и перенесла немало испытаний во время войны, включая бомбардировку Гамбурга в июле 1943 года. Самая младшая среди своих братьев и сестер, которых было больше дюжины, она умерла в одиночестве в 1981 году — в возрасте 86 лет. (Коллекция Анжелы Ламберт)

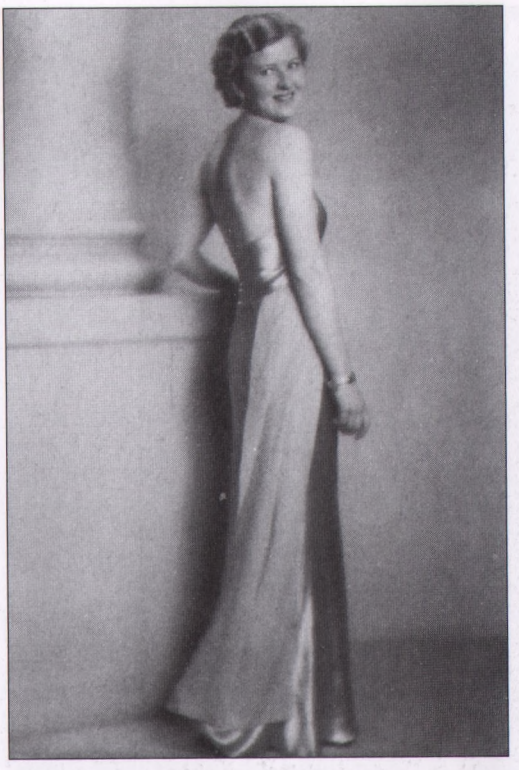
Ева под руку с Альбертом Шпеером. Их связывали тесные, но совершенно платонические отношения. Он был главным — после ее сестры Гретль — доверенным лицом и союзником Евы на «Горе». Во время своего последнего визита в бункер он изо всех сил старался убедить ее уехать, чтобы избежать гибели вместе с Гитлером, а после войны не раз говорил о ее доброте, мужестве и верности. (NARA)

Гитлер любил Шпеера (справа, на переднем плане) больше всех своих приверженцев за его аристократическую красоту, трудолюбие и архитектурные проекты, предназначенные превратить победоносный Берлин в город, ничем не уступающий древнему Риму. (NARA)

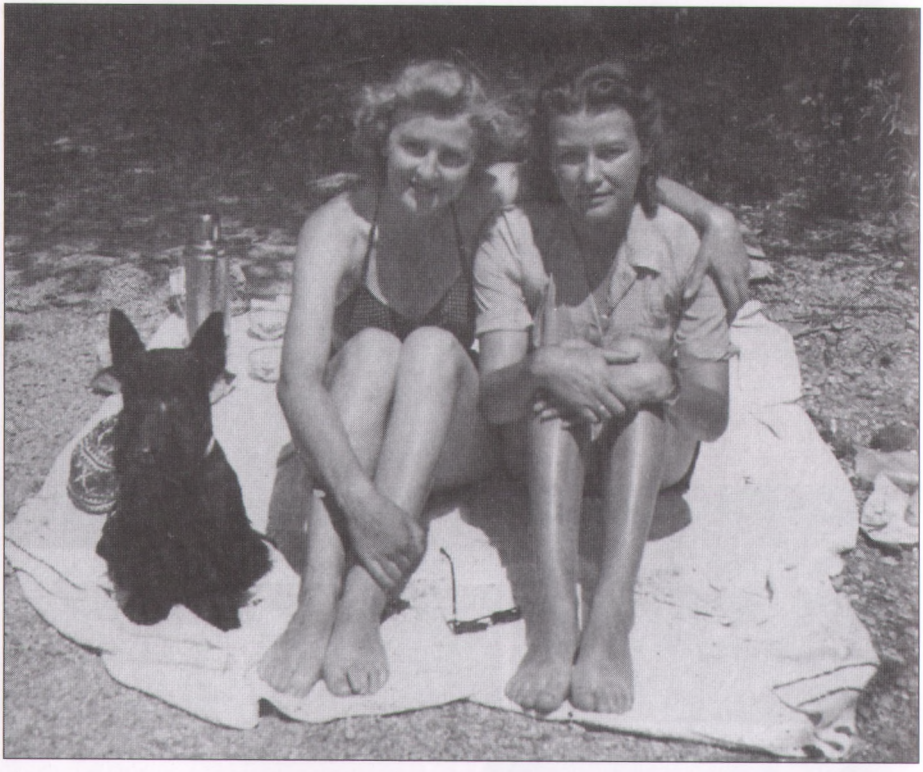


В кабинете Шпеера в Оберзальцберге в конце 1930-х годов Гитлер размышляет над грандиозными проектами. Шпеер стал его архитектором в 1934 году, в возрасте 29 лет. Его просторные, строгие здания воплощали представления Гитлера о Тысячелетнем рейхе. Гитлер и Шлеер были очень близки, но слухи об их гомосексуальной связи — полный вздор. (NARA)

Ева лелеяла мечту стать когда-нибудь кинозвездой и любила фотографироваться в эффектных позах в вечерних платьях. Она хотела, чтобы не Гофман, к которому она со временем прониклась глубокой неприязнью, а другие фотографы делали ее портреты. Этот (1944) — работы Антона Зама, успешного мюнхенского фотографа. Он запечатлел Еву стройной и элегантной, в белом — она часто выбирала белые платья для таких портретов, возможно, из подсознательного желания казаться для Гитлера похожей на невесту. (NARA)



На этом портрете работы Гофмана Ева выглядит более нежной и романтичной — такой, наверное, предпочитал ее Гитлер. Он поощрял страсть Евы к кинематографу и обещал, что после войны она сможет сыграть главную роль в фильме о собственной жизни. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

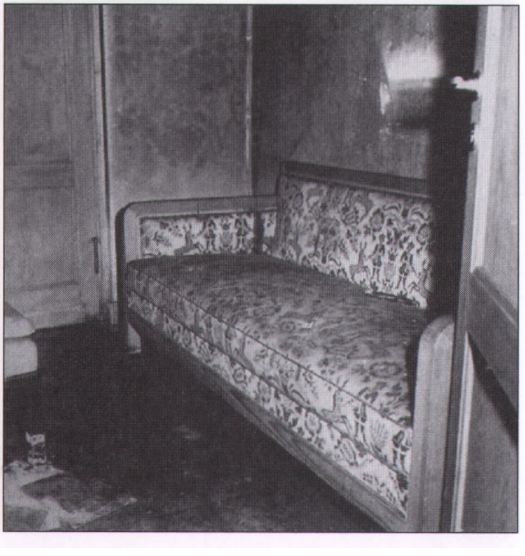


Ева и Герта Шнайдер (урожденная Остермайр) были подругами с 12 или 13 лет, с тех пор как познакомились в лицее. Их взаимная привязанность очевидна на этом снимке, сделанном на пикнике. Даже после замужества Герта со своими маленькими дочками — к которым Ева относилась как к своим, — проводила много времени в Бергхофе, когда ее муж был в отъезде по военным делам. Они, да еще два скотч-терьера были жизненно необходимы Еве, особенно после того, как Гретль вышла замуж, оставив сестру беззащитной перед колкостями и сплетнями нацистских матрон. Герта была намного серьезнее, и все же они сохраняли крепкую дружбу на протяжении 20 лет. Гитлер считал, что Герта положительно влияет на Еву. (NARA)

Трое музыкантов из оркестра СС поют для Евы серенаду на свадьбе Гретль. Судя по выражению ее лица, она скорее смущена, чем довольна. Согласно прежним обычаям, музыканты должны были бы быть цыганами, но к 1944 году все цыгане уже сидели в концлагерях — из них 800 тысяч погибли. Вряд ли Ева об этом знала. (Фотоагентство *Ullstein Bild*)

На этой фотографии, снятой на роскошной вечеринке после свадьбы Гретль, Ева танцует со своим зятем Германом Фегеляйном. Она отлично танцевала, хотя никогда не делала этого в присутствии Гитлера. Он запрещал ей танцевать, но не из ревности, а, скорее всего, просто потому, что сам не умел. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)

Ева в костюме «дирндль» и Гитлер — возможно, во время последнего его приезда в Бергхоф в июле 1944 года. Она кажется пополневшей, он сутулится сильнее, чем прежде. Они держатся как близкие люди и не скрывают своих отношений. Более не любовники, они стали верными спутниками. Гитлер в конце концов поверил в ее любовь. Он нуждался в утешении и поддержке, которые могла дать ему только Ева. (Государственная библиотека Баварии, Мюнхен)



Диван в берлинском бункере, на котором Гитлер и Ева Браун покончили с собой 30 апреля 1945 года. Она проглотила цианистый калий, он выстрелил себе в голову. Свидетели, видевшие ее перед смертью, единодушно утверждали, что она выбрала свою судьбу добровольно, не поддавшись на уговоры покинуть осажденный город. В последние дни Гитлер с горечью сказал: «Только фрейлейн Браун и Блонди остались мне верны». (Фотоагентство *Getty Images*)

У нас была тетя, монахиня, а войска в то время занимали монастыри, так что тетя спросила Еву:

«Не могла бы ты помочь нам остаться в монастыре?»

И знаете, что Ева ответила?

«Отрастите волосы».

Она имела в виду: если вам придется покинуть монастырь, то так никто не догадается, что вы монахиня. Она не имела влияния и не пыталась за него бороться.

С другой стороны, Фанни Браун на перекрестном допросе после войны не упоминала об этом эпизоде, хотя он затрагивает ее сестру Анни, но осуждала дочь за то, что та не сделала большего для гонимых евреев. «В конце концов, каждая женщина имеет известную власть, если она так близка с мужчиной, как Ева с Гитлером, и ей следовало повлиять на него, *когда он, как она знала, поступал дурно* [курсив мой. – А.Л.]».

О людях нужно судить с учетом их эпохи и ее нравов. Как подчеркнул Ричард Эванс, легко быть мудрыми задним числом. Наше сознание способно терпеть и игнорировать самые невообразимые страдания, если они не происходят непосредственно у нас на глазах. Расизм отнюдь не исчез, и жажда мести все еще сильна. Моральные устои и модели поведения изменились меньше, чем нам хотелось бы верить. Многие в современном мире террористов-смертников считают нормальным, что за американскими и британскими мусульманами – которые чаще всего виновны только в том, что исповедуют непопулярную религию, – ведется тайное наблюдение и что их почти без разбору бросают в лагеря до победы в «войне с терроризмом». Многие считают, что допустимо принуждать этих людей к тяжелому труду, возможно, с ограничениями в пище и в далеко не комфортных условиях проживания. Многие пошли бы дальше, приговаривая к физическому

и психологическому наказанию тех, кто пытался сопротивляться или бежать. Сколько политических маньяков и религиозных фанатиков утверждают, что если подобное обращение не преподаст урок «тюрбанам», то их надо морить голодом, пытать, унижать, фотографируя при этом, и даже казнить, дабы обеспечить безопасность добрым христианам в родной стране? «Рассматривать отдельных индивидуумов возможно только в контексте слабостей и пороков их времени... человеческие существа не могут существовать и подвергаться суду в отрыве от взрастившей их среды», — говорит Гитта Серени.

Любой приговор Еве — это приговор немецкому народу в миниатюре. Должна ли целая нация — и ее потомки во втором, третьем и четвертом поколении — разделять общую вину, неосведомленные вовсе наряду с полностью осведомленными? Неужели быть *немцем* — само по себе преступление? 26 августа 1941 года Гельмут фон Мольтке пророчески написал своей жене:

> Что будет, когда эта нация полностью осознает, что война проиграна, причем проиграна совсем иначе, чем первая? *С кровавой виной, что не смоется и не забудется до конца наших дней*, с разрушенной до основания экономикой? Сумеют ли люди принять возмездие, покаяться и, таким образом, набраться постепенно новых жизненных сил? Или же все потонет в хаосе?

Страна не «потонула в хаосе», но на многих ее жителях все еще лежит «кровавая вина».

Когда в 1945 году Вторая мировая война закончилась, на Германию опустилась завеса молчания. Никто не почтил, пылая праведным гневом, память шестисот тысяч погибших от воздушных налетов, как в Великобритании (новый собор в Ковентри) и в Испании («Герника» Пикас-

со). Агрессия Германии привела к уничтожению ее городов, и немцы чувствовали, что им некого винить, кроме самих себя. Информация о Холокосте и обстоятельствах гибели евреев всплыла почти сразу же — первый рассказ очевидца о Дахау и Бухенвальде был опубликован в 1943 году, — хотя, конечно, не в Германии. Негласное табу долго не позволяло писателям и романистам рассказывать о катастрофических последствиях войны для рядовых немцев. Ведущий немецкий романист военного поколения Гюнтер Грасс назвал это «комплексом подавления». Его роман «Траектория краба», вышедший в 2002 году, произвел фурор, так как почти через шестьдесят лет после войны Грасс одним из первых среди немецких писателей отрицал несмываемый позор, якобы навеки заклеймивший его и его соотечественников: «Ни в коем случае не должно было мое поколение молчать о своих бедах только оттого, что годами на первом месте стояла потребность нести ответственность и выказывать раскаяние. В результате мы оставили этот вопрос правому крылу. Непростительная ошибка».

Лишь шестьдесят лет спустя немцы начинали осознавать, что они тоже были жертвами. Один летчик Люфтваффе сказал после войны: «Войну, как правило, развязывают слабые или духовно ущербные люди, но сражения и лишения выпадают на долю порядочных». Вопросы, поставленные фон Мольтке, до сих пор бурно обсуждаются многими, от студентов и философов до политиков и расистов, но больше всего — внуками и правнуками немцев и немок, работавших на конвейер массового уничтожения. На их жизни Черные События все еще отбрасывают тень.

Глава 24

Что сделал Гитлер

Оберзальцберг — единственная Утопия, которую Гитлер мог лелеять и хранить: его идеал, его вдохновение, его «потемкинская деревня», наколдованная для себя и своих близких — прежде всего для Евы. Она в свою очередь берегла для него эту святыню, столь далекую от невзгод военного времени, хотя чем дольше шли бои, тем реже он возвращался «домой». К 1942 году Ева стала уравновешенной тридцатилетней женщиной, куда мудрее и серьезнее взбалмошной девчонки из магазина, с которой Гитлер некогда познакомился. Десять лет она прожила с ним бок о бок, и теперь, переступив порог пятидесятилетия, он почти против воли начал впадать в зависимость от ее любви. Хотя до сих пор не мог заставить себя проявлять свою привязанность на людях — то есть в тесном кругу избранных, — потому, возможно, что чувствовал их постоянное неодобрение. Он вел себя с ней галантно, как со всеми женщинами вплоть до поварихи, но всегда очень сдержанно.

К сражениям Ева относилась с поразительной наивностью. Алоис Винбауэр говорит:

> В победах вермахта она видела личный триумф Гитлера и приходила чуть ли не в экстаз от радости; поражения же составляли часть коварного заговора против ее ненаглядного возлюбленного. Но тот, кто спешил к ней в Оберзальцберг, изменился. Она рассказывала своей кузине Гертрауд

об их долгих прогулках наедине и бесцельных разговорах о погоде и о собаках и как он под конец останавливался и смотрел вдаль невидящим взором. Рассказывала и о тягостных вечерах за просмотром фильмов, и о бессонных ночах, исполненных мучительной тревоги.

Часто говорят, что Гитлер отдавал приказы нечетко, предоставляя другим истолковывать их по-своему, предпочитая не вдаваться в детали и не наблюдать последствия лично. (Однако Альберт Шпеер с этим не согласен: «Не думаю, чтобы он особенно занимался техническими аспектами, но решения, в том числе о замене расстрелов газовыми камерами, принадлежали ему по той простой причине, что — как мне, увы, хорошо известно — ни одно важное действие не предпринималось без его одобрения».) Криста Шрёдер, старший секретарь фюрера, утверждает в мемуарах: «Всегда найдутся такие, кто скажет: все варварство совершалось без ведома Гитлера. Я точно знаю, что Гиммлер подробно докладывал Гитлеру о происходящем в лагерях. Он считал эти зверства необходимыми для своего режима». Большинство лагерей уничтожения располагалось в Польше, отчасти потому, что большинство истребленных евреев — три с половиной миллиона — были польского происхождения, но также и с целью уберечь местное немецкое население от лишнего стресса (надо полагать, от лицезрения непрерывно прибывающих изможденных узников и от запаха горящей плоти). В редкие моменты, когда личный поезд Гитлера проезжал мимо лагеря, он распоряжался опустить жалюзи на окнах. Игнорирование неприглядных фактов является прерогативой диктатора, которой он любезно делится с окружающими его женщинами.

Немецкие обыватели тоже старались держаться подальше от грохочущих железных гусениц, направляющих-

ся в «трудовые лагеря» по всей Европе. Евреев, большевиков, цыган, свидетелей Иеговы, гомосексуалистов — всех заталкивали в поезда, стоящие на путях, ведущих к Черным Событиям, запирая двери вагонов на засовы, завинчивающиеся сверху болтами. За время войны две из шестидесяти тысяч железнодорожных составов Германии были отведены для подобных перевозок. Начиная с весны 1942 года несметное количество людей задохнулось в газовых камерах, и концентрационные лагеря кишели скелетообразными существами, в буквальном смысле заработавшимися до смерти. Очень немногие гражданские лица имели точные сведения, еще меньше тех, кто все еще пытался разобраться в *чем-то*, что наводняло их сознание новыми, неприятными догадками — о чем?

Сами евреи тоже не всегда оставались бессловесными жертвами, покорившимися судьбе. Некоторые проявляли необыкновенное мужество и достоинство. Один раввин, прибывший в Собибор, отказался верить успокоительным речам, которыми встречали евреев во избежание массовой истерии. Зажав в кулаке горсть песка, он произнес: «Видите, как песчинка за песчинкой просачивается сквозь мои пальцы и ветер уносит их? То же будет с вами. Вся ваша великая империя рассеется, как пыль, как клуб дыма». Его пристрелили на месте. Трогательнее всего прозвучали слова еврейской девочки лет пяти, когда надсмотрщик грубо схватил ее годовалого братишку: «Уберите от моего милого братика ваши руки, с них кровь капает. Я теперь ему мама, и умрет он у меня на руках, вместе со мной!»

На конференции в Ваннзее 20 января 1942 года — проведенной, что интересно, без фюрера — Рейнхард Гейдрих, которому Геринг поручил принять все необходимые меры по избавлению Европы от евреев, заявил, что на Востоке они будут заморены голодом или непосильным трудом, а выжившие — уничтожены «более прямыми способами».

То, что в Западной Европе приходилось делать тайком, под покровом ночи, на Востоке можно было творить без оглядки на чувствительность местных жителей.

К лету 1941 года военные действия в Советском Союзе стали использоваться как предлог для этнических убийств. Послание Гитлера гласило: «Что ведет к успеху, то правильно. Щепетильность – преступление против немецкого народа... Ни один немец, принимающий участие в операциях, не несет ответственности за совершение насилия, ни с дисциплинарной, ни с юридической точки зрения». Сражение с врагом – само по себе варварское действо, но немецкие войска сопровождали его немыслимыми бесчинствами. Беспробудно пьяные солдаты вешали, насиловали, расстреливали и пытали мирных жителей. Тысячи фотографий запечатлели массовые казни через повешение, расстрелы подозреваемых в партизанстве. Тела их разложены, словно добыча веселой аристократической компании, заснятая на память об удачной охоте. Палачи тупо пялятся в объектив, не испытывая, похоже, ни отвращения, ни потрясения. Если на их лицах что-то и написано, так это страстное желание увековечить нечто из ряда вон выходящее, мгновение своей абсолютной власти над другими человеческими существами. Гитлер отказывался признавать жестокость своих солдат, которая, по мере их продвижения на Восток, становилась все отвратительнее.

На другом фронте голод сводил желудки. К сентябрю 1941 года три миллиона ленинградцев оказались в западне. Блокада длилась девятьсот дней. Бомбы и снаряды ливнем низвергались на город. В ноябре погибли 11 тысяч человек, в декабре – 52 тысячи, в январе 1942 года умирали по три-четыре тысячи в день, по большей части от голода. Многие убивали и съедали своих кошек и собак, делая из меха перчатки, пока не извели всех съедобных животных. Остался только жалкий ежедневный паек «хлеба», вы-

печенного, как правило, из муки и опилок. Все страдали от голода и мороза. Тела, когда их вообще хоронили, а не оставляли валяться на морозе прямо на улицах, сбрасывали в общие могилы. Целые семейства, больше шестисот тысяч человек, сгинули, прежде чем блокада была прорвана в 1944 году. Европа напоминала Содом и Гоморру. Немецкие солдаты, матросы и летчики умирали сотнями тысяч, гражданские немцы начинали страдать от дефицита одежды, пищи и необходимых благ, таких, как электричество и вода. Но худшее было еще впереди.

Теперь Гитлер решил взяться за Сталинград. Как и при операции «Барбаросса», он значительно недооценил способность Советского Союза к упорному сопротивлению, а также талант военачальника, в коем Сталин намного превосходил его самого. В августе 1942 года Жуков, единственный русский генерал, ни разу не потерпевший поражения, получил приказ возглавить оборону Сталинграда. 14 октября Гитлер распорядился начинать вторую, «заключительную» атаку, но в тяжелом бою Красная Армия отстояла город и 17 ноября пошла в контрнаступление. К концу ноября четверть миллиона голодающих и замерзающих немецких солдат очутились в ловушке в осажденном советскими войсками городе. Как всегда, Гитлер отказался признать поражение. Он приказал Паулюсу, командующему немецкой армией, держать оборону, обещая прислать подкрепление. Подкрепление так и не подошло. Фельдмаршал Паулюс сказал: «Мы больше не можем удерживать позиции, наши люди падают от истощения. Мы уже съели последних лошадей». Не прошло и недели, как Шестая немецкая армия попала в окружение, и в конце января 1943 года Паулюс — вопреки особому приказу Гитлера — был вынужден сдаться. Триста тысяч немецких солдат погибли. Это была самая крупная победа России, и с нею кровавая русская буря стала неотвратимо надвигаться на Германию.

Двадцатого сентября 1942 года Бомбардировщик Харрис организовал первый серьезный воздушный налет на Мюнхен, в котором участвовали 68 бомбардировщиков. 140 человек погибли, больше 400 получили ранения. Город впервые подвергся нападению, пусть и относительно безобидному по сравнению с другими городами на севере, но повреждений было достаточно. Людвиг Розенбергер, житель Мюнхена, записал в своем дневнике: «Взрывная волна оглушила нас, британские самолеты жужжали над нашими крышами, как гигантские шершни. На целый час воцарился кромешный ад». Гитлер в то время находился в восточном штабе «Оборотень», а Ева в Бергхофе, так что, хотя она и волновалась за своих друзей в Мюнхене, он мог быть спокоен *за нее*. Но ночью с 9 на 10 марта 1943 года на город обрушилась массированная атака, стоившая жизни 205 человекам, изуродовавшая в два раза больше, оставившая почти 9 тысяч без крова или контуженными. Пострадавшие собирали остатки домашней утвари среди обломков, у них не осталось ничего, кроме разодранной, запыленной одежды на теле. Ева снова была в Бергхофе, но окажись она в городе, ее защитил бы личный бункер, построенный за ее домом в 1938 году, — если бы она успела в нем укрыться. Гитлер брюзжал, что не успела бы. Ева понимала, что гордость не позволяет ему обнаружить свою зависимость от нее. Как же, он, гений, какой является миру раз в тысячелетие (по его твердому убеждению), — и зависим от *женщины*? Однако его секретарши замечали, как он опасался за ее жизнь во время воздушных налетов на Мюнхен.

Каждый раз, когда Мюнхену угрожала атака с воздуха, Гитлер становился беспокоен, словно лев в клетке, дожидаясь, когда же можно будет поговорить с Евой по телефону. Его тревога почти всегда оказывалась напрасной, хотя однаж-

ды ее дом пострадал, а несколько соседних загорелись. Весь день он говорил о мужестве Евы: «Она отказывалась идти в укрытие, сколько я ее ни уговаривал. Однажды этот маленький домик обрушится, как карточный. И в мою квартиру она ехать не желала, хотя там бы ей ничто не угрожало. Наконец, она позволила мне построить маленький бункер за домом, но теперь только приглашает туда соседей, а сама бежит на крышу смотреть, не падают ли зажигательные бомбы». [Траудль Юнге, «До смертного часа»]

В марте 1943 года Гитлер вернулся из ставки под Винницей на Украине в «Волчье логово». Сталинградская катастрофа и поражение в Северной Африке подорвали как его дух, так и физическое здоровье. К весне его состояние резко ухудшилось, он сильно переутомился. Напряжение, вызванное войной, которая всем, кроме фюрера, казалась все более и более безнадежной, давало о себе знать: «Его память ослабевала, душевный и физический недуг изменил его до неузнаваемости... Он превратился в угасающего старика, доктора прописали ему стимулянты интелан и тонофосфан и антидепрессант прокрастин». Даже по телефону Ева улавливала произошедшую в нем перемену. Она жаждала заполучить его к себе в Оберзальцберг, где могла бы восстановить его энергию с помощью свежей пищи, чистого воздуха и упражнений. В «Волчьем логове» он был лишен всего этого. По воспоминаниям доктора Морелля, он часто по нескольку дней не ступал за порог.

Для полного удовлетворения его натура требовала как эпической — будь это альпийские пейзажи или масштабные кампании, — так и тривиальной составляющих жизни. Бросаясь в одну крайность, он вел сразу на нескольких фронтах сухопутные, морские и воздушные сражения, предназначенные установить немецкое господство в Европе на ближайшее тысячелетие. И он же, со всей сво-

ей манией величия, тянулся к домашнему уюту, любящей женщине, именинному столу, заваленному открытками, цветами и подарками. Наедине с Евой в ее комнатах, откинувшись на мягкие подушки, Гитлер мог позволить себе искать ласки и сочувствия. После недели-двух нежного воркования он начинал расслабляться, мило болтать о пустяках с женщинами, ходить в Чайный домик, слушать пластинки или рассказывать истории вечерами у камина. Иной раз он с отсутствующим видом замирал в своем кресле и внезапно казался очень старым и усталым. Ева Браун выглядела печальной и встревоженной. Она, как никогда, выбивалась из сил, чтобы развлечь Гитлера и гостей, подбодрить их, вовлечь в обсуждение сплетен, не имеющих отношения к войне.

В апреле 1943 года, когда Гитлер немного отдохнул и воспрял духом, в расположенном неподалеку загородном доме, именуемом «Замок Клессхайм», начались приготовления к важному государственному визиту. Ожидали почетного гостя – Муссолини. (Траудль Юнге помнит, как в момент прибытия гостей она бежала по коридору, жуя яблоко, и столкнулась с ними. Гитлер сказал: «Не стоит переживаний, дитя мое, король тоже всего лишь человек».) В мае он вернулся в «Волчье логово».

К 1943 году маршал британской авиации сэр Артур Харрис (Бомбардировщик) атаковал Германию с непревзойденной кровожадностью, преодолев первоначальные колебания общественного мнения и убедив самого себя и кабинет министров, что бомбить мирных жителей до полного подчинения – сравнительно гуманный путь к победе. В конце июля 1943 года, а точнее, с 25 июля по 2 августа девять дней и девять ночей длилась операция, метко окрещенная «Гоморра». Самолеты RAF атаковали ночью, военно-воздушные силы США – днем. В результате древ-

ний ганзейский порт Гамбурга был практически стерт с лица земли. Только за ночь 28 июля сорок тысяч человек канули в рукотворную преисподнюю, разорванные бомбами. Огненный шквал разрушил центр города на площади четырех квадратных миль, превратив его и реку Эльба в пламенеющее озеро, пожиравшее все, к чему прикасалось. Люди, здания, машины, животные, деревья, памятники, железнодорожные пути, фонарные столбы — ничто не могло выстоять против раскаленных смерчей, высасывающих кислород из воздуха. Тела плавились в огне или превращались в пепел, не оставляя бренного праха для похорон. Дым и пламя поднимались до самого неба. Не менее 200 тысяч человек погибли, и еще миллион жителей остались бездомными.

Нанесенный урон был столь велик, что даже Геббельс возмутился отказом Гитлера посетить город и подбодрить оставшихся в живых. В своем дневнике он записал: «Фюрер обязательно должен сделать это, несмотря на тяжкое бремя военных дел. Нельзя пренебрегать своим народом так долго». Но разумеется, он не посмел ничего сказать Гитлеру в лицо. Карл Отто Кауфман, гауляйтер Гамбурга и один из старейших членов партии, тоже умолял фюрера приехать, равно как и Шпеер. «Гитлер рассердился, когда я просил его ехать в Гамбург. Возможно, его раздражало, что на него оказывается давление и с другой стороны [то есть Кауфман]. Такой подход, по его мнению, не подобал его высокому положению. Он не объяснял причин своего отказа». Они могли бы и не утруждать себя просьбами. Нежелание фюрера своими глазами видеть причиняемые им страдания ни для кого не составляло секрета.

Мамины тетки и по меньшей мере одна из ее сестер вместе с моей больной пожилой бабушкой ютились в тесной квартирке в Альтоне, одном из наиболее пострадавших районов

Гамбурга. Однако я ни разу не слышала, чтобы они говорили о бомбежке, а ведь семилетние девочки очень внимательно слушают, когда взрослые начинают рассказывать жуткие истории. Моя немецкая бабушка некоторое время болела раком, но из-за глубоко засевшего в ней страха перед врачами и больницами отказывалась от всякого лечения, кроме самого простого ухода на дому. Она умерла 25 мая 1943 года дома в Гамбурге, за два месяца до того, как пламя охватило ее любимый город. Мама получила известие о ее смерти — в ежемесячном письме из двадцати пяти слов, посланном через Красный Крест, — только в августе. Остальные ее родственницы (сестры Ильзе и Трудль, тетушки Лиди и Анни) ночью 28 июля находились дома.

Я даже близко не могу себе представить, что им пришлось вынести, пока жители Гамбурга превращались в пепел, в известь, в обугленные черные остовы, получали страшные ожоги, задыхались, раздавленные и погребенные обломками зданий. Пока в самом сердце геенны огненной их поглощало озеро горящего масла, не оставлявшего за собой, точно как в Хиросиме, человеческих останков — ни единого тела, чтобы распознать его, похоронить, оплакать. Женщины, съежившиеся в своих комнатах или сгрудившиеся в бомбоубежище, что могло быть еще опаснее, пережили девять ночей бомбежки — шесть крупных воздушных налетов (четыре британских и два американских), которые гамбуржцы называют *die Katastrophe*, если вообще о них упоминают.

Должно быть, как раз в это время мой дедушка, для которого нормальная жизнь превратилась в далекий мираж, начал писать свои мемуары — не знаю только, до или после бомбежки, поскольку оригинал рукописи утерян. В 1943 году он мало что знал обо мне, кроме моего имени, но — возможно, из-за смерти бывшей жены — хотел оставить какую-то память о своей жизни для трехлетней девочки,

своей единственной внучки. Он думал, что не доживет до личной встречи с ней. Посвящение гласит: «Моей любимой внученьке Анжеле Марии, раз не могу подержать ее на руках». Он и представить себе не мог, что проживет еще шестнадцать лет и своими глазами убедится, что я унаследовала его характер и пошла в его породу.

В течение двух последних лет войны Гамбург лежал в руинах. Еды, а порой и воды, катастрофически не хватало. Моя тетя Трудль, как самая молодая и сильная, выходила по ночам из дома и бродила вдоль железнодорожных путей, по которым к Гамбургу подъезжали товарные поезда, в поисках картофелин или кусков угля, упавших (или сброшенных) с грузовых платформ по дороге. Все найденное она торопливо запихивала в мешок, взваливала на плечо и тащила домой матери, сестре и моим двоюродным бабушкам Лиди и Анни. Без этих ночных вылазок они умерли бы от голода или от холода в своей маленькой, неотапливаемой квартирке.

Я впервые посетила Гамбург в 1947 году, когда мне было шесть лет. Моя мать не виделась с родными лет восемь, не меньше. Через несколько месяцев после нашего приезда мамина старшая сестра и моя крестная Ильзе — высокая, умная и чрезвычайно нервная, чем-то похожая на свою тезку, старшую сестру Евы, — покончила с собой, наглотавшись таблеток. Она лежала на диване в коме и едва дышала, когда мама случайно зашла к ней домой. Дита немедленно вызвала врача, но тот, осмотрев пациентку, сказал: «Мужайтесь, она отходит». Столько смертей позади — что толку пытаться предотвратить еще одну? Мама и муж Ильзе — один из немногих, вернувшихся невредимыми с русского фронта — видимо, сидели вместе, глядя, как она умирает.

Я понятия не имею, как подействовала смерть старшей дочери на дедушку. Всю эту историю я услышала гораздо позже; такие вещи детям не рассказывают. Но она была

самой образованной и утонченной из девочек Шрёдер. Стройная, белокурая, элегантная — наверняка папина любимица. Хотя мне было всего семь лет, когда она умерла, я до сих пор отчетливо вижу ее внутренним взором. Возможно, этот образ, как многие детские воспоминания, взят с фотографий, а не из жизни. А может, и нет. Я уверена, что узнала бы ее в толпе. В ней было нечто очень особенное — *apart*, как говорят немцы: необычное, оригинальное.

Я была не по годам развита и уже воспринимала свою семью как отдельных личностей, а не как единое любящее целое. И, по правде говоря, тянулась к деду куда сильнее, чем к отцу. К 1948 году моя мать осталась его единственной кровной родственницей — печальные последствия бомбардировки Гамбурга. Ильзе покончила с собой; славная кругленькая Трудль, слабая здоровьем — несомненно, из-за лишений военных лет, — скончалась от болезни. Мама имела мало общего со своим отцом, и ее крайне возмущало его намерение жениться вновь, причем на молодой женщине (чего он так и не сделал). По мере того как он старел, она несколько смягчилась по отношению к нему, но даже в те годы, когда мы жили в Гамбурге, он редко приходил к нам в гости.

Сухие статистические данные не способны передать страшную правду или чудовищную перекличку смерти. *Один* — число, поддающееся осознанию, половина мира может биться в истерике из-за гибели одной женщины. Десять уже переходит границы личного траура. Возможно, три тысячи погибших в башнях-близнецах в сентябре 2001 года — наибольшее число, которое может охватить воображение, и, учитывая, что речь идет об американцах, оно не могло оставить мир равнодушным. Но кому под силу восстановить в нашей памяти море скорби, затопившее Гамбург, когда сорок тысяч его жителей были

уничтожены *за одну ночь?* Шесть миллионов истребленных евреев — символическая цифра, разум в ужасе отшатывается от нее. Кто-то может с этим справиться только через полное отрицание. Еву — нежную, наивную фантазерку, не наделенную проницательным духовным оком — жизнь уберегла от необходимости оплакивать больше чем одного: ее добрый друг, актер Хайни Хандшумахер, погиб во время воздушного налета на Мюнхен в апреле 1944 года. Его смерть рассердила и опечалила ее. Но поляки, советские военнопленные, три четверти миллиона цыган, гомосексуалисты, католические священники и *шесть миллионов евреев?* Немыслимо.

VI

Кульминация

Глава 25

Февраль 1944 – январь 1945: Ева и Гертрауд в Бергхофе

Гитлер обосновался в «Волчьем логове» в Восточной Пруссии на всю осень и зиму 1943 года, лишь в середине ноября устроив себе кратковременный отдых в Бергхофе. Он не приехал на Рождество... ни елки, ни свечей, ни пения «*Tannenbaum, o Tannenbaum!*», ни трогательной церемонии обмена подарками, сосредоточенной вокруг него, ни Евы, устраивающей искрометный зимний праздник. Вместо всего этого он безвылазно сидел в «Волчьем логове» и вернулся в Оберзальцберг только 23 февраля 1944 года, тяжелобольной и страдающий нервным истощением. В тесной и удушливой обстановке восточного штаба постоянное переутомление вновь сказалось на его физическом и моральном состоянии. Его врачи – несомненно, при активной поддержке Евы – настоятельно рекомендовали ему остаться в Бергхофе на несколько месяцев.

Пока тянулась зима, жизнь на «Горе», как и во всей Германии, делалась все более непредсказуемой. Напряжение вокруг Гитлера достигло невыносимого накала. Непрерывно обсуждался ход войны, ужины подавались поздно и продолжались до неприличия долго. Бесконечные потоки гостей и храбрые попытки Евы сохранять видимость веселья не могли скрыть всеобщей тревоги. Гитлер оставался в постели дольше обычного, и всем, кроме него самого, было ясно, что война оборачивается против Германии. Но чем

слабее он становился, тем упорнее твердил о своей неуязвимости. Вопреки множащимся признакам, указывающим на его неспособность рассуждать здраво и вести войну на нескольких фронтах, Гитлер отмахивался от советов своих генералов, убежденный, что только под его личным руководством Третий рейх восторжествует. Один из офицеров впоследствии вспоминал: «Совещания могли длиться от двух часов до бесконечности, в зависимости от настроения Гитлера. Он мнил себя великим стратегом и презирал опытных военных. Это существенно ослабляло армию». У него развился тремор левой руки и ноги «предположительно истерической природы», как пренебрежительно говорил доктор Морелль. Скорее всего, так проявлялись ранние симптомы болезни Паркинсона. Он все еще видел себя последним и величайшим из тевтонских рыцарей, ведущим своих воинов в тысячелетнее будущее Германии. Эта его вера никогда не угасала, делая его слепым и глухим к действительности.

С февраля 1944 года, когда они снова оказались вместе, Ева заметила, каким он стал вялым, нервным, раздражительным. Она умоляла Траудль Юнге сказать ей правду.

> Ева Браун вызвала меня на разговор.
>
> «Что со здоровьем фюрера, фрау Юнге? Не хочу спрашивать Морелля: я не выношу его и не доверяю ему. Я была потрясена, увидев фюрера. Он сделался такой старый и мрачный. Вы знаете, что его тревожит? Он не говорит со мной о таких вещах, но я начинаю подозревать худшее».

Но даже работавшая бок о бок с Гитлером Траудль не могла ей ничего сказать: «Вы знаете фюрера лучше меня».

Наступил апрель, но снегопад не прекращался. Наконец пришла весна, а с ней и вражеские самолеты, пролетающие прямо над Берхтесгаденом. Огромное бомбоубе-

жище Гитлера, уходящее на двадцать пять ступеней в глубь скалы под Бергхофом, соединялось с главной гостиной и было оборудовано всем необходимым для фюрера и его свиты. Гитлер боялся бомбардировок и ждал нападения американцев со дня на день. Он постоянно пытался загнать людей, особенно Еву, в бетонное укрытие, хотя сам туда спускаться не желал. Но несмотря на его настырность, мало кто принимал мысль об атаке на Бергхоф всерьез. Прятались все неохотнее. Гостей будили чуть ли не каждую ночь и заставляли собираться в промозглых, похожих на пещеры подземных комнатах. Самолеты, нацеленные на Вену или Венгрию, пролетали мимо, не нанося вреда. Когда Хайни Хандшумахер погиб в Мюнхене, Ева наплевала на приказы Гитлера и, настояв на своем, поехала на его похороны с Гертой и Гретль. Вернулась она потрясенная увиденным в городе. Для нее, как и для большинства мюнхенцев, это было первое непосредственное столкновение со смертью, разрушением и настоящим страданием, и Ева пришла в ужас. Гитлер выслушал ее с мрачным выражением лица и поклялся отомстить союзникам.

И все же время от времени Бергхоф озаряло веселье. Траудль Юнге вспоминает вечер накануне пятьдесят пятого дня рождения Гитлера:

> Мы все сидели вокруг камина, Гитлер — со своей любимицей Блонди. Он хвастался ее сообразительностью. Она выполнила несколько трюков, а затем продемонстрировала свой коронный номер. Гитлер сказал: «Блонди, пой!» и сам издал протяжное завывание. Собака подхватила на более высокой ноте, и чем больше Гитлер хвалил ее, тем лучше она пела. Иногда, когда у нее выходило слишком высоко, он говорил: «Ниже, Блонди, — пой, как Зара Леандер!» [популярная певица, известная своим глубоким контральто]. И тогда она испускала протяжный, томительный грудной

вой, как волчица. Почти весь вечер только и говорили что о собаке, словно это был *ее* день рождения.

«В жизни не видел такой умной собаки, честное слово», — умилялся Гитлер.

Ровно в полночь двери распахнулись и вошла вереница слуг с тележками, уставленными бутылками шампанского и бокалами. Каждый выпил по бокалу шампанского, кроме Гитлера, который потягивал сладкое белое вино. Как только пробило двенадцать, мы чокнулись, и все закричали: «Всего наилучшего, мой фюрер!» или «С днем рождения, мой фюрер!». Кто-то произнес речь, говоря, что самое важное сейчас — чтобы фюрер сохранял здоровье и силу для немецкого народа. Позже люди стали стекаться со всего Бергхофа, чтобы поздравить его, и целые сутки спиртное лилось рекой...

На следующий день, 20 апреля 1944 года, его день рождения отмечали так, будто ничего не случилось — ни голода, ни лагерей, ни ужасов, ни войны. Утром Гитлер сошел вниз раньше обычного, улыбаясь и качая головой при виде подарков. Все это было делом рук Евы. Она-то знала, как безумно ему хотелось, чтобы его окружали вниманием и баловали. На фотографиях он ласково улыбается ей и Гретль, Генриху Гофману, Отто Дитриху и необъятному Борману. Словно пятилетнему мальчику, ему приготовили именинный стол, заваленный цветами и подарками. Ева надела его любимое платье из темно-синего шелка, усыпанное блестками. Ее вкус сформировался, и она теперь умела выглядеть в своих нарядах шикарной женщиной, а не хорошенькой юной девочкой. Он выбрал кое-какие подарки (прелестную статуэтку девушки, деревянный кубок, вырезанный четырнадцатилетним мальчиком, и несколько детских рисунков) и стал показывать их Еве. Много было вышитых и вязаных вещиц, а также домашних пирогов,

шоколада и фруктов, присланных почитателями, которые, должно быть, использовали свои драгоценные талоны на еду. Большая часть этих незатейливых подношений отсылалась в больницы, детские приюты и дома престарелых, настолько Гитлера снедала паранойя. Пищу уничтожали на случай, если она отравлена. Гитлер утратил доверие к тем самым немецким домохозяйкам, что так долго поддерживали его своим страстным преклонением.

Гамбург уже обратился в прах, Дрезден ждала та же участь. Следующим на очереди был Мюнхен. Спустя несколько дней после свадьбы Гретль с Германом Фегеляйном, 9 и 13 июня, воздушные силы союзников нанесли свои самые сокрушительные на тот момент удары по изнуренным и деморализованным горожанам. Затем, в середине июля, последовали безостановочные атаки с воздуха. Более 3 тысяч человек погибли, и 200 тысяч остались без крыши над головой. Прекрасный барочный город был прицельно и беспощадно наказан за роль «средоточия нацизма». В конце лета 1944 года, когда десятки зданий и церквей были разгромлены и выпотрошены, искусствовед Вильгельм Хаузенштейн написал: «Город разрушен почти до основания. Неужели же его ядро останется в обломках и <...> поколению за поколением придется жить среди руин?» Никто уже не мог себе представить, что жизнь когда-нибудь снова наладится. Театры, кино, ночные клубы и концертные залы закрылись; пищевые пайки становились все скуднее, достать новую одежду практически не было возможности. Жители выглядели исхудавшими и потрепанными, голодными, усталыми и больными. Только свита Гитлера, а также его генералы, маршалы, министры, прихлебатели и все офицеры СС жили в достатке. Несчастный немецкий народ, измученный горем и лишениями, уже терял терпение. Возмездие нависало над фюрером и его соратниками по партии.

К 1944 году Ева с Гитлером достигли предела в развитии своих отношений. Она стала мудрой, временами печальной женщиной — без юношеского задора, зато добрее и вдумчивее, неподдельно внимательной к окружающим. В Чайном домике или по вечерам Гитлер теперь говорил меньше. Подчас, поникший в глубоком кресле, он выглядел усталым, разбитым стариком. Постоянное беспокойство о нем сказалось-таки на Еве: в июне доктор Морелль назначил ей внутривенные инъекции строфантина от давления (видимо, систолического) 110. Такой показатель, если он постоянный, может быть действительно тревожным знаком, так как означает пониженное давление, хотя одно измерение еще ни о чем не говорит. Постоянной диастолический показатель выше ста указывает на очень высокое давление, и это действительно причина для опасений. К счастью, ее сильный организм вскоре справился с недомоганием. Если не считать сильных менструальных болей, Ева за свою жизнь и дня не лежала больной. Но ведь ей было всего тридцать два года.

Непоколебимая преданность Евы и ее вера в Гитлера — некогда разделяемые пятьюдесятью миллионами немцев — способствовали тому, что он все больше нуждался в ней. Самые близкие к нему люди замечали, что он испытывал к Еве Браун нечто гораздо большее, чем просто привязанность. Как любая нормальная пара, они тосковали друг без друга в разлуке и утешали друг друга, находясь рядом. Внутри загадочного круга их отношений Ева зависела от него в плане насущных благ и удобств, но и он не меньше полагался на нее, на ее неизменную поддержку. Диктатор, психопат, душегуб... да, Гитлер был таков, но, кроме того, жаждал любви. А по-настоящему любили его только Ева и Блонди.

Четырнадцатого июля 1944 года Гитлер покинул Бергхоф навсегда. Он как будто чувствовал, что больше не вер-

нется в Оберзальцберг. В день отъезда он медленно обошел комнаты, внимательно рассматривая свои любимые картины и вещи, отмахиваясь от всякого, кто пытался сопровождать его. Он попрощался с Евой — в глубине души они, верно, боялись, что видятся в последний раз — и вернулся на личном самолете в «Волчье логово».

Ева — как всегда, когда Гитлер был не с ней, — бесцельно бродила по дому, ощущая себя покинутой, подавленной. Гретль, ее неразлучная тень на протяжении долгих лет, стала теперь замужней женщиной и уехала из Бергхофа, чтобы не расставаться с мужем. Ильзе в 1938 году вышла замуж за адвоката по фамилии Гофштеттер, с которым познакомилась в Берлине. Брак не сложился, и они развелись, но в 1944 году Ильзе снова вышла замуж и уехала жить в Бреслау[1]. Ева тосковала и беспокоилась, ненадолго утешаясь звонками любимого. О чем они могли говорить? Не о войне, особенно когда она так скверно оборачивалась для Германии, а светских бесед Гитлер никогда не вел. Они обменивались успокаивающими, ласковыми банальностями: он убеждался, что она в безопасности, она справлялась о его здоровье — ночь за ночью тот же искусственный диалог. Она волновалась за него, он волновался за нее, но, чтобы сказать об этом, много времени не требуется. Без сомнения, она говорила, что любит его и скучает по нему.

Больше всего Ева жаждала его присутствия, но когда он находился далеко, ей нужен был кто-то, кто утешал и развлекал бы ее, восхищался ее платьями и прической, сопровождал ее в долгих ежедневных прогулках по окрестностям Бергхофа. Союзник, которому можно пожаловаться на язвительных матрон, рассказать о кознях Бормана, признаться в недоверии к доктору Мореллю и его вечным пилюлям. Конечно, у Евы все еще были любимые собачки, черные

1 Теперь Вроцлав (Польша).

скотчтерьеры Штази и Негус. Они десять лет следовали за ней по пятам, выдерживали с ней утомительные походы по горным тропинкам и лаяли на ее портниху фрейлейн Хайзе, когда та приезжала из Берлина с новыми платьями. Но тогда как хозяйка могла говорить и говорила с собаками, они не умели отвечать ей. Круглые сутки находясь под наблюдением, подчинив свою жизнь капризам и приказам человека, скрывающего ее существование от внешнего мира и в то же время следящего за каждым ее движением, Ева понимала, что мало кому может доверять. Герта и ее маленькие дочки гостили в своей небольшой квартире по соседству. Большую часть лета они провели, гуляя по горам, купаясь в озере и наслаждаясь куда лучшей едой, чем продуктовые пайки в Мюнхене, но в любой момент муж Герты Эрвин мог получить увольнительную, и она тут же понеслась бы к нему. К тому же в основном она была занята детьми, и Ева снова оказывалась на втором месте.

Тут-то она и вспомнила о молодой кузине, которой помогла осознать свое женское начало в июле 1940 года, когда шестнадцатилетняя Гертрауд Винклер, единственная дочь сестры Фанни Паулы, провела часть летних каникул с ней и Гретль в домике на Вассербургерштрассе. Тогда война не продолжалась еще и года, на Мюнхен еще не сыпались бомбы, тетры и кинотеатры были открыты (для всех, кроме евреев), и в целом настроение царило приподнятое. К июлю 1944 года все изменилось, но Гертрауд вполне могла вырасти, стать умной, живой молодой женщиной, которая поделилась бы с Евой новостями о семье и внешнем мире. А Ева в ответ могла бы наставлять свою простушку-кузину, учить ее всяким тонкостям в нарядах и косметике, превратить ее в элегантную даму. Из нее вышла бы идеальная компаньонка.

Гертрауд Вейскер, урожденной Винклер, сейчас немного за восемьдесят. (Еве, будь она жива, в 2006 году испол-

нилось бы девяносто четыре.) Гертрауд родилась в августе 1923 года. Она единственный ребенок Паулы (одной из пяти дочерей Кронбургер) и Андреаса Винклера, так что приходится племянницей Фанни и двоюродной сестрой Еве. Йозефа — их с Евой общая бабушка. Только Ева знала и любила ее, а Гертрауд почти не помнит, поскольку ей было всего четыре года, когда Йозефа умерла. Фрау Вейскер, ее трое детей и их дети — последние живые потомки семьи Кронбургер, и Гертрауд, как никто другой, способна поведать о связанном тесными узами клане, внутри которого они с Евой выросли. Однако в сороковые годы, когда родство с Евой Браун считалось позорным и неприличным, перед помолвкой она обещала своему жениху хранить в тайне эти отношения и молчала пятьдесят лет. Но после смерти мужа кузина, годами слышавшая, как Еву очерняют и поносят, как ее изображают безнравственной, жестокосердной женщиной, твердо решила в точности восстановить историю семьи.

Рассказывая в 1998 году о том далеком лете, Гертрауд вспоминает:

> Как раз тогда Ева по совету тети Фанни пригласила меня в гости. Вскоре после свадьбы Гретль в июне 1944 года она позвонила мне домой, предложила приехать и пожить у нее, хотя с детства мы почти и не виделись. За последние четыре года мы не встречались, но все еще переписывались, так почему бы и нет? Еве пришлось собраться с духом, чтобы позвонить нам. Она хотела обсудить с моим отцом два вопроса. Во-первых, она предложила ему свой дом на Вассербургерштрассе, №12, всего за 30 тысяч рейхсмарок — сущие гроши! Отец и слушать не пожелал, сказав: «Ни за что я не куплю дом у Гитлера!»
>
> Ева пробовала уговаривать его, объясняя, что дом записан на ее имя, а не Гитлера. Но он остался непреклонен,

о чем я очень жалела. А потом, несмотря на его отказ, она спросила, можно ли мне погостить у нее. Первая реакция была проста и однозначна: «Исключено!»

Это стоило мне немалых ухищрений и слез, но в конце концов мне разрешили поехать. «Только в Мюнхен, никакого Оберзальцберга!» — подчеркнула моя мать.

Семья Винклер твердо придерживалась антинацистских взглядов, и Гертрауд росла политически ориентированной. Для нее Гитлер был обманщиком, которого ненавидел ее отец, состоявший в тайной оппозиции, хотя непокорность чуть не стоила ему жизни. Как они могли воспользоваться гостеприимством этого человека, принесшего Германии столько бед?

Как и вся семья, мой отец считал отношения Евы с диктатором чудовищными. Гитлера и так-то не одобряли, а уж тем более теперь, когда она, член семьи, больше не разделяла их позицию и вступила в связь с ним — в греховную и незаконную связь к тому же. И вот мне предстоит погрузиться в эту политическую и моральную трясину — мне, впечатлительной молодой девушке, восприимчивой к любого рода влиянию!

Гертрауд заявляет, что в Мюнхене у нее не осталось выбора. Ей пришлось нарушить запрет матери и отправиться под охраной с мюнхенского вокзала в Оберзальцберг.

Но когда я приехала в Мюнхен, стало ясно, что мне придется продолжить путь, что в городе меня никто не ждет. По громкоговорителю объявили, что мне следует обратиться к кому-то в Хольцкирхене, на выходе с вокзала. Там меня встретил молодой солдат, который приветствовал меня, поднеся руку к козырьку, и сообщил, что отвезет меня

в Оберзальцберг, где меня ждет кузина. Что мне оставалось делать? Развернуться и уехать, как трусихе, так и не повидав Еву? Я села в машину, но всю дорогу от Мюнхена до Берхтесгадена колебалась: остановить водителя или подавить угрызения совести? Я выбрала второе.

Шесть десятилетий спустя Гертрауд призналась: «Мне до сих пор стыдно за то, что я ослушалась отца».

Визит в Бергхоф начался неприятно. Весь персонал в Оберзальцберге и его окрестностях обязан был иметь при себе еженедельно обновляемый пропуск, подписанный Борманом или Раттенхубером. Отдельный пропуск требовался, чтобы пройти на Фюрерштрассе (улицу, где стоял большой дом Гитлера), его выдавали на восьмом караульном посту. Неприветливая, надо думать, получилась встреча. Гертрауд описывает чувство унижения от «беспардонности» эсэсовцев, копавшихся в ее багаже, пока не появилась какая-то добродушная женщина, которая повела ее вверх по лестнице в Бергхоф. Выяснилось, что фрейлейн Браун ушла купаться на озеро. Гертрауд пришлось ждать. Спустя какое-то время впорхнула Ева, загорелая и веселая, бросилась здороваться с кузиной и знакомить ее с Гертой Шнайдер и ее дочками. (Значит, она все-таки была не одна в Бергхофе.)

Гертрауд не слишком изменилась за четыре года, прошедшие с их последней встречи. В двадцать один год она оставалась так наивна, что, несмотря на посещение школы для мальчиков, понятия не имела о житейских делах. «Моя жизнь была целиком посвящена учебе — с молодыми людьми меня ничто не связывало. Подобные вещи не представляли для меня интереса. Честное слово, мне даже любопытно не было — а если бы и было, кого мне спрашивать? Я бы постеснялась». По сей день она иногда отрицает, что Ева была любовницей Гитлера, утверждая: «Это

скорее походило на отношения отца и дочери». Впрочем, на том этапе секс играл для них незначительную роль, а то и вовсе никакой, так что она по-своему права. Однако их сопредельные апартаменты и соединенные проходом ванные комнаты должны были даже невинной школьнице недвусмысленно дать понять, что Ева дарила вождю не просто платоническую дружбу. Гертрауд и ее кузина не обсуждали ни половую жизнь, ни подозрительную близость спален Евы и фюрера. Они никогда не говорили о Гитлере, по словам Гертрауд, а уж тем более о природе их отношений. «Время было совсем иное, чем сейчас. Существовало немало запретных тем, даже между близкими родственниками. Я нипочем не стала бы спрашивать: ты любишь Гитлера? Уважение ставилось выше близости. Я знала, что она состоит в связи с ним, но не предполагала, что в половой». Благовоспитанные молодые женщины не касались в разговоре интимных сторон своей жизни, а ведь Гертрауд была очень молода.

На вопрос о ее впечатлениях и воспоминаниях о Гитлере ей нечего ответить. Она никогда не видела его, даже не слышала его голоса по телефону. Он обычно звонил между восемью и десятью часами вечера, чтобы заверить Еву, что с ним все в порядке, и послушать новости о незначительных повседневных делах, напоминающих о созданной им альпийской идиллии. Ева жила этими звонками. Если звонок запаздывал, она изводилась от беспокойства: «Он звонил ей раз в два-три дня, и разговоры с ним составляли смысл ее существования. Я чувствовала, что она совершенно опустошена. Она только и думала: когда же зазвонит телефон? В такие моменты я могла говорить что угодно, — полагает Гертрауд, — она все равно не слушала. Она только и делала, что сидела в напряженном ожидании, словно важнее этих звонков ничего на свете нет». Так оно и было, хотя Ева, чьи дни протекали в предсказуемом и однооб-

разном ритме, не могла поведать ему ничего нового. «Ева иногда спрашивала *меня*, что ему сказать, — продолжает Гертрауд. — Но я никогда не слышала их разговоров — об этом и речи быть не могло. Правила приличия в те дни очень отличались от нынешних. Если кому-то звонили по телефону, остальным полагалось выйти и закрыть за собой дверь, чтобы не подслушивать».

С другой стороны, телефонист Гитлера Альфонс Шульц иногда все же прислушивался:

> Каждый вечер около десяти часов нужно было набрать номер, чтобы он мог поговорить с Евой Браун. Всем категорически запрещалось слушать разговоры фюрера, которые по большей части выходили довольно скомканными. По телефону он [Гитлер] никогда не говорил как любовник, скорее как добрый друг, тогда как с ее стороны действительно чувствовалась беззаветная любовь. Как правило, она благодарила его за подарки (подозреваю, что их покупал Борман), а Гитлер отвечал: «Вот и славно, главное, что ты довольна. Я рад, что тебе понравилось. Так что веселись и ни о чем не волнуйся. Ну, до завтра...»

Вот и все их общение за день. Минут десять, должно быть, не больше.

Обе кузины погрузились в приятную, незатейливую рутину, чему способствовал почтальон из Оберзальцбурга, господин Цехмейстер.

> Мы вставали утром после восхода солнца, часов, может быть, в семь или в восемь. После завтрака, состоящего из булочек, повидла и кофе, мы ждали почтовый фургон, который приезжал четыре раза в день. Мы уезжали на нем, чтобы эсэсовцы не увязывались за нами. Все остальное время, даже когда мы собирали землянику, двое маячили у нас

за спиной. Я спрашивала Еву: «Они охраняют нас или следят за нами?» Но она говорила: «Не беспокойся... просто делай, как я: не обращай внимания».

(Кто-то — возможно, мать Гертрауд Паула — видимо, говорил с Алоисом Винбауэром, поскольку в своей семейной хронике он записал: «Когда Гитлер отлучался из Бергхофа, что в течение войны случалось все чаще, Борман и СС брали управление в свои руки, не забывая напоминать Еве о своей власти».)

Гертрауд продолжает вспоминать об их времяпрепровождении:

Захватив купальники и что-нибудь съестное, мы ждали у черного хода, где разгружался почтовый фургон, потом залезали в кузов и сидели на полу, вытянув ноги, пока он вез нас через Берхтесгаден к Кёнигзее. Еву нередко узнавали. Мы высаживались на берегу озера, брали маленькую лодку с веслами и плыли к красивому, уединенному местечку возле низвергающегося с горы водопада. С утра и почти до вечера мы находились одни в этом раю. Ни души поблизости, только мы, две молодые женщины, наши книги и закуски, солнце и вода. Обычно мы плавали или забирались на гору, к вершине водопада и мчались вниз с потоком воды. Если одна из нас хотела переплыть озеро, вторая сопровождала ее на лодке, чтобы помочь, если пловчиха выбьется из сил.

Их наивность действительно выглядит преступной. По всей Германии голодные и бесприютные люди страдали и умирали, жители разрушенных городов набирали воду из колонок, а Ева и ее кузина плескались и дурачились, словно мир пребывал в благоденствии. Окидывая взором холодные синие воды озера, они наслаждались отменной

едой и беседой: о доме, родителях и друзьях, но никогда — о Гитлере.

В конце августа 2004 года я ездила посмотреть на Кёнигзее (Королевское озеро) возле Берхтесгадена. Это длинная, узкая полоса воды глубиной 200 метров. Самое глубокое и чистое озеро в Германии расположено на дне долины и врезается наподобие фьорда между двух горных цепей. На западе возвышаются пики Ватцман (2713 метров) и Малый Ватцман (2307 метров), на которые открывался вид из Бергхофа. С восточной стороны другая цепь тянется от вершины Гроссес Тойфельхорн (Большой Рог Дьявола) до Йеннера и Высокого Гёлля. Я села в один из туристических корабликов, снующих туда-сюда по всей восьмикилометровой длине водоема. Солнце в тот день то выходило, то пряталось за облаками, так что от света и тени постоянно менялся цвет волн, скользящих меж покрытых лесами склонов и горных утесов. Озеро то искрилось и сверкало, то внезапно мрачнело. Неудивительно, что этот пейзаж с неровными, зазубренными вершинами и бездонным ледяным озером вдохновлял простодушных крестьян на создание мифов и легенд, в которых переплетались образы ведьм, демонов, святых, королей, королев и пяти королевских дочерей. Но в то же время место изобилует христианскими святынями: от часовни Святого Варфоломея двенадцатого века на западном берегу до усыпальниц и распятий с религиозными надписями и высеченных в камне мемориалов на скалах у самой воды в память об утонувших в какую-то давнюю бурю монахах и пилигримах. Подумать только, это полное суеверий и призраков озеро породило как безжалостную диктатуру Гитлера, так и ласковый домашний уют Евы.

На юге от Кёнигзее находится Оберзее, озеро поменьше, в котором особенно любила купаться Ева. Дойти до

него можно за пятнадцать минут по тропинке, усыпанной прохладной галькой, перешагивая через корни древних деревьев. Если вам повезет, отыщется и водопад, шумящий среди скалистых отрогов, настолько уединенный, что Ева плескалась в нем обнаженной. Кто бы сомневался, что эсэсовцы издалека настраивали на нее свои бинокли.

Гертрауд продолжает свой рассказ о том, как она гостила в Бергхофе и чем занималась там целыми днями:

В плохую погоду мы играли в настольные игры, чаще всего в игру под названием «Бимбо», где на карточках нарисованы буквы и цифры (как в скрэббле). Иногда засиживались до позднего вечера. Еще мы играли в баварский тарок, в *Mensch, ärgere dich nicht* (игра из детства Евы), в «Мельницу» (моррис с девятью шашками) и в уголки. Каждый день мы смотрели фильмы, как современные немецкие, так и старое немое кино, Ева его обожала. Мы с ней никогда не спорили — нет, минуточку, однажды только. У меня были чудесные туфли на высоких каблуках, но когда я в первый раз надела их, Ева сказала: «Ой, какая ты *высокая!* У тебя других нет?»

У меня были только еще одни, на пробковой подошве. Тогда горничная принесла корзину, из которой Ева выбрала пару белых туфель на совсем низких каблучках.

«Вот эти в самый раз для тебя!» — сказала она. Ей не хотелось выглядеть ниже меня.

Они играли в игры, играли с платьями Евы, как маленькие девочки, переодевающие вырезанных из картона кукол, слушали пластинки. Марлен Дитрих, которой некогда так восхищался Гитлер, пела теперь антифашистские песни для американцев, высмеивая фюрера и его продажную свиту. Каждый день походил на предыдущий под неусыпным надзором офицеров СС:

Их мир давил на меня. Но мне не давала покоя моя задача – вывести Еву из летаргии. Поэтому я не уезжала. Я хотела понять, что так привязало ее к этому человеку, хотела поддержать ее. Но она пребывала в глубокой депрессии, а я все-таки не врач. Мне стало ясно, что она пропала безвозвратно. Она была самой несчастной женщиной, что я когда-либо видела.

Ева поощряла кузину продолжать занятия. Гертрауд готовилась к защите диплома по физике в университете Йены.

Ева сама читала журналы мод, но настаивала, чтобы я готовилась к экзаменам. Мне кажется, некоторые люди в душе никогда не взрослеют, и Ева была из таких. Мой дядя Алоис говорил: «Ева – очаровательная девушка, живущая в зачарованном мире». Но он никогда не знал ее взрослой, только семи-восьмилетним ребенком. По-моему, ее часто понимали неправильно. Конечно, она скучала до смерти – я тоже, – оттого она и переодевалась несколько раз в день, и прическу все время меняла. В те вечера я многое узнала о моде. Иногда нас навещали подруги Евы Манди и Митци или Георг со своей сестрой Кати. Они проводили долгие часы за настольными играми. Ева показывала мне драгоценности, которые собиралась отдать мне: намек на то, что она уже решила лишить себя жизни, если война будет окончательно проиграна. Под конец она взглянула-таки в лицо действительности. Она была спокойна и, я уверена, сама сделала свой выбор.

Однажды ночью, когда они находились в Мюнхене, город подвергся длительной воздушной атаке. Девушки укрылись в подземном бомбоубежище за домиком на Вассербургерштрассе. Ева открыла один из двух сейфов и по-

дарила кузине кое-какие свои украшения, в том числе прелестное ожерелье из жемчуга и бриллиантов. Она сказала: «Траудль [так в семье ласково называли Гертрауд], эти ожерелье и браслет — тебе. Мне они больше не нужны. Береги их, смотри, чтоб не украли».

Точно неизвестно, сколько времени Гертрауд провела с Евой Браун в Бергхофе. Согласно ее собственным воспоминаниям, она приехала в конце июля, а уехала в начале января 1945 года. О Рождестве 1944-го она говорит: «Не могу вспомнить, преподносила ли я ей подарок. У меня не было возможности пройтись по магазинам, и я ни разу не ездила в Берхтесгаден. Так что, наверное, я подарила ей что-нибудь свое». Но ведь Гертрауд могла сделать покупки, когда они с Евой отправились в Мюнхен 16 декабря 1944 года. Другая версия гласит, что Ева провела Рождество либо у себя дома, либо с семьей, после чего покинула Мюнхен, чтобы отпраздновать Новый год с Гитлером в Берлине. Гертрауд заключает: «Я оставалась [где? В Бергхофе? В Мюнхене?] где-то до второго или третьего января, а потом мама вызвала меня домой, так как отец тяжело заболел. Я написала Еве благодарственное письмо, но ответа не получила. Больше я ее никогда не видела и не слышала».

Гертрауд — *единственная*, кто что-то знает о шести месяцах жизни Евы между провалом заговора фон Штауффенберга и Новым годом 1945-го, и кроме того, единственная живая родственница Евы. Точен ли ее рассказ о пребывании в Бергхофе, или же это мешанина из воспоминаний о реальном, но гораздо менее продолжительном визите, собственных фантазий и впечатлений от послевоенных рассказов обитателей Бергхофа, таких, как Траудль Юнге и Альберт Шпеер? Кузина Евы — здравомыслящая и честная женщина, не из тех, что способны лгать намеренно, но воспоминания пожилых людей об ушедших годах часто

приукрашены и повествуют скорее о том, что бы им *хотелось* считать своим прошлым, чем о том, что было на самом деле. Немецкая писательница Сибилла Кнаусс, поскольку действие ее книги «Кузина Евы» разворачивается в Бергхофе и охватывает эти последние месяцы, много разговаривала с Гертрауд и близко познакомилась с ней. Она принимает ее версию событий с одной лишь оговоркой: «У меня такое ощущение, будто Гертруда Вейскер бежала от него [своего прошлого] через повествование о нем. Это стало своего рода избавлением, но, по-моему, ей очень приятно находиться в центре внимания. Мне было бы вполне достаточно нескольких интервью, но она все никак не могла наговориться».

Утверждение фрау Вейскер, что она жила в Бергхофе полгода, решительно оспаривает Флориан Бейерль, увлеченный и эрудированный местный историк-любитель, досконально изучивший жизнь Гитлера в Оберзальцберге. Мы с ним беседовали за ужином в одной из многочисленных пивных Берхтесгадена чудесным августовским вечером. По вымощенной булыжником площади за окном прогуливались толпы туристов. Он уверял меня, что Гертрауд преувеличивает или просто плохо помнит подробности своих каникул в гостях у кузины. В разговоре с ним фрау Миттльштрассе (занявшая должность экономки в Бергхофе после ухода Дёринга и остававшаяся там до конца войны) неоднократно подчеркивала, что не помнит ничего об этом посещении и что Гертрауд никак не могла гостить целых шесть месяцев, иначе она бы ее запомнила. Честно говоря, добавила фрау Миттльштрассе, она вообще не припоминает подобной гостьи. По ее словам, к 1944 году от каждого обитателя Бергхофа, включая Еву Браун, требовали талоны на еду, и хотя повара договаривались с местными фермерами о закупке дополнительных пайков, фрау Миттльштрас-

се заявила, что кормить лишний рот столь долгое время не представлялось возможным. Тем не менее все в Бергхофе питались хорошо — по сравнению с остальным населением Германии уж точно. Их рацион пополнялся свежими фруктами из сада при кухне, яйцами от кур с собственной фермы, коровьим молоком оттуда же и рыбой из озера. И разве не могла Гертрауд привезти свои талоны из Йены? И не может ли быть, что это у фрау Миттльштрассе, а не у нее начались провалы в памяти пятьдесят лет спустя?

Дальше господин Бейерль предположил, что фрау Вейскер не сумеет найти дорогу в Чайный домик, хотя, по ее словам, они с Евой ходили туда чуть ли не каждый день. (Даже если это правда, некоторое замешательство простительно: само здание разрушено почти до основания, а горный склон, на котором оно стояло, зарос высокими деревьями, да и тропинка давно исчезла, так что и прежний завсегдатай не отыскал бы место без затруднений.) С другой стороны, Марион Милн, режиссер отмеченного наградой фильма «Адольф и Ева», проведшая немало часов в обществе Гертрауд, сказала:

> Конечно, когда мы пришли с ней к Чайному домику, она совершенно искренне волновалась. Тяжело видеть часть своего прошлого в обломках. Ее реакция мне показалась непритворной: ясное представление о расположении Чайного домика (она вела нас туда в сопровождении камер, кативших за нами по пятам), ощущение прохождения заново некогда хорошо знакомого пути, но вместе с тем и разочарованное потрясение, когда мы очутились на месте. Ее больше трогали воспоминания о прожитом, чем созерцание запущенных старых развалин в холодном свете дня. И, судя по ее виду, она вовсе не выдумывала и не изображала свои чувства и эмоции.

Марион добавила: «Я все время чувствовала, что она говорит правду, но, может быть, чуть-чуть путается в воспоминаниях, вносит некоторую двусмысленность в детали и факты, слегка приукрашивая истину, чтобы представить Еву в лучшем свете». Она подчеркивает, что в архивах хранится пленка, запечатлевшая обеих кузин в купальниках на берегу Кёнигзее. Значит, Гертрауд определенно была там, пусть и не так долго, как говорит. Фотография, снятая ее отцом, на которой Гертрауд сидит за столиком уличного кафе в Йене, подписана «Гертрауд, лето 1944». Поскольку обе датировки неточные, головоломка остается в силе.

С 2001 по 2005 год, через шестьдесят лет после того, как она скрашивала одиночество Евы в Бергхофе, я посещала фрау Вейскер несколько раз и подробно расспрашивала. Во время первой встречи меня приятно удивили ее энергия и живость. В восемьдесят с небольшим лет она была — и остается — умной женщиной, способной ясно излагать свои мысли. И события тех лет она помнит в мельчайших деталях. Возможно, потому, что ей так долго пришлось держать воспоминания при себе. Но она хотела во что бы то ни стало восстановить доброе имя безбожно оклеветанной кузины, и не исключено, что это порой вынуждало ее поступиться истиной. Ее ненависть к человеку, погубившему жизнь Евы — и миллионов других людей, — не уступает ее преданности двоюродной сестре. Не сказать, чтобы она сознательно преувеличивала продолжительность своего пребывания в Бергхофе. Но в какой-то момент она точно была там, причем достаточно долго, чтобы, независимо от действительного срока, составить о привилегированном, но вместе с тем унылом существовании Евы полное впечатление и поделиться им. В ее памяти сохранился живой и печальный образ кузины — здоровой и сильной молодой женщины чуть за тридцать, но без мужа, детей, любовника, половой жизни и собственной семьи, упакованной

в блестящую обертку и третируемой ведьмами Оберзальцберга. Гертрауд придает лишениям Евы гораздо больше значения, чем окружавшей ее бессмысленной роскоши.

На мой взгляд, история фрау Вейскер звучит по большому счету правдиво. Возможно, она чрезмерно подчеркивает свою близость с Евой — учитывая, что та была на двенадцать лет старше: значительная разница, когда одной женщине тридцать два, а другой, наивной и возвышенной, всего двадцать один. Но последней живой родственнице это вполне можно простить. В целом я ей поверила, и она подкрепила сказанное многочисленными доказательствами. Она откопала подаренные ей Евой безделушки: дешевую коробочку ярких оранжево-розовых румян *Coryse Salomé* (видимо, Гитлер или кто-то из его подчиненных привез ее для Евы из Парижа, что странно, поскольку он терпеть не мог накрашенных женщин, но из-за ужасного цвета она явно этими румянами не пользовалась) и набор для туалетного столика — не из настоящего серебра, а посеребренный, потускневший от времени и местами потертый. И вытащила семейный фотоальбом. Мать Гертрауд Паула когда-то так разозлилась, увидев Гитлера в окружении членов ее семьи на одной из фотографий со свадьбы Гретль, что схватила ножницы и вырезала его. Неровные очертания его силуэта остались в память о ее гневе. Гертрауд добавила, что раньше у нее было гораздо больше фотографий Евы, но она продала их на мюнхенском аукционе где-то в восьмидесятых. Где и когда именно, она не помнит. Я перекопала архивы аукционных домов Мюнхена, включая наиболее вероятный, *Hermann Historica*, но ни я, ни сотрудники учреждений не нашли записи о подобной продаже.

Датированный 1944 годом рапорт, содержащий описание Евы, не упоминает Гертрауд. Он взят из материалов по «Операции Фоксли» — из досье, составленного

SOE[1] при подготовке покушения на жизнь Гитлера. Писал его офицер разведки, майор Х.Б. Курт, возможно, где-то между маем и началом августа. Вот как изображает Еву осведомительный документ, переданный SOE (когда, точно неизвестно) отважным иностранным агентом в Оберзальцберге:

> ЕВА БРАУН: возраст около 24 лет [недурной комплимент, Еве было тридцать два!], брюнетка, привлекательная, одевается вызывающе, иногда носит баварские кожаные штаны. Ходит повсюду с двумя черными собаками, обычно в компании фрейлейн Зильберхорн, телефонистки в доме для гостей, когда та не на дежурстве. На улице ее всегда сопровождают несколько сотрудников RSD [личной охраны фюрера]. До 1940 года, если не дольше, проживала в Бергхофе. Отношения с Гитлером в настоящий момент, похоже, носят платонический характер.

Отсутствие упоминания о Гертрауд в рапорте ни о чем не говорит, так как сведения могли быть собраны до ее приезда или после отъезда. Но если оно относилось ко времени, когда она была постоянной компаньонкой Евы, ее присутствие на прогулках не прошло бы незамеченным.

В заключение беседы я спросила Гертрауд, чего, по ее мнению, хотела Ева: славы, замужества, детей, карьеры в кино?.. «*Sie wollte geliebt werden, sonst nichts*». Она хотела быть любимой, и ничего больше.

1 *Special Operations Executive*, агентство британской разведки.

Глава 26

Заговор фон Штауффенберга и его последствия

Организация SOE, из отчета которой взято описание Евы, выполняла операции особого назначения для Великобритании. Ее основная задача заключалась в поощрении и поддержке движений Сопротивления на оккупированных или вражеских территориях. До середины лета 1944 года серьезных покушений на жизнь Гитлера не планировалось. Черчилль был убежден, что фюрера и Национал-социалистическую партию нужно разбить на поле боя, а не сразить пулей снайпера. 21 июня 1944 года Исмей (начальник штаба Черчилля) написал премьер-министру: «С чисто стратегической точки зрения, в том, что Гитлер остается во главе немецкой армии, есть некоторое преимущество, учитывая, какие грубые промахи он совершает. Но если смотреть на дело шире, то чем скорее он сойдет со сцены, тем лучше». На следующей неделе, 28 июня, высшее командование SOE собралось для обсуждения вопроса. Сошлись на том, что, несмотря на некоторое противодействие со стороны вышестоящих, попытаться все же стоит. Началось детальное планирование «Операции Фоксли», предполагающей достать Гитлера в Оберзальцберге или в его поезде особого назначения. Но через две недели, 14 июля, Гитлер покинул Бергхоф навсегда. «Фоксли» была заранее обречена на провал. Как бы там ни было, ее опередило другое покушение, которое оказалось ближе к успеху, чем все предыдущие сорок или больше.

Не все немцы оставались равнодушными к расползающимся слухам о зверствах, учиняемых на поле боя, в лагерях и над гражданскими лицами. «Кружок Крайзау», некоторые члены которого вели свой род от старой аристократии — такие выдающиеся люди, как фон Мольтке, фон Штауффенберг и Адам фон Тротт, — был основан в 1933 году. Он развился в «согласованное, долгосрочное, распространенное и грамотно организованное движение сопротивления», включавшее несколько наиболее могущественных и влиятельных лиц в Германии. Члены кружка — аристократы, ведущие экономисты, духовенство, богословы и военные — регулярно встречались с целью составления заговора против Гитлера и, по возможности, его убийства. Им приходилось действовать в строжайшей тайне: писать письма и вести телефонные разговоры с оглядкой на цензуру либо шифровать их, помня о том, что разоблачение повлечет за собой страшную кару. Многие участники знали друг друга всю жизнь, поэтому им не составляло труда маскировать свои собрания, где обсуждались дальнейшие планы и стратегия, под домашние вечеринки во владениях фон Мольтке в Шлезии. Их цель — положить конец нацизму, лагерям и войне — обрела более конкретные очертания осенью 1941 года. Члены кружка часами спорили об этическом аспекте убийства Гитлера. «Почему мы против Третьего рейха? — спрашивал фон Мольтке. — Не потому ли именно, что это беззаконный режим? Как мы собираемся создавать нечто новое, если сами начнем с беззаконного поступка? А убийство — всегда преступление». Софистика, но какая блистательная! Клаус фон Штауффенберг, служивший в Шестой танковой дивизии, получил тяжелые ранения во время операции «Барбаросса», потеряв один глаз и правую руку. Варварские замашки СС потрясли его до глубины души. «Этот человек, — сказал он, — живое воплощение зла». Прекрасно

зная, что, независимо от исхода, покушение на жизнь Гитлера является самоубийственной миссией, он настаивал: «Сейчас решается судьба не фюрера, не страны, не моей жены и четверых детей, но всего немецкого народа». Собрания, обсуждения и разработка планов продолжались.

В итоге «кружок Крайзау» постановил ликвидировать фюрера в Бергхофе 2 июля 1944 года, но тщательно продуманную операцию пришлось отсрочить, так как ни Геринга, ни Гиммлера, которых тоже намеревались убить, не оказалось на месте. Нападение было отложено на три недели, до того дня, когда Гитлер и главные военные советники соберутся в «Волчьем логове». Не подозревая о нависшей опасности, Гитлер со своей свитой отправился назад в Раустенберг.

За годы войны Гитлер провел больше восьмисот дней в «Волчьем логове». В лесной чаще, в своей бетонной крепости под охраной батальона СС, он чувствовал себя в безопасности. Ева с радостью присоединилась бы к нему, если бы он позволил, но ставка «Волчье логово» была исключительно военной базой, и Гитлер не имел времени для отдыха и тем более для развлечений. Комнаты в бункере были крошечные, душные, а лето 1944 года выдалось на редкость жарким. Фюрер и его окружение сутками сидели под землей. Его четырем секретаршам едва хватало места. Траудль Юнге выделили уголок в секретарском бункере. «Мне выдали пропуск, и я жила примерно в ста метрах от фюрера. Новое обиталище меня отнюдь не радовало: я люблю свет и воздух и ненавижу прятаться под землей, как крыса, и спать в неудобной каморке без окон». Воздух стоял спертый и зловонный от дыхания почти пятидесяти человек, плохо питающихся и страдающих от недостатка кислорода. Даже снаружи подышать свежим воздухом не удавалось при температуре 90 градусов[1] и высокой влажности. Гитлер иногда выходил с подчиненны-

1 По Фаренгейту (примерно 32 градуса по Цельсию).

ми погулять по густому сосновому лесу, но в них тут же впивались комары. Гитлеру приходилось носить специальный защитный шлем, как у пасечника, чтобы избежать укусов. «По сей день я ощущаю эту удушливую атмосферу, словно все произошло вчера, — пишет Траудль Юнге. — Мы не могли заснуть, от зноя в воздухе дрожало марево». Гитлеру было не до разминок, он целыми днями изучал карты за громоздким, внушительным столом для совещаний, вокруг которого свободно размещалось двенадцать человек.

Двадцатого июля 1944 года стояла невыносимая жара, от какой люди становятся раздражительны и мучаются головной болью. На этот раз способность Гитлера интуитивно улавливать приближающуюся опасность не предотвратила события, нарушившего неуязвимость «Волчьего логова». Полковнику графу фон Штауффенбергу удалось незаметно пронести на ежедневное совещание Гитлера со старшими офицерами вермахта двухфунтовую бомбу с запущенным механизмом. «Кружок Крайзау» выбрал его на роль убийцы, так как он один имел беспрепятственный допуск к Гитлеру, хотя из-за своих увечий не мог стрелять из пистолета, отсюда необходимость воспользоваться бомбой, более неуклюжим и заметным оружием. Он пришел в комнату для совещаний с чемоданом, в котором была спрятана бомба, и поставил его под стол, близко к тому месту, где должен был стоять Гитлер. Потом фон Штауффенберг покинул помещение под предлогом, что ему нужно сделать срочный телефонный звонок. В 12:42 пополудни бомба взорвалась, вызвав хаос и разрушение.

Траудль Юнге вспоминала:

> Мы с фрау Кристиан пошли купаться после полудня, затем я вернулась к себе и села писать письмо. Внезапно что-то загрохотало — в чем не было ничего необычного, — но тут раз-

дался истерический крик: «Врача!» Не от взрыва у меня замерло сердце — мы привыкли к звукам стрельбы. Наши люди постоянно проверяли оружие, да и зенитная артиллерия тоже упражнялась, так что мы и внимания уже не обращали. Но случившееся в тот день повергло меня в смятение и ужас.

Заговор провалился, но был на волосок от успеха. В последний момент место проведения совещания решили изменить, и все перебрались на поверхность, в барак с тремя большими окнами. (В замкнутом подземном помещении разорвавшаяся бомба произвела бы куда более страшный эффект.) Взрывное устройство сработало на совесть, но через несколько секунд после того, как услужливый полковник отодвинул чемодан от фюрера и поставил за тяжелую подпорку стола, что значительно снизило силу удара. Тем не менее четыре человека были убиты на месте и двадцать ранены, но Гитлер выжил. Его брюки были изодраны в клочья, но помимо сильного ушиба, ожогов и сотни дубовых щепок, глубоко впившихся в правую ногу, его телесные повреждения на первый взгляд казались сравнительно легкими. Его правая рука была временно парализована, пострадали барабанные перепонки, и он ненадолго потерял слух. Последствия дали о себе знать позже. До конца жизни у него непрестанно и заметно тряслась левая рука. Это видно на фотографиях, где он либо обхватывает ее правой, либо прячет за спину. Впоследствии фюрер часто во всеуслышание повторял: «Я неуязвим. Я бессмертен». Погибни он 20 июля 1944 года, Вторая мировая война унесла бы вдвое меньше жертв.

Клаус фон Штауффенберг наблюдал за взрывом с безопасного расстояния и был совершенно уверен, что Гитлер погиб. Полчаса спустя он уже находился на пути в Берлин с намерением приступить к операции «Валькирия»: совершить переворот и учредить новое правительство. Он и еще

трое заговорщиков были арестованы в тот же вечер и расстреляны вскоре после полуночи, почти ровно через двенадцать часов после взрыва. Им повезло. Они умерли быстро и безболезненно. Позже, на показательном процессе Народного суда, еще двести человек выслушали смертный приговор за участие в неудавшемся перевороте. Их переправили в тюрьму Плетцензее и там повесили. Их медленную, мучительную агонию снимали на пленку. Поговаривали, что Гитлер с наслаждением просматривал запись в компании своих приспешников и хохочущих офицеров СС. Альберт Шпеер, отказавшийся присоединиться к ним, сообщает, что видел фотографии казни на рабочем столе Гитлера. Если так, то фюрер изменил своим привычкам: он был брезглив и не любил лицезреть результаты своих кровожадных приказов.

После июля 1944 года, как и каждый еврей Европы, и многие рядовые немцы, Ева Браун проводила остаток своей жизни, ожидая смерти и готовясь к ней. В течение девяти месяцев войны от бомб каждый месяц погибали 13,5 тысячи гражданских лиц, еще сотни и тысячи умирали от голода, холода и болезней. В лагерях смерти на территории оккупированной Польши — в Освенциме, Треблинке, Бельзеке, Майданеке, Собиборе и Хелмно — Черные События бушевали вовсю. Отряды СС торопились завершить свой дьявольский труд.

В Бергхофе все разговоры вертелись вокруг покушения фон Штауффенберга. В письме к Еве, написанном сразу же после происшествия, Гитлер пытается успокоить ее:

Моя дорогая *Tschapperl*!

Не беспокойся, со мной все в порядке, разве что устал немного. Надеюсь, что скоро смогу вернуться домой и отдохнуть в твоих объятиях. Мне совершенно необходим перерыв, но долг перед немецким народом превыше все-

го... Посылаю тебе униформу, что была на мне в тот злополучный день. Это доказательство тому, что Провидение хранит меня и никакой враг нам не страшен. Рука моя все еще дрожит после покушения на мою жизнь. [Окончание:] Я исполнен надежды на нашу грядущую победу.

Разодранные и залитые его кровью брюки являли как нельзя более наглядное свидетельство того, насколько близок к гибели он был. Это ужасно расстроило Еву, и она ответила душераздирающим письмом:

Любовь моя, я не нахожу себе места. Я в отчаянии, в беспросветном отчаянии. Я знаю, что тебе грозит опасность, и это убивает меня. Возвращайся как можно скорее. Я, кажется, схожу с ума. Здесь погода чудесная и все дышит таким покоем, что мне становится стыдно. <...> Ты знаешь, я всегда тебе говорила, что не смогу жить, если что-то случится с тобой. С наших первых встреч я дала себе клятву следовать за тобой повсюду, даже в смерти. Ты знаешь, что вся моя жизнь заключена в любви к тебе.

Твоя Ева

Гитлер был глубоко тронут этим выражением ее преданности. В ответ он написал ей ласковое письмо, заканчивающееся словами «От всего сердца, твой АГ».

От всего сердца Гитлера.

Два момента особенно интересны в письме Евы, помимо ее очевидной тревоги. Во-первых, оно написано в том же духе, что и ее дневник почти десять лет назад. Сходство усиливается перекличкой фразы «Здесь погода чудесная...» с печальным комментарием, сделанным в 1935 году: «Погода такая чудесная, а я, любовница самого великого человека в Германии и во всем мире, сижу здесь и смотрю на солнце сквозь оконное стекло». Ева никогда не путала

комфорт или статус — или даже солнечный свет — с личным счастьем. Во-вторых, у нее появилась уверенность, что Гитлер любит ее. Его короткое письмо раскрывает глубину привязанности и потребность друг в друге, которую он наконец вынужден был признать.

Через день или два, в конце июля 1944 года, Ева отправила Гертрауд в замок Фишхорн рядом с городом Фушль. В замке был расквартирован большой отряд эсэсовцев. Можно подумать: сомнительное убежище для такой молодой девушки. Там она встретилась с кузиной Гретль и тетей Фанни. «Фегеляйн тоже присутствовал — он получил отпуск, так как был ранен во время покушения. Все вокруг носились, со смехом передавая из рук в руки фотографии казненных заговорщиков. Но когда очередь дошла до меня, тетя Фанни отрезала: «Нечего тебе на это смотреть!» [Неужели снимки и в самом деле могли дойти до далекого баварского замка всего несколько дней спустя после расстрела?] Куда потом делась Гертрауд, точно не известно. *Она* говорит, что вернулась в Бергхоф и прожила там еще пять месяцев, однако никто из домашней прислуги не упоминает о ней и, как сказано выше, фрау Миттльштрассе утверждает, что она не могла гостить больше недели или двух. Версия Гертрауд такова:

> Тем временем мы с Евой вернулись обратно. Она казалась очень собранной, не заводила разговора о покушении, и слезы — как и многое другое в те дни — были запрещены. За исключением нескольких тайных вылазок в Мюнхен, мы изо дня в день следовали все тому же распорядку: смотрели фильмы, пили игристое вино, ели фрукты и печенье.

Это наблюдение о внешнем спокойствии Евы после 20 июля противоречит сообщениям других людей о ее реакции на покушение на жизнь Гитлера. Как показывает ее страстное письмо, она боялась за него, как никогда.

В начале сентября из-за стремительного приближения русских к его полевому штабу в Раустенберге Гитлер перенес ставку в «Оборотень» под Винницей на Украине и в ноябре вернулся в Берлин.

К тому моменту Ева уже знала, что ее смерть не только неизбежна, но уже не за горами, и начала готовиться. 26 октября 1944 года она составила завещание, хотя и не обладала особыми богатствами. В списке ее имущества, найденном в доме на Вассербургерштрассе американскими оккупационными войсками в ноябре 1945-го, указана сумма в десять фунтов стерлингов, что составляет тысячу долларов США или больше ста тысяч немецких рейхсмарок. В гардеробе висели рваные брюки и китель Гитлера. Кроме того, нашлось несколько ювелирных украшений, слишком скромных для внесения в инвентарь, а также золотые часы с бриллиантами и бриллиантовая брошь — куда меньше, чем обычно накапливают любовницы влиятельных людей. Все, включая ее коллекцию фотоальбомов, забрали в качестве «военных трофеев».

В ноябре Гитлеру предстояла операция по удалению полипа с голосовых связок и нарыва на верхней челюсти. Это означало, что они не смогут общаться даже по телефону. Встревоженная перспективой хирургического вмешательства и временного прекращения ежедневных бесед, Ева 20 ноября отправилась в Берлин, и накануне операции они пообедали вместе. Она осталась еще на несколько дней. (Это путешествие бросает дополнительную тень сомнения на рассказ Гертрауд. Ева ни за что не оставила бы кузину одну в Бергхофе. Возможно, там находилась Герта или Гретль, которая на пятом месяце беременности нуждалась в свежей, питательной еде для себя и ребенка.) Операция прошла успешно, но после удаления безобидного полипа врачи запретили Гитлеру разговаривать в течение нескольких дней, так что

он мог только шептать. Тут же вся рейхсканцелярия заговорила шепотом.

Как только кризис миновал, Ева нашла время перед возвращением в Оберзальцберг заказать у своей портнихи новое платье на Рождество. (Ева вечно испытывала чувство вины за счета от фрейлейн Хайзе, боясь, что, прознав о них, немецкий народ станет поносить ее за расточительность, хотя Магда Геббельс заказывала туфли ручной работы и три шляпки аж в январе 1945 года.) Она упрашивала фюрера отдохнуть несколько дней и отпраздновать Рождество с ней в Бергхофе, но он сказал Траудль Юнге: «Да, Рождество нужно отмечать с семьей. Ева в письмах умоляет меня приехать в нынешнем году в Бергхоф. Говорит, что мне обязательно нужно восстановить силы после покушения на мою жизнь и болезни. Но я знаю, что на самом деле за всем этим стоит Гретль, желающая заполучить к себе своего Германа [Фегеляйна]». Гитлер был непреклонен. Ввиду атаки в Арденнах, он планировал направиться в свой штаб *Adlerhorst* («Орлиное гнездо») на Восточном фронте возле местечка Бад-Нойхайм среди лесистых холмов Таунуса.

Ева снова поехала в Мюнхен и, видимо, 16 декабря встретилась с Гертрауд на Вассербургерштрассе. Когда воздушный налет загнал их в укрытие под домом, где хранились несгораемые шкафы, Ева подарила кузине ожерелье и браслет. Только тогда по замечанию Евы («Мне они больше не нужны») Гертрауд догадалась, что та решительно настроена осуществить свое намерение умереть вместе с Гитлером.

Ева провела Рождество в Мюнхене с семьей, и Гертрауд, возможно, праздновала с ними. Смелый поступок, ведь они могли укрыться в защищенном Бергхофе, поскольку город, основательно разрушенный бомбами 17 декабря 1944 года, подвергся очередной атаке в ночь с 7 на 8 января 1945-го. После второй бомбежки Ева, уже вернувшаяся в Бергхоф, упрашивала Гитлера позволить ей проверить,

уцелел ли ее домик, но он опасался за ее жизнь, и ей осталось только приставать с расспросами к знакомым. Бомбардировки продолжались в течение двух лет, и Мюнхен оказался среди наиболее пострадавших городов Германии. Союзники обрушили страшное возмездие на место, где национал-социализм пустил корни. По сравнению с довоенным временем население сократилось почти наполовину. Оставшиеся полмиллиона человек жили по большей части в развалинах обрушившихся домов. Прекрасный исторический центр был уничтожен почти на девяносто процентов. Теперь Ева уж точно осознала, какую беду навлек Гитлер своей войной на ее родину.

Гертрауд уверена, что «если бы я не покинула ее тогда, в январе, может быть, она и не поехала бы в Берлин. Теперь меня не отпускает эта мысль. В Бергхофе ее никто не держал. Ей ничего не оставалось, как только отправиться к нему. Я не ручаюсь, что так оно и было, но так я сейчас чувствую». Гораздо более вероятно, что Ева окончательно смирилась — хотя никогда не признала бы этого вслух — с неизбежностью близкого конца. Гитлер нуждался в ней, и она хотела быть с ним. 19 января 1945 года Ева ненадолго съездила в Берлин и там в последний раз встретилась со своей старшей сестрой, уже ставшей фрау Фуке-Михельс. Она жила с мужем на востоке Германии, в Бреслау, где только что было проиграно тяжелейшее сражение с вторгшимися русскими войсками. Тысячи беженцев в панике и беспорядке уносили ноги, и Ильзе пробралась к Еве в Берлин. На данном этапе войны немецкая армия была настолько обескровлена, что Бреслау обороняли ветераны ополчения и мальчишки от двенадцати до шестнадцати лет из гитлерюгенда. К концу войны, в мае, половина юных рекрутов погибли в бессмысленной битве за город, зовя маму перед смертью.

Нерин Ган, работая над жизнеописанием Евы Браун, в начале шестидесятых годов беседовал с Ильзе. Он сооб-

щает о следующем разговоре между сестрами. Со скидкой на театральный эффект, его рассказ звучит более или менее правдоподобно:

> Ильзе, еще не оправившись от шока, говорила: «У меня одежды даже не осталось... и моя красивая мебель... и мои книги...»
>
> Ева утешала ее: «Не волнуйся, не позже чем через две недели ты вернешься домой в Бреслау, я знаю из надежных источников. Ты как следует заперла дом? Ну вот, тогда и бояться нечего».
>
> Ильзе, приведенная в ярость добровольной слепотой сестры, взорвалась: «Ты, жалкое создание, проснись, посмотри правде в глаза! Бреслау потерян, Шлезия потеряна, Германия потеряна. Ты что, не понимаешь, что сотни тысяч людей задыхаются на заснеженных дорогах, удирая от врага, грабящего и крушащего все на своем пути? Твой фюрер — изверг, он тащит тебя за собой в бездну, и всех нас заодно».
>
> Тут и Ева разозлилась: «Да ты с ума сошла, ненормальная! Как ты смеешь говорить такие вещи о фюрере?! Он так великодушен, что велел мне пригласить тебя в его дом в Оберзальцберге до отъезда в Бреслау. К стенке надо тебя поставить и расстрелять, вот чего ты заслуживаешь!»

Если Ильзе и Ган верно передают слова Евы, без мстительности и мелодрамы, то последнее ее высказывание — самое агрессивное из сохранившихся. В нем слышится отзвук жалоб Гитлера на вероломство бывших приспешников. Ильзе сказала ей правду, но знала ли об этом Ева? Или ей казалось, что *она* говорит правду, учитывая все только что виденное ею на улицах Мюнхена и Берлина? Или же в ее резком ответе выплеснулась многолетняя напряженность между сестрами? По крайней мере, после этого разговора она, похоже, уяснила, что враг стремительно приближается.

Зимой 1945 года немцы страдали от холода, голода и разочарования, их города были разорены, а армия истощена до предела. Только лагеря смерти работали как никогда эффективно. Евреи продолжали прибывать со всей Европы в длинных, издевательски медленных поездах. Гиммлер неустанно отдавал приказы офицерам СС: травите их газом, убейте их всех, не важно как, убивайте, чтоб ни одного еврея не осталось.

Тринадцатого февраля 1945 года союзники разбомбили Дрезден. Прекрасный город напрасно надеялся, что богатое культурное наследие защитит его. Не сказать, чтобы его разнесли до основания, но центр города пострадал не меньше, чем Гамбург в июле 1943 года. На следующую ночь бомбардировщики атаковали снова. Не менее 35 тысяч дрезденцев погибли в результате этих налетов, а может, и в пять раз больше — по некоторым оценкам, число погибших достигает двухсот тысяч. Еще через две ночи британские военно-воздушные силы уничтожили 63 тысячи жителей крошечного городка Пфорцгейм, не имеющего решительно никакого стратегического значения. Ева Браун, если весть дошла до нее, подумала, должно быть, что война полным ходом движется к ужасающей кульминации.

В начале войны Генриетта фон Ширах спросила Еву, что она будет делать, если Германия потерпит поражение.

«Тогда я умру вместе с ним», — просто ответила Ева.

Я возразила, что, поскольку ее никто не знает в лицо, она может бежать за границу.

«Неужели ты полагаешь, что я оставлю его одного? Я буду с ним до последнего вздоха, я думала об этом и все решила. Никому меня не остановить».

Если Ева собиралась встретить последний натиск рядом с Гитлером, ей следовало поскорее уладить свои дела в Мюнхене и ехать к нему.

Глава 27

В бункере

За четыре с половиной года бедствий, едва ли пощадивших хоть один уголок в Европе, Ева, по большому счету, избежала ужасов войны. Она не получала ранений, не мерзла, не голодала и даже редко когда бывала напугана. Но ей пришлось привыкнуть к лицезрению последствий. В серых городах, там, где прежде стояли дома, зияли разломы, окруженные холодными грудами кирпичей и камней. Улицы были изуродованы воронками и выбоинами, а иные и вовсе превратились в леденящие кровь ущелья. От большинства машин остались груды металлолома, да и бензин почти нигде не продавался. Германский народ в этих городах напоминал призраков в лохмотьях, волокущих исхудавших, бледных детей к колонкам за водой или на поиски еды. Пропитание стало первостепенной заботой каждого, на втором месте — крыша над головой, и затем драгоценная редкость — тепло. Мало кто имел и первое, и второе, и третье, и люди в своих бедах все больше винили Гитлера, а не британскую авиацию. Немецкие женщины окончательно разочаровались не только в своем фюрере, но и в своих мужчинах. «Нынче я постоянно замечаю, как меняются мои чувства, — писала одна безвестная берлинская журналистка после падения гитлеровского режима. — Нам жаль их, они кажутся такими несчастными и беспомощными. <...> Мир национал-социализма — управляемый мужчинами, прославляющий мужскую силу — на-

чал обваливаться, а с ним и миф о «настоящем мужчине». <...> Среди многочисленных поражений под конец этой войны – поражение мужского пола». Совсем иная песня, чем в дни расцвета BDM.

Из близких друзей Евы погиб всего один. Ее семья осталась цела и невредима и даже вполне прилично питалась. Гретль вскоре должна была родить первое дитя следующего поколения. Но Ева страдала, как страдали все немцы, от унижения своей страны.

Мартин Борман сопровождал ее из Бергхофа в Берлин 19 января 1945 года. Путешествие, наверное, вышло непростое, поскольку они друг друга на дух не переносили, хотя в присутствии Гитлера оба соблюдали приличия. До своего тридцать третьего дня рождения 6 февраля Ева три недели прожила в комнатах, которые время от времени занимала в канцелярии. Гитлер подарил ей бриллиантовый браслет и кулон с топазом – самый щедрый его подарок, если не считать «мерседеса». Эти украшения она впоследствии завещала сестре, но Гретль так никогда и не получила их. В одной из облицованных мрамором приемных рейхсканцелярии устроили вечеринку, а затем Гитлер уговорил Еву вернуться в Бергхоф. Вполне возможно, он думал, что это их последнее прощание, но Ева знала, что скоро вернется. Мысль о жизни в мире, где его не будет, жгла невыносимо, и она никогда не смогла бы сойтись с другим мужчиной. Гитлер все еще не осознал до конца силу ее характера и глубину ее преданности. Он верил в своих подобострастных, некомпетентных марионеток-подчиненных, но до последнего часа не решался поверить в надежную, как скала, Еву.

Она согласилась покинуть Берлин после дня рождения, но всего только на пару недель. Ей нужно было упаковать десять лет своей жизни для последнего, как она предчувствовала, путешествия. Она не хотела, чтобы кто-нибудь нашел и прочитал ее личные письма от Гитлера или

дневник, который она возобновила после 1935 года и вела с тех пор непрерывно. Ей предстояло пристроить своих любимых собачек в заботливые руки, попрощаться с семьей и друзьями, раздать свои наряды и драгоценности. Поезда пока еще ходили по расписанию, и ночью 7 или 8 февраля Ева выехала из Берлина. Она лежала в темноте, с неуместным комфортом, на мягкой полке с чистыми белыми простынями, пока поезд мчался мимо разрушенных городов и мрачных сел Германии. Затем, проснувшись посреди руин Мюнхена, пересела на другой поезд и, наконец, сошла на заснеженном вокзале Шпеера, где ее встретил шофер-эсэсовец на бронированном «мерседесе».

Нельзя с уверенностью сказать, когда именно она вернулась в Берлин, но наиболее достоверный источник сообщает, что это случилось три недели спустя. До того, 17 февраля, она встретилась в Мюнхене с Гертой Шнайдер. Герта, верная подруга детства и юности с не тронутой косметикой смуглой кожей и проницательным взором, неподвластным возрасту; Герта, знавшая все ее секреты; Герта, всегда готовая дать добрый совет, делившаяся с Евой перипетиями своего брака и материнства, за двадцать лет бескорыстной дружбы и привязанности ни разу не подвела ее. Они не могли знать наверняка, что это их последняя встреча. Герта, никогда не витавшая в облаках, должно быть, догадывалась, но Ева с ее вечным стремлением искать во всем светлую сторону, надеялась, что они еще свидятся.

В последний раз Ева провела ночь в своей двуспальной кровати, открыла свой гардероб и выбрала одежду, которая понадобится в бункере, понежилась в роскошно обставленной ванной с зеркалами, подошла к окну и окинула взглядом полюбившийся пейзаж. Как ей хватило духу бросить все это и уехать? Вероятно, Герман Дёринг не ошибся, когда объяснял:

Ну, прежде всего, ее жизнь окончилась. Полностью остановилась в одно мгновение, как только стало ясно, что война проиграна. Здесь у нее не было будущего. Она бы... кто знает, что бы с нею сталось? Возможно, ее посадили бы в тюрьму. И это все, о чем она думала: жизнь кончена, здесь ли, в Оберзальцберге, или рядом с ним, все равно... в конце концов, они много лет были вместе. Вот она и умерла вместе с ним.

Оглядываясь на Бергхоф, чтобы окинуть взором запорошенные снегом горы и темно-зеленые леса, окружавшие ее последние десять лет, она могла вспомнить строки из стихотворения Гёте, которое знает наизусть каждый немецкий школьник:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Ева села в ожидавшую ее машину и поехала вниз по горной дороге на вокзал в Берхтесгаден. Не могла же она допустить, чтобы Гитлер праздновал свое пятидесятишестилетие без нее. После стольких месяцев, проведенных в промозглых бетонных каморках под землей среди серых и черных униформ, щелкающих каблуками сапог и неискренних «Зиг хайль!», у него, при виде ее милого лица и свежих, ярких платьев, потеплеет на сердце.

Фрау Миттльштрассе, сопровождавшая Еву из Мюнхена, вспоминала: «7 марта 1945 года она по собственной воле отправилась на поезде особого назначения в осаж-

денный Берлин. Там она и осталась, хотя Гитлер пришел в ужас и немедленно попытался отослать ее назад. Но она была непоколебима». Это совпадает с записью в дневнике Бормана, датированной тем же числом: «Сегодня вечером в 20.14 Ева Браун уехала в Берлин курьерским поездом». По другим свидетельствам, в том числе Альберта Шпеера, Генриетты фон Ширах и Хью Тревор-Ропера, ее отъезд состоялся на целый месяц позже, 15 апреля, но, возможно, они имели в виду день, когда Ева и Гитлер покинули свои полуразрушенные, уже далеко не безопасные апартаменты в рейхсканцелярии и укрылись в подземном бункере. Ева возвращалась в охваченный предсмертной агонией город, зная, что скоро и она умрет там, и готовая единственный раз в жизни ослушаться Гитлера. Она решила приехать в Берлин и остаться.

Хотя Гитлер и запретил ей возвращаться, но когда она 7 марта объявилась в рейхсканцелярии после месячного пребывания в Мюнхене и Берхтесгадене, его первой реакцией на ее неожиданный приезд была радость. Но несколько дней спустя он уже настойчиво отсылал ее обратно в Бергхоф, обещая, что и сам приедет вслед за ней. Спокойно, чуть ли не легкомысленно, она пропускала его слова мимо ушей. Если требовалось доказательство ее преданности, пожалуйста, вот оно: она приехала в Берлин, чтобы быть с ним до последнего вздоха, как неоднократно клялась. Смерть не слишком пугала ее. Ева так часто размышляла о смерти, что ждала ее теперь как чего-то знакомого, почти желанного. Ее дядя Алоис предположил: «В понимании Евы, жизнь подошла к концу, и она легко смирилась со своей судьбой. Из всех, кто очутился в ловушке отсеков бункера, она была, возможно, единственным человеком, способным с достоинством принять смерть и спокойно проститься с жизнью». Только час и способ, должно быть, волновали ее: вдруг она будет умирать болезненно,

медленно? Не окажется ли она жутко изуродованной, не надругаются ли чужие люди над ее телом? Эти страхи не давали ей покоя, и все же фрейлейн Браун, которую Генрих Гофман некогда сравнивал с маленькой опереточной субреткой, была исполнена решимости стоять до последнего. Еве и Адольфу жить оставалось семь недель.

Даже Генрих Гофман, так долго поносивший ее, вынужден был признать, что девочка-подросток, которую он пренебрежительно называл «заурядной хорошенькой продавщицей, фривольной и тщеславной, как все ей подобные», выросла и превратилась в совсем иную женщину:

> Под влиянием страшных событий, пережитых ею, пока война неумолимо приближалась к концу, дух Евы закалился, характер стал сильнее и глубже. Ее последний жест, решение оставаться подле своего покровителя до конца, с лихвой возместил ее былые ветреность и тщеславие.

Не исключено, что Еве показывали бункер во время предыдущих посещений — он строился с 1943 года и к концу войны еще не был завершен, — но теперь в нем толпились военные и медицинский персонал, почти все совершенно незнакомые ей люди, и обычное окружение Гитлера. Что увидела она, спустившись в этот мрачный лабиринт?

Слово «бункер» вызывает в воображении темное, сырое бомбоубежище, а не командную ставку, вмещающую почти тысячу человек, если они хорошенько потеснятся. Разумеется, дневной свет туда не проникал. Общественные помещения освещались холодными неоновыми лампами. День ничем не отличался от ночи. Подземный комплекс состоял не из одного, а из нескольких отдельных бункеров, соединенных лестницами или коридорами. Самый глубокий, безопасный и лучше других оборудованный отсек принадлежал Гитлеру, его окрестили «бункер фюрера».

Представьте себе бетонную коробку где-то в 65 квадратных футов (20 кв.м.), разделенную посередине широким коридором. По обеим сторонам коридора — двери, ведущие в маленькие бетонные клетушки. На этой основной площади шириной около 50 футов помещалось шестнадцать комнат, каждая размером приблизительно 11 на 10 футов. С одной стороны коридора располагались спальня фюрера, его кабинет (с единственным украшением — портретом его кумира Фридриха Великого на стене) и ванная. К ним примыкала маленькая комната, где хранились карты, затем миниатюрные апартаменты Евы с «гардеробной» не больше шкафа. Даже Блонди имела собственный уголок, где выкармливала своих новорожденных щенков. С другой сторона от «покоев» Гитлера была приемная с небольшой лестницей, ведущей наверх в сад.

На противоположной стороне главного коридора находилась гостиная, где люди могли расслабиться (правда, настоящий отдых навсегда остался в прошлом) и несколько подсобных помещений. Коридор был разделен пополам перегородкой: в отсеке, куда выходили апартаменты Гитлера, проводились официальные совещания, другой отсек предназначался для неформальных встреч. Помещения номинально считались частными, но по ним целыми днями сновали посетители, курьеры, адъютанты, офицеры, министры и слуги, несущие депеши, телеграммы, записки, кофе и пирожные, письма и приказы на подпись Гитлеру. Когда бомбардировки были особнно интенсивными, люди спали, ели и переодевались здесь, сутки напролет не покидая бетонной норы. Об уединении можно было забыть. Ева провела последний месяц своей жизни под пристальными взглядами десятков мужчин в униформе, большинство из которых понятия не имели, кто она. Только Гитлер, Ева и высшее военное командование пользовались услугами своих денщиков и горничных и время

от времени наслаждались такой роскошью, как настоящее мытье в ванной, с полотенцами, для чего им приходилось подниматься наверх в рейхсканцелярию. Все остальные обитатели бункера обходились, как могли, скудными приспособлениями для личной гигиены и нерегулярной стиркой, что часто означало вовсе никакой. Несмотря на своего рода вентиляцию, все эти вечно спешащие, немытые мужские тела распространяли, надо думать, весьма неприятный запах.

Позади «бункера фюрера» и несколькими метрами выше находился еще один бункер, соединенный с ним винтовой лестницей. Бетонная коробка вдвое меньше гитлеровской состояла из дюжины каморок: кухни, помещения для прислуги, четырех спален и отдельного отсека с хирургическим кабинетом, аптечкой и спальней доктора Морелля. Проход в центре служил общей столовой.

Эти два подземелья составляли командную ставку, но под монументальной канцелярией скрывалось еще немало бункеров. Заточенные под землей люди, привыкшие к огромным залам и видам бескрайних просторов, открывающимся из Бергхофа, страдали, наверное, от физиологической и психологической клаустрофобии. Дополняли комплекс бункер партийной канцелярии — владения Бормана — и бункер коменданта канцелярии Монке, где он жил со своей бригадой СС, обеспечивая охрану «цитадели». Геббельс со своими подчиненными устроился в подвалах Министерства пропаганды. Здесь «большие шишки» и их помощники носились туда-сюда, пытаясь поддержать своего фюрера на исходе войны, давно уже безнадежной. К концу марта 1945 года почти все смирились с неизбежным и перебрались из обширных, разгромленных помещений рейхсканцелярии в подземные укрытия, обустраиваясь по мере возможности.

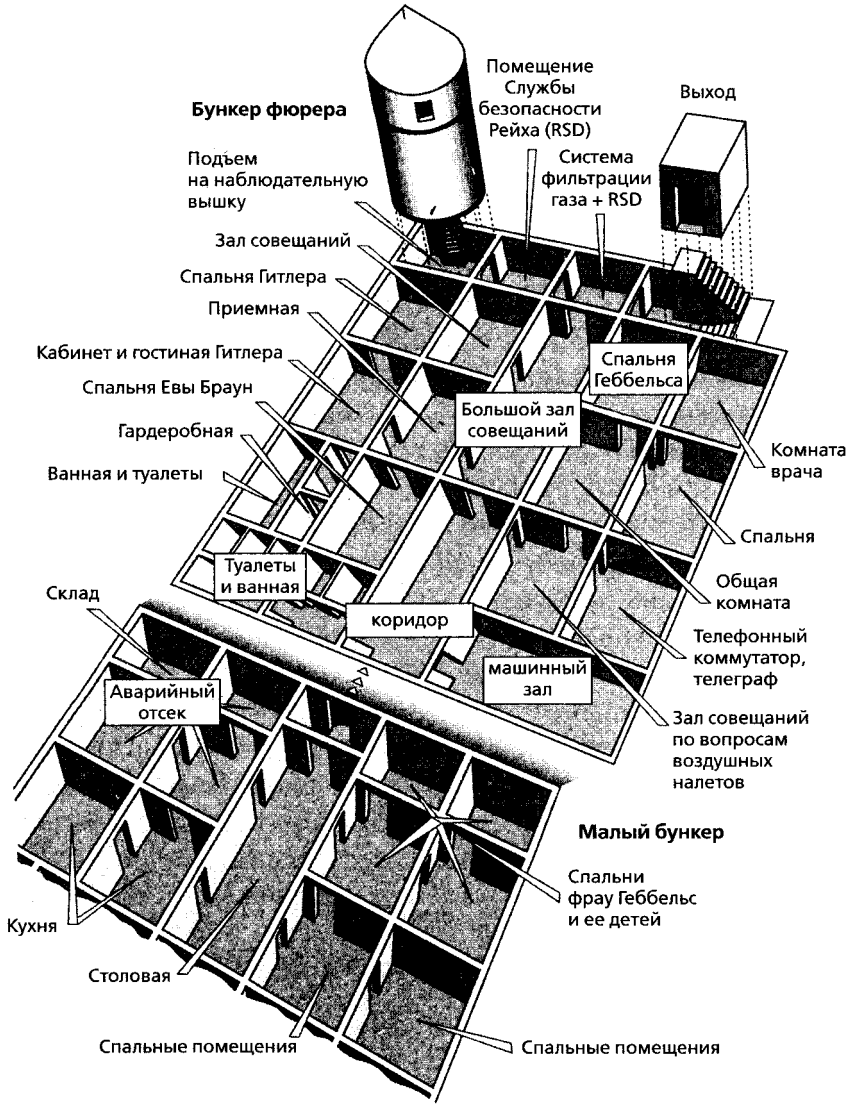
Помимо вышеперечисленного, был еще переполнен-

ный полевой госпиталь, где раненные в сражениях — иногда они прибывали сотнями — переносили операции, выздоравливали или умирали под надзором медсестер. Через полгода после окончания войны Эрна Флегель, хирургическая медсестра, работавшая в этом госпитале, рассказывала на допросе американским следователям:

> Кольцо вокруг Берлина сжималось все сильнее и сильнее... мы держали раненых там [то есть в бункере под рейхсканцелярией], и госпиталь разрастался, принимая уже до пятисот пациентов. К тому времени, как русские заняли многие районы Берлина и неуклонно подходили к центру, почти физически чувствовалось, что конец Третьего рейха приближается.

Бункер до последнего дня функционировал практически безупречно. Благодаря целесообразной планировке, конструкции и грамотно проведенным системам снабжения подача горячей воды не прекращалась, электричество и вентиляция тоже редко давали сбои, даже при самой тяжелой бомбардировке. Многочисленные техники постоянно следили за оборудованием. По замыслу архитектора бункер месяцами должен был обеспечивать людей теплом, освещением, питанием, проточной водой, канализацией, контактами с внешним миром и медицинским обслуживанием. И справлялся с этой задачей великолепно. Он был неприступен.

К апрелю 1945 года Германия день и ночь кипела в преисподней, напоминая видения ада на полотнах Иеронима Босха. Но Гитлер, окопавшийся в рейхсканцелярии, отказывался признать, что победа невозможна, даже с помощью самолетов и бомб, в чудесное скорое появление которых он один продолжал верить. Он ни разу не был в концлагере, никог-



Карта бункера Гитлера

да не видел, как человека пытают, истязают или загоняют в газовую камеру. Фотографиями предсмертной агонии заговорщиков «кружка Крайзау» он с явным удовольствием любовался только потому, что те пытались убить его.

Еще более оторванный от внешнего мира, он продолжал издавать невыполнимые приказы давно несуществующей армии. Он назначал, смещал и казнил офицеров по настроению. Он бродил по своему подземному царству, поглощая кремовые пирожные. По словам одной из его секретарш, «его страсть к пирожным переросла в патологическое обжорство: раньше он съедал не больше трех в день, а теперь по три раза наполнял ими тарелку». Он все больше привязывался к Блонди и ее пяти щенкам, жившим в одной из пяти ванных комнат бункера.

Здоровье Гитлера продолжало ухудшаться. Ему все труднее становилось ходить, особенно ступать на левую ногу, он часто вынужден был опираться на стены или столы, чтобы не упасть. Он стал вспыльчивым и неуправляемым. Морелль, сам закоренелый морфинист, регулярно колол Гитлеру какие-то возбуждающие средства, и его поведение — внезапные перемены настроения, периоды кипучей энергии, сменяющиеся инертностью и сомнамбулизмом, — указывало на зависимость от морфия. Никто не знал, чем именно Морелль пичкает Гитлера, а сам он не разглашал подробностей другим врачам, наблюдающим фюрера.

Гитлер и Ева все еще тешили себя иллюзией совместного будущего. Таким образом они пытались защитить друг друга: он с притворным оптимизмом, она с притворной бесшабашностью. Они поговаривали о том, чтобы отойти от дел и уехать в Линц, где частично прошла юность Гитлера, и вести тихую жизнь в уютном баварском домике. Втайне

Ева мечтала сыграть главную роль в фильме о самой себе. Гитлер мечтал показать миру германскую культуру и цивилизацию. Архитектор Герман Гислер, занявший место Шпеера, когда тот стал министром вооружения в 1942 году, соорудил макет великолепного города, в какой Гитлер планировал превратить Линц: монументальный оперный театр, самый большой и лучший в Европе, огромные музеи и картинные галереи, заполненные произведениями идеализированного «тевтонского» искусства, которым так восхищался фюрер, а также мускулистыми аллегориями старых мастеров, изъятыми у немецких евреев и из частных коллекций по всем европейским странам. На современный взгляд, город будущего Гитлера — это диктаторская архитектура в худшем из своих проявлений. Необъятные гранитные здания, широкие мраморные лестницы, высокие мраморные колонны, увенчанные угловатыми мраморными орлами, восходящие ряды знамен со свастиками — зрелище воистину тоскливое. Гитлеру очень понравилось. Он распорядился водрузить макет на стол в рейхсканцелярии и часами любовался им.

Гитлер очень редко поднимался наверх в свой полупустой кабинет в полуразрушенной канцелярии. 15 апреля Ева покинула свои апартаменты на втором этаже и перевезла все вещи в три тесные комнатушки по соседству с ним, заявив, что здесь она и останется. Альберт Шпеер, несколько раз посещавший бункер, почувствовал, как его дружеская симпатия к Еве перерастает в глубокое уважение. «Я не раз пытался убедить ее покинуть Берлин. Она мне так нравилась, я хотел уберечь ее». Трижды он предлагал ей места в самолетах, все реже вылетавших из города. «Она упорно отказывалась и в конце концов с сияющей улыбкой велела мне прекратить докучать ей».

Мало кто из ближайшего окружения Гитлера дожил до сегодняшнего дня и может поведать о тех роковых неделях. Те, кому удалось выбраться из бункера, не жалея сил,

расхваливали мужество, стойкость и чуткость Евы. Шпеер рассказывал впоследствии, как восхищался «ее достоинством, ее почти веселым спокойствием» в те роковые дни. Николаус фон Белов, адъютант Гитлера по Люфтваффе и один из немногих его помощников, не вызывающих отвращения, тоже поражался ее спокойному, доброму расположению духа. «Она отлично приспособилась к жизни в бункере. Она всегда была опрятно, красиво одета, неизменно ласкова и внимательна ко всем. Она ни разу не дрогнула до самого конца, ни разу не выказала слабости». Что это, если не *noblesse oblige*[1]? Ганс Карл фон Хассельбах, исполнявший обязанности военного хирурга в бункере незадолго до конца, дает Еве менее лестную характеристику: «Она была довольно сообразительна и остра на язык. А порой бывала высокомерной, капризной, эгоистичной и чересчур самоуверенной». «Остра на язык», «чересчур самоуверенна» — совсем не те качества, которых ожидают от женщины, особенно играющей роль невидимки. Но это описание ее в прежние годы, до бункера. Суровые испытания дали ей возможность проявить силу характера и выносливость, которыми она обладала всегда, но держала при себе. Неудивительно, что Бормана и Гиммлера новая Ева не привела в восторг. Хассельбах продолжает: «Гитлер обходился с ней как с дамой высшего света и требовал того же от своих приближенных. На смену обращениям «вы» и «мой фюрер» со временем пришло дружеское «ты». Доктор Брандт, берлинский врач Гитлера на протяжении более десяти лет, сделал похожее замечание: «Характер у нее был очень строгий, а вовсе не мягкий и покладистый. За годы, проведенные с Гитлером, она превратилась из заурядной мещаночки в изысканную даму. Она прикладывала все усилия, чтобы дать Гитлеру то, в чем он нуждался».

1 Положение обязывает (*фр.*).

Только в последние недели жизни Ева начала пользоваться своим влиянием на Гитлера. Готтлоб Бергер, генерал войск СС, познакомился с ней 22 апреля 1945 года после совещания с фюрером:

> Потом пришла Ева Браун, про которую ходило столько злых толков. Я должен заступиться за эту женщину, и вот почему... [Она] помогала нам достучаться до Гитлера с черного хода, так сказать... Когда возникала необходимость, я обращался к ней. К веским доводам она прислушивалась и устраивала мне встречу с Гитлером. В то время она определенно имела на него влияние, [но в остальном] их связывали исключительно частные отношения.

На этом этапе ее сила убеждения, если таковая имелась, уже не могла никак повлиять на судьбу евреев. Ева помогала Бергеру получать доступ к фюреру, чтобы представить ему очередной обреченный на провал стратегический план, и не более того.

Многие историки подробно изучают последние недели в бункере, но ни один из мужчин (почти все они мужчины), раскопавших каждый дюйм и проследивших каждый час подземной агонии Гитлера, не придает особого значения Еве Браун. Они расходятся в сроках ее приезда и в том, как обращались с ней прочие узники подземелья, пренебрежительно относя ее жертву чуть ли не к разряду дешевой мелодрамы. Они осуждают ее тщеславие и поверхностность – что ж, женские штучки и правда никогда не оставляли ее равнодушной. 18 апреля она негодовала в письме к сестре: «Ты только представь себе: портниха требует тридцать марок за мою синюю блузку! Она с ума сошла, и как это ей наглости хватает оценивать такую безделицу в тридцать марок!» И вот она старается подбодрить окружающих, меняя наряды и макияж, снова и сно-

ва подпиливая и полируя ногти. А что еще ей оставалось делать? Ни опыта сиделки, ни других полезных навыков она не имела. Она приехала, чтобы утешать Гитлера по мере своих сил. За последние пятнадцать лет ее творческие способности и таланты притупились. Красиво одеваться — вот что она умела лучше всего и в эпицентре кошмара занималась именно этим. Будь Ева певицей, она бы пела; будь Ева танцовщицей, она бы танцевала. Как ни абсурдна идея, что ее переодевания могут улучшить всем настроение (хотя кто знает, может, это и срабатывало?), в ней проявляется оптимистичная, неукротимая натура Евы. Она была в числе очень немногих, кто сохранял чувство собственного достоинства до последнего дня. Телефонист Альфонс Шульц, в чьи обязанности входило поддержание постоянной связи с внешним миром, отвечал на вопрос о том, как она вела себя в бункере: «Мы придерживались единодушного мнения, что Ева и Магда Геббельс единственные из всех разговаривали с людьми тихо, дружелюбно и сдержанно. Они утихомиривали кипящие там, внизу, страсти. Они не выглядели отчаявшимися — напротив, они оставались на удивление уравновешенными до самого конца. *В отличие от мужчин* [курсив мой. — А.Л.]».

Все, что выпало на долю Евы и прочих обитателей бункера, было в тысячу раз лучше участи рядовых жителей Берлина, замурованных точно таким же образом в ожидании конца. К апрелю почти ни у кого не было света, воды и отопления, запасы еды истощились, а санитарные условия не поддавались описанию. Некая берлинская женщина записала в дневник свои безрадостные мысли:

> Талоны на хлеб последние. Новых не предвидится. Ни указов, ни даже новостей. Ничего. Никому больше нет до нас дела. Мы вдруг из представителей немецкой нации превра-

тились просто в отдельных людей. Старые узы порваны, из друзей остались только те, что живут не дальше чем через три дома. Мы одни, жалкая горстка людей, прячущихся в тесной пещере, словно доисторическое племя. Горизонт съежился до трехсот шагов.

Что хуже всего, женщинам скоро предстояло испытать на себе бесчинства вторгшихся в Берлин русских солдат. Увы, слухи об их жестокости и скотстве подтвердились.

Люди в бункере, за исключением нескольких офицеров высшего командования, застыли в страхе перед лицом неминуемой гибели. Осознание того, что они загнаны в угол, высвободило их подлинную сущность. О дисциплине более не помышляли. Прежде помешанное на чистоте окружение фюрера погрязло в свинстве, бардаке, физическом и моральном убожестве, хотя это и не коснулось его личной территории. В отсутствие слуг и жен, следивших за безупречным видом их гардероба, мужчины ходили в заляпанной едой, измятой одежде, от них разило потом. В последние дни, когда подавленное, безнадежное настроение овладело Гитлером и его ближними, многие из его главных загонщиков превратились в немытых, распутных пьяниц. «Крупные хищники», напыщенные, самодовольные партийные шишки, генералы и паразиты, распираемые гордыней, глушащие шампанское, давящиеся икрой... Опустившийся развратник Геринг с его драгоценностями и маникюром, сколотивший королевское состояние на краденом добре; не менее хищный Геббельс, пятнадцать лет наслаждавшийся «правом первой брачной ночи» с хорошенькими девушками, не смеющими ему противиться; Борман, гитлеровский лизоблюд и хранитель кошелька фюрера; Гиммлер, *верный Генрих*, одержимый жаждой власти, хладнокровно руко-

водивший истреблением миллионов и трясущийся при мысли о собственной смерти, — все показали, кто они есть на самом деле. Лопающиеся от могущества денежные мешки, ищущие только возвеличения своей особы. Так называемые последние и самые доблестные из тевтонских рыцарей встречали надвигающийся крах отнюдь не героически. Эрна Флегель отметила: «В последние недели столько измен, трусости и подлости обнаружилось в непосредственном окружении Гитлера. Ева Браун тяжело переживала каждое предательство». Но фюрер все еще тешил себя иллюзией, что «в предсмертный час мои офицеры соберутся вокруг меня, непоколебимые в своей верности, обнажив кинжалы...». Возмездие приближалось, и кто-то услышал, как Ева сказала: «Бедный, бедный Адольф, всеми покинутый, всеми обманутый. Пусть лучше погибнут десять тысяч других, чем Германия потеряет *его*». Не слишком красивое замечание. Наверное, только матери или возлюбленные мужчин, унесенных войной, которой женщины не понимают, способны на подобное высказывание. Но ведь всю свою жизнь Ева ставила Гитлера превыше всего. Он был для нее в буквальном смысле Богом на земле.

В середине апреля русские перешли реку Одер в семидесяти километрах от Берлина и двинулись на город в заключительном, неудержимом натиске. В бой были брошены жалкие остатки немецкой армии: спешно мобилизованные ветераны Первой мировой, плохо обученные батальоны народного ополчения и тощие мальчишки пятнадцати–шестнадцати лет (некоторые даже младше, и их расстреливали на месте при попытке к бегству) из гитлерюгенда. Некто, чьего имени история не сохранила, в своем дневнике описывает их: «Совсем еще мальчики, детские лица выглядывают из-под стальных шлемов не по размеру. Самым старшим лет по пят-

надцать, и они стоят в строю, такие маленькие, худенькие в своих болтающихся форменных мундирах». Горстка несчастных оборванцев — вот и все, что стояло между приближающимся врагом и непобедимыми нацистами, трясущимися от страха в бункере. 16 апреля 1945 года три четверти миллиона советских солдат Первого Белорусского фронта под командованием маршала Жукова пошли в наступление на Берлин, имея в своем распоряжении почти четыре тысячи танков, семнадцать тысяч артиллерийских орудий и минометов. Стрельба и взрывы слышались за семьдесят километров. 18 апреля русские прорвали оборону немецкой армии и остановились всего за 30 километров от столицы, намереваясь окружить город с двух сторон и отрезать подходы. Конец мог наступить со дня на день.

К тому времени Ева уже слышала грохот артиллерии вдали и наблюдала за нарастающим беспорядком в бункере. Большинство обитателей подумывали о побеге — или самоубийстве. В ее письме к Герте Шнайдер, помеченном 19 апреля 1945 года, звучат прощальные нотки. Начинает она с извинений, что не звонит подруге:

> Дорогая моя Герта!
>
> Спасибо тебе большое за два твоих милых письма. Пожалуйста, прими мои наилучшие пожелания к твоему дню рождения в письменном виде. Из-за плохой связи у меня нет возможности поговорить с тобой по телефону. Но я надеюсь, что скоро тебе предстоит счастливое воссоединение с твоим Эрвином [мужем]. И еще надеюсь, что его поздравительное письмо вот-вот дойдет до тебя. Не может оно пропасть!

Посреди какофонии разрушения Ева цеплялась за обычай, согласно которому друзья непременно поздравляли друг друга с днем рождения.

Для немцев день рождения очень важен. Когда моей матери было под девяносто, она все еще радовалась и волновалась, словно дитя малое, перед тем как справить очередную годовщину. И это при том, что она вечно скрывала свой возраст, застряв на тридцати девяти в течение целого десятилетия, а затем прибавляя потихоньку годик-другой, пять, десять, ничуть не сомневаясь, что ей поверят. В семьдесят четыре она впервые познакомилась с моим сожителем и с заговорщическим видом прошептала: «*Не говори ему, сколько мне лет!*» Однако не дай бог ее дочери забыть о ее дне рождения, не послать открытку и цветы! Она-то уж точно никогда не забывала о наших. За несколько дней она звонила — не важно, исполнялось мне двадцать пять или пятьдесят пять — и спрашивала: «Ты *волнуешься*, дорогая? Я тебе не скажу, что ты получишь в подарок... это *секрет!*» Угроза всемирного потопа не заставила бы ее приоткрыть тайну, хотя обычно она дарила мне то, что я просила.

Поздравив подругу с днем рождения, Ева далее выражает беспокойство за дорогих и близких, все еще находящихся в Бергхофе. Там было, конечно, спокойнее, чем в Мюнхене, но тоже далеко не безопасно.

Я так рада, что ты решила составить Гретль компанию в Бергхофе. С тех пор как разбомбили Траунштейн, я уже совсем не уверена, что тебе ничего не грозит в Гармише. Слава богу, что мама присоединится к вам завтра. Теперь я могу быть спокойна... До нас уже доносится стрельба с Восточного фронта, и, разумеется, нас бомбят каждую ночь... Я теперь все свое время провожу в бункере и, как ты можешь себе представить, ужасно недосыпаю. Но я так счастлива каждую минуту быть рядом с НИМ. Ни дня не проходит, чтобы он не умолял меня укрыться в Бергхофе, но пока что победа за мной. В любом случае с сегодняшне-

го дня и речи быть не может о том, чтобы проехать на машине. Даже если все плохо кончится, я уверена, мы найдем способ увидеться вновь...

Мы с секретаршами учимся стрелять из пистолета по мишени и достигли такого мастерства, что мужчины уже не решаются соревноваться с нами.

Учитывая положение дел, слова Евы звучат очень беспечно, и это не только оттого, что ей хотелось успокоить Герту. Она рядом с НИМ, остальное не имеет значения. Но ей, видимо, было не по себе от слухов о зверском обращении советских солдат с женщинами. Распространялись жуткие — и правдивые — истории о неслыханной жестокости русских, и женщины в бункере предпочитали самоубийство многократному изнасилованию. Ева, ставшая уже отличным стрелком, знала, что подругу расстроит объяснение истинных причин ее внезапного интереса к стрельбе, и обратила все в шутку.

Письмо продолжается:

Вчера я звонила Гретль, возможно, в последний раз. Отныне о телефонных разговорах можно забыть. Но я нисколько не сомневаюсь, что в конце концов все будет хорошо, и ОН настроен оптимистично, что ему вообще-то не свойственно. [Ей не терпится узнать новости о сестрах и старых друзьях.] Как дела у Гретль и куда подалась Ильзе? Где Кетль? И Георг, и Бепо? Пожалуйста, напиши длинное письмо, и поскорее! Прости, что мое письмо несколько сумбурнее, чем обычно, но я очень тороплюсь, как всегда. Мои самые-самые наилучшие пожелания всем вам.

Всегда твоя Ева

В одиннадцати метрах над ее головой тряслась земля, и армированные бетонные стены бункера содрогались от

взрывов советских гранат и грохочущих вблизи танков, но Ева не теряла напускной бодрости.

Она завершает письмо трогательным постскриптумом: «Эта фотография для Гретль. Она может считать одного из малышей [щенков Блонди] своим. Попроси, пожалуйста, фрау Миттльштрассе отпустить австрийских горничных по домам — приказ сверху. Но только ненадолго — недели на две или около того, я полагаю. И передай ей тоже мои наилучшие пожелания, ладно?» Заботливая и щедрая до последнего, Ева надеется вернуться в Бергхоф через две недели и строит соответствующие планы для горничных. К тому моменту из всех обитателей бункера, пожалуй, только она и Магда Геббельс еще верили в Гитлера. Почти все прочие считали его бредящим безумцем, смертником. Но для Евы все скоро снова будет хорошо, она воссоединится с любимыми и родными, и они заживут припеваючи. Так сказал Гитлер.

Ее кузина Гертрауд, прочитав воспоминания Траудль Юнге о жизни в бункере, поделилась со мной своими соображениями:

> Очень интересно, как в те последние дни люди, отбросив все церемонии, курили и пили в присутствии Гитлера, словно говоря: «Какого черта, теперь уже все равно... Гитлер нам не указ». Ева казалась спокойной и собранной. Как говорит Траудль Юнге: «Ее участь не вызывала сомнений и все же глубоко трогала. Есть такое немецкое выражение: «вместе сидели, вместе и висеть». Так все и обстояло для Евы, которая не раз это обещала и осталась верна себе».

Девятнадцатого апреля Ева в последний раз прогулялась по Тиргартену, обширному саду вокруг рейхсканцелярии. Погода была прекрасная, но зажигательные бомбы практически полностью уничтожили молодую листву

на деревьях. Природа страдала вместе со всеми. Траудль Юнге сопровождала Еву в этой последней экскурсии:

> Ева Браун вышла из своей комнаты. Снаружи наступила тишина. Мы понятия не имели, какая там погода. Хотелось подняться в парк, чтобы подышать немного свежим воздухом, выгулять собачек и увидеть дневной свет. Густая пелена пыли и дыма висела над Берлином. Ева Браун, фрау Кристиан и я молча брели по парку. Повсюду на ухоженных газонах виднелись глубокие воронки, но мы все никак не могли поверить, что, кроме сожженных танков, Германии больше нечем обороняться. Конечно же завтра подойдут войска и погонят врага прочь. Деревья расцветали, зеленая травка пробивалась там и тут, все в природе обновлялось. <...> Мы были почти счастливы от того, что можно развеяться и вдохнуть полной грудью. Собаки затеяли возню, а мы присели на камень покурить. Ева Браун зажгла сигарету и, заметив наше удивление, сказала: «Да полно вам, в чрезвычайных обстоятельствах я имею право на из ряда вон выходящие поступки».
>
> Тем не менее в сумочке у нее нашлась коробочка мятных конфет, и она бросила в рот одну, когда при первых звуках сирены мы отправились обратно в бункер.

После этой прогулки она время от времени поднималась по лестнице, ведущей из бункера на поверхность, чтобы несколько минут подышать свежим воздухом — на самом деле вовсе не свежим, а полным пыли и дыма, — но во внешний мир ее нога более не ступала.

В тот вечер, как рассказывает Траудль Юнге:

> Гитлер пригласил нас к себе — все стало намного проще теперь, когда круг его друзей так сузился. Ева Браун села рядом с ним и, не обращая внимания на остальных, завела

разговор: «Послушай, ты помнишь ту статую возле Министерства иностранных дел? Восхитительная скульптура! Она отлично смотрелась бы в моем саду у пруда. Прошу тебя, купи ее мне, если все кончится хорошо и мы выберемся из Берлина!» Она обратила на него молящий взгляд. Гитлер взял ее за руку: «Но я понятия не имею, кто ее владелец. Возможно, она принадлежит городу, и в таком случае я не могу просто купить ее и поставить в частном саду». — «Ах, — сказала она. — Если тебе удастся отбиться от русских и освободить Берлин, то ты сможешь позволить себе одно-единственное исключение!» Гитлер посмеялся над ее женской логикой.

На следующий день, 20 апреля, Гитлер отмечал свой день рождения. Среди ближайшего окружения было заведено поздравлять его в полночь. Гитлер запретил празднества в столь неуместный момент, но Ева Браун взяла верх, и — ища высочайшего расположения до последней минуты — они все равно собрались. Шпеер вспоминал: «Все они пришли поздравить Гитлера, те же люди, что приходили каждый год». Приветствия, должно быть, звучали натянуто. Бледные узники, слишком долго просидевшие в искусственной пещере под истерзанной землей, — Геринг (свиноподобный, как всегда, несмотря на дефицит продовольствия), Шпеер, Риббентроп, Борман и полдюжины командиров вермахта, — поздравили своего разваливающегося на части фюрера с пятидесятишестилетием, пожелали долгих лет и всяческих благ, после чего принялись хлестать шампанское и поглощать икру. Печальная ирония: на складах бункера не осталось почти ничего, кроме деликатесов в огромном количестве, в то время как запасы молока, масла, яиц, хлеба и прежде всего свежих овощей почти истощились. Для желудка Гитлера это стало особенно тяжким испытанием.

Именинное застолье представляло собой мрачное зрелище. Было не до веселья. Доброе расположение духа наигранно, подарков мало, и все никчемные. Ева специально заказала свой портрет в затейливой серебряной рамке. (Что делал Гитлер со всеми фотографиями, которые она ему дарила? Он не мог ставить их себе на письменный стол, а тем более вешать на стену, хотя портрет Гели украшал его спальню в рейхсканцелярии. Ее можно было показывать, но Еву надлежало прятать.) Как ни старалась Ева развлечь гостей, атмосфера воцарилась тягостная, сам Гитлер выглядел утомленным и подавленным. Злополучное покушение в июле 1944 года надолго подорвало его силы, а переутомление, разочарование и досада на превосходство сил союзников — каковое невозможно было более отрицать, ибо они стояли у самого порога — словно прибавили ему лет, так что он выглядел гораздо старше своих пятидесяти шести. Вечеринку вскоре перенесли наверх, в просторные залы новой рейхсканцелярии, где все пытались изображать веселье под непрестанные завывания сирен воздушной тревоги. Ева оставила их и вернулась в бункер — пить чай наедине с Гитлером в его тесном кабинете и предаваться воспоминаниям о прежних, куда более радостных днях рождения.

Наконец, в пять утра фюрер отправился спать и на следующий день встал позже обычного, в два часа дня. Чисто выбритый и одетый в привычную униформу, он медленно поднялся по ступеням, ведущим в парк рейхсканцелярии. Там он сфотографировался последний раз в жизни, награждая Железным крестом за выдающуюся храбрость горстку измученных войной солдат и двадцать новобранцев из гитлерюгенда — смертельно бледных от усталости подростков. Гитлер, пряча за спину судорожно трясущуюся левую руку, но пытаясь улыбнуться, треплет по щеке белобрысого паренька, который взирает на него с непо-

нятным выражением — почтения, ужаса, обвинения? Эти закаленные в бою мальчики так отличались от здоровых крепышей, вскидывавших руки в единодушном салюте «Хайль Гитлер!» семь лет назад в Нюрнберге. Теперь они сражались, защищая Берлин от русских танков, и вместо славы, о которой они мечтали, их ждала горькая, порой смертоносная награда. Лишенные самого ничтожного шанса когда-нибудь стать взрослыми, они тысячами гибли от рук советских солдат. Бойцы народного ополчения и мальчишки из гитлерюгенда, откликнувшиеся на призыв защищать своего фюрера до последнего вздоха, верили, что генерал Венк уже идет им на помощь. Очередная ложь. Их командиры знали правду, и все же изнуренные дети — некоторым всего по двенадцать лет — продолжали строить импровизированные баррикады. Они храбро бились, и их мужество заслуживает признания, пусть они и служили неправому делу.

В то же самое время — в тот же день, сразу после полудня — колонна грузовиков из Нойенгамме, концентрационного лагеря под Гамбургом, доставила в пустое здание школы на севере города партию евреев из двадцати двух детей от четырех до двенадцати лет, двух женщин и двадцати шести мужчин. Все они использовались для медицинских экспериментов и являли собой ужасающее свидетельство бесчеловечного обращения режима с теми, кого он не убивал. Именно поэтому их нельзя было оставлять в живых. Пятьдесят человек загнали в школьный спортзал и повесили одного за другим: взрослых, детей и четверых сопровождавших их медицинских работников. Милосердие и сострадание давно вымерли.

Гитлер и его маленькая свита вернулись в рейхсканцелярию, где он отобедал с двумя своими старшими секретарями, Иоганной Вольф и Кристой Шрёдер. Криста служила ему с тех пор, как он стал канцлером, — двенадцать лет.

А хладнокровная, невозмутимая Иоганна работала у него еще с 1929 года. Он знал, да и они, наверное, знали, что никогда больше не сядут за стол вместе.

Притворяться более не имело смысла. Решающий момент наступил. Все, включая фюрера, знали, что Советская армия окружает город. Осталось только два пути к бегству, да и те в любое мгновение могли оказаться перекрытыми. Всех созвали выслушать Гитлера, и люди столпились в так называемом «большом зале совещаний» его бункера: Геринг, Денитц, Кейтель, Риббентроп, Шпеер, Йодль, Гиммлер, Кальтенбруннер и Кребс, большая часть его личных подчиненных, около сотни должностных лиц и прочих обитателей подземелья. И Ева. Гитлер произнес речь, которую начал с изложения бесполезного плана обороны города и закончил признанием, что желающие уйти должны сделать это, пока не поздно. Он надеется, что они скоро снова соберутся в Оберзальцберге и продолжат вести войну оттуда. Сам он, мол, еще не решил, покинуть Берлин или остаться. Шпеер вспоминал: «Гитлер сказал им, что хочет, чтобы они спасались, бежали на запад. Он всем посоветовал пробираться на юг Германии, где они будут в безопасности. Он устроил на месте множество побегов — на самолетах, на автомобилях. Одно только не приходило Гитлеру в голову — бежать самому. И конечно, многие хотели спасти свою жизнь и пришли проститься».

Вечером 20 апреля 1945 года Шпеер, Гиммлер, Геринг и Лей вместе с десятками других покинули бункер.

День клонился к вечеру. Они получили избавление, которого так ждали — особенно Геринг, хотя его имущество, его жена и ребенок уже два месяца как были надежно укрыты в баварских горах. Он едва скрывал свое нетерпение отправиться поскорее в путь. Гитлер объявил, что останется в Берлине поддерживать боевой дух своих солдат, а когда всякая надежда будет потеряна, покончит с собой. Все

наперебой упрашивали его ехать в Баварию. Риббентроп обратился к Еве, умоляя ее вытащить Гитлера из Берлина. Следует обратить внимание на тот факт, что он считал ее единственным человеком, способным повлиять на него. Ева отказалась. Траудль Юнге пишет:

> Он имел разговор с Евой Браун, содержание которого она позже пересказала мне.
>
> «Попросите его уехать из Берлина с вами. Этим вы окажете неоценимую услугу Германии».
>
> Но Ева ответила: «Я не стану передавать ваше предложение фюреру. Он должен решать сам. Если он сочтет нужным остаться в Берлине, то я останусь с ним. Если он уедет, тогда я тоже уеду».

Всего несколько часов оставалось в запасе у отшельников в бункере до перекрытия дороги на юг. Не менее восьмидесяти человек второпях упаковали чемоданы и пришли к Гитлеру прощаться. Он молча смотрел на каждого или бормотал что-то невнятное. Его самые давние, с начала двадцатых годов, сподвижники, с трехзначными партийными номерами, старые товарищи по оружию, кому он верил, кого наделил влиянием и богатством, покидали его. Дав им разрешение на отъезд, Гитлер все же в глубине души надеялся, что они останутся. Его адъютант Юлиус Шауб засвидетельствовал: «Гитлер был глубоко разочарован, просто потрясен, что его «рыцари» добровольно бросают его. Он просто кивнул людям, которых поднял к вершинам власти, и молча вышел».

Словно крысы, высыпающие из норы, воровато, но в лихорадочной спешке, с набитыми чемоданами и небрежными словами прощания, преторианская гвардия Гитлера ринулась спасать свою шкуру. Вереница автомобилей и самолетов потянулась на юг. Многие переоде-

лись в гражданское, надеясь избежать ареста. Другие сорвали знаки отличия с мундиров, чтобы оккупанты не догадались, сколь важные, *чрезвычайно важные*, персоны под ними скрываются. Щеголь Геринг сменил свою сизо-серую униформу с тяжелыми золотыми эполетами на менее приметную, цвета хаки — «как американский генерал», кисло заметил кто-то. В течение следующих трех дней двадцать самолетов вылетели из двух все еще открытых берлинских аэропортов с приказом доставить пассажиров в безопасное место. Многие направились в Берхтесгаден.

Иоганне Вольф и Кристе Шрёдер Гитлер приказал уезжать. Фрейлейн Вольф плакала, понимая, что никогда больше не увидит человека, который шестнадцать лет был ей добрым, внимательным начальником. Альберт Шпеер, некогда любимый протеже, не попрощавшись, уехал на своем автомобиле в четыре часа следующим утром, на север, чтобы воссоединиться с семьей, проживающей в относительной безопасности в городе Каппельн, на обособленном полуострове, омываемом Балтийским морем, неподалеку от Гамбурга. По пути через задымленный Берлин он, повинуясь внезапному порыву, вышел из машины и написал на стене: «Альберт Шпеер, 21 апреля 1945». Желание оставить по себе память или просто заметка для истории? Или столь свойственный человеку эгоизм, потребность крикнуть «я здесь был»?

Иллюзии Гитлера рассыпались в прах после отъезда тех самых людей, которые не далее как вчера клялись ему в вечной верности. Ослепленный лестью, он им верил. Несколько его близких — верные адъютанты, две младшие секретарши и повариха фрейлейн Манциарли — присоединились к нему и Еве, дабы выпить по стаканчику шнапса перед ранним ужином, после чего фюрер в одиночестве удалился в спальню.

Затем случилось нечто как нельзя более типичное для несгибаемого духа Евы – или же ее поверхностной сущности, кому как больше нравится. Траудль Юнге рассказывает, что после ухода Гитлера Ева устроила, представьте себе, импровизированную вечеринку.

> Ева Браун хотела заглушить страх, пробудившийся в ее душе. Она хотела еще раз отпраздновать, пускай никаких поводов для праздника и не осталось, хотела танцевать, пить, хотела забыться... Она хватала каждого встречного-поперечного и волокла за собой в бывшую гостиную Гитлера на втором этаже, которая все еще была цела, хотя вся хорошая мебель перекочевала в бункер. Даже Борман и жирный доктор Морелль притащились. Кто-то где-то откопал старый граммофон с одной-единственной пластинкой «Кроваво-красные розы говорят тебе о счастье». Ева Браун желает танцевать! Внезапно она всех нас без разбора закружила в бесшабашном вихре, словно уже ощущала ледяное дыхание смерти. Мы пили шампанское и истерически хохотали. Я тоже смеялась, по мне, это все же лучше, чем плакать. Нас то и дело отвлекал то взрыв, то телефонный звонок, то очередное отчаянное послание, но никто не говорил о войне, боях и смерти. Это был пир, заданный призраками. И всю ночь напролет розы сулили счастье.

Траудль сочла вечеринку ужасной и ушла спать, но остальные танцевали чуть ли не до утра под «Кроваво-красные розы», без умолку гремящие из граммофона, водруженного на столик, выполненный по эскизу Шпеера, – единственный приличный предмет мебели в помещении.

Из всех необычных эпизодов в жизни Евы Браун этот, безусловно, самый выдающийся. Всего в нескольких километрах от Берлина русские войска на ходу грабили, насиловали и убивали без зазрения совести. К 20 апреля

армия уже стояла на окраине столицы. А в сердце разоренного, осажденного города люди, чья идеология породила Третий рейх, *праздновали*: пили шампанское, шумели, пели и истерически-безудержно хохотали. Если случался в истории пир во время чумы, то это был как раз он. Как на всякой вакханалии, пение и танцы переросли в оргию. Женщин — не Еву, конечно, ее ужаснуло это зрелище — прижимали к стенкам, задирая им юбки до пояса. Кого-то целовали и щупали, кто-то совокуплялся прямо на полу. Нравственное уродство таких старых развратников, как Морелль, Гофман и Борман, было выставлено на всеобщее обозрение. Ева Браун потихоньку ускользнула. Пир бушевал до зари, пока залпы артиллерийских орудий не загнали всех вниз, в спасительный бункер.

В половине десятого утра 21 апреля, всего через несколько часов после окончания ночной бомбардировки, начался еще более интенсивный обстрел Берлина, Отто Гюнше, адъютант Гитлера по СС, доложил, что фюрер в гневе вылетел из своей комнаты с криком: «Это еще что такое? Откуда стреляют?»

Генералу Бургдорфу пришлось объяснить ему, что центр города находится под вражеским огнем.

«Неужели русские так близко?» — ужаснулся Гитлер.

Вечером 22 апреля в бункер прибыла семья Геббельс.

Это было воскресенье. Солнце сияло вовсю, согревая тем нежным весенним теплом, что лелеет ростки новой жизни. Но не многие берлинцы осмелились бы выйти за порог, чтобы прогуляться по Курфюрстендамм или поиграть с детишками там, где прежде красовались парки. О подобных развлечениях и не помышляли. В бункере же никто не чувствовал времени суток, времени года или перемен погоды. Люди сновали по подземным тоннелям из одного удушливого отсека в другой с сознанием, что в любой момент может наступить конец, вот-вот с оглушающи-

ми воплями вломятся, размахивая оружием, грубые солдаты, примутся насиловать и убивать. Бункер почти опустел. Остались основной технический персонал и близкие к Гитлеру женщины, идущие, как лунатики, навстречу неизбежному. Только однажды приоткрыла Ева свое истинное душевное состояние. Траудль Юнге вспоминает:

Мы лишились обычных человеческих чувств, мы не думали ни о чем, кроме смерти. Гитлер и Ева, когда они умрут... когда и как умрем мы. Внешне Ева Браун держалась все так же спокойно, почти бодро. Но однажды она пришла ко мне, взяла мои руки в свои и сказала приглушенным, дрожащим голосом:

«Фрау Юнге, мне так безумно страшно! Поскорее бы все это кончилось!»

В ее глазах отразилось страдание, которое она до сих пор скрывала.

Она написала последнее письмо любимой подруге Герте в совсем ином тоне, чем то, что отослала три дня назад.

Моя дорогая, милая Герта!

Это мои последние строки, последняя весточка от меня живой. Я не могу заставить себя написать Гретль, так что ты уж поговори с ней осторожно. Я собираюсь прислать тебе мои украшения и прошу тебя раздать их в соответствии с моим завещанием, которое хранится на Вассербургерштрассе. Надеюсь, вам это поможет продержаться на плаву какое-то время. Пожалуйста, уезжай из Бергхофа, если только можешь. Все подходит к завершению, и тебе очень опасно будет там оставаться.

Мы тут намерены бороться до последнего, но боюсь, конец все ближе. Не нахожу слов, чтобы описать, как мне больно за фюрера. Прости, пожалуйста, что письмо такое

сумбурное, но меня окружают шестеро детишек Г. [Геббельс], а они не способны сидеть тихо. Что еще сказать? Я не могу понять, как до такого дошло, но в Бога после этого верить невозможно!

Человек ждет, чтобы забрать письмо, — вся моя любовь и наилучшие пожелания тебе, мой верный друг! Передай поклон моим родителям, приветы всем моим друзьям. Я умру, как жила.

Мне не тяжело это. Ты же знаешь.

Люблю и целую всех,

ваша Ева

Может быть, все снова станет хорошо, но *он* утратил веру, и я боюсь, что надежды наши напрасны.

Ева утратила веру в Бога, а Гитлер утратил веру в победу. Но она непоколебимо стояла на своем: «Я умру, как жила. Мне не тяжело это. Ты же знаешь». Что тут еще скажешь, кроме ласковых банальностей?

Моя мать едва ли могла найти утешение в письмах. Помню, как она показывала мне записку от тетушки Лиди на разглаженном бумажном пакете. «*Gibt's kein Papier!*» — нацарапала моя двоюродная бабушка. Бумаги нет.

Мама, хоть и мучилась беспокойством о своей семье в Гамбурге — жертвах войны, которой она никогда не понимала, — но цеплялась за привычный мир ежедневных хлопот, «свой распорядок», как она это называла: стирку, готовку, мытье посуды, полировку мебели (включая детское пианино «Бехштейн», чуть ли не единственную вещь, привезенную ею из родительского дома в память о мечте своей юности стать певицей). Она застилала постели, штопала и перештопывала плотные фильдеперсовые чулки, уродовавшие ее стройные ноги, исхитрялась стряпать какие-то

съедобные блюда из яичного порошка, картофеля, репы и спама[1], отдавала мне свой паек масла и молока, чтобы я выросла большой, сильной девочкой (так оно и вышло). Но эти лишения были ничтожны по сравнению с тем, что терпела ее семья, роясь в развалинах Гамбурга в поисках еды, дров и даже бумаги.

Подробности важных событий в Германии, передвижения войск, наступление Советской армии на Берлин путались в голове моей матери, которая и географическую карту-то с трудом разбирала. Она мало знала о происходящем — само собой, новости в газетах и на канале BBC излагались предвзято и с чрезмерным оптимизмом, — а я не знала ничего. Для меня гораздо важнее было, что на эту неделю приходился мой пятый день рождения. Я получила подарок от родителей: маленький столик где-то в три дюйма длиной и два стульчика к нему для моего кукольного домика. Ребенком я не слишком любила играть в куклы, но до сих пор вижу эти подаренные мне игрушки так ясно, словно они стоят передо мной на письменном столе.

Позже в то же воскресенье 22 апреля, в 3.30 пополудни, Гитлер в последний раз собрал военное командование трех армий на совещание. Он перевозбудился, а затем впал в истерику. Он вышел из себя, сыпал проклятиями, обзывал своих командиров (Кейтеля, Йодля, Кребса и Бургдорфа) никуда не годными растяпами, трусами и предателями, бушевал и орал до полного изнеможения. И наконец, согласился — когда ему сказали, что русские уже вступили на северную окраину города, — что продолжать бои бессмысленно. Как только припадок прошел, он рухнул в кресло,

1 В те дни спамом называлось нечто вроде прессованной ветчины, изготовленной из негодных в пищу мясных обрезков. Его использовали для бутербродов и начинки пирогов. Примерно такая же гадость, как коммерческие помои, засоряющие современную электронную почту. (*Прим. автора.*)

тихо всхлипывая, и отдал приказ о всеобщем отступлении, а затем удалился к себе, оставив потрясенную аудиторию в недоумении.

Вслед за тем имел место эпизод, увенчавший годы, проведенные Евой подле Гитлера. После долгих лет притворства и скрытности фюрер показал, что любит и ценит ее. Он вызвал к себе двух оставшихся секретарей, Траудль Юнге и Герду Кристиан, свою личную повариху Констанце Манциарли и Еву Браун. Фрау Юнге записала, что произошло дальше:

> Лицо Гитлера, лишенное всякого выражения, с потухшими глазами, напоминало маску смерти. Он сказал: «Идите и собирайтесь сейчас же. Через час самолет заберет вас на юг. Все потеряно, безвозвратно потеряно». [*«Es ist alles verloren, hoffnungslos verloren»*.]
>
> Ева Браун первой стряхнула с себя оцепенение. Она подошла к Гитлеру — который уже схватился за ручку двери, — взяла его за обе руки и сказала с успокаивающей улыбкой, как говорят с малыми детьми: «Полно тебе, ты же знаешь, что я остаюсь с тобой. Я не позволю тебе отослать меня прочь».
>
> Тут глаза Гитлера вновь наполнились светом, и он сделал нечто такое, чего никто, даже самые близкие друзья и доверенные служащие, никогда, ни разу не видел: поцеловал Еву Браун в губы.

Он поцеловал Еву Браун в губы. Не поцеловал, как обычно, ручку, едва скользнув губами по коже, не символически, не из формальной любезности, но по-настоящему, как любовник, в губы. Он признался в любви, показав женщинам, перед которыми десять лет соблюдал приличия, что она его избранница, его спутница, его возлюбленная. Он преодолел свои внутренние комплексы, признав и почтив ее недвусмысленным публичным жестом. *Это* был ее триумф, ее звездный час.

Потом Гитлер сказал: «Мне невыносимо тяжело произнести это, но так уж сложилось: я не хочу оставаться и умереть здесь, но у меня нет выбора».

Фрау Кристиан и я ответили почти в один голос: «Мы тоже остаемся!»

Гитлер внимательно посмотрел на нас: «Прошу вас, уезжайте!» Но мы только покачали головами. Он пожал каждой из нас руку. «Хотел бы я, чтобы мои генералы обладали вашей храбростью!»

Даже фрейлейн Манциарли, которой было нечего больше делать на кухне, не пожелала покинуть Берлин.

Четыре женщины удалились из комнаты, чтобы написать друзьям и семьям, распорядиться своим имуществом, составить завещания, привести в порядок одежду и прочие вещи, которые попадут в руки варваров. Гитлер дал большинству находящихся в бункере женщин разрешение на отъезд и обещал помочь им выбраться из Берлина. Многие охотно приняли его предложение. Оставшись без дела, он переключил свое внимание на собак. Фюрер сидел в коридоре, пристроив одного из щенков Блонди к себе на колени, и безучастно глядел, как приходят и уходят люди. Подчиненные тихо и спокойно выполняли свои обязанности, следуя его указаниям. Непристойные празднества закончились.

В тот же вечер первые элитные танковые дивизии русских достигли южной окраины Берлина. Улица за улицей они пробивали себе путь через разрушенный, обгорелый, изуродованный город. Здания лежали в руинах, у некоторых сохранились в целости первые два-три этажа, а сверху, на месте бывших комнат, зияли пробоины или торчали столбики кирпича. Сожженные автомобили, словно мертвые черные жуки, валялись по обочинам дорог. Плотное облако пепла и пыли серой пеленой окутывало улицы. Днем непрерывный артиллерийский огонь угрожал тем,

кто выползал из укрытия на поиски еды или за водой к колонке. Ночью зловещий свист, грохот и взрывы падающих бомб угрожали всем и каждому.

Артиллерия подошла уже совсем близко, на расстояние всего двенадцати километров. Обстрел практически не прекращался. Бункер фюрера казался более надежным убежищем, чем апартаменты семьи Геббельс наверху, в рейхсканцелярии. Гитлер приказал Йозефу и Магде с их шестью детьми в возрасте от пяти до двенадцати лет перебраться под землю. Вечером 22 апреля они заняли четыре комнаты в малом бункере на верхнем уровне, ранее принадлежавшие доктору Мореллю. Хельга, Хильда, Харальд, Хольде, Хедда и Хейде не подозревали, какая судьба их ждет, и взрослые приложили все усилия, чтобы так оно и оставалось. Правда, старшая девочка, двенадцатилетняя Хельга, явно о чем-то догадываясь, ходила с тревожным и печальным видом. Для малышей это означало только, что мама, папа, любимый дядя Адольф и тетя Ева теперь всегда будут поблизости и смогут поиграть с ними. Их привели в восторг трехнедельные щенки Блонди — «колбаски», как их называла Ева. «Детишки Геббельс были единственным лучиком света в темном царстве бункера. Они говорили, что «живут в пещере» с дяденькой фюрером, и все принимали участие в игре, чтобы развлечь их по мере сил», — рассказывала летчица Ханна Рейч, о которой позже мы поговорим подробнее. Шестеро красивых и прекрасно воспитанных ребят чинной вереницей проходили мимо людей, толпящихся в проходах, вызывая умиление и острую жалость взрослых. Родители их решили, что они не должны жить в побежденной Германии, обделенные предназначением, которое готовили им светлые локоны. Магда, все еще фанатичная нацистка, объявила: «Лучше пусть мои дети умрут, чем будут жить опозоренными, освистанными в Германии, какой она станет после войны».

Самой сложной задачей для Евы, помимо смерти, стало составление прощального письма сестре, находящейся на последних неделях беременности. Еще вчера она писала Герте, что не может заставить себя взяться за перо, но знала, что это неизбежно. Она осторожно выбирала выражения, не осознавая до конца серьезность положения, но стараясь не расстраивать хрупкую Гретль. (Письмо дошло по назначению на удивление быстро, через четыре дня — 27 апреля.)

Берлин, 23 апреля 1945

Моя дорогая сестренка!

Как мне жаль, что ты получишь от меня такое письмо! Но иначе нельзя. Теперь уже в любой день, в любой час все может быть кончено, так что я вынуждена воспользоваться этой последней возможностью, чтобы сказать тебе, что еще нужно сделать. В первую очередь: Германа [мужа Гретль] здесь уже нет! Он отбыл в Науэн, чтобы собрать свой батальон или что-то в этом роде. Я нисколько не сомневаюсь, что ты увидишься с ним. Он обязательно прорвется, быть может, даже соберет ополчение в Баварии, хотя бы на некоторое время. Сам фюрер потерял веру в благополучный исход. *Все мы здесь, и я тоже, будем надеяться, пока живы.* Держи голову выше и не отчаивайся! Надежда умирает последней. *Но, само собой разумеется, мы не сдадимся в плен живыми.*

Моя верная Лизль [Аннелизе, ее личная горничная] не желает покидать меня. Я столько раз ей предлагала. Мне очень хотелось бы подарить ей свои золотые часы. К сожалению, в завещании я отписала их Мизи [подруге]. Может быть, ты найдешь вместо них для Мизи какую-нибудь другую ценную вещь среди моих украшений. Уверена, ты сделаешь все правильно. Кроме того, я хочу, чтобы золотой браслет с зеленым камнем был на мне до самого кон-

ца. Я попрошу снять его с меня потом, и тогда ты носи его всегда, как я носила. Он тоже достается Мизи по моему завещанию. Так что ты уж уладь, пожалуйста, это дело. К сожалению, мои часы с бриллиантом в ремонте, я напишу тебе адрес в конце письма. Если повезет, ты еще успеешь забрать их. Это тебе, ты же всегда хотела такие. Бриллиантовый браслет и кулон с топазом тоже твои — мне подарил их фюрер на последний день рождения. Я очень надеюсь, что эти мои пожелания будут исполнены.

Вдобавок я должна просить тебя вот о чем: уничтожь всю мою частную переписку, а деловую в особенности. Ни при каких обстоятельствах я не хочу, чтобы хоть один счет от этой Хайзе [портнихи Евы] был обнаружен. Еще, пожалуйста, сожги конверт, адресованный фюреру, лежащий в сейфе бункера. Окажи любезность, не читай содержимого! Что касается писем фюрера и черновиков моих ответов (в синей кожаной записной книжке), будь добра, заверни их во что-нибудь водонепроницаемое и закопай. Пожалуйста, не уничтожай их! Там есть какие-то неоплаченные счета от Хайзе, и не исключено, что придут еще новые, но вместе они не составят больше 1500 рейхсмарок. Понятия не имею, как тебе следует поступить с фильмами и фотоальбомами. В любом случае обожди, пожалуйста, до последнего момента, прежде чем уничтожить все, только деловые и личные письма и конверт к фюреру можешь сжечь сразу же. Также я посылаю тебе кое-какие продукты и табак с этим письмом. Отдай, пожалуйста, немного кофе Линдерсу и Кетль и им же пошли каких-нибудь консервов из моего погреба. Сигареты в Мюнхене — для Манди, и те, что в чемодане, тоже. Табак папе, шоколад мамочке. В Бергхофе есть еще шоколад и табак, возьмите себе весь. Больше ничего в голову не приходит. Вокруг начинают поговаривать, что дела идут на поправку. Вчера генерал Бургдорф оценивал наши шансы как 10 к 100, а сегодня говорит уже

о пятидесяти процентах. *Вот так! Может, все-таки в конце концов все будет хорошо!*

Добрался ли до вас Арндт с письмом и чемоданом? [Вильгельм Арндт вылетел 22 апреля, но самолет сбили, никто не уцелел.] Мы тут слышали, что самолет не прилетел вовремя. Будем надеятся, что он благополучно приземлится у вас с моими драгоценностями. Ужасно, если с ним что-то случилось. Если смогу, завтра первым же делом напишу маме, Герте и Георгу.

Но довольно на сегодня.

Желаю тебе, милая сестричка, много-много счастья. И не забывай, ты непременно увидишься с Германом!

С любовью и наилучшими пожеланиями,

целую,

твоя сестра Ева

Постскриптум: Я только что говорила с фюрером. Он, кажется, настроен несколько более оптимистично, чем вчера. Адрес часовщика: Унтершарфюрер СС Штегеманн, Лагерь СС Ораниенбург, эвакуированный в Киритц.

Это последнее сохранившееся послание Евы во внешний мир. Телефонные линии были обрезаны, дороги перекрыты, и ни один пилот в своем уме не рискнул бы вылететь из Берлина. В письме нет ни слова раскаяния или жалости к себе. Помыслы Евы устремлялись к сестре, родителям, друзьям и верной горничной.

Двадцать второго апреля, пока семья Геббельс обустраивалась, барон Фрейтаг фон Лорингховен — полевой адъютант генерала Кребса, один из всего троих свидетелей последних дней в бункере, все еще живых на момент создания этой книги, — прибыл в бункер с известием, что советские войска идут в решающую атаку на Берлин. Фюрер, понимая, что все пропало, но твердо намереваясь бороться до

самого конца, попросил Кребса остаться в Берлине в качестве его главного военного советника. Фон Лорингховен признался: «Я подумал: это мой смертный приговор». Все обсуждали, как вывести из бункера оставшихся женщин, и он вспоминает: «Никогда не забуду, как пресмыкался Морелль 22 и 23 апреля. Он сидел безвольно, как мешок с картошкой, и молил отпустить его. И выклянчил-таки разрешение». Говорят, в ответ на просьбу Морелля Гитлер рявкнул: «Снимай свою униформу и проваливай лечить пациентов на Курфюрстендамм!»

Двадцать третьего апреля доктор Морелль покинул бункер, за ним Юлиус Шауб, двадцать лет служивший старшим адъютантом Гитлера, а также все оставшиеся женщины, несколько стенографистов и многие другие.

Морелль, кряхтя от облегчения по дороге на юг, должно быть, поздравлял себя с избавлением. Как и всех мошенников, природа наградила его способностью к выживанию.

Глава 28

Последний рубеж Гитлера

Двадцать третьего апреля из Берхтесгадена пришла дерзкая телеграмма. Геринг, благоразумно убравшийся подальше от орбиты Гитлера, предлагал, поскольку фюрер в данных обстоятельствах не способен вести войну из Берлина, «немедленно взять на себя управление Рейхом со всеми полномочиями. <...> Если ответ не придет к десяти часам сегодняшнего вечера, я приму за данность, что Вы потеряли свободу действий, и буду считать, что Ваш декрет [соглашение от апреля 1941 года, передающее власть Герингу при определенном стечении обстоятельств] вступает в силу». Когда выяснилось, что Геринг, кроме того, вел тайные переговоры с врагом, Гитлер пришел в неописуемую ярость. Он осыпал бранью своего заместителя — борова, чей хлев он набил предметами роскоши, — лишил его всех орденов и официальных полномочий и отдал приказ о его аресте. Гитлер объявил, что Геринг не является более командующим Люфтваффе, и назначил на этот пост генерал-полковника Роберта Риттера фон Грейма. Горькое разочарование постигло фюрера, осознавшего, что его главный соратник не чтил, как он верил, его гений и превосходство, а всего лишь с нетерпением ждал случая перехватить власть и прилагающиеся к ней несметные богатства.

Двадцать четвертого апреля Шпеер вернулся в бункер и снова уехал через во́семь часов.

Ева Браун не теряла надежды, что Альберт Шпеер, любимец Гитлера и ее добрый друг, присоединится к ним в бункере. «Я знаю его. Уверена, он приедет, — успокаивала она Гитлера. — Он твой друг, настоящий друг, он не бросит тебя». 24 апреля он действительно вернулся. Шпеер прилетел в Гатов, единственный берлинский аэропорт, все еще открытый для сообщения, и добрался до бункера, где его встретили с изумлением и радостью. Более сорока лет спустя он говорил: «Несмотря на то, что я предупредил о своем скором приезде по телефону, для адъютантов Гитлера, которых я нашел пьющими наверху в канцелярии, мое появление, кажется, было полной неожиданностью». Траудль Юнге подтверждает:

> Мы были поражены, увидев Шпеера. Вроде бы у него не было никаких причин возвращаться, но мы подумали: как же это благородно с его стороны! А Ева Браун, с которой мы к тому времени неплохо ладили, была просто на седьмом небе от счастья — он приехал, как она и предсказывала. Все знали, как тепло она к нему относится, ведь он много лет был ее единственным другом среди крупных шишек. Но больше всего она радовалась за Гитлера.

В тот вечер Шпеер и Гитлер проговорили несколько часов кряду, и Шпеер признался, что намеренно нарушил приказ Гитлера в случае победы союзников уничтожить Германию, не оставив ничего, кроме выжженной земли. Но Гитлер, очевидно, простил ему неповиновение. Его бывший протеже впоследствии вспоминал:

> Фюрер выглядел очень старым, очень усталым, но в то же время очень спокойным, смирившимся, как мне показалось, готовым принять смерть. <...> Потому что теперь в каждом его слове звучало его намерение покончить с со-

бой. И он заверил меня, что ничуть не боится, что рад умереть. <...> Он поведал мне все детали: что Ева Браун решила умереть вместе с ним, что перед смертью он застрелит свою собаку Блонди.

(На самом деле Блонди отравил доктор Людвиг Штумпфеггер. Гитлер беспокоился, как бы яд, который дал ему Гиммлер, не оказался просроченным и, следовательно, неэффективным. Он использовал Блонди в качестве подопытного кролика, чтобы убедиться, что средство подействует. Человеку, готовому позволить Еве Браун умереть с ним — возможно, даже собственноручно вложить ей между губ ампулу с цианидом, — не хватало духу убить свою собаку. «Гитлер очень любил Блонди и очень тяжело переживал ее смерть», — отметила Эрна Флегель. Сентиментальность, извечный немецкий порок, помогла ему отгородиться от угрызений совести.)

Шпеер провел в бункере восемь часов, успев поприсутствовать на совещании, где обсуждалось нынешнее положение дел. Когда совещание закончилось, он пошел проститься с Магдой Геббельс, умом и целеустремленностью которой всегда восхищался. Он надеялся убедить ее не умирать и тем более не убивать шестерых детей ради Гитлера, а уносить ноги из Берлина, пока еще есть возможность. Его секретарша вспоминала после войны: «Шпеер знал ее очень близко. <...> Он стал ее доверенным другом, таким же, каким был и до конца оставался для Евы Браун». Магда лежала в постели с приступом стенокардии — бледная, в слезах. Шпеер страшно разозлился, когда ворвался ее муж и не дал им попрощаться с глазу на глаз. «Все он, этот монстр! — взорвался Шпеер. — Это он заставил ее принять чудовищное решение [убить их детей], только затем, чтобы выглядеть героем в памяти потомков. И даже не дал нам несколько минут побыть

вдвоем. Омерзительно». Между ними никогда не происходило чего-либо неподобающего, Шпеер просто уважал Магду за высокий интеллект и умение сохранять достоинство перед лицом откровенных измен мужа. Она была одной из очень немногих в Бергхофе, кого он считал равными себе.

Позже в тот же вечер, около полуночи, ординарец передал Шпееру приглашение навестить Еву. Больше двух часов они болтали и сплетничали, вспоминая старые добрые времена, горнолыжные курорты, долгие прогулки по горам и лесам в окрестностях Оберзальцберга. Они обошлись без упреков и сантиментов — двое давних друзей, связанных взаимным доверием и восхищением, вели приятную беседу в последний раз. То, что она так нравилась Шпееру, многое говорит о ее уме и целостной натуре. В отличие от клоунов и распутников, вроде Бормана и Геринга, он, видимо, не сомневался в том, что она искренне любит Гитлера. Шпеер, который и сам, на свой лад, любил фюрера, пусть и не совсем бескорыстно, понимал и уважал ее чувства. В своих мемуарах он писал: «Она, единственная из всех обреченных на смерть в бункере, проявляла потрясающую, исключительную выдержку».

Ева велела подать им «Моэт и Шандон» и пирожные. (Никто, кроме нее, не подумал о том, что он целый день не ел и, должно быть, голоден. Подобная чуткость вообще была ей свойственна, заметил Шпеер.) Она снова и снова повторяла ему, как она рада его приезду: фюрер, дескать, уже начал думать, что Альберт тоже против него. Она явно полагала, что Шпеер собирается остаться и умереть вместе с Гитлером.

> Она сказала мне [воспоминания Шпеера тридцать лет спустя]: «Ты приехал, я же говорила ему, что ты приедешь. И это доказывает, что ты на его стороне». Я не на-

ходил слов, чтобы сказать ей, именно ей... Но все-таки сообщил, что уеду той же ночью, чуть позже. Она очень спокойно ответила, что, конечно, я так и должен поступить.

Эта молодая женщина, сказал Шпеер своему биографу, была единственным человеком в бункере, «кто держался с достоинством, с почти веселым спокойствием. А затем она положила руку мне на плечо, всего на мгновение, и сказала, что действительно счастлива находиться здесь и ничуть не боится. Чудесная все-таки девушка...».

Около трех часов утра пришел ординарец с докладом, что Гитлер снова встал, и Ева со Шпеером попрощались. «Она пожелала мне удачи и передала привет моей жене. Я был поражен. Подумать только, простая мюнхенская девчонка, пустышка... и все же она была совершенно необыкновенная женщина. И Гитлер знал. Он никогда не говорил этого, и не думаю, чтобы часто давал ей это почувствовать, но сам прекрасно понимал...»

Гитлер прощался со Шпеером куда короче и сдержанней: «А, ты уезжаешь. Хорошо. Что ж, прощай». Ни добрых пожеланий, ни благодарности, ни приветов. Двенадцать лет Шпеер был близким другом и доверенным лицом этого человека, а следующие двадцать провел из-за него в тюрьме Шпандау. На свободу он вышел только в 1966-м, в возрасте шестидесяти одного года, потратив впустую почти всю жизнь. На Нюрнбергском процессе Шпеер ответил на вопрос, зачем он в тот последний раз вернулся повидаться с Гитлером: «Я чувствовал, что обязан не удирать, как трус, а еще раз посмотреть в лицо происходящему». Гитте Серени он говорил совсем другое, объясняя, что не попрощался двадцать первого апреля, когда все уезжали. «Я потом и сам себе этого объяснить не мог. Я как будто

знал в глубине души, что еще увижу его. Хотя, конечно, это может быть и оттого, что я не находил в себе сил проститься с ним... так». Имеется в виду — публично. Со Шпеером Гитлера связывало нечто большее, чем с прочими соратниками. Нечто более сильное, напряженное, интимное. Не отношения отца и сына, а, скорее, почти что платоническая любовь.

Гитлер распорядился, чтобы весь обслуживающий персонал, кроме тех, без кого никак нельзя было обойтись, использовал любые доступные средства для побега. Он требовал, чтобы Магда Геббельс с детьми уезжала, пока не поздно, но та отказалась. Хельга, видимо, догадывалась, что происходит (младшие дети, к счастью, нет), и умоляла разрешить ей уехать, говоря, что не хочет умирать.

В последние несколько дней у Гитлера начались резкие боли в правом глазу, и Гюнше пришлось давать ему кокаиновые капли, чтобы заглушить их. Гитлер сравнивал себя с Фридрихом Великим, потерявшим зубы из-за тягот Семилетней войны. Эрна Флегель, перечисляя симптомы его физического истощения, добавила: «Находясь в комнате, он все пространство заполнял своей личностью — все видели только его. Самым завораживающим в нем были глаза, от его глаз просто оторваться было невозможно». Гитлер уже разваливался на ходу, а его харизма все еще притягивала людей. Какие бы неразумные, *невыполнимые* приказы он ни отдавал, его самые верные служители продолжали подчиняться.

Двадцать пятого апреля Фегеляйн покинул бункер. Поначалу его исчезновение прошло незамеченным. 26 апреля по требованию Гитлера прибыли генерал-полковник Риттер фон Грейм и Ханна Рейч вопреки абсолютной невозможности попасть в Берлин по воздуху.

Двадцать четвертого апреля Гитлер вызвал к себе Риттера фон Грейма, чтобы лично назначить его на пост командующего Люфтваффе. В небе над Германией вражеские самолеты жужжали, словно рой разъяренных шершней. Летчик в звании фельдфебеля (он же доставил Шпеера к Гитлеру), сидел за штурвалом большую часть пути. Полет был смертельно опасен. Приближающийся к Берлину самолет встретили огнем на поражение, пилот потерял управление, а фон Грейм получил тяжелое ранение в ногу. Ханна Рейч перехватила штурвал, когда падающая машина уже задевала кроны деревьев. Управляя самолетом с заднего сиденья из-за спины фон Грейма, она ухитрилась благополучно приземлиться за несколько сотен ярдов от рейхсканцелярии. Фон Грейм говорил потом: «Она была моим добрым ангелом. Она с блеском доставила меня по назначению».

У фон Грейма в результате ранения началось заражение, и он не мог встретиться с фюрером в течение трех дней, пока Ханна выхаживала его с помощью санитарки Эрны Флегель. Это проявление преданности и мужества заметно подняло настроение Гитлера, и когда фон Грейма наконец принесли к нему на носилках, он выразил тому глубочайшую признательность.

Тем же самым вечером 26 апреля, но чуть позже, фюрер вызвал к себе в кабинет Рейч. Ханна – первая летчица-испытатель в мире, всю жизнь боготворившая Гитлера, теперь глядела на него с жалостью и отчаянием.

> Страшно видеть человека в полном упадке физических и моральных сил, трагикомедию крушения надежд и бессмысленности. Он то метался от стены к стене в своем последнем пристанище, размахивая бумагами, дрожащими, словно листья, в его трясущихся руках, то передвигал фишки по столу, воображая давно несуществующую армию, беспомощно разыгрывая свою настольную войну.

Ему нечего было предложить ей в награду, кроме смерти. Ей, столько раз рисковавшей жизнью ради него.

Он произнес слабым голосом: «Ханна, вы в числе тех, кто умрет со мной. Каждый получит капсулу с ядом». Он вручил ей две: одну для нее, вторую для фон Грейма. «Я не желаю, чтобы кто-нибудь из нас попал к русским живым, и также не хочу, чтобы они нашли наши тела. Меня и Еву сожгут».

Ханна опустилась на стул в слезах, впервые осознав, что национал-социалисты проиграли и Гитлеру это известно.

После войны Ханну Рейч допрашивали американцы. Мало кто из историков ссылается на ее показания, несмотря на их четкость и убедительную детальность. Следователь назвал ее рассказ о тех последних днях «наиболее достоверным из всех, что мы получили. Она была одной из последних, если не *самой* последней, кто выбрался живым из бункера, и ее сведения сочтены надежными». Читая ее суждение о Еве Браун, следует учитывать, что Ханна, предельно лояльная нацистка, долго была влюблена в Гитлера и не могла не испытывать ревности к его недостойной, по ее мнению, спутнице. Трудно представить себе двух более несхожих женщин.

Ханна говорила о Еве:

> Она оставалась верна своей роли «экспоната» в кругу Гитлера. Большую часть своего времени она проводила, переодеваясь, делая маникюр и так далее. В присутствии Гитлера она всегда была мила и думала только о его нуждах, но как только он удалялся и не мог ее слышать, принималась вовсю честить неблагодарных, покинувших его. Перспективу умереть вместе с ним она воспринимала как нечто само собой разумеющееся.

В то же время она считала Еву поверхностной и не имеющей решительно никакого влияния на Адольфа Гитлера. От предположения, что у них могли быть дети, она отмахивается, как от неправдоподобной выдумки. Она дает едкое, но меткое описание Йозефа Геббельса, до последнего тешащегося самообманом:

> Предательство Геринга привело его в безумную ярость. Он носился по его маленьким, но роскошным комнатам, ругая изменника последними словами. Нелепая, прыгающая походка Геббельса придавала его негодованию еще более гротескный вид. «Мы покажем миру, как мужчины умирают за свою честь. Для всех немцев мы станем священным примером, во веки веков сияющим со страниц истории».

Ханна, молодая женщина, чьи мужество и верность не нуждаются в славословиях, испытывала отвращение к Йозефу Геббельсу и куда больше восхищалась его женой: «Она была храброй женщиной, но порой у нее вырывались судорожные рыдания. Ее неизменное прежде самообладание теперь то и дело изменяло ей. Она думала только о детях, при которых всегда была бодра и весела. Магда являла собой истинное воплощение национал-социалистического учения. В благодарность за это Гитлер наградил ее почетным золотым значком партии». Фрау Геббельс была тронута до глубины души его жестом и носила значок, не снимая, до самой смерти. Потом его так и нашли приколотым к ее платью. В настоящий момент она лежала в постели в состоянии нервного срыва, предоставив поварам и секретаршам заботу о детях, но следя за тем, чтобы они вовремя ели и достаточно отдыхали. Если она и выходила из комнаты, то при виде детей ударялась в слезы. Траудль Юнге

сохранила в памяти маленький трогательный эпизод: «В тот вечер Ханна Рейч и Ева Браун укладывали спать ребятишек Геббельс. Ханна пела с ними арию на три голоса, и дети закрывали уши ладошками [вот деталь, делающая сцену живой и осязаемой], чтобы не сбиться со своей партии. Потом они бодро пожелали друг другу спокойной ночи и наконец заснули».

Смерть стала темой каждого совещания, каждой беседы, тошнотворными миазмами висела в воздухе. О смерти говорили много, как никогда, взвешивая наилучшие (самые быстрые, наименее болезненные) способы покончить с собой. Излюбленным времяпрепровождением в бункере были обсуждения всевозможных вариантов самоубийства.

> Они собирались на перекур и спорили, следует ли стрелять в рот или в висок. Кто-то предлагал новый яд, убивающий мгновенно. Рейхсканцелярия располагала одним из лучших винных погребов в стране, поскольку торжественные приемы нужно было обеспечивать напитками. Все пили изысканные вина и коньяки оттуда. Почти никто не обращал внимания на фюрера, редко покидавшего свои комнаты. Он был жесток и эгоцентричен, но отнюдь не безумен. Он мнил себя вагнеровским героем, вышедшим прямо из «Кольца нибелунга».

Шансы на спасение таяли с каждым днем. Никто не обмолвился: «Точь-в-точь как у евреев». Никто не задумывался об этом, хотя даже в самые последние часы тысячи, *десятки* тысяч евреев все еще сгонялись в лагеря на погибель. Через несколько дней или, возможно, часов обитатели бункера тоже умрут, некоторые — ужасной смертью. Всякого, кого инстинкт выживания подталкивал к попытке бежать, свои же объявляли предателем

и расстреливали либо ловили, пытали, насиловали, а потом расстреливали враги. Но надежда – последнее утешение обреченных, и большинство – особенно молодые и сильные – втайне надеялись снова попасть домой. Они открыли для себя глубокое чувство товарищества, какое возникает у заложников в экстремальной ситуации. По словам Эрны Флегель:

> Под конец мы стали как одна большая семья, ожидающая общей участи в атмосфере искренней товарищеской поддержки. Черные крылья рока распростерлись над нами. Мы – Германия, мы переживали конец Третьего рейха и войны, до последнего часа надеясь на благополучный и приемлемый исход. Все мелкое, наносное было отброшено.

Почему так много людей выражали готовность умереть за Гитлера? Не только его близкие – те, что, как ни странно, кажется, предпочитали лучше умереть, чем оскорбить его чувства, как показывает количество передумавших сразу после его смерти. Но еще и семь миллионов немцев, военных и гражданских, погибших в бою, при бомбардировках, умерших от ран, холода и голода. То, что *Гитлер* – венский маргинал, пытавшийся уклониться от призыва в армию, – стал движущей силой нацизма, повлекшего за собой столько смертей, анестезировавшего нравственность немцев до такой степени, что они игнорировали, поощряли или отрицали гибель шести миллионов евреев и еще миллионов прочих «расово неполноценных», остается загадкой, уже шестьдесят лет приводящей в недоумение историков. Да, он воспользовался хаосом в Веймарской республике и позором Версальского договора и перекроил Германию в страну, управляемую согласно ее собственным представлениям

о порядке и эффективности. Да, он пришел к власти в период экономического упадка, который его политика помогла преодолеть. Да, он, бесспорно, был несравненным оратором, он умел завораживать слушателей, улавливать настроение толпы и устраивать спектакли, приводящие ее в неистовство. Но, купаясь в лучах всенародного поклонения, он оставался эмоционально холоден, не терпел прикосновений посторонних. Он видел немецкий народ как массу, никогда не выделяя отдельных лиц. Совершенно не разбираясь в людях, он доверял пекущимся исключительно о собственных интересах проходимцам, вроде доктора Морелля или Геринга с его нелепыми расовыми теориями и непомерной жадностью, позволял подобострастному паразиту Борману управлять Бергхофом. Крайне сдержанный с друзьями, к одной Блонди он открыто проявлял ласку и привязанность. Кроме знаменитых голубых глаз, в его внешности не было ничего привлекательного: темноволосый коротышка, а вовсе не высокий, белокурый ариец. Самоучка, начитанный, но напрочь лишенный чувства меры, он ничего не знал о странах, культурах и философских течениях, кроме тех, что интересовали *его*. Ближайшее окружение находило его самого занудным, а его монологи — однообразными и скучными. И несмотря на все это, миллионы обожали его, видя в нем вдохновенного пророка и вождя новой Германии. А Ева полюбила его с первого взгляда.

Адольф Гитлер обладал харизмой, каковая равна обаянию, помноженному на сто. Раз встретив, ее ни с чем невозможно спутать: сочетание неутомимой энергии, внешней доброжелательности и пристального внимания к собеседнику. Хотя подавляющее большинство немцев никогда не встречалось с ним лично, ему как-то удавалось воплощать их мечты и грезы. С помощью фактов и цифр, при поддержке блестящего пропагандистского аппарата Геббель-

са ему удавалось обосновать свое учение, представить его в лучшем виде. Он взывал к самым глубинным, потаенным эмоциям и предрассудкам — и *как* взывал! В том-то и заключался его дьявольский гений.

Все это отнюдь не объясняет, почему Ева увлеклась им, а тем более почему умерла за него, ведь она ничего не смыслила в политике и ничуть не интересовалась ею. В семнадцать лет, когда состоялось их знакомство, она была тщеславна, доверчива и чересчур впечатлительна. Лесть взрослого мужчины кружила голову девочке, которой, судя по всему, никогда не удавалось как следует угодить отцу. Обаяние и галантность Гитлера, его маленькие подарки и любезности наивная Ева приняла за искреннее проявление интереса. Применяемая соблазнителем тактика кнута и пряника только подстегивала ее чувства — страдания из-за любимого никогда не охлаждают молодых девушек. Но почему — если исходить из предположения, что их интимная связь началась в 1932 году, когда ей было двадцать, — она оставалась предана ему душой и телом в течение следующих тринадцати лет? Не исключено, что это реакция на его зловещую одержимость смертью. Граф Дракула, главный романтический антигерой, всегда оказывал мощное эротическое воздействие на юных девиц. Запудрить женщине мозги до такой степени, чтобы она выстрелила себе в шею или раскусила ампулу с ядом, — вот методы современного вампира.

Еву тоже завораживала смерть. Ее первые детские впечатления, впитанные в важнейший период формирования личности — до семи лет, были связаны с незатейливыми песенками и жуткими историями о жестокости и убийствах. В ее подсознании запечатлелись злобные старухи из сказок братьев Гримм (а ведь их прототип — ведьмы Вальпургиевой ночи!), сговаривавшиеся с волками (волками!) убивать маленьких девочек — как, например,

ведьма из сказки «Гензель и Гретель», которую толкают в кипящий котел. Отроческие годы Евы омрачила массовая резня Первой мировой войны, выбросившая искалеченных и обезображенных бойцов на улицы Мюнхена, на всеобщее обозрение. Они демонстрировали свои увечья на рождественской ярмарке, событии года для детишек. Ей было пятнадцать на момент кончины Йозефы Кронбургер, любимой бабушки и наставницы тех лет, когда все казалось сложно и непонятно. В монастыре ей забили голову страшными картинами наказания, смерти и геенны огненной. Вагнер — сколько раз Гитлер брал ее в оперу на «Гибель богов»? — предвещал все тот же исход, смерть, на сей раз как награду. Всю жизнь угроза смерти была для Евы Браун реальной и вездесущей, как угроза сексуального насилия и похищения для современных детей. Она жила с оглядкой на смерть и верила, что это и есть уготованная ей судьба. Гитлер был Мефистофелем, сулившим смерть, подталкивающим Еву (как подталкивал и других девушек) навстречу самоубийству. И в этом тоже проявлялся его дьявольский гений.

Ночью 26 апреля мощный огневой вал обрушился на рейхсканцелярию, наполняя бункер звуками разрывающихся снарядов и грохотом обваливающихся кирпичей. На следующее утро Ханна Рейч встретила старых верноподданных, решивших умереть с Гитлером, в том числе, разумеется, двух последних секретарш Траудль и Герду, Еву и ее горничную Аннелизе. В бункере оставалось не больше ста человек. Счастливчики спали на неудобных походных койках, прочим приходилось ночевать на полу. Все ели плохую еду, дышали спертым воздухом, писали прощальные письма, пили, курили и играли в карты. Свежие овощи для Гитлера — единственная роскошь, которую он позволял себе во время войны — более не

поступали, но ему даже сейчас подавали легкие и хорошо приготовленные блюда. Тем не менее он страдал от мучительных колик.

Ева, не разделявшая вкусы Гитлера и редко обедавшая с ним, продолжала вести себя обходительно и внимательно со всеми. Ванная Гитлера была в ее распоряжении, а верная горничная Лизль содержала ее наряды в чистоте и порядке, так что она по-прежнему могла переодеваться по нескольку раз в день. В чрезвычайных обстоятельствах, когда любой исход грозил страшными бедами, она не изменяла старым привычкам, занимаясь обычными делами. Она не была героиней, но отличалась постоянством. Она не жаловалась, не плакала и не закатывала сцен, хотя определенно приобрела куда более властные замашки. Ева занималась тем же, чем и всегда: заботилась о Гитлере, стараясь внести женственную легкость и краткие мгновения удовольствия в серое бетонное подземелье. Невозможно преувеличить напряжение, которое она испытывала наряду с другими женщинами, заточенными там, внизу. А ведь большинству из них не было еще и тридцати лет. Преданность фюреру и вера в его обещания привели в тупик — в адскую нору, полную раненых, стонущих, грязных и зачастую пьяных солдат. Там же, плечо к плечу, теснились штабные и помощники Гитлера, военные командиры и их ординарцы, почти полностью лишенные личного пространства, удобств, гигиены, солнечного света, свежего воздуха и движения. Недостаток движения, должно быть, особенно тяжело переносила Ева, привыкшая плавать, гулять и лазить по горам на свежем воздухе, и ее здоровое, молодое тело теряло силы.

Двадцать седьмого апреля бункер погрузился в оцепенение. Гитлер вызвал к себе группенфюрера Германа Фегеляйна, офицера связи войск СС. Фегеляйна и след простыл. Его жена Гретль, сестра Евы, должна была ро-

дить со дня на день. Может, он поехал к ней в Мюнхен? Офицер, отправленный на его поиски, обнаружил Фегеляйна в гражданском облачении в уютной квартире в Шарлоттенбурге, куда он обычно водил своих подружек, оставаясь все тем же ловеласом, что и до женитьбы. Он нежился в постели со своей пламенно-рыжей (или нет?) любовницей-венгеркой (или без нее?), в зависимости от того, чьему рассказу верить. Согласно версии Траудль Юнге, он позвонил оттуда Еве и сказал, что все, кто остался с Гитлером, обречены. Нет, мол, нужды и времени что-то обдумывать, она должна присоединиться к нему и бежать, пока не поздно.

«Ева, ты должна оставить фюрера. Не будь дурой. Это вопрос жизни и смерти!»

Она отвечала: «Герман, где тебя черти носят? Немедленно возвращайся сюда! Фюрер уже спрашивает о тебе, ему надо поговорить с тобой».

Тут связь прервалась.

Ева, чья верность Гитлеру превосходила даже любовь к сестре, отказалась уезжать.

Ханна Рейч представляет события иначе. По ее словам, Фегеляйна схватили на окраине Берлина и, все еще сопротивляющегося, приволокли в бункер. В ночь с 28 на 29 апреля Гитлеру показали отчет агентства«Рейтер», где говорилось, что Гиммлер и его партнер — кичливый, самоуверенный Фегеляйн — ведут переговоры о мире с графом Фольке Бернадоттом, представителем шведского Красного Креста, выполняющим роль посредника между ними и союзниками. (Их предложения были отвергнуты, союзники требовали безоговорочной капитуляции.) Гитлер, конечно, разгневался, но, возможно помня о положении Фегеляйна в семье Браун и долгой,

верной службе Гиммлера, ждал подтверждения первому рапорту.

Двадцать восьмого апреля обреченные узники подземелья услышали по стокгольмскому радио сообщение, подтверждающее слухи, что Гиммлер договаривается с союзниками. Последнее и самое горькое предательство. Гиммлер был одним из первых товарищей Гитлера, участником Пивного путча 1923 года. И вот он — даже он — пополнил ряды изменников. Гитлер бушевал, как раненый зверь, с побагровевшим до неузнаваемости лицом, вне себя от ярости и, как ни странно это прозвучит, горя. Почти вся партийная верхушка терпеть не могла Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС, садиста и министра жестокости, заправлявшего концлагерями и лагерями смерти, но Гитлер упрямо верил, что он лоялен и надежен. В очередной раз жизнь показала, что он ошибается. Его свита, которую он осыпал почестями, оказалась фальшивкой — коварной, лживой, корыстной. Геринг, Фегеляйн, даже Гиммлер... его *fidus Achates*[1], он же *treue Heinrich*... верный Генрих.

Кипя гневом и предвидя возможность нового предательства, Гитлер сделал единственное, что ему оставалось: приказал отдать Фегеляйна под военный трибунал. Тут вмешалась Ева, умоляя пощадить зятя ради ее сестры и их нерожденного ребенка, чтобы тот не появился на свет без отца. Гитлер отказал, и Ева в слезах смиренно ответила: «Ты — фюрер». Фегеляйна держали в бункере под замком. В одиннадцать часов утра 28 апреля, когда соучастие Фегеляйна в попытке заключить мир подтвердилось, его вывели в сад рейхсканцелярии и расстреляли.

В полночь 29 апреля назначенный фельдмаршалом фон Грейм и Ханна Рейч покинули бункер, получив от Гит-

1 Верный Ахат, спутник Энея в «Энеиде» Вергилия.

лера приказ арестовать Гиммлера. Они добрались благополучно, Ханне даже удалось отправить прощальное письмо Магды ее двадцатичетырехлетнему сыну Харальду, находящемуся в британском лагере для военнопленных, и проследить, чтобы оно дошло по назначению.

Двадцать девятого апреля генерал Кребс приказал майору фон Лорингховену и двум другим офицерам бежать из Берлина и присоединиться к войскам Венка, все еще тщетно пытающимся освободить город. Они пошли к Гитлеру отдать свои пропуска на подпись и попрощаться. «Гитлер был очень спокоен. На какое-то мгновение мне почудилась нотка зависти в его голосе. Мы были молоды, здоровы и имели шанс выжить. Он же был обречен», — вспоминал фон Лорингховен.

В тот же день пришло известие, что русские нападут на рейхсканцелярию следующим утром, а сейчас тысячи солдат уже приближаются к Потсдамской площади. Возмездие надвигалось не мерным шагом, но под дробь выстрелов, грохот снарядов, пригибаясь за баррикадами, пробиваясь через изуродованные разломы, бывшие прежде улицами, подавляя сопротивление жалких остатков вермахта, детей и стариков из народного ополчения, бросавшихся на защиту своего фюрера и преподанного им учения. Гитлер потерпел поражение в своем стремлении завещать Европе режим, основанный на расовом превосходстве, не сумел растоптать коммунистические орды на Востоке, не смог извести евреев и прочих «дефективных», нежелательных, тех, кого определил «непригодными к жизни»: католиков, цыган, гомосексуалистов, а также инвалидов или, хуже того, умственно неполноценных. Третьему рейху не подобало тратить впустую ресурсы, которые можно пустить на воспитание арийского потомства, или пятнать свои чистые гены. Безумие одного разрослось в безумие нации, почти целого континента, но теперь стремительно иссякало.

За двенадцать лет существования Третьего рейха многие немцы сохранили в глубине души понятия чести, порядка и патриотизма по отношению к тому, что фон Штауффенберг и его последователи называли «Тайной Германией». Некоторые мужественно сопротивлялись нацистам – но недостаточно. Куда больше народу обольстил фюрер. Им его мечта казалась не только выполнимой, но правильной. Исходом стало поражение, с которым они сейчас столкнулись. Война унесла жизни 13,6 миллиона русских солдат, 3,25 миллиона немецких, полумиллиона англичан и граждан Британского Содружества, почти 300 тысяч американцев и 120 тысяч польских бойцов. По каждому из них кто-то рыдал и носил траур.

Лишь один свободный выбор остался Гитлеру: выбор времени и способа смерти для себя и своих верных сподвижников. Ничто не могло быть хуже мстительного надругательства, которому русские подвергли бы его мертвое тело. Гитлер ненавидел раздеваться прилюдно и ужасался при мысли, что мир станет насмехаться над его бледной, дряблой плотью. 28 апреля трупы Муссолини и его любовницы Клары Петаччи были повешены вниз головой на площади Лорето в Милане и осмеяны ликующей толпой. Лучше уж яд или пистолет, а затем погребальный огонь, который не оставит от него ничего, кроме горстки пепла.

> Вечером 29 апреля [записала санитарка Эрна Флегель] нам сказали, что всех нас сегодня примет Гитлер. В половине одиннадцатого поступило распоряжение приготовиться. Мы пришли к нему в 12.30 [после полуночи]. Около 25–30 человек уже собрались там... секретарши, уборщицы и несколько чужаков, укрывшихся в бункере. Все они стояли в ряд. Гитлеру представили тех, кого он не знал, и он пожал всем руки, проходя вдоль строя. «Каждый из вас, – сказал

Гитлер, — должен стоять на своем месте и, если судьба того потребует, там и пасть!» Мне почудилось, что для него мы представляли форум немецкого народа, к которому он обращается за неимением более широкой аудитории. <...> Всем нам стало ясно, что это прощание, и оно до глубины души взволновало нас, ибо никто, разумеется, не надеялся уже выбраться из этого ада живым.

Гитлер решил, что, как только советские войска достигнут садов рейхсканцелярии, начнется массовое самоубийство обитателей бункера. Теперь уже мгновение было неотвратимо. Смех сквозь слезы: он назначил новое правительство, утвердив кандидатуру Геббельса на пост канцлера. 28 апреля он созвал своих немногочисленных соратников и объявил им, что собирается покончить с собой. Он всегда был одержим самоубийством, и вот оно стало последним испытанием на верность. Завершив речь, он раздал капсулы с цианистым калием, как конфеты, будто испытывая мрачное удовлетворение от того, что столь многие, кто разделял с ним жизнь, последуют за ним и в смерти. (Капсулу Ханны впоследствии изучал следователь, ведший ее допрос. Это был маленький латунный цилиндр с откручивающейся крышкой, внутри которого находилась крошечная, хрупкая стеклянная ампула, содержащая около половины чайной ложки темно-коричневой жидкости.) Фюрер объяснил, как принимать яд: раскусить зубами ампулу и быстро проглотить содержимое. (А как же стеклянные осколки? Смерть будет мгновенной, вы ничего не успеете почувствовать.) Они слушали как завороженные. В последние часы Рейха хватка Гитлера не ослабла. Все присутствующие исполнились решимости разделить его судьбу, вкусив отравленное угощение из его рук.

Позже он сказал своим секретарям и Еве, что лучший способ умереть — это выстрелить себе в рот. Как и следова-

ло ожидать, Ева сказала, что не может приставить пистолет к своей голове — она хочет быть красивым трупом. Она предпочла бы яд.

«Интересно, это очень больно? Я так боюсь долго мучиться. Я готова героически умереть, но хочу, чтобы это хотя бы произошло безболезненно».

Услышав ее заявление, Траудль и фрау Кристиан тоже попросили цианистого калия, и Гитлер выдал им по капсуле, извиняясь, что не может преподнести лучшего прощального подарка.

Выдержка не подвела Еву. Гитлер наконец-то понял, кто из его свиты верен ему по-настоящему. Всего несколько храбрецов, как Гюнше и Хайнц Линге, его личные камердинеры, да женщины, в первую очередь — Ева. Пришла пора удостоить ее публичного признания, прописав ее имя рядом со своим в анналах истории. Они намеревались умереть вместе. Почему бы не сделать это как муж и жена?

Потом несколько женщин удалились в комнату Евы. Траудль Юнге вспоминает:

Ева сказала мне и фрау Кристиан: «Держу пари, вы снова будете рыдать сегодня вечером».

Мы в ужасе воззрились на нее: «Что, так скоро?»

«Нет, нет, это другое. Мы будем взволнованы происходящим, но пока что я не могу сказать вам больше».

Тридцатого апреля несколько адъютантов Гитлера, в том числе Николаус фон Белов, покинули бункер.

На протяжении этих апокалиптических дней доброта и внимательность Евы оставались неизменными, хотя подчас удивительно непрактичными. 30 апреля она пригла-

сила Траудль Юнге к себе в гардеробную, открыла шкаф и вытащила роскошное манто из лисьего меха: одеяние кинозвезды, достойное ее мечты о карьере в кино. Она сунула его в руки Траудль. «Возьмите себе, — сказала Ева. — И носите с удовольствием».

В популярной немецкой песенке, часто звучавшей по радио, чтобы поднять боевой дух солдат и подбодрить их семьи, были такие слова: «*Es geht alles vorüber, es geht alles vorbei, / Nach jedem Dezember kommt wieder ein Mai*». «Все перемелется, не унывай. / За декабрем вновь приходит май». Для Евы май не наступит.

Глава 29

Фрау Гитлер на тридцать шесть часов

Бункер окончательно выпал из реальности — бетонный ад, населенный зомби. Наверху содрогалась земля, внизу всякий помнил о смерти. Воображение не выдерживало картин неотвратимой участи, которой никто не сумел предвидеть. Но даже в чрезвычайных обстоятельствах простые человеческие чувства то и дело просыпались в обитателях бункера. Ночью 27 апреля состоялась скромная свадьба, как пролог к грядущему, куда более величественному и краткому, бракосочетанию. Церемония проводилась в некогда роскошном зале изуродованной бомбами рейхсканцелярии с разваливающимися на глазах стенами и настороженно глядящими во тьму окнами. Траудль Юнге описывала свадьбу:

> Одна из кухарок выходила за своего милого, водителя моторизованного эскорта. Храбрец даже ухитрился проехать по разрушенным улицам Берлина за матерью и родными невесты, чтобы они посмотрели, как их девочка выходит замуж. Муниципальный чиновник произнес речь, но когда новобрачные соединили руки, стены затряслись и окна задребезжали так, что торжественных слов никто толком не услышал. Все поздравили молодую пару и вернулись в бункер смерти.

Когда с формальностями было покончено, гости отпраздновали событие. Один играл на губной гармонике,

другой на скрипке, и новобрачные танцевали народные танцы своих родных деревень. Неизвестно, удалось ли молодым бежать из Берлина, прожить обычную жизнь вдвоем, завести детей и кануть в благословенное забвение.

Ева Браун знала, что у нее на подобный исход надежды нет. Прожив в неизвестности большую часть жизни, она, как по волшебству, возникла в кругу Гитлера под самый конец. Двенадцать лет ее имя не упоминалось, теперь же вдруг она сделалась вездесущей. О последних двух месяцах ее жизни известно больше, чем о предыдущих тридцати трех годах. Те, кто пережил падение бункера, расхваливали или очерняли ее в беседах с журналистами и историками, и в результате ее предсмертные дни можно восстановить буквально по часам.

Около полуночи с 28 на 29 апреля Гитлер уединился с Траудль Юнге, чтобы продиктовать свои завещания, личное и политическое. Траудль ясно помнила эпизод: «Как вы, моя дорогая? — спросил он меня. — Вы хоть немного отдохнули? Я хотел бы продиктовать вам кое-что. Сможете, как по-вашему?»

Она поняла, что именно он собрался диктовать, только увидев заголовок «Мое завещание». Оно начиналось неуклюжими словами:

> Поскольку я не считал возможным брать на себя такую ответственность, как вступление в брак, в годы войны, то решил теперь, перед окончанием земной жизни, жениться на женщине, которая после долгих лет верной дружбы добровольно прибыла в осажденный город, чтобы разделить мою участь. Она умрет со мной в качестве моей супруги, согласно ее пожеланию.

Подбор слов словно рассчитан освободить его от всякой ответственности за сочетание браком, в соответствии с ра-

нее выражаемыми им взглядами, и даже на этом этапе он не смог назвать их совместные годы иначе как «дружбой». Завещание оканчивалось словами: «Я и моя жена решили предпочесть смерть, дабы избежать позора вынужденной капитуляции. Мы желаем, чтобы нас кремировали незамедлительно на том самом месте, где я трудился большую часть времени в течение двенадцати лет, служа моему народу». Неразборчивыми каракулями он нацарапал свою подпись.

Затем Гитлер продиктовал политическое завещание, куда более пространный и бессвязный документ, оставив фрейлейн Юнге перепечатывать все это. (За этим заданием она просидела почти до шести часов утра, набивая нужное количество копий.) «Я печатала со всей скоростью, на какую только была способна, — говорила она. — Пальцы мои работали механически, и я сама удивилась, что сделала так мало опечаток». Через много лет она описывала свою реакцию на текст, который печатала в ту ночь:

> Мне подумалось, что я стану первым человеком на земле, кто узнает, отчего же все это произошло. Он скажет что-то такое, что все объяснит, научит нас чему-то, оставит нас с чем-то. Но потом, по мере того, как он диктовал, боже мой, этот длиннющий список министров, которых он так абсурдно назначал в свое правительство [в списке почему-то не было имени Альберта Шпеера], я подумала — да, *именно тогда я подумала: как же это все недостойно.* Всего лишь те же самые фразы, тем же тихим голосом, а затем, в самом конце, такие ужасные слова о евреях. После стольких терзаний и мучений — ни слова сожаления, ни слова сострадания. Я помню, как подумала, что он оставил нас ни с чем. Ни с чем.

Последнее слово Гитлера, обращенное к своей стране и миру, исполненное пафоса и разочарования, на-

сквозь проникнутое расовым фанатизмом, завершается так: «Прежде всего, я поручаю правительству и народу беспрекословно соблюдать законы расы и безжалостно противостоять чуме человеческой — международному еврейству». Документ подписан и датирован: 29 апреля 1945, 4.00 утра. Тайна остается тайной: как он одурачил десятки миллионов немцев настолько, что они попустительствовали немыслимому истреблению миллионов евреев?

Четыре копии завещания были вручены последнему армейскому адъютанту Гитлера майору Йоханмайеру и главе его пресс-службы Лоренцу. Им было поручено доставить документы в Мюнхен, чтобы сохранить их для грядущих поколений. На этом его труд был окончен — не завершен, но окончен. Гитлер не мог долее медлить. Пришла пора жениться.

Свадьба фрейлейн Браун и Адольфа Гитлера состоялась в бункере, в тесной комнате с картами, на заре 29 апреля 1945 года, поскольку все они бодрствовали в ночные часы. Проблему поисков должностного лица, уполномоченного официально зарегистрировать брак, решил Геббельс. Будучи гауляйтером Берлина, он знал одного чиновника-регистратора, сражавшегося в рядах обескровленного народного ополчения. Вальтер Вагнер, член городского совета, был срочно вызван для проведения гражданской церемонии. По приезде он предстал перед лицом фюрера. Не того фюрера, которого он знал — вождя, перед кем склонялась Германия и половина Европы, — но согбенного, хрупкого человечка с дрожащими руками и седеющими волосами. Все в нем как будто уменьшилось, даже голос его, казалось, потерял прежнюю силу. Рука об руку с ним стояла, обворожительно улыбаясь, незнакомая Вагнеру красивая женщина в элегантном темно-синем платье, расшитом блестками, и черных замшевых туфлях от Ферра-

гамо. Что это: какой-то заговор, инсценировка, прелюдия к побегу? Вальтер Вагнер, должно быть, нервничал и ужасно смущался.

Документ американской разведки, дословно воспроизводящий процедуру бракосочетания, представляет действо так, будто участники исполняли трио или же читали что-то из Сэмюэла Беккета. Краткие реплики чередуются на лицевой и оборотной стороне листа. Начало таково:

В присутствии Вальтера Вагнера, члена городского совета, исполняющего обязанности регистратора для проведения процедуры бракосочетания:

1. Адольф Гитлер, род. 20 апреля в Браунау, проживающий в Берлине, рейхсканцелярия [Гитлер оставил пустыми графы для имен родителей]
2. Фрейлейн Ева Браун, род. 6 февраля 1912 г. в Мюнхене, фактический адрес: Вассербургерштрассе, д. 8, проживающая по адресу Вассербургерштрассе, д. 12 [путаница с номерами домов?]
   Отец: Фридрих БРАУН
   Мать: Франциска БРАУН, урожденная [опечатка] ДРОНБУРГЕР
3. Свидетель: рейхсминистр доктор Йозеф ГЕББЕЛЬС
   род. 26 октября 1897 г. в Рейдте, проживающий в Берлине по адресу: ул. Германа Геринга, д. 20
4. Свидетель: рейхслейтер Мартин БОРМАН
   род. 17 июня 1900 г. в Хальберштадте, проживающий в Оберзальцберге

Лица, означенные под пунктом 1 и пунктом 2, утверждают, что являются чистокровными арийцами и не имеют наследственных заболеваний, препятствующих вступлению в брак. С учетом военного положения и чрезвычайных об-

стоятельств, они подают прошение о заключении брака по особому законодательству военного времени. Они также просят оповестить о предстоящем браке устно и обойтись без сопутствующих формальностей.
Признано действительным и соответствующим закону.

«Теперь, — говорит Вагнер нетвердым голосом, – я перехожу к церемонии бракосочетания. В присутствии свидетелей, означенных под пунктом 3 и пунктом 4, я спрашиваю вас, мой фюрер, Адольф Гитлер, согласны ли вы взять в жены фрейлейн Еву Браун? Если согласны, отвечайте «Да».

[Пустая графа для ответа Гитлера]
Теперь я спрашиваю вас, фрейлейн Ева Браун, согласны ли вы взять в мужья нашего фюрера, Адольфа Гитлера? Если согласны, отвечайте «Да».

После подтверждения новобрачными своих намерений я объявляю брак зарегистрированным».
Берлин, 29 апреля 1945 г.

Прочли и подписали

1. Муж	Адольф Гитлер
2. Жена	Ева —

[Она начала писать фамилию с буквы «Б», затем зачеркнула и подписалась] — Ева Гитлер, урожденная Браун

3. Свидетель 1	Йозеф Геббельс
4. Свидетель 2	Мартин Борман

Подписал Ваагнер [от волнения чиновник сделал ошибку в собственной фамилии] в качестве регистратора.

Вот и вся свадебная церемония Евы. Ни ликующих родных, ни умиротворенных наконец родителей, ни друзей, ни цветов, ни музыки. И не тот Вагнер.

Несколько человек собрались на краткий прием, и, несмотря на поздний час (3.30 ночи), шампанское вновь полилось рекой. Гитлер потягивал «Токаи» из маленького стаканчика.

Вот и все. Далеко не романтическая свадьба, о какой она мечтала, однако множество мелких деталей подводят итоги прошедших пятнадцати лет. Стыд Гитлера за своих родителей, которых он даже не упомянул. Его неизменная скрытность в отношении ущербной наследственности — он объявил себя годным к браку («не имеющим наследственных заболеваний»), прекрасно зная, что, согласно строгим нацистским законам, это неправда. Два его вездесущих злых гения Геббельс и Борман в роли свидетелей, хотя оба не переносили Еву и считали «свадьбу» фарсом. Абсурдно тщательное соблюдение процедуры гражданского бракосочетания, заставившее фюрера подать запрос об «устном оповещении о предстоящем браке» — вместо чего? Плакатов с именами новобрачных на берлинском здании муниципалитета? Эта попытка строго придерживаться протокола и приглашение для оформления брака уполномоченного должностного лица типичны для нацистской скрупулезной приверженности формальностям, даже в самых странных и страшных обстоятельствах. И наконец, трогательная ошибка невесты при написании своего имени. В спешке, по привычке, от нервов или, может быть, от радости, что сбылась заветная мечта ее жизни, она начала писать «Ева *Браун*», поняла свою ошибку, зачеркнула «Б» и заменила на фамилию «Гитлер».

Он признал в конце концов ее достоинства и преданность. В течение тридцати шести часов она испытывала несказанное наслаждение оттого, что все к ней обраща-

лись «фрау Гитлер». (За исключением супруга, который, по словам некоторых очевидцев, продолжал называть ее «фрейлейн Браун».)

Траудль Юнге помнит конец в мельчайших деталях. В ночь свадьбы все ушли спать поздно – Гитлер только в пять утра, а сама Траудль задержалась еще на час. Проснулись они позже обычного, несмотря на грохот и вой артиллерийских снарядов над головой. Утро прошло в напряжении и мелких повседневных хлопотах. Около трех часов пополудни 30 апреля, рассказывает Траудль:

> Мы пообедали с Гитлером. Потом я вышла покурить, но тут на пороге возник Линге и сообщил: «Фюрер желает проститься».
>
> Он вышел из своей комнаты, сгорбившись еще сильнее, чем прежде, и пожал руку каждому из нас. Я почувствовала тепло его руки, но взгляд его ничего не выражал. Казалось, он уже далеко. Он сказал что-то, но я не разобрала слов. Настал момент, которого все мы ожидали, и я словно онемела и едва могла уследить за происходящим. Только когда Ева Браун подошла ко мне, чары рассеялись. Она улыбнулась и обняла меня.
>
> «Пожалуйста, постарайтесь выбраться отсюда, вам, может быть, еще удастся прорваться. И если сможете, передайте от меня поклон Баварии», – сказала она с улыбкой, но с едва сдерживаемым рыданием в голосе.
>
> Она надела любимое платье фюрера, черное с аппликациями из роз, вымыла голову и красиво уложила волосы.

Вдвоем они удалились в маленькую гостиную и закрыли за собой тяжелую дверь. Ветераны старой гвардии – Геббельс, Борман, Аксман, посол Хевель, Отто Гюнше, Хайнц Линге, денщик Гитлера, и Эрих Кемпка, его шофер, –

столпились в коридоре и ждали. Женщины держались на расстоянии, закрывшись в своих комнатах. Траудль Юнге ускользнула, чтобы поиграть с детишками Геббельс, отвлечь их. Магда, все еще не вставшая с постели, не могла смотреть на них без слез.

Герр и фрау Гитлер уселись бок о бок на диван в своих любимых позах. Она — по правую руку от него, поджав под себя ноги, чтобы теснее к нему прижаться. Так она любила сидеть в Бергхофе, свернувшись калачиком в глубоком кресле, с собаками, насторожившимися у ее ног. Никто по ту сторону двери не мог слышать, о чем они говорили в те последние минуты. Дверь полностью заглушала звуки. Они не слышали ни рыданий, ни криков, ни мольбы, ни молитвы, ни даже предсмертного вопля, которого втайне ожидали. Собственное тяжелое дыхание оглушало их, острый запах пота раздражал ноздри, пока они толпились в бесконечном ожидании. Долгая тишина, нарушаемая только жужжанием дизельного вентилятора. Кто-то потихоньку поглядывал на часы. Пять минут, шесть...

Наедине Ева и Адольф, должно быть, как у них повелось, обменивались банальностями.

Внезапно раздался торопливый топот ног. Все обернулись, вздрогнув. По коридору неуклюже бежала Магда Геббельс, растрепанная, с вытаращенными глазами — куда делась ее ледяная сдержанность? Она остановилась и забарабанила кулаками в закрытую дверь. Отто Гюнше, охранявший вход, пытался удержать ее, но она оттолкнула его. Дверь распахнулась, и она ворвалась в комнату с невнятным бормотанием...

Гитлер привстал с дивана и указал ей на дверь: «Вон!»

Фрау Геббельс пыталась выдавить из себя какие-то торопливые слова...

«Вон!!!» — закричал он.

Магда попятилась, вздрагивая и всхлипывая, локтями растолкала плотный полукруг возле двери и, спотыкаясь, побрела обратно по коридору. В звенящей тишине еще долго слышались ее шаги. Дверь к Гитлеру захлопнула невидимая рука.

В комнате, где царило напряжение, как в камере смертников, Ева наверняка хотела знать — чтобы утешить и себя и его: «Ты веришь в Господа, Ади? Ты раньше верил».

И некогда всемогущий Гитлер, быть может, горько ответил: «Это Господь не верит в меня».

Тогда она, наверное, сказала в тысячный, стотысячный раз: «Я люблю тебя».

В роковые мгновения ее дыхание участилось. Чтобы успокоиться, она поднесла руку к пульсирующей жилке на шее, потом развела пальцы, любуясь новеньким обручальным кольцом. Им не хватило времени выгравировать на нем ее инициалы и дату. Она могла бы сделать это позже, когда кошмар останется позади. Только, разумеется, никакого «позже» у них не будет.

Сохранила ли она твердость духа до конца или же спросила: «Это очень больно?»

Оказал ли он ей последнюю любезность, ответив: «Нет»?

Возможно, не желая, чтобы он хоть на миг усомнился в ее готовности умереть, она добавила: «Мне не страшно, правда».

Подслушивающие по ту сторону двери ждали, почти с нетерпением. Десять минут уже прошло, а то и больше, и все еще ничего. Половина четвертого.

Ева не могла не попросить последнего поцелуя, доверчиво приблизив лицо к его посеревшим губам. Они были сухи, прикосновение кратко. Наконец она разжала пальцы другой руки и вытащила крошечную стеклянную ампулу из медного цилиндра. Сердце ее колотилось, словно каким-то образом этот глухонемой орган знал, что конец неминуем,

и бился изо всех сил, чтобы оттянуть его. Что бы ни решил ее разум, молодое и сильное тело жаждало жизни.

Смерть казалась почти безболезненной. Она заняла меньше минуты. Ева разгрызла тонкое стекло, дыхание участилось — хриплый стон, — замедлилось, остановилось. Ее голова безвольно упала ему на плечо. Когда она совсем затихла, Гитлер пристроил ампулу между зубов, сунул в рот дуло своего «вальтера» 7.65, сомкнул челюсти и выстрелил. Оглушительный выстрел разнесся по всему бункеру.

Харальд Геббельс, играющий с Траудль и сестрами в одном из соседних отсеков, поднял голову и радостно сказал: «В яблочко!»

Линге и Борман подождали еще десять минут, прежде чем распахнуть тяжелую дверь. В воздухе висел запах горького миндаля. Тело Гитлера лежало в углу дивана, из раны сочилась кровь. Кровь залила его мундир, кровь заляпала стену позади него, кровь стекала по дивану, и на полу образовалась лужа сворачивающейся крови. Пистолет валялся у его ног. Лицо Евы было спокойно, губы посинели. Она все еще сидела, поджав ноги, уронив голову на его бездыханное тело. Маленький медный цилиндр, в котором хранился яд, скатился с ее колен на пол. Для всего мира он выглядел как тюбик от губной помады.

Эпилог

Сразу же после самоубийства Гитлера и его жены, прежде чем их тела остыли и окоченели, адъютант Гитлера Отто Гюнше и его денщик Хайнц Линге подняли их с дивана с помощью Бормана, который на руках донес мертвую Еву Браун до подножия лестницы, где передал Эриху Кемпке. Тот поднялся с ней на двадцать пять ступенек до самой поверхности. Оттуда Гюнше перенес ее в сад. Фюрера завернули в одеяло, чтобы прикрыть его разнесенный череп. Еву не стали заворачивать, ее лицо и тело были совершенно узнаваемы. В нескольких футах от пожарного выхода из бункера находилась неглубокая воронка. Туда их и положили бок о бок. Отто Гюнше вылил на трупы несколько галлонов бензина и принялся бросать спички, но они никак не загорались. Тогда Линге смастерил бумажный факел, и огромный столп огня поднялся над телами, судорожно поглощая их. Местность беспрестанно бомбили, советские снаряды падали в сад, и участникам «погребальной церемонии» угрожала смертельная опасность. Торопливо гаркнув напоследок «Зиг хайль!» и постояв несколько секунд, они спустились обратно в бункер. Один Гюнше возвращался в течение следующего получаса, чтобы подлить бензина в пламя, пока тела не почернели и не обуглились до неузнаваемости, хотя и не сгорели целиком. Итого: весьма скромная «Гибель богов».

Впоследствии русские нашли останки, завернули их в простыни, упаковали в деревянные ящики и отправили

в штаб контрразведки 3-й ударной армии. Оттуда их перевезли в полевой госпиталь, где через три дня произвели вскрытие. Тела идентифицировали на основании зубных протезов Гитлера и стоматологических данных, предоставленных помощником его зубного врача. Заключение было положительным и однозначным: это, бесспорно, тела Гитлера и женщины, известной под именем Евы Браун. Сей вывод, однако, до сих пор оспаривается — по большей части фанатичными неонацистами. Доживи Адольф Гитлер до сегодняшнего дня, ему исполнилось бы сто семнадцать лет, Еве — девяносто четыре.

Вечером следующего дня Магда Геббельс отравила цианистым калием своих детей, после чего Йозеф Геббельс застрелил жену, а затем застрелился сам. Всех восьмерых похоронили в наспех вырытой могиле. Блонди, которой тоже затолкали в пасть капсулу с цианидом, закопали рядом, ее труп остался почти неповрежденным. 5 мая бренные останки десяти человек — Гитлера, Евы и семьи Геббельс, чьи тела только слегка обгорели и легко поддавались опознанию, — были обнаружены солдатом Красной Армии.

Пятьдесят лет спустя объявился новый свидетель. Елена Ржевская, молоденькая переводчица русской военной разведки, утверждает, что 8 мая 1945 года, когда Германия наконец капитулировала, ей вручили маленькую, обтянутую атласом коробочку. Внутри находилась челюсть Адольфа Гитлера, вырванная из его черепа русским патологоанатомом несколькими часами ранее. На ней все еще держались кусочки плоти. Помощник бывшего зубного врача фюрера подтвердил, что челюсть соответствует стоматологическим данным Гитлера. Ржевская хранила коробочку по приказу полковника Василия Горбушина, главы небольшого секретного подразделения советских войск, получившего задание идентифицировать тело Гитлера

в целях пресечения слухов о том, что он и его жена Ева остались в живых и бежали из Берлина. Коробочка в конце концов попала в Москву, где челюсть и находится по сей день.

Следователь Американского разведывательного корпуса, командир бригады 970-45, некий Роберт А. Гутьеррес установил, что личное имущество Евы доверено двум бывшим подчиненным Фегеляйна. Один из них, оберфюрер СС Вильгельм Шпациль из Службы безопасности Рейха, переправил ее вещи из Берлина в Австрию. Там они были переданы капитану СС Францу Конраду, которого агенты разведки США взяли в плен и допросили 21 августа 1945 года в австрийском городе Кирхберг. Дневник и фотоальбомы Евы обнаружились в доме матери Конрада в Шладминге 24 августа 1945 года. Они окончили свой путь в Национальном управлении архивов и документации США (Колледж-Парк, Мэриленд). Дальнейшая история чемоданов с остальными ее личными бумагами представляет собой запутанную цепь событий, связанных с именами давно умерших людей. Какова бы ни была правда, с достаточной долей уверенности можно заключить, что любовная переписка Евы Браун и Адольфа Гитлера никогда не увидит свет, как и надеялась Ева.

Пятого мая 1945 года в больнице Гармиш-Партенкирхена Гретль Фегеляйн родила дочку Еву, которую в семье звали «маленькой Евой», единственную внучку Фритца и Фанни Браун. Впоследствии Гретль вышла замуж за предпринимателя по имени Курт Берлингхофф. 28 июня 1971 года «маленькая» Ева (в возрасте двадцати семи лет) покончила с собой, отравившись токсическим веществом Е605, используемым в качестве гербицида и средства от насекомых. Причиной послужила авария, в которой погиб ее возлюбленный. Он сидел за рулем ее нового автомобиля «фольксваген карман-гиа», когда

машина столкнулась с грузовиком неподалеку от озера Гарда. После войны Гретль Браун не общалась с кузиной Гертрауд, дядей Алоисом [Винбауэром] и другим кузеном Вилли. В семидесятых, когда Гертрауд снова разыскала ее, у Гретль уже развилась болезнь Альцгеймера, от которой она и умерла в 1987 году в возрасте семидесяти трех лет.

Вскоре после развода с Гофштеттером в 1941 году Ильзе Браун снова вышла замуж, и снова за адвоката, доктора юридических наук Фуке-Михельса, и уехала с ним в Бреслау. После войны они вели неприметную жизнь в Гейдельберге, на улице Клингентайхвег в доме №21, но и этот брак не сложился, и детей у них не было. Ильзе бросила его и вернулась в Мюнхен оформлять второй развод. Там она и умерла от рака в семьдесят лет, в 1979 году. Ильзе похоронена в Мюнхене на кладбище Вальдфридхоф, на одном участке со своей сестрой Гретль Берлингхофф и племянницей Евой Фегеляйн. Фамилии Браун на могильной плите нет.

Еще до окончания войны Франциска и Фридрих (Фанни и Фритц) Браун, спасаясь от градом осыпающих Мюнхен бомб, купили домик в деревне Рупольдинг под Химгау по адресу: Визенштрассе, №13. В мае 1945 года американцы арестовали их для допроса, но быстро освободили, как только стало ясно, что они ничего не могут поведать о Гитлере и не извлекали особенной выгоды от общения с ним. Они так и жили в Рупольдинге еще много лет не в последнюю очередь потому, что местные жители в большинстве своем поддерживали их. Фритц Браун на всех допросах заявлял о своей твердой уверенности в том, что Ева умерла вместе с фюрером. До конца пятидесятых «Фритц часто возвращался в долину Альтмюля удить форель в Байльнгрисе и Бибербахе или ловить бабочек в Киндинге», как сообщал местный врач Вольфганг Бранд. Фритц Браун скончался в 1964 году в возрас-

те восьмидесяти пяти лет, а Фанни – в 1976 году, дожив до девяносто одного года. Они погребены рядышком на кладбище подле желтой барочной церкви Святого Георгия, над мирной баварской деревушкой, где провели последние годы жизни.

Отец Гертрауд Вейскер, дипломированный инженер завода «Цейс» в Йене, был арестован русскими ближе к концу войны и переправлен в Советский Союз. Потом до ее матери дошла весть, что он умер в марте 1946 года от истощения. По другой версии, его казнили в СССР за сотрудничество с американцами. Через много лет после войны в ответ на запрос его дочери Красный Крест подтвердил, что он действительно состоял в рядах Сопротивления. У фрау Вейскер и ее дочери конфисковали дом, и Гертрауд рассказывает, что в течение двух лет после войны она путешествовала с рюкзаком по заброшенным землям своей страны. Однажды она чуть не обручилась, но, выяснив, кто она такая, ее суженый передумал, не желая иметь детей, связанных, пусть и косвенно, родственными узами с Адольфом Гитлером. Когда Гертрауд в 1948 году познакомилась со своим будущим мужем, он согласился жениться на ней только при условии, что она сохранит в тайне свою родословную. Она молчала более сорока лет, и их дети узнали правду только после смерти отца в 1986 году. Долгие годы она переводила патенты для оптической компании «Цейс» в Йене и по сей день превосходно говорит по-английски. О ее родстве с Евой Браун общественности стало известно только в конце девяностых, после того как Гертрауд наконец нарушила обет молчания и рассказала все своим детям, к тому времени давно взрослым. Она объясняет этот поступок желанием восстановить доброе имя любимой кузины. С тех пор она старается реабилитировать Еву, хотя порой глядит на нее сквозь розовые очки.

Алоис Винбауэр, дядя Евы и автор мемуаров о семье Браун, стал преуспевающим журналистом и умер в октябре 1983 года в возрасте восьмидесяти семи лет.

Траудль Юнге попала в плен при попытке бежать из Берлина – без серого лисьего манто. «Что мне с ним было делать? Мне ничего не нужно было, кроме пистолета и яда... Я не взяла с собой ни денег, ни еды, ни одежды – только много сигарет и пару фотографий, с которыми не могла расстаться». Русские продержали ее в тюрьме шесть месяцев. Впоследствии она занялась журналистикой, работала в журнале *Quick*, затем стала свободным писателем. В 1947–1948 годах она составила воспоминания о двух с половиной годах на службе у Гитлера, основываясь на записях, сделанных ею за время их сотрудничества. Но вышли они только в 2002 году в виде книги *Bis Zur Letzten Stunde* («До смертного часа»). В 1972 году она дала пространное интервью для документального фильма *The World at War*. Позже выдержки из ее комментариев составили получасовую серию под названием «Секретарша Гитлера» в документальном сериале Джерри Кюля. Адъютант Гитлера Ганс Юнге, за которого она вышла замуж в 1943 году, погиб во время нападения британской авиации на Нормандию. Траудль больше не выходила замуж.

Шпеера американцы нашли в Глюксбурге, замке герцога Мекленбургского и Гольштейнского, в нескольких милях от Фленсбурга, рядом с датской границей, где недолговечное правительство Деница обосновало свой генеральный штаб. Первый его допрос проходил в начале мая 1945 года, всего через несколько дней после самоубийства Гитлера. На Нюрнбергском процессе он избежал смертного приговора, вынесенного многим его соратникам-нацистам, но следующие двадцать лет провел в тюрьме Шпандау, где занимался садоводством, писал письма и делал бесчисленные заметки для своих будущих мемуаров

«Третий рейх изнутри». В полночь первого октября 1966 года его выпустили из Шпандау и препоручили заботам верной жены Маргрет и их шестерых уже взрослых детей. Остаток жизни он провел в попытках самореабилитации: писал книги, давал интервью. Умер он в 1981 году в лондонском отеле *Waldorf* от инфаркта — по слухам, в объятиях молодой любовницы-англичанки.

Геринг, бежавший из Берлина в Оберзальцберг, был взят в плен 27 апреля вместе со своими подчиненными и отправлен в Нюрнберг, где военный трибунал приговорил его к смертной казни. Он избежал виселицы, проглотив припрятанную капсулу с цианидом 15 октября 1945 года. Гиммлер после ареста тоже принял яд и умер 23 мая 1945 года, так что его не успели привлечь к суду. Борман покинул бункер после самоубийства Гитлера, добрался по подземным тоннелям метро до станции «Фридрихштрассе» и исчез навсегда. Возможно, он был убит во время побега артиллерийским снарядом, попавшим в танк, на котором он пытался прорваться через русские позиции. На Нюрнбергском процессе ему вынесли смертный приговор *in absentia*[1]. В 1972 году его череп случайно нашли рабочие, раскапывавшие руины зданий. Его идентифицировали по стоматологическим данным, а потом еще раз, много лет спустя, на основании анализа ДНК, после чего прах развеяли над морем. Его жена Герда умерла от рака в 1945 году, но все их десять детей остались живы. Старший сын Мартин стал католическим священником. Позже он говорил: «Родителей не выбирают, и избавиться от них невозможно. С этим я ничего не могу поделать. И судить его тоже не могу... Господь ему судья».

Отто Гюнше вместе с главным личным секретарем Гитлера Гердой Кристиан сумели выбраться из разгромлен-

1 Заочно (*лат.*).

ной канцелярии, проделав весь путь до станции «Фридрихштрассе» по тоннелям подземки.

Двадцать пятого апреля 1945 года на Оберзальцберг был совершен воздушный налет, и пока жители в панике прятались по разветвленным подземным тоннелям и тесным бетонным убежищам, британская авиация силами 318 «ланкастеров» и 700 других самолетов разбомбила город, в результате чего многие его строения были сильно повреждены или полностью разрушены. Бергхоф подвергся окончательному уничтожению семь лет спустя, 30 апреля 1952 года, и сегодня от него практически не осталось и следа. Личное имущество Гитлера, весь его капитал, а также дом на Вассербургерштрассе в Мюнхене, подаренный им Еве Браун, передала баварским властям Союзная контрольная комиссия в Германии – организация, в которой мой отец работал в конце сороковых годов.

Библиография

Историческая литература

Air Ministry. The Battle of Britain 8th August – 31st October 1940 (London: HMSO, 19410)

Baigent, Michael, Leigh, Richard. Secret Germany: Claus von Stauffenberg and the Mystical Crusade Against Hitler (London: Jonathan Cape, 1944)

Beevor, Antony. Berlin: The Downfall 1945 (London: Viking, 2002)

Bullock, Alan. Hitler, A Study in Tyranny (London: Odhams, 1952)

Burleigh, Michael. The Third Reich: A New History (London: Macmilaln, 2000)

Dalley, Jan. Diana Mosley: A Life (London: Faber & Faber, 1999)

Evans, Richard J. Telling Lies About Hitler (London: Virago, 2002).

Evans, Richard J. The Coming of the Third Reich (London: Allen Lane, 2003)

Fest, Joachim C. Hitler (London: Weidenfeld & Nicolson, 1974)

Fest, Joachim C. Inside Hitler's Bunker: The Last Days of the Third Reich (London: Macmillan, 2004)

Frank, Johannes. Eva Braun: Ein ungewöhnliches Frauenschicksal in geschichtlich bewegter Zeit (Coburg: Nation Europa Verlag, 1997)

Gilbert, Martin. The Holocaust (London: William Collins, 1986)

Gun, Nerin E. Eva Braun: Hitler's Mistress (New York: Meredith Press, 1968; London: Leslie Frewin, 1969)

Hanfstaengl, Ernst («Putzi»). Unheard Witness (New York: J. Lippincott Company, 1957; republished with a new Appendix, Concord, NH: Gibson Press, 2005)

Haste, Cate. Nazi Women: Hitler's Seduction of a Nation (London: Channel 4 Books, 2001)

Haunder, Milan. Hitler: A Chronology of His Life and Times (New York: The Macmillan Press, 1983)

Hoffmann, Heinrich. Hitler Was My Friend (London: Burke, 1955)

Infield, Glenn. Adolf and Eva: Eva Braun and Adolf Hitler (London: New English Library, 1975)

Junge, Traudl, edited by Melissa Müller. Bis Zur Letzten Stunde (Berlin: Claassen Verlag, 2002)

Kershaw, Ian. Hitler, 1889–1936: Hubris (London: Allen Lane, 1998)

Kershaw, Ian. Hitler, 1936–1945: Nemesis (London: Allen Lane, 2000)

Klabunde, Anja. Magda Goebbels (München: Bertelsmann Verlag, 1999)

Knopp, Guido. Hitler's Women (München: Bertelsmann Verlag, 2000; New York: Routledge, 2003)

Langer, Walter. Inside the Mind of Adolf Hitler (London: Plume Books, 1988)

Large, David Clay. Where Ghosts Walked: Munich's Road to the Third Reich (New York: W. W. Norton and Co., 1997)

Maser, Werner. Hitler. Translated by Peter and Betty Ross (London: Allen Lane, 1973)

Maser, Werner. Hitler's Letters and Notes (London; Heinemann, 1974)

Middlebrook, Martin. The Battle of Hamburg: The Firestorm Raid (London: Allen Lane, 1980)

Moltke, Helmut James von. Letters to Freya, 1939–1945 (London: Collins Harvill, 1991)

Morell, Dr Theodore. The Secret Diaries of Hitler's Doctor (London: Sidgwick & Jackson, 1983; New York: Macmillan, 1983)

Paxton, Robert O. The Anatomy of Fascism (New York: Knopf, 2004)

Plaim, Anna, Kuch, Kurt. Bei Hitlers: Zimmermädchen Annas Erinnerungen (Kleindienst Verlag, 2003)

Pryce-Jones, David. Unity Mitford: A Quest (London: Weidenfeld & Nicolson, 1976)

Read, Anthony. The Devil's Disciples: Hitler's Inner Circle (New York: W. W. Norton and Co., 2003)

Roper, Lyndall. Witch Craze: Terror and Fantasy in Baroque Germany (London: Yale University Press, 2004)

Seaman, Mark. Introduction to Operation Foxley: The British Plot to Kill Hitler (Belfast: The Blackstaff Press in Association with the Public Record Office (PRO), 1998)

Sereny, Gitta. Albert Speer: His Battle with Truth (London: Vintage, 1996)

Sereny, Gitta. The German Trauma (London: Allen Lane, 2000)

Speer, Albert. Inside the Third Reich (London: Weidenfeld & Nicolson, 1970; Phoenix edn, 1995)

Trevor-Roper, Hugh. The Last Days of Hitler (London: Macmillan, 1947)

Trevor-Roper, Hugh. Introduction to English translation of Hitler's Table Talk, 1941–1944 (London: Weidenfeld & Nicolson, 1953)

Wistrich, Robert L. Who's Who in Nazi Germany (London: Weidenfeld & Nicolson, 1982; London: Routledge, 1995)

Художественная литература

В Третьем рейхе разворачивается действие сотен, а то и тысяч романов. Десятки тысяч книг рождались из попыток понять

и объяснить Холокост. Однако до недавнего времени сравнительно мало написано о том, как жили и что чувствовали немецкие обыватели до, в течение и после Второй мировой войны. Вот некоторые из лучших произведений:

Grass, Günter. Im Krebsgang (Gottingen: Steidl Verlag, 2002) [Гюнтер Грасс. Траектория краба / Перевод Б. Хлебникова / М: АСТ, Фолио, 2004]

Knauss, Sibylle. Eva's Cousine (Berlin: Claassen Verlag, 2002)

Ledig, Gert. Vergeltung (Frankfurt: S. Fischer Verlag, 1956)

Mueller, Robert. The World That Summer (London: Sceptre, 1994)

Schlink, Bernhard. The Reader (London: Phoenix House, 1997) [Бернхард Шлинк. Чтец. М.: АСТ, Фолио, 2004]

Sebald, W. G. Austerlitz (London: Penguin, 2002) [В.Г.Зебальд. Аустерлиц. СПб: Азбука-классика, 2006]

Sebald, W. G. The Emigrants (London: Vintage, 2002)

Мемуары, дневники, фото- и видеоматериалы

В первую очередь – двадцать две страницы из личного дневника Евы Браун, написанные в период с февраля по май 1935 года. В настоящий момент они хранятся в Национальном управлении архивов и документации США (NARA, *US National Archives and Records Administration*), в Колледж-парке, Мэриленд.

Там же находятся тридцать три фотоальбома Евы с 1913 по 1944 гг. (*Record Group 242: National Archives Collection of Foreign Records Seized*), и восемь часов ее любительских видеозаписей (*«Eva Braun and Adolf Hitler», «Berchtesgaden», «Germany, pre-World War Two» ARC identifier: 24134 (Still Pictures Moving Images archive department)*.

Anonymous. A Woman of Berlin (London: Virago, 2005). Один из лучших рассказов о том, что происходило в Берлине в течение нескольких недель до и после оккупации города советскими войсками, повествующий о судьбе женщины, попавшей в руки русским солдатам.

Неопубликованные материалы

Eva Braun's Familiengeschichte («История семьи Евы Браун»), написанная лично доктором Алоисом Винбауэром в 1976 году по просьбе его племянницы Гертрауд Вейскер, перепечатавшей рукопись в октябре 1992 года.

Wer War Eva Braun? Bericht von Gertraud Weisker («Кем была Ева Браун? Свидетельство Гертрауд Вейскер»), написано в 1998 г.

Мемуары Вильгельма Шрёдера, дедушки автора, написанные около 1943 года, переведенные на английский язык (и, к сожалению, изрядно отредактированные) матерью автора Дитой Хелпс в 1976 году. Оригинальная немецкая рукопись утеряна.

Архивные материалы

Государственная библиотека Баварии: множество фотографий Евы Браун и ее близких из обширного фотоархива Генриха Гофмана (*Bildarchiv Hoffmann*).

Библиотека Института современной истории, Мюнхен: редкие или неопубликованные материалы о Еве Браун.

Музей Феррагамо, Флоренция: материалы, касающиеся пристрастия Евы Браун к обуви от Феррагамо.

Аукционный дом *Hermann Historica*, Мюнхен: каталоги аукционов, на которых выставлялись предметы, связанные с Гитлером, Евой Браун и Третьим рейхом.

Национальное управление архивов и документации США: послевоенные рапорты и протоколы допросов, составленные служащими войск США.

Коллекция Мусманно (архивариус Пол Демилио), Библиотека Гумберга при Университете Дюкена, Питтсбург, штат Пенсильвания: протоколы допросов, проведенных американским судьей Майклом Мусманно до и после Нюрнбергского процесса. Я использовала материалы допросов следующих членов ближайшего окружения Гитлера:

раздел 1

Артур Аксман
Доктор Карл Брандт
Хуго Блашке (дантист Гитлера)
Герда Кристиан
Маргарет Гиммлер
Эрих Кемпка
Ханна Рейч
Траудль Юнге (только показания о событиях апреля 1945 года)

раздел 2

доктор Теодор Морелль
Юлиус Шауб
Бальдур фон Ширах
Криста Шрёдер
Альберт Шпеер

раздел 3

Николаус фон Белов
Анна Винтер
Иоганна Вольф

Содержание

Введение 7

I. Последние дни невинности
Глава 1. Первая странная и роковая встреча 17
Глава 2. Семья Евы 30
Глава 3. Ева, Гёте, Шуберт и Бэмби 42
Глава 4. Скучные уроки и веселые игры 51
Глава 5. Детство Гитлера 77

II. От Адольфа до фюрера. От школьницы до любовницы
Глава 6. Ева становится фрейлейн Браун, Гитлер становится фюрером 97
Глава 7. Бавария – немецкая идиллия 121
Глава 8. Гели – Гитлер – Ева 133
Глава 9. Умирая от любви к Гитлеру 164
Глава 10. Дневник отчаявшейся женщины 193
Глава 11. Фотоальбомы и домашнее кино 209

III. Фаворитка
Глава 12. Ева уходит из дома 231
Глава 13. Любовница 248
Глава 14. 1936 год – Германия на экране: Олимпийские игры 272

IV. Лучшие годы: праздный Бергхоф
Глава 15. Женщины на «Горе» 287
Глава 16. Три, три, соперницы 300
Глава 17. 1937–1938: Ева в Бергхофе. «Золотая клетка» .. 322
Глава 18. 1938–1939: два последних мирных лета 345

V. Годы войны
Глава 19. 1939 – грядет война 357
Глава 20. В ожидании победы Гитлера 377
Глава 21. Ева, Гретль и Фегеляйн 394

Глава 22. Что Ева могла знать? 408
Глава 23. Что Ева могла сделать? 429
Глава 24. Что сделал Гитлер 452

VI. Кульминация
Глава 25. Февраль 1944 – январь 1945: Ева и Гертрауд в Бергхофе 467
Глава 26. Заговор фон Штауффенберга и его последствия . 490
Глава 27. В бункере 503
Глава 28. Последний рубеж Гитлера 543
Глава 29. Фрау Гитлер на тридцать шесть часов 565

Эпилог 576

Библиография 584

Литературно-художественное издание

Серия «Жизнеописания»

Анжела Ламберт

Загубленная жизнь

ЕВЫ БРАУН

Главный редактор «Издательской Группы Аттикус» С.Пархоменко
Главный редактор издательства «КоЛибри» В.Горностаева
Ответственный за выпуск Г.Дурново
Редактор С.Радченко
Технический редактор Л.Синицына
Компьютерная верстка И.Гортинская
Корректоры О.Иванова, С.Луконина

ООО «Издательская Группа Аттикус» —
обладатель торгового знака «КоЛибри»
119991 г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Подписано в печать 20.09.2007.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 4333.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат".
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34.
Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www. tverpk.ru
Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ:

В Москве: ООО «Издательская Группа Аттикус»
тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-20
e-mail: sales@machaon.net

В Санкт-Петербурге: Филиал «Аттикус СПб»
тел./факс (812) 783-52-84, (812) 335-11-67
E-mail: machaon-spb@machaon.net

В Киеве: Издательство «Махаон – Украина»
тел. (044) 490-99-01, (044) 494-25-37
e-mail: machaon@machaon.kiev.ua

«Для историков будущего Ева Браун станет разочарованием», — сказал архитектор Третьего рейха Альберт Шпеер. Он заблуждался. Ибо эта девушка из добропорядочной семьи была единственным человеком, искренне любившим Адольфа Гитлера. Почти половину своей недолгой жизни Ева Браун провела в его тени, и только последние 36 часов обитатели знаменитого бункера обращались к ней «фрау Гитлер». Она добилась исполнения своей заветной мечты, выйдя за него замуж. Она сдержала свое слово, оставшись с ним до последнего вздоха. Справедливо ли обвинять ее в причастности к ужасам нацистского режима? Пытаясь однозначно ответить на этот вопрос, мы каждый раз забываем, что черного и белого не существует ни в истории личности, ни в истории человечества...

9 785987 200537

Angela Lambert The Lost Life of EVA BRAUN

Анжела Ламберт родилась в 1940 году в английской семье. Ее мать-немка была ровесницей Евы Браун, выросла в похожих условиях, училась по тем же книжкам, любила те же песни и фильмы – словом, была такой же обычной девушкой, как Ева: благовоспитанной, веселой и жизнерадостной. Воспоминания матери, ее характер и привычки помогли писательнице глубоко проникнуть в сущность своей героини, взглянуть на мир ее глазами и создать ее живой, многогранн

интерн
OZ
27733707